

Константин Бояндин



ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Когда просыпаешься с памятью о прошлой жизни, но в совершенно новом и невозможном мире, больше всего хочется проснуться. И когда очень стремишься вернуться в дом, что за тридевять земель, не всегда удаётся осознать, что возвращаться уже и не нужно. Дом там, где тебя ждут и любят. Первая книга дилогии завершена.

Бояндин Константин Юрьевич

Тридевять земель

Часть 1. Айур

День 1. Волчья поляна

Если первая мысль, которая посещает вас по пробуждении, это «Кто я?» — значит, вчерашняя вечеринка удалась на славу.

Артём осознал, что вечеринка действительно удалась. До совершенно свинского состояния он никогда не напивается, но вчера явно был перебор. Основной показатель: часть памяти отсутствует. Обрывочные воспоминания о том, как идёт по парку с весёлой компанией, потом... что потом?

— Где это я? — спросил Артём, поняв, что лежит прямо на траве. Трава! Да такая густая! А воздух какой свежий! Явно не городской, то есть...

Артём вскочил на ноги и заметил, что на нём тот самый костюм, в котором вчера ходил на корпоратив. Причём костюм в отличном состоянии — чистый, и даже не помятый, даром что Артём на траве лежал. Вопрос, как на эту траву попал?

«Вы спите?», всплыла фраза. Кто-то спросил его, задал этот странный вопрос, на который невозможно ответить «да». Ночной парк, кусты, глупые анекдоты — остроумные не придут на притуплённый алкоголем ум. Всё, пора совсем завязывать, с любым алкоголем.

Артём огляделся. Поляна, вокруг деревья — на вид сосны, рослые и матёрые, вон как ветви высоко. А вокруг — чего только не бывает — кем-то подстриженная живая изгородь. Семь кустов, очень похожих на волков. Причём все волки смотрят на человека, стоящего посередине. Не очень приятно, кстати.

Один из волков пошевелил ухом и Артёма словно окатили холодной водой. Что за бред!

Треск. Остальные кусты, подстриженные под волков, пошевелили головами и открыли глаза. Точно, глаза! Теперь их видно — смотрят на человека. Как-то нехорошо смотрят.

Бред или нет, а стоять на месте уже не хотелось. Артём не сразу смог заставить себя сделать хотя бы шаг, но следующие шаги дались куда как проще. Один раз оглянулся — теперь все «волки» смотрели на него, а некоторые — показалось? — приблизились. Поначалу стояли кругом, почти ровным, а сейчас уже никакого круга. Но ведь это кусты! Как кусты могут двигаться?!

Артём осознал, что вокруг него чаща. Кусты, деревья — частые, чахлые, с кучными метёлками крон — не дают пройти. А позади что-то шуршало и шелестело, и страх как не хотелось оборачиваться. И где тут выход? Как-то ведь попал он на ту поляну — значит, есть тропинка.

Возвращаться на поляну неохота. Будем прорываться.

Артём прошёл десяток-другой метров, почти не испачкав костюм, ничего не поцарапав и не оторвав — когда услышал песню. Звучала она неожиданно и невероятно, поскольку была хорошо знакома.

— Нормальные герои всегда идут в обход! — грянул хор голосов, и повторил незатейливый припев с явным воодушевлением. Голоса приближаются. Не могут люди идти по чаще так быстро, значит — впереди дорога. Артём ещё раз оглянулся и едва не примёрз к земле: кусты в форме волков приближались. Уж неясно как им это удавалось — но

передвигались, не отделяясь от земли, очень точно изображая волчью походку. Чёрт, при такой скорости им нужно не более минуты, чтобы...

Деревья словно расступились перед ним, и Артём, едва сдерживая приступ паники, вылетел почти на самую дорогу.

Дорога тоже была ещё та: мощёная не чем-нибудь, а жёлтым кирпичом. Совершенно обычная дорога в сельской местности, не так ли? Впрочем, материал и его нелепость бросились в глаза уже потом, а поначалу Артём замер, увидев, кто именно марширует по дороге, повторяя слова про нормальных героев.

Конница. Если облачённые в металлические доспехи конские кости можно считать конями. Но ведь идут! Сами идут! А всадники на конях под стать подседельным — изображения костей на их облачении. Шлемы в виде черепов со многими украшениями. Отряд двигался бодро, и до Артёма ему явно не было дела.

Позади шуршало и трещало. Волки! И что делать?

Командир отряда махнул кому-то за своей спиной. Один из всадников отделился от строя и двинулся на Артёма, держа в руке булаву. Нелепость ситуации хорошо дополнялась вполне очевидными последствиями. Поскольку биться со всадником нечем, то...

Артём оглянулся — волков пока не видно, но в чаще за спиной что-то шуршит — и бросился в сторону чащи. Сам не понимал, почему в чащу — костяной конь и всадник с булавой лучшим выходом не казались.

— Стой, охол! — услышал Артём за спиной. Что-то странное в голосе, но с этим потом. Сейчас — понять, что из двух зол лучше. Стоп! Если всадник говорит, да ещё на понятном языке, то...

Рефлексы успели выручить. Боковым зрением Артём заметил выпрыгивающего из чащи зелёного волка, и успел отпрыгнуть — казалось, что изящно и красиво, на деле споткнулся и покатился по земле. Осознавая, что сейчас его начнут не то рвать, не то бить булавой, Артём всё-таки предпочёл встретить участь стоя.

Волки бросились не на него, а на всадника. Кинься они все сразу, точно сбросили бы с седла, но каждый удар булавы отбрасывал очередного нападающего, и тот рассыпался грудой ветвей. Падая — и рассыпался.

Очередной бросок сбросил всадника наземь. Тот не прекратил отбиваться — но явно боялся попасть в коня. А глаза того, как с удивлением обнаружил Артём, были закрыты — шорами, всплыло слово, повёрнутыми так, чтобы прикрыть отверстия в конском шлеме, или как его там зовут. Сам не понимая, зачем это делает, Артём открыл обзор коню — правому глазу — и, схватив попавшийся под руку камень, бросился выручать всадника. Теперь стало понятно, от кого можно ждать добра.

Конь помотал головой, издал совершенно не конский звук — протяжный, низкий змеиный шип. Оставшиеся волки окружили всадника, не обращая на Артёма никакого внимания. Бросок камня — волк отвлёкся, посмотрев на Артёма, и тут же получил булавой по затылку. Был волк — нет волка. Отлично! Второй бросок камня — ещё одним меньше. Оставшиеся три бросились назад в чащу. Их путь лежал мимо коня. Тот помотал головой — явно повернул её так, чтобы видеть врага — и волки на бегу рассыпались охапками ветвей.

Всадник поднялся, отряхивая одежду, и поднял забрало. Под ним оказалось добродушное круглое лицо с пышными рыжими бакенбардами.

— Благодарю, охол, — протянул он руку и похлопал Артёма по плечу. — Однако ты смел, не побоялся открыть танку взор.

Мозг не сразу воспринял сказанное.

— Танку? — переспросил Артём и всадник кивком указал на коня. Тот медленно шёл в сторону чащи — трава, кусты вокруг него жухли на глазах — теперь Артём это видел. За конём оставалась пустая, мёртвая земля — всё высохшее, жёлтое, серое. — Это ваш танк?

— Ну а чей же. Станный у тебя говор, охол. Откуда ты здесь?

— Сам не знаю, — признался Артём, осознавая, что всего происходящего не может быть в реальности. Конь этот из костей, волки из дерева. Что творится? «Кто я?» спрашивать уже не нужно, следующий вопрос — «где я?». — Где я? Мне бы в город попасть, — тут же добавил он, увидев, как нахмурился всадник. — Я Артём Злотников. Не знаю, как здесь оказался.

— Ты храбр для охоло, но по виду — типичный охол, — рассуждал всадник вслух. — И одежда странная. В такой на приём приходить, а не по глуши пробираться. Перед тобой сэр Джеймс Батаник, охол Ортем Злотников, — Ударение в своей фамилии он сделал на последнюю гласную. — И что мне с тобой делать?

Артём чуть было не поправил его — имя всё-таки, чего его коверкать. Но выражение лица всадника отбило охоту уточнять и поправлять.

— Мне бы в город, — повторил Артём, как заклинание. — А там я сам.

— Город там, в трёх таланах, — указал всадник направление, противоположное тому, откуда пришёл его отряд. — Однако сам ты не дойдёшь, даже и пол-таланна не продержишься. Я провожу тебя. Ты помог мне в бою, охол — думаю, это будет справедливо. Идём, танк уже должен был всё съесть.

Они направились по следу танка — полосе мёртвой земли — в чащу, откуда доносились вой, свист и шипение, и Артём по пути пробовал понять, не сошёл ли он с ума.

-

Всадник двигался, как положено — верхом, Артём шёл, как принято у охолов — пешком. Удалось, спросив напрямую, установить, что «охол» — не народ или звание, а прозвище всего лихого люда, что промышляет на больших дорогах. Правда, если по дорогам разъезжают всадники на танках, а в лесу рыщут такие вот «волки» из кустарника, лихой люд должен быть необычайно крут и страшен. Что такое огнестрельное оружие, всадник не понял, как Артём ни старался объяснить.

Всадник пояснил, что намерение отнестись к Артёму по доброму появилось, когда Артём помог в бою — вдвоём шансов выжить больше. Сэр Джеймс Батаник не перестал звать нового знакомого словом «охол». Возможно, у слова есть и другое значение, не такое обидное?

Талан, похоже, дневной переход — пешком. Или что-то похожее. Танк сэра Батаника ехал не спеша и, Артём понял это не сразу, уже не казался роботом, искусно собранным из лошадиных костей. Вполне себе конь — разве что шкура выглядит необычно, блестит, словно маслом смазанная. И уже не косится на человека с таким видом, что сейчас съест.

— Каземат через два поворота, — сообщил вдруг сэр Батаник, который молчал всю дорогу. И указал направление. О каких поворотах речь? Дорога немного опускается, и до самого горизонта пряма, как струна. — Прибавим шагу, охол.

Прибавили. Артём и не заметил, как начал напевать ту самую песню пиратов, которую слышал от марширующего войска. «Ходы кривые роет *Подземный умный крот*. Нормальные герои / Всегда идут в обход...»

Он заметил краем глаза явственное изумление, проступившее на лице сэра Джеймса. А

потом что-то произошло — то ли дорога побежала сама под ногами, то ли ноги стали идти быстрее — в общем, повороты один за одним вынырнули и пропали, и сэр Джеймс махнул рукой — стой!

— Не знал, что ты дроссель, охол.

— Я кто? — Артём подумал, что ослышался.

— Дроссель. Ты только что пел наш походный стимул. Ладно пел, немногие так умеют. Смотри, как резво мы пошли! Так откуда ты в этой глуши?

На лице его было больше удивления, нежели подозрения, но и подозрение имелось.

— Я и в самом деле не знаю, сэр Джеймс, — честно ответил Артём. — Помню, слышал чей-то крик. Пошёл спасать, показалось, что... — слово подбирал быстро, чтобы звучало максимально вежливо. — Что дама в беде. Потом ничего не помню, на поляне очнулся.

— Тпру! — сэр Джеймс остановил своего танка, и спешился. — Вот каземат. Здесь мы остановимся до утра.

-

— Вам помочь? — спросил Артём и повторно увидел выражение изумления на лице всадника.

Сэр Джеймс коротко помотал головой — нет, не нужно — и указал кивком направление. Каземат снаружи выглядел, признаться по совести, ветхим, едва живым домом — окна выбиты, кругом следы запустения. Лачуга, обнесённая таким же чахлым, полусгнившим забором.

Едва только Артём шагнул внутрь огороженного пространства, как всё преобразилось. Забор стал металлическим, высоким, а по верху его оказались расставлены короткие металлические штыри. И над ними плыло голубое свечение.

Дом также преобразился — теперь это и в самом деле походило на каземат — металл, бетон, или что-то, напоминающее металл и бетон. И никакого запустения. Правда, и людей не видно.

Сэр Джеймс провел своего танка внутрь забора.

— Вижу, тебе это в диковинку, охол, — Сэр Джеймс явно наслаждался удивлением на лице спутника. — Город в другой стороне. Завтра мы выступим в сторону города.

— А куда же мы шли? — Артёма стали одолевать неприятные предчувствия.

— В темницу, куда же ещё. Но среди охолов нет дросселей, посему — я рад, что ты на самом деле не охол.

— Но зовёте именно так, — не удержался Артём. Весело тут у них. Спасает его шкуру, а тебя за это ведут в темницу. Отчего-то перестал зудеть главный вопрос момента: что происходит? Где я? Артём и сам удивился, насколько легко принял правила окружающего мира. Ну, пока что принял.

— Обычай, — пояснил сэр Джеймс. — Жди меня в столовой. Вон та дверь. Дальше не ходи, и ничего не трогай.

В столовой оказался длинный, тёмный деревянный стол, а вокруг — пара дюжин стульев. Какие-то аппараты стояли на столах поменьше, у стен. Артём предположил, что как минимум один из них — кофеварка, а другой — микроволновая печь. Дальше фантазия отказалась работать, аппараты выглядели как декорации из фильма про безумных учёных.

Что интересно, воздух внутри ограды каземата оказался свежим и чистым. Там, снаружи, витала неприятная сухая гарь, а здесь — просто морской курорт какой-то. Верно, именно морской: приятная, солоноватая свежесть с привкусом морской волны.

И что теперь? Хотелось проснуться, но как? Если это игра, то есть Артёма силой подключили в каком-нибудь игровом центре, то рано или поздно всё окончится. Ведь есть человек во сне не умеет.

...это если есть дадут, подумалось вдруг, и стало страшно. Да нет, что за чушь! Шёл по парку, услышал что-то невнятное в кустах — и смотреть пошёл не один, а с коллегами по работе. Им-то зачем так шутить? Да и недёшево это. Так всё-таки, где я?

— В печали? — услышал Артём и понял, что сидит, уперев локти в стол и прижав ладони к лицу. Сэр Джеймс, смотри-ка, переоделся — снял свои доспехи, и вот он, одет как у себя дома — штаны, по фасону напоминающие джинсы, свитер. Явно гордится бородкой и бакенбардами, вон как тщательно причёсано всё и подстрижено.

И при этом по-прежнему в сапогах.

— Вижу, ты не затаил обиды, — одобрительно посмотрел сэр Джеймс Артёму в лицо, когда тот отнял руки. — Устал, это понятно. Дроссель — утомительная работа. Сейчас поправим силы, — и сэр Джеймс направился к таинственным аппаратам. Что он там в точности сделал — непонятно. Что-то включилось, заворчал, вспыхнул яркий белый свет. В итоге сэр Джеймс вернулся к столу с огромной тарелкой, один вид которой вызвал приступ жуткого голода — а потом ещё вернулся за кружкой. Сел и кивнул Артёму — иди, мол, сам возьми.

Вторая тарелка, на которой, прямо скажем, была гора еды, стояла рядом с одним из таинственных аппаратов. И кружка. Что-то горячее в ней. Не чай, не кофе — не понять, но запах приятный, терпкий.

В общем, уже через пару минут оба сидели за столом, и чинно ели. Артёму стоило большого труда есть чинно. Чёрт с ним, если это иллюзия — то здесь, как минимум, иногда можно поесть от души.

-

Вновь сэр Джеймс заговорил, когда закончил трапезу и отнёс тарелку, вместе со столовыми приборами. Артём, ощущая себя обезьяной, понаблюдал, что сделал его спутник и, когда сам закончил есть, повторил те же действия. Какая автоматика! Сказка просто! Сама готовит, сама посуду моет. И при этом — конь из костей, волки эти жуткие, какие-то дроссели и казематы... Где я?

— Вас не хватятся в отряде? — осторожно поинтересовался Артём.

Видно было, что сэра Джеймса вопрос застал врасплох. Затем он... рассмеялся. Громко и добродушно.

— Мне поручили выяснить, кто ты, и должным образом позаботиться. Приказ капитана. Что-то непохоже, подумал Артём. Всего-то кивнули в мою сторону, сам видел.

— В нашей роте нет своего дросселя, — добавил сэр Джеймс. — Решает всё полковник, но, мнится мне, тебя возьмут.

И никого не волнует, я-то хочу, чтобы меня брали на службу, подумал Артём. С другой стороны, я же вовсе не знаю, как тут живут. И нужны ли им тестеры компьютерных игр. Что-то подсказывает, что эта профессия тут не востребована.

— Сочту за честь, — ответил Артём, когда понял, что ожидается ответ с интонациями благодарности. — Что стало с вашим дросселем?

— Пал в бою за Рим, — охотно ответил сэр Джеймс. — Это была славная битва! Мы очистили столицу и провинцию от нечисти, там вновь теперь закон и порядок. Но потери были большими.

Рим??

— Здесь есть Рим? — Вопрос явно звучит глупо, но... что это, Земля? Быть того не может.

— Туда мы и направляемся, — кивнул сэр Джеймс. — Там сейчас и служим. Не беспокойся, охол, ты справишься. Раз уж сумел от нечисти уйти, да в бою мне помог. Вижу, не воин ты, но выбора нет, сейчас время такое.

— А другие крупные города? — решился Артём. — Париж, Мадрид, Лиссабон Лондон...

— И туда мы придём, — пообещал сэр Джеймс. — Нечисть всё ещё правит нашим миром. Но дни её сочтены, и она это понимает. Вижу, ты приходишь в себя, охол. Мне нужно обиходить танк, да пора и отдохнуть на дорожку. До Рима путь неблизок.

— Спасибо. — Артём вернул пустую кружку туда же, куда отправил недавно тарелку и тут же пожалел: сэр Джеймс налил себе ещё — теперь было видно, откуда. И указал, нисколько не смущаясь, на штуковину, на вид — огромный стальной поднос. Прикоснулся к краю подноса — и на нём возникла ещё одна кружка. Такая же — стальная на вид, но не нагревалась горячим напитком и не обжигала губ. Высокие технологии, однако. Очень высокие!

— Твоя комната тебя впустит, — Сэр Джеймс отхлебнул, одобрительно крякнул и, поставив кружку на обеденный стол, сам направился к выходу из столовой. — Тебе туда, — указал Артёму противоположное направление. — Сам всё увидишь.

-

Артём сидел в комнате, которая сама открыла ему двери, и в который уже раз за день пытался проснуться. Не выходило.

Во-первых, эти их не то волки, не то что это, которые сделаны из кустов и травы, но опасны, как настоящие.

Во-вторых, эти их лошади, они же танки. Вначале просто сверкающие кости, ходячий скелет в буквальном смысле, а потом — конь, почти настоящий, только кожа блестит, словно ваксой натёрли. И запах. Не тот, который от настоящих лошадей — не розы, конечно, но привыкнуть можно — а что-то неприятное, постоянно раздражающее. Как от бака из-под мусора: как ни мой его, мусорный дух до конца не выветрится.

В-третьих... и так далее. Автоматическая кухня, комната, где сантехника и прочее просто небывало чистые, практически стерильные, и удобные. Чистейшее постельное бельё, и шкафчик рядом с кроватью — тоже набит как едой, так и напитками. В банках. Причём банка самоуничтожающаяся: Артём налил себе минеральной воды (надписи все, что характерно, только по-русски), выбросил смятую банку в корзину для мусора — банка в полёте ещё рассыпалась мелкими крошками. Специально заглянул потом в корзину — ничего не осталось. Вот это номер!

Это не Земля, уже понятно. А что это? Почему есть Рим, за который не так давно была битва (понять бы, с кем именно бились)?

Сплошные вопросы. Организм принял простое решение, когда понял, что мозг и не думает переставать искать ответы. Артём едва успел снять верхнюю одежду — так внезапно и сильно захотелось спать.

День 2. Рим как он есть [оглавление]

Проснулся он — как всегда: полежал, не открывая глаз — одно из упражнений, чтобы подготовиться к наступающему дню.

И понял, что обстановка другая. Не та, где вчера лёг спать — жилая, но всё-таки чужая обстановка каземата, или как назвать эту небольшую крепость, умело замаскированную под ветхий дом. И голос. Кто-то неподалёку что-то напевал. Женщина.

Удалось всё-таки проснуться. Артём подавил в себе желание вскочить, и завопить что-нибудь вроде «ура» — Инга таких действий не любит. Ведь это же её голос — значит, она всё-таки вернулась. Сейчас первым делом извиниться, и с этого дня обязательно взяться за ум. Нет, но какой сон, а?

— Инга, я... — Артём уселся, по дороге открывая глаза, и потерял дар речи.

Рано радовался. Непонятно, где он — и непонятно, с кем. Комната другая, это не каземат. И непохоже на темницу, в которую поначалу грозились отвести. Но убранство комнаты и остальное вылетело из головы — спиной к нему стояла женщина — это она что-то напевает — и одевалась. Собственно, она и так одета — длинное платье, домашние, видно, туфли, а сейчас надевает украшения. Сплошь серебро, или что-то похожее — пока Артём пытался понять, что творится, женщина надела поверх причёски тонкий сверкающий обруч и оглянулась.

Даже лицом похожа на Ингу — светловолосая, сероглазая, овальное лицо. Лет тридцати на вид. Вот это я попал, подумал Артём, искренне надеясь, что не выглядит полным идиотом.

— Я уже беспокоиться начала, — улыбнулась она. И голос похож! — Хвала небесам, ты проснулся! Дай мне браслеты, пожалуйста.

— Какие браслеты? — не понял Артём.

— Под подушкой, — пояснила женщина, продолжая улыбаться. Артём засунул руку под подушку. Ничего.

— Под другой, — уточнила женщина, и в голове у Артёма всё смешалось. Они с ней, простите за прямой вопрос, спали здесь, в этой постели, этой ночью?

Похоже, да.

Артём протянул ей браслеты — из серебристого металла, тяжёлые, со множеством узоров. Женщина надела их, и уселась на краешек кровати. Погладила Артёма по голове, и в этой самой голове всё вновь смешалось.

— Знаю, ничего не помнишь. У вас всегда так. То не помните ничего, то на людей бросаетесь. Не бойся, сэр Джеймс рассказал, как всё было.

— И как всё было? — сорвалось-таки с языка. Артём осознал, что лежит в постели в чём мать родила.

— Я не телефон, — покачала она головой. — Я красиво не расскажу. Проголодался? Одевайся, уже скоро полдень. Сэр Джеймс уже дважды справлялся, как ты.

— Простите, — Артём отчего-то не мог попросить её отвернуться. С другой стороны, а кто его раздел? И, если они действительно эту ночь провели вместе, стесняться уже поздно.

— Ингир. Ты хотел узнать моё имя? Я Ингир, хозяйка этого квартала.

И не думает отворачиваться или уходить. Артём поискал глазами свою одежду, и не обнаружил. Зато рядом с кроватью — сейчас только обратил внимание, что кровать огромна — таких, как он, можно трое уложить, и мешать друг другу не будут — так вот, рядом с кроватью лежали подушки, а поверх них...

Одежда явно приготовлена для него. Вот только понять бы, как её надевают. Нижнего, простите, белья там не наблюдалось, а поверх всего лежало что-то, на вид — купальник, в котором женщины появляются на пляже.

Ладно. Ощущая пристальный взгляд Ингир по всему телу, Артём выбрался из-под одеяла и принялся одеваться. «Купальник», стоило его надеть (судя по выражению лица Ингир, ничего глупого он не делал), сдвинулся, словно пополз по коже — Артёму стоило немалого труда не вскрикнуть — и, через пару секунд этот предмет одежды превратился в спортивные трусы. На вид, по крайней мере. С очень высоким поясом — в ладонь высотой. Что за...?

Остальные предметы одежды были не так загадочны. Рубашка — тонкая, серая в клеточку, штаны из толстой ткани. Похожи на джинсы, со множеством карманов, и таким же высоким поясом. Ремень — очень странно застёгивающийся поверх штанов, ничего никуда вдевать не нужно. И куртка. Откуда это всё? Под курткой оказалась прежняя одежда Артёма. Поверх неё лежал его мобильник. Его-то Артём и забрал.

Мобильный, естественно, никакой станции не нашёл. Через пару дней сядет батарейка, и всё на этом.

— Красавец! — Ингир привлекла его к себе, и поцеловала. В щёку. — Идём, идём. Я уже и сама проголодалась.

-

После завтрака — отдельная история; прислуга, почти сплошь женская, подавала им с хозяйкой и на Артёма смотрели — кто не стесняясь, кто украдкой — с выражением изумления и некоторой зависти на лице. Это с чего вдруг? Артём, ещё не вполне пришедший в себя, старался вести себя непринуждённо. Удалось, поскольку Ингир практически не разговаривала, а на остальных, кто не соблюдал тишину бросала взгляд так, что все разговоры прекращались.

Она вновь поцеловала его в щёку (и вновь Артём ощутил завистливые взгляды), когда трапеза окончилась (сама ела не очень много — хотя и с аппетитом), и пожелав доброго дня, удалилась из столовой.

Артём остался сидеть. А куда идти? Похоже, к нему боялись подойти все остальные. Так. В любом случае — забрать остальные свои вещи, найти, где поселиться и понять, как здесь вообще живут.

Он направился было к той самой лестнице, по которой спустился недавно с Ингир, но словно из воздуха возникла рослая девушка в военной форме — напоминающей то, во что был облачён сэр Джеймс — и преградила путь.

— Туда вы можете подняться только с госпожой, сэр Ортем.

— Там мои вещи. — Артём смотрел ей в глаза, и заметил там замешательство. Противоречивые инструкции? — Я хотел бы их забрать.

— Ждите здесь. — Девушка поманила другую такую же, в военной форме — неплохая тут охрана! — а сама поднялась по той самой лестнице. Минут через пять она вернулась.

— Следуйте за мной, сэр Ортем. — Артём хотел было поправить её, но передумал. Шут с ними, пусть Ортем. Звучало комично, и придавало творящемуся вокруг абсурду хоть какую-то привлекательность. Чёрт, но где же это я? Что за шутки?

Направились они вовсе не по лестнице вверх, но в совершенно другом направлении: коридор вёл в служебные помещения — прошли мимо кухонь, прачечной, чего-то ещё, и, наконец, оказались в небольшой каменной комнатке. Стены и впрямь из камня — или отличной имитации. Обалдеть! Стол, на нём — все вещи Артёма. Девушка указала кивком.

— Прошу вас, сэр Ортем.

И заперла дверь снаружи. Однако! Артём не без отвращения покопался в собственной

одежде — угваздал-то как! — и забрал оттуда всё, что ещё оставалось в карманах. Рассовал по карманам штанов, не особенно рассматривая. Положительно, здешняя одежда и приятнее, и удобнее, хотя фасон, конечно, тот ещё.

Что с ней сделать, со старой одеждой, в смысле? Оставить? Артём направился к двери, и тут она отворилась перед ним.

— Об одежде не беспокойтесь, сэр Ортем, — пояснила охранница. — Прошу за мной.

...И вывела его на улицу. Неплохое начало для новой жизни, чёрт бы всё побрал. Артём оказался на площади, позади — массивная деревянная дверь, без табличек и всего такого. Прохожие — тоже преимущественно женщины, мужчин было на глаз раз в десять меньше — уважительно здоровались и снимали головные уборы, проходя мимо него. Это с чего вдруг? Тут что, всем, как их там, дросселям, такой почёт и уважение?

— А, вот и вы, сэр Ортем! — услышал он знакомый голос, и обернулся. Сэр Джеймс — всё ещё в военной форме, но без шлема — добродушно хлопнул Артёма по плечу. — Отлично, отлично! Полковник вас ждёт.

— Вы в новом звании, сэр Джеймс? — осмелился спросить Артём, заметив, что украшения на форме его знакомого выглядят иначе. — Или другая форма?

— Вы наблюдательны, — Сэр Джеймс махнул рукой, и экипаж бесшумно подкатил к ним. Электромобиль, подумал Артём. Едет бесшумно, массивный — видно, аккумуляторы — да и водитель именно водитель, на кучера не похож. При всём этом экипаж походил на кэб, какими их изображали в фильмах про Шерлока Холмса. — Я получил звание капитана. Благодаря вам. Так что нам с вами теперь служить вместе, и вместе оправдывать доверие, сэр Ортем.

— Буду рад, — отозвался Артём, но иронию в его интонации сэр Джеймс понял иначе.

— Полковник непременно возьмёт вас, не сомневайтесь. Вы ничем не запятнали своего имени, и проявили похвальную доблесть. Это не более чем формальность.

-

Лорд Тиберий Стоун оправдывал свою фамилию решительно всем — каменное выражение лица, высокая, словно точёная из мрамора фигура, и крепкие руки. Рукопожатие едва не заставило Артёма вскрикнуть.

— Рад встрече, сэр Ортем. Встретить дросселя — к большой удаче. Мы, конечно, не суеверны, но в удачу верим всегда. Итак, капитан Джеймс, ваш поручитель, рекомендовал мне взять вас на службу и придать его роте. Вы согласны?

— Да, господин полковник.

— Поздравляю, сэр Ортем, и желаю вам удачной службы! Свободны.

И всё? Артём, через пару секунд оказавшись вне кабинета лорда Стоуна, почувствовал себя обалдевшим.

— Удачного дня, сэр Ортем! — сэр Джеймс явно собрался куда-то по своим делам, но тут Артём окончательно очнулся.

— Не считите за дерзость, сэр Джеймс. Мне бы не помешала помощь.

— Всегда рад, — немедленно отозвался новоиспечённый капитан. — Затруднения в средствах?

— Не в этом дело. Я совершенно не разбираюсь в здешней жизни. Кого бы вы посоветовали, чтобы ответил на мои вопросы?

— А, понимаю, — просиял сэр Джеймс. — Наш прежний дроссель, мир его праху, тоже всё забыл, как только стал дросселем. Вообще всё на свете. Иной раз приходилось по три

раза на день с ним повторно знакомиться. Но не буду утомлять, да и дел у меня полно. Это вам на дилижанс, — вручил он Артёму несколько монет. — Назовите адрес: бульвар Фламея, шесть. Там найдите Инес, и передайте, что я просил о вас позаботиться. Вечером встретимся!

И отбыл.

Бульвар Фламея, значит. Ни больше, ни меньше. Где находится стоянка этих такси, которые сэр Джеймс Батаник назвал дилижансами, Артём уже знал. Ещё через пару минут уже сидел в экипаже, резво нёсшемся по дорогам — и погрузился в раздумия. Даже вокруг не смотрел, как собирался было.

-

— Вам назначено? — дверь отворил пожилой мужчина (видно, для разнообразия), всем видом показывающий, что он — дворецкий.

— Сэр Джеймс Батаник направил меня, чтобы я передал послание Инес.

— Входите, сэр Ортем, — И тон, и выражение лица дворецкого сразу изменились — нарисовалась почтительность, проявилась вежливость. — Прошу подождать здесь.

Откуда он знает его имя? Как они вообще общаются на расстоянии? Радио здесь нет, мобильной связи нет. Высокие технологии налицо — бытовая техника, дилижансы эти, а всё остальное?

— Сэр Ортем? — дверь, в которую недавно ушёл дворецкий, отворилась, и вышла девушка. Манерой держаться и одеждой она напомнила Ингир. — Сэр Джеймс передавал о вас, только что. Рада встрече, — она протянула руку, но явно не для рукопожатия. Артём решил следовать интуиции — склонившись, как это делали в фильмах, он легонько прикоснулся губами к ладони. Видимо, этого и ждали — девушка кивнула ему и выражение лица её стало совсем дружелюбным. — Чем я могу помочь вам?

— Я ничего не помню, — если и солгал, то несущественно. — И совершенно не понимаю, как здесь живут, и что происходит. Хочу найти себе дом и работу, но не знаю, с чего начинать.

— Я слышала о таком, — Инес явно поражена и восхищена, хотя и старается не менять выражения лица. — Но никогда сама не видела. Следуйте за мной.

Она провела Артёма через анфиладу комнат, пока они оба не оказались в кабинете. Инес затворила за собой двери, жестом пригласила гостя присесть, и уселась сама — в кресло во главе стола.

— Рассказывайте, — велела она. Именно велела.

— Что именно?

— Всё. Всё, что помните, — она улыбалась, но глаза оставались строгими. — Вы не доверяете мне?

— Доверяю. Минутку...

И он начал рассказ. Показалось, что говорил без умолку часа четыре — болел уставший и пересохший язык, тело устало сидеть в одной позе, и... Мама дорогая! Да ведь и десяти минут не прошло!

Что характерно, усталость во всех членах, и усталость языка также пропали. Видимо, померещились.

— Невероятно, — покачала головой Инес. — Какая удача для всех нас! Сэр Ортем, я найду человека вам в помощь. Но есть несколько условий.

— Конечно. Какие именно?

— Если она пожалуется мне на вас, дальше будете справляться сами.

— Я буду прилежным учеником, — и шутить вроде не собирался, но Инес весело рассмеялась. Нет, и всё-таки, что за чертовщина с этим рассказом? Ведь кажется, что рассказал ей всё от момента, когда проснулся на поляне.

Инес пару раз хлопнула в ладони, и отворилась скрытая доселе дверь по левую руку от хозяйки. Оттуда вышла девушка — а вот она была точной копией Инги, просто не отличить!

— Лилия, сэру Ортему нужна твоя помощь. Я поручилась за тебя. Освобождаешься от всех занятий на сегодня. Ждём тебя через пять минут.

— Слушаюсь, госпожа, — девушка коротко поклонилась, а на Артёма даже и не взглянула. Неплохое начало. Бросила мельком взгляд на гостя, и сразу же исчезла за той же самой потайной дверью.

— Спрашивайте её, и не бойтесь — смеяться не будет. Второе условие, сэр Ортем: каждый вечер, не позднее полуночи, звоните мне. Мне важно знать, как Лилия справляется. Ведь я поручилась за неё. Понимаете?

— Если честно, не очень, — признался Артём, и Инес улыбнулась.

— Поймите. Не обижайте её. Это третье и последнее условие. Справитесь?

— Приложу все усилия, — Артём встал, поскольку хозяйка поднялась на ноги. Аудиенция окончена, подумалось ему. Вот оно, правильное слово: аудиенция. Ну денёк начался!

Лилия, одетая теперь почти так же, как сам Артём — куртка поверх рубашки и такие же прочные, пусть и неказистые, штаны — ждала в прихожей.

— Доброго дня! — напутствовала их Инес.

-

— Как мне к вам обращаться? — спросил Артём первым делом. До настоящего момента Лилия в упор его не замечала, словно и не было никого рядом с хозяйкой. А сейчас, похоже, заметила.

— Лилия, — вот ведь царевна Несмеяна! Так и будет весь день, серьёзная и сухая? — Вы ведь слышали.

— Госпожа Лилия?

— Просто Лилия, — улыбнулась она, но почти сразу же вернула на лицо сухое спокойствие. — Чем я могу вам помочь, сэр Ортем?

— Я ничего не знаю о здешних порядках. Вообще, как люди живут. Только не смейтесь. Хочу понять, где я могу найти себе жильё, как найти работу. Ну и всё остальное.

Лилия кивнула, помахала рукой, и через пару секунд дилижанс остановился рядом с ними.

Вышли они на той самой площади, куда Артём вышел из дома Ингир этим утром. Смотри-ка, едва за полдень! А кажется, что уже неделю здесь гуляет!

— Я не понимаю, — признался Артём, искренне желая, чтобы госпожа Ингир не появилась сейчас поблизости. И так голова кругом идёт. — Почему здесь?

— Я объясню, — пообещала Лилия с серьёзным видом, и, сделав вид, что поправляет воротник его куртки, шепнула: — Держитесь серьёзно и не смущайтесь. И не удивляйтесь, если сможете. А теперь просто идите за мной.

Она открыла соседнюю с «главным выходом» дверь, и...

— Сэр Ортем! — всплеснула руками пожилая женщина. — А мы и не чаяли уже! Проходите, проходите! Вот сюда, я сама покажу вам комнаты!

И поднялась вверх по лестнице. Артём двинулся было следом, но Лилия поймала его за руку. — Не надо, — пояснила на словах. — Ждите, пока позовут. Это важно.

Действительно, минуты через две женщина вернулась. И почему поначалу показалась старухой? Ей едва ли за сорок. Артём обратил внимание, что женщина уважительно посмотрела на Лилию, а та едва заметно кивнула в ответ.

— Идёмте, идёмте! — женщина поманила их. — Вам понравится, я обещаю!

Они обошли несколько комнат — квартир, на понятном Артёму языке — и тот поражался — вот это роскошь! Ничего чрезмерного, но ощущается — действительно не про каждого встречного такое. Ладно, пока не будем впадать в панику от того, какую цену она назовёт. Вежливо откажемся, если что.

— Вторая справа, — вновь шепнула ему Лилия, когда они в третий раз обходили комнаты, а их хозяйка описывала, чем каждая хороша, и какие замечательные люди оказали честь ей, хозяйке, выбрав ту или иную комнату своим домом.

— Вот эта, — высказался Артём, всё это время молчавший. По взгляду хозяйки было видно, что и она довольна выбором.

Когда дверь за ними тихо и почтительно закрыли, Артём сел на ближайший ко входу стул.

— Если честно, — признался он, — я ничего не понимаю, Лилия. Почему она не сказала, сколько это мне будет стоить?

— Вам — нисколько. Она вам сама скорее заплатит, чтобы только вы не уходили.

— Нисколько??

— Вы — талисман. Госпожа квартала предложила вам гостеприимство. Теперь все квартиры в квартале для вас сдаются бесплатно.

— Талисман? — удивляться уже не было сил. — Это потому что я — дрессель?

До сих пор казалось диким и неприлично смешным так называть человека.

Лилия кивнула.

— Дресселей очень мало. Все мечтают хотя бы раз в жизни увидеть одного, а уж предложить ему жить рядом с вами... Это большая удача. Вы не знали?

Артём только головой помотал.

— Вставайте, — попросила Лилия. — Я, кажется, знаю, куда ещё вас нужно отвезти. А потом вернёмся сюда, и будете отдыхать, сколько нужно.

— Минутка, — прикрыл глаза Артём. — Посижу минутку, и пойдём.

-

Ещё через два часа они сидели в уютном заведении, «Под мостом» (вход в которое и впрямь был под мостом через здешнюю реку), и Артём крутил в пальцах банковскую карту. На планете, если верить Лилии, люди из последних сил борются за выживание — при этом, однако, у них высокоразвитые технологии, и даже банковская система! На каждый крупный город время от времени нападает нечто жуткое — по словам всё той же Лилии, тогдашние волки — просто невинные овечки по сравнению с тем, что время от времени вылезает прямо из-под земли, или из водных глубин.

Сегодня — второе июня пятсот тридцать второго года. Очень информативная дата. Пять веков люди, которых почти полностью истребили эти странные противники, возвращают себе планету и добились состояния, когда удалось закрепиться в нескольких крупных городах нескольких некогда могущественных государств, наладить относительно безопасные пути сообщения между ними. Почти четыре пятых планеты всё ещё в состоянии

хаоса, но силы Федерации (именно так, с заглавной буквы) постепенно оттесняют его. Сколько ещё оттеснять — неизвестно, недавняя битва за Рим, когда удалось за считанные дни подавить выползшего из-под земли врага, почти без потерь среди гражданского населения, стоила очень дорого — для солдат.

И все говорят по-русски. Что характерно. А уж система связи... куда там мобильникам. Это как в сказке: представил человека, мысленно вызвал его — и, если звонок принят, говоришь. Можешь просто голосом, при этом вслух говорить не нужно; можно договориться о видеоразговоре — тогда у каждого должен быть «глаз» — забавное такое устройство, внешне и впрямь похожее на стеклянный глаз. Потребовалось всего десять минут, чтобы связист — так называется специалист по этой технологии — научил Артёма отправлять сигналы и принимать их.

Однако кому попало не позвонить: с человеком нужно вначале встретиться лично. Вот так вот. Ничего себе технологии! А вопрос, в какой стране они находятся, вызвал у Лилии недоумение. Нет стран. Есть города, и окружающие территории, более или менее безопасные. То, откуда они выбирались с сэром Джеймсом, называется дикими землями — ничего особенно опасного там не водится; всех тамошних «волков» взвод танков уничтожит за пару минут. Ну да, заводится иногда такая пакость. Для этого танки и патрулируют окрестности.

Голова гудела, новая информация вскоре откажется туда входить. Сейчас Артёму казалось, что он не сутки здесь, а минимум месяц. Да, Луна на небе подозрительно похожа на земную. Только вот рисунки на её диске другие. Вернее, их вовсе нет: почти гладкий диск, в едва заметную сеточку.

Итак, что это? Симуляция? Случаи, когда людей силой удерживают в виртуальности, уже перестали быть сенсацией. Но зачем кому-то делать подобное с ведущим специалистом отдела тестирования? Кому Артём перебежал дорогу? Или выкрали первого встречного, просто так, для каких-то опытов?

Нет, стоп. Так и свихнуться можно. Артём обратил внимание на тревогу на лице Лилии, сидящей напротив.

— Задумался, — пояснил он, отпив из чашки. Это называлось чаем и стоило, по словам Лилии, очень дорого: восемь зоркмидов. На сорок зоркмидов можно месяц сносно жить в не очень дорогом квартале. Напиток походил на красный чай, и изрядно тонизировал. — У меня как будто две жизни. Одна началась вчера, другая была раньше.

— Я знаю. У моего брата так было, — кивнула Лилия. — В тот день он проснулся, и никого уже не помнил. И ничего. И говорил почти всегда на странном языке, никто его понять не мог. И сам других понимал с трудом.

— Ваш брат — дрессель?!

— Да. Он погиб три недели назад, в битве за Рим, — Как и сэр Джеймс прежде, она произнесла «битву за Рим» словно бы обыденно, но выделила. — Спасал людей. Самых обычных. Почти всех успел спасти.

Артём поднялся из-за стола. Как-то само собой получилось. Лилия тоже поднялась, глядя ему в глаза.

— Лилия, — Артём надеялся, что это прозвучит достаточно серьезно. — Я горжусь тем, что знаком с вами. Ваш брат — герой.

И вновь сел. Лилия кивнула ему (выражение её лица явно потеплело), и тоже отпила из своей кружки. Видно, что чай ей очень нравится, но сама не заказывает — не может

позволить?

— Теперь расскажите мне про деньги, Лилия, — попросил Артём. — Как их зарабатывают.

Лилия кивнула — за сегодня он задал ей столько странных вопросов, что уже ничему не удивляешься. Точно, как было с братом. Того тоже пришлось всему учить — как пользоваться туалетом, например. Лилия едва не фыркнула, когда вспомнила, как сэр Ортем долго мялся, прежде чем спросить. Хозяйка сказала — твой последний шанс, Лилия. Я не могу приказать тебе следить за языком и манерами, но я буду следить, чтобы он на тебя не пожаловался...

И рассказала, подробно и с пояснениями. Точно так же, как рассказывала брату. Он даже имени своего не помнил, и получил другое — было неприятно обращаться по тому же имени к человеку, который искренне не помнит, что ты его родная сестра.

Она ждала, что сэр Ортем закажет что-нибудь спиртное. Оно безумно дорого, но с его деньгами... Брат начал пить, в первый же день своей «новой жизни» — наверное, часть его осталась где-то внутри, и этой части стало непереносимо страшно.

Но в этот раз она ошиблась. Сэр Ортем ничего такого не заказал, хотя подробно расспрашивал официанта о каждом напитке из списка.

-

Артём понял, что вот теперь точно никакой новой информации он не воспримет. Успеть бы переварить то, что уже узнал. Одно пока понятно: все его умения, прямо скажем, невеликий арсенал, здесь мало нужны. По словам Лилии, дрессель иногда бывает временным состоянием человека — может всё «кончиться», и уже не вернуться. Дрессели славятся скверным характером и странными выходками, но, поскольку они могут, буквально, обойти весь мир за полчаса, и с собой провести сколько угодно человек, им прощается почти всё, на них смотрят, как на сошедших на землю богов...

— Я вам кого-то напоминаю? — поинтересовалась Лилия. Видно было, что сэру Ортему она как женщина безразлична. Непонятно, что ему там сказала хозяйка, но дистанцию он соблюдает.

— Да. У меня есть... была девушка. Там, в другой жизни. Вы очень похожи.

Лилия кивнула. Если так он начинает ухаживать, то пусть. Перед тем, как взяться за эту работу, Лилия, тайком от хозяйки, выпила одно известное, но запрещённое средство — чтобы в присутствии разгорячённого мужчины самой не потерять голову. Осталось всего пять таблеток, и не хватит средств купить новые. Надолго ли их хватит?

Она украдкой посмотрела на часы. И сделала всё, чтобы сохранить спокойное выражение лица. Он забудет позвонить. На этом её поручение окончится, и останется только гадать, куда направит хозяйка. Очень уж неохота возвращаться в ангары, заботиться о танках. Самая вредная работа — отчего-то человек изнашивается, стареет крайне быстро. Поработав с танками всего десять лет, начинаешь выглядеть дряхлой развалиной. И никакая медицина уже не может помочь.

А другой работы ей сейчас никто не предложит. Сама виновата, конечно, надо было следить за языком.

...Артём посмотрел на часы — всё никак не мог привыкнуть, что вот этот шарик с цветными пятнами на боках называют часами — и обомлел. Три минуты до полуночи!

Он едва успел вспомнить, как звонят. Вызвал Инес, и та отозвалась почти сразу же. Что-то ещё они Артёму не рассказали, потому что Инес почти сразу же включила в их общий

разговор ещё и Лилию.

— У вас нет претензий к Лилии, сэр Ортем?

— Никаких, госпожа Инес.

— Лилия, что скажешь?

— Никаких замечаний, госпожа.

— Очень рада. Спасибо, сэр Ортем, что позвонили в срок. С вашего позволения...

И связь с ней прервалась. То есть не то что прервалась: чувствовалось, что связь есть, но Артём ничего не слышит. Похоже, решили с Лилией о чём-то приватно поговорить. Лилия кивала — отвечала явно мысленно — улыбалась, и тут же прятала улыбку, заметив, что Артём смотрит на неё. И вновь связь возобновилась. Странное, до одури странное ощущение — будто в голову вмонтировали телефон, и всем существом ощущаешь сигналы линии.

— Приятного отдыха, сэр Ортем, — пожелала Инес, и отчего-то Артём почувствовал, что она улыбается. — И добрых снов.

Отбой.

— Получили выговор? — поинтересовался Артём у Лилии, и та снова улыбнулась, уже искренне и весело.

— Небольшой. Она заботится обо мне. Вы устали, сэр Ортем.

Намёк понятен. Интересно: помимо могучей кровати, на которой трое таких, как он, поместятся, друг дружку не стесняя, в комнате есть и ещё одно спальное место, рядом. В той комнате, в которой проснулся утром Артём, тоже было подобное ложе — тоже прямо на полу, и тоже — сплошь перины и подушки. Вероятно, удобное. И, по роскоши судя, не для слуг.

— Это место для хозяйки, — пояснила Лилия, которая увидела, куда посмотрел Артём. — Вам нужна хозяйка, сэр Ортем. Но будьте осторожны, когда будете выбирать. — И снова рассмеялась, впрочем, сразу же посерьёзнела. — Вам помочь?

— Спасибо, думаю, справлюсь. Если...

— Просто вызовите меня. Я буду рядом. Добрых снов!

Дальше было почти как в каземате — едва успел раздеться и залезть под одеяло. Даже не обратил внимание, если честно, куда делась Лилия.

День 3. В обход до Иструма [оглавление]

Проснувшись, он сразу понял, где находится. Вопреки привычкам, немедленно открыл глаза и уселся.

Та же комната, та же обстановка. Проснуться окончательно не удалось — ладно, посмотрим, что принесёт третий день.

Третий! А кажется, что уже год тут. Столько странного вчера узнал... Артём спрыгнул с постели, и принялся делать утреннюю зарядку. На втором буквально движении ему «позвонили». Не ожидал: он подпрыгнул — попытался — и, как следствие, чуть не ударился лбом о крышку стола.

— Сэр Ортем? — голос Лилии. — Не разбудила?

Она знает, что не разбудила, подумал Артём, и усмехнулся. Откуда только — непонятно.

— Доброе утро, Лилия. Нет, не разбудили.

— Можно войти?

— Да, — ответил Артём и запоздало понял, что одет по минимуму. Но поздно — дверь уже отворилась, и ещё через несколько секунд Лилия подошла к двери в спальную.

— Приятно видеть, что кто-то делает по утрам зарядку, — улыбнулась она. — Помочь вам одеться?

— Я сам попробую. Если что не так пойдёт, скажете.

Поразительно, но все странные предметы одежды — начиная с давешнего «купальника» — по свойствам судя, это термобельё, или как это на Земле называют. Удобная штука! И свежая — такое ощущение, что свежестиранная. Как это получается? И все остальные предметы одежды тоже свежие. Поразительно!

— Замечательно, — одобрила Лилия. — Чему вы хотите научиться сегодня?

— Пока не знаю. Скажите, а чем вообще занимаются дроссели? В свободное от похода время?

Лилия старалась сдержаться, но не смогла, расхохоталась. Тут же взяла себя в руки.

— Извините, сэр Ортем. Вам правду сказать? Бездельничают. Так, что смотреть страшно. Но вы уже поняли, наверное — дросселей очень мало, и армия без них никак. Можете делать что угодно, пока не нарушаете Закон.

Она так и сказала: Закон, с большой буквы.

— Тогда расскажите мне больше про Закон. И... мне, наверное, показалось, но все мужчины сейчас воюют? На улицах вижу почти одних женщин.

Лилия посерьёзнела.

— Вы задаёте неприятные вопросы, сэр Ортем. Мой совет — не задавайте их кому попало.

Вот так номер! Что такого страшного в вопросе?

— Я отвечу, — пообещала Лилия. — Просто будьте осмотрительнее в следующий раз. Идёмте завтракать.

-

Рим действительно производил впечатление вечного города. Признаться, здесь мало что напоминало тот Рим, который Артём видел на картинках, и в который так и не собрался съездить. Смог понять, что здешний Рим немал — по земным меркам, жилая часть километров десять в поперечнике, по здешним — в сорок стадий. В одном талане шестьсот сорок стадий, то есть — сто шестьдесят километров. Стало быть, встретились они почти за пятьсот километров от Рима. Ничего себе! И как долго бы шли туда, не окажись Артём дросселем?

— Говорите, сэр Ортем, — посоветовала Лилия. Она видела, как меняется иногда лицо нового подопечного. Так менялось лицо её брата, когда он говорил на странном новом языке, и полностью забывал и сестру, и всех прочих родных. Так выглядело его лицо, когда чуть не в центре Рима начала отовсюду вылезать нечисть, и брат, хватая за руки первых встречных, ищущих спасения от смерти, уводил этим своим почти волшебным способом от опасности — доля секунды, и вот он снова здесь, и спасает ещё кого-то. Лилия с матерью не были первыми спасёнными, их брат пробовал увести, когда его убили. Лилии самой захотелось закрыть лицо ладонями. Вроде уже простились с ним, но всё равно болит. — Пожалуйста, говорите. Вам страшно, да?

Их никто не слышит. Ну, если сэр Ортем начнёт говорить громко, услышат. Он посмотрел в глаза Лилии и кивнул.

— Очень. Никогда такого не было.

— Просто говорите что-нибудь, станет легче.

— Почему именно вас попросили помочь мне? Из-за брата?

«Попросили». Лилия чуть не усмехнулась. Она случайно слышала. Бросила работу, практически — выдумала какую-то нелепицу, чтобы отпустили на минутку из ангаров. Успела побывать у хозяйки — та как раз говорила с кандидатками. Не хотелось просить, унижаться, но и жить так уже не было сил. Всего вторая неделя в ангарах — а сказывается, что танки высасывают жизнь даже из тех, кто о них заботится.

— Да, — В общем-то, это правда. — Я сама попросила дать мне это поручение. Говорите, станет легче. Вы уже поняли, что я никому не расскажу.

— Вы обещали рассказать, почему я вижу так мало мужчин. Из-за войны?

-

Удивительно, но есть библиотеки. Правда, здешние книги трудно назвать книгами — выглядят как обложка с парой страниц внутри — назвалбы электронной книгой, ведь всем похожа, но не требует никакого электричества. Никаких разъемов, но можно читать с неё всё, что есть в библиотеке. Кино нет, телевидения и радио тоже. Есть театры — в их исходном значении, есть библиотеки. А ещё люди часто общаются друг с другом. Для Артёма это было диковато — его отчего-то побаивались, это читалось на лицах, но все вполне искренне заговаривали, как минимум — желали всего доброго. Там, во владениях Ингир, почти вся тамошняя прислуга появилась в то утро и поздоровалась. Здесь принято ходить в гости, помогать ближнему своему. Там, у себя дома, Артём практически ничего не знал о людях, живущих в одном с ним подъезде, а здесь все интересуются друг другом. Пусть даже это простая вежливость и вопрос — не нужна ли помощь. Собственно, здесь «здравствуйте» говорят при прощании, а здороваются выражением «вам помочь?»

...Итак, мужчин мало, и, по словам Лилии, становится всё меньше. Никто не понимает причин — сейчас мужчины рождаются раз в семь реже женщин. И эта пропорция всё дальше отходит от биологической нормы. Современная медицина сильно отстала от той, когда произошла не вполне понятная Артёму глобальная катастрофа — после которой Землю почти полностью захватила та самая «нечисть», но вот что характерно: ни одного больного за всё время не увидел! Никто не кашлянул, не чихнул. Никто ни на что не жалуется, в смысле здоровья. По словам Лилии, доктор был обязан осмотреть Артёма, когда тот впервые вошёл в Рим — но эта часть пока не припомнилась. Память понемногу возвращалась, но очень уж понемногу.

Так вот, медицина, победившая практически все недуги, не допускающая эпидемий, ничего не может сделать. Ни искусственное оплодотворение, ни что иное не помогает — пропорция остаётся далёкой от пятидесяти на пятьдесят. Наука бессильна.

Вот так и живём. Мужчин мало, танки изнашивают женщин чуть не вдвое быстрее, чем мужчин, но остаются пока единственным достойным оружием против нечисти. Сама нечисть уже не устраивает массовой охоты на людей, но прорывы, наподобие недавней битвы за Рим, всё ещё случаются.

Теперь понимаю, подумал Артём. От Лилии он узнал, что Инес — мать первого сына сэра Джеймса. Теперь понятно, почему к ней относятся, как к царице — при том, что она вовсе не бездельничает, и много работы делает сама. Не только распоряжается, в общем. И «хозяйка» означает женщину, которой мужчина доверил распоряжаться хозяйством. Не всегда, но часто она и мать его детей. А уж если родился сын, то становится очень, очень уважаемой особой. Вот как. То есть отдельное ложе — если хозяйка не желает спать с хозяином. Так, что ли?

Артём сумел побороть неловкость почти сразу, и задал этот вопрос, глядя Лилии в

глаза. Она кивнула, не смущаясь.

— Потому я и сказала — будьте осторожны, когда будете выбирать хозяйку. Многим нравится такая власть, но не все с ней справляются.

Следующий вопрос он не сумел задать, Лилия ответила раньше.

— Нет. Я никому не хозяйка. И мне не приказывали стать вашей, — Она при этом улыбалась, и это смущало больше всего. — Но мне нравится, что я вам нравлюсь. У меня скверный характер, сэр Ортем, имейте в виду.

— Никогда бы не подумал, — искренне ответил Артём, и получил весёлый смех в ответ.

И тут его «вызвали». Не было времени привыкнуть — отшатнулся от неожиданности.

— Сэр Ортем? — голос сэра Джеймса. — В течение часа явиться в казармы, выступаем через полтора часа.

— Вас понял, сэр Джеймс, — отозвался Артём прежде, чем понял, кто его вызывает. — Конец связи.

— Приказано явиться в казармы в течение часа, — пояснил Артём, поднимаясь на ноги, и осозная, что не очень понимает, что ему надеть из своего нового гардероба. И когда успели всё то привезти?

— Идёмте, я помогу вам, — поднялась вслед за ним на ноги Лилия.

-

Через сорок минут Артём, сам одетый в то, в чём ходила Лилия — на вид, джинсовый костюм, а под ним ещё сто одежек, начиная с того самого термобелья — уже входил в ворота своей казармы. На входе его приветствовал сержант — знаки различия Артём уже выучил — тем же жестом, что на Земле. Второй сержант проводил Артёма, не задавая вопросов — указал, в какое здание. Там уже был сэр Джеймс.

— Вам помочь, сэр Ортем? — осведомился он, и действительно, всем видом показывал, что готов помочь. Сейчас на нём были знаки различия капитана. — Вам к оружейнику. Вот задание, — протянул он конверт. — Вскрыть через тридцать три минуты. Рота выступает через сорок восемь минут, из третьего шлюза. Вопросы есть?

— Есть. Не знаю, где оружейник.

Сэр Джеймс широко улыбнулся, и хлопнул Артёма по плечу.

— Сержант покажет. Один совет, сэр Ортем: ни с кем не здоровайтесь. Для людей это важно. Сумеете?

— Так точно, господин капитан. — Тело само собой встало по стойке смирно. Когда успели вернуться рефлексy? — Разрешите идти?

— Вольно, сэр Ортем. Идите.

Своего звания Артём не знал, что характерно. Но сержант держался с ним с явным уважением. А может, отчасти и со страхом — если Артём правильно истолковал его взгляд.

— Входите, сэр Ортем, — приветствовал его оружейник. Артём почувствовал себя, словно на съёмках фильма про 007 — столько всего странного вокруг. — Снимем мерку. Встаньте вон там, спиной к стене. Поднимите обе руки над головой, вертикально. Закройте глаза.

Похоже, по нему прошлись чем-то вроде лазерного луча — глаза почувствовали, даже сквозь веки.

— Вольно, сэр Ортем, — Сейчас только Артём увидел, что и видом здешний оружейник похож на старика «Q» из фильмов. Морщинистое лицо, худощавый, быстрый и собранный. Первый раз вижу старика, подумал Артём. На лицо. Лилия сказала, что долгий контакт с

танками приводит к таким последствиям. Так и не узнал ведь, что такое танки, откуда взялись, и почему так опасны для людей. — Осаго будет готово через два дня. Много заказов, обычно я его за пару часов готовлю.

— Что, простите, будет готово? — Артём вновь подумал, что его разыгрывают.

— Осаго, — указал оружейник, сам не представившийся. Отошёл и указал: на манекен напротив были надеты доспехи. Практически латы на вид — будь они из стали, весили бы килограмм сорок. — Всё стандартное, хотя я внёс несколько модификаций.

— А это, — осмелился Артём, указывая на лежащий на соседнем столе шлем — похожий на тот, что снял с себя при первой встрече сэр Джеймс, — каско, верно?

— Совершенно верно, — Ни тени улыбки. Деловой, спокойный взгляд. — Вижу, память к вам возвращается, раз вспоминаете названия. Всё, можете идти.

— Простите, без брони? — По словам Лилии, только современная броня, помимо танков и оружия, помогает человеку выстоять против нечисти. Иначе одного буквально прикосновения достаточно, чтобы превратить человека в такую же нечисть за считанные часы.

Вот теперь оружейник удивился.

— Вам ведь выступать сегодня. Ну да.

«А почему барон Мюнхгаузен был без ружья? — Но ведь он пошёл на охоту». Ничего не понимаю, подумал Артём. Абсолютно. Бред какой-то. Удивительно, но желания расхохотаться, едва он услышал название брони, не возникло.

— Вас понял, сэр. Я так понимаю, что и без оружия.

Оружейник кивнул, снова со спокойным выражением лица. Отлично. То есть в бой — безо всего. Ни оружия, ни брони. И это в порядке вещей.

— Зайдите после похода. Посмотрим, что вам подобрать, — посоветовал оружейник на прощание.

Практически, выставил силой, хотя и не понятно, отчего. Артём направился к тому, что здесь называли шлюзом — местом, откуда войска отправлялись в поход. Шёл, ощущая взгляды, но — никто не поздоровался, хотя все смотрели. Как на обезьяну в цирке, подумал Артём. Чёрт, а ведь сейчас, возможно, отправляемся воевать! Удивительно, но пока не получалось поверить в это — всё ещё оставалась некоторая надежда, что удастся вовремя проснуться.

-

Его словно в упор не видели. Рота уже ждала — до отправления оставалось ещё семь минут, но похоже, что все уже здесь. Сэр Джеймс стоял во главе — что характерно, ни одного танка, все пешие. Сияющая броня, простите — осаго; спокойные и серьёзные лица. Им всем не больше сорока, подумал Артём. И ни одного по-настоящему молодого тоже нет. В свои тридцать я тут как бы не самый молодой, выходит.

Место во главе колонны, рядом с капитаном, было подчёркнуто свободным. Место для дросселя, если он есть. Что ж, чтобы не бояться — надо чем-нибудь заниматься. Например, своим делом. Артём обратил внимание, что первые две шеренги и облачены во что-то, помимо осаго, и держат оружие наготове. Остальные — с пустыми руками, хотя вряд ли безоружны.

На него по-прежнему в упор не смотрели. Неплохо начинается служба, подумал Артём. Ну, в общем, да — кто я такой, в конце концов? Вначале принят за разбойника, ничем себя ещё не проявил, зато уже и при деньгах, и всё́м таком. Не заслужил ведь ещё пока.

Он встал рядом с капитаном. Часы разрешалось брать с собой — оружейник явно указал, что именно брать не положено. Часы — можно. Собственно, часы — это шарик, по которому ползут три цветных пятнышка. Точность, по словам мастера, который подарил Артёму часы, около секунды в столетие. Обладеть можно.

Тридцать секунд ползли и ползли непереносимо медленно. Артём посмотрел в глаза сэра Джеймса — тот едва заметно кивнул. Три. Два. Один...

Все шагнули в ногу с Артёмом. Тот едва не остановился от неожиданности — настолько всё необычно. Команд, чего-то вроде «левой! левой!» не было. По карте, им следует отойти от Рима, держаться вдоль пограничных столбов — красные, яркие, в темноте светятся и видны на большом расстоянии — а потом по огромному кольцу вокруг. Артём шагал, изо всех сил стараясь двигаться уверенно и ровно, и вместе с ним шагала вся рота.

Левой. Левой. Раз, два, три... Левой. Левой. Раз, два, три... Всё ещё немного не по себе — страшновато, что поделать. А вдруг не получится? Говорили, что свойство дресселя иногда оканчивается внезапно. Было — и вдруг не стало. Такое случалось крайне редко, но случалось. Не бояться. Главное — не бояться.

Забавно, но отчего-то вспоминалось смешное. Всплыла вдруг, сама по себе, сцена из «Айболита-66». Никто среди друзей, родственников и знакомых Артёма не любил этот странный фильм, а он любил. И сейчас припомнилось, как пираты идут через болота... «А мы его перехитрим, и пойдём... в обход».

Уже знакомая музыка зазвучала в ушах, и ноги сами собой стали печатать шаг твёрже. Под ногами — не то бетон, не то просто очень плотный, утоптаный грунт, идти по нему удобно и легко.

— Ходы кривые роет, — неожиданно сам для себя запел Артём вслух, — подземный умный крот...

— Нормальные герои всегда идут в обход, — подхватила за ним вся рота, во главе с сэром Джеймсом.

Как в тот раз, когда они шли с ним вдвоём, дорога поплыла под ногами. Артём едва успел сосчитать, сколько именно столбов нужно пройти, и чуть не упустил нужный поворот. Забавно: пейзаж вокруг сам поворачивался под ногами, и плыл, и плыл, и плыл. Он украдкой, не переставая петь, оглянулся — все улыбались — ну естественно, петь настолько, скажем, несерьёзную песню. А они откуда её знают, позвольте? Впрочем, сейчас это неважно. Вперёд!

Минуты через три мелькания пейзажей вокруг Артём начал чувствовать, что на нём словно появился неплохого такого веса рюкзак — шагалось по-прежнему легко, но сил стало требовать больше. Ерунда, судя по карте, уже прошли более трёх четвертей пути.

Он заметил это и указал жестом сэру Джеймсу. Деревня, или как правильно назвать — в общем, небольшое поселение. Там что-то происходило внутри. Скорее чутьём понял, ещё пара шагов, и деревня бы уплыла за горизонт. Сэр Джеймс кивнул. Стоп машина!

Его словно придавило к земле свинцовой глыбой. Ноги едва держали, лёгкие горели, словно только что пробежал спринт. Крики, звуки стрельбы. Да, тут непорядок.

Перед глазами всё плыло, глаза видели нечётко, проходило всё это медленно. Артём осознал, что давешние две шеренги окружили его кольцом, и теперь вокруг них словно дымкой всё затянуто. Обладеть, какое-то защитное поле! Странная смесь технологий, и ведь ни одной фабрики нет, ни единого завода. Откуда?

Ясно теперь, почему они так вооружены, и держат всё напоказ. Охраняют своего

дросселя. Ну да, без него дорога домой может занять многие дни, а то и недели.

Удалось устоять на ногах — Артём понял, что на деревню, похоже, напали. Вот кто такие охолы, по словам сэра Джеймса — держатся малыми группами, Закон не чтят, живут разбоем. Однако серьёзного оружия у них нет, тут нужна всё-таки инфраструктура, просто так украсть из арсенала и промышлять разбойной жизнью не выйдет. Надо всё это заряжать, чистить, и всё такое. Выходит, что Артём многого ещё не знает, даром что почти весь предыдущий день расспрашивал Лилию, и та отвечала на все вопросы.

Минут через десять всё было кончено. Артём слышал команды сэра Джеймса и остальных — похоже, один взвод остаётся — для охраны; сюда же направят другие силы, а потом...

— Возвращаемся в Рим, сэр Ортем, — в круг бойцов вошёл сэр Джеймс. На каско и не осаго его виднелись свежие царапины — а ведь по словам оружейника такое никакой сталью даже не поцарапать. Однако! — Каким путём лучше идти?

Он в самом деле спрашивал, держа карту перед собой. Судя по карте, осталась четверть пути. Почему он спрашивает?

— Дальше, — голос не слушался, вначале Артём даже не прошептал — просто беззвучно открыл рот. Чёрт, вот устал ведь! — Вперёд, сэр Джеймс.

Тот кивнул и зычно крикнул построение. Всего через пару минут все уже стояли в прежнем порядке. Стоял и Артём, хотя это давалось с трудом. Ну, ноги, ещё немного!

Удивительно, но почти сразу же пришло то «музыкальное» состояние, а ещё через пару шагов сама собой зазвучала в ушах та песня про обход.

...Едва они прошли обозначенную границу шлюзов — вернее, пронеслись, Артём уже осознавал, что отчасти может усилием воли управлять скоростью перемещения пейзажа под ногами — как сэр Джеймс махнул ему — стоп!

И всё. На этот раз свинцовая гора рухнула, прижала к земле и раздавила в одно мгновение.

День 4. Жизнь за Айур [оглавление]

Показалось даже, что повторяется вчерашний день, а всё, что случилось накануне, просто приснилось. Однако нет — рядом с постелью сидела незнакомая Артёму черноволосая девушка. Понятно только, что она работает под началом хозяйки этого дома — у всех есть своеобразные знаки различия, символика. У этой волосы заплетены в косы, в каждую вплетена синяя лента. Такие же ленты, где на одежде, где в волосах, у всех остальных.

Артём уселся. Рывком. Некогда валяться. Удивительно, какая бодрость! Вчера вообще ничего больше не помнил. Провалы в памяти — это плохо, однозначно. Вот как он сюда пришёл? Кто его уложил и, простите, раздел?

— Сэр Ортем! — девушка, похоже, задремала. И испугалась — видно по лицу. — Вам помочь? Как выспались?

— Спасибо...

— Марина, — представилась она с улыбкой. — Вы ничего не помните, я знаю. Вы вчера спасли жителей Иструма. Мы очень вами гордимся!

— Мы? — прыгнул на пол и понял, что бодрость бодростью, а координация пока не восстановилась. Вот чёрт! И опять, простите, в чём мать родила. Попытался отчасти прикрыться, отчасти просто удержаться на ногах. И...

Дверь отворилась. Можно было и постучать, подумал запоздало Артём. Вошла Лилия.

Картина маслом: Артём, взъерошенный, ни во что не одетый, стоял вплотную к Марине, прижав ладонь к её бедру — не намеренно, естественно; просто старался не упасть, и схватился за первое, что попало под руку.

— Вам помочь, сэр Ортем? — Лилию, похоже, трудно удивить. Улыбалась, но улыбка, если можно так сказать, нейтральная. Без намёков.

— Я помогу ему, не беспокойся, — спокойно ответила Марина, не оборачиваясь. Положила ладонь поверх ладони Артёма и, мягко и вежливо, убрала его ладонь. — Позаботься о завтраке, хорошо?

— Конечно. Рада видеть вас в хорошем настроении, сэр Ортем!

И нет её.

— Держитесь, — Марина протянула руку. — Вижу, вы не хотите, чтобы я помогала. Просто возьмитесь, если нужно.

Да, это пригодилось. Ещё через три минуты Марина придирчиво осмотрела его — поправила, чуть-чуть, куртку, и всё.

— Вы расскажете нам? — Марина отступила на шаг. — Расскажите, что было в Иструме?

— Что смогу, — Вроде бы сэр Джеймс не говорил, что можно рассказывать, а что — нет. Будем полагаться в такой ситуации на здравый смысл. — А кому рассказать?

— Мне, — немедленно ответила Марина. — Лилии. Всем в доме, кто захочет. Расскажите?

— Конечно, если вечером буду свободен. Спасибо, Марина, — спохватился Артём. Надо было с этого начинать.

-

Язык не поворачивался назвать всех этих людей слугами. А как правильно? Домочадцы? Лилия успела пояснить, что, в связи с демографическим состоянием, люди сейчас живут большими семьями. Причём слово «семья» сейчас означает вовсе не то, что в том месте и времени, откуда Артём не так давно попал сюда. Тут скорее подойдёт слово «дом» в старинном значении — глава дома, все его родственники; все, кто работают или живут в его доме.

Тут не получится жить в соседнем доме и не иметь никакого представления о том, кто живёт рядом. Тут по-другому не выжить. В Риме, Лиссабоне и Лондоне, и в окрестных землях, примерно в радиусе десять таланов, жизнь ещё можно назвать спокойной. Восстанавливается производство, вновь создаются фермерские хозяйства. Удаётся даже вести научные изыскания; именно научным достижениям, по словам Лилии, люди обязаны, вероятнее всего, тем, что мужчин уже почти сто пятьдесят лет всего лишь в семь раз меньше. Тенденции были куда более пугающими. Но причина такого перекоса всё равно непонятна.

Артём насчитал четырёх мужчин и двадцать две женщины, пока завтракал — из тех, кто появились, поздоровались и расспросили, насколько позволяла ситуация и вежливость, как дела. Причём характерно: мужчинам всем за пятьдесят, а женщины почти все моложе сорока.

Пока не буду спрашивать, подумал Артём. По словам Лилии, это больная для всех тема. Не то чтобы нельзя обсуждать, но просто так трепать языком не стоит. Всё записано в книгах: огромная часть культурного наследия человечества выжила, что бы там ни произошло непонятно когда. По звёздам можно было бы понять, какой тут год, если это на самом деле Земля. Только вот не помню, как это делается. Стой, но ведь есть же

компьютеры? Не может не быть, раз есть все эти чудо-аппараты. Нигде нет мусора: везде стоят, куда ни кинешь взгляд, урны. Так их урнами и величают — полностью перерабатывают в безвредные соединения всё, что туда ни положишь. При этом есть защита «от дурака»: если сунешь, по великому уму, руку в урну, рука не пострадает.

Медицина: ни у кого никаких признаков дряхлости. Люди живут, если удаётся пережить первые двадцать лет, лет сто двадцать — не очень долго, по словам Лилии: война продолжается. То, что сэр Джеймс назвал нечистью, всё ещё занимает большую часть планеты, но, как бы выразиться, дезорганизована. Если бы обладала достаточным разумом, был бы ещё вопрос, кто хозяин на планете. А так — человек с боями, но возвращает всё то, что уже успел некогда сделать своим. Медленно: такими темпами планету придётся освобождать не одно столетие. А что поделаться?

Транспорт: дилижансы, и ведь у них в качестве генератора энергии стоит какой-то реактор. При этом радиации ноль. Мифический холодный термояд? Что-то ещё? Всякая мелочь: есть репликаторы. В этой части Лилия тоже попросила не сильно трепаться, но основные предметы люди получают автоматически, и сами репликаторы тоже удаётся воспроизводить. Отлично, то есть человечество успело освоить так много новых технологий, что не соскользнуло назад, в каменный век, после не очень понятной пока катастрофы.

И люди: никогда рядом с ними не было так спокойно. Там, у себя, когда пользовался общественным транспортом, Артём физически ощущал неприязнь, чуть ли не ненависть вокруг, и общую нездоровую атмосферу. Человек человеку — волк. А здесь не так. Здесь один не выживет. Может, оттого они и здороваются словами «Вам помочь?» Причём это не просто слова. Что говорят, то, буквально, и имеют в виду.

— Войдите! — отозвался Артём, когда в дверь постучали. Интересно, кто застелил кровать? До сих пор неловко — профессию сам не выбирал, досталась непонятно откуда. Заслуг особых за собой не чувствует: в конце концов, ту деревушку, Иструм, освобождала рота сэра Джеймса. А относятся почтительно, хотя и без подобострастия.

Он обнаружил, что они обе стоят перед ним. Лилия и Марина. Что за наваждение. Поутру Марина, точно помнит, казалась черноволосой. А сейчас — они обе светловолосые. И почему казалось, что Лилия неотличима лицом от Инги? Вот Марина — да, практически сестра-близнец. Что творится с головой?

— У вас сегодня две помощницы, сэр Ортем, — Лилия улыбнулась, но глаза её оставались неулыбчивыми. — Хозяйка дома приказала Марине помогать вам во всём.

— Это правда? — Артём посмотрел на Марину. Они удивились. Обе.

— В моей... там, в прошлом, такой вопрос — просто оборот речи, — пояснил Артём, начиная чувствовать себя неловко. Ведут себя так, словно он прямо сказал: «да врёте вы всё!»

Девушки переглянулись и улыбнулись, неловкость прошла.

— Конечно, — подтвердила Марина. — Вы сможете найти, чем занять нас обеих?

Лилия рассмеялась и взяла Марину за руку. Взглядом пояснила — да, сможет.

— Вас ждут сегодня в «Пьяном драконе», сэр Ортем. Простите, что перебила — ваша рота будет там вся сегодня к полудню. Через два с четвертью часа.

— Вы проводите меня? — посмотрел Артём в глаза Лилии. Та кивнула.

— Можно попросить вас подождать у выхода?

Лилия ещё раз кивнула, улыбнулась по очереди им обоим — и нет её. Дверь затворилась бесшумно.

— Марина, кем вы обычно работаете?

Замешательство на её лице. Видно, очень уж странно звучит вопрос.

— То есть, чем занимаетесь чаще всего?

— Книгами. Мы обнаружили недавно две старинные библиотеки, я помогаю разобраться с ними.

— Отлично! А можно попросить вас подобрать самое интересное из современных книг?

— Конечно. А какие именно?

— Научные и художественные. Если есть художественные.

— Есть. У меня самые известные номера телефонов за последние два века.

Стоило большого труда не рассмеяться, и тщательно скрыть изумление. Видимо, Марина поняла его взгляд правильно.

— Телефоны пишут и читают, для других людей, художественные книги, сэр Ортем. Номером называются самые популярные книги. Обычно они свои и читают. У нас работает пять телефонных линий. Знаете, многим нравится слушать.

— Понимаю, — покривил Артём душой. Чёрт побери, как они успевают? Вроде бы вечно воюют, куда ни кинь — везде опасности и всё такое, а у них пять чтецов, готовых порадовать интересными книгами! — А то, что читают глазами? Можно, я сам прочту?

— Конечно. Что именно вам выбрать?

— Из наук — последние публикации по всем наукам. А из художественного — предложите что-нибудь на ваш вкус. Там, в той жизни, я любил читать книги и слушать музыку.

Марина рассмеялась, и Артём вздрогнул. Её смех — у Инги звучит точно так. Чёрт побери!

— Простите, сэр Ортем, — спохватилась Марина. — Не хотела вас задеть. Я понимаю, вы просто говорите не те слова. Такое часто бывает с дросселями. Когда вам нужны книги?

— Вернусь из «Пьяного дракона» — и сразу сяду читать, если других дел не будет.

Марина покивала. «Марина» — «морская», подумал Артём. То ли показалось, то ли Лилия говорила — имена сейчас просто так, от нечего делать, не дают. Имя обычно многое говорит о человеке. И очень часто люди меняют имя, как только становятся совершеннолетними. Вот так.

— Удачного дня, сэр Ортем! Здравствуйте!

— Здравствуйте, Марина, — вполне искренне пожелал Артём. Чёрт побери, так и не успел ещё привыкнуть, что здесь это слово говорят в качестве формулы прощания.

-

Он ни слова не сказал Лилии — куда хочет, зачем — но она привела его в «заведение» — кафе, или как его сейчас называют — оно же место общения и культурного досуга вообще. В Риме есть кинотеатр, припомнил Артём, и театр. Во дают, что ещё сказать! В любой момент может начаться что-то подобное битве за Рим — когда буквально из-под ног вырывается на свободу эта их ужасная нечисть — а люди живут так, словно век уже здесь находятся, и ещё век спокойно проживут. Не беспокоятся о том, что не в их власти. Просто живут.

— Мы в «Пьяном драконе», — пояснила Лилия, жестом поманив официанта. — Но этот тихий зал. Здесь не принято громко веселиться. Ваша рота будет в соседнем зале. Не беспокойтесь, я напому.

— Благодарю, — отозвался Артём. Чуть не сказал «спасибо», а это слово сейчас имеет

пренебрежительный смысл. То есть формально — благодарность, но ироническая. Надо следить за языком.

Лилия покивала.

— Я вижу, вы уже почти пришли в себя, — заметила она после того, как отпили из своих чашек и посидели пару минут в тишине — так положено сейчас пить чай.

Она про утро, подумал Артём. А что, и спрошу. В конце концов, дроссели вообще не от мира сего.

— Я видел, как вы посмотрели на нас с Мариной. Этот жест что-то означает?

Лилия опешила. И чуть не рассмеялась — видно по глазам. Но не рассмеялась.

— Так вы не знали?! Правда?

— Просто объясните. У вас было странное выражение лица... — Артём пошевелил в воздухе пальцами. — Как будто кто-то один в той комнате лишний.

Лилия покачала головой — вполне искреннее изумление не торопилось покидать её лицо.

— Да, означает, — Она внимательно смотрела ему в глаза. — Если мужчина прикасается ладонью к бедру женщины — он предлагает ей близость.

Артём чуть не поперхнулся. Вспомнил, с каким выражением лица Марина убрала его ладонь. Точнее, почти без выражения, как если бы это случилось невзначай. Чёрт, это и была случайность!

— Вы не смущаетесь. Это хорошо. Даже если вы так сделаете при людях, в этом нет ничего неприличного, — продолжила Лилия. — Но хочу сразу сказать, сэр Ортем. Если предлагаете подобное, не вздумайте потом отказаться.

— Это понятно.

— Не думаю. Если женщина словно не заметила вашего жеста — значит, ей это не нужно. В этом ничего обидного — не хочет, и всё. Впрочем, вы можете попробовать снова — если она не заметила. Это тоже в порядке вещей.

Вот теперь он почти покраснел. Снова вспомнил, как убрали его руку. Лилия улыбнулась.

— Марина всё понимает, не беспокойтесь. Если это была случайность, она поняла без объяснений.

— Очень надеюсь. Скажите честно, Лилия — я вчера звонил вашей госпоже?

— Звонили. Не помните? Удивительно! Вы проснулись — практически выпрыгнули из постели — позвонили ей, и снова легли спать. Всё в порядке. Вы сегодня много молчите, сэр Ортем. Я могу чем-то помочь?

Верните меня домой, чуть не сказал Артём. Звучало бы малодушно. Мне нужно увидеть Ингу, подумал он. Я даже не понял, чем её обидел. А ещё меня уже потеряли родители, на работе тоже ищут с собаками — а я не пойми где. И то, что поутру ничего не помню, совсем не радует. Это ведь явно что-то с головой.

— Доктор осматривал вас, — словно мысли прочла Лилия. — Можем сходить на медосмотр ещё раз. С вами ничего такого, что стоило бы лечить.

— Ничего не помнить поутру — нормально?

— Вы — дроссель. Для вас — нормально. Нет, я не шучу. Знаете, что? У нас ещё час. Вы хотели увидеть римские школы. Я знаю место, где вам будут очень рады.

— Серьёзно?

— Хорошо, что я понимаю, что на самом деле вы хотели сказать. Но осторожнее с этим

словом с другими, хорошо? Ну что, сходим? Это недалеко.

«Это» оказалось в десяти минутах ходьбы. Школа, на вид по крайней мере, была одним из старинных зданий — возможно, времён здешней Римской империи (если она существовала).

Школа и была школой — воспоминания сразу же нахлынули волной. Похоже, все школы вселенной будут одинаковы, если там обучаются люди. И опять ощущение нереальности — люди живут в состоянии если не войны, то ожидания войны, а здесь всё самое мирное. Не считая охранников, которых, похоже, не меньше, чем персонала и учеников.

— Перемена через три минуты, — понизив голос, сообщила Лилия, после того, как поговорила с охранницей — та подошла поинтересоваться, в чём цель визита. — Помните: не говорите ни слова, пока к вам не обратятся. Но если спросят, отвечайте. Договорились?

Звонок грянул, прямо как в родной школе Артёма — они оба стояли под ним, и звук воспринялся, как удар по ушам.

Учеников-то сколько! Они волной выплеснулись в коридор, и вообще не обращали внимания на пришедших — бегали вокруг, галдели, что-то с жаром обсуждали. Обычные такие ученики. Обычная такая школа. Если бы не тот факт, что вокруг них были только девочки, Артём подумал бы, что вернулся домой.

— Нам сюда, — Лилия указала дорогу. Странно: перемена объявлена, а из двери никто не выбегает. Лилия открыла дверь и встала в стороне.

Артём вошёл первым. Вот где они держат мальчиков. Некоторых из них, как минимум. В классе были мальчишки разных возрастов, на глаз — между восемью и одиннадцатью. Едва Артём вошёл, как они моментально прекратили заниматься своими делами, замолчали и встали по стойке смирно. Преподаватель — седовласый, крупный мужчина в военной форме — также стал по стойке «смирно».

— Сэр Ортем Злотникофф, дроссель пятой танковой роты Федерации, — представила его Лилия, вошедшая следом — и отошла в угол.

Столько восхищённых взглядов Артём давно не видел. Заметил едва видимый кивок преподавателя — и мальчишек как ветром сдуло — все бросились к нему. Прикасались к одежде, смотрели и молчали, не теряя восхищённых взглядов.

— Сэр Ортем, — нашёлся самый храбрый, — а вы правда недавно спасли Иструм?

— Я заметил, что они в беде, и помог нашей роте прийти туда. Мы все их спасли, не я один.

И прорвало. Самые разные вопросы посыпались — мальчишки есть мальчишки. Но один вопрос запомнился лучше остальных.

— Сэр Ортем, а вам хоть раз было страшно?

— Всегда немного страшно. Может, поэтому мы всё ещё живы.

Тут Артём, что уж греха таить, повторил слова деда-фронтовика. Только когда того не стало, пришло понимание, как мало с ним довелось поговорить.

— Рад вашему визиту, сэр Ортем, — преподаватель подошёл, когда наступила пауза в расспросах. Лилия предупреждала: за руку у нас здороваются, но только близкие друзья. Это как бы показывает, насколько вы доверяете друг другу. Все прочие здоровались, или прижимая кончики пальцев к виску — на военный манер — или прикасаясь ладонью к правому плечу другого человека.

— Удачи вам и мирного неба! — пожелал Артём на прощание — Лилия дала понять,

что задерживаться не стоит — и покинул класс, ощущая всё те же восторженные взгляды.

— У вас есть что-нибудь личное? Что-то такое, что было бы жалко отдать — но что вы могли бы отдать?

— Есть, — ответил Артём не сразу. Перочинный нож ближе всего. Понятно, что вовсе он не перочинный, но так называется. Талисман своего рода.

— Тогда вернитесь, и подарите кому-нибудь. На ваш выбор.

Вот как. Что ж... Артём вернулся — в классе все немедленно встали по стойке «смирно» — и, отыскав взглядом того паренька, который спрашивал про страх, вручил ему нож.

— Удачи! — похлопал он его по плечу (не забыл узнать у Лилии, допустимо ли), и покинул класс. Судя по шуму за спиной, все бросились смотреть на подарок.

Лилия ответила на его вопрос, прежде чем он его задал.

— Не отнимут, не бойтесь. Нам пора, скоро прибудет ваша рота. Сегодня я оставляю вас, сэр Ортем. Если будет нужна помощь, звоните. Но думаю, Марина справится.

— А вы? — он посмотрел Лилии в глаза, и та усмехнулась.

— Я — назад, в ангары. Это наказание, если вам ещё не сказали. Спорить не буду, я была виновата. Это за дело.

— И долго вам там теперь работать? — То, что работа с танками вредна для здоровья, Артём знал уже очень хорошо.

— Здравствуйте, сэр Ортем, — Лилия положила ладонь ему на плечо. — Вам прямо и направо. Звоните, если нужна помощь.

И ушла. Не оглядываясь. На лице её долю секунды было такое выражение, словно она вот-вот расплачется.

Вот как. Ведёт себя так, словно я чем-то её обидел, подумал Артём. Она чего-то ожидала от меня, чего я не сделал. Или мне показалось?

Махать рукой на прощание здесь не принято. Более того, это трактуется совсем иначе: «пошёл, пошёл!» — так прогоняют со сцены не понравившихся актёров. Весьма грубый жест. А ведь пару раз чуть не сделал его, совершенно без задних мыслей. Мог бы и влипнуть.

Где я? Почему я здесь? Домой хочу, чёрт возьми. Даже не потому, что дома кто-то есть и беспокоится — точно есть и точно беспокоится — а потому, что чувство нереальности происходящего не желало отпускать. Казалось бы — получил, совершенно и пальцем не ударив, достаточно уважаемое положение в обществе из-за способностей, непонятно откуда взявшихся. И ощущается, если совсем честно, что он один тут бездельник. Понаблюдал: никто без дела не сидит. Лилия, когда Артёму не требовалась помощь, вовсе не прохлаждалась. О чём-то говорила с окружающими и иногда исчезала ненадолго. Артёму казалось, что пару раз он видел её, чем-то занятой — то есть, как выдаётся время, старается быть полезной. Если находят ей занятие, работает.

Когда у меня выдавалось время, я предпочитал бить баклуши, подумал Артём мрачно. Домой хочу. И первое, что сделаю — перестану бить баклуши. Много что собирался изменить в себе, на словах — пора и на деле начать. Честное слово! Он остановился и посмотрел в зенит. Никогда не верил ни в какого бога, вообще ни во что, если уж быть честным с самим собой. Но вот сейчас захотелось, чтобы там кто-нибудь был, и как-нибудь отреагировал на мысли.

Малодушие — чего скрывать — схлынуло. Артём понял, что стоит у дверей. Здесь ему и назначено.

Как только он открыл и сделал шаг внутрь, ему устроили овацию. Вот как! Когда шёл во главу колонны, в упор не видели — казалось даже, что смотрят с презрением. А сейчас...

— Вам помочь, сэр Ортем? — капитан, сэр Джеймс Батаник, встретил его первым и крепко пожал руку. Вот как! — Как устроились?

— Отлично, сэр Джеймс. Осваиваюсь. Трудно, но что поделать.

— Замечательно! Через два дня у нас долгий поход, сэр Ортем. Отдохните как следует, вам придётся труднее всех.

— Вам помочь, сэр Ортем? — поздоровался (на этот раз более формально — похлопав по плечу) сэр Тиберий Москат, известный грубиян и задира, по словам сэра Джеймса.

— Здравствуйте, сэр Тиберий, — ответил Артём совершенно машинально, безо всякой задней мысли. Заметил изумление на лице сэра Тиберия. — Тьфу! Рад видеть, сэр Тиберий. Могу вам помочь?

Сэр Тиберий громогласно расхохотался, и ещё раз хлопнул Артёма по плечу. Вот это сила! Он что, молотобойцем работал?

— Чёрт возьми, вы не лезете за словом в карман! Не беспокойтесь, меня не так легко обидеть. Проходите, проходите! Расскажите нам, как вы попали в чашу? По словам сэра Джеймса, вы спасли ему там жизнь.

О, да. Послушать байки тут любят, как и рассказать их. Поскольку вокруг уже собралась почти вся рота, то Артём, поздоровавшись со всеми, уселся за стол, и принялся рассказывать.

С подробностями, естественно. Слушали, только что рот не открыв, и всячески поддерживали повествование выражением соответствующих эмоций. Телефоны — это рассказчики, припомнил Артём. Самые знаменитые могут рассказать самую скучную по сути историю так, что кого угодно проберёт до глубины души. Что ж, надо передать историю, как следует. Поработаем телефоном.

Рассказывая, он — совершенно случайно — заметил, что за стулом сэра Джеймса стоит его хозяйка — Инес. В таком же платье, в котором она вышла поговорить давеча с Артёмом. Заметив, что Артём смотрит на неё, она улыбнулась и едва заметно кивнула. И она была тут не одна — рядом с другими бойцами, за спинками их стульев, стояли, надо полагать, их хозяйки. Интересный обычай. Причём видно, что они тут вовсе не прислуживают... а что тогда? Следят за порядком? Вдохновляют?

Ладно, это потом. Артём закончил рассказ, и получил новую порцию аплодисментов. Тут, на его счастье, другой боец предложил сэру Джеймсу самому рассказать свою версию той же истории, и Артёма не то чтобы оставили в покое, но дали возможность немного опомниться от столь значительного внимания к его персоне.

Да, раз уж пришёл — надо бы и поесть. Другие есть не забывают.

-

Спиртного здесь не пили. По словам Лилии, среди военных с этим строго. Гражданские, и то редко, могут приложиться — однако до положения риз никто не напивается: можно схлопотать месяц-другой общественных работ — например, в ангарах — а то и что похуже. Трезвость — норма жизни.

Страх как хотелось чего-нибудь выпить. Однако даже пиво, самый безобидный, по словам Лилии, спиртной напиток, разрешается строго по праздникам. И тем, кому сегодня или завтра в бой или в дозор, пить нельзя. Ищите другие способы расслабиться, сэр Ортем.

Что-то случилось с головой — то ли помутнело больше обычного, то ли, напротив, просветлело. Происходящее вокруг показалось нелепой игрой — их Артём повидал сотни. И

хорошие, и плохие. Та, которая перед глазами, по нелепости своей в хорошие бы не вошла.

Он смотрел, и комичными — или трагикомичными — показались застольные возгласы. Битва за Рим, только подумать! Всадник верхом на танке! «Здравствуйте» как формула прощания! Нарочно ведь не придумаете.

И Артём припомнил, в какой игре, где пафоса также с избытком, он слышал подобные интонации.

— My life for Aiur! (*) — слетело с его губ. Сам не понял, зачем произнёс это вслух. Но поздно, слово — не воробей.

Вся рота встала. И, как один, торжественно сказала:

— My life for Aiur! — на отличном (насколько мог судить Артём) английском языке. И выпили, у кого что было — стоя.

— Вы вспоминаете, сэра Ортем, — голос сэра Джеймса. — Это замечательно! Давно уже мы не слышали этих слов. Теперь когда вы вспомнили, где вы, всё остальное точно вернётся. My life for Aiur!

Артём не помнил, как оказался на улице. Помнил только, что выходил — и ни на одном лице не читалась издевка или иная неприятная эмоция; только серьёзность и уверенность. Этот возглас им знаком.

-

Никогда ещё ему так не хотелось домой. Пусть даже теперь жизнь кажется растраченной, к этому моменту, на всякую ерунду — часть Артёма, которая не желала принимать реальность происходящего, кричала, требовала, чтобы её вернули на Землю. А взгляду мерещились то шагающие бойцы — лица, прикрытые диковинными каско; синие ореолы защитного поля. А потом — ржавое пыльное небо, и что-то враждебное, сыплющееся на людей сверху.

Ноги влекли его куда-то, куда — не понять; казалось пару раз: прикрой глаза, вдохни, выдохни. Делал. Не помогало. Домой хочу. Хочу домой! Артём смутно осознавал, что смеётся, не может перестать, а когда приступы смеха прерываются, повторяет всё те же три слова.

Ясность чувств отчасти вернулась, когда он понял, что стоит в коридоре, ведущем в его апартаменты, а навстречу спешит улыбающаяся Марина.

— Сэр Ортем! Я только что подобрала вам...

Она чуть не выронила папку с бумагами. Артём смотрел на неё, а видел взамен Ингу. Где я? Почему она здесь, почему под другим именем?

— Идёмте, — она взяла его за руку. — Вам нужно отдохнуть. Идёмте, идёмте!

Темнота обрушилась ливнем с небес, смывая и унося прочь реальность.

-

Он осознал, что лежит в постели. Это начинает надоедать, подумал Артём. Почти сразу же вспомнил Ингу, и стиснул зубы. Сразу же полегчало — смог осознать, что не на Земле. Что творится с головой? Почему никак не удаётся проснуться?

Марина сидела у изголовья — не дремлет на этот раз. Едва заметила, что Артём открыл глаза, тут же взяла его за руку, помогла усесться.

— Вам лучше, сэра Ортем?

— Гораздо, — признал Артём, оценив самочувствие. Заметил несколько пузырьков на столике у кровати. — Это лекарства? Что мне такого дали?

— Успокаивающее. Я вызвала врача — немного испугалась, когда вы стали говорить со

мной на странном языке, и звать меня чужим именем.

— Я назвал вас Ингой? — сейчас уже невозможно было отделаться от мысли, что это — переодетая Инга. Интонации, внешний вид. Вся разница — косы. Инга не заплетает кос. Вообще не носит длинных волос, предпочитает собирать их в хвостик.

— Верно, — кивнула Марина, и села на кровать, рядом. — Вы беспокоитесь за неё. Всё просили прощения у меня... у неё, — поправились она. — А потом стали говорить на непонятном языке. Но я поняла. Вы расстались с ней недавно, и беспокоитесь за неё. И любите её, — заключила Марина, глядя ему в глаза. — Не спорьте. Это сразу видно.

— Всё верно. Который час, Марина?

— Два часа ночи. Вам лучше лечь, сэр Ортем.

— А вы уже вторую ночь не спите из-за меня. — Артём взял её за руку. Марина улыбнулась и отвела взгляд. — Вам ведь тоже нужно отдохнуть.

— Хотите, чтобы я ушла? — Марина встала. Артём тоже встал, и понял, что сила переполняет его — замечательно отдохнул!

— Нет, — тут же ответил Артём. Это она. Она нашла меня и здесь, просто сама не понимает ещё. — Хочу, чтобы вы остались.

Марина улыбнулась, и крепче сжала его ладонь.

— Утром... это была случайность, да? — Она смотрела в его глаза.

В горле немедленно пересохло.

— Нет, не случайность, — Артём чувствовал, что не может оторваться от её взгляда.

Она, не отводя взгляда, медленно вернула его ладонь туда, где она была утром.

— Только не называйте меня чужим именем, — шепнула она, и Артём окончательно утонул в её взгляде — полностью и бесповоротно.

(*) «My life for Aiur!» («Отдам жизнь за Айур!») — реплика, которую можно услышать от персонажей-протоссов из игры StarCraft.

День 5. Ловец снов [оглавление]

Ему показалось, что наступил тот самый первый день его пребывания в Риме: услышал женский голос — что-то негромко напевает. Открыл глаза — и понял, что день всё-таки другой. Это Марина. Заплетает косу.

Как интересно. Вчера было две косы, с синими лентами, а сейчас всего одна — и с зелёной. Что это означает? Сколько всего ещё нужно узнать!

На этот раз память была в порядке. То есть в абсолютном: Артём совершенно точно помнил всё до того момента, как Марина заснула рядом с ним, уткнувшись лицом в его плечо.

Замечательно, не правда ли? Инга прекрасно знала, что она не первая его девушка. Знала, что отношений с остальными он не порвал — и сказала, всего один раз: только мы с тобой. Никого больше. Узнаю — уйду в тот же день.

И что теперь, сэр Ортем?

Она обернулась, и Артёму показалось даже, что он сказал последние слова вслух. Что теперь? Учитывая, что даже прикоснуться к одежде дросселя здесь считается большой удачей, можно было не гадать, чем вчера бы всё закончилось. Я скажу ей, подумал Артём. Сон это или нет, другая жизнь или ещё какая-нибудь заумь — как встречу, скажу. Договорились не врать друг другу — не буду врать. Главное, чтобы она была жива.

— Доброго утра! Вы о печальном думаете, — она подошла, и присела рядом с ним. — Почему?

Он не отвечал, просто взял её за руку.

— Знаете, — посмотрела Марина ему в глаза. — Я ведь неправильная. Всегда думала, что скажу своему мужчине — только ты и я. Никого больше. Если только узнаю — уйду в тот же день. Но ведь так не бывает. Не может быть, чтобы он был только мой. Жизнь такая, что это невозможно.

Артём ощутил ледяной ручеёк, проползший по спине. Даже интонации те же. Чёрт побери, что происходит?

— Вы снова о ней думаете. Не хочу вам мешать, — она встала, и Артёму стоило немалого труда поймать её руку — пришлось встать, и снова понял, что сам вообще не одет. — Отпустите, — шепнула она. — Пожалуйста.

Он отпустил её руку.

— Мне нужна ваша помощь, Марина, — большого труда стоило не назвать её другим именем. — В голове всё путается. Чувствую себя дурачком — не понимаю, где я и почему.

Теперь она вздрогнула — он заметил.

— Это другая жизнь, сэр Ортем, — она посмотрела ему в глаза. — Знаете, всем дросселям кажется, что они будто перенеслись откуда-то. Другая память, всё другое. Даже говорят на странных языках. Я говорила с учителем — он говорит, так со всеми. Может, это в самом деле другая жизнь. Но она настоящая, — она смотрела ему в глаза. — Понимаете? Вы настоящий. Я настоящая. Всё, что было этой ночью — было на самом деле.

— Понимаю.

Она не отводила взгляда.

— Да, понимаете. Может, вы сможете вернуться в прежнюю жизнь. Знаете, что дроссели, когда состарятся, просто исчезают? Растворяются в воздухе. Как в сказках. Но здесь настоящая жизнь. Чем я могу помочь вам?

— Мне нужно, чтобы кто-то занимался хозяйством.

— Вам нужна хозяйка, я знаю, — она улыбалась.

— Можете кого-то рекомендовать?

— Только себя, — шепнула она, и Артём заметил, что она покраснела. Вот так дела! — Хотите проверить, справлюсь ли я?

— Да, хочу, — ответил он, не раздумывая.

Она отпустила его руки, и кивнула. А затем... ушла быстрым шагом, не оглядываясь.

С добрым утром, сэр Ортем!

-

За завтраком он успел поговорить о разном со всеми, кто жил в доме — начинал привыкать, и здешние обычаи на этот счёт начинали нравиться. Но Марины нигде не было. Никто о ней даже слова не проронил — а ведь до сего момента, по намёкам Лилии, она «работница на все руки», или, в переводе на русский язык, занимается, чем скажут — всегда на подхвате. Уж точно должна была появиться в обеденном зале. Но не появилась.

Надо узнавать, как это вообще делается — как предложить женщине стать хозяйкой? Явно должны быть какие-то обычаи, ритуалы. Чёрт, и Лилию вызывать неохота — самому толком непонятно, почему. Неохота, и всё. У кого-то другого узнаем.

Так, вначале важное. Артём позвонил в казармы и выяснил, что предписаний на сегодня нет, режим — повышенной готовности, в казармы прибыть не позднее получаса с момента вызова. Ясно. Тут вся жизнь идёт в состоянии повышенной готовности к чему угодно.

— Мне нужна библиотека, — сказал Артём водителю дилижанса, который первым

подкатил к нему. — Если есть главная, то в главную.

Возница кивнул — в его взгляде Артём прочёл «сам не знает, о чём спрашивает». Ладно. Дросселям позволено почти всё, что угодно — а об их чудачествах и выходках есть сотни историй.

В библиотеке его встретил главный библиотекарь со скромным именем Тит Клавдий Нерон.

-

— Чем могу помочь, сэр Ортем? — радушно приветствовал он раннего посетителя, и Артём чуть не сказал «здравствуйте!» в ответ. Уже удаётся следить за языком.

— Мне нужно больше знать об обычаях. Как именно я должен предложить женщине стать хозяйкой?

Библиотекарь покивал, на лице его Артём видел полную серьёзность. Через пару минут на стойке перед ним лежало две книги. Именно книги: бумажные, с переплётом, все дела. Однако!

— Это записи наших обычаев, — пояснил библиотекарь. — Я не могу подсказывать вам. Вы сами должны понять, и вести себя соответственно. Тем более, что Марина Скайлис во всём старается следовать обычаям. Она славная девушка.

Вот так вот. Ну, кто ещё берётся сказать, что весь Рим ещё не в курсе происходящего?

-

То ли с глазами что-то не так, то ли с головой. Текст перед глазами плыл. Артём попытался уединиться в читальном зале, но лучше не стало. Возможно, даже стало хуже.

— Вы разрешите взять это с собой? — спросил Артём у библиотекаря, осознавая, что книги за пределы этого здания не выносят. Об этом уже сказали. Но...

— До конца дня, — разрешил библиотекарь. — Старайтесь на людях не читать. Ничего в этом страшного нет, — тут же уточнил он, заметив, как изменилось лицо Артёма. — Но на книге библиотечное клеймо. Книги отсюда обычно не выносят.

— Я постараюсь вернуть поскорее, — заверил Артём, проникаясь степенью доверия. — Благодарю вас! Здравствуйте!

Привыкая, подумал он, и, сев в первый же дилижанс, приказал отвезти себя домой.

Марины там не было. Куда и почему скрылась — непонятно. Странно: стоило подняться к себе в апартаменты, как туман в глазах прошёл. Читалось легко и без усилий. Нет, но почему книги на русском языке? Почему все говорят по-русски? И откуда это «сэр», которое так режет слух? Какой он, к чёрту, «сэр» — ведь это обозначает заслуги перед обществом, как уже пояснила Лилия?

Ладно. Ещё будет время расспросить. Того же библиотекаря, например. Итак, обычаи. Артём старательно вчитывался. Ничего не говорилось толком, сплошь намёками. «Подарок должен быть сделан своими руками; в нём должен быть металл, или дерево, или свет; цвета его должны радовать избранницу». Чёткие, совершенно ясные указания, верно. Ну-ка, припомним. Марина одевается в одежду тёмных тонов. А ведь я её видел и раньше, с удивлением понял Артём. До того, как её прислали мне в помощницы. Точно! Помню лицо. Именно её лицо, именно её одежду — не Ингу. Ну-ка, память, помогай. Итак: чёрное и коричневое, синие и зелёные волны в узоре ткани. Синие, а потом — зелёная лента в косе. На пальцах — нет украшений. На шее — бусы, трёх цветов. Точно! Сейчас припомним: чёрные, зелёные и синие бусины!

Спасибо, память, без тени шутки подумал Артём. Значит, своими руками. А что такого

ей подарить, чтобы были эти три цвета, металл, дерево или свет? Как можно подарить свет?

-

— Своими руками, — повторил ювелир (в Риме есть и ювелиры), Гораций Тибр, седовласый мужчина с классическим римским носом — словно у орла. — Знаете, что, сэр Ортем? Я придам вам помощника. Делать всё будете сами, но под его руководством.

— Благодарю вас! — Артём уже знал, что прикосновение с этими словами к плечу чуть не самая высокая степени благодарности. Ювелир улыбнулся. — Сколько с меня?

— За такое нельзя требовать платы, сэр Ортем. Если посчитаем, что вы должны нам — сочтёмся потом. У вас не так много времени. Давайте приступим.

-

Артём выбрал, в качестве основного мотива, «ловца снов». Подобные вещи он уже видел — здесь это считается талисманом, но именуется по-другому. Сплавил, по указаниям Альберта, молодого помощника ювелира, серебро с медью. Узнал на своём опыте, как волочат проволоку из такого сплава. Пришлось потрудиться на славу! Сплести «ловца» из полученных нитей было едва ли не самым простым делом в этой задаче — тем более, небольшой. И, наконец, покрыл готового «ловца» эмалью — которую также изготовил сам. Всех трёх цветов.

Шесть с половиной часов, почти без отдыха. Устал — сил нет. Альберт охотно давал указания, а сам ни пальцем ни к чему не прикоснулся.

— Замечательно получилось! — заметил Альберт. — Вы разрешите сделать что-нибудь похожее?

— Конечно, — странно, что он спрашивает. Ну не точно такие, но похожие талисманы — частое явление. — Но сначала я подарю этот.

— Разумеется! — На вид Альберту лет шестнадцать, но держится, словно ему втрое больше. — Здравствуйте, сэр Ортем!

-

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Артём добрался до дома. По пути — намеренно пошёл пешком — усталость прошла, как минимум — перестали ныть пальцы рук и шея с поясницей. Не завидую ювелирам — неужели так себя чувствуют в конце каждого рабочего дня?

Вошёл — понял, что в доме тихо. Что это вдруг? Всегда и ходят, бегают, и слышны разговоры. А сейчас — тихо.

Марина сидела за столом в столовой. Все остальные, кто работал или часто заходил — стояли немного поодаль.

Марина встала, когда Артём появился в дверях. Улыбалась, но в глаза не глядела. Он подошёл — всё боялся, что забудет данные «инструкции» — взял её за руку и положил в ладонь свой подарок.

Она посмотрела и ахнула — явно от восхищения. Цепочку Артём всё равно бы сам не сделал за такой короткий срок; серебряная проволока и незатейливая петля — чтобы можно было или надеть, или повесить где-нибудь. Марина надела его на шею.

Он взял её под руку — и они пошли. Туда, в его комнаты. Здесь инструкции заканчивались на том, что двери за их спинами должен закрыть кто-то ещё. Закрыла, как потом сказали, хозяйка квартала — сам Артём этого не видел.

Тут Марина впервые заговорила.

— Какая прелесть! — сняла она подарок с шеи, посмотрела на него со всех сторон. —

Вы устали, сэр Ортем. Завтра нелёгкий день, для нас обоих. Вам лучше отдохнуть.

— Не в эту ночь, — Она поймала его руки, не дав прикоснуться к себе. — Сегодня я ночую там, — указала взглядом на ложе для хозяйки, — а вы — у себя.

По правде говоря, Артём уснул, едва только забрался под одеяло. На этот раз сам разделся — отчётливо это запомнил — и, для разнообразия, не полностью.

День 6. Испытательный срок [оглавление]

Проснулся он на удивление рано — часы показали, что едва наступило шесть часов. Утра, к счастью. Завтра, по словам сэра Джеймса, новый поход. Долгий, пусть и тренировочный — дроссель тратит всегда очень много сил, и, если начал выполнять свои обязанности недавно, необходимо увеличивать нагрузку постепенно.

Он прикрыл глаза. Ничего не ощутил, но понял, что Марина уже рядом. Вновь открыл — так и есть, сидит на краешке кровати. Одета в халат — и здесь три её любимых цвета.

— Ночь прошла, — шепнула она. — Дела начнутся через три часа. Их будет много. Если хотите, я приступлю к ним прямо сейчас.

Однако глаза её говорили совсем другое.

— Нет, — возразил Артём, и она медленно обняла его. — Не сейчас.

-

Ему показалось, что в столовую в этот раз явился весь Рим. Оказалось, всего лишь весь дом. Словно у каждого был повод появиться здесь именно в то время, когда сэр Ортем Злотникофф завтракает.

Итак, в доме три этажа, сорок шесть помещений. И сорок два жителя, не считая Артёма и Марины. И все они появились здесь.

Марина просто улыбалась всем — явно выглядела смущённой. К ней стали относиться с большим уважением — она надела подарок Артёма, и, признаться по совести, Артём не стыдился своей работы. Получилось, пусть и с постоянными подсказками помощника ювелира, на совесть.

— Мне нужны помощницы, — Марина заговорила, когда в столовой они остались одни. — Вы должны согласиться, чтобы я взяла их на службу.

— Вы их рекомендуете?

— Да, — Фраза явно далась Марине нелегко. Чем дальше, тем больше она нервничала. — Я их рекомендую. Мы с ними подруги с детства. Одну вы пока не знаете, это Миранда. Вторую уже знаете.

— Лилия? — Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться.

— Верно, — Марина улыбнулась, и перестало казаться, что она вот-вот расплчется и бросится вон. — Если вы не помните, то...

— Если я согласен, мне достаточно просто кивнуть. Если сомневаюсь, что-нибудь спросить. Если не согласен, молча открыть перед ней дверь.

— Всё верно. У вас хорошая память! — Марина улыбнулась ещё раз.

Перебивать — очень грубое действие. Чёрт побери, подумал Артём. И ведь извиняться перед ней нельзя — во всех наставлениях говорится, что пока хозяйка не заручилась поддержкой хотя бы трёх других домов, она справляется со всем сама. Две помощницы — не более чем формальность. Они на самом деле ничем не имеют права помогать, пока мужчина не даст понять, что доволен хозяйкой.

— Тогда идёмте, — не получалось обращаться к ней на «ты», невзирая на то, насколько они стали близки.

Миранда была родом из той же земли, Каталонии, что и сама Марина. Не то что очень похожи — но во многом. Тоже светловолосая, но загорелая — так, что можно было бы принять за мулатку. Она зубасто улыбнулась Артёму, и склонила голову. Артём посмотрел на неё внимательно, выслушал, как Марина формально представила Миранду, и кивнул. Не сразу — изобразил раздумия. По поводу Лилии кивнул почти сразу.

— Жду ваших распоряжений, сэр Ортем. — Марина коротко поклонилась ему. Тот же жест повторили обе остальных. Лилия на этот раз облачилась в платье — как и все женщины Рима, носила под ним лёгкие брюки (как они на самом деле называются, Артём пока не знал).

— Мне нужны исторические записи. Всё, что сможете найти. И все учебники, по которым обучают римских детей.

Марина кивнула.

— Будет готово через два часа. Что-то ещё?

— На сегодня всё, Марина. Благодарю!

Миранда пропустила Марину вперёд — обернулась, уже в дверях, и вновь улыбнулась Артёму, показав все зубы. Вот это блеск! Лилия подошла к дверям и прикрыла их.

— Вы быстро освоились, сэр Ортем. Благодарю вас за доверие.

— В ангары уже не вернётесь?

— Только если не оправдаю доверия, — улыбнулась она. — А я постараюсь. Вы времени не теряли. Но мне показалось, что для вас это немного игра. Или я ошиблась?

— Испытание — формальность, разве нет?

Улыбка поблекла на губах Лилии.

— Вовсе нет. Марина нервничает. Она никогда не принимала настолько большую ответственность. Вы знаете, что будет, если она не справится?

— А она не справится?

Лилия подошла почти вплотную к нему. Станный от неё запах, подумал Артём. Едва ощутимый, и неприятный. Принесла с собой из ангаров? Напоминает запах давно не мытого мусорного ведра. Но ведь не скажешь ей в лицо!

— Простите, что наставляю вас, сэр Ортем. Очень невежливо отвечать вопросом на вопрос. Если она не справится, ей потом очень трудно будет найти работу. Даже в ангар могут не взять.

Артёму стало неловко.

— Не думали об этом, — усмехнулась Лилия. — Я знаю её с момента, как она приехала в Рим. Её часто дразнили в детстве. Вы очень ей понравились, и она боится только одного...

— Хватит. Я знаю, что это невежливо, не трудитесь объяснять. Знаете, что? Я уверен, что она справится.

Лилия долго смотрела в его глаза.

— Вы умеете удивлять. Прошу извинить, если сказала лишнее. Мне пора — Марине нужна моя помощь.

— Погодите. — Артём поймал её за руку. — Я расспрашивал о подробностях, и читал. Она сама должна поговорить со всеми хозяйками, чья помощь может пригодиться. Сама, безо всякой помощи. Так зачем вы хотите быть с ней?

— Я беспокоюсь за неё. Я помню, как над ней издевались в детстве. Если она не...

— Давайте без «если». Если вам нужно занятие — я найду его. Насколько я понимаю, я

могу давать вам поручения, и вы должны выполнить именно их, даже если хозяйка сказала что-то другое. Верно?

Лилия усмехнулась.

— Вы опасный человек, сэр Ортем. Любите власть над людьми? Да, я подчинюсь. И не только потому, что не хочу назад, в ангар.

— Не угадали. Просто я верю, что она сама справится. А вы пойдёте сейчас со мной. Меня интересуют некоторые места в Риме. Покажете?

— Да, сэр Ортем, — Лилия ответила не сразу. — С удовольствием.

-

Рим оказался не так велик, как известный Артёму по фотографиям земной аналог. Только сейчас он стал замечать важные детали, которые поначалу не бросались на глаза.

Растения. Их очень немного. Как сказала Лилия, на настоящий момент в биосферу возвращено четыреста восемнадцать видов, считая все вариации культурных за один вид. Мало насекомых — сто восемнадцать видов. Высшие млекопитающие, не считая людей, выжили только в зоопарках и лабораториях, в природе их не осталось, и интродуцировать пока не получается. Сорок три вида птиц. Такие дела. Без помощи человека Айур мог вернуться в эпоху одноклеточных, к этому всё шло. И ещё сотни миллионов лет повторной эволюции...

Тем не менее в меню людей есть мясо — есть коровы, куры и свиньи. Есть лён и хлопок — и почти всё то, что хранилось в лабораториях и разного рода запасах. Но вот высших животных так не запасти. Да, можно сохранить генетический материал, и он сохранён — беда в том, что выращивать их негде. Учёные трудятся сотни лет, только чтобы вернуть уже записанное, но непонятное в целом знание о технологиях, которым обладали люди на момент вторжения.

Враг наступал неодолимо. Выглядело это, как если бы кем-то привезённая, хищная, лишённая интеллекта жизнь попыталась сожрать всё то, что уже было на планете. Будь у врага интеллект, шансов не было бы: основные потери среди людей и основной урон биосфере был нанесён в первые четыре часа нападения. Но у людей хватило времени и на изучение противника, и на разработку планов выживания и ответного удара, а противник... ничему не учился и не старался ничего понять. Это и спасло. Говорят, несколько сильно повреждённых кораблей вторжения до сих пор висят на орбите над Айуром.

Они стояли у Колизея. Руины теперь выглядят особенно символично. Здешние технологии куда более развиты, чем на моей Земле, подумал Артём. И всё равно — люди постоянно на грани выживания. Враг время от времени прорывается из ниоткуда, и не удаётся найти закономерности, не удаётся понять источник и цель. Только — быть готовыми в любой момент принять бой, дать отпор и уничтожить ещё одну точку высадки. Никогда прорывы не происходят повторно из той же точки: на расстоянии талана вокруг всё становится как бы безопасно. Получается, сейчас Риму не грозят прорывы? Никто не знает, возразила Лилия. Военные не опираются на предположения. И хорошо, что не опираются.

Запах тем временем стал почти непереносимым. Надо что-то делать.

— Кстати об ангарах. Я там был, и мне всюду мерещился странный запах. От самих танков примерно так же пахнет. Вы не в курсе, что это?

— Каждый школьник знает, сэр Ортем. Танки, даже не в боевом положении, необратимо разрушают органические вещества поблизости от себя. В том числе человеческие ткани. Поэтому с танками работают или выбравшие наказание, или роботы.

— Вы сюда прямо из ангара пришли?

— Конечно. Да, могла принести запах с собой. Но он выветривается, не беспокойтесь. Я слежу за этим.

Артём не сразу решился продолжить.

— Вы не могли принести что-нибудь на одежде? Я не хочу вас обидеть, но мне по-прежнему мерещится...

Лилия изменилась в лице. Так, словно Артём ударил её по лицу, или сказал что-то очень грубое.

— Отвернитесь, сэр Ортем, — сказано было очень сухо. — Вам ведь не трудно? Пожалуйста, отвернитесь.

Ладно. Артём отвернулся, постаравшись не пожать плечами. И...

Едва заметил! Лилия бросилась бежать. Бежала куда в сторону окраин Рима — туда, где небезопасно. Бежала молча, и очень быстро.

— Подождите! — Артём едва догнал её. Вот тренировки у них! Сказывается сидячий образ прошлой жизни. — Лилия! Я ведь не хочу вас обидеть. Да стойте же!

Он поймал её за руку и сумел удержать. Лилия отдернула руку, на лице её Артём заметил слёзы.

Чёрт, ну и запах! Взял её за руку — теперь от собственных пальцев доносился отчётливый трупный запах. Она сама не чувствует, что ли?

— Успокойтесь! — Он взял её за плечи — если честно, то превозмогая отвращение. — Это лечится? Есть средства от этого? Отвечайте!

Она кивнула.

— Есть, — прошептала Лилия. — Но я не могу.

— Почему?!

— Мне не по карману, — отвела она взгляд. — Простите меня. И благодарю, что увели меня. Если бы явилась вместе с ней... всех бы опозорила. Отпустите мою руку, сэр Ортем. Вам и так придётся долго отмываться.

— Далеко ближайший доктор? Сколько туда ехать?

— Можно не ехать. Можно сюда вызвать. Стоить будет одинаково.

— Сколько? Говорите, я уже начинаю злиться.

Она сказала, и Артём сделал всё, чтобы не присвистнуть. Пятьдесят зоркмидов! Дроссель за поход получает двести минимум, плюс ещё триста в месяц, просто так. Действительно недёшево. Но... чёрт побери, нельзя же вот так бросить человека в беде!

— Вызывайте доктора сюда, — распорядился Артём. — Сейчас же.

-

Доктор оказался тем же самым, к которому Артём ходил на медосмотр — седовласый, шевелюрой напоминающий одуванчик. И с детским таким лицом — выглядел комично. Он вышел из временной палатки, которую развернули его ассистенты, и протянул Артёму полотенце. Выглядело как полотенце, по крайней мере.

— Вытрите руки, сэр Ортем. Эти соединения небезобидны. Через пару минут запах уже не будет.

— Что с ней? Это повторится?

— Если вернётся в ангара, повторится очень быстро. Если нет — нужно проходить ежедневный осмотр, очистку крови, восстановление печени... Сразу говорю, это платное мероприятие, — и назвал сумму. Всего-то десять зоркмидов сеанс. На Айуре болеть тоже

недёшево.

— Я оплачу её лечение. Сколько нужно наблюдаться?

— Вначале — дважды в день в течение недели. Потом ещё неделю раз в день. Далее — по итогам.

Артёму потребовалось спросить доктора, как оплатить его услуги — всё ещё слабо владел здешними технологиями — и, проводив дилижанс медиков, вошёл в палатку. Когда выйдете, напутствовал доктор на прощание, не забудьте свои вещи внутри, и потяните вон за тот шнур. Через пять минут палатка самоуничтожится со всем содержимым, при этом не нанесёт вреда природе. Вот это технологии!

Лилия сидела внутри — в серой военной форме. В такой она водила его по городу в тот, первый день их встречи. Сидела, и смотрела себе под ноги.

— Одного не пойму, — произнесла она, наконец. И посмотрела ему в глаза. — Зачем вам это? Вы же совершенно меня не знаете.

— Вы сказали, что вы её подруга. Что заботились о ней. Это правда?

Она кивнула, но Артём заметил некоторую заминку.

— Этого достаточно, — он уселся рядом. — Как вы себя чувствуете?

— Отвратительно. Простите. Я про физические ощущения. В остальном... вы меня спасли, вы понимаете? Мне была одна теперь дорога — на фермы, или прочь из Рима. На выбор. Разница невелика.

— Похоже, вы натворили что-то серьёзное, раз с вами так обошлись, — Артём уселся на соседний стул. В палатке приятно — прохладно, хотя солнце по ту сторону печёт во всю ночь.

— Натворила. Но вам всё равно не скажу, не просите. Но я умею платить добром за добро, сэр Ортем.

— Это потом. Думаю, нам пора уже возвращаться. Сможете?

— Если пойдём медленно, смогу.

-

В столовой было не протолкнуться. Миранда встретила Артёма, и отвела его в сторону.

— Марина говорит, вы можете не знать всех подробностей. Она сейчас придёт к вам в апартаменты. Потом туда будут заходить представители домов, с которыми она смогла договориться. Если вы принимаете их предложения — просто кивните. Спрашивайте, что хотите, но кивните, это главное. Запомнили?

Он кивнул. Миранда отыскала взглядом Лилию.

— Проводи его, хорошо? Всего полчаса, и сможете отдохнуть.

-

Марина пришла первой — уставшая, сразу видно, но довольная. Она ничего не успела сказать — почти сразу же постучали.

— Аркадия Вита, из дома Нерон, — Миранда входила первой и представляла.

И видом, и манерами Аркадия — высокая, светловолосая дама с римскими чертами лица — давала понять, что дом Нерон — известный и уважаемый. Но держится почтительно. Как интересно!

Дом Нерон обещал поддержку и предлагал совместную коммерцию... если честно, Артём уже ничего не запоминал. Голова устала. Вежливо благодарил, кивал — и так несколько раз.

— Всё, Марина, — Миранда закрыла двери за собой. — У тебя замечательнс

получилось!

Они обнялись... и Миранда, подмигнув Артёму, оставила их.

Марина села, и вдруг... расплакалась. Прижав ладони к лицу. Артём, по совести, растерялся. Не сразу обнял её... вначале осторожно. Но она сама крепко обхватила его, и на лице её он заметил улыбку.

— Простите, сэр Ортем. Я такого не ожидала. Они все согласились поддержать нас — вас и меня — на очень выгодных условиях. Я думала, хорошо, если хотя бы трое согласятся.

— Сколько их было?

— Двадцать четыре, — Марина вытерла слёзы. — Я правда не ожидала. Не думайте, это не из-за вас. Что-то другое. Ваши заслуги — это ваши заслуги. Я должна была убедить их, что могу вести хозяйство и справляться с трудностями. Они все мне поверили.

— Впереди много работы, верно?

— Очень много. Миранда и Лилия помогут, не беспокойтесь. И...

Она встала, проверила, что двери закрыты. И вернулась.

— Лилия сказала мне. Нет, не беспокойтесь. Только намекнула. Вы очень добрый и щедрый человек, сэр Ортем. Если я понимаю в людях, вы сегодня приобрели очень полезную помощницу.

— Возможно, — он взял её за руки. — Что теперь?

— Теперь — жду ваших распоряжений, сэр Ортем, — улыбнулась Марина. — Спасибо, вы мне очень помогли.

— Как нам провести этот вечер, чтобы потом хотелось вспоминать его очень, очень долго?

— У вас не бывает простых поручений, — поклонилась Марина. — Давайте для начала найдём вам другой костюм. Я знаю, куда нам следует пойти.

-

— Да это же сэр Ортем! — в «Драконе», у самого входа, сидел сэр Тиберий Москат. — Хадуп мне в гугол! У вас отменная компания! А я как раз хотел попросить вас рассказать ещё раз...

— Мы обязательно навестим вас, и я тоже послушаю, — Марина перебила его, но, как понял Артём, особой грубостью это не считалось. — Вы извините нас, сэр Тиберий, но...

— Всё понял! Абсолютно всё! — Сэр Тиберий энергично похлопал Артёма по плечу. — Не буду портить вечер.

День 7. Доктор Ливси [оглавление]

Артём первым делом попробовал вспомнить, что было вчера — от начала дня и до конца. Удивительно — всё вспомнилось. Ну что, сэр Ортем, вы довольны? У вас молодая, старательная и преданная хозяйка — все почти в голос давали Марине такую характеристику. По сути, обеспеченная и безбедная жизнь. В конце которой обещано внезапное исчезновение. Интересно, куда?

А что стало с теми, кто утратил свои качества дросселя? У них тоже продолжалась безбедная жизнь?

Так нельзя, подумал Артём. Уже понятно, что мои умения тут никому не интересны. Я не выбирал, быть мне дросселем или нет. И с чего я взял, что это навсегда, что проживу долго и радостно?

Марина спала рядом, прижавшись лбом к его плечу. Мне нужна профессия, подумал Артём. Нужно что-то ещё. Что-то, что пригодится, если вдруг что случится. Точно. Нужна

профессия. И нужно больше узнать об истории. Тут невозможно жить, отписываясь рецензиями по дурацким играм, и восхваляя те, за рекламу которых хорошо заплачено. Тут человека судят по делам, то есть — по умениям. А я ведь ничего полезного, для этих людей, сам и не умею. И времени нет прохлаждаться. Чёрт! Артём чуть не спрыгнул на пол, до того ему стало не по себе.

Половина шестого утра. Я рядом с женщиной, которой очень понравился, и которая очень стеснительная и мнительная, по словам Лилии и остальных. Стеснительная и мнительная вчера обошла — сама, без помощи — двадцать четыре влиятельных дома Рима. И повсюду ей поверили, обещали помощь в создании её собственного хозяйства. Неплохо, да? И вот прошла уже неделя, а я не беспокоюсь о том, что там родители с ума сходят, и вообще...

Марина пошевелилась и погладила его по груди, не открывая глаз.

— Доброе утро, сэр Ортем. Вас что-то тревожит?

— Марина, можно вас попросить о двух вещах?

Она уселась. Поняла, что не одета, и потянула на себя одеяло — прикрыться. Артём не позволил.

— Вы замечательно выглядите и в одежде, и без. Или я что-то ещё не знаю о приличиях?

— В своих комнатах мы сами устанавливаем приличия, — произнесла она немного назидательно, и снова смутилась — снова отвела взгляд. — Простите!

— Вы красивая. Оставайтесь, как есть, если можно. Вот первая вещь: не обращаться ко мне «сэр», когда мы одни. Так можно?

— Конечно, сэр... конечно, Ортем.

— И вторая — обращаться ко мне на «ты». Хотя бы, когда мы одни.

Вот теперь она смутилась по-настоящему. Артём осторожно обнял её... она не отстранилась — только улыбнулась и закрыла глаза.

— Мне будет трудно, Ортем. Меня так воспитывали. Вас это раздражает, такое обращение?

— Нет. Пусть будет так, как вам приятнее.

— Благодарю! — И она обняла его крепко-крепко. — Мне нужно сейчас же одеться, — прошептала Марина. — Иначе я не смогу... и вам не позволю. А сегодня очень много дел.

-

Что-то тревожило Артёма, после вчерашней прогулки по Риму. Что-то невнятное. Интуиция, или как её назвать.

Постепенно мысль оформилась в слова: некоторые части Рима подозрительно новые на вид. Руины, остатки древних зданий — какие они древние, там камень на вид только вчера закончили обрабатывать! Марина, ещё за завтраком, сказала, что сегодня ей нужно поговорить со многими людьми — хозяйство на пустом месте не строят; пусть двадцать четыре семьи и подтвердили, что верят в Марину Скайлис. Пора и само хозяйство заводить.

— Каждый дом чем-нибудь знаменит, — пояснила Марина после завтрака. — Дом Нерон — это архивы и книги. Дом Тибр — ювелирные мастерские. У каждого есть что-то важное для города.

Намёк понятен.

— Вы уже знаете, чем мы можем быть полезны городу? — Артём не сразу спросил. Всё думал, как бы слова подобрать.

Марина кивнула.

— Я с детства люблю рисовать. Мы с Мирандой, — уточнила она. — Над нами все смеялись. Ну кому нужно такое умение? Есть светопись, ей делают портреты. То есть статуи. Как настоящие получаются. Всё объёмное, только прикоснуться нельзя.

Голограммы, подумал Артём. Но вслух слово произносить не стал, на всякий случай.

— Вот, смотрите, — Марина открыла альбом. Артём чуть не уселся прямо на пол.

Инга обожала такие вещи. Как-то показала свои студенческие конспекты — на полях, повсюду, самые разные рисунки. Наброски. Но интересные — не оторваться! Птицы, пейзажи, геометрические узоры, пейзажи. Крохотные, иногда очень условные — всего-то инструмент, что карандаш, особенно не размахнёшься. Но смотрел, увлечённо, и оторваться не мог.

И здесь то же самое. Вот почти то же самое, что было на полях тех конспектов — только собрано в альбом.

— Это ваши работы? — Артём поднял взгляд. Марина кивнула, и отвела взгляд. Смущается.

— Очень красиво! — Даже душой кривить не пришлось. И здесь похожа на Ингу. Вот и скажи теперь, что переселения душ не бывает. — Что вы хотите с ними сделать?

— Мне нужно ваше разрешение, сэр Ортем. Я хотела бы поговорить с домом Тибр, им показать.

Артём невольно посмотрел на её грудь — на «ловца снов», своё собственное творение. Марина улыбнулась и кивнула.

— Я понимаю. Да, конечно, поговорите. Вам действительно нужно моё разрешение?

Марина кивнула.

— Именно об этом мы с ними не договаривались. О том, чтобы они делали украшения по моим эскизам.

— Я верю в вас, — Артём поднялся на ноги. Марина вновь отвела взгляд, и едва заметно покраснела. — Но это правда, Марина.

Она бросилась к нему и обняла. Просто обняла — крепко прижала к себе, и почти сразу же отпустила.

— Я могу вам помочь чем-нибудь, Марина?

Она покачала головой. И улыбнулась. Улыбка ей определённо идёт.

— Мы справимся. У вас будут поручения, сэр Ортем? Простите, — она снова отвела взгляд, почти сразу же вновь посмотрела в глаза. — Ортем, у вас будут поручения?

— Улыбайтесь чаще. На сегодня — только это.

-

Точного времени выступления не сообщали; однако можно не сомневаться, предупредят заранее. Кроме чрезвычайных ситуаций, когда действовать нужно немедленно, всех оповещают минимум за час. От Колизея до казарм пятнадцать минут на дилижансе — вчера Артём постоял перед картой Рима и примерно запомнил, что здесь к чему, что где находится.

Рим, по занимаемой площади, превосходит все прочие города. Шестьдесят стадий с запада на восток, пятьдесят пять с севера на юг. Стоит в долине реки Тибр. Единственная река в подконтрольной человеку области Айура, где водится рыба.

Любой школьник знает, что город стоит на «подставке», на глубине в сорок метров пролегает толстый фильтрующий слой — пропускает воду, не пропускает никакую органику.

Нечисть, как намекнула Лилия, ушла глубоко под землю. На поверхности крупные скопления её истребили. Те волки, с которыми бился сэр Джеймс, не более чем мелкая неприятность: взгляд танка их уничтожает на расстоянии в четверть стадии. Встречаются небольшими «стаями», но для солдата в полной броне совершенно не опасны.

А вот то, что ушло вглубь... Для того и строили подставку, чтобы уберечься от того, что ушло вглубь. Моря — вообще все водоёмы — в первую очередь засеяли выведенным против нечисти вирусом, и периодически засеивают вновь. В глубинах океана нечисти уже нет, специальные зонды патрулируют все водоёмы и анализируют воду на наличие клеток нечисти. Счастье для человека, что нечисть лишена разума. Всё, что она может — плодиться и пожирать другую органику. И — что очень помогло человеку — после семисот двадцати девяти делений клетки нечисти перестают делиться.

Странно, но даже в учебниках эту форму жизни так и называют: «нечисть». Известно, что на поверхность Айура её сбросили с космических кораблей. Корабли удалось вывести из строя и частично разрушить в течение первых часов с момента вторжения — может, и это помогло людям спастись.

Вот он, Колизей. Вот тут Артём ходил, и где-то вон там, пока говорил с Лилией, заметил что-то примечательное. И почти сразу же забыл вновь. Артём спустился, по семидесяти двум ступеням, к самой арене. Где-то здесь. Идеально чистый овал, присыпанный песком. Что-то померещилось сверху — что именно?

Ветер толкнул в спину, словно великан сдувает песок с арены. Вот что блестело! В камне под ногами — металлического вида прожилки. Что это, интересно? Артём оглянулся — Колизей используется по назначению, пусть даже выглядит руинами. Уже понятно, что руины — новодел. Создали именно в таком виде, в котором они оставались на Земле? Ведь пытался выяснить, какой сейчас год по летоисчислению Земли. Не выяснил.

Музыкальная фраза, словно с неба послышалась. Ага, оповещение работает — сейчас будет звонок. Артём не сразу понял, как настроить предупреждение о звонке. Чтобы не подпрыгивать всякий раз, когда его вызывают. Второго дня, когда ужинал, вылил себе на штаны — к счастью, холодный — напиток, когда позвонил сэр Джеймс. И тогда же Марина научила, как настроить сигнал вызова — и как его блокировать.

— Сэр Ортем Злотникофф, — этот голос Артём уже запомнил — диспетчер, если можно так выразиться. — Прибыть в казарму в течение часа, форма одежды походная.

— Вас понял сэр, прибыть в казарму в течение часа, форма одежды походная. Конец связи.

И всё-таки, что за блёстки? Артём опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть. Камень искусственный — настоящий лет сто боялись использовать, поскольку нечисть могла проникнуть в трещины, в пустоты. Пока её не слишком много, она не очень опасна, да и не пронести её незаметно в помещения — датчики повсюду. Но всё равно тому, кто прикоснётся, мало не покажется.

Во-о-от она, серебристая на вид жилка. Точно, металл. Датчики, обнаруживающие нечисть, теперь не только в каждой комнате, в каждом камне брусчатки — но и в одежде, повсюду. Ничего. Ничего биологически опасного. Артём потрогал серебристую блёстку...

-

Так бывает, когда подолгу стоишь, склонившись, а потом выпрямляешься. В глазах темнеет, в ушах начинает шуметь — можно и в обморок грохнуться, если что. Накатило внезапно, да так резко, что Артём едва успел выставить обе руки — чтобы не упасть лицом о

камень.

Туман перед глазами. Он рассеивается, и Артём видит, как он с сэром Джеймсом входит в южный шлюз Рима. И не один! Кто-то ещё рядом с ним — позади них. Как так получилось? Ведь ни малейшего воспоминания, что они не вдвоём прибыли.

Их приветствуют — по римскому обычаю, хлопают поднятыми над головой руками. У некоторых в руках — розы. Да, розами встречают вернувшихся из похода солдат. Ведь здесь по-настоящему прощаются с родными, даже если поход — тренировочный, обойти вокруг Рима и вернуться, не выходя за пределы защитного периметра. И потом точно так же радуются встрече — как если бы её могло и не произойти.

Странный взгляд — странное видение: в самой точке, куда смотрит Артём, всё чётко и ясно, а вот совсем рядом уже всё размыто. Как медленно все идут! Кажется, что еле-еле шевелятся. Взгляд скользит по встречающим — почти одни только женщины (это только теперь не удивляет). И...

Он смотрит вдоль правой границы стены шлюза, и видит их. Смотрит на них — единственных, возможно, кто не кричат и не хлопают вернувшимся. Их лица. Словно дали увеличение — лица рывком приближаются.

Это Марина и Лилия. Марина отворачивается, опускает голову. Лилия держит её за плечи, и что-то говорит, наклонившись почти к самому уху подруги. Бросает взгляд, мельком, в сторону Артёма — и отворачивается сама.

— ...Сэр Ортем? Вам помочь?

Артём обнаружил, что сидит прямо на арене. Потряс головой, прогоняя странное видение. Что это вообще было?

Рядом с ним оказался паренёк, судя по знакам отличия — сержант. Ему лет шестнадцать всего, когда успел?

— Сэр Ортем? Я проезжал мимо Колизея. Мне в сторону казарм. Вас подвезти?

Артём кивнул и поднялся на ноги. Его качало и вело. Сержант поймал его за локоть, когда ноги чуть не подвели.

— Благодарю, Артур.

Откуда взялось это имя? Ведь на форме не написано. А и ладно, дроссели и не такое брякнуть могут. Всё с рук сойдёт.

— А я и не верил, сэр Ортем! — сержант явно в восторге. Хоть и молод, а хватка стальная! — Идёмте. Не верил, что вы всех по именам знаете! Я зачислен сегодня в вашу роту. Для меня честь биться вместе с вами, сэр!

— Вольно, сержант. — Артём ещё раз тряхнул головой, и ясность чувств вернулась. — Не то смотри, загоржусь.

...У самого входа в казармы Артём догадался. Догадался, что нужно сделать — видел это в предыдущий свой визит в казармы, но значения тогда не придавал.

— Марина? — она не сразу «взяла трубку».

— Да, Ортем? Вам помочь?

Значит, одна сейчас, раз без «сэр».

— Мы выступаем. Берегите себя! И чаще улыбайтесь!

— Слушаюсь, сэр Ортем! — и отчего-то Артём знает, что она улыбается, одновременно вытирая слёзы. Всё. Нельзя подолгу прощаться, да и нет ещё привычки так делать. — Берегите себя!

— Здравствуйте, Марина. — Отбой.

— Точны, как хронометр! — капитан Джеймс Батаник собственной персоной. Смотря-ка, не стал удалять ту царапину с осаго. Традиция? Недосмотр? — Идёмте, сэр Ортем. Оружейник говорит, что ваша форма готова.

-

Поразительно, но форма выглядела, как чёрная кожаная куртка, в сочетании с чёрными кожаными штанами. Как оригинально! Артём усилием воли заставил себя не скривиться. Однако «Q», так его звал про себя Артём, вовсе не шутил — настоял, чтобы его подопечный переоделся (отвернулся, когда Артём перекладывал свои вещи из карманов прежней одежды), а затем обернулся — и в руках его оказалась булава. Такая же, которой сэр Джеймс отбивался от волков в день их знакомства.

Оружейник, хоть и старый на вид, медлительностью не отличается: удар пришёлся прямо в грудь, Артём и закрыться не успел. Растерялся? Возможно.

Вообще ничего не почувствовал! Слово не булава то была, а пёрышко. Кстати, кроме шуток, её булавой и называют, хотя это — дальнобойное оружие; при необходимости, из него можно стрелять электромагнитным излучением. Можно узким лучом, а можно сферическим фронтом. Можно ослепить, или сигнал подать — а можно воспламенить вокруг всё, что может гореть. Не баран чихнул.

— Действует, — удовлетворённо заметил «Q». Только что руки не потёр, а так все признаки глубокого восхищения самим собой. — Это не осаго, конечно, от нечисти защитит только в режиме изоляции, но — зато и не мешает вам, сэр Ортем.

— А вы всегда так проверяете? На людях?

— До вашего появления пять раз проверил на болванах, — успокоил его «Q». Артём расхохотался. Болван — это не ругательство здесь; это манекен, на котором проверяют всё, что для настоящего человека может быть смертельным. И если сравнивают с болваном, то в положительном значении: крепкий, мол, что угодно выдержит. Ну, раз болваны одобрили...

...От оружейника Артём вышел в отличном расположении духа. Прочёл предписание: сегодня им предстоит «прогуляться» от Рима до Лондона. Вот так вот! Хотели побывать за границей, сэр Ортем? Служба в армии исполнит все ваши желания!

-

Артём рывком поднялся. Очень мило. Лежит на столе — на таком, насколько известно, хирурги операции производят. Но лежит прямо в одежде — в походной. Часы на месте: по римскому времени, сейчас половина седьмого, вечер. Дата? Седьмое июня пятьсот тридцать второго года. И где это он? Вокруг, что всё ещё характерно, все надписи исключительно по-русски. Вот как минимум одно подтверждение того, что этот мир всё-таки не очень настоящий. Ну откуда тут русский язык?

Двери открылась, и вошёл высокий человек. В армейской форме.

— Уже проснулись! — он энергично хлопнул Артёма по плечу. — С прибытием в Лондон, сэр Ортем Злотникофф!

— Вам помочь, сэр...

— Арчибальд Ливси, — он зубасто улыбнулся, но не расхохотался. Если сейчас войдёт кто-нибудь и представится капитаном Смоллеттом, я точно чокнусь, подумал Артём без особой радости. Всего секунду доктор Ливси походил на мультипликационного. И вот — нормальный человек. Высокого роста, широкоплечий, и с приветливой улыбкой. И, похоже, в парике. На кой дьявол ему парик?

— Помогать мне уже не придётся, я взял у вас все анализы. Приношу извинения, что не

предупредил.

— Анализы?

Доктор Ливси снова расхохотался.

— Кровь, частички кожи и слюну, сэр Ортем. Исключительно из заботы о вашем здоровье.

— Надеюсь, вскрытия не будет?

— Посмотрим на ваше поведение, сэр Ортем. Пока что мне приказано доставить вас во дворец, живого и невредимого.

Вот и в Англии побывал, понял Артём, и не удержался — тоже расхохотался. Мы с ним как два идиота, подумал Артём, изо всех сил стараясь вернуть серьёзность. Я даже знаю, почему мне так весело. Потому что я жив.

День 8. Таинственный бокал [оглавление]

— Поразительно! — в который уже раз заметил доктор Ливси. Половина третьего по времени Лондона, восьмое июня. В Риме на два часа больше, заметил Артём. Часы могут показывать время в произвольном количестве часовых поясов. А ещё там есть функции будильника, календаря событий... Только вот почему никто ни словом не обмолвился до сегодняшнего утра? Пока Глория не рассказала, не показала? — Воистину поразительно!

— Что скажете, доктор? Жить буду?

— Не имею ни малейших возражений, — немедленно отозвался доктор Ливси. — Сколько, говорите, вы спали?

— Часа два. Может, меньше.

— Я бы не сказал, что вы устали, — пробормотал доктор. — Глазам не верю. Столько активности, и никаких признаков утомления. Рассказывайте, чем занимались.

— Это займёт ещё один день.

— А вы вкратце. Можете начать с момента, как вас отвезли в гостиницу.

Но до того момента успело многое случиться. Очень, очень многое.

-

В Лондоне, как и в других городах Айура, женщин оказалось большинство. Только здесь они отчего-то или рыжие, или черноволосые. Занятно. По словам сэра Джеймса, их рота прибыла сюда, чтобы проверить состояние периметра — и запустить производство танков, исконно римское дело. Именно в Риме всё и началось. После вторжения, когда выжившие люди всё ещё жили и работали под землёй — поверхность планеты была во власти нечисти — один из учёных, Клавдий Тиберий Корвин, совершил важное открытие. Изучив многочисленные образцы клеточного материала нечисти — а в этом добре недостатка не было — он отыскал способ создания гибридного организма, киборга, который вызывал распад клеток нечисти. От первого действующего образца до массового производства танков прошло почти сорок лет, но Корвин ещё увидел, как созданные им страшноватые чудища-машины прокладывают дорогу наверх — к небу, к свету, к свободе. С момента выхода на поверхность и началось новое летоисчисление.

Уже через полгода новый Рим перестал быть первым и единственным наземным форпостом людей на захваченном Айуре. Вторым стал Лондон. Но производство танков, исторически, так и оставалось на территории Рима. Власти других городов не жаждали распространять это, так скажем, нездоровое производство на свою территорию. Но приходится — чтобы перейти к заключительной фазе операции по освобождению Айура, каждый город должен стать неприступным для нечисти. Даже если она прорвёт «подставку»

в каждом городе, во многих местах, в один и тот же момент времени.

Сэр Джеймс рассказал всё это совершенно будничным образом, сидя за столом. Их встретили более чем радушно — а посмотреть на вновь найденного дросселя сбежалось пол-Лондона (что характерно, почти исключительно женского пола). Ну и, когда с делами на остаток дня было покончено, им устроили приём во дворце. Артёма внутрь проводил не кто-нибудь, а лично лорд-канцлер, Алистер Кроули. Несомненно, подумал Артём, что и это имя я тоже где-то слышал. Что за наваждение?! И почему все до единого говорят по-русски? Уже сколько раз хочу спросить, и постоянно забываю.

— Глория Адсон, — поздоровалась с ним девушка, которую усадили между Артёмом и сэром Джеймсом. Так принято: между гостями всегда усаживают кого-нибудь из местных жителей. Глория оказалась высокой, рыжеволосой, очень светлокожей — ещё светлее, была бы альбиносом. — Никогда ещё не видела живого дросселя! Вам помочь, сэр Ортем?

— Мёртвый дроссель — зрелище скучное, — отозвался Артём. Девушка рассмеялась, запрокинув голову.

— Ой, да ну вас, не надо так шутить! Расскажите про Рим! Ну пожалуйста!

...В общем, совершенно непринуждённая беседа. Напротив Артёма сидел новый знакомый, доктор Арчибальд Ливси, и ободряюще улыбался, подмигивая поверх пенсне. Артём уже успел понять, что пенсне — это в первую очередь средство связи, диагностический инструмент и просто занятная штукавина на носу. Зрение давно уже у всех в полном порядке. Как и зубы, к слову. Хоть в этом повезло, подумал Артём, ненавижу ходить к стоматологу.

— Так вы поёте! — восхитилась Глория. — Спойте нам! Ну пожалуйста!

Разговоры вокруг Артёма немедленно стихли. Глория поднялась на ноги и помахала рукой — в направлении музыкантов. И впрямь: только сейчас Артём осознал, что всё это время играет приятная, классическая — даже по его меркам старинная музыка. Замечательно.

— Флютня для сэра Ортема! — торжественно объявил одетый в камзол, с заливчатски заломленным на голове беретом человек. Вокруг все поднялись на ноги (поднялся и Артём) и зааплодировали. На римский манер — подняв руки над головой.

Вот я попал, подумал Артём, принимая инструмент. На вид — помесь веера, губной гармошки и мандолины. Ну хоть струны есть! Ого... струны оказались нематериальными — голограмма? Артём лихорадочно припоминал, как этот инструмент вообще держат, и придумывал, что сказать, когда все поймут, что он не...

Флютня отозвалась в его руках. Приятным, мелодичным аккордом. С ума сойти: Артём о нём только подумал — а инструмент сыграл.

Вокруг стало тихо. Совершенно и абсолютно. Артём отчего-то рассердился — пусть и самую малость. Ладно, я вам спою. Дросселям свойственны причуды — будут вам причуды.

Музыка полилась вокруг него. Оказалось, что инструмент может играть «за многих» — многоголосо, разными инструментами, главное — представлять всё это очень чётко. Артём и сам не понимал, отчего выбрал именно «Сонет» Гребенщикова. Выбралось.

Служенье Музы терпит колеса. А если терпит — право, не случайно...

Чёрт побери, спохватился он, стараясь не отвлекаться от музыки. Надо хоть маленько слова исправить, иначе меня точно в здешний Бедлам упекут.

Но я вам не раскрою этой тайны, А лучше брошу ноту в небеса...

Боковым зрением он заметил, что люди собираются вокруг. Его слушали, широко

раскрыв глаза, не пропуская ни одного слова. Поразительный инструмент! Сейчас он воссоздавал игру сразу пяти отдельных инструментов.

Ты возражаешь мне, проклятая гроза? Ты видишь суть в объятии трамвайном — Но всё равно не верю я комбайну, Ведь он не различает голоса.

Глория слушала, затаив дыхание, с выражением восторга на лице.

Таинственный бокал похож на крюк, Вокруг него рассыпаны алмазы — Не расставался я с тобой ни разу, Мой снисходительный, усталый друг. Упрёки я приму, но лишь тогда, Когда в пакгаузе затеплится вода...

Когда смолкли последние ноты, растаяли в пространстве меж колонн, над сводчатым потолком — Артёму устроили овацию. Он заметил, что аплодирует и сам лорд-канцлер. Вот я попал, подумал Артём, стараясь выглядеть умеренно довольным, отвечая кивком на возгласы «Браво!».

— Ещё, сэр Ортем! — Глория схватила его за запястье, едва Артём сделал движение — вернуть флютню тому человеку в берете. — Пожалуйста! Ещё!

И снова зааплодировали. Только и успел, что выпить из своего бокала. Ничего спиртного, естественно. Его роте обходить этой ночью Лондон дозором.

Потом было ещё, и ещё, и ещё...

Когда Артём перевёл дыхание, то оказалось, что он в гостинице — вместе с Глорией. А на столе лежит другая флютня — корпус, инкрустированный серебром, подарок лично от лорда-канцлера. Поразительно, но название инструмента уже не вызывало желания кататься по полу от смеха.

Да и Глория не думала уходить.

-

— Да, все песни очаровательные, — признал доктор Ливси. — Вас что-то смущает?

Артём не сразу, но решился сказать. Как выходит, что вся его рота дружно, слаженно, совершенно всерьёз поёт ровно то же, что и он сам?

— Они не поют, — доктор снял пенсне. — Это вам так кажется.

— Но я собственными ушами...

— Виктор Маккензи, — доктор раскрыл папку. — Дроссель родом из Венеции. Чтобы войти в состояние скольжения, ему нужно начать собирать головоломку. В детстве ему подарили, с тех пор и использует, уже почти сорок лет. Когда он собирает её, то ему кажется, что этим заняты все люди, которых он ведёт. Магнус Тит Мантелла, ваш соотечественник. Ему нужна барабанная дробь, чтобы начать скользить. Когда он начинает барабанить, то ему кажется, что все тоже этим занимаются.

— Понятно, — Артём вытер пот с лица. Совершенно не хочется спать. Ну просто абсолютно не хочется! Хочется назад, к...

...Марине. Мне ей придётся много что рассказать, подумал Артём тут же. Хорошо, если был только с Глорией — ведь в памяти остались пусть небольшие, но провалы. А если не только с ней? Это в порядке вещей? Судя по реакции окружающих — в порядке.

Доктор Ливси улыбнулся и вновь надел пенсне.

— Вы всегда будете нарасхват, — заметил он. — Ваш талант дросселя развивается. Это всегда сопровождается гормональным всплеском. Полагаю, вы и сами это уже почувствовали.

— Не то слово, — сухо отозвался Артём. Захотелось провалиться под землю.

— У вас совершенно чистый геном, — доктор посмотрел ему в глаза. — Никаких

дефектов. Пояснить, почему это так важно для всех нас? Вы же понимаете, что сейчас происходит на планете. Понимаю, ваше воспитание противоречит тому, что происходит. Если вас удручает то, что вы нарасхват, есть и другие способы. Без, так сказать, натурального контакта. Но для вас, поскольку вы дроссель, натуральный контакт очень важен. Примите это как часть вашей жизни.

Артём вздохнул. Врать не буду, подумал он, по крайней мере это приятно — физически.

— Продолжайте, — доктор вернулся к бумагам. — На этом ведь всё не закончилось.

— Не закончилось, — согласился Артём. — Есть минут двадцать или тридцать, которые я не могу вспомнить. А потом мы оказались в Гайд-парке. Сам не помню, как.

-

В отличие от Рима, власти Лондона разрешают молодёжи шумно веселиться. Как минимум раз в неделю — в Гайд-парке. По сути, это огромная танцплощадка. Артём не помнил, что именно он там делал, но, по словам Глории — уже поздним утром, когда сама она валилась с ног — его выступление там запомнят надолго. Ничего неприличного. Много чего пел, сам много танцевал. Но вот именно эта часть сохранилась в памяти хуже всего. Помнит только, что пришёл с Глорией в гостиницу, уложил её спать — сил у неё уже не было ни на что — а сам, простояв полчаса под душем, занялся зарядкой и ведением дневника. Сэр Джеймс ничего не говорил, была лишь просьба от доктора Ливси — прийти на обследование.

Но вначале Артём позвонил Марине. Она очень обрадовалась звонку. Слышно было, что хочет всё расспросить... и сдерживается. В Риме можно слушать книги, рассказы телефонов — а вот про настоящие события принято рассказывать самому. Мудрый обычай.

Артём вернулся в спальную комнату. Глория спала — со счастливой улыбкой на лице. Теперь — посетить доктора Ливси и понять, чем полезным заняться остаток дня. По словам сэра Джеймса, следующим утром они возвращаются в Рим. Не одни; будут и пассажиры — обычные, так сказать, люди, включая доктора Арчибальда Ливси.

— ...Вот и всё, — Артём выпил уже не понять какой по счёту стакан воды. — Что скажете, доктор?

— Вы — уникальный случай, — заметил доктор, откинувшись на спинку стула. — У дросселей постепенно начинаются необратимые изменения в тканях, особенно — в головном мозге. Мы восстанавливаем что можем, но можем мы не всё. При каждом использовании своего таланта дроссель наносит себе непоправимый ущерб. Но в вашем случае я наблюдаю репарационные процессы, о которых ранее никто не писал. Ваш организм чинит себя самостоятельно. Более того, устраняются существовавшие ранее дефекты — вчера сканирование показало множество шрамов, невусов, всего такого на вашем теле. Часть из них пропала, всего двенадцать часов спустя. Так что, сэр Ортем, должен вас поздравить: вы стали главным объектом моей исследовательской работы!

— Вашей подопытной мышью? — уточнил Артём.

Доктор расхохотался. Только что по полу не начал катался.

— Никогда не привыкну к дросселям, — пояснил он, когда обрёл способность говорить. — Вы иногда такие торосы откручиваете, что хоть падай.

Теперь настала очередь Артёма рассмеяться. Откручивать торосы — это, конечно, то ещё занятие. А для доктора Ливси его слова прозвучали, буквально, как «вашей мышью для верховой езды». Похоже, что использовать не те слова — профессиональная привычка дросселей? Но почему?

— Доктор! — Артём обернулся уже на пороге. — Как получается, что кругом все надписи на моём родном языке, и слышу только его?

— Автоматический перевод, — ответил доктор, не отрываясь от записей. — Выключайте его иногда, сэр Ортем, не позволяйте мозгу лениться. А сейчас прошу извинить — я должен закончить отчёт для академии.

Так-так-так... Какой ещё автоматический перевод? Доктор всем собой дал понять, насколько он занят, и Артём, убедившись, что сэр Джеймс его не разыскивает, вернулся в гостиницу.

Глория заканчивала одеваться, когда он вошёл.

— Вы чудо, сэр Ортем! — бросилась она навстречу. — Не огорчайтесь! Я понимаю, что вы очень скучаете по своей хозяйке. Представьте, как я буду скучать! Хотите, я покажу вам Лондон?

Ещё бы он не хотел.

-

В этот вечер всеобщего веселья в Гайд-парке не было, праздник окончился. Они прогуливались с Глорией — однако уединения тут не найти, полицейские наряды всегда на виду. Полиция в Лондоне начеку и днём, и ночью. Следит за порядком. И не скажешь, что меньше суток назад здесь, в парке, бесилось несколько сотен очень весёлых людей. В хорошем смысле весёлых. Как чисто — ни соринки, ни помятой травы. Поразительно!

— Так спокойно, — заметила Глория. — Не успела вам всё показать. Значит, вы снова приедете. Вот, пока не забыла, — она добыла откуда-то ожерелье. Как фокусник — словно из воздуха. — Настоящий янтарь, — пояснила она. — Очень редкий. Мама говорила, здесь такого было много — когда-то. Передайте вашей хозяйке, это мой выкуп.

— Выкуп? — Артём сделал всё, чтобы не улыбнуться. Может, и в самом деле доктор прав, и чудит автоматический перевод? Ну не может такой подарок называться выкупом. — Понимаю. Я обязательно передам. — Осторожно сложил в карман походной куртки. — Вы сами его собрали?

Глория кивнула.

— И запомните, сэр Ортем. Когда вы в Лондоне — вы мой. И ничей больше. Знаете, почему я не плачу сейчас? Потому что знаю, что мы ещё увидимся. Всё, давайте вернёмся. Ночи сейчас короткие.

День 9. Видение [оглавление]

Попасть домой Артёму удалось только ближе к вечеру: основное время заняли отчёты. Устные; по словам сэра Джеймса, нет смысла требовать от дросселя письменного. Электронный секретарь — этаким очень «умный» диктофон — запишет невообразимую путаницу, а если писать на бумаге, то без дросселя записи и вовсе не прочесть. Пришлось диктовать. Помог доктор Арчибальд Ливси: сказал, что часть событий у него уже зафиксирована, так что Артём просидел не до полуночи, а просто до заката.

«Q» потребовал вернуть ему «фирменную одежду», на исследование и доработку, так что домой Артём возвратился в самом обычном мундире самого обычного рядового.

Весь дом — кроме Марины — встретил его, в гостиной, она же столовая — радостные лица. Они радуются, что я вернулся домой? Ах, да, я ведь ещё не понял по-настоящему, что здесь всякий раз прощаются навсегда — даже если уходишь за ворота Рима, только чтобы сразу же вернуться. И встречают так же — словно уже и не чаяли свидеться.

Марина ждала его в спальне. Молча бросилась навстречу, обняла — ни слезинки, ни

одного слова. Только запах её волос и стук сердца. Когда она отпустила его, то... улыбалась.

— Вот я и дома, — Артём не отпускал её рук. — Никогда не думал, что это будет так приятно. С вами всё хорошо?

— Лучше не бывает! — она смахнула пару слезинок. — Нет-нет. Не вздумайте извиняться. Давайте, я сама скажу.

Она мягко высвободила руки и, отвернувшись, подошла к окну. Задёрнула шторы.

— Один раз, Ортем. О каждой из них вы можете рассказать мне только один раз. А потом, когда меня нет рядом — рассказывайте, кому угодно и как угодно. А если я рядом — только если я согласна. Хорошо?

Она обернулась и... смутилась.

— Если вы не возражаете, — завершила она почти робко. — Да?

— Пусть будет так, — Артём кивнул и достал из кармана куртки «выкуп». И сказал, что это и от кого. Марина ахнула, приняла подарок — или что это было — и долго смотрела на каждый кусочек янтаря. Надела ожерелье — оно замечательно идёт ей. И выглядит Марина теперь царицей.

— Идёмте за мной, — она потянула его за руку, повлекла в соседнюю комнату — студию, в которой теперь занималась своими делами: читала, писала картины, делала эскизы. Когда позволяют новые заботы.

— Пожалуйста, сядьте ко мне спиной, — попросила она, разворачивая мольберт к себе. — Вон в то кресло. Да-да, спиной. А теперь расскажите, какая она. Расскажите всё, что захотите, я не обижусь.

...Когда он закончил рассказ — не вдаваясь в подробности, что происходило в его апартаментах в Лондоне, когда выключали свет — Марина осторожно взяла его за руку, и подняла из кресла. Подвела к мольберту.

Артём сам чуть не ахнул. Глория Адсон. Как настоящая, как живая — если и отличается от оригинала, то в мелочах. И не просто карандашный набросок — уже законченный, цветной портрет, во всех красках. Про её одежду Артём не говорил — и Марина сама её выбрала, но в остальном...

— Потрясающе! — вырвалось у Артёма. — Вы замечательная художница!

Марина улыбнулась, и отвела взгляд.

— Завтра я найду рамку для неё, — пообещала она. — Повесьте у себя в кабинете. Вы всё равно будете скучать по ней, это неизбежно. Только пусть не смотрит на нас двоих.

-

На той самой флютне, подарке лорда-канцлера, Артём играл почти до полуночи. Собрался не только весь его дом, пришли из многих других. Вот чем отличается римское веселье: в ночное время — только под крышей дома. И гудите хоть до утра: в каждом доме есть акустическая защита, чтобы не нарушать покой окружающих. Собственно, такая защита в каждой комнате есть, так что устраивать концерты можно в любое время суток для любого числа слушателей.

Инструкции по эксплуатации к инструменту не полагалось, но Марина заверила, что она всё найдёт. С благоговейным выражением на лице она прикоснулась потом к ней — когда сыгравший немало музыки и песен инструмент — играл в этот вечер не только Артём — расположился на столе в кабинете Артёма, на почётном месте.

— Вы столько песен знаете! — удивилась Марина. — И все такие необычные! Вы ведь думали, что будет, если... — она потупилась, но почти сразу взяла себя в руки. — Если уже

не будете дросселем, — и Марина сделала жест, отгоняющий дурное, его Артём замечал уже не раз. Артём не улыбнулся; суеверия, похоже, всегда будут рядом с людьми. — Ваши песни. Просто пойте эти песни для людей. Пусть даже не вы сами их написали. И вам всегда будут рады.

Он кивнул, и сам прикоснулся к прохладному корпусу флютни. Инструмент сыграл короткую, приятную музыкальную фразу. А ведь ни о какой песне не размышлял, подумал Артём.

— Завтра сложный день, — Марина потянула его в спальную. — Много дел. Вам нужно отдохнуть, Ортем. Нет, — не дала прикоснуться к своему лицу. — Сегодня я там, — указала взглядом на ложе для хозяйки. — Извините.

До Артёма не сразу дошло. Хватило ума сохранить спокойствие на лице.

— Понимаю, — сказал он, явно ожидался ответ. Марина снова обняла его. — С вами так спокойно, — шепнула ему на ухо. — Я не хотела вас обидеть. Вы ещё не ложитесь?

— Не могу, не спится. Я бы прогулялся, Марина. Может, тогда захочу спать.

— Доброй ночи, Ортем! — и она отпустила его. — Пожалуйста, не ходите один.

-

— Подождите, сэр Ортем! — Миранда догнала его, когда Артём уже садился в дилижанс. — Я с вами. Можно?

— Прошу, — он пропустил её вперёд, и назвал водителю пункт назначения — Колизей. Экипаж полетел по-над пустынной мостовой, набирая скорость. Водитель явно любит прокатиться с ветерком.

— Я тоже там люблю бродить, — Миранда улыбнулась ему, как в тот первый день. Во весь рот, пристально глядя в глаза. — Почему вы не спрашиваете?

— О чём, простите?

— Почему я напросилась. Вы ведь хотели один походить.

— Марина попросила вас?

Миранда тихонько рассмеялась.

— Попросила, только не сейчас. Знаете, мы с ней когда-то решили: если одной повезёт стать хозяйкой, то обязательно возьмёт к себе другую. И будем всегда помогать друг дружке. Она беспокоится за вас.

— С вами я в безопасности?

— Да, сэр Ортем, — Миранда взяла его за руку, уже не улыбаясь. — Что, не верится?

— Марина говорила, что вы — инструктор по рукопашному бою, — мельком сказала, в тот самый день, когда принимала заверения от домов Рима. Артём особо и не задумался об этом в тот момент. — Кого инструктируете?

— Хрупких, незащищённых женщин, сэр Ортем. Если не сочтёте это недостойным, и с вами позанимаюсь.

— А это недостойно?

Миранда снова рассмеялась, взгляд её потеплел.

— Простите. Я слишком много смеюсь, все говорят. Знаете, не всем мужчинам приятно, когда их учит женщина. Но вы просто скажите, и всё. Никаких обид.

— Учиться никогда не поздно. А если начну завидовать, то просто скажу, что это недостойно.

Миранда снова рассмеялась.

— Договорились. Мы уже на месте. Выходим? — и выскочила первой. Ясное небо,

звёздная ночь. Звёзды! Вот ведь болван, простите — вот ведь олух! Давно ведь хотел на них посмотреть. Артём расплатился, дождался, когда дилижанс укатит, и поднял взгляд в зенит.

— Я очень люблю смотреть на звёзды, — Миранда тоже запрокинула голову. — Какие они сегодня яркие! Что такое, сэр Ортем?

— Можно, когда мы наедине, просто «Ортом»?

— Как скажете! У вас был такой вид... Что-то не так с небом?

Как точно она выразилась! Именно: не так.

— Всё по-другому, — Артём с трудом опустил взгляд — не просто ночное небо, но великолепная картина — столько всего необычного, цветного и яркого! — Звёзды были другими.

Миранда взяла его за руку.

— Там, в другой жизни? Если я лишнее спрашиваю, так и говорите. Я вообще бесцеремонная.

Артём кивнул, и принялся спускаться по семидесяти двум ступеням. Зачем я это делаю? Охота снова увидеть странное видение? Ищите приключений на свою спину, сэр Ортем? Будет исполнено, сэр!

— Ночью я здесь впервые, — тихо сказала Миранда, когда Артём опустился на колени и провёл ладонью по камню. — И не скажешь, что днём здесь столько народу!

Он кивнул, и прижал палец к губам. Миранда кивнула в ответ, и опустилась на колени — прямо на арену, поодаль от Артёма. А он вновь погладил камень. Никаких видений. Что это такое было, почему произошло? Другие звёзды. Другое небо. Если это симуляция, а разум не желает прощаться с этой идеей, то где я сам, физически? И почему симуляция настолько убедительная? Люди настолько настоящие?

Он заметил, боковым зрением, что Миранда не забывает оглядываться, не привлекая к этому жесту внимания. Бдительная! В Риме по ночам безопасно; преступности практически нет — возможно, потому, что нет для неё причин: даже самый бедный и ленивый сможет прожить, если не в роскоши, то в сносных условиях. А потом, люди здесь труда не боятся. И всегда готовы помочь. Тутв се свои, чужих не бывает. Любая беда — твоя беда. Любая радость — твоя радость. Насколько здесь всё по-другому! Может, люди становятся людьми, только когда в любой момент мир может полететь ко всем чертям?

Он вновь погладил камень, и... повторилось. Накатило. Он успел заметить, что глаза Миранды расширились, и...

-

Снова тот день, тот момент — они входят в южный шлюз, ворота в Рим. Артём заметил две женские фигуры — только что аплодировали входящим в ворота, но перестали, едва заметили Артёма. Его? Несомненно, смотрят в его сторону. Вот бы услышать, что они говорят!

Он понял, что приблизился — как если бы оператор, ведущий съёмку, резко приблизил фокус. Точно, Марина и Лилия. И...

Слух словно включился. Среди общего восторга, шума и хлопков ладоней, Артём расслышал голос Марины.

— Зачем? Он даже не заметит меня. Кто я такая?

— Пожалуйста! — голос Лилии. Она берёт Марину за плечи, а та отворачивается. — Прощу, хотя бы попробуй! Просто прикоснись к нему! Ты же знаешь, что это приносит удачу! Всё, что мне нужно — немного удачи!

— Ты всегда так говоришь, — Марина не поднимает взгляда. — А надо мной всегда потом смеются. Я не хочу.

— Пожалуйста! Я очень прошу! — Лилия привлекает Марину к себе, что-то шепчет на ухо. Что — Артём уже не слышит. Затем «камера» поворачивается, и появляется... Миранда. Пробирается сквозь толпу, и отталкивает Лилию.

— Перестань! — точно, голос Миранды. И она явно злится. — Она права, ты обращаешь на неё внимание, только когда тебе что-то нужно! — Миранда обнимает Марину, гладит её по голове. — Не слушай её. Если так хочет, пусть сама к нему прикасается.

«Оператор» показывает Лилию — поджатые губы, сердитый взгляд. Она поворачивается, и уходит прочь — настолько быстро, насколько позволяет собравшаяся толпа.

— Не плачь, — Миранда крепче прижимает к себе Марину. — Ты ей ничем не обязана. Прощу, успокойся. Идём домой.

Наплыв.

-

Артём оглянулся. Темнота. Хотя не совсем: справа сквозь шторы просачивается свет уличных фонарей. Кто-то сильно сжимает его правую руку — Миранда. Её не видно, но Артём уверен — она. Судорожно, тяжело дышит — словно ей только что не хватало воздуха.

— Где это мы? — Артём и сам не сразу обрёл дар речи. Вроде только что смотрел то «кино», и вот — уже не на улице.

Миранда крепче сжала его ладонь, и откашлялась.

— Свет! — сказала она, и в комнате стало светло. Артём оглянулся — чья-то комната. Причём в том же самом квартале, что на площади Цицерона — где и его новый дом. Судя по обстановке, здесь живёт женщина.

— Это же моя комната! — Миранда огляделась, широко раскрыв глаза. Отпустила ладонь Артёма и метнулась к окнам — выглянула за штору. И сразу же ко входной двери — замок тихонько щёлкнул, выпуская хозяйку комнаты. Вернулась через пару секунд, и закрыла дверь.

— Что вы помните? — Артём огляделся. Надо бы уйти, и без того ситуация неловкая.

— Что вы смотрели куда-то в пустоту. Куда-то сквозь меня. Мне стало страшно, я взяла вас за руку, но вы не обращали внимания. А затем сказали «идём домой», и... Не знаю, как описать. Помню только, что дыхание перехватило, я даже испугалась. И вот мы здесь.

Она взяла его за руки. Говорить сразу стало трудно. Отвести взгляд от её глаз — почти невозможно.

— Вы когданибудь «скользили»? Шли за дросселем? — Артём старался отвести взгляд, и не мог. Миранда покачала головой, улыбнулась.

— Нет, никогда. Так вот что это такое! Так быстро! Как молния! — она и не думала отпускать его руки. — Я хочу ещё. Можно? Хотя когда-нибудь!

— Если смогу понять, как я это сделал. Насолько быстро пока не удавалось.

Миранда рассмеялась, не отводя взгляда

— Значит, я первая! Как здорово! Не уходите! — она понизила голос, когда Артём попробовал аккуратно освободить руки. — Пожалуйста! Вы не обидите её, — добавила Миранда шёпотом. — Я знаю.

Но про тот разговор я не скажу, подумал Артём, погружаясь в её взгляд, пропадая в нём. Нельзя говорить. Ведь я подслушал, так скажем. Да и неизвестно, было ли всё это на самом

деле.

День 10. Арена [оглавление]

Темно и холодно. Пробирает до костей; настолько холодно, что уже тянет в сон, в последний сон. Пытаешься пошевелиться — и препятствие. Словно в заколоченном ящике. И воздуха не хватает, дышать всё труднее...

Артём уселся, рывком — сбрасывая кошмар. Почти сразу же понял, где он — у кого он. Через пару секунд Миранда точно так же уселась рядом с ним, движением ладони сделала ночник ярче. И сразу взяла его за руку.

— Дурной сон? — она посмотрела в лицо. — Не говорите, я сама вижу. Держитесь, сэр Ортем.

— Слушаюсь, госпожа Миранда.

Она рассмеялась, и прижалась щекой к его плечу.

— Всё поняла, простите. Просто Ортем. Говорят, что всего через пару минут разговора со мной людям охота или ударить меня, или прогнать. А вы даже голос ни разу не повысили.

Неуловимое движение — и вот она уже сидит у него на коленях. Ночник даёт достаточно освещения, чтобы разглядеть её в подробностях. Артём прикрыл глаза. Чёрт, до чего опять неловко...

Она положила ладони ему на плечи.

— Она правда не обижается, Ортем. Дайте ей время, пожалуйста. Она очень старается.

Артём открыл глаза.

— Так она правда сама всех обошла, сама со всеми договорилась?

Миранда энергично кивнула.

— Всё верно. Нам с Лилией нельзя было помогать. Только быть рядом, чтобы она нас видела. Она всё сама сделала. Но когда она с вами, она вас боится.

— Я такой страшный?

Миранда усмехнулась.

— А я думала, притворяетесь. На самом деле не знаете? У вас месяц, чтобы принять окончательное решение. Если месяц пройдёт, а вы ничего не сделаете — значит, приняли хозяйку. Пока месяц не прошёл, вы можете выгнать её в любой момент. Ну и нас тоже, конечно. Можете даже ничего не объяснять, просто сказать ей, что не хотите её больше видеть.

Вот почему она смутилась, подумал Артём, когда попросила меня не говорить с ней о других женщинах больше одного раза. Видимо, это настолько важно для неё, что практически потребовала — и испугалась своих слов, своей смелости. Миранда права — в данном случае, как минимум.

— Я не собираюсь её прогонять. Скажите лучше, как ей помочь.

— Не водите её к докторам. Она их смертельно боится.

— Миранда, что с ней случилось?

Она долго смотрела ему в глаза, прежде чем ответить.

— Лилия знает. Она помогала Марине, учила её, когда Марину привезли к нам в приют. Дети всегда жестокие, вы же знаете. А Марина и языка не знала, и защитить себя не умела. Только Лилия знает, что случилось, но никогда не говорит. Марине лучше, когда Лилия рядом — ну так Лилия этим и пользуется. Пользовалась, — поправила Миранда. — Надеюсь, при вас она не посмеет.

— А вы сейчас не сплетничаете?

— Сплетничаю? Я ей в глаза скажу то же самое, что вам сейчас. Всегда так делаю. А вы, Ортем? Вы повторите человеку в глаза то, что скажете в его отсутствие?

Хороший вопрос.

— Иногда говорил такое, что в лицо бы не повторил. Но ваш пример вдохновляет.

Миранда рассмеялась, хлопнула ладонями по его плечам.

— Ещё и честный! С ума сойти! Теперь верю, что не прогоните. И понимаю, почему так смущаетесь.

Артём закрыл глаза. Миранда наклонилась, и едва ощутимо прикоснулась губами к его лбу.

— Знаете, что две трети женщин с мужчиной видятся только в симуляторах? А вас, ну то есть дросселей, все считают колдунами. Честно-честно! Можете прогнать меня, если хотите. Всё равно моё желание сбылось. Я видела колдуна своими глазами, и сделала его счастливым. Пусть даже на несколько секунд.

Артём усмехнулся и открыл глаза.

— У меня через три часа занятия, — Миранда поцеловала его в лоб. — А в это время я обычно просыпаюсь, и бегаю по парку. Если других заданий нет. На сегодня заданий не было. Хотите, вместе пробежимся?

— Хорошая идея!

— Тогда жду вас через десять минут у двери. В спортивной одежде.

-

Доктор Ливси так и не нашёл себе приюта — пока что. На его вызов Артём явился в военный городок — и застал доктора в соседней с оружейником комнате. Похоже, оружейник использует эту комнату как склад всякого, не очень нужного, инвентаря.

Доктор выслушал рассказ Артёма о его вчерашнем «походе» с Колизея прямо домой, покачал головой.

— Очень, очень необычно. Ваш талант развивается с каждым применением. Ну что же, сейчас — обследуем вас датчиками, об остальных подробностях потом.

От сэра Джеймса, своего командира, Артём получил прямой приказ: по требованию доктора являться и выполнять его, доктора, указания. В случае, если есть сомнения или будет конфликт — вызывать самого сэра Джеймса.

— За-нят-но... — пробормотал доктор несколько раз, пока Артём лежал на «столе для вскрытий», как сам его мысленно прозвал — а доктор водил над ним предметом, больше всего похожим на детский «световой меч». Цилиндр, часть которого ярко светилась. Когда доктор проводил им рядом с лицом, Артём явственно ощущал жар.

— Что-то интересное? — поинтересовался Артём, поднимаясь на ноги. — Почему именно я?

Доктор воззрился на него поверх пенсне.

— Сейчас поймёте. Сэр Ортем, что такое «геном»?

Артём опешил. И выдал то, что проходил на эту тему по биологии. Своими словами. Доктор Ливси покивал.

— В общих чертах верно. Вы где учились?

Вот так. И что отвечать? Тянуть с ответом не стоит.

— Если я расскажу, доктор, вы вполне можете решить, что я не очень психически здоров.

— Психически здоровых нет, есть плохо обследованные, — поднял доктор

указательный палец. — Говорите своими словами. Я многое повидал, знаете ли.

Была не была. Артём сказал, что помнит себя живущим на другой планете. Совсем другой. И в тамошней школе всё это и выучил. Доктор записывал, совершенно не выдавая никаких эмоций.

— В переходном состоянии сознания, — поднял он взгляд, — вы говорите на языке, напоминающем русский. Я подумал, что вы родом из Москвы, или их дальних поселений. Но язык у вас архаичный, там сейчас так не говорят, я сравнил записи.

Артём чуть на пол не сел. Про Москву даже не подумал. Надо будет узнать.

— Присядьте. Не следует волноваться. Я говорил вам про Виктора Маккензи? Так вот, он уверен, что сам родом из Нгао Нла, земли отдыха мёртвых — места, куда после смерти попадают люди, совершившие немало подвигов. И что попал сюда случайно, сам не знает как. По его словам, если он соберёт на своей головоломке нужную комбинацию, то сможет вернуться в свой настоящий, как он говорит, мир.

— Я-то уж точно из страны живых, — проворчал Артём. Час от часу не легче.

— Если не можете пока рассказать, я не настаиваю. Да, вот ещё что. С кем, кроме Ингир Мантелла, Глории Адсон, вашей хозяйки и Миранды Красс, вы были в интимной близости?

— Я обязан отвечать? — а ведь я не говорил про Миранду, подумал Артём. Откуда узнал?

Доктор вздохнул, и снял пенсне.

— Как я уже говорил, у вас редкий, практически неповреждённый, геном. Чем больше, простите за прямоту, у вас контактов — тем больше шансов, что на планете будет больше здоровых детей. Не забывайте, что я — доктор, и принёс соответствующие клятвы. Эти сведения не становятся ничьим достоянием. Только в мой архив. Подробности мне не нужны, это ваша личная жизнь. Только имена, а если помните — даты.

— Вы всех уже назвали. Это то, про что я помню, конечно.

— Замечательно. Что ж, признателен за помощь, — доктор протянул руку, и Артём не без опаски её пожал. — К слову, сэр Ортем, где можно найти комнату, поближе к казармам, но в обычном жилом квартале? Я глубоко уважаю Марцелла Катона, вашего оружейника, но здесь несколько тесно. Да и шумновато.

— В доме, где я живу, на площади Цицерона, есть несколько свободных апартаментов. По три комнаты в каждом. Два зоркмида в день, если не путаю. Пять минут на дилижансе до казарм.

— Благодарю! — доктор просиял. — Быть ближе к объектам исследований — моя мечта. Не меняйтесь так в лице, все разговоры мы будем вести только здесь.

-

Спортивный центр, Арена, популярен не только среди граждан Рима. Путешествие между городами, пусть относительно безопасное — особенно, если есть возможность пройти следом за дросселем, а не лететь в дилижансе — всё равно недёшево. Но многие прибывали в Рим, чтобы позаниматься на Арене — не только боевыми искусствами. Желающих со временем оказалось так много, что целый квартал рядом с Ареной, на площади Марка Аврелия, стал огромным гостиничным комплексом.

При этом при всём порядок соблюдается. Римские обычаи строги; за нарушение общественного порядка — работы по указанию владельца квартала. Артём уже успел выяснить, что «хозяин квартала», вне зависимости от пола и возраста — это не столько

собственник, сколько администратор. Который должен обеспечивать своих жителей всем, чем нужно — в первую очередь, спокойствием и безопасностью.

Надо отдать должное Ингир Мантелла, у которой Артём впервые остановился в Риме — своё дело она знает. Так. Что-то опять не на те мысли потянуло, чтоб этого доктора Ливси приподняло и стукнуло! Легонько так стукнуло — всё-таки доктор он хороший.

— Сэр Ортем Злотникофф! — старший тренер секции боевых искусств также, несомненно, служил молотобойцем — так хлопнул по плечу, что Артёму пришлось подавить гримасу боли, и не присесть от неожиданности. — Рад вас видеть! Чем могу помочь?

— Я мало времени занимался спортом, — если и покривил душой, то немного: разница между «мало» и «никогда» не очень ощутимая. — Хочу это исправить.

Тренер, Кезон Ливий Флавий, покивал.

— Мудрое решение, сэр Ортем. Вы уже знаете, с чего начать?

— Наверное, стоит проверить, на что я сейчас гожусь. А потом — полагаюсь на ваш опыт.

Тренер вновь кивнул и указал — следуйте за мной. Через пару минут Артём получил в своё распоряжение личный шкафчик и тренировочную форму. Как тут всё поставлено! Вот скажи, что Рим живёт в состоянии постоянной войны, и случись что, граждане не побегут в панике кто куда, а возьмутся за оружие и отстоят свой город.

-

Выходить на ринг было, если честно, страшновато. Столько зрителей! Тренер подозвал одного из своих учеников — с ним и предстояло посмотреть, на что Артём годится. Готовьтесь, сэр Ортем, сейчас настанут ваши минуты позора. Здесь, Лилия уже рассказала, к физическим упражнениям относятся очень серьёзно. Тех, кто слаб и не может освоить общие нормативы, в Тибре, конечно, не топят и со скалы не сбрасывают, но дальнейшая их карьера выглядит более чем скромно.

Артём, насколько смог, повторил приветствие соперника — прижать ладонь ко лбу, к сердцу и едва заметно поклониться — лёгкое движение головой, по сути.

И испугался. По-настоящему. Драться в детстве приходилось — кто из мальчишек не дрался? Но это было давно, а сейчас, под пристальным взглядом сотен глаз, было очень не по себе.

Гонг. Первый раунд длился секунд десять — младший тренер в три изящных движения сбил Артёма с ног и изобразил удар в голову. Будь удар настоящим — Артём как минимум был бы в нокауте.

Что характерно, ни смеха, ни насмешливых криков, ничего — а ведь пока Артём проходил мимо других рингов, там в изобилии было и то, и другое. Слабаков тут не любят, это понятно.

Гонг.

На этот раз удалось продержаться дольше. Артём стал осознавать, насколько подлинное владение рукопашным боем отличается от его фантазий на эту тему. После третьего гонга, если честно, было желание отказаться ко всем чертям, и уйти, но тут Артём заметил Миранду. Она, несомненно — в тренерской форме — в первых рядах зрителей. И тут они перестали просто стоять и смотреть — все до единого махнули Артёму рукой. Жест понятен — поднимайся!

После десятого раза Артём озверел. Внезапно — накатило. Прозвучал гонг, и тут случилось примерно то же, что в Колизее — притупились органы чувств, ноги стали

ватными. Но и соперник стал двигаться медленно! Намного медленнее! Словно время замедлило свой бег.

Двигаться стоило огромных усилий. Но Артём всё же сумел подняться, и, к своему изумлению, провести подсечку и болевой приём — сам от себя не ожидал.

И почти сразу же время разогналось до нормальной скорости. А Артёму зааплодировали. Старший тренер — и тот одобрительно кивнул, и хлопнул пару раз. Удивительно, но и соперник Артёма на ринге выглядел довольным. «Наконец-то он что-то показал!»

Следующий раз, увы, повторил почти все предыдущие — только сейчас Артём оказывал пусть и слабое, но вполне отчётливое сопротивление. А затем повторилось — замедление времени, свинец, прижимающий всё тело к земле, но зато — возможность уклониться от соперника и вывести его из строя.

На второй раз аплодисменты звучали громче, кое-кто даже засвистел — это, Артём уже знал, признак одобрения. Чтобы необученный новичок так долго держался, да ещё дважды вполне чётко провёл приём — это уже нечто!

Следующие три раза Артём победил. Но сил уже не оставалось — ноги еле держали, одежда успела промокнуть насквозь от пота, жутко болели все мышцы. Старший тренер, похоже, сам всё понял, потому что дал отмашку — бой окончен. По очкам получилось 11:5 в пользу соперника. Тот с явным удовольствием пожал Артёму руку и, под одобрительный свист, тот покинул ринг.

— Очень, очень неплохо, сэр Ортем! — Кезон Ливий указал направление. — Сейчас в душ, затем отдохните, переоденьтесь — и ко мне в кабинет.

— Вам помочь? — Миранда появилась как из-под земли. — Не стесняйтесь. Не думала, что я так рисковала, сэр Ортем. Вряд ли я вас чему-нибудь научу по этой части.

— А вы попробуйте, — сам не думал, что хватит сил шевелить языком. Миранда рассмеялась и, поддерживая Артёма под локоть, провела в сторону душевых. Некоторые из других спортсменов смотрели на неё с явной завистью.

Ничего себе устал! Артём чуть не грохнулся в этом душе. Станный душ — не то чтобы без воды, она ощущается, пока там стоишь и отмокаешь — но когда вышел, оказался совершенно сухим. В шкафчике уже лежала сменная одежда — кто и когда успел забрать промокшую, Артём не уследил. В соседнем с душевыми помещении Артёма встретила пожилая улыбчивая женщина, усадила за один из многочисленных столиков и поставила перед ним стакан с напитком. Похоже на кислородный коктейль. Что бы это ни было, через пять минут вновь появились силы — в том числе ходить.

— ...У вас замечательные данные, — Кезон Ливий задал несколько формальных вопросов, и встал перед новым учеником. Садиться не предлагал, и сам не садился. — Вот расписание занятий, — вручил Артёму карточку. — У вас плотный график, насколько я знаю. Подходите, когда сможете. Я помечу, чтобы с вами занимались в высоком приоритете. Рад познакомиться, сэр Ортем! Здравствуйте!

Миранда ожидала его у выхода.

— Не думала, что вы подниметесь хотя бы в третий раз, — призналась она. — Но что такое увижу... скажите честно, где вы всему этому научились? Так быстро двигались!

— Никогда не учился, — говорить правду оказалось легко и приятно. — Само получилось. Разозлил он меня.

— Всё поняла, злить не буду. Вы домой?

— Пожалуй, — Артём огляделся — солнце клонится к горизонту. Незаметно день промелькнул. — Что-то я не пойму — в какую сторону идти?

— Туда, — Миранда указала на запад. — Поймать дилижанс?

— Я пешком, благодарю.

Миранда снова покачала головой и, уже не говоря ни слова, зашагала рядом.

-

Марина «отчиталась» перед ним в спальне. Работа в партнёрстве с домом Тибр уже шла полным ходом: Гораций одобрил, почти сразу, шесть из десяти эскизов, и образцы, которые его ювелиры создавали весь день, красовались сейчас перед Артёмом. По словам Марины, на эти изделия уже множество заказов — ручная работа в цене. Репликатор может «выпечь» любой предмет любой формы, главное — суметь всё правильно запрограммировать, но люди предпочитают штучное, созданное руками, а не умным прибором, который умеет расставлять атомы в нужном порядке. Так вот.

— Замечательно! — только и сумел сказать Артём. Три браслета, два медальона, и перстень. Чудно! Смотрел бы и смотрел.

— Четыре эскиза он отправил на доработку, — довольная Марина стояла рядом, держа Артёма за руку. — Завтра я отдам их. Ещё двенадцать готовлю — он в целом одобрил, нужно обсудить с его мастерами подробности.

— Прекрасно, Марина! — он обнял её и ощутил, как она рада. Смотрела ему в глаза, улыбалась, не отводила взгляда. Тут постучали в дверь... и вернулась Марина-робкая.

Там оказалась Миранда.

— Ужин готов, — позвала она. — Вы позволите, сэр Ортем? Марина?

Они оба кивнули, и Миранда прошла к столу, на котором лежали футляры с образцами.

— Какая красота! — восхитилась Миранда, прикоснувшись кончиком пальцев к каждому украшению. — Марина, ты прелесть.

— Всё, идём, — ответила та, постаравшись изобразить строгость. Но глаза её выдавали.

В этот вечер неловкости не возникло. После ужина, на котором Миранда рассказала о спортивных достижениях Артёма — к большому удовольствию всех собравшихся — вернулась усталость. Еле сил хватило дойти до постели. Артём запомнил только, что Марина сидит в изголовье, и держит его за руку, улыбаясь.

Дни 11–12. Пропать под Лиссабоном. [оглавление]

Артём поднялся на ноги — сидеть неподвижно в пределах гауптвахты оказалось невозможно. Пустота вокруг — всепоглощающая и бездонная. Она наступила минут через пять после того, как дверь этой клетки оказалась заперта. Когда натыкаешься руками на предметы, они ненадолго проявляются из пустоты, а затем вновь пропадают.

Вначале «засбоило» зрение. Всё вокруг становилось то чёрно-белым, то цветным. Иногда разные участки окружающего мира обесцвечивались в случайном порядке, иногда картинка «залипала» — несколько раз Артёму мерещилась неподвижно повисшая в воздухе дверь. Вот оно, доказательство того, что это — симуляция, виртуальность. Что-то засбоило. Видимо, в программе не было предусмотрено попадание дросселя на гауптвахту. Но до этого многое успело случиться.

-

Звонок поступил в два с половиной часа ночи. Артём и сам бы поднялся — усталость, как по волшебству, прошла. Марина спала на ложе для хозяйки, рядом — и он, стараясь не двигаться, просто смотрел на неё. Приятно смотреть. Ей снится что-то радостное —

улыбается во сне.

Когда раздался звонок, Артём чуть не подскочил.

— Сэр Ортем Злотникофф, прибыть в казармы в течение сорока минут. Форма одежды — походная. Это не учебная тревога, повторяю — это не учебная тревога.

Отбой. Артём уселся, и Марина почти сразу же проснулась. Включила ночник, взглядом спросила — что случилось?

— В течение сорока минут я должен быть в казармах, — пояснил Артём, и направился в свой кабинет — он же гардеробная. Понятно, что в поход, если он намечен, пойдёт не в этой одежде, но традиция такая: надевать особую одежду, когда уходить из города. Никогда не надевать её внутри. Так принято.

Марина за две минуты подняла Миранду и Лилию — те вопросов не задавали. Когда Артём, за пять положенных по уставу минут, привёл себя в порядок, в столовой его уже ожидал завтрак. Горячий медовый напиток и несколько ломтей хлеба — достаточно, чтобы проснуться, и зарядить мозг. Опять же, походный паёк и всё прочее он получит на месте.

Марину он обнял (сердце её билось очень, очень часто), остальные удостоились прикосновения к плечу. Теперь — выходим из дома, не оглядываясь (это важно; не для тех, кто уходит — для тех, кто остаётся). Дилижанс уже ждал его у порога.

...Через восемнадцать минут после пробуждения Артём уже шёл по территории городка. Его подчёркнуто не замечали; вообще, суеверий насчёт дросселей развелось великое множество! Артём доложил сэру Джеймсу о прибытии, и отправился к оружейнику.

— Чем вам помочь, я знаю, — пробормотал седовласый Марцелл Катон. — Вот ваш костюм. А вот это — подарок от меня, — Оружейник протянул Артёму пистолет. Нечто, очень похожее на пистолет. — Насколько понимаю, вы должны уметь с этим обращаться. Здесь предохранитель. Это — выщёлкивает обойму. Запасных патронов пока не даю, в магазине их восемь.

Старый чёрт! Он явно догадывается о многом, о чём не говорит.

— Это на всякий случай, — пояснил оружейник. — Стреляет упругими пулями. Можно использовать в качестве кастета. Оружие не летальное, если, конечно, не прицелитесь в глаз или висок. Вам не положено иметь оружия, но я-то знаю, что ситуации бывают разные.

— У вас не будет из-за этого неприятностей, сэр?

— Сумеете воздержаться от применения — тогда точно не будет. Как вернётесь, сдайте на доработку. Удачи вам, — добавил оружейник, когда Артём застегнул свой чёрный комбинезон. — Здравствуйте!

Рук он никогда не пожимает, к плечу не прикасается. У гениев свои причуды.

Пакет с планом маршрута Артём вскрыл, как было велено — за три минуты до выступления. Лиссабон. Однако!

— Землетрясение магнитуды семь с половиной, эпицентр у границы Лиссабона, — пояснил сэр Джеймс. — Наша задача — восстановить сообщение, обеспечить безопасный проход для спасателей и эвакуации гражданского населения.

И они отправились в путь. До Лиссабона, по оценке сэра Джеймса, двадцать восемь минут «скольжения». Однако Артём справился за двадцать. Отчасти потому, что дорога, мощёная жёлтым кирпичом, обрывалась в пропасть. Хотя и не кирпич это вовсе, а специальный материал — прочный и ядовитый для клеток нечисти одновременно, виден под ногами практически в любых условиях. Расселина, метров тридцать шириной и как минимум в сотню метров глубиной перерезала дорогу на десяток стадий в обе стороны. А

дроссель по сильно пересечённой местности не пройдёт.

Тектоническая активность на Айуре ниже, нежели на Земле — Артём уже успел пролистать несколько школьных учебников, чтобы знать хотя бы то, что все дети знают. Тем удивительнее такое внезапное и мощное землетрясение.

-

...Датчики ожили у всей роты, минут через двадцать пять после прибытия отряда к разлому. Нечисть приближается. Всё понятно, беда не приходит одна — чуть не треть Лиссабона лежит в руинах, есть человеческие жертвы, а теперь ещё и это. Самое страшное, как говорили Артёму, всегда приходит из глубины. И вот оно, на подходе.

— Танки в боевое положение! — приказал сэр Джеймс. — Всем незанятым — в мёртвую область. Сообщите в штаб, у нас ситуация «омега». Оповестить гражданские колонны, вызвать подкрепление.

Чётко и слаженно. Ни тени испуга на лицах. Танки установили овалом, с них сняли «шлемы» — то, что под ними, даже отдалённо не похоже на морду коня, условности всё это. Внешне казалось, что каждый танк стал прожектором — яркий конус света изливался из «морд», разрезая туманную мглу. Что-то движется оттуда, из разлома.

— Есть контакт, — доложил командир первого взвода. — Цель «голиаф», дистанция шестьдесят, скорость сближения восемьсот, азимут сто два.

Восемьсот стадий, то есть — двести километров в час. С ума сойти можно! Как и прочие «незанятые», Артём стоял на дороге из «жёлтого кирпича» — нечисть почти всегда старается взломать почву под ногами, чтобы покончить с противником. К счастью для людей, нечисть не учится, использует одни и те же приёмы. Что не означает, что командование и впрямь считает её «тупой».

— Первый взвод — огонь!

Из «плеч» танков вылетели снаряды — по пути каждый расщепился на несколько меньших, летящих параллельно, ещё и ещё. Когда все они вспыхнули, Артём успел разглядеть «голиафа» — огромное существо, метров сорока в поперечнике, со множеством конечностей. Больше всего походит на паука. Как только выбирается из глубины на поверхность, распадается на множество меньших, очень подвижных, организмов.

— Второй взвод — огонь!

Голиаф не успел выйти на поверхность: облако светящейся пыли, в которую превратились снаряды, прожгло в нём миллионы сквозных отверстий. Голиаф, уже, по сути, обезвреженный, замер — и, распадаясь на фрагменты, начал падать — во тьму, из которой явился.

Танки «освещали» пространство на множество стадий перед отрядом — там погибала вся органика, не только клетки нечисти. Жестоко, но необходимо: если эту рану не прижечь, инфекция начнёт расползаться по поверхности.

— Запустить терминатор! — приказал сэр Джеймс, и вниз, в пропасть, вылетел шарообразный предмет — оказавшись на безопасном для людей расстоянии, он включил то самое излучение, что использовали танки, принялся имитировать человеческое общение во множестве радиодиапазонов. Терминатор — почти всегда самоубийца, его цель — привлечь внимание нечисти. Интеллектом она не блещет, и что дальше — понятно: сейчас всё, что должно было вылезти следом за голиафом, помчится ко дну пропасти, навстречу противнику, который передаёт привлекательные для нечисти сигналы. Если биомассы много, она разрушит терминатор — «вынудит» его использовать последний довод,

термическую бомбу. Главное — не позволить нечисти вылезти по всей длине «раны». Вот это было бы страшно.

Удивительно, но Артём не испугался по-настоящему. Всё казалось фильмом ужасов, а он сам — просто сидит в первом ряду. Уже через полчаса прибыло подкрепление из Лондона и Парижа, принялись развёртывать танковые и минные заграждения, а над разломом повисли сотни зондов наблюдения и терминаторов. Лес вокруг трещины в земле выжгут в пепел, так положено; во все открывшиеся пустоты, где может гнездиться нечисть, отправятся терминаторы. И по всему периметру пропасти встанут танки в боевом положении. Когда Артём узнал, что в Риме, в подземных ангарах-хранилищах стоит ни много ни мало двенадцать тысяч танков про запас, он вначале не поверил — зачем так много?! Теперь, глядя, как эти машины работают, стал понимать — не так уж и много. Случись что, если земля вокруг Рима так же начнёт осыпаться, а из глубины ползет всякая пакость, окажется в самый раз. А то и не хватит.

— Пропустить инженерную команду! — распорядился сэр Джеймс. Четверо танков, «освещавших» путь в Рим, выключили свои «прожекторы». Ненадолго. Из ничего соткалась и остановилась в мёртвой зоне дюжина транспортных дилижансов, а заодно — рота пехоты, и несколько гражданских экипажей. Понятно, нужно восстановить дорогу — навести временный мост, а потом начать заливать трещину. Именно так: заливать тем самым составом, из которого сделаны «подложки» под городами. Пустоты не должно быть. В пустоте немедленно поселяется нечисть.

— Сэр Ортем, — сэр Джеймс и глазом не моргнул, как будто и не было боя. — Приказываю вам вернуться в Рим. Там готовят танковые колонны, ваша задача — привести колонну сюда, максимально быстро.

С Артёмом, судя по всему, отправится только охрана дросселя — и второй радист.

— Есть, сэр! — Артём не успел осознать, что же происходит — может, оно и к лучшему. Не успел испугаться как следует.

-

«Ходы кривые роет... подземный умный крот».

Колонна велика. Дроссель может увести до сорока тысяч человек — правда, это мастера. Обычно, у большинства дросселей, сил «тащить» за собой хватало на пять-шесть тысяч. Каждый танк идёт за пятерых людей, каждый дилижанс — за трёх. В конечном счёте «нагрузку» на дросселя не поднимали выше двух-трёх тысяч людей: если дросселя перегрузить, если он свалится от усталости — обойдётся дороже. В Риме три дросселя, вспомнил Артём на обратном пути — вести колонну оказалось на удивление легко. Понимал, что устаёт, и что надо следить за самочувствием, при необходимости — короткий отдых, две-три минуты. Это предусмотрено. Многое предусмотрено, чтобы дроссель выжил, и был способен исполнять свои обязанности в нужный момент.

Танковая колонна появилась у разлома всего через сорок восемь минут с момента, когда Артём отправился за ней. И тут же его отправили вновь — уже в Лиссабон, сопровождать колонну гражданских, многим требовалась серьёзная помощь, медицинские пункты на местах не справлялись.

«Нормальные герои всегда идут в обход».

Насладиться красотами Лиссабона, его знаменитыми парками, не получится. Город уже восстанавливают, и не до красот сейчас. Отвёл пострадавших в Париж, ближайший по времени «скольжения» город — и тотчас назад. Отдохнуть давали не более десяти минут.

Причём отдых активный: съесть специальный питательный паёк, и не стоять на месте. Медленно ходить.

Когда Артём, с колонной гражданских из Парижа, вернулся в Лиссабон, солнце уже перевалило за полдень. Разрешили полчаса сна, и вовремя: от усталости подкашивались ноги. Безжалостно разбудили; десять минут на приём пайка, краткий медосмотр и физиологические отправления — и в путь.

Ещё десять коротких походов — дали выспаться в течение часа. Когда Артём проснулся, уже не очень понимая, какое сейчас число, и где он находится, расщелину на месте, где была мощёная кирпичом дорога в Лиссабон, уже залили веществом «подставки». С ума сойти, как они успевают так быстро? Уму трудно представить, сколько там вещества, как получается привезти и вылить его такое количество? Потом, всё потом, сейчас не до расспросов.

— Сэр Ортем, наш второй взвод и команда спасателей обойдёт периметр, — поставил задачу возмутительно бодрый сэр Джеймс. Только что осаго запылилось, а так и не скажешь, что вторые сутки в «горячей точке». — Есть вероятность, что под угрозой отдалённые поселения, фермы, научные станции. Да, к слову — познакомьтесь.

Артём увидел человека лет тридцати, с чёрной короткой бородкой, коротко стриженной шевелюрой и треугольным лицом. Как и сам Артём, в чёрной одежде. Человек молча кивнул — по плечу не хлопнул, руки не протянул, ничего не сказал. В правой руке он держал странный предмет — не то кубик, не то что-то более сложное. Озарение пришло почти немедленно.

— Виктор Маккензи?!

Он молча кивнул, и улыбнулся. Вот оно как. Два дросселя в одной команде — зачем? Ладно, потом станет ясно, а пока — в путь.

— Виктор, выступаете первым, — распорядился сэр Джеймс. — Малой скоростью, дайте сэру Ортему привыкнуть. Отправляемся по вашей готовности.

Дроссели не прикасаются друг к другу. Суеверие или нет — как минимум, традиция. Вообще стараются не общаться. Вот и сейчас, Виктор указал Артёму жестом — становись здесь. И...

Артёму показалось, что окружающие его люди стали зыбкими. А сам он остался плотным, так сказать! И если бы мысленно не представил, что это он шагнул, напевая «походный стимул», вполне мог остаться на месте, отстать.

Виктор двигался молча, пальцы правой руки что-то поворачивали в его головоломке — на неё он даже не смотрит. Двигаться с той же скоростью давалось не без труда: вы не должны вести, успел ещё пояснить сэр Джеймс. Вы должны скользить следом. Я не знаю, как это объяснить, и нет времени на тренировки. Если отстанете, мы просто за вами вернёмся — стойте на месте, не пытайтесь догнать нас «скольжением».

Минут через пять Артём сумел привыкнуть к тому, что надо делать, чтобы удерживаться в скользящем состоянии другого дросселя. Очень просто: надо мысленно делать то же, что и он. Представил: сам держит такую же головоломку, и так же поворачивает, нажимает и сдвигает её элементы — стало куда проще и легче. И перестало сбивать дыхание, а до того казалось, что вокруг дует сильный, едва переносимый ветер.

Остановка. Научная станция — центр мониторинга. Стало ясно, почему два дросселя: персонал станции передали нескольким людям во главе с Виктором, и они «испарились» в сторону Парижа.

— Нужен отдых, сэр Ортем? — сэр Джеймс протянул ему фляжку с тоником. Ничего,

кроме тоника, пить нельзя — а тоник сам густой и сладкий, уже не лезет. — Как только Виктор вернётся, дальше ведёте вы. Вот сюда, — он указал на карту. — Далее по очереди.

-

Им попало семь объектов. С каждого увели людей; когда необходимо — ещё и домашних животных. Как только эвакуировали седьмой, оказалось, что вскоре утро двенадцатого июня, следующий день почти наступил.

— Час отдыха, — распорядился сэр Джеймс. — Танки в оборонительное положение. Тишина в эфире. Виктор, вы высыпаетесь первым.

Виктор кивнул — он вообще умеет говорить? — и скрылся в палатке. Полчаса текли непереносимо медленно. Сидеть нельзя, надо стоять или ходить. Тоник уже окончательно передумал протекать в плотку. Держитесь, сэр Ортем, это не учебная тревога. Уж да, ничего учебного.

А когда сам лёг поспать, то показалось: только прикрыл глаза — и вот уже разбудили и приказали готовиться к возвращению. Пять минут на всё про всё.

— У вас интересный голос, — неожиданно сказал Виктор. Что характерно — так казалось — по-русски. — Только не пойте так громко, друг мой. Пожалейте мой музыкальный слух.

Они оба рассмеялись — а потом и остальной их отряд. Всё, пора возвращаться. Виктора доставить в Лиссабон, самим — возвращаться в Рим, по дороге собрать всю роту. Теперь к месту катастрофы прибыли основные силы, вахта сдана. Можно и отдохнуть немного.

-

Артёму показалось, что их с Виктором сдуло ветром — а остальной отряд так и шёл себе. Дыхание сбило, и щеку обожгло огнём. Когда зрение вернулось в норму, они с Виктором были в окружении четырёх неизвестных людей.

Один, похоже, только что заехал Артёму в лицо. А другой склонялся над Виктором, лежащим навзничь на траве, и что-то было в его руке...

Боковым зрением Артём заметил свой отряд: в случае, если дроссель внезапно «выпадает» — случается всякое — отряд возвращается по траектории маршрута, но прежде — докладывает о ЧП в штаб. Сейчас отряд на расстоянии минимум в километр. Справляться придётся самому.

Похоже, злость выручила — время потекло медленнее; тот, что подошёл к Виктору, явно собирался сделать тому укол, в руке держал шприц — здешнюю версию шприца, больше всего походит на толстый фломастер. Никаких игл. Никаких повреждений кожи или других тканей.

Артём, чувствуя, что силы стремительно тают, легко уклонился от второго, наклонявшегося к нему с таким же шприцем, провёл подсечку, как давеча на ринге — и от души добавил в челюсть.

Огнём обожгло шею. Один из нападающих движется с той же скоростью, что и Артём! И в руке у него нож — и только чудом не перерезал горло. Артём успел толкнуть того, что собирался сделать укол Виктору, и едва уклонился от следующего взмаха ножом.

Тот, что должен был сделать Артёму укол, лежит и не поднимается. Тот, что Виктору — медленно, но поднимается. А остальные двое, Артём успел заметить, начали «протаивать» — и судя по тому, куда они смотрят, они направляются в сторону отряда Артёма с Виктором. Ведь успеют натворить дел, даже если солдаты ожидают нападения!

Артём со всей силы пнул в бок того, что поднимался, и ринулся следом за остальными.

Чудом» поймал скольжение», вошёл в фазу чужого дросселя, уже когда до отряда оставались считанные секунды. И только сейчас вспомнил про выданный оружейником пистолет. Пальцы сами нашли и сместили предохранитель — спутник вражеского дросселя уже держал что-то в руке. Граната!

Артём выстрелил ему в затылок. Враг рухнул, упав на выкатившийся из его руки предмет. Артём врезал рукояткой пистолета по затылку второму — дросселю — в тот момент, когда тот уже приближался к отряду, замахиваясь на кого-то ножом.

— Граната! — крикнул Артём, указывая за спину. Двое солдат успели шагнуть вперёд, заслоняя их с сэром Джеймсом, остальные — встать на колени так, чтобы броня приняла возможный удар.

Глухой взрыв, визг и свист осколков. Вроде бы все живы, а танки — так и вовсе ничего не заметили.

— Виктор там! — добавил Артём, заметив, что вражеский дроссель жив, и пытается встать. — Ему нужна помощь!

Двое бойцов уже скручивали руки неприятелю, остальные двинулись вместе с Артёмом — тот постарался обойти видную издали дымящуюся воронку — там взорвалась граната. Он первым выпрыгнул из «скольжения», обогнал остальной отряд — потому что человек уже успел прийти в себя достаточно, чтобы вновь попробовать сделать укол Виктору.

Артём пнул его, выбивая шприц из руки. В глазах повис багровый туман. Ударил противника рукояткой своего пистолета по голове, и ещё раз — и ударил бы ногой в лицо, с размаху, если бы его не поймали.

— Отставить, сэр Ортем, — приказал сэр Джеймс. Вот это выдержка! Всё ещё спокоен. Если бы Артёма не поймали... он и так разбил человеку лицо, смотреть страшно. И всё ещё не проходила дикая ярость. Почти сразу же Артёму стало худо — наизнанку не вывернуло, и на том спасибо. Но руки и ноги отказали. Его сразу отпустили — уселся на траву, тяжело дыша.

— На нас напали, повторяю, совершенно нападение, код «призрак», повторяю — код «призрак», — сэр Джеймс шагнул к Артёму. — Точка встречи на отметке восемь. — Сэр Джеймс махнул радисту — жди — и склонился над Артёмом.

— Сэр Ортем? Сможете довести нас до точки встречи? Сорок стадий на северо-северо-запад.

— Так точно, сэр, — он поднялся на ноги. Качнуло — но неопасно, рассудок уже почти совсем вернулся. — Смогу.

— Подтверждаю точку встречи, конец связи. Построение! — распорядился сэр Джеймс. — Виктора на носилки, пленных — на танки.

Выяснилось, что никто в отряде даже не ранен. Уже через три минуты отряд был готов к маршу.

Ещё через пять минут они встретились с группой поддержки — передали им пленных, объяснили ситуацию. Артём шёл, не чувствуя усталости. Наоборот, прилив сил. Горы хотелось свернуть. И как это понимать? С каких пор у охолов есть свои дроссели? Города между собой не воюют. Ладно, это всё потом.

Ещё через двадцать минут они соединились с оставшимися взводами своей роты. Двадцать минут отдыха — Артёму, которого осмотрел лиссабонский доктор. Заставил выпить лекарства, от которых стало не так сильно звенеть в ушах, провёл перед лицом Артёма «жезлом» диагностики и махнул — порядок.

Ещё через сорок пять минут их рота вернулась в Рим. Виктора привезли с собой, им немедленно занялся доктор Ливси. А к Артёму, про которого, казалось, все забыли — кроме собравшихся у шлюза горожан — подошли двое в форме военной полиции, и один из них, козырнув, сказал:

— Сэр Ортем, сдайте оружие и следуйте за нами.

Ещё через пять минут Артём оказался на гауптвахте. Он не оглядывался. Последнее, что хотелось — заметить среди встречающих Марину, или кого-то ещё из домочадцев.

-

Итак, зрение отказало первым. Потом — слух. Остались осязательные ощущения. К этому моменту Артём успел запомнить, где в его клетке что стоит, и ходил, прикасаясь к предметам, вновь и вновь. Что-то со слухом: словно чей-то голос, неприятный голос, шепчет и шепчет. Чтобы превозмочь наваждение, Артём принялся читать что-то — сам не понял, что, какое-то стихотворение. Схожу с ума, подумал он. Симуляция неисправна — и если никто не обратит внимания, мне конец. Страх не было. Наоборот, хотелось выдержать, появилось желание выжить.

Вечность, казалось, он ходил по невидимой клетке, отмеряя всё руками, и вдруг услышал скрип открываемой двери. Божественный, чудный звук! Оказалось, глаза его были плотно закрыты. Открыл: в чёрной пустоте появилось прямоугольное отверстие в яркий, цветной мир, и из него шагнул тот самый человек из военной полиции, который приказал сдать оружие.

— Вы свободны, сэр Ортем. Следуйте за нами.

Артём смог выйти за пределы клетки — а потом ощущения нахлынули со всех сторон. Все органы чувств включились и заработали в полную силу. Сознания не потерял, но долго стоял, наслаждаясь тем, что жив, что видит и слышит. Его не торопили. Что было дальше — помнил уже смутно. Мелькало лицо доктора Ливси, показалось, что говорил с лордом Тиберием Стоуном, с кем-то ещё. Только не в постель, подумал Артём, не хочу проснуться в постели! Хватит с меня!

...Он проснулся в кресле. У себя в доме, в гостиной. На часах — четыре утра тринадцатого июня. Славная вышла вечеринка, подумал Артём — и увидел, что в соседнем кресле спит Марина.

Едва он поднялся на ноги, и взял Марину на руки — какой лёгкой она кажется — как появилась Миранда. Сразу всё поняла — ни звука не проронила. Только открыла перед ним дверь их с Мариной апартаментов — и бесшумно затворила за спиной.

— С вами всё хорошо, Ортем? — спросила Марина, не открывая глаз. — Я ужасно переживала. Мне сказали, что вас обязательно отпустят.

— Всё хорошо, — ответил Артём, сам не уверенный в том, что сказал. — Вы устали. Вам нужно отдохнуть.

Она улыбнулась, не открывая глаз, и заснула, едва только Артём положил её на простыню. Надо бы раздеть её, но рука не поднимается — Марина очень этого стесняется. Пару минут посидеть, подумал Артём, только пару минут. Сел на пол, упершись спиной в кровать, и буквально на секунду закрыл глаза.

День 13. Книга — источник знаний [оглавление]

Ну разумеется, проснулся в постели. А где же ещё? Марина сидела в кресле, придвинутом к изголовью — рисовала в альбоме. Как только Артём уселся, она улыбнулась, и взяла его за руку.

— Уже не переживаю, — упредила она вопрос. — Простите. Вас сразу же арестовали, я успела это заметить. Сэр Джеймс сказал, что ничего страшного нет, что вы не сделали ничего такого, но я всё равно переживала. И знаете, что? К нам переехал доктор Ливси! Такой интересный мужчина!

Видимо, что-то мелькнуло во взгляде Артёма, потому что Марина покраснела.

— Я понял, что вы имеете в виду, — заверил Артём, усаживаясь. Всё тело болит, сил нет. Такое ощущение, что Артёма избивали все эти два дня — так, чтобы только костей не поломать. Сплошные синяки! На лице и шее — три пореза, один из которых едва не стоил ему глаза — всё тот дрессель с ножом. В остальном вроде всё на месте.

Марина кивнула, взяла его ладонь в свои.

— Про вас весь Рим говорит, сэр Ортем. Все хотят услышать ваш рассказ! Но мы первые, да?

Пока не называете чисел, имён и точных координат — рассказывайте, что хотите, говорил сэр Джеймс. Если сведения засекреченные, вам сразу дадут знать, перед тем как разрешить вернуться в город. Сомневаетесь — лучше вначале спросить, что именно можно рассказывать.

— Вас вызывает лорд Тиберий Стоун, — добавила Марина. — Как только вы проснётесь и приведёте себя в порядок. Вам звонить не стал, мне позвонил. Я опять немного волнуюсь, сэр Джеймс. Но госпожа Ингир сказала, что если дрессель хотя бы раз не затеял драку, и хотя бы раз не посидел на гауптвахте — то какой же он дрессель?

Артём рассмеялся, и Марина к нему присоединилась.

— Встаю, — подумал Артём вслух. — Нельзя заставлять лорда Стоуна ждать.

-

На заседании трибунала присутствовал лорд Тиберий Стоун, командующий римскими войсками; рядом с Артёмом стояли сэр Джеймс Батаник и оружейник, Марцелл Катон. Только последний был совершенно спокоен, даже улыбался — едва заметно, конечно. В суде веселье неуместно.

— Сэр Ортем Злотникофф, — председатель трибунала, Марк Нумерий Ларций, был единственным, кому было явно за шестьдесят. — Трибунал изучил подробности инцидента, и пришёл к выводу, что ваши действия в бою под Лиссабоном, 12 июня сего года не содержат состава преступления. Я уполномочен сообщить вам, что, в порядке исключения, мы рассмотрим вопрос об использовании вами личного оружия.

Здесьний устав, касающийся обязанностей дресселя, Артём прочитал уже несколько раз. Дресселю запрещалось вступать в непосредственные боевые действия, если только не было прямого приказа командира. Запрещалось оставлять свой отряд — если он разделился, дрессель обязан присоединиться к той его части, где находится командир. Ну и, конечно, главный пункт обвинения — что оставил другого дресселя, когда тому требовалась помощь.

Видимо, в уставе не нашлось однозначной трактовки того, что делать, если вражеский дрессель собирается напасть на командира — а единственный способ воспрепятствовать — это, формально, бросить другого дресселя.

— Пистолет я пока оставляю себе, — сообщил оружейник. — Подумаю, как его улучшить. Зайдите потом ко мне, выдам вам второй костюм. Для, так сказать, гражданских целей. Не прощаюсь.

Судя по довольному выражению лица, оружейник не сомневался в исходе дела.

— Дрессели не могут пользоваться штатным вооружением, — пояснил сэр Джеймс,

проводив оружейника взглядом. — Силовая установка, даже такая слабая, как в булаве, затрудняет скольжение. Забирает очень много сил. А холодное оружие, сами понимаете, бесполезно — и против нечисти, и против людей с булавой, не говоря уже о танке.

— Скажите, уже выяснили, что это был за дроссель? Почему напал на нас?

Сэр Джеймс пожал плечами.

— Разбираются. Это первый случай, сэр Ортем. Мы допускали, что дроссель может, во время скольжения, утратить самоконтроль или иным способом стать опасным — это предусмотрено. Всякое случается. Но чтобы охоло были так вооружены, и располагали своими дросселями — это впервые. Надеюсь, до чрезвычайного положения пока не дойдёт. Поэтому приказ: о вражеском дросселе не упоминать. Можете рассказать, что напали охоло, без подробностей. Обязательно зайдите к доктору Ливси.

— Вас понял, сэр, — и Артёму энергично пожали руку. Так-так... Что ещё удалось выяснить? Дроссели оставляют электромагнитные возмущения, когда «скользят». Над планетой постоянно летают спутники — точнее, зонды наблюдения — и они могут отслеживать подобные возмущения. Летательные аппараты есть, ими активно пользуются — но дроссель способен провести колонну, при наличии ровной дороги, со скоростью до сорока тысяч стадий в час, при этом колонна в состоянии скольжения неуязвима для традиционного оружия. Можно разрушить дорогу перед дросселем, чтобы заставить его сменить маршрут — но чтобы атаковать, нужно скользить вместе с ним — или вынудить его остановиться.

Физику всего этого всё ещё изучают. Данных много, мало компетентных учёных, всегда недостаёт времени. Да и дросселей не так много, и они почти всегда при деле. Уже то, что их перемещение можно отследить — достижение. Наверняка маршрут того дросселя уже выяснили, и отправили по нему войска, или кого там положено отправлять, подумал Артём. Если он из охолов, то должен был понимать, что его след неизбежно обнаружат. Зачем ему потребовались два других дросселя? Что хотели вколоть теми шприцами? Сэр Джеймс дал понять, что расспрашивать нет смысла, информация на время расследования засекречена.

-

Доктор Ливси сиял — явно хочет поделиться хорошими новостями. Его парик висел на вешалке. Он — не более чем головной убор, модный сейчас в Лондоне. В Риме мужчинам возраста доктора пристало носить береты или шляпы — или не носить ничего.

Своей шевелюры у доктора оставалось не очень много — но, похоже, растущая лысина его не смущает.

— Прошу на стол, — радушно встретил он гостя. — Займусь вашими гематомами. Должны болеть все мышцы.

— Точно так, — согласился Артём. Чем доктор лечит эти синяки, не очень понятно — но во всём теле начался, простите, зуд.

— Немного потерпеть, — доктор помог ему слезть со стола. — Скоро пройдёт. Постарайтесь не расчёсывать. Шрамы убирать будем?

Артём усмехнулся.

— Ну, решайте сами, — доктор протянул ему пластиковую коробочку. — Здесь мазь. Если начнёте втирать не позднее, чем завтра — сойдут практически полностью, без пластической операции. Втирать утром и вечером. Да, и благодарю за рекомендацию — вам уже, вероятно, сказали, что я остановился в вашем доме, на третьем этаже. Лично мне очень понравилось.

Артём кивнул и собрался было уходить... и решился.

— Доктор, там, на гауптвахте...

И Артём вкратце пересказал свои странные, скажем так, ощущения.

— Любопытно, — доктор явно озадачен. — Помещение гауптвахты изолировано от электромагнитных волн. Двери усилены сплавом, из которого делают каркас танков — насколько я знаю, он не позволяет пройти в состоянии «скольжения». Выбивает дросселя из этого состояния.

— Чтобы дроссель не смог уйти с гауптвахты, — очевидное всегда трудно заметить, подумал Артём. — Понятно.

— Верно. Видимо, в вашем случае также нарушилась работа органов чувств. Вы описали состояние длительной сенсорной депривации. Слышали про такое? Удивительно. Так вы на самом деле утверждаете, что узнали обо всём этом на другой планете?

— Могу выдумать что-то ещё, доктор.

— Спасибо, лучше правду. Даже если я в неё не поверю, — и жестом предложил присесть рядом, за тот же стол. — Дайте-ка подумать.

Доктор сидел, глядя куда-то поверх Артёма, барабанил пальцами по крышке стола — прикрыв глаза.

— Если хотите, можем провести опыт, — предложил он, наконец. — На завтра и послезавтра у вас походов не назначено. Я настоял — у вас было очень много нагрузки, я должен понаблюдать за вашим самочувствием. Если завтра к обеду самочувствие будет в норме — можем прогуляться до гауптвахты, для эксперимента. По вашему описанию, десяти минут хватит. Не боитесь?

— Не скажу, что в восторге от идеи. Но если нет другого способа...

— Эксперимент — лучший способ всё понять. Ну, не задерживаю — поклон вашей хозяйке!

-

Вот о чём не спросил — так это об автоматическом переводе. Кто или что переводит? В одежде нет устройств-переводчиков. Или я просто не всё знаю про одежду? Но ведь в ситуации, когда, простите, мы с собеседником не одеты, тоже всё прекрасно понимаю. Тогда где эти переводчики? В полу, в стенах?

Спрошу у Миранды, решил Артём. Два дня не будет походов — значит, будут потом. Значит, надо искать ответы на другие вопросы, пока есть время. Например, почему я так мало знаю об Айуре как о небесном теле.

Ещё через десять минут Артём входил в библиотеку, и к нему спешил сам Тит Клавдий Нерон.

— Сэр Ортем! Чем могу помочь?

— Книгами, — Артём уселся за стол, после того, как приветствовал главу дома. — Хочу вспомнить всё то, что не очень помню со школы.

— Возьмите с собой, — предложил библиотекарь. — Госпожа Марина Скайлис могла читать книги только дома — в библиотеке ей всегда было неудобно. Мы любому аккуратному читателю идём навстречу, а вы оба — самые аккуратные, кого я знаю.

— Благодарю! — и впрямь, надо просто вернуться домой. Или нет? — Я пока посмотрю в каталоге.

Библиотекарь кивнул, и указал на пластинку вызова — нажать, чтобы пришёл библиотекарь. Артём подошёл к каталогу — электронному устройству — и понял, что

понятия не имеет, как им пользуются. И в зале пусто. И отчего-то не хотелось звать библиотекаря на помощь.

— Вам, помочь, сэр Ортем? — подбежал мальчик лет семи. Я его видел, подумал Артём. По-моему, один из тех, в чей класс тогда меня привела Лилия.

— Буду благодарен...

— Марк Туллий, сэр!

— Рад познакомиться! Марк, покажи, как им пользуются.

Удивительно, но мальчик даже не улыбнулся — серьёзно так кивнул, и принялся нажимать на сенсоры аппарата. И — как на гауптвахте: словно включилось зрение, вспомнилось ранее виденное. Точно, ведь все же инструкции на виду!

— Кажется, я понимаю. Поищем учебники по астрофизике... Отлично! Я вспомнил. Благодарю, Марк! — Артём понял, что уже пять с лишним минут держит в руке гильзу, сохранилась с давешнего боя. Когда подобрал? Заметил, как мальчик смотрит на неё, и вручил. — Хочешь на память?

Марк Туллий радостно кивнул. Простые детские радости, подумал Артём.

— Здравствуй, Марк!

...Из библиотеки Артём вышел с целой стопкой книг. Настоящих, не электронных. Отчего-то многие предпочитают увесистый том в руке, страницы которого можно перелистывать.

-

Дома все были заняты делом. Артёма приветствовали, его рады видеть, но — у всех дела по дому, ведь до вечера ещё далеко. Марины тоже нет дома, хозяйством управляет Лилия — её голос он слышал, а Миранда, надо полагать, кого-то инструктирует. Все при деле.

И мы займёмся делом. Артём выложил книги на стол, в кабинете — уже привык к нему, даром что пользуется всего несколько дней. Привыкаешь к вещам, а ведь здесь люди к ним относятся без фанатизма: в любой момент возможен прорыв, и тут главное — самому уцелеть и спасти родных, близких и просто всех, кого успеешь. Что вещи? Вещи нынче можно «выпечь» в репликаторе. То, что ручной работы — жаль, но жизнь всё равно дороже.

...Итак, Айур. Планета земного типа (Артём не сразу понял, что именно он прочитал — перечитал, точно: «земного»). Её солнце люди так и зовут: Солнце. Два естественных спутника, много меньше земной Луны. То, что кажется Луной — искусственный спутник, по сути — муляж, который просто имитирует земную Луну. Людям приятнее и привычнее, когда на небе Луна.

В сутках Айура двадцать семь часов, сорок три минуты и одиннадцать с половиной земных секунд. Однако давно уже используют «местные» секунды, а во всех приборах и формулах всегда есть возможность перевести расчёты на земные секунды.

В году — триста девяносто три и одна семнадцатая дня. Каждый семнадцатый год — високосный. В году четырнадцать месяцев — добавлен «терций» после февраля и «ноний» после августа, в каждом месяце двадцать восемь дней. Отдельный день, не входящий ни в один месяц — новогодний. Приятно, когда все месяцы равновеликие. Четыре континента, два из которых полярные — на севере и юге, соответственно — и шесть океанов. Последняя перепись населения: триста сорок три тысячи восемьдесят пять человек, данные за прошлый месяц. Это жители городов. Охолы и прочие люди, не пожелавшие примкнуть к городам, не учтены. Из этих сотен тысяч сорок одна тысяча мужчин, всех возрастов, из них двадцать семь тысяч в репродуктивном возрасте. Понятно, отчего они так обеспокоены вопросами

генетики. Артём вздохнул.

Читал и читал. История Айура до нашествия нечисти походила на волшебную сказку, а во время и в течение первых десятилетий после выхода на поверхность — на фильм ужасов. А сейчас на что похожа? И какой год по земному времени? Смешно, но нет сведений! Как такие сведения можно было потерять?

Щелчок входной двери — Марина вернулась. Артём выглянул — с альбомами в руках, уставшая, но довольная.

— Он принял ещё шесть моих работ, и три — Миранды, — похвасталась она.

— Замечательно! — Артём и впрямь был очень доволен. Вот сейчас она улыбается — и ничего робкого, пугливого, скрытного в ней нет. Почаще бы так.

— И куда я свой брелок дел? — подумал Артём вслух. В вещицу встроена простенькая головоломка — иной раз приятно заняться её решением, пусть всего-то дел, что проводить шарики через лабиринт.

— На письменном столе, за лампой, — немедленно отозвалась Марина, которая просматривала свой альбом и делала иногда аккуратные пометки карандашом.

Артём прошёл в кабинет и заглянул, куда было сказано. Точно, там. И тут пришла Миранда — тоже довольная, хоть и уставшая, и позвала ужинать.

-

После ужина посмотрел на брелок и вспомнил.

— Марина, а откуда вы узнали, где брелок?

Она работала — стояла у мольберта, у картины. Нехорошо отвлекать, но...

— Наверное, увидела на столе, — ответила она. — Он там и был, за лампой?

— За лампой, — подтвердил Артём. — Хорошая у вас память!

— Если что-то ещё потеряли, спросите, — улыбнулась она, отвернувшись на секунду от работы. — Вас что-то беспокоит?

Не то чтобы беспокоит. Когда именно она могла увидеть брелок? На памяти Артёма, Марина вошла в его кабинет ровно один раз. Уборкой она там не занимается, так же, как и он не трогает ничего в её студии.

— А что ещё можете припомнить? Что у меня на столе?

— Было девять книг, у третьей снизу корешок немного испачкан синей краской, четвёртую вы прочитали несколько раз, пятую вовсе не читали. Шестнадцать карандашей на столе — видимо, высыпались из коробки, и ещё два на полу, чёрный и синий.

Артём, ни говоря ни слова, пошёл и проверил. Совпало всё. Но такого не бывает! То есть, может, и бывает, но как может человек запомнить такие мелочи, если в комнате был всего секунду-другую?

— В дальнем левом верхнем углу — небольшая паутинка. Только не уюрайте её, — попросила Марина. — Пауки дома — к счастью. Слева на косяке двери, у самого пола — два небольших синих пятнышка — видимо, я тогда вошла с кистью, нечаянно капнула.

Так и есть.

— Потрясающе! — Артём не сразу обрёл дар речи. — Как вы так умеете? Посмотреть — и запомнить. И многое ли вы помните?

— Многое... — Марина запнулась. Лицо её побледнело. — Простите меня, сэр Ортем. Я не хотела!

Сорвалась с места, и... убежала. Прочь из апартаментов. Артём выскочил в коридор — никого. Не хватало ещё бегать по дому и звать. Он уже думал, что делать, когда появилась

Миранда. Улыбается, но глаза встревожены.

— Сэр Ортем, можно, я составлю вам компанию на прогулке?

Очень тонкий намёк. Тончайший.

-

— Она сейчас у доктора Ливси, — сообщила Миранда и засмеялась, глядя на выражение лица Артёма. — О, ревнуете! Ну, не думайте плохо о людях. Он очень милый, но умеет себя вести в гостях. Нет, просто дал ей лекарства. Что вы ей сказали? Только честно.

А я-то трибунала боялся, подумал Артём.

— Она многое запоминает с первого взгляда. Как будто фотографирует, а потом каждую деталь различает. Она вспомнила, где в своей комнате я забыл один предмет...

— Какой предмет?

Артём показал брелок. Что-то Миранда сегодня на взводе.

— И спросил, много ли она помнит. Всё на этом.

Миранда помрачнела.

— Кажется, понимаю. Об этом тоже постарайтесь не спрашивать. Её очень сильно дразнили в школе, за плохую память в том числе, она чуть с ума не сошла. Но ни на кого зла не затаила, никогда потом даже слова плохого не сказала, представляете? Я других таких добрых людей и не видела, наверное.

— Миранда, тогда помогите мне понять, что с ней случилось. Лилия, я так понимаю, не захочет рассказывать.

— Расскажет, если не захочет в ангары, — усмехнулась Миранда недобро.

— Очень мило, да. Слушайте, вы правда с ней подруги?

— Правда. Но иногда я её убить готова, честное слово. Всё, простите, это была глупая шутка.

Шли, шли — и не заметили, как дошли до Колизея. Миранда поймала Артёма за руку, когда он двинулся к ступенькам вниз, на арену.

— Прошу, не надо. Не сегодня. Марина уже будет дома. Ни о чём не спрашивайте. Скажите, что не сердитесь, и всё. Сумеете?

— Кажется, теперь я знаю, кто у нас главный в доме.

— Ой, да ладно! Вы же на самом деле на меня не сердитесь. Сделаете, что я сказала?

Артём долго смотрел в её глаза.

— Сделаю.

День 14. Встроенная рация [оглавление]

Артём проснулся — половина третьего ночи. И ни в одном глазу — выпался. Как это прозвал доктор Ливси, гормональный всплеск?

Марины нет. Ни рядом, ни на ложе хозяйки, ни в студии — Артём постучался вначале, но там пусто и свет не горит. Умная техника умеет включать свет на любой сигнал, который укажет владелец комнаты. И не только свет. В данном случае свет зажёгся, едва только человек заглянул.

В «местах общего пользования», как дома у Артёма называли ванную и туалет, Марины тоже нет. Можно позвонить — но кому из них, в такую рань? Что такого он вчера спросил, что хозяйка не захотела ночевать с ним в одной комнате? Дроссели часто говорят не те слова, так что обидеть мог легко, не заметив.

Первым делом выяснить, где она. И тут же позвонили — значит, есть способ понять, спит получатель, или нет, будить или не стоит.

— Доброй ночи, сэр Ортем. Можно войти? — Миранде тоже не спится?

— Она у меня в комнате, — пояснила Миранда, закрыв за собой дверь. — Они обе. Марину что-то испугало, но мне она подробностей не рассказала. Может, ей расскажет. Я её такой не видела с момента кораблекрушения.

— Расскажите, — Артём жестом предложил Миранде присесть. Похоже, она не выпалась, если вообще спала.

Миранда уселась прямо на пол.

— Мы с Мариной жили на плавучей станции, на большом таком корабле, в Западном океане. У нас родители учёные были, вели наблюдения, возвращали в океан рыбу. Мы тогда маленькие были. Однажды, после извержения подводного вулкана, нечисть вылезла из-под земли, напала на нашу станцию. Мы обе тогда жутко перепугались, выжили чудом. Сутки почти на спасательном плоту провели. Марина тогда примерно так же испугалась. Я вообще в тот раз не смотрела. Не люблю смотреть на то, что собирается меня сожрать.

— Но если Лилия рядом, то Марина не пугается, и ничего страшного не видит?

Миранда покивала.

— Странно, да? Я сто раз пыталась выяснить, почему. Но Марина не знает — правда не знает, не допытывайтесь. Лилия что-то знает, но молчит. Так вот и живём. Это ведь Лилия тогда на плоту нас заметила, спасателей позвала. И в приют привела. Они там с Юлием, с братом то есть, жили. Вот мы все вместе и держались, вместе безопаснее.

— Её брат был дросселем. Он им с рождения был?

— Нет. Это тоже странная история. Лилия нас на два года старше, брат ещё на два года старше. Ну их и выпустили раньше. Она тогда ещё похвасталась, мол, скоро станет ужасно знаменитой. Мы всё голову ломали, о чём это она. Потом почти двенадцать лет от них вестей не было. Мы уже и родителей себе нашли, и работу. А потом они оба в Рим вернулись — Лилия как в воду опущенная, невозможно было её развеселить, а брат стал дросселем. И перестал узнавать людей. То есть почти всё нормально помнил, но только не лица, не людей. Каждый день нужно было с ним заново знакомиться — представляете, каково было Лилии?

— Сочувствую. Я знаю, что он погиб в битве за Рим. Но как Лилия в ангары угодила?

— Это было на похоронах Юлия. Сказала командующему что-то такое, что её в тот же день с работы выставили. И никуда больше не взяли. Она ведь все свои сбережения на врачей потратила — всё думали, удастся сделать так, чтобы Юлий не забывал людей на следующее утро. Всё, Ортем, хватит, — Миранда поднялась на ноги. — Что-то я совсем разболталась. Вы так хорошо слушаете, остановиться не могу. Это всё в прошлом, а у нас в настоящем есть неприятности. Надо что-то делать.

Это точно, подумал Артём. Если хозяйка в присутствии своего мужчины начинает видеть какие-то ужасы, то не получится скрывать это долго. Люди всё видят. Даже если она не желает или не может быть матерью его детей, вообще не желает с ним близости — всякое ведь бывает — то всё равно должна жить с ним под одной крышей.

— Дайте мне с мыслями собраться, — Артём поднялся. — Скажите, а может у хозяйки быть повод уехать ненадолго?

Миранда поморгала, и улыбнулась до ушей.

— Конечно. А вы умный! Конечно, у неё приёмная мама в Париже живёт, Агата Скайлис. Она там хозяйка у префекта города. У вас поход послезавтра, да? Предлагаєте ей пока уехать?

— И ей, и Лилии. Раз при ней Марине ничего страшного не видится, — мысль пришла неожиданно, но очень вовремя. — Вы справитесь пару дней одна?

— Разумеется. Я и неделю справлюсь, и месяц. Марина уже всё успела организовать, мне только присматривать придётся. Я сейчас позову её, хорошо?

-

Миранда ушла, и минут пять никого не было. Четверть четвёртого на часах. Ничего в голову не приходит — как начать выяснять, что случилось с Мариной? Начать с приюта, в котором они все жили. Если получится, аккуратно расспросить Агату Скайлис — уже потом, когда Марина вернётся. В том, что она согласится поехать, Артём не сомневался. Миранда, похоже, имеет на Марину большое влияние — уговорит, если что.

Он взял в руки флютню. Марина сдержала слово, и уже на следующий день у Артёма была электронная книга, а в ней инструкция для инструмента. Воспринимать мысленные образы и переводить их в музыку, значит. Представить трудно, какой переворот такое произвело бы на Земле!

Песня сама пришла на ум. Голос у Артёма, скажем так, не оперный, хотя и не сказать, что медведь на ухо наступил. Дома, когда напевал, Инга не жаловалась, хотя у неё-то уж точно музыкальный слух: и сама на гитаре хорошо играет, и других учит.

Флютня заиграла. Громко заиграла, Артём даже оглянулся — и увидел: индикатор у двери показал, что акустическая защита включилась сама собой. Умная техника, чтоб её! Ну, тогда играй, гармонь!

«В полях под снегом и дождём, *Мой милый друг, мой бедный друг.* Тебя укрыл бы я плащом / От зимних вьюг, от зимних вьюг...»

Музыка обволакивала и плыла; странно, но не приходила тоска — тепло приходило и оставалось, а тоска — нет.

«Пускай сойду я в мрачный дол, / Где тьма кругом, где ночь кругом. *Во тьме я солнце бы нашёл,* С тобой вдвоём, с тобой вдвоём...»

Песня окончилась. Стало и легче на душе, и приятнее. Артём обернулся... и чуть со стула не упал.

Все три — Миранда, Марина, Лилия.

— Сэр Ортем, — Марина шагнула вперёд. — Пожалуйста, спойте её ещё раз.

Артём кивнул, и исполнил ещё раз. Но не смог себя заставить смотреть на Марину. Может, она всего лишь похожа на Ингу, а может — просто мерещится, ум давно зашёл за разум, и ничего здорового в нём не осталось.

Миранда и Лилия аплодировали ему — по римски, руки над головой. Впервые на лице Лилии Артём увидел эмоции — не понять, какие, там много чего смешалось, но точно, нет этой каменной неулыбчивой маски. Миранда словно опомнилась — схватила Лилию за локоть и повлекла за собой, к выходу. Та не очень сопротивлялась — только оглянулась ещё раз, у порога.

Щелчок замка. Марина бросилась к Артёму и обняла. И заплакала. Артём прижимал её к себе, осторожно гладил по голове. Когда Марина успокоилась и отпустила его, на лице её осталась одна только радость.

— Что бы ни случилось, Марина, я не сержусь, — Артём взял её за руки. — Миранда сказала вам?

— Да-да, это хорошая идея, спасибо. Мне нужно немного побыть вдали от вас, — она покраснела, и отвела взгляд. — Извините. Чтобы понять, что происходит. В шесть тридцать

мимо Рима пройдёт колонна техники в Париж. Я узнала, они берут с собой гражданские экипажи, Миранда уже заказала место. Чем я могу помочь?

— Просто расскажите. Что считаете нужным. Я не поведу вас к доктору, я не считаю вас сумасшедшей, — сумел посмотреть ей в глаза. Марина кивнула — похоже, она услышала, что хотела услышать. — Должна быть причина, почему в моём присутствии вы видели что-то страшное. Я не прошу описывать, что это было. Скажите только — это всегда, когда я рядом?

Марина кивнула.

— Это не сразу случалось, но каждый раз, когда я с вами. Если вы рядом достаточно долго. Я всё время вижу одну и ту же ужасную картину, всего несколько секунд, но она кажется очень настоящей. Не буду рассказывать.

— Это похоже на то, что вы видели там, на плоту, когда спаслись вместе с Мирандой?

Марина кивнула.

— Она расскажет вам всё, о чём вы спросите. Я попросила её. Даже очень личное, если потребуется.

— И ещё, Марина, — он чуть привлёк её к себе, на этот раз она не сопротивлялась. — Я хочу сразу всё понять — в любом случае нужно будет жить дальше. Когда рядом была Лилия, а я был вдалеке, вам было лучше?

Марина снова кивнула. В глазах её появилось выражение... трудно описать. Словно она ждала чего-нибудь вроде «ну тогда убирайтесь, обе, с глаз долой».

— Значит, мы сможем жить в одном доме. Я сделаю всё, чтобы понять, что случилось, — Артём обнял её. Ей стало спокойнее, он чувствовал. — Чтобы это не случилось снова — наверное, вам лучше пока побыть у Миранды. Вы не попросите Лилик подойти сюда?

— Да, обязательно. Благодарю вас, Ортем! — шепнула она ему на ухо и, сильно сжав его ладони, отпустила. Покинула комнату, не оглядываясь — здесь не принято долго прощаться.

-

Лилия появилась почти сразу же — ждала за дверью?

— Благодарю, сэр Ортем! — вернулась царица Несмеяна, подумал Артём. — Вы замечательный менестрель. Я никогда ещё не слышала такой... такой трогательной песни. Чем я могу помочь?

— Лилия, что случилось там, в приюте, где вы вместе жили?

— Много чего, — Артём жестом предложил ей присесть на соседний стул. Лилия отказываться не стала. — Всякое бывало. Вместе играли, учились. Ссорились, мирились, дрались даже иногда. Вы же сами были ребёнком, что я вам рассказываю!

— Почему именно с вами Марине спокойнее?

Лилия выдержала его взгляд, не моргнув и глазом.

— Я сама долго думала. Может, потому что я чаще других её утешала, когда её обижали. Со мной она всегда говорила о таком, о чём с другими не смогла бы. Я никогда не выдавала её секретов.

Что-то здесь не так. Что-то не так с последней фразой. Она словно себя убеждает, а не отвечает на вопрос. Артём не мог понять, откуда это ощущение, но оно не давало покоя. Последняя фраза не соответствует истине. Но если Лилия как-то раз, или не раз, разболтала секреты Марины, то как вообще они могли остаться подругами?

— Вы меня в чём-то подозреваете, — утверждение, не вопрос. — Поверьте, я сама не

радуюсь тому, что с ней происходит. Благодарю, что разрешили мне сопровождать её, сэр Ортем.

Ладно. Мыслей в голову не приходит пока. Артём поднялся, поднялась и Лилия.

— Послезавтра я отправляюсь в поход. Не знаю пока, сколько это будет длиться. Просьба вернуться сюда, если Миранде потребуется помощь.

Лилия кивнула и снова «оттаяла», ненадолго — на лице прочлась благодарность и... смущение. Точно, смущение.

— Здравствуйте, сэр Ортем! — она прикоснулась ладонью к его плечу и отбыла. Точно так же, не оглядываясь.

Почти сразу же вернулась Миранда.

— Идёмте завтракать, Ортем, — позвала она. — А потом, если не возражаете...

— ...погуляем на свежем воздухе. Да, с удовольствием!

— Вы ещё и мысли читаете! С ума сойти! И не бойтесь, скучать не будете.

-

И снова они вышли к Колизею. У входа афиши — ну то есть их так называют, но это всё те же электронные книги, только каждая похожа на огромный плакат. Сегодня — спортивные игры. Посмотреть, хоть раз? Увлечения в виде созерцания матчей по футболу и прочему прошли мимо Артёма: отец дома настолько был предан этому виду зрелищ, что они часто становились поводом для перебранок с матерью Ортема. Семья оставалась дружной, но по поводу футбола найти общий язык не могли. Артём, когда вырос, относился ко всему это равнодушно, к осязаемому удивлению многих коллег по работе.

— Хотите посмотреть? — Миранда с явным любопытством следила, как Артём прикасается к краям афиши — чтобы «пролистать» картинки, посмотреть на прошлые и будущие мероприятия, которые пройдут в Колизее. — Я про игры.

— Нет, не тянет.

— Хотите, чтобы снова... ну, как в ту ночь, случилось? По глазам вижу, что хотите.

Она права, хочет. Оба предыдущих раза Артёма словно подзаряжали, да куда там — подключали к ядерному реактору: энергию, по крайней мере первые несколько минут, потом некуда было девать.

— Хочу. Но лучше вечером, когда людей не будет.

— Я тоже лишняя? — как правдоподобно она изобразила обиду.

— Не верю, Миранда. Не надо мной манипулировать.

Она рассмеялась, и ложной обиды как не бывало.

— А мне нравится! Да и вы не обиделись, я ведь вижу. Нам пора к шлюзу, сэр Ортем. Марина должна увидеть вас. Ей будет спокойнее.

-

На «перроне» — специально очерченной области, куда допускались гражданские, былолюдно. Не только Марина отправляется сейчас в Париж, многие другие — тоже. Можно отправиться обычным дилижансом — при условии, что дорога из жёлтого кирпича цела, и сигналов тревоги не поступало — но это займёт часа четыре в одну сторону. А дроссель справится за полчаса максимум. Понятно, что многие предпочитают скоростной вариант. Хотя он сильно недёшев.

К величайшему удивлению Артёма, на месте для дросселя стоял не кто-нибудь, а Виктор Маккензи. Заметив, что Артём смотрит на него, Виктор спросил что-то у командующего охраной, и тот кивнул. Виктор поманил Артёма к себе. Ощущая всем

существом множество взглядов, Артём прошёл сквозь ограждение — ему козырнули — и подошёл к строю.

Виктор достал из кармана куртки головоломку. Не свою; та изрядно вытерта за множество лет употребления. Другую — может, и копию, Артём не особо приглядывался, пока «скользил» рядом. И протянул Артёму.

— Благодарю вас, Виктор, — Артём принял дар, стараясь не прикасаться к руке Виктора. Коротко поклонился. Дроссели не прикасаются друг к другу, даже когда требуется правилами приличия. Видимо, потому все вокруг и смотрели на них, затаив дыхание.

— Вы спасли мне жизнь, — Виктор улыбнулся. — Пока не будет возможности оказать ответную услугу, дам добрый совет: пойте, пожалуйста, чуть тише.

И они оба рассмеялись.

— Доброго пути, Виктор, — Артём с трудом удержался, чтобы не помахать рукой (проклятые привычки!), и ушёл, как положено — не оглядываясь.

Марина и Лилия уже стояли возле своего дилижанса. Похоже, они всё видели — по выражению их лиц. Удивление и восхищение одновременно.

— Говорят, он почти ни с кем не разговаривает, — вполголоса заметила Лилия, и сделала уже знакомый жест — отогнать недоброе. — А с вами заговорил. Это добрый знак, сэр Ортем!

— Значит, нам всем повезёт, — улыбнулся Артём. — Марина, мой поклон вашей матушке.

Марина кивнула, и поманила к себе Миранду. Надела той на шею уменьшенную копию своего «ловца снов». Как интересно, подумал Артём, а такого в их альбомах и не было. Похоже, понятно, что это означает. Миранда остаётся «заместителем» хозяйки.

Артём с Мирандой подождали, пока Марина и Лилия сядут в экипаж. Ещё через три минуты колонна отправилась — за долю секунды стала прозрачной, и исчезла. Всё, следующая колонна через полчаса, а до той поры здесь нечего делать.

— Это знак того, что вы сейчас за всё отвечаете? — спросил Артём, когда они с Мирандой направлялись назад.

— Ну да. Что теперь, сэр Ортем? Марина попросила рассказать мне всё, о чём вы спросите. Со всеми подробностями. С чего мне начать?

— Давайте вначале в библиотеку, Миранда. Я не очень понимаю, с чего начать. Начнём с того, что посидим среди книг, в тишине.

-

Вот тут было наваждение: возле каталога. Аппарат, пользоваться которым школьников учат с первого же года. Артёму он тогда показался простым куском пластика — ни сенсоров не заметил, ни надписей, пока молодой Марк Туллий не подсказал. Сейчас — всё на месте.

Врачи, включая доктора Ливси, все говорят, что с Артёмом всё в порядке. Нет повода для беспокойства. Странности вроде частичной амнезии списывают на свойства дросселя. У всех есть странности, у всех до единого. И, к слову, дросселей-женщин ровно столько же по количеству, сколько и мужчин. Но если мужчины-дроссели, так сказать, проявляют повышенный интерес к противоположному полу, то в случае женщин всё с точностью до наоборот: их вообще никто не привлекает. Эта часть жизни просто отсутствует, или проявляется, хоть и бурно, но крайне редко.

Спросим доктора Ливси. Раз Артёмом занимается лучший на планете спец пс дросселям, его и допытывать.

Ничего странного. Артём посмотрел, какие книги читала Марина. За последнее время — очень много по ювелирному делу, по работе с украшениями; кое-что — из того, что заказывал ей Артём. Вот как.

— Что-нибудь нашли? — шепнула Миранда.

— Где Марине было особенно не по себе? — так же, шёпотом, спросил Артём. Библиотекарь даже не посмотрел в их сторону. Если шептаться не очень энергично, замечаний не будет.

— Вон там, — указала Миранда. — В зале для работы с редкими книгами. Она всегда просила меня приоткрывать дверь и быть рядом, когда разбирала книги. Не знаю, зачем. Говорила, это просто суеверие, и всё.

Тит Клавдий Нерон практически прибежал на вызов, хотя в самом зале он всего лишь быстро шёл.

— Могу ли я посмотреть, над чем последнее время работала Марина Скайлис? — спросил его Артём после приветствия.

— Да, конечно, сэр Ортем. Те книги, которые на стеллажах, можно читать, но не выносить из той комнаты. Те, что внутри витрин, подлежат реставрации, мы их никому не выдаём. Прошу отнестись с пониманием.

— Я не попрошу ничего, что нарушило бы правила, — кивнул Артём, и получил ключ от комнаты.

-

Миранда сделала так же, как делала уже много раз до того: приоткрыла дверь — оставила тонкую щелочку — и встала рядом. Так делать не положено, но ради Марины уже не раз нарушала правила, пусть и не очень сильно. Ведь никто не умеет так разбираться в книгах, как Марина. Только посмотрит — а потом по памяти может всё воспроизвести, каждую линию, каждую букву. Просто чудо!

Сэр Ортем прошёл вдоль стеллажей. Рядом с ним становилось... в общем, всё начинало гореть и плавиться. Очень трудно держать себя в руках. Если он так на всех женщин действует, то удивительно, что ни на кого практически не обратил внимания, кроме... Спокойно, Миранда, повторила она мысленно. Ещё не вечер. Держи себя в руках.

Сэр Ортем замер, поднял взгляд к потолку и медленно повернул взгляд в сторону Миранды.

— Пожалуйста, закройте дверь.

Миранда повиновалась, не без опаски. Правду говорят, в этом зале происходит странное. Сэр Ортем улыбнулся, кивком поблагодарил и вновь посмотрел в зенит. Замер и замолк. Миранда, чувствуя, что стук собственного сердца начинает оглушать, сделала шаг в его сторону. И ещё один. И ещё.

Сэр Ортем посмотрел на неё — сквозь неё — и сказал что-то. Ужасно, но Миранда не поняла; язык звучал странно — и голос сэра Ортема тоже. Словно множество голосов, каждый из которых звучал диссонансом с другими, говорили разом — но не слаженным хором. Кто-то быстрее, кто-то медленнее.

— Сэр Ортем? — Миранда протянула к нему руку. Он отшатнулся, и, Миранда заметила, провёл рукой по тому месту на поясе, где носил кобуру, когда вернулся из недавнего похода. О небеса, что с ним?

Сама удивляясь своей храбрости, она поймала его за руку.

— Сэр Ортем! Давайте уйдём, пожалуйста! — и указала на дверь.

Он, казалось, всего лишь легонько толкнул, но Миранда отлетела шагов на пять, только чудом не сбила ни один стеллаж, и ничего себе не повредила. Сэр Ортем остался стоять, где стоял, глядя сквозь Миранду. А та, вскочив, первым делом приоткрыла дверь наружу и положила ключ так, чтобы не дать двери захлопнуться.

Сэр Ортем вздрогнул.

— Миранда? Что случилось? — снова говорит на нормальном языке. Тут ноги у Миранды подкосились, и она уселась, прижимаясь к стене. Видно было — силится что-то сказать, и не может.

-

Они вышли из библиотеки — по пути Артём посмотрел на каталог, и вновь не увидел ни сенсоров, ничего. Гладкий прямоугольник. Ладно, это потом. Миранда едва стояла на ногах, стоило огромных усилий уйти, изобразив, что всё нормально.

На улице, шагов через десять, силы вернулись к Миранде. Она освободила руку, обняла Артёма — вцепилась так, что ему стало трудно дышать. Не сразу отпустила.

— Не пугайте меня так, — лицо её всё ещё оставалось бледным. — О небеса, так же было в тот первый день, с Юлием. Он посмотрел сквозь меня, и сказал что-то на ужасном, неизвестном языке. И не узнал меня. У вас был такой же вид! Что случилось? Расскажите!

Они сидели на скамейке в парке — том самом, в котором Артём бегал утром вместе с Мирандой. И рассказал собственные ощущения.

...Вначале показалось, что уши заложило. Словно вбили в каждое ухо по килограмму ваты; даже сглотнул, чтобы убедиться. Звонящая тишина, и — снова всё стало чёрно-белым. Не сразу, мозаикой — в общем, как на гауптвахте. А потом он понял, что лицо Миранды постоянно меняется, слово кто-то накладывает на манекен маску за маской. Вот тут стало страшно. Ещё страшнее стало, когда манекен взял его за руку, и сказал что-то вовсе непонятное, на звучащем неприятно многоголосии. Уже хотелось бежать оттуда, бежать со всех ног, пока работает зрение — но тут всё вернулось в норму, и Артём понял, что Миранда сидит у стены, рядом с дверью, тяжело дыша, и не может и слова произнести.

— Но потом вы меня вспомнили, — Миранда прикрыла глаза. — Извините. Мне нужно кое с кем в доме поговорить, узнать как дела. Пару минут, сэр Ортем.

Мимо них проходили люди — улыбались им с Мирандой, и вполне искренне спрашивали, могут ли чем-нибудь помочь. Говорить с ходу «здравствуйте!» очень невежливо, и Артём просто отвечал «благодарю, доброго дня». Сигнал — это календарь. Скоро визит к доктору Ливси.

— Мне нужно съездить к доктору Ливси, — Артём дождался, когда Миранда закончит разговаривать. — Поставим опыт. Есть ощущение, что есть кое-что общее, — и Артём рассказал, вкратце, о своих долгих часах на гауптвахте.

— Кошмар! — Миранда потрясена. — Вам несладко, сэр Ортем. Держитесь. В городок меня не пустят, я вас снаружи подожду, можно?

— Разумеется. Можно пешком прогуляться, время есть. Да, и поясните мне, как отключается автоперевод.

Миранда охотно объяснила. Связист устанавливает — по сути, приклеивает — небольшой такой предмет. Обычно не на виду; многие цепляют за ухо, или прячут среди волос. Мытьё ему не вредит, к коже он прилипает прочно — снять его можно, не повреждая кожу, просто правильно подцепить. И всё. В общем, так же, как в случае мобильной связи: никакой магии, просто цепляют «умный предмет».

Что-то я не припоминаю, куда мне что цепляли, подумал Артём. Хотя с провалами в памяти это немудрено.

— Ставят те же связисты, — закончила объяснение Миранда. — Мы все учим в школе латинский и ложбан, это обязательно. Но если есть переводчики у обоих, будет проще общаться на родном языке. У нас с Мариной это каталонский. Хотите услышать, как я на самом деле говорю? Отключите автоматический перевод.

— Я не знаю, как это сделать, — Артём посмотрел на Миранду, и та кивнула, без усмешки. Про ложбан надо подробнее расспросить. Такой и на знакомой ему Земле есть, хотя Артём практически ничего о нём не знает, не интересовался.

— Вам ведь здесь его ставили? Тогда есть команда сброса настроек, после которой переводчик сам запросит у вас команды управления. Прижмите кончики пальцев правой руки к виску, и скажите «Dictum iri».

Артём повиновался. И ничего.

— Быть не может! — удивилась Миранда. — Сейчас, сейчас... Все переводчики помнят такие же фразы на других языках. Повторяйте за мной.

И — снова ничего. Миранда остановилась. Они уже почти пришли — до входа на территорию военного городка меньше стади.

— Ничего не понимаю, — Миранда взяла его за руки. — То есть совсем. Как вы тогда меня понимаете? На каком языке я говорю, по-вашему?

— На русском. А я, по-вашему?

— На каталонском. Но так ведь не бывает! Слушайте, давайте сходим к связисту, после врача? Пусть вам поставят переводчик — сравним, в чём разница. Это бесплатно, — тут же добавила Миранда. — Простите!

— Не за что извиняться, — он прикоснулся ладонью к её плечу. — Вы мне очень помогаете. Нам всем, — уточнил он, и снова увидел на лице Миранды улыбку. — Я позвоню вам, когда всё окончится.

-

Артём сидел, потирая виски, после удачного проведения эксперимента. Удачного: всё повторилось, начиная от обесцвечивания зрения и до полного его пропадания. Всё в точности, всего за шесть минут началось.

Потом доктор Ливси устроил полноценное обследование. Чуть не час снимал данные, просвечивал разными лучами, заставил выпить какую-то горькую мерзость, и взял анализы всего, что только можно взять у человека мужского пола.

— Благодарю за терпение, — доктор Ливси помог ему одеться. Ноги уже не держали. — Всё восстановилось. Будет очередной гормональный всплеск, — предупредил он. — Я не знаю, как у вас он проявится на этот раз. Но повышенное внимание женского пола будет точно.

— Благодарю, доктор, — Артём постарался вложить в слова не слишком много яда.

— Ну, не я же это устроил. Меня за что благодарить? В общем, сэр Ортем, я пока не готов ответить, что это было. Видимо, это ваша индивидуальная реакция на изоляцию от электромагнитных волн.

— То есть теперь вы знаете, как меня обезвредить, случись что, — не удержался Артём.

— И это тоже. А ещё я давал клятву медика, мой юный друг. Ну, что вы сразу извиняться. Дросселям всем несладко, таков ваш удел. Держитесь. Да, завтра зайдите ко мне ещё раз, сюда, в городок. Я рад вас видеть и дома, благо теперь мы на соседних этажах, но

дома я работой не занимаюсь, только в крайних случаях. Доброго дня вам, и вашей очаровательной спутнице.

Связист не удивился, когда ему сказали про пропавший переводчик.

— Если хотите, я могу их вам выдать комплект, — предложил он. — Инструкцию, как ставить, тоже дам. Весь комплект настроен на вас, просто установите другой, если этот потеряется.

— Я знаю, как его ставить, сэр Ортем, — добавила Миранда.

Поставили. Включили. Переводчик на хорошем русском языке предложил Артёму выполнить процедуру настройки — то есть установить жесты и словесные команды для управления. Артёма препроводили для этого в «примерочную» — как на Земле в магазинах, отгороженное шторкой пространство. В отличие от Земли, ещё и с акустической защитой: изнутри тем, кто снаружи, ничего не слышно.

Ладно, с этим покончено.

— Давайте проверим, — Миранда улыбалась. — Дайте команду отключения, я тоже сейчас свой отключу. Мы услышим, на каких языках на самом деле говорим. Готовы?

Артём кивнул. Не сразу припомнил только что придуманную команду — от волнения, если честно. Сказал «проверяем, на каком языке говорим». Связист и Миранда переглянулись, и оба кивнули Артёму, улыбаясь. А потом Миранда сказала что-то вроде «es la maeva llenguan materna», и махнула рукой — включайте обратно.

— Я сказала «это мой родной язык», — пояснила она. — Слышали его?

— Похоже, да, — и Артём, не забыв отключить переводчик, повторил то, что услышал — как мог. Миранда покивала.

— Всё работает, — подтвердила она на словах. — Мне нравится ваш родной язык, сэр Ортем... Он красиво звучит.

— Давайте я ещё вашу мобильную рацию проверю, — предложил связист. — Раз уж вы здесь.

Связист возился чуть не десять минут.

— Странно, — пояснил он. — Не могу найти. У меня записано, установлена за левым ухом. Но там ничего нет. И вообще нигде нет. Потеряли?

— Да, возможно, — и Артём увидел, как расширились глаза Миранды. Явно что-то хотела сказать, но сумела сдержаться. — Тоже можно комплект?

— Безусловно. Их делает репликатор, — пояснил связист. — Это всё бесплатно. Так, минутку... ну-ка, повторите рации свою ключевую фразу. Можно не вслух.

Артём повторил. Связист сразу же заулыбался.

— Всё, вы снова на связи. Сэр Ортем, выдаю вам запасную рацию, — протянул он коробочку. — Удобно носить на поясе. Сами понимаете, если ваша случайно потеряется, а вас нужно будет срочно найти...

— Я понял, благодарю вас! Сколько с меня?

— Для вас — бесплатно, сэр Ортем. Могу ли я вам ещё чем-нибудь помочь?

— Вы меня снова пугаете, — Миранда дождалась, когда Артём расплатится с дилижансом. — Слушайте, так точно не бывает! Вы же мне звонили. Как?? У вас ведь не было рации!

Артём развёл руками.

— Но мне это нравится, — неожиданно сказала Миранда. — Обожаю загадки. До вечера есть ещё время. Хотите позаниматься, сэр Ортем? Немного размяться, в спортивном зале? Если вам доктор не запретил, конечно.

...Там, на Земле, я бы отказался — уселся бы за компьютер и «воткнулся» бы в какую-нибудь игрушку. Ведь за это ещё и платили. Артём потёр лоб, и осознал, что от него ждут ответа.

— С удовольствием, — он протянул руку и зашагал, с Мирандой, в сторону Арены.

Миранда сидела у него за спиной, положив руки на плечи, прижимаясь. Как сказал бы на Земле, «само как-то получилось». Универсальная отговорка: само, мол, вышло, дело-то житейское.

— Я буду говорить, — шепнула она ему на ухо, — а вы слушайте. — И перебралась так, чтобы сидеть у него на коленях, лицом к лицу.

— Марина говорила это много раз; над ней, конечно, все смеялись. Все, кроме нас с Лилией. Что она хочет, чтобы мужчина был только её. И наоборот. Но ведь так не бывает. Почти семьсот лет так не бывает, после того, как на Айур напали. Что-то они с нами сделали, вы же знаете, что мужчин намного меньше.

Она говорила ещё, — продолжала Миранда, — что чувствует себя не совсем дома. Что как будто прилетела сюда с другой планеты, из другого мира. Там у каждой женщины свой мужчина, и наоборот. Вы знаете, что такое симулятор? Не буду рассказывать. Мне теперь есть, с чем сравнить. Вас никакой симулятор заменить не сможет. А если будет такой, что сможет, то это конец нам, никто не захочет из симуляции возвращаться. Так и живём. Раньше были таблетки, ну, чтобы не хотелось вообще. Но от них люди становились бесплодными, их и перестали прописывать. Некоторым женщинам удаётся быть счастливыми с другими женщинами. Но таких очень мало, а остальным что делать? На стену лезть? Лучше уж симуляторы.

Артём не знал, куда девать глаза.

— Ого, вы смущаетесь! — Миранда явно не иронизирует. — А вы, случайно, не с другой планеты, не из другого мира? Мы тут всё гадали, кого вы в доме следующую пригласите. Спорили даже — без Марины, ей не нравится это слушать — кто это будет. А вы вообще только её и замечали.

— Разве?

— Я сама навязалась, — Миранда смотрела в глаза. — Я бесцеремонная, помните? Лилия никогда не станет навязываться. А я буду. Но если вам так тяжело, больше сюда не пущу. Это будет ужасно трудно, но я справлюсь. Хотите?

— Перестаньте, — Артём попробовал снять её ладони с плеч, не получилось. Миранда запрокинула голову, и рассмеялась. Весело, беззлобно. — Не хочу!

— Вот это честность! Точно, с другой планеты! Ортем, приходите ко мне. Я не буду смеяться, или подшучивать. Не хотите быть со мной — просто побудете рядом. Марине тоже не нравится эта тема, но она не будет обсуждать. Замечательно, что вы нашли друг друга, а остальным что делать? С ума сходить, или заниматься в спортзале до упаду, чтобы сил никаких не оставалось?

— Сублимация, — припомнил слово Артём.

— Точно-точно. Знаете, где я видела эту сублимацию, теперь? Вижу, догадались. Договорились, Ортем? Со мной вам не будет неловко, я обещаю.

Артём вздрогнул.

— Что такое? — Миранда встревожилась. — Что случилось?

— Марина звонит. Запрашивает видеосвязь.

Вот я влип, подумал он, думая, что предпринять. Ладно. Обещал говорить правду — только правду. Миранда прыгнула на пол, схватила со стула халат.

— Это ваш, — вручила его. — Из ваших вещей. Быстро надевайте, и за мной!

Она притащила его за руку в ванную, поставила перед зеркалом, и указала, куда установить «глаз». Прижала палец к губам, и тихо закрыла за собой дверь.

-

Объёмное изображение возникло прямо перед ним. Артём невольно отступил на шаг — показалось, что Марине неловко стоять, прижимаясь спиной к зеркалу. Потом дошло, что это всего лишь проекция: «глаз» указал границы изображения, зыбкий овал в воздухе.

— Сэр Ортем! — Марина смутилась. — Простите, что невовремя! Чем я могу помочь? Как у вас дела?

— Всё замечательно. У Миранды всё схвачено.

Марина поморгала — опять я не то слово ляпнул, подумал Артём — и рассмеялась. Почти сразу же взяла себя в руки.

— Я поняла, что вы хотели сказать. Да, я уже справлялась. Она умница. Только не дайте ей заболтать себя до смерти!

— Кое-что удалось найти, — Артём смотрел в её глаза. Точно, Инга. Может, это самовнушение, но всё больше черт Инги заметно с каждым днём. — Расследование идёт. Пока не буду рассказывать, мы только начали.

Марина серьёзно кивнула.

— Благодарю вас! Мои родители хотят поговорить с вами.

— А это удобно? — Артём посмотрел на свой халат. Вроде бы всё в порядке, если вообще прилично говорить в таком виде.

— Да, не беспокойтесь. Они всё поймут. Можно?

— Да, конечно. Не расстраивайтесь, и ничего не бойтесь, хорошо?

Марина кивнула, и приложила ладонь поочередно к сердцу и ко лбу — так прощаются, когда нет возможности прикоснуться к собеседнику.

— Здравствуйте, сэр Ортем!

И нет её. Через несколько секунд двое людей появились «внутри овала».

— Госпожа Агата Скайлис, господин префект Скайлис, — Артём коротко поклонился. — Чем могу помочь вам?

— Рады знакомству, — оба они поздоровались по-римски. Префекту на вид лет пятьдесят. Аналог полицеймейстера, припомнил Артём. Следит за соблюдением законов в Париже и его пригороде. Префект, Кай Луций Скайлис, продолжил: — Мы очень благодарны вам за Марину, сэр Ортем. Она рассказала о вашем недавнем походе. Чем мы можем вам помочь?

— Марина прекрасно со всем справляется. Последние события немного утомили её, поэтому я попросил её провести вас, немного отвлечься от домашних дел. Ну и посмотреть для меня кое-что в Париже, — Артём сам не знал, зачем это сказал. Здесь «отдыхать», в смысле «бездельничать», мягко говоря, не поощряется. Получилось бы, что он спровадил Марину побездельничать. Хотя она всё равно не станет сидеть там без дела.

— Мы будем рады помочь вам, — немедленно отозвался префект. — Звоните мне, или

Агате, в любое удобное время.

— Марина прямо расцвела, — добавила Агата — сама похожая на приёмную дочь. Ей тоже за пятьдесят, но выглядит куда моложе. — Мы очень гордимся вами. Не будем задерживать вас, сэр Ортем — доброй ночи и добрых снов! Здравствуйте!

— Останетесь? — Миранда приняла от него «глаз», видеокамеру то есть. — Или к себе пойдёте? Помните, что я вам пообещала?

— Останусь, — Артём присел на уголок кровати. — Там у них всё хорошо. Марина сказала, что вы умница.

Миранда улыбнулась.

— Она слишком добра. Но я стараюсь. Расскажите мне, Ортем, что можно — о походе. Завтра весь дом захочет вас послушать, и ваша рота — тоже. Но я первая, ладно?

День 15. Клетка Фарадея [оглавление]

Половина третьего — и снова спать не хочется. Артём осмотрелся — у Миранды есть своя комната-студия, но устраиваться там, чтобы не разбудить её ненароком, не очень правильно. Не приглашали ведь. Что-то она говорила о том, куда в этом доме можно входить без спроса, но лучше всё же уточнить.

Артём вернулся в свои с Мариной апартаменты. Пока шёл, убедился — охрана на месте. Припомним: из домочадцев есть электрик — строго говоря, его бы кибернетиком назвать, или электронщиком. Солдат, уволен в запас после ранения, пятьдесят с лишним лет. Повар, сорока пяти лет, также уволен из вооружённых сил по той же причине. С поваром Артём почти не виделся, хотя не забывал появляться в его владениях и благодарить — как принято. Есть ещё племянник Ингир, но он в основном в казармах, обучается военному делу. Доктор Ливси, новый постоялец, и сам Артём. По словам Марины, через месяц с момента, как Артём предложил ей стать хозяйкой, им самим нужно будет нанять всю службу — обычно она остаётся той же, просто все расходы ложатся уже не на хозяйку квартала, а на хозяйку нового дома. Да и кто, в своём уме, покинет дом, в котором живёт дроссель? Эти люди свято верят в то, что дроссели приносят удачу.

При том, что верований в земном смысле Артём пока не наблюдал. В школе, когда учат историю культуры, всё это упоминается. И всё на этом. Также интересно выяснить, как к этому пришло. Когда выражают искреннее удивление, часто восклицают что-нибудь вроде «о небеса!», но и только. Просто оборот речи? Или Артём не всё ещё знает?

Ладно, не до этого. Закончил с умыванием и зарядкой — удалось найти пару гантелей, причём их тоже выдают желающим бесплатно — и понял, что тело уже не так отчаянно сопротивляется здоровому образу жизни. А ведь там, на Земле, Артём себя всем этим не утруждал. А здесь здоровый образ жизни — это не оборот речи. Это естественное состояние людей: в парке поутру много бегунов, и спортивные состязания на Арене и в Колизее — самые популярные, так сказали и Лилия, и Миранда. В других городах тоже культ здоровья, если это можно назвать культом.

Так что надо привыкать. Уже две недели без Интернета, подумал Артём, без игр и прочего — и не скучаю по ним совершенно. Может, потому что всё ещё думаю, что сам «внутри игры».

Ладно, пора разбираться. Марина настроила и оставила на столе электронную книгу с подключением к банку данных библиотек Рима. Интересно, как это у них работает? Есть мобильная связь — но ни одной мобильной вышки (хотя, возможно, эти устройства

настолько компактные и незаметные, что и неразглядеть). Компьютеров — персональных — пока не видел. Равно как и игр, игровых автоматов, даже молодёжь предпочитает игры живую — или спортивные, или настольные, в компании. Люди много общаются: сегодня Артёма ждёт в «Пьяном Драконе» его рота, и обязательно попросят рассказать подробности встречи с вражеским дросселем (виноват; с охотами), — и дома непременно попросят. И, почти наверняка, попросят сыграть на флютне. И там, и здесь. Не забыть взять её с собой.

По словам Глории (не звонил ей, а надо!), на флютне учат играть годами. Человеку крайне трудно бывает не только держать в памяти несколько тем для разных инструментов, но и петь при этом. А Артём безо всякой подготовки сумел — почему? Не учился же! Добавляем в список загадок.

Артём спохватился, и потрогал себя за каждым ухом. Вроде бы на месте оба крохотных эластичных прямоугольника — рация, то есть здешний вариант мобильного, и переводчик. Это ж какая технология — так точно подменять зрительные и слуховые ощущения, чтобы казалось, что человек говорит на твоём родном языке! И при этом — никаких космических полётов. Почему? Потеряли интерес? На самом Айуре есть более важные задачи? Тоже загадка.

Артём отложил «планшет», так назвал ту самую электронную книгу с доступом к библиотекам. Вызвал рацию: кодовое слово принято. Вызвал переводчик: работает в режиме автоматического перевода. А теперь пытаемся позвонить Глории.

Она ответила почти сразу, и запросила видеосвязь. «Глаз» стоит тут же, на столе. Встать? Остаться сидеть? Артём предпочёл встать.

— Сэр Ортем, я ужасно рада! — Глория и в самом деле рада. — Ужасно скучаю! Чем я могу помочь вам?

— Хорошим настроением, Глория, — улыбнулся Артём, и получил улыбку в ответ. Только бы не показать смущения. — Завтра у меня поход, вероятно — долгий.

— Я буду ждать! Если сможете появиться хотя бы на час, будет замечательно!

— Я могу вам чем-то помочь? — судя по выражению лица Глории, он опять спросил что-то такое, что понять очень трудно. Она улыбнулась, секунд через пять.

— Кажется, я понимаю. Звоните мне чаще, прошу вас. Хотите, расскажу, что тут случилось, после вашего отъезда?

...Минут через пятнадцать Артём попрощался. Гормональный всплеск, чтоб ему лопнуть. Хорошо, одно доброе дело сделано. Вернёмся к нашим баранам: почему это в клетке Фарадея — в комнате, куда не проникает электромагнитное излучение — Артёму начинает что попало мерещиться, а органы чувств перестают работать, или ведут себя не пойми как? Человек ведь, не робот.

Стоп! Артём почувствовал, что взмок. Мысль показалась крайне неприятной. С чего он решил, что не робот? Доктора говорят, что Артём — человек, с некоторыми абберациями поведения, несущественными сбоями памяти, что для дросселей норма. А может ли у дросселя быть орган восприятия электромагнитных волн? Вообще, как происходит «скольжение»? Дроссели как явление появились примерно через двадцать лет после того, как началась новая эра — с того дня, как человек, при помощи танков, выбрался на поверхность, закрепился в нескольких крохотных крепостях на планете, и принялся возвращать её себе — с боями, с потерями, очень медленно. Почему дросселей не было раньше?

Туда же, в список загадок. Вопросов всё больше, а ответов... Стоп, постойте —

получается, что комната для работы с редкими книгами — тоже клетка Фарадея, тоже изолирована от электромагнитных волн? Но почему Марина точно так же — в смысле, тоже необычным образом — реагирует на подобную изоляцию? Хотя это только предположение. Вот если бы её привести на ту же гауптвахту, проверить...

Добрый вы сегодня, сэр Ортем. Артём посмотрел на часы — половина шестого — и тут ему позвонила Миранда. Что она скажет, он отчего-то догадывался.

— Можно войти, сэр Ортем?

-

— Что женщина может утомить мужчину, это все знают, — Миранда уже в спортивном костюме. — Ничего сложного. Но вот чтобы наоборот... Ну и зачем вы усмехаетесь? Только не подумайте, что у меня других мыслей уже не осталось. Это я под впечатлением. Пробежимся, Ортем? Говорят, очень полезно для мозга.

Артём кивнул, закрывая тетрадь с записями. Она права, и в любом случае ответов пока нет, только множество новых вопросов.

— Пробежимся.

Определённо, поутру стало больше людей в этом парке. В Риме живёт семьдесят тысяч людей, и такое ощущение, что все они уже поздоровались, этим утром.

— Вы подаёте хороший пример, — покивала Миранда, когда они возвращались обратно. — Должно всё болеть, правильно? Видимо, вы долго не упражнялись.

Да, почти тридцать лет, чуть не ответил Артём. Она права, мышцы болели, и уже практически умоляли о пощаде. Всё должно болеть, говорил его тренер — тот самый, с кем он встретился в первый раз на ринге. Это нормально. Эту боль мы не устраняем, она полезна. Иначе не будет осознания, что тело в порядке, что оно отзывается на вашу заботу. Хороша забота!

-

— Ортем, если вам потребуется заняться чем-нибудь, пока я сплю, моя студия в вашем распоряжении, — Миранда поднялась к нему, явно из душа — волосы ещё мокрые. — Просто не открывайте то, что закрыто. Что открыто, на виду — можно смотреть. Договорились?

— Договорились. Дайте я ещё поспрашиваю про ваше с Мариной детство.

Миранда кивнула, и села на соседний стул.

— Вы сказали, «языка не знала», — припомнил Артём. — А вы?

— Я немного знала латинский. Ложбан мы учим уже потом, когда хотя бы один естественный язык выучен. Забавный язык, хотя я на нём не пишу, и не говорю. Связист мне сказал, его для переводчиков учат. Если знаешь ложбан, переводчик работает гораздо точнее. Но вы его не знаете, верно?

Артём помотал головой.

— Не знала, что такое бывает. Разве что среди диких, или охолов. Только не думайте, что я осуждаю, или что-то такое. Их просто так называют. Люди тогда закапывались под землю кто где; сами понимаете, очень трудно связываться с другими убежищами, ведь нечисть тоже слышит наши сигналы и умеет определять, когда они искусственного происхождения. Есть такие, кто до сих пор в города идти не хочет и живёт сам по себе. Это дикие.

— Кто такие охолы, мне уже пояснили, спасибо. И как вас учили языку?

— Это просто. Два человека, два переводчика, и электромагнитная клетка.

— Клетка Фарадея?

Выяснилось, что имя Фарадея Миранде неизвестно. Притом, что физику им преподают тоже. Ну, допустим, ведь необязательно знать все до одного имени из другой школьной программы. Но оказалось, в итоге, что говорят об одном и том же.

— Точно-точно, клетка Фарадея! Красиво звучит. Сегодня же узнаю, кто такой Фарадей. Ну так вот, когда двое людей сидят в такой клетке, переводчик не может обращаться к общей языковой базе. Только к базе другого переводчика. Вот и всё. Тот, кто вас учит, показывает вам буквы, текст, вообще что угодно, и называет, как это читается и что означает. Важно, чтобы человек ваш язык знал, тогда вам потребуется два-три занятия, чтобы разбираться в новом языке. Вы его как бы незаметно выучиваете — никакой грамматики, ничего такого не знаете, но уже понимаете, и говорить можете. А грамматику и остальное уже потом преподают. Очень эффективно. Я за полтора дня выучила латынь. Марине потребовалась почти неделя, но это тоже нормально — так сказал связист. До двух недель — это нормально, если требуется больше — значит, или переводчик барахлит, или тот, кто обучает, не владеет родным языком того, кого учит.

— И кто вас учил?

— Лилия учила нас обеих, — Миранда осеклась. — Да нет, не может быть. Меня она тоже учила, но со мной ведь ничего такого нет! И у Марины с головой всё в норме, не сомневайтесь. Не отсталая, не дурочка.

— Может, разница в том, что Марина чего-то испугалась?

Миранда задумалась на пару минут, прежде чем ответить.

— Может быть, но что это нам даёт? Она отказывается стирать воспоминания. Это, знаете...

— Палка о двух концах?

— Умеете вы сказать в точку! Точно, палка о двух концах. Можно стереть что-то ещё, это ведь мозг, и никто до конца в нём не разобрался. Но можно посоветовать ещё раз. Вдруг поможет.

Интересно, что она услышала, когда я сказал «палка о двух концах», подумал Артём. Как звучит аналогичная идиома по-каталонски? И что слышат другие, когда я песни пою? Хорошо бы там не было откровенной глупости...

— Марину всё время обижали, пока она была в школе?

— Нет. Когда мы до третьего класса дожили, она подтянулась. Вообще не узнать было, за каникулы все «хвосты» подобрала. И стала отличницей! Всё понимала с первого раза, всё запоминала. Вы же знаете — она разок посмотрит, и запоминает каждую мелочь. У неё это примерно тогда и началось.

Сначала все просто обалдели, — продолжала Миранда, — и я первая. Потом поняли, что Марина не стала зазнаваться, ничего такого — и всё изменилось. Кто её раньше постоянно обижал, теперь за помощью шли. Она всем помогала, даже иногда во вред себе. Так вот и жили. Если честно, мы с Лилией ей завидовали жутко. Нам нужно сидеть и учить полночи, чтобы экзамен сдать, а Марина пролистает тетрадь — и уже готова. Притом, на самом деле готова! На экзамене ведь требуют понимания, а не выучить что-то наизусть. В общем, она всем нос утёрла. Я очень ей горжусь.

— То есть пролистает — и готово понимание?

Миранда помотала головой.

— Нет, она много задач решала. Просто это не все замечали. Она же везде ходила с

книжками. Её называли за спиной зубрилой, но кто же такое в глаза скажет, если вдруг помощь потребуется? А я поинтересовалась. Она очень много задач решала. Половину детства так и провела. Но сами видите, что получилось.

Артём покивал.

— Если не секрет, вы кем работаете?

— Инструктор, вы уже знаете. Ещё я медсестра, курсы прошла. С бытовой техникой тоже разбираюсь. Ну там, что куда подключить, как простой ремонт сделать. Ну, картины пишу, это у нас с Мариной общее, обожаю красивое придумывать. Наверное, всё. А вы?

— А я игры тестировал, — усмехнулся Артём. — И всё, наверное. Ну, по хозяйству, конечно, всё мог делать. Но не по здешнему. А теперь дроссель. Наверное, всё.

— Понимаю, — покивала Миранда, взяла его за руку. — То есть, я не понимаю, что такое «тестировать игры». Потом объясните. Но понимаю, что вы себя, наверное, бесполезным считаете. Мало на что годным. Угадала?

Трудно было смотреть ей в глаза и отвечать утвердительно.

— Вы не правы. Ну ладно, пусть не вы сами выбрали стать дросселем. Это просто случается, и всё. Но вы песни поёте очень красиво, и не ленитесь. Вы бы видели других дросселей! Все говорят, что они целыми днями ничего не делают, между походами.

— Это не мои песни, — возразил Артём.

— И что? Главное, что они красивые, и людям нравятся. Слушайте, ну это уже несерьёзно. Вас никто не считает бесполезным. А захотите чему-то научиться — это пара пустяков! Научитесь. Если нужно, я помогу, Лилия поможет. Да кто угодно, только намекните. Знаете, что, Ортем? Не вздумайте так с Мариной говорить. Она очень сердится когда кто-то пытается на жалость напроситься. Делайте, как я: если в чём-то нужна помощь — подходите и спрашивайте.

— Понял, — кивнул Артём. Малодушные отступило. Чёрт, и вправду ведь набивался на жалость. Ладно, проехали. — Умеете вы по местам всё расставить. Тогда прогуляемся ещё раз в библиотеку. И — я хотел бы посетить приют, где вы все жили. Это возможно?

— Конечно, приют никуда не делся. Ортем, у вас в два часа визит к доктору, в пять вас ждут в «Пьяном драконе». Я вам напомню, если что. И вечером в доме мы все хотим услышать ваш рассказ, да? У нас полно времени. Можем всюду успеть. Но мне потребуется час или полтора, нашими с Мариной делами заниматься. Договорились?

Договорились. «Не дайте ей заболтать себя до смерти», сказала Марина. Уж молчаливой Миранду точно не назвать!

И день начался.

-

— Повторим, что было вчера, — шёпотом предложил Артём, когда им выдали ключ от зала для работы с редкими книгами. Если я замечу что-нибудь неладное, я уроню вот это — Артём показал бумажный комочек, — и вы приоткроете дверь. Хорошо?

Миранда кивнула. Видно, что ей не по себе.

Началось минуты через три. Прошло почти сразу же, как только дверь приоткрыли. Чудесно, всё воспроизводится. И что это нам даёт? Артём дал команду переводчику — и тот, неожиданно, не отозвался.

— Странно, — Миранда убедилась, что дверь едва приоткрыта, сама захлопнуться не должна. — Вы не могли его потерять, ну-ка... Сядьте, я посмотрю.

Она заглянула за левое ухо. Провела по нему кончиком пальца.

— Смотрите, — присела так, чтобы их глаза были на одном уровне. — Что это с ним случилось?

Чёрная капелька на её пальце.

— Как смола, — удивилась она. — Если честно, на ощупь неприятно. Стойте, у меня запасной с собой, давайте замену.

Ровно то же самое произошло и с рацией — «растаяла», превратилась в вязкую капельку. Миранда заменила оба устройства.

— Никогда о таком не слышала! — добавила она. — Надо к связисту зайти — может, он что пояснит. Что теперь?

— Попробуем ещё раз. То же самое — как только я бросаю шарик, открываете дверь. Начали!

И выключил свой переводчик. В этот раз всё случилось по-другому. Началось почти так же: звон в ушах, ощущение, что там вата, и пропадание цвета. Но потом... Миранда не выглядела чудищем, меняющим лица каждые несколько секунд — она просто стала чёрно-белой, как и всё остальное.

Когда она заговорила, Артём вздрогнул. Голос звучит немного механически, так часто изображали речь роботов в некоторых старых фантастических фильмах. Но это явно язык, и, по звучанию, каталонский. Артём, как мог, воспроизвёл то, что она сказала. Озадаченное выражение на лице Миранды... она говорит другую фразу, и Артём повторяет её, насколько удаётся. Миранда улыбается и показывает на дверь — открыть? Артём помотал головой. Пока нет.

Он шагнул к стеллажам. Книги на них тоже стали из цветных всех оттенков серого; и надписи — пока дверь была приоткрыта, все казались написанными по-русски. Теперь же — на каких только языках они ни написаны! Артём узнал то, что больше всего походило на английский, на язык, сильно похожий на русский — правда, странно звучащий, если прочесть вслух. Взял одну такую книгу, осторожно пролистал. Есть текст! Никуда не пропадает. Может, это и русский, но многие слова попросту незнакомы. Артём понял, что Миранда замерла у двери, готовая в любой момент открыть её — и уронил свой бумажный комок.

И вкратце рассказал, что только что видел. Миранда не сразу нашлась с ответом.

— Марина входила сюда только с выключенным переводчиком, — произнесла она. — Так положено, чтобы он не мешал видеть оригинальный текст. Мой был включен, я ведь сама с книгами не работала, мне ни к чему. А у вас он был выключен... Очень странно! Вы повторили мои слова очень точно. Получается, вы слышали каталонский, как есть.

— И видел книги на тех языках, на которые они написаны, — добавил Артём. — Я знаю, что надо проверить. Надо попросить Марину повторить мой опыт, но со включенным переводчиком.

Миранда долго смотрела ему в глаза.

— Как странно, — произнесла она, наконец. — Что, теперь проверим все комбинации?

-

Они сидели в парке — через полчаса Артёму пора к доктору Ливси — и думали. Артём — в основном молча, Миранда — в основном вслух.

Когда у обоих переводчик стоит, но выключен, цветовосприятие не нарушается, но в остальном то, что и ожидается: слышат родной язык друг друга, но понять не могут. Когда только у одного включен — тот, у кого выключен, не слышит перевод; в остальном всё, как и

снаружи клетки. Когда у обоих включен — то ровно то же, что и снаружи. За одним исключением: Миранда хуже понимала то, что Артём говорил по-русски. При открытой двери понимала куда лучше.

— Слушайте, мы же не проверили, сможете ли вы звонить без рации! Попробуйте! — спохватилась Миранда. — Дайте, уберу её!

И едва не упала со скамейки, когда Артёму удалось позвонить без рации.

— Наверное, стоит рассказать доктору Ливси, — предложил Артём. — Если кто и понимает что-нибудь в дросселях, это он.

— Да, наверное, — согласилась Миранда. — Но вы точно колдун! Звонить без рации! Никто же не поверит! — она встретила взгляд Артёма, и добавила: — Это я так, к слову. Никому не расскажу, пока вы не скажете, что можно.

-

— Звонить без рации! — доктор Ливси, когда Артём позвонил ему с обоими снятыми устройствами, выглядел не менее оторопевшим, нежели Миранда получасом ранее. — Это, признаюсь честно, ни в какие ворота. Ну-ка, проверим. Заходите-ка сюда. Будет душно, но я вас скоро выпущу.

Артёма посадили внутрь тесной коробки; больше всего она походила на гроб, так что мысли внутри неё приходили всё больше безрадостные. Он снова позвонил, и ещё, и ещё... наконец, его выпустили.

— Ничего не понимаю, — признал доктор, глядя на терминал перед собой. Наконец-то что-то, хотя бы отдалённо похожее на компьютер. — Не могу даже понять, откуда исходит сигнал. Но не изнутри вашего организма, это точно. Звонить из электромагнитной клетки пробовали?

Нет, об этом не подумали. Ещё один короткий визит на гауптвахту — и убедились, что как минимум оттуда звонить не получается ни с рацией, ни без.

— Такого ещё никто не наблюдал, — доктор Ливси явно доволен, аж светится. — Ещё бы понять, как это вам удаётся. Как только вернётесь из похода, мой друг, сразу ко мне. И ещё: Миранда сохранила то, во что превратились оба аппарата?

— Боюсь, что нет.

— Вот, возьмите, — доктор вручил прозрачную коробку — внутри, в прямоугольных гнездах, множество пробирок. Ну или чего-то, похожего на пробирки. — Сохраните, если это повторится, и — сразу мне, на анализ. И, по возможности, отдохните сегодня как следует. Приятного вечера! Здравствуйте!

-

В приюте их встретили более чем радушно — больше всех обрадовались дети. Почти час они разговаривали с гостями, в основном — с Артёмом, пока, наконец, необходимость идти на занятия не прервала это увлекательное событие.

— Комната, в которой жила Марина Скайлис, сейчас занята, — пояснила управляющая приютом, Роза Мантелла, племянница хозяйки квартала на площади Цицерона. Мир всегда тесен, подумал Артём. — У нас сейчас много детей из Лиссабона, вы понимаете. Мы быстро находим им семьи, но свободных комнат почти не осталось. Желаете посмотреть?

— Если можно, я хотел бы, чтобы мы с госпожой Красс остались внутри. Просто постоять и подумать. Воспоминания, — добавил Артём, и госпожа Мантелла с улыбкой согласилась, не задавая больше вопросов.

— Меня ещё не называли госпожой Красс, — шепнула Миранда. — Благодарю, сэр

Ортем. Всё-всё, молчу!

Артём побродил по комнате, глядя в интерьер — судя по количеству вещей и хорошему убранству, дети здесь отнюдь не по-спартански живут. Прикасаться ни к чему не стал.

— Здесь мы с ней стояли у окна и мечтали, — указала Миранда. — Очень часто. Она такие интересные вещи всегда выдумывала, ну, истории, понимаете. Жаль, никто не записал. Телефоны, наверное, с руками бы оторвали.

— ...Мы сохранили некоторые вещи Марины, — добавила госпожа Мантелла, когда Артём и Миранда уже собрались уходить — посидели в комнате для обучения языку, небольшой такой клетке Фарадея, и успели повторить все те же опыты, что и в библиотеке — с теми же итогами. — Часть была в тайнике в её комнате, кое-что она не забрала из своего шкафчика. Здесь всё, — указала она на небольшой чемоданчик. — Может быть, возьмёте?

— Обязательно! — Миранда взяла чемоданчик. — Марина будет очень рада. Благодарю вас, госпожа Мантелла!

-

После того, как вечер рассказов и музыки окончился — Артёму рукоплескал весь дом, особенно — после его исполнения нескольких романсов — Артём отчего-то не чувствовал себя уставшим. Первое, что сделал, поднявшись в свои с Мариной комнаты — позвонил ей.

— ...Мои вещи! — удивилась Марина, покачав головой. — Подумать только! Конечно, я очень хочу посмотреть на них. Благодарю вас, сэр Ортем. Я уже очень скучаю. Знаете, — она понизила голос. — Мне уже кажется, что всё это мне просто примерещилось. Всё то ужасное, что я видела. Если сможете позвонить мне, пока вы в походе — я буду очень рада. И исполните мне всё то, что пели сегодня вечером! — притворно нахмурилась. И сразу же рассмеялась. — Доброго отдыха, сэр Ортем! Здравствуйте!

-

— Обычные детские сокровища, — пояснила Миранда. — Я их все помню. У каждого целая история. Мне только одно показалось странным, смотрите, — показала она. — Нет, лучше не трогайте. Бумага стала ветхой. Это талисман Марины. Она всегда брала его с собой. На все экзамены, в таком духе. Видите, что там написано?

Артём заметил, что надпись латинскими буквами. И всё.

— Простите, я забыла, что латынь вы не знаете. Странно, что ваш переводчик не справился. Хотя там некоторые буквы почти не читаются уже. Это Лилия написала. Так вот, там написано «я — неграмотная дуручка». Весело, да?

— Чья-то шутка? Как такое можно носить в качестве талисмана?

Миранда пожала плечами.

— Сама не понимаю. Наверное, что-то было такое, что бумажка была Марине очень дорога. Я никогда внутрь не заглядывала, Марина не разрешала. Вот теперь жалею, что заглянула.

— Ещё кое-что, — Артём уселся на краешек кровати. — Может, это покажется неприятным, но я хотел бы понять. Я сейчас воспроизведу разговор, а вы скажете — было такое, или нет.

И он повторил, насколько помнил, части того «видения», что приходило там, на арене Колизея. Миранда как стояла, так и села. На пол, с размаху.

— О небеса, — она прикрыла ладонью лицо, но почти сразу отняла, и посмотрела

Артёму в глаза. — Всё в точности. Вы и правда колдун. Всё так и было. Представляю, что вы сейчас думаете!

— Лилия хотела, чтобы Марина ко мне прикоснулась? И только? Ради удачи? Она правда в это верит?

— Она в тот момент готова была во всё поверить. Знаете, после первой недели в ангарах, когда ещё чувствуешь тот запах от себя самой, и не можешь его смыть... Наверное, хуже только в каменоломнях. Но оттуда уже не возвращаются, это для безнадежных преступников. Опять меня понесло, простите! Не знаю, почему, но Лилия как будто решила, что Марина во всём виновата, и Марина должна всё исправить. И почти убедила её. Я тогда жутко разозлилась на Лилию. Всё сложилось очень нехорошо — брат погиб, деньги кончились, а потом ещё и наказание. Но Марина точно не виновата!

— Как Марина оказалась у меня в комнате в то утро?

— Её госпожа Ингир прислала. Мы сами удивились — Марина попросилась в другой город, чтобы только быть подальше от вас и Лилии, но в последнюю минуту её вызвали. Практически из дилижанса вынули. Почему — никто не знает, Лилия никогда сама у госпожи Ингир не работала, а мы не спрашивали.

— Ясно, — Артём покачал головой. — Благодарю за откровенность.

— Марина хотела уехать в тот же день. Не из-за вас, вы ей очень понравились. Из-за Лилии. Когда меня нет рядом, Лилия может Марину на что угодно уговорить. Что было потом, вы и сами знаете. Так вот и живём.

— Завтра поход, — Артём поднялся. — Сложный был день. Миранда, как Марина вернётся — расскажите ей про наши опыты в библиотеке, и попросите сделать то, о чём мы с вами говорили.

— Сделаю. Вы на неё не сердитесь! — по голосу судя, Миранда потрясена.

— Знаете, как у нас... как у меня в прошлой жизни говорили: что ни делается, всё к лучшему. В последний день, который я помню там, мы с моей девушкой поссорились. Я даже подумал, что она навсегда уйдёт. Встретил Марину — и всё больше понимаю, что это она и есть.

— Как в сказке! — восторг в глазах Миранды. — Вы как принц, что пришёл за любимой за тридевять земель! Знаете, только Марина, из нас троих, по-настоящему в сказки и верила. Верит, — поправилась Миранда. — А они, оказываются, и правда случаются! Я всё поняла сэр Ортем. Все поручения выполню. Хотите, я вам колыбельную спою?

Хитрая, подумал Артём, и улыбнулся. И сразу на душе стало легче.

— И много вы их знаете?

— Много. Вы не увиливайте, я вам вопрос задала!

— Спойте. Завтра тоже трудный день.

...Миранда спела ему несколько колыбельных — попросила, пока она поёт, выключить переводчик. Звучало непонятно, но красиво. Предпоследнее, что помнил Артём — прикосновение её губ ко лбу, и шёпот «добрых снов, Ортем». Щёлкнул дверной замок — Миранда ушла — и Морфей окутал весь мир сладкой тьмой.

И впервые за всё время приснились приятные, добрые сны.

Дни 16–24. От Парижа до Венеции [оглавление]

На Айуре сейчас девять крупных городов, то есть — с населением десять тысяч человек или больше: Рим, Лондон, Лиссабон, Париж, Венеция, Берлин, Москва, Пекин, Дели. Несколько «дорог, мощёных жёлтым кирпичом», официальное название — трассы

скоростного сообщения, и каждые два талана или чаще есть убежища, они же станции тех. обслуживания, казематы.

Численность «диких» поселений, некоторые из которых поддерживают связь с крупными городами, точно не оценивали. Назывались числа от десяти до двадцати тысяч. По имеющимся сведениям, там творится та же демографическая напасть, что и в крупных городах. Ну и, наконец, охолы — живут в частично разрушенных убежищах, время от времени делают рейды. Их убежища постепенно находят, обезвреживают и заливают таким же составом, что и «подставка» городов — но окончательно пока что не справились.

И сейчас пятая танковая рота, включая самого Артёма, обходила римские внешние поселения — в основном это исследовательские станции, которые называют «деревнями». Включая Иструм. От каждой такой станции есть трасса быстрого сообщения в Рим. По всей длине трассы есть средства наблюдения и, конечно, датчики наличия клеток нечисти. Основное, помимо танков, изобретение человечества Айура, помогающее людям выжить. Океан можно считать уже достаточно безопасным: даже если нечисть попадает в крупные водоёмы, тамошние виды рыб, а также искусственные зонды-терминаторы устраняют угрозы практически автоматически. Катастрофы, подобные атаке на плавучую станцию, о которой говорила Миранда, больше не происходили. Тогдашний «кракен», по федеральной классификации форм нечисти, был последним на настоящий момент, которому удалось преодолеть защиту и частично уничтожить исследовательский корабль.

«Ходы кривые роет подземный умный крот...»

В первый день похода рота совершила восемнадцать маршей, почти всегда — или с инженерной ротой, или с колонной гражданских — учёные, фермеры, всех и не упомнишь. Отличие от обороны Лиссабона было только в том, что танки находились в автоматическом режиме, когда сами активируются — в случае явной угрозы. Каждый танк несёт до шестнадцати снарядов объёмно-термического действия, и до четырёх терминаторов — рота с полным боекомплектom в состоянии отразить атаку нечисти общей биомассой до пяти мегатонн. К слову о мегатоннах, последний довод терминаторов — реакция управляемой аннигиляции, при необходимости терминатор выжигает всё живое в радиусе до километра. Обычно его используют в качестве источника питания в ситуации, когда подзарядить танки негде. Но как минимум половина терминаторов должна быть полностью заряженной и годной к немедленному запуску в любой момент.

«Нормальные герои всегда идут в обход».

На ночь рота, сопроводив все остальные колонны к местам их дислокаций, остановилась в Иструме. Там свой небольшой военный городок; Артёму хватило четырёх часов, чтобы выспаться, и время до следующего похода коротал, наблюдая за окрестностями. Здесь, в субтропической области планеты, летние восходы и закаты необычайно красивы. Рота практически всегда соблюдает радиомолчание, короткие сигналы для уведомления командования о своей позиции посылаются специального вида сигналами, хорошо маскирующимися под естественные электромагнитные излучения. Нечисть с момента появления на Айуре «знала» о радиосвязи, и целенаправленно атаковала её источники. Пришлось научиться маскировать общение под природный фон. Та ещё задача, как оказалось — благодаря ей стала возможной координация усилий подземных убежищ. И то лишь крупнейшие, которые потом стали новыми городами людей на планете, сумели восстановить постоянную связь в полном объёме. Со всеми остальными её восстанавливали уже потом. В девяноста процентов случаев убежища людей успели превратиться в логова нечисти — по

счастью, она недостаточно разумна, чтобы успешно обороняться. Все её приёмы маскировки и нападения стали известны уже в течение первых лет обороны.

«Зато так поступают одни лишь мудрецы...»

Утром второго дня рота прибыла в Париж, но задержаться там не получилось: им придали колонну гражданских экипажей и отправили в Лиссабон. Город уже успели восстановить — то разрушенное, что пострадало при землетрясении. Парки ещё не восстановлены, это быстро не делается, но основная инфраструктура уже вся работает в штатном режиме. И тоже: едва прибыли, как получили «довеском» другую колонну, и вновь — в путь. На второй день похода было двадцать четыре марша, в основном — на ближние дистанции. И — военный врач не забывал следить за здоровьем и общим состоянием Артёма. Несколько кратких остановок — всё в штатном режиме, никто не возражает, когда дросселю требуется отдохнуть. Иначе дальше придётся перемещаться по трассе штатным образом, то есть — стать уязвимыми для любого возможного противника.

«Зато так наступают одни лишь храбрецы».

Вторую ночь рота провела в военном городке Лиссабона. И тоже — никакой связи. По словам сэра Джеймса, на следующий день такая возможность представится. В шифровках отправляются все сведения о составе колонны — хотя гражданским, конечно, ничего не сообщают.

До четырёх часов пополудни третьего дня рота совершала переходы под Парижем — помогала доставлять припасы на научные станции, чинить выходящее из строя полотно трассы и восстанавливать средства слежения. Артём отметил в своём дневнике, что той сильной, не проходящей усталости, которая случилась после обороны Лиссабона, не происходило. Равно как не было никаких рейдов охолов — тем более, появления вражеских дросселей. Любое нарушение безопасности всегда расценивается как сигнал общей тревоги: даже если в силу естественных причин пострадали средства наблюдения или повреждено полотно, на это всегда реагируют, как на тревогу полномасштабного вторжения. Вся разница — сколько техники и войск прибывает к месту тревоги. Теперь Артём своими глазами видел, что такое — семь столетий военного положения. Все знают своё место. Все решают задачи чётко и слаженно. Оплошает один — погибнуть могут все, невзирая на танки и прочее грозное оружие.

К слову об оружии: теперь Артёму официально разрешили ношение оружия; о каждом случае применения — отчёт, применение на гражданской территории — только в чрезвычайной ситуации. Оружейник добавил к пистолету сигнальную ракетницу и импульсный световой излучатель — маломощный, но как сигнал заметен с большой дистанции, притом нечисть не сочтёт его сигналом искусственного происхождения. Помимо его основного назначения — оглушать и дезориентировать практически все формы жизни, которые пользуются зрением в видимом диапазоне.

«А мы с пути кривого ни разу не свернём...»

Почти час рота стояла под Парижем — похоже, изменились планы и некоторые колонны отменили переброску в те или иные точки. В конце концов, дали приказ прибыть в Париж.

— Прибыть в восемь утра в распоряжение роты, — приказал сэр Джеймс. — На выходе получите пропуск, предъявлять и представляться по первому требованию представителей закона. Доброго отдыха, сэр Ортем! — добавил он уже неофициальным тоном, и дружески хлопнул дросселя по плечу.

В здешнем Париже главной достопримечательностью было ровно то же, что и в земном. Именно туда, к башне, Артём и направился, после того, как отметился в гостинице.

«А надо будет — снова пойдём кривым путём».

Но прежде чем пойти бродить по Парижу, Артём позвонил — Марине, Миранде и Глории.

-

— Очень скучаю, Ортем, — Марина и старается выглядеть радостной, и не получается. Что-то всё ещё тревожит её? — Вас всего два дня нет дома, а кажется — что месяц прошёл.

Она сказала это — и отчаянно захотелось туда, в Рим. Сидеть в соседней с ней комнате, читать книги — а когда день заканчивается — просто быть рядом. С Ингой замечательно получалось молчать — словно на самом деле оба говорят, и рассказывают о себе очень и очень много. И когда её подолгу не было рядом, возникало подобное чувство тоски. Уже не важно, игра это или нет, симуляция или реальность. Есть человек, с которым хочется быть рядом.

— Самому домой охота, — признался Артём. — Но пока не знаю, когда вернёмся. Я хотел поговорить с вашими родителями — о вашем детстве. Вы не возражаете?

Марина удивлена. И опять я что-то не то брякнул, подумал Артём, проверил: автоматический переводчик включен, отзывается на команды. Даже потрогал, чтобы убедиться, что он на месте.

— Конечно, поговорите с ними, они будут очень рады. Миранда рассказала мне, — вот чёрт, это же видеосвязь! Конечно, Марина заметила, что он с обеспокоенным видом прикоснулся к чему-то за ухом. — Рассказала, что случилось с вашей рацией и переводчиком. Что вы умеете звонить без рации. Так нечестно, Ортем! Я сама хочу видеть все эти чудеса!

— Не беспокойтесь, Марина, самое интересное я Миранде не показывал, — сумел сказать с достаточно серьёзным видом, чтобы Марина рассмеялась.

— Хорошо, я подожду. У меня для вас есть новости, Ортем. Одна новость, но очень хорошая. Возвращайтесь поскорее, ладно?

— Да, Марина. Берегите себя!

Следующей была Миранда. И тоже запросила видеосвязь.

— Словно год вас не видела, — призналась она. — С вами каждый день — как в сказке. Я не стала Марине всё рассказывать. Сами расскажете, и покажете, да? У вас усталый вид, Ортем. Вы в Париже?

— Точно. Только сегодня дали немного отдыха. Как вы узнали, что я в Париже? — оглянулся, и понял, как: в окно виден силуэт здешней Эйфелевой башни. Миранда, несомненно, её тоже видит. — Всё, вопрос снимается, извините.

Миранда рассмеялась. Как в ту ночь: запрокинув голову, от души. Посерьёзна.

— У меня для вас есть две новости, Ортем. Даже три, на самом деле. Нам нужно поговорить. Вы когда выступаете завтра?

— Не имею права говорить, Миранда.

— Ой, простите! Ну конечно! Тогда не буду отвлекать, Ортем. Отдыхайте. И не забудьте нам рассказать потом, как вам понравился Париж!

Глория тоже захотела видеосвязь.

— Сэр Ортем, мои друзья очень хотят, чтобы вы снова исполнили что-нибудь в Гайд-парке. Если хотите, я пришлю вам расписание всех музыкальных вечеров. Сможете?

— Ваши друзья, Глория?

Она рассмеялась.

— Да-да, и я первая из них. Им всем очень понравилось, как вы пели и выступали в тот раз. Вам обязательно нужно выступить у нас, как можно чаще. Вы позвоните, когда вернётесь в Рим?

— Обязательно, Глория.

— Не буду утомлять вас! Здравствуйте!

...Когда Артём дошёл до башни, то понял, что упоминание важных новостей не даёт покоя. Что могло случиться такого, что нельзя сказать по видеосвязи?

Пропуск — небольшая металлическая на вид пластина — прицеплена к внешней стороне кармана куртки. Рекомендуются держать на виду, но необязательно. Артём недолго колебался, и положил пропуск внутрь кармана. Римляне здесь — частые гости; если Лондон известен чтецами (телефонами) и музыкальными вечерами, то Париж — музеями и театрами. Вот ни в жизнь не скажешь, что на планете война. Может, она и сейчас где-то идёт, но не здесь, не сегодня, не в Париже. Артём огляделся. Множество дверей, а над дверью в бистро, перед которым он остановился, красовалась вывеска с изображением белого единорога. Собственно, заведение так и называется.

-

На удивление, мужчин — а точнее, парней в возрасте лет шестнадцать и старше — здесь было поровну с прекрасным полом. Как минимум, на глаз. Свободных столиков не оказалось, банковская карта оказалась в ходу, равно как и зоркмиды — чего, собственно, удивляться — и вскоре Артём уже пил кофе. Повышенного внимания к своей персоне не замечал. Возможно, потому, что не смотрел по сторонам.

Кофе и чай на Айуре выращивает одно-единственное хозяйство Лондона. Не успели пока развести обе эти культуры повсеместно — отсюда и высокая цена. Только сейчас Артём понял, что уже привлёк внимание к своей персоне: остальные пили разнообразные коктейли — в том числе и спиртные — хотя со спиртным здесь такая же строгость, как и в Риме. На выходе из военного городка Артёма кратко проинструктировали.

Вот и Париж увидел, подумал Артём, усмехнулся. Вернуться в гостиницу и сесть почитать. Планшет с собой; нести его сам Артём не мог — против правил, во время марша у дросселя при себе — никакой электроники, даже рацию и переводчик необходимо выключать, с дросселем общаются почти исключительно жестами. Но сейчас планшет — в гостинице, так что самое время. Что-то не тянет любоваться красотами Парижа, в другой раз.

— Вы скучаете? — женский голос. Так, надо срочно ретироваться, подумал Артём. Поздно; сразу две девушки подсели к нему, обе с любопытством смотрели на его форму. — Вы из Рима, верно? Хотите, мы покажем вам Париж?

Джентльмен — это мужчина, который, когда приглашает девушку вечером выпить чаю и посмотреть фотоальбомы, угощает её чаем и показывает фотоальбомы, подумал Артём.

— Приятель, тебя ведь спросили, — услышал он другой голос. — Невежливо не отвечать даме, разве ты не знал?

Спортивного вида молодой человек — если можно так говорить о ситуации, когда спортом занимаются все, кроме совсем уж инвалидов.

— Вы правы, мсье. Простите... — Артём повернулся к девушкам.

— Мари, — представилась та, что спрашивала, и улыбнулась Артёму.

— Простите, Мари, но...

— Ты точно не умеешь быть вежливым, — тот самый молодой человек, без дальнейших вступлений, дал Артёму в челюсть. Достаточно сильно, чтобы уронить его с сидения.

Вокруг тут же образовалось свободное место. Драки здесь не то чтобы популярны, но — когда без применения оружия — явление частое. Тот молодой человек ждал, пока Артём поднимется на ноги — ждали, судя по лицам, и все собравшиеся. Кто-то приглушил музыку. Выпил кофе, подумал Артём, поднимаясь на ноги. На этот раз он уклонился от нового удара, и нанёс сопернику встречный в челюсть, если говорить терминами бокса.

Одобрительные хлопки и свист. Чёрт бы всё побрал, подумал Артём, я сегодня славно отдохну. Всё-таки по части рукопашной у нас пока очень слабо, и... В глазах вспыхнуло, и пол стремительно полетел в лицо. Но всё же Артём не отключился — боковым зрением заметил, как ему все делают один и тот же жест — поднимайся!

Накатила злость, как давеча на Арене. По два пуда повисли на каждой руке и ноге; медленно-медленно стали двигаться окружающие, пропали звуки. Артём легко уклонился от пролетающего мимо кулака, придал сопернику дополнительный импульс в ту же сторону и сделал подсечку. Падая, парень смахнул со стоящего рядом столика пару бокалов. Звона и хруста Артём не слышал, но должно быть очень и очень звонко.

Время не торопилось ускоряться. Надо заканчивать с этой потасовкой. Сделать ему болевой? Или как это здесь принято? Парень попробовал вскочить на ноги и замахнуться, но поскользнулся. Артём успел увидеть, как на лицах окружающих возникает ужас — и ясно, почему: парень падал, и ему предстояло с размаху задеть один из стульев, а потом упасть затылком на осколки бокалов.

Даже при ускоренном состоянии времени у Артёма были доли секунды, чтобы придумать, что делать. Свернёт себе шею о стул, или напорется на стекло — итог один. Усилий двигаться требовалось всё больше, но Артём успел сделать три действия: ударом ноги отбросить стул, смахнуть, сколько успел, стекло с пола в сторону и, это пришло в голову неожиданно, рывком выдернуть скатерть с того самого столика и бросить её — на то место, о которое парень должен был удариться затылком.

Время разогналось до прежней скорости. Глухой удар. Судя по тому, что парень почти сразу попробовал усесться — не получилось — худшего удалось избежать.

Артём осознал, что все смотрят на него с невероятным изумлением на лице. А потом... быстро взорвалось одобрительными криками и свистом, его хлопали по плечу и улыбались. Чёрт, сходил незаметно отдохнуть!

— Дайте дорогу. Лейтенант Лонже, — козырнул представитель власти. — Что здесь происходит?

— Мсье... — Артём повернулся в сторону парня — тот смотрел то на стул, то на битое стекло. Похоже, начал понимать, как ему повезло.

— Жан Перье! — к Артёму подбежала та самая девушка, Мари.

— Благодарю вас, Мари. Мсье Перье поскользнулся, и чуть не ударился о стул.

— А скатерть вы специально постелили на этот случай? — иронически осведомился представитель правопорядка, добывая из кармана красную карточку. Артём уже видел такие — ничего хорошего её вручение не сулит.

— Да, мсье Лонже! — Мари схватила Артёма за руку. — Так и было! Он успел отодвинуть стул, и смахнул стекло, и бросил скатерть на пол! Мы все видели!

Быстро поддержало Мари — почти что хором.

— Ваш пропуск, мсье, — лейтенант протянул руку, и Артём положил в его ладонь пропуск.

— Дроссель пятой танковой роты Федерации, — прочёл лейтенант и... широко улыбнулся. И спрятал красную карточку в карман. — Мсье Перье, вы подтверждаете слова мсье Злотникоффа?

— Да, — тот поднялся на ноги. Мари бросилась к нему, помогла — он обнял её, прижимая к себе нетвёрдыми руками. Вот оно что, подумал Артём. — Упал, и всё. Благодарю, — и протянул руку Артёму. Видно было, что этот жест дался Жану Перье непросто.

Под оглушительный свист и аплодисменты они пожали друг другу руки.

— Добро пожаловать в Париж, мсье Злотникофф! — лейтенант вновь козырнул и вернул Артёму пропуск. — Приятного вам отдыха!

Как только лейтенант покинул бистро, Артём понял — до гостиницы он доберётся нескоро. Невозможно было просто так покинуть это заведение, где неожиданно отыскалось столько поклонников.

-

Четверть третьего ночи. Или утра? Артём уселся в постели и понял, что он тут один. Никогда не был настолько рад, что ночью один, подумал Артём. Вчерашняя драка отняла порядком сил. А потом...

Потом он «мерился силушкой» — занимался арм-реслингом — с другими парнями в бистро. Начал с Жана Перье. Со счётом 7:5 победил Жан, и Артём, по совести, был рад поздравить того с победой.

Потом были танцы и песни. Неизбежно нашлась флютня, и на следующие полтора часа Артём стал очень, очень занят и крайне популярен. Что потом? Вспоминается с трудом. Но постепенно вспоминается. Вот теперь можно, наконец, почитать — хоть немного.

Лёгкие шаги со стороны «мест общего пользования». Артём уселся, и понял, что надеялся всё-таки напрасно. Ну хоть имя сразу же вспомнилось. Не Мари, девушка Жана Перье — и на том спасибо. Её подруга, Арлетт Беклин.

— Вы встаёте так рано, Ортем? — она села рядом, положив ладонь на колено Артёма. — Неужели вы оставите меня одну?

— Ни в коем случае, мадемуазель. Чем я могу помочь вашему одиночеству?

Она засмеялась, прижавшись щекой к его плечу.

— Так жаль, что вы сегодня уже уходите. Я понимаю, что приказ. Можно, я ещё немного побуду с вами?

— Чашечку кофе, Арлетт?

Она кивнула.

— И прогулка. Хотя бы небольшая! — взгляд её стал умоляющим. — У вас ведь найдётся пять минут?

...Минут через пять прогулки Арлетт обернулась и взяла его за руки.

— Уйду сейчас, пока ещё могу. Потом уже не смогу, — она обняла его. — Обязательно позвоните, когда вновь приедете в Париж, ладно?

И ушла — не прощаясь. Здесь не принято прощаться, если ждёшь новой встречи.

Половина пятого. И ни в одном глазу. Артём уже подошёл к дверям гостиницы, как его окликнули.

— И вам тоже не спится, сэр Ортем? Можно с вами?

Миранда. Собственной улыбающейся персоной.

-

Кофе он заказал в номер. Пятнадцать зоркмидов за чашку, если что. Артём уже знал, что Миранда его очень любит, но вряд ли может позволить себе пить каждый день.

— Давайте вначале о главном, — Миранда, умывшись и сняв плащ, стала выглядеть едва ли не бодрее самого Артёма. — Вы сядьте, пожалуйста, сядьте.

Артём сел на кровать — Миранда присела рядом.

— Марина ждёт ребёнка, — посмотрела она ему в глаза. — Мальчик, — и улыбнулась.

Артём не сразу осознал, что ему только что сказали. Миранда внимательно следила за выражением его лица и... расхохоталась.

— Точно, как в книгах — сначала как будто не понимаете, потом пугаетесь, и только потом что-то ещё. Я не должна была говорить этого, сэр Ортем. Марина сказала мне — скажешь, если решишь, что нужно.

— Это замечательно, — Артём и сам не знал, что сказать — мыслей возникло сразу много и побежали они все в разные стороны. — Чем я могу помочь?

— Возвращайтесь из похода сразу к нам, — посерьёзнела Миранда. — С ней всё хорошо. Доктор Ливси её обследовал — не привлекая внимания. Вы понимаете, что пока не окончился тот месяц, Марина не будет объявлять. Так положено.

Артём кивнул.

— Тогда зачем вы мне сказали?

— Ну, хотела посмотреть на вашу реакцию. Она мне понравилась. Я беспокоюсь, Ортем. Очень беспокоюсь за Марину. Нет, не за её здоровье. Что-то происходит с Лилией, и мне не нравится, что. Лилия пока не знает — Марина настояла. И вы не говорите никому, пожалуйста. Особенно ей.

— Понял. Что такого случилось, что вы сами приехали?

— Мы были с ней в библиотеке, Ортем. С Мариной. Повторили опыты. Я сама очень испугалась; если бы знала, как испугается Марина — даже и пробовать не стала бы. Я о самом главном скажу. Когда Марина без переводчика, ну, когда он выключен, и двери в ту комнату закрыты, она как будто забывает все языки. Кроме нашего родного, каталонского. Понимаете?

— Ясно, — мысли вновь помчались в разные стороны, Артём явственно ощутил, что взмок. Два человека, два переводчика и клетка Фарадея. — Скажите, переводчик должен быть включен, чтобы человека учить языку? Ну, как вас в школе учили?

— Выключен. Главное, чтобы он был. Тут важно повторять и слышать ровно то, что тебе говорят. Он всё равно запоминает, и что-то в мозг передаёт, даже если не переводит автоматом.

— Скажите, а вы сама можете научить её языкам? Ну, как в школе? Два человека, два переводчика и клетка.

Миранду как громом поразило.

— Точно-точно, — она взяла Артёма за руку. — Она что-то говорила, про свои ощущения, когда её учили тогда. Отличная мысль! Я обязательно проверю, как только вернусь. И ещё. Ортем, Лилия будет напрашиваться к вам. Вы поняли, о чём я?

Артём усмехнулся.

— Нечего усмехаться! Вы не любите сплетен, я знаю. Я сама не люблю. Что-то с ней опять случилось, что-то плохое. Она опять что-то выдумала, какую-то авантюру, и мне не

нравится, что она старается постоянно быть рядом с Мариной.

— Я понял вас. А вы сами, Миранда?

Она поморгала.

— Простите?

— Марина ждёт ребёнка. А вы?

Миранда улыбнулась.

— Я — нет. Пока что. Но я работаю над этим, вы же знаете, — и снова расхохоталась, взяв Артёма за руки. — Она хозяйка, не я. Только если у хозяйки не получается... понимаете?

Артём приложил все усилия, чтобы не смутиться.

— Вы точно оба с других планет, — Миранда привлекла его к себе, и поцеловала в щёку. — Придётся за вами присматривать. Ортем, я пойду сейчас. Сил нет уходить от вас, но так нельзя. Я не могу на бегу, украдкой, да ещё когда дома такое творится.

— Скажите простыми словами — вы хотите, чтобы я держал Лилию на расстоянии?

— Не отнимайте у женщины счастья, — Миранда поджала губы. — Вам решать. Это моё предположение, что она при каждом удобном случае постарается остаться с вами. Просто скажите мне потом, правильно ли я угадала. Подробности мне не нужны.

Она встала, встал и Артём, держа её за руки.

— Не прощайтесь, — шепнула она. — Иначе не увидимся. Знаю, знаю, суеверие, но так положено.

-

Должно быть, что-то новое появилось в выражении лица, раз сэр Джеймс заговорил. С дросселем обычно не говорят перед походом, только после — но командиров это суеверие не касается.

— Добрые новости из дома, сэр Ортем?

— Так точно, сэр. Неожиданные, если честно.

Сэр Джеймс улыбнулся во весь рот и похлопал по плечу.

— Они придают сил, я знаю. Сегодня и завтра придётся потрудиться. Не забывайте, если только устали — сразу давайте знать, — и протянул конверт с графиком маршрута. — Будем обследовать дикие территории, поэтому — повышенная осторожность. Ну, в добрый путь!

-

Зонды разведки летают над поверхностью планеты сложными маршрутами, нерегулярно. Летают и спутники: их производство и обслуживание чрезвычайно дорогостоящее, специалистов по управлению этим всем мало, обучение кадров — задача долгая. Это язык можно «внедрить» при помощи переводчика, и то потом рекомендуется как минимум год упражняться — чтобы знание закрепилось, не исчезло так же внезапно, как и появилось. С техническими знаниями сложнее — хорошо, осталось множество лекций и учебников, а выжившие после катаклизма специалисты успели и лекции записать, и обучить — и то потребовалось пять веков, чтобы отчасти восстановить утраченное знание. Главное — люди, без них знание мертво.

Главная задача — исследовать все недра планеты, где засела нечисть, и окончательно избавиться от неё — так и не решена. То, что болталось на орбите, тщательно уничтожили, но и без поддержки из космоса нечисть всё ещё властвует в большей части подземного мира. Как выглядит подземный мир, Артём уже отчасти знает: прошёл инструктаж — о том, что

такое нечисть, в каких формах известна, как противостоять. Этому здесь учат с младых ногтей, кто не усвоил — не выживет.

Дикие земли начинаются относительно близко к Парижу. От Рима надо отойти как минимум на двадцать стадий, чтобы стало в целом небезопасно путешествовать без охраны, а здесь всего-то пять-шесть стадий. Отвоёвывать пространство даётся нелегко.

Артём быстро вернулся в ритм работы дресселя — поход, пауза, краткий отдых — поход, поход, поход, затем краткий сон — и вновь к работе.

-

Дикие земли и впрямь дикие, хотя на вид очень похожи — леса на Айуре однообразны, растительных форм жизни уцелело не очень много. Главное, чтобы были ровные, без провалов, дороги — по ним дрессель пройдёт так же, как и сквозь чащу, но зато сумеет остановиться в любой момент. Артём начал понимать, почему пока ни разу не ходил сквозь чащу. Оказывается, есть отдельные курсы для дресселей. Артёму пока что нужно привыкнуть к темпу, к образу жизни, к обязанностям. Потом будут и курсы.

Однако по океану и над пустотой дрессели ходить и водить не в состоянии. И то верно: а ну как придётся срочно остановиться? Что тогда? В принципе, сказал сэр Джеймс, некоторые дрессели умели пересекать относительно небольшие водоёмы по поверхности воды — ни сами не тонули, ни их сопровождение. Но вот что-то другое — дрессель обязательно должен стоять на поверхности, чувствовать её. Скользить, сидя в дилижансе, не получится — пока что ни у кого не получалось. «Скользит» только то, что под ногами, на что опираешься.

По сути, «дикие» поселения были городками — то есть, деревнями в их подлинном смысле. Ещё лет тридцать назад дикие упорно отказывались от всяких контактов с городами — и их поселения постепенно исчезали с карт: прорывы нечисти удавалось пережить не всем. Когда «дикие» это поняли, то стали благосклоннее относиться к предложениям помощи. Как минимум, к созданию сигнального периметра и установке оцепления из танков.

По обрывкам разговоров — Артём наблюдал, как в таком оцеплении проводят техническое обслуживание танков — стало понятно, что дикие не приняли города именно из-за танков: технологии, помогающие уничтожать и отпугивать нечисть, созданы были на основе неё самой, в танках есть управляющие элементы, содержащие модифицированные клетки нечисти. Из-за этого и возникли разногласия — «дикие» не считали возможным использовать нечисть даже в таком виде. Увы, платить за подобную неприязнь пришлось очень и очень дорого.

Внутри поселений впускали только командира и техников; как живут дикие, узнать можно только по видеозаписям. Тем более, что дресселей там тоже не жаловали. Почему — было бы интересно выяснить. О «диких» нет достоверных данных — карты Айура не очень точны, когда речь о человеческих поселениях. Неизвестно даже, сколько всего их было.

Пока специалисты посещали очередную «деревню», Артём, в компании остальной роты, пользовался возможностью отдохнуть. Других занятий всё равно не предполагалось. День прошёл, и следующий, а затем сэр Джеймс приказал следовать в Венецию.

— Обожаю этот город, — сказал сэр Джеймс задумчиво, когда выдал Артёму пропуск, и сам вышел следом из военного городка. — Никогда не получается побродить по нему подольше. Завтра выступаем в семь тридцать утра, сэр Ортем. Приятного отдыха!

В отличие от земного оригинала, здешняя Венеция была городом исключительно

сухопутным — если не считать семи небольших искусственных озёр. Не пойду ни в какие заведения, подумал Артём, останусь в гостинице. Почитать, наконец. Ни Интернета, ни игр не хотелось — страшно хотелось почитать какую-нибудь книгу, необязательно развлекательную.

— Марина сияла — такой довольной Артём её не видел.

— Теперь для вас есть две новости, — пояснила она. — Обе очень хорошие. Но расскажу, когда вы вернётесь. Можно попросить вас сделать фото Венеции, если вы не очень устали?

— Да, конечно, — кивнул Артём. — Вечерние фото вас устроят?

Марину кивнула.

— Они даже красивее, насколько я знаю. И — возвращайтесь поскорее, хорошо?

Следующей по списку была Миранда.

— У нас всё замечательно! — заявила она, улыбаясь. — Ваша идея была отличной, Ортем! Ну, — понизила она голос, — про то, чтобы снова выучить языки. Пока всё, остальное сами увидите, когда приедете. Мы уже знаем про Париж, про драку в кафе. Так что теперь вы настоящий дроссель — всё сделали, что положено!

Артём посмеялся вместе с ней. Когда закончил звонить всем, кому собирался, настроение оказалось совсем хорошим. Собственно, почему бы не пойти и не прогуляться, сделать фото — а потом поужинать в гостинице? Ужин можно заказать в номер — избежать неожиданных новых знакомств. Поход, если честно, успел утомить.

Артём успел обойти всю Венецию — наименьший из городов Федерации. Снимков сделал — за две сотни, Марина будет довольна. Стоял у берега крупнейшего озера — место отдыха горожан. Купаться здесь не возбраняется, правда — только в светлое время суток.

Чудный, свежий воздух. В озёрах морская вода — не настоящая, конечно, никто не будет её привозить. Создаётся искусственно, но в смысле пользы для здоровья ровно такая же. Репликаторы — замечательные машины. Правда, сейчас на них научились создавать меньше сотой процента того, что они могут — хорошо хоть, что в ту сотую входят сами репликаторы, то есть их компоненты. Благодаря им люди и живут как в сказке — всё основное, включая пусть синтетическую, но вполне годную и полезную пищу — можно реплицировать, создавать из произвольного исходного вещества.

При всём при том люди предпочитают ходить туда, где за еду нужно платить — туда, где её выращивают, готовят — словом, как в добрые старые времена. Надо бы ещё разобраться с деньгами: они есть исключительно в виде банковского счёта, а монеты — это всего лишь банковские карты на предъявителя, с фиксированной суммой. Когда их сбрасываешь в приёмное устройство, сумма зачисляется на счёт получающего, а сама монета разрушается, превращается в пластиковую крошку — из которой платёжный автомат может создать новую монету. Изящно и просто. Но вот чем эти деньги обеспечены, кто и за что их начисляет — с этим пока не разобрался.

— Сэр Ортем? Можно к вам присоединиться?

Артём обернулся. Миранда была права. Рядом стояла, улыбаясь, Лилия. Одета уже не в военную безликую форму — нет, по последней римской моде: и платье, и тонкие брюки под ним выглядят роскошно, даже при скудном лунном свете.

— Всё-таки вы умеете улыбаться, — не удержался Артём. Лилия рассмеялась.

— Умею. Когда есть повод. Угостите даму кофе?

— С удовольствием, — Артём сделал всё, чтобы скрыть подлинные чувства. Почитал, ага. С другой стороны, сам ведь сказал — что ни делается, всё к лучшему.

-

Половина четвёртого утра. Артём уселся — ночник сразу отреагировал, стал чуть ярче. Лилия рядом — спиной к Артёму. Единственная из всех, кто просыпался с ним утром в одной постели, одна спит спиной к нему.

Артём не удержался, провёл осторожно ладонью по её спине. Никакой реакции. То есть совсем — не обратила внимания. По её словам, в Венецию она попала, выполняя поручение Марины — они с Мирандой поставили дому Тибр множество эскизов новых украшений, предыдущие уже начали приносить хорошую прибыль, и теперь потребовались компоненты будущих новых моделей — разнообразные природного происхождения камни, другие материалы. Пришлось поехать. Очень точно она выбрала маршрут, при том, что никому из гражданских он неизвестен.

Артём провёл ладонью ещё раз и вздрогнул. Рука посередине спины попала во что-то влажное — поднёс ближе к лицу — покрыта слабо светящейся, зеленоватой слизью. Без запаха; слизь, казалось, шевелилась на ладони.

Артём сам не помнил, как отпрыгнул на добрых три метра от кровати — притом, беззвучно. То, что казалось Лилией, уселось в кровати и повернулось к нему лицом. Так выглядит человек, на которого напал «пожиратель» — самая распространённая форма нечисти. Отлично маскируется — на глаз её невозможно заметить, пока она не переходит в активную фазу, трансформируя человека в хищную, ненасытную биомассу, поглощающую всю органику, преобразующую её в саму себя — строительный материал нечисти, все её формы возникают из биомассы.

Без паники — контакт с нечистью, если только человеку не нанесли ранений, несовместимых с жизнью, давно уже не означает смертного приговора. Сейчас главное — выбраться наружу и поднять тревогу.

Стоп. Датчики. Пусть даже выведены из строя датчики в комнатах гостиницы, датчики в снаряжении всегда в строю и действуют на значительном расстоянии. Не отводя взгляда от жуткого существа на постели — оно в любой момент может прыгнуть, но пока что оно человек, и не слишком проворное — Артём поднёс ладонь ближе к своей одежде, и датчики опять ничего не показали.

Пауза в восприятии — Артём осознал, что стоит, глядя на совершенно чистую и пустую ладонь, а Лилия сидит на кровати, удивлённо глядя на него.

— Что случилось, сэр Ортем? Дурной сон?

— Похоже на то, — он вернулся на постель, и протянул к Лилии ладонь. Она мягко поймала его руку за локоть.

— Пожалуйста, не надо. Я больше не могу. Не думала, что такое возможно, — она отвернулась, пряча улыбку. — Только усмехаться не надо, ладно? — Вернулась Несмеяна, подумал Артём. Ладно, подъём.

— Составите компанию? У меня есть ещё время выпить кофе, и погулять на свежем воздухе.

Лилия кивнула. Сейчас заметил, что она подтянула к себе одеяло, прикрылась им.

— У вас есть что-то, что я ещё не видел? — не удержался Артём. И вновь пропала царевна Несмеяна, а явившаяся «другая» Лилия схватила подушку, и кинула в Артёма —

метко, пусть даже он успел уклониться.

— Ночью — смотрите, сэр Ортем. Ночь вся ваша, но только ночь. Может у меня быть такой каприз?

— Как скажете, — он кивнул, и закончил одеваться, повернувшись к ней спиной.

-

Они стояли у того самого озера. Через три часа здесь начнут появляться первые туристы, желающие искупаться в полезной для здоровья воде. Вчера прочёл на табличках, что вода не просто морская — она разная в разных озёрах, и по-разному действует на людей. Но каждое озеро, помимо прочего, целебное.

— Вы и правда приносите удачу, — Лилия держала его за руку. — Не хочу отпускать. Извините, если произвела вначале дурное впечатление. Вы правы, нужно чаще улыбаться. Передать ли мне что-нибудь домой, в Рим?

— Фотографии, — он протянул ей карту памяти. И саму камеру, и сменные блоки памяти он приобрёл здесь же, в Венеции. На всякий случай сделал копию карты себе самому — уже привычка, въелась со времён работы с компьютерами: никогда не хранить ничто важное в единственном экземпляре. — Марина просила прислать ей виды Венеции. Вы когда возвращаетесь?

— Сегодня я должна посетить Париж и Лиссабон. Сегодня вечером или завтра утром, сэр Ортем.

— На словах — скучаю, расскажу много интересного, вернусь при первой возможности.

Она улыбнулась, убрала карту памяти в карман и, не прощаясь, направилась быстрым шагом в сторону шлюза — туда, куда прибудет очередная колонна.

Артём дождался, когда она отойдёт подальше, и вызвал Миранду. Указал, что видеосвязь нежелательна. Она ответила почти сразу.

— Доброго утра, сэр Ортем. Чем я могу помочь вам?

— Простите за ранний звонок, Миранда. Вы одна сейчас?

— Какие у вас интересные вопросы, Ортем, — понятно, что Миранда сейчас ехидно улыбается.

— Всё понял. Сейчас вы тоже поймёте. Вы были правы насчёт Лилии.

Пауза.

— Лучше бы я ошиблась, — ровный голос. Миранда встревожена. — Благодарю, что сказали. Когда она возвращается домой?

— Сказала, что сегодня вечером. Скажите, вы давали ей поручения в Венецию?

— Только в Париже и Лиссабоне, Ортем. Не беспокойтесь, до вашего возвращения никто ничего не узнает, но просьба — если будете ей звонить, не интересуйтесь её маршрутом, хорошо?

— Вас понял, — чуть не попрощался, по привычке. Умница Миранда — сама прекратила звонок.

Что-то дома явно не в порядке. И эта внезапная страсть со стороны Лилии — то она и упор его не замечала, избегала при каждом поводе — и такое резкое изменение. При том, что та неприятность с её здоровьем прошла буквально за пару дней, потом — никакого постороннего запаха. Ладно, не сейчас, со всеми интригами буду разбираться дома. На Миранду уже можно положиться, это понятно.

Настроение, вопреки всему услышанному, стало совсем хорошим. Остаток времени до отправления Артём ходил по просыпающейся Венеции — делал фотографии. Много.

Венеция — одно из красивейших мест на планете.

— ...Ещё через три дня Артём привёл колонну назад, в Рим. Не только свою роту — две сотни гражданских дилижансов. Сэр Джеймс сомневался вначале, стоит ли брать так много — но выяснилось, что чрезмерной нагрузки это не составило. Путь от Парижа до Рима проделали очень быстро — на десять минут быстрее ожидаемого, пришлось даже остановиться в десятке стадий, чтобы им освободили перрон.

— Благодарю за службу, — сэр Джеймс доволен, вон как улыбается. — Следующие три дня вы свободны, плановых походов не назначено. Мой поклон вашей хозяйке и вашему дому! — добавил он, уже сопроводив Артёма за ворота военного городка. — За Париж не беспокойтесь. У нас там всякий раз с кем-нибудь, да случается. Можно сказать, традиция. Здравствуйте!

Все трое — Марина, Миранда и Лилия — ждали его рядом со входом. Видно было, чего стоит Марине подойти к нему чинно и с достоинством, а не бежать со всех ног.

День 25. Логово [оглавление]

Едва только дверь затворилась за спиной Артёма и Марины, как она обняла его, и долго не отпускала.

— Миранда сказала вам, верно? — она улыбнулась, отпустив его. — Вы уже знаете?

— Да, и очень рад, — Артём, по совести, не осознал ближайших перспектив — в теории все сильны, а вот как до практики доходит... — Признаться, к такому невозможно быть готовым.

Она покивала.

— Вы ещё не знаете всех обычаев, Артём, поэтому я скажу. Имя положено выбирать, только когда вы видите человека, которому нужно имя. Понимаете?

— Понимаю, — она присела на краешек дивана и жестом указала — садьте рядом. — Не получилось пока что поговорить с вашими родителями, Марина. Разве что будет остановка в Париже, или больше, чем три дня выходных.

Она помотала головой.

— Больше не дают. Даже два дают не очень часто — наверное, сэр Джеймс постарался, чтобы не перегружать вас. У вас беспокойная жизнь теперь, привыкайте. Мама с папой тоже всё понимают — будете в Париже, зайдите. И ещё, — она взяла со стола книгу. — Эту я никогда ещё не видела, — пояснила она. — Хотела, чтобы вы знали. Откройте её на любой странице, Ортем.

Он открыл. Книга оказалась сборником рассказов Поля Бенье — известный, как потом ему пояснили, писатель детективов Айура. Перевод на латинский. Переводчик услужливо показывал Артёму русский текст, хотя теперь он настроил аппарат так, чтобы понимать, что идёт перевод. Марина начала читать — сразу и без запинки; читала красиво, было видно, что ей нравится. Через две страницы она остановилась и вернула книгу Артёму.

— Замечательно! — ему и в самом деле понравилось. — Вы прекрасно читаете, мне нравится.

Марина улыбнулась и отвела взгляд — почти сразу же посмотрела ему в глаза.

— Теперь я могу сказать. Я не умела читать, сэр Ортем. Только вчера поняла, что теперь умею.

Сказать, что Артём удивился — ничего не сказать.

— Простите, не поверю. Вы же вели дела у Инес! Весь её учёт, следили за всеми

торговыми операциями!

Она кивнула, всё ещё не глядя в глаза ему.

— Я запоминала. Не знаю, как это случилось, я просто начала всё запоминать, как картинку. Просила кого-нибудь прочесть мне, чтобы знать, что и где написано. Извините, я не могла сказать этого раньше.

До Артёма стало доходить.

— Вы стеснялись? Но почему не попросили помочь? Миранда с удовольствием помогла бы, и вопросов не задавала.

— Не могла! — практически крикнула она, но взяла себя в руки. Слёзы навернулись на её глаза. — Это очень стыдно, сэр Ортем. Никто не смеётся, если у вас что-то со здоровьем. Сейчас всё можно починить. Заменить руку или ногу, глаза, исправить лицо, что угодно. Но быть неграмотным — это ужасно стыдно. Меня учили, но становилось только хуже. Я ничего не помнила. Только рядом с Лилией или Мирандой что-то могла припомнить. Я даже просила проверить переводчик, но кто-то из детей услышал, всем рассказал потом. Это обычная отговорка, если кто-то ленится учить язык — переводчик не работает. Вы ведь не жили в приюте, да? Тогда вы не знаете, что это такое, когда тебя считают неграмотной.

— Потом вы поняли, что можете всё запоминать — и просто запоминали? Что означают какие фразы?

Она кивнула, вытерла слёзы.

— Там, четыре дня назад, в библиотеке. Я почувствовала себя, как там, в приюте, когда Лилия начала учить меня, и первая поняла, что я не могу ничему научиться. Она одна надо мной не смеялась тогда. Может, поэтому я её всегда слушаюсь... слушалась. А потом Миранда сама начала учить меня. Вы не представляете, как это прекрасно — когда понимаешь, что умеешь читать и понимать! Без переводчика!

Она бросилась к нему в объятия. Артёму пришлось долго ждать, пока она успокоится.

— Этого вы боялись, верно? Что я узнаю, что на самом деле вы неграмотная, и прогоню.

Она кивнула.

— Что ж, я сам признаюсь. Миранда уже знает, другие — нет. Я знаю только русский, и тот доктор Ливси назвал архаичным. Наверное, смогу понимать и немного говорить по-английски. И совершенно не умею читать и понимать на остальном. Почему всё это понимаю — загадка.

Она снова обняла его.

— Миранда вас научит, — пообещала она. — Я так рада, слов нет. Рада, что сумела сказать. Я теперь читаю, и не могу остановиться — это так интересно! Я по-прежнему всё умею запоминать, но читать самой интереснее. Миранда будет учить меня и дальше, как тогда, в приюте. Благодарю вас, ведь это вы придумали!

Это верно, подумал Артём. Верно то, что читать — это интересно. Он сам научился, практически тайком от родителей, читать ещё в четыре года, а к семи успел прочитать все те книги, которые сам мог снять с полки. Не только детские, конечно. И помнил то самое чувство — понимать, когда закорючки на бумаге превращаются в слова, в образы, в фантазию.

...Вечером, уже после того, как все в доме слышали рассказ про события в Париже, и уговорили Артёма исполнить несколько песен — Марина проводила его за собой, в студию — показала свою картину. Новую, сегодня только начала. Несомненно, по мотивам фотографий Венеции, которые Артём передал с Лилией.

— Очень красиво, — признался Артём. — Столько подробностей... Это для новых украшений?

Марина кивнула.

— Завтра я закончу подробный отчёт. С того момента, как мы начали работать с домом Тибр, они заплатили нам восемнадцать тысяч, это наша доля прибыли.

Артём присвистнул.

— Ничего себе, — пояснил он на словах. — Здорово! Всё-таки не зря вы с Мирандой любили рисовать. Всё пригодилось.

Марина с улыбкой покивала. Взяла Артёма за руки и снова отвела взгляд.

— Вы знаете, что я просила Миранду не говорить Лилии... вы понимаете, о чём. У меня как раз должны были быть...

Артём кивнул. Ни одна знакомая ему девушка никогда не произносила слово «месячные» в его присутствии. Только иносказаниями. На Айуре, похоже, ровно то же самое.

— Я вас понял. Дни, когда хозяйка спит отдельно. Наверное, у вас есть для этого особое слово — просто скажите мне его. Смеяться не буду.

— Благодарю, Ортем! — она обняла его. — С вами так легко. Да, это. Но если я останусь с вами... не смогу удержаться. Доктор тоже попросил хотя бы сегодня воздержаться — по возможности. Не подумайте, что я вас прогоняю!

— Не беспокойтесь, — Артём погладил её по голове. — Раз нужна пока конспирация, пусть будет конспирация. Пойду прогуляюсь, вечер сегодня приятный. А завтра сам сяду учиться, с Мирандой. Доброй ночи!

-

Миранда нагнала его, когда Артём уже подходил к Колизею.

— От меня не уйти, — сказала она, поймав его за руку. — И почему снова Колизей? Вам так снова хочется повторить то видение?

— Я хочу понять, что происходит, — Артём остановился у спуска. — Помните, в тот раз мы оказались в вашей комнате?

— Я бы там с радостью оказалась ещё раз, — Миранда поёжилась. — Что-то мне немного не по себе.

— Миранда, что вы знаете о дросселях? В школе о них ведь говорили?

Миранда покачала головой.

— Что все знают. Что дроссели умеют скользить, что могут вести с собой людей и технику, очень быстро. Что поначалу скользить бывает очень страшно — голова может закружиться, равновесие можно потерять. Но после первого раза все привыкают.

— Но мы оказались в запертой комнате, на втором этаже. Это тоже нормально?

Миранда потёрла лоб.

— Не знаю, Ортем. У всех дросселей свои странности, все скользят по-своему. Может, для вас это нормально.

— К тому же вы сами хотели испытать это ещё раз, — Артём указал кивком вниз. — Посидим немного?

...Ночь выдалась тёплой. И практически безветренной — и воздух свежий, хотя совсем недавно был горячим. Чудеса, да и только!

— Лилия вначале меня учила, — Миранда сидела рядом, прямо на камне арены. — Но со мной как-то быстро получилось. Два дня — и свободна, я уже хорошо говорила на латыни

и понимала без переводчика.

— Получается, Лилия родом из ваших мест?

Миранда кивнула.

— Сейчас в Каталонии нет ни одного города, даже маленького. Невозможно было оборонять — половина людей перебралась в Лиссабон, половина — в Рим. Но мы всё помним, родители рассказывали нам, а им — их родители. И мы, все трое, мечтали, что когда-нибудь снова появится Барселона, и мы там все будем жить. Здорово, да?

— Будет здорово, — согласился Артём. — Миранда, а что вы знаете о Земле?

Она не удивилась.

— Знаем, что оттуда когда-то прилетели колонисты, которые обустроили Айур. На этой планете была когда-то разумная жизнь, до людей — нашли много разрушенных построек, странных предметов. Но никаких костей, или ещё чего-то. Планета с пригодным воздухом, и практически безо всякой жизни — представляете?

— А где Земля, то есть её Солнце, на небе, вы знаете?

— Все знают. Вон там, — указала Миранда. — Видите, красная и жёлтая полосы, туманности? Если лететь между ними, где-то там будет Земля. Очень далеко. Семьдесят с чем-то тысяч световых лет. Почему прилетели именно сюда, никто уже не знает.

— Земля помогала Айуру, когда прилетела нечисть?

Миранда помотала головой.

— Станции дальней связи погибли первыми. Нечисть хорошо маскируется от наших радаров. Маскировалась. А потом — наверное, не смогли восстановить дальнюю связь. Может, Земля до сих пор не знает, что с нами случилось. У нас много книг о Земле — хотите, я найду их вам?

— Да, конечно... — Артём заметил, как изменилось выражение лица Миранды и, прежде чем видение накрыло его с головой, успел прикоснуться к часам — запомнил момент времени.

...Небольшая комната, и в ней трое девочек. Долговязая, самая тощая и высокая — это Лилия. Остальные две — Марина и Миранда. И гадать не нужно, где они — в этой комнате Артём побывал, там всё осталось прежним — включая обои.

Вот это точно походило на компьютерную игру — стоило мысленно сдвинуться, скажем, влево — сдвигался, и никто из людей в комнате его не замечал. И отчётливый такой «рыбий глаз» — всё, что дальше от точки, на которую смотришь, искажается и растягивается, чем дальше — тем сильнее.

— Вон там, за морем, — указала Марина. — Поплывём туда, когда Айур снова будет наш, и заново построим все города. Я буду жить в Барселоне, а вы?

— И я буду, — ответила Миранда. Занятно звучат их детские голоса — узнаваемо, но забавно.

— Лилия, а ты?

— А я пока не мечтаю. Давно уже нет Барселоны, и когда ещё построят!

— Вот всегда ты всё портишь, — Миранда смотрит на Лилию поджав губы. — Ну помечтай хоть иногда.

— Вот вы и мечтайте. А я буду в настоящем мире, чтобы было кому вас спасать.

Артём обнаружил, что сидит, тяжело дыша, на каменном полу арены, и Миранда держит его за руку.

— Вы что-то видели? — спросила она тихо. — Вы что-то говорили, но я не смогла

понять.

— «Я буду жить в Барселоне, а вы?», — повторил Артём и постарался воспроизвести остаток разговора, сохраняя интонации.

— Ничего себе, — прошептала Миранда, крепче сжимая его ладонь. — Я ведь помню тот разговор! Вы даже интонации повторили очень точно! Как такое возможно?!

— Самому интересно, — Артём вновь ощущал прилив сил. Пора домой, подумал он, на сегодня хватит видений. И вспомнилось, неизвестно почему, то жуткое видение в Венеции — пожиратель, почти полностью поглотивший человека; ладонь, испачканная в слизи, и тишина, бьющая в виски частым пульсом. А потом накатило — и повлекло куда-то. Всё, что успел понять — что Миранда держит его за руку.

Сухой, жаркий воздух; неприятный запах — Артём такой чуял впервые. Воздух застойный, это чувствуется. Вокруг — большое тёмное помещение.

— Где мы? — прошептала Миранда, и сказала негромко: — Свет!

Свет не вспыхнул, но тьма местами протаяла. Видимо, сработал аварийный источник питания — лампы еле-еле тлеют. Но уже понятно, что люди в анфиладе комнат, и что вокруг всё разбросано, разломано, перепачкано. Но все следы сухие, и никого не видно.

— Мне страшно, — Миранда сжала его ладонь. — Сейчас, сейчас, я справлюсь.

Прошла пара секунд, и Миранда принялась что-то искать на внешней стороне правого рукава куртки Артёма.

— У вас такой точно есть, это стандартное снаряжение. Стойте тихо, — она нашла, что искала: небольшой продолговатый предмет, с палец размером. Артём узнал его — репеллент и токсин против клеток нечисти. Отпугнёт некоторые её формы, и повысит стойкость, даст больше шансов пережить нападение агрессивной формы. Миранда опрыскала Артёма, жестами приказывая ему поворачиваться и двигать руками. Вручила ему баллончик с репеллентом, и Артём повторил её действия.

— У вас была камера? Дайте мне, — Миранда прикрепила камеру снаружи кармана своей куртки. — Может пригодиться. Смотрите, на той стене — карта помещения. Только тихо, ладно?

Они подошли к карте. И сама карта, и стена вокруг испачканы — тёмно-бурым налётом. И ожили датчики на костюме — включили предупреждение. Пока что слышимое только Артёму.

— Я знаю, — шепнула Миранда и добыла откуда-то фонарик — не очень яркий, он не мешал видеть очертания комнаты в скупом освещении, сползавшем со стен. — Нечисть рядом. Мы в каком-то старом убежище, надо найти безопасное место и позвать на помощь. Здесь оставаться нельзя.

Она быстро сориентировалась по карте.

— Вот тут дорога наружу, к шлюзам. Там же должны быть аварийные капсулы. Если хотя бы одна работает, выиграем немного времени. Сейчас выходим отсюда — и налево, Ортем, по красной линии вперёд до конца, потом налево.

— Возьмите меня за левую руку, — попросил Артём Миранду, и достал пистолет. Смешно, конечно — пистолет против недруга, которому нипочём любые механические повреждения. Даже если нечисть растереть в порошок, он сумеет собраться заново в полноценный организм. Только токсины, вирусы или огонь. Раз уж нет с собой танка. Артём взвёл световой излучатель, готовый ослепить всё, что будет смотреть на них.

Они двинулись, стараясь шагать тихо, но эхо всё равно предательски усиливало и разносило звук их шагов. Датчики предупреждали всё громче — враг рядом, и приближается. И почти сразу же зазвучала в голове песня: «Ходы кривые роет подземный умный крот...»

Миранда оглянулась, посветив фонариком, и вздрогнула, накативший на неё ужас Артём почувствовал физически. Но не закричала, не бросилась бежать, почти сразу же взяла себя в руки. Артём тоже оглянулся. Десятки крупных человекообразных силуэтов, приближаются. Очень быстро.

— Стоять! — крикнул Артём. Сам не понял, зачем крикнул. И случилось неожиданное — враг подчинился.

— Они остановились! — голос повинуется Миранде с трудом. — Уходим, пожалуйста, поскорее!

Артёму стоило изрядных усилий отвернуться и продолжить путь. И — первые признаки того, что скольжение вот-вот начнётся: стало тяжелее идти, пол под ногами стал размытым на вид. Слова песни звучали всё громче, и Артём запел её вслух. Что-то мелькнуло впереди — бежит к ним — Артём выстрелил светом, и противник замер на долю секунды — достаточно, чтобы проскочить мимо.

— Там стена! Ортем, стена впереди!

Да, стена. Дорога поднимается под ногами, и вскоре будет тупик. Главное — не видеть, не думать о препятствии.

— Закройте глаза, и не останавливайтесь! — Артём сам закрыл глаза, не удержался — скольжению это не мешает, если закрывать ненадолго. Тьма упала вокруг, стало тяжелее идти — но всё равно можно, пусть вокруг и творится крошечная мгла. Дорога под ногами всё круче, но направляется вверх, к поверхности, и это замечательно!

Он не сразу понял, как они оказались на поверхности. Лес вокруг, скорость движения потрясающая — никогда не скользил так быстро. Через несколько секунд Артём увидел дорогу, мощёную жёлтым кирпичом — она сияла и мигала — сигнал опасности, нечисть рядом.

— Ортем, мы не одни, — Миранда сильнее сжала его ладонь. — Не останавливайтесь! Только не останавливайтесь!

Артём обернулся, и едва не остановился от неожиданности. Огромные, человекообразные силуэты. Они шли за людьми — просто шли, сохраняя дистанцию, не нападая, не издавая звуков. По совести, Артём был рад, что ночь безлунная, что противника не видно в подробностях.

Они пошли по дороге. Считается, что она ядовита для нечисти, но, похоже, при скольжении это не проявляется. Они шли и шли, и Артём стал постепенно возвращать самообладание. Только не останавливаться. Они шли, и чудища шли следом — обычное дело, люди и нечисть решили прогуляться по трассе.

Ожила рация.

— Диспетчер Рима, Ортему Злотникоффу. Сэр Ортем, мы видим вас на радаре, получаем сигнал тревоги. Доложите обстановку и пункт назначения.

— Ортем Риму, у нас чрезвычайная ситуация. С нами идёт нечисть, повторяю, в колонне со мной движется нечисть.

Короткая пауза.

— Рим Ортему, доложите состав колонны, с трассы не сходить, движения не

прекращать.

— Ортем Риму, в колонне я и один гражданский, и...

— Их десять, — Миранда оглянулась. — Похоже, это «титаны».

— ...и десять единиц нечисти, это «титаны».

Вновь пауза.

— Рим Ортему, на связи лорд Стоун. Сэр Ортем, двигайтесь по трассе, не сворачивайте, ждите дальнейших указаний. Вы или гражданский ранены?

— Ортем Риму, никак нет, не ранены, в контакте с нечистью не были, жду дальнейших указаний.

— Они ничего не делают, просто идут вместе с нами, — Миранда снова оглянулась. — Пойте, пожалуйста, не молчите.

Удивительно, но только сейчас заметил — говорил с Римом и скользил одновременно. То есть петь необязательно! Начал петь — и ощутил, что скорость увеличилась.

— Рим Ортему, держите скорость, не ускоряйте темп. Проходите мимо Рима, трасса перед вами свободна.

— Ортем Риму, вас понял, держу скорость, жду дальнейших указаний.

«Глупцы-герои строем бросаются вперёд».

Страх не было. Уже не было. Непонятно, почему «титаны» не атакуют — и почему сумели войти в колонну, ведь это сознательное действие, нужно как минимум идти с той же скоростью, что и дроссель — и шагать с ним в ногу.

«Нормальные герои — всегда наоборот».

Небо выцветало — близится восход. Скоро восток начнёт наливаться пламенем. Выдерживать темп. Не менять скорость. Миранда время от времени оборачивалась, считала — нечисть не отставала, шагала себе и шагала. Метрах в пяти позади людей.

Вскоре стали появляться знакомые уже ориентиры. Вскоре будет поворот на Лиссабон.

— Рим Ортему, — голос лорда Стоуна. — Сейчас будет поворот налево, на другую скоростную трассу. Поворачивайте.

Это легко — трассы строят так, чтобы на скорости движения дросселей удалось успеть заметить начало поворота, и переместиться.

— Рим Ортему, двигайтесь прежним темпом, выдерживайте скорость.

Идти становилось всё труднее — сказывался долгий день, ведь поход завершился только этим утром — или уже утром вчерашнего дня? Но он шёл, а Миранда иногда оглядывалась и кивала — всё в порядке, они не отстают.

Ещё минут через десять на связь вышел другой голос.

— База Корино Ортему, держите курс и скорость. Через полминуты будет поворот налево, переходите по нему.

Есть. Удачно они придумали, делать такие повороты.

— База Корино Ортему. Через две минуты вы войдёте на территорию базы. Темп не сбавлять, не поворачивать. Как только пересекаете белую линию, делаете глубокий вдох, закрываете глаза и прекращаете скольжение. Подтвердите готовность.

— Ортем базе Корино. Как только пересекаем белую линию, делаем глубокий вдох, закрываем глаза и останавливаемся.

Миранда посмотрела ему в лицо, и кивнула.

Остановиться стоило немалых сил — и потребовало всех усилий воли. Почти сразу же их подбросило в воздух — Миранда сильнее сжала его руку — и они полетели, полетели

вниз. Всплеск, упали в воду — как будто в ванну с морской водой, тепло и солёный привкус.
— База Корино Ортему, не пытайтесь всплыть, не боритесь с течением.

Видимо, Миранда тоже расслышала, раз кивнула Артёму. Их понесло неодолимо вниз, уронило в широкую трубу, и — внезапно пол очутился под ногами, яркий свет, и вокруг — десятки людей в костюмах повышенной защиты, у каждого в руке оружие. Чёрные пятна стёкол вместо лиц — скафандры?

— Сэр Ортем, снимайте одежду — бросайте всё в резервуар перед собой.

Часть пола впереди опустилась — получилось овальное углубление, под край залитое опалесцирующей жидкостью.

Раздеться в такой ситуации тоже стоило немалых усилий — Артём старался не смотреть в сторону Миранды, всем собой ощущая, сколько людей держат его под прицелом. Как только он остался в чём мать родила, один из людей перед ним махнул рукой влево.

— Проходите в комнату слева, и выполняйте дальнейшие указания, сэр Ортем.

-

Артём сидел на краешке кровати. Где она находилась, что это за помещение — неясно. Ещё добрых полчаса его держали на операционном столе, водили над ним рамкой сканера. Чисто, ни одной клетки нечисти, ни одной поражённой — гибридной — клетки.

В конце концов он оказался здесь — на вид как обычный гостиничный номер, но всё подчёркнуто белое, аж глаз режет, и тишина. Ни окон, ни дверей — та, что закрылась за ним, не видна, слилась со стеной.

Славно прогулялись, подумал Артём, ощущая, что его начинает бить дрожь. Ему дали лекарства и предупредили, что может быть озноб, и другие симптомы шокового состояния — если что, врач сам вмешается. То есть, за мной наблюдают, подумал Артём.

Он не заметил, как в комнате оказалась и Миранда. Она молча бросилась к нему, и обняла. Её тоже била дрожь.

— Давайте под одеяло, — шепнула она. — И погасим свет. Не переносу, когда за мной наблюдают.

Уже в темноте, если не считать пары ночников и дежурного освещения у входа в санузел, она прижалась к нему. Дрожь понемногу отпускала.

— Никогда мне не было так страшно, — шепнула Миранда, обнимая его крепче. — Расскажите мне сказку.

— Что? — Артём подумал, что ослышался.

— Сказку. Вам же мама рассказывала, да? Любую. Хочу слышать ваш голос. И чтобы был счастливый конец, ладно?

Артём отчего-то вспомнил сказку о рыбаке и рыбке — не такой уж там счастливый конец, если что — и не заметил, когда Миранда уснула. Где-то посередине рассказа. Он едва успел закончить сказку — и уснул сам.

И во второй уже раз, вопреки всему, снилось что-то приятное. Хотя Артём и не запомнил, что именно.

День 26. Всеобщая грамотность [оглавление]

Артём проснулся оттого, что его гладили по голове. Открыл глаза — Миранда, и, похоже, это она натянула одеяло поверх голов. У изголовья горят ночники — так что видно, хоть и смутно.

— Как только увидят, что проснулись, покой кончится, — шепнула она. — Мне сейчас очень хорошо. Просто полежать вот так, хоть минутку. Постарайтесь не шевелиться.

Артём прикрыл глаза. Миранда продолжала гладить его по голове, что-то едва слышно напевая. По-каталонски, как понял Артём. И сжала его ладонь.

— Всё, пора подниматься, иначе нас придут и разбудят, — сказала она. — Хочу, чтобы вы знали — если бы знала, что случится, всё равно бы пошла с вами в Колизей.

Артём кивнул, и стащил с головы одеяло. Миранда права, как только они уселись, сам собой включился свет и ожил селектор у двери.

— Сэр Ортем, госпожа Красс, ваша одежда в шкафах у входа в санблок. Через пятнадцать минут завтрак, просьба не задерживаться.

— Я же говорила, — шепнула Миранда, и первой убежала в санузел.

-

В одежде сохранилось всё, кроме камеры — у Миранды её тоже не было. Оно и понятно, оперативные записи изъяты. По совести, Артём сомневался, согласился ли бы он смотреть записанное по доброй воле. И вся одежда сухая, вычищенная, как новая. Поразительно бережное отношение.

После завтрака, который им доставили «в номер» (две женщины в военной форме, на лицах — застывшая навеки вежливая улыбка), их вызвали в зал совещаний. Там уже было не протолкнуться. Из знакомых Артёму лиц — лорд Тиберий Стоун, доктор Арчибальд Ливси, сэр Джеймс Батаник, несколько офицеров из военного городка Рима.

— Сэр Злотникофф, — лорд Стоун жестом велел им с Мирандой присесть. — Доложите, со всеми подробностями, о вчерашнем инциденте.

Доклад занял чуть не час. Заботливые люди поставили перед их стульями столик с бутылками воды —годились не один раз. Артём честно рассказал всё, от момента, как пришёл на арену, и до окончания их пути на базе Корино.

— С вами уже случалось подобное, сэр Злотникофф? То, что вы назвали видением?

— Так точно, сэр, и я докладывал сэру Арчибальду Ливси.

Доктор Ливси кивком ответил на взгляд лорда.

— Правильно ли я вас понял, что вы видели подробности событий двух моментов из прошлого?

— Видимо, да, сэр.

— Разрешите доложить, сэр? — подняла руку Миранда, и поднялась на ноги. — Сэр Ортем дважды описывал события из прошлого, в которых я участвовала. Он подробно и без ошибок описал происходившее. Если хотите, допросите госпожу Марину Скайлис, или Лилию Корту, они подтвердят мои слова.

— Благодарю, госпожа Красс, в этом нет необходимости. Прошу садиться. Сэр Злотникофф, правильно ли я понял ваши слова, что «титаны» остановились, когда вы им приказали?

— Так точно, сэр. Возможно, это просто совпадение. Я не уверен, зачем крикнул им «стоять» — возможно, просто от страха.

Лорд Стоун едва заметно улыбнулся.

— Вы запомнили карту, название убежища, в котором находились?

— Я запомнила, сэр, — Миранда вновь встала. — Убежище «Lurus 12A», частично разрушенное, аварийные источники питания менее чем на пяти процентах мощности. На стенах и полу высохшие следы вещества, вероятно — крови, датчики не зафиксировали в них клеток нечисти. Сэр Ортем доставил нас в диспетчерский отсек, он разгромлен, человеческих останков или форм нечисти там не было. Помимо «титанов», я заметила в

группе нечисти внутри убежища несколько единиц «зомби», и, возможно, «крота». Аварийные капсулы у входа заперты изнутри.

Все присутствующие переглянулись с выражением изумления.

— Благодарю вас, госпожа Красс, — на лорда Стоуна её доклад тоже произвёл впечатление. — Вы — лейтенант запаса?

— Так точно, сэр, медсестра, окончила курсы в августе пятьсот двадцать пятого года.

— Благодарю за службу. Сэр Злотникофф, — Артём поднялся на ноги. — Приказ: доставить инженерную роту и технику с базы Корино к месту вашего появления на радаре, присутствовать при начале операции по зачистке убежища на случай экстренной эвакуации. На траверсе Рима к вам присоединится пятая танковая рота. Госпожа Красс, вы приданы колонне сэра Злотникоффа в качестве консультанта и помощника военврача, до окончания операции. Вопросы?

— Никак нет, сэр, — ответили они оба, практически хором.

— Построение через десять минут. Вольно, разойтись.

-

Артём не без удивления заметил, что Миранда быстро, не колеблясь, надевает походную форму и проверяет снаряжение. Словно каждый день это делает.

— Вы не говорили, что лейтенант запаса, — заметил Артём, когда сам закончил экипироваться. Они уже стояли на стартовой площадке — снаружи база Корино кажется огромным пустым пространством. Все её постройки — подземные.

— А вы не спрашивали. Так что не называйте меня больше «гражданской».

— Есть, госпожа лейтенант.

— Вольно, сэр Ортем, — глаза её оставались суровыми, но выражение лица выдавало. — Мы все учимся военному делу, Ортем, и все способны держать оружие. Просто вы ещё не привыкли, да? Заметили, что в инженерных войсках много женщин?

Артём кивнул. Уже да, заметил. И сейчас тому было ещё одно подтверждение.

...Место, где радары зафиксировали появление Артёма на карте — в сорока семи стадиях к юго-юго-западу от соответствующей точки охраняемого периметра Рима. И там нашлось единственное место, примерно в стадию в поперечнике, где окружающая растительность выглядела больной, угнетённой — похоже, запечатанный некогда вход в убежище именно здесь. И действительно, потребовалось всего пять минут разведки зондами, чтобы отыскать замаскированный под естественный рельеф вход — или выход, откуда смотреть.

— Внимание, сэр Ортем, стартовая готовность, — голос сэра Джеймса из рации. — Возможен выброс. В случае атаки отступать к границам Рима и ждать инструкций.

— Вас понял, сэр, стартовая готовность, — ответил Артём. Миранда стояла рядом, на вид — само спокойствие. Танки уже «освещали» замурованный вход, а над ним роились терминаторы — готовые ринуться внутрь и обратить любого противника, что попадёт под излучение, в безобидную грудку органики. Правда, запах у неё тот ещё, несмотря на то, что неопасна.

Вспышка — и дверей в убежище словно и не было никогда. Нечисть словно ждала у входа — столько её попыталось выбежать и вылететь наружу. Прошло несколько неприятных секунд, когда казалось, что некоторые формы вырвутся из оцепления... но нет, снова видно, что люди не первое столетие занимаются чисткой.

Вперёд — внутрь — пошла техника. Люди спустятся внутрь убежища в последнюю

очередь — когда дистанционно всё выжгут, осмотрят, и примут решение, что стало достаточно безопасно.

— В капсулах кто-то был? — спросил Артём, когда сэр Джеймс дал отбой стартовой готовности.

Миранда кивнула.

— Не хочу говорить об этом, Ортем. Ужасная смерть. Почти никому не удалось так спастись — некому было спасать. Если убежище осмотрено, там всегда есть пометки и дата осмотра. Это ни разу не осматривали.

— То есть ему семьсот с чем-то лет, — семь веков не сразу уложились в сознание. Неплохие там аварийные генераторы!

Миранда кивнула.

— Не было времени все изучить. Если убежище запечатано, и изнутри уже не было сигналов — только помечали на карте, чтобы вычистить позже, когда оттеснят дикие земли подальше.

— Сэр Ортем, — сэр Джеймс подошёл лично. — Задание: вернуться в Рим и доставить сюда технику и специалистов. Госпожа Красс, поступаете в распоряжение военврача, задача — помочь в развёртывании временного городка, подготовить средства обеззараживания и диагностики. Вопросы?

— Никак нет, сэр Джеймс, — Миранда тут же направилась к месту строительства городка, а Артём, в сопровождении своей охраны — в Рим.

Словно поход и не прекращался, подумал Артём. Теперь ещё и Миранда при деле. Интересно, надолго её призвали? Вряд ли дома всё встанет, Марина за всем следит, но без Миранды будет труднее. Ладно, это всё пустое. Насколько нужно, настолько и призвали. Такое количество крайне опасных форм нечисти поблизости от поверхности и у границ Рима — повод для немедленных действий.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Забавно, подумал Артём, когда выдалась краткая передышка — доставил строителей, и почти сразу же отправился за другой техникой. Забавно то, что люди и нечисть поменялись местами. На поверхности выжить могут только отдельные, мало опасные формы, наподобие тех «волков». Остальное обнаруживается и беспощадно «прижигается» ближайшими терминаторами в автоматическом режиме. Его с Мирандой и группой нечисти, если бы Артём вздумал остановиться, также встретили бы терминаторы.

Окончилось всё внезапно: сэр Джеймс встретил очередную колонну, и вызвал Артёма и Миранду.

— Сэр Ортем, возвращайтесь в Рим. Предварительно ваше расписание без изменений приказ: Рим не покидать. Госпожа Красс, вы также можете возвращаться в Рим. Благодарю за службу!

— My life for Aiur! — ответил Артём, не очень ожидая такого от самого себя. Миранда повторила фразу — что характерно, переводчик передал её по-английски. Сейчас фраза не казалась ни нелепой, ни неуместной. И сэр Джеймс сам встал по стойке «смирно», и ответил ровно так же. Видно, что этой фразой тут не разбрасываются.

-

Когда они прибыли в Рим, сдали обмундирование и оборудование, был седьмой час вечера.

— Позвоните Марине, — Миранда взяла его за руки. — Потом я поговорю, а потом —

мы вами где-нибудь посидим. Мы заслужили. Расскажем нашим завтра, хорошо?

— О, вы ещё здесь! — доктор Ливси подошёл к ним быстрым шагом. — Моё почтение, госпожа Красс! Я отберу у вас сэра Ортема на пару минут, не возражаете?

— Возражаю, доктор, и вы теперь мой должник!

— Ну, за мной не стоит. Идёмте, сэр Ортем, это быстро.

...В кабинете у доктора Артём назвал имена Арлетт Беклин и Лилии Корту, и доктор покивал, записывая. Чувствую себя породистым жеребцом, подумал Артём. Теперь вопрос, будут ли отправлять, так сказать, для исполнения обязанностей в приказном порядке, или всё как бы само собой будет происходить?

— Что ж, я думаю, вы должны знать, — доктор поправил пенсне. — Полагаюсь на ваше понимание — сообщаю вам исключительно с их согласия. Ингир Мантелла, двойня, оба мальчики. Глория Адсон, мальчик. Госпожа Миранда Красс предохраняется — полагаю, вы уже в курсе. Я могу прислать вам официальную повестку — такого, правда, никогда не было — а могу просто попросить.

— О чём? — Артём не успел ещё прийти в себя от услышанного. Это ж какие алименты будут, мелькнула и угасла глупая мысль.

— Сдать генетический материал. Вы, простите за высокопарность, наша надежда. Сказать, сколько ещё было мужчин с подобной статистикой?

— Сколько?

— Трое с начала новой эры. Вы — четвёртый. Отправлять повестку, или согласитесь добровольно?

— Добровольно, доктор.

— Отлично. Назначаю на послезавтра, на девять утра. Завтра просьба не употреблять спиртного, никаких медикаментов, сегодня и завтра — воздержаться от половых контактов. Вот это, — он протянул лист бумаги, — рекомендуется употреблять в пищу сегодня и завтра.

...Артём позвонил Марине — та уже начинала волноваться, но всё выслушала и заверила, что дома всё хорошо, а подробностей она подождёт.

— Что это за список? — поинтересовалась Миранда, когда Артём добыл ещё раз «меню» от доктора. Они уже сидели в уютном уголке в заведении «Под мостом», и наслаждались чаем. — Шпинат! Фу, какая гадость! Это же невкусно!

— Доктор настоял, — пояснил Артём, и Миранда, вначале оторопев... рассмеялась.

— Понятно. Как он выражается — «сдать генетический материал». И когда?

— Послезавтра в девять.

— Это означает «никаких интимных контактов» до того момента, да? Я ему потом скажу, что я о нём думаю. Я понимаю, конечно, что интересы планеты на первом месте. Знаете что? Будете меня развлекать этой и следующей ночью. Так, чтобы сил ни на что не осталось. Не справитесь — сами будете перед доктором оправдываться, — и она снова рассмеялась. — Простите. Я знаю про госпожу Ингир, и про Глорию. Они сначала мне сказали, потом уже доктору. С вами точно, как в сказке! Ну вот, опять вы усмехаетесь. Если честно, мне это неприятно.

— Это я так смущаюсь, Миранда. К слову о развлечениях. Может, соединить приятное с полезным? Можете начать учить меня языкам — так же, как Марину учили?

Миранда покачала головой.

— И откуда у вас столько сил? Конечно, могу. Идёмте прямо сейчас, пока я не передумала.

—
Миранда озадаченно посмотрела на свои пальцы.

— Слушайте, они опять растаяли! Что за странности?

— Вот, — Артём протянул коробочку с пробирками. Как только уцелели во всей этой катавасии — не понять. — Каждую каплю в отдельную пробирку, пожалуйста. Запасные у меня с собой...

— У меня тоже. Сейчас, сейчас... — Миранда передала ему пробирки, каждая с чёрной каплей внутри. — Сделаем доктору приятное. Помните, что переводчик нельзя включать? — Миранда положила на стол книгу — учебное пособие по латинскому языку, по которому обучают всех детей Рима уже вторую тысячу лет. — Всё, закрываю дверь. Запомните: я показываю на картинку и читаю слово. Вы его повторяете, как слышите. И так дальше. Как только я махну вот так рукой — пауза. Если устали, что-то ещё — машете так же. Начнём?

Первым на картинке было яйцо. Ovis. Странно, но произнести удалось не сразу — устал уже, что ли? Произнёс. Следующей была курица. Gallina. Опять трудно повторить. Миранда явно в недоумении. Она открыла рот...

Раздался дикий, жуткий скрежет — ничего человеческого. Туда вплёлся жуткий хохот — таким обычно озвучивают второсортные фильмы ужасов. Артём отпрянул, упал вместо со стулом. Миранда, побледневшая, вновь что-то сказала — ещё более жуткий, пугающий звук, снова мерещится хохот, и «рябь по экрану» — глаза на долю секунды перестают всё видеть, только обрывки окружающей реальности, мозаика из нарезанных на кусочки фотографий окружающей комнаты. Артём поднялся — жутко заболела голова — и направился к двери — всего-то шагов десять, но из-за спины вновь пришёл этот жуткий звук, и на пару секунд зрение вообще отключилось. Артём наощупь нашёл ключ и открыл дверь, уже почти теряя сознание от головной боли...

Свежо и спокойно, и голова не болит. И дверь нараспашку. И Миранда — бледнее снега, сидит перед ним.

— Ортем? Вы меня слышите? Я вызываю врача!

Артём нащупал на ухе переводчик и содрал его. Стало намного лучше — зрение вернулось в норму.

— Не звоните, — голос едва слышится. — Что с переводчиком? Он исправен?

Миранда трясущимися руками приняла от него крохотный прямоугольник, посмотрела сквозь него на лампу.

— О небеса! Я вам свой выдала, простите! Что с вами было?

Артём, как мог, описал, что было. Миранда уселась на пол, и закрыла лицо ладонями.

— Я правда не хотела, — глухо сказала она. — Не знаю, как получилось. Нам говорили, нельзя брать чужие переводчики, они будут сбивать с толку.

— Миранда, я не сержусь. Ну, ошиблись. Всё хорошо, что хорошо кончается. У вас мои запасные остались? Или лучше свой достать?

Миранда заглянула в коробочку, из которой достала злосчастный переводчик.

— Лучше свой, — сказала она упавшим голосом. — Я уже боюсь снова перепутать. Вы правда хотите попробовать ещё раз? Может, лучше к связисту?

— Попробуем ещё раз. Если хоть что-то не так — то к связисту.

—

Ещё через час Артём сидел и читал, с выключенным переводчиком, книгу на латинском. Первое, что с полки снял. Удивительно, но всё понимал! Не очень понятно, как,

но ведь когда читает по английски, тоже не переводит мысленно каждое слово — просто они понимаются так, как нужно.

Миранда явно не верила тому, что видит.

— Слушайте, так не бывает! Чтобы всего за час, с первого раза! Давайте проверим. Отключите переводчик.

И следующие несколько минут она говорила с ним на чистой латыни, а Артём легко и непринуждённо поддерживал беседу.

— Пора домой, — Миранда спрятала учебник для детей в сумку — с собой принесла, из дому. — Иначе я прямо тут засну. Слишком много впечатлений для одного дня. Пойдёмте пешком, да? И... простите, Артём, но к себе в комнату я вас сегодня не впущу. Только если силой заставите. Иначе я за себя не ручаюсь.

-

Дома Артём первым делом нашёл Марину — та молча обняла его. Слушая, как успокаивается её сердцебиение, Артём подумал — так, наверное, чувствуешь себя, когда возвращаешься домой. По-настоящему, в настоящий дом.

— Отключите переводчик, Марина, — сказал он. Та, с недоумением на лице, повиновалась. И Артём, отключив свой, заговорил с ней на латыни.

— У вас получилось! — Марина в восторге. — Будем учиться у неё, да? По очереди!

— Тогда ваша очередь следующая, — Артём взял её за руки. — Доктор Ливси не советовал мне...

— Уже знаю. Он уже приходил извиняться. Если хотите, я уйду в другую комнату, на ночь.

— Нет, это наш с вами дом, наша с вами комната. Я найду, где переночевать.

-

Миранда открыла дверь в прачечную — охранница подсказала — и обнаружила спящего Артёма там, в кресле, с книгой в руках.

— Сэр Ортем, — осторожно потрясла его за плечо. — Пора вставать. У вас сегодня насыщенная программа.

— Доброго утра, Миранда, — ответил Артём, не открывая глаз. — Который час?

— Половина девятого уже. И в доме полно стирки, которую из-за вас не делают.

— Как из-за меня? — Артём уселся, помотал головой. Вот это устал, называется. Интересно, какое из событий минувшего дня утомило сильнее всего?

— Вы хоть знаете, где спите?

Артём поднялся на ноги и огляделся.

— Чёрт побери!

— Не ругайтесь, ладно? Бегать по парку уже поздно, — Миранда взяла его за руку. — Все смеяться будут. Но не беспокойтесь, прохлаждаться не будете. Я составила для вас хорошую программу.

День 27. Землянин [оглавление]

Артём, просыхая — в буквальном смысле — в буфете Арены, листал свою тетрадь-дневник.

Стало понятнее насчёт денег. Здесь, похоже, воплощена мечта тех, кто искренне считал, что строит коммунизм там, на далёкой во времени и пространстве Земле, в начале двадцатого века. Все эти зарплаты и вознаграждения человеку — мера его социальной значимости. Чем больше пользы приносишь людям — тем больше зоркмидов получаешь.

При этом они постепенно списываются, так что копить без счёта не получится; кроме того, нет возможности их завещать — так что жить в лености на заработанное богатым родственником не так уж и просто. Конечно, есть обходные пути — уговорить родственника перечислить тебе сумму, но действует и второй, простите за каламбур, конец палки: за социально недостойные поступки деньги списываются.

Вот так. Приносишь пользу и помогаешь окружающим — можешь пользоваться тем, что в репликаторах не получишь, предметами роскоши. Ленишься или иным образом ведёшь себя антисоциально — останешься ни с чем.

Смертной казни нет, но есть каменоломни — по сути своей, тюрьмы. Туда попадают за особо тяжкие преступления. Выглядит это, как тюрьма из «Бегущего человека» — попытаешься покинуть охраняемый периметр, будешь убит. Даже если сумеешь снять маркер и бежать на волю — терминатор, во время очередного рейда, засечёт человека в диких землях, и отправит сигнал. Собственно, так охолов и ловят. Ну и, конечно, если оказываешь вооружённое сопротивление, силы охраны порядка имеют право стрелять на поражение без предупреждения. Сурово, но эффективно.

— О чём задумались? — возмутительно, но Миранда выглядит совершенно бодрой. Впрочем, сама она с Артёмом в учебных боях не встречалась, только тот самый младший тренер, но и без дела не сидела — занималась со своими подопечными. По словам Миранды, уже нет времени работать на Арене полный день, но своих подопечных она не бросит, пока не завершит их программу обучения — будет заниматься.

— О разном.

— Всё ещё считаете себя пришельцем с Земли, из прошлого? — наконец-то хоть кто-то сказал это прямым текстом, подумал Артём. — А вы знаете, что Марина однажды сказала мне так же?

Ледяной ручеёк по спине.

— С этого места можно подробнее?

— Минутку, — Миранда сходила и взяла ещё два стакана с коктейлями. — Пейте. Вы много сил потратили, вам нужно. Давайте я позже расскажу, когда в парк выйдем.

-

Парк вокруг Арены особенно красив. Здесь растут старейшие на планете деревья — например, дуб Цезаря, посаженный в первый год новой эры. Всё пережил — двести с лишним атак нечисти на вновь основанный Рим, прохождения торнадо и землетрясения.

Именно под этот дуб они и пришли.

— Марина не просила меня не рассказывать об этом, — Миранда присела на скамейку, кольцо которых окружает дуб. — Это было в ту ночь, когда мы спаслись на плоту. Мы не знали, что корабль не погиб целиком, что он смог восстановиться и много людей уцелело — кроме наших с ней родителей. Мы вообще думали, что остались одни в мире. Ночью ей стало плохо. Потеряла сознание, лежала с открытыми глазами — знаете, как стёклышки, ничего живого. И Луна, она полная была, и ни ветерка. Я тормозила Марину, помню, полночи плакала над ней. Показалось, что её сердце не бьётся. А потом она села, и прямо как вы вчера — начала говорить на странном языке. И меня не узнала. То есть, не сразу узнала. Мне показалось, она другой стала в тот момент. Другим человеком. Нам с ней по шесть лет было, я так обрадовалась, что она очнулась, что не стала потом никому рассказывать.

— Потом вы ей рассказывали?

— Несколько раз. Она очень удивилась — говорила, что не помнит ничего такого.

Говорила, что ей часто снится красивое место, с деревьями, с большим домами вокруг, и что кто-то склоняется над ней. Кто-то с неприятным лицом, словно чудище. И она всегда просыпается в этот момент.

Артём прикрыл глаза. То, что самому примерещилось там, на поляне с волками — ночь, парк возле их офисного здания, дорожки и кусты. Судя по тому, что видел он небо — лежал на спине. И кто-то нагнулся и спросил, «Вы спите»? Голос, помнится, показался неприятным.

— «Вы спите»? — произнёс Артём. Миранда вздрогнула.

— Повторите, — попросила она. Артём повторил, и Миранда вновь вздрогнула, поднесла ладонь ко рту.

— Слушайте, мне страшно, — помотала она головой. — Вы что, сговорились? Именно это она сказала тогда на плоту. Но такого не может быть! Это было двадцать лет назад!

— И вы всё запомнили?

— Я так тогда испугалась, а потом так обрадовалась, что запомнила на всю жизнь.

— Думаете, стоит Марину расспросить?

— Ни в коем случае. Доктор Ливси сказал, что у неё серьёзная психологическая травма. Наверное, из-за того, что была неграмотной, и постоянно боялась, что всем станет известно. Убила бы того, кто дал ей тогда сломанный переводчик! Ортем, — Миранда взяла его за руку. — Пусть всё залечится. Пусть сама об этом заговорит, если захочет, хорошо?

Артём кивнул.

— Договорились. Что дальше в моей программе на сегодня?

— Ваш медицинский обед. Только попробуйте не съесть весь шпинат! Потом — вы хотели съездить к доктору Ливси, отдать ему те капельки. Мерзость какая! — Миранда содрогнулась. — Знаете, словно живая на ощупь. Нам когда учебные материалы по нечисти показывали, про её клетки, очень похоже было — бывает «ртуть», такие живые капельки, знаете, если заползут к вам в обувь или ещё куда, и вам вовремя не помогут — всё, конец. В течение суток станете биомассой. Ой, простите, что аппетит порчу!

-

Доктор Ливси озадаченно смотрел на «капельки» в микроскоп, просвечивал разными сканерами.

— Ничего не понимаю, — сообщил он. — Вы в курсе, что такое биомасса? Так вот, она состоит из белкового вещества, протоплазмы, в которой всегда есть контроллеры, такие специальные клетки — они управляют биомассой и управляют созданием произвольных тканей нечисти. Я могу ошибаться, но в этой массе есть аналогичная протоплазма. Но ни одного контроллера — просто питательный, простите, бульон и частично растворённый пластик, остатки переводчика. Никогда такого не видел. Возьму-ка я у вас кровь на анализ...

— Доктор, я ошибаюсь, или вам нравится брать от меня кусочки и исследовать?

Доктор широко улыбнулся, поправил пенсне.

— Разумеется, нравится. Вы все уникальны, друг мой. У каждого есть нечто настолько необычное, что диву даёшься. Например, если кровь Виктора Маккензи попадает на сплавы с высоким содержанием железа, то в месте контакта металл в течение нескольких минут растворяется — получается нечто подобное такой вот капельке. И так со всеми, с кем я имел дело.

— Но вы исследуете лично меня, верно? То есть за каждым дросселем закреплён врач, который его изучает.

— Верно, — доктор склонился над микроскопом. То есть тем, что он называет микроскопом — похоже на два установленных параллельно стеклянных прямоугольника. На один кладётся препарат, на втором виден он же в увеличении. Чрезвычайно удобно! — И я рад, что смог добиться назначения к вам. Вы уж простите за неудобства со сдачей генетического материала. Я, видите ли, прагматик и циник. Что угодно может случиться и с вами, и со мной, в любой момент.

— Понял, доктор, можете не продолжать. Если не секрет, сколько детей из одной такой сдачи может получиться?

— Ну, мы действуем экономно. Думаю, до двух сотен, может — больше. Мы следим, кто чей отец, чтобы не допускать близкородственного скрещивания, не беспокойтесь.

— И часто нужно будет «сдавать материал»?

— Чем чаще, тем лучше. В нашем несовершенном мире у мужчин после тридцати пяти резко снижается плодовитость. Это — наша главная головная боль. Пока у вас столько сил и, простите, такое качество — будете сдавать часто. А кому сейчас легко?

— Скажите, доктор, — Артём остановился у дверей. — Какой язык для вас родной? На каком вы говорите сейчас?

— На английском. Мне очень понравился тот сонет, что вы исполнили — от всего сердца говорю. Может, зайдёте как-нибудь, что-нибудь ещё исполните? Аудиторию я обеспечу.

— С удовольствием, сэр. Здравствуйте!

-

— Госпожа Красс! — доктор всплеснул руками. — Вы пришли мне жестоко отомстить, я помню.

— Да нет, доктор, живите, что уж. Ради всех стараетесь. Я хочу быть его ассистенткой на... на процедуре. Можно?

Доктор и глазом не моргнул.

— Туда допускаются только люди с медицинским образованием.

Миранда села на стул перед ним.

— Доктор, вы же были в зале совещаний там, на Корино. Да и так всё обо мне знаете, верно? Я — медсестра, лейтенант запаса. Участвовала в четырёх военных операциях. Какие у вас ещё есть отговорки?

— Сдаюсь, — доктор поднял руки. — Не злитесь, пожалуйста. Хорошо, закрепляю вас за сэром Ортемом, будете ассистировать во всех таких мероприятиях. Вас это устроит?

— Более чем. А можно сдавать материал, простите, естественным путём?

Доктор отодвинул микроскоп, и уставился на Миранду поверх пенсне.

— Материал мы замораживаем, важно сделать это в первые четыре минуты. В условиях строгой стерильности. Как вы это себе представляете? Поставить криомашину под кровать, и держать наготове пару ассистентов?

— Всё, доктор, сдаюсь, — Миранда подняла руки. — Глупая была идея. Можете сказать, что я не тем местом думаю, не обижусь.

— Не скажу, — доктор поправил пенсне. — Явитесь сюда завтра в семь утра — я проведу инструктаж. Если вдруг испортим материал, придётся повторять — когда сэр Ортем вернётся из следующего похода. Ни вам, ни ему подготовка к процедуре особой радости не приносит, так что давайте постараемся, хорошо?

— Вы прелесть, доктор, — Миранда встала, и поцеловала его в макушку. — Буду в семь.

Здравствуйте!

— О чём вы с ним говорили? — любопытствовал Артём, дожидавшийся Миранду у входа в военный городок.

— О жизни, о смерти, о любви. Я о другом никогда и не говорю.

— Всё понял, простите за любопытство. Что у нас дальше в программе?

— Изучение языков. Попробуем взяться за ложбан. Я, если честно, на нём редко говорю. Готовы?

...Ещё через полтора часа Артём, читал книгу на ложбане, и точно так же поражался, как конструкции языка сами собой обращаются в смысл. Вроде раньше никогда не думал, пока знал единственный язык, знакомый с детства. А сейчас попробовал понять — и не ощутил, как строй странно звучащих слогов обращается в чёткий, совершенно ясный смысл.

— Я уже столько раз говорила, что вы колдун, — покачала головой Миранда, — но опять хочется сказать. Как это у вас выходит? На вашей планете все такие умные и способные?

Была не была, подумал Артём.

— Даже не знаю, Миранда. Я уверен, что «другая планета» — это Земля, начало двадцать первого века.

Миранда долго смотрела на него, потом медленно закрыла учебник ложбана.

— Впервые не знаю, что сказать, — призналась она. — «Так не бывает» я и так говорила слишком часто. Как это могло случиться? Почему вы так уверены?

— Потому что в деталях помню, как я жил там, в том мире, кем был, где работал.

Глаза Миранды загорелись.

— Так вы знаете про Землю?! Про её древние века? Расскажите! Ну пожалуйста!

Артём улыбнулся.

— С чего начать? Может, вы лучше будете вопросы задавать? Я там тридцать лет почти жил.

Миранда задумалась.

— Единственный человек, который взаправду знает Землю, — проговорила она медленно. — В голове не укладывается. Теперь понятно, почему вам всё казалось ненастоящим. Ортем, мы не знаем, какой сейчас год на Земле. Глупо, конечно, но как-то потеряли счёт времени. Но я читала, что летать в дальний космос люди научились в конце двадцать третьего века. Или двадцать четвёртого. Сколько сюда летели — тоже никто не знает. Одни учёные говорят, что лет за сто долетели, другие — что меньше, чем за час. Потом полтора столетия Айур обустроивали, я видела старые фото — обязательно посмотрите, какая тут красота была! И ещё семьсот тридцать лет потом. Если я считать не разучилась, сейчас тридцать третий век как минимум. А у вас двадцать первый, да? Как такое возможно — переместиться за двенадцать веков? Что с вами случилось там?

— Сам не знаю, — Артём развёл руками. — Если честно, первые две недели больше всего хотелось проснуться — там, у себя.

— А теперь? — Миранда взяла его за руки. — Не отвечайте. Я уже вижу ответ. Теперь у вас есть мы. И все люди здесь. Я слышала рассказы, что там было под Лиссабоном. Говорили, вы там один с четырьмя охотами справились, да ещё роту свою спасли, и Виктора. Если бы не верили, что всё это настоящее, вы бы так не поступили. Я так думаю.

Артём усмехнулся.

— Верю, что смущаетесь, — Миранда подседа поближе. — Не буду вас пока допытывать, хотя ужасно хочется знать про Землю. Может, вы мне что-нибудь расскажете, а я попробую написать?

— Как написать?

— Картину. Я часто пишу картины по рассказам, по стихотворениям, по чему угодно. Многим нравится. Может, это поможет вам что-нибудь припомнить, или понять. Хотите?

Артём кивнул, подумав. Да. а почему бы и нет? Интересно, что Миранда напишет по рассказу.

— Хорошая мысль. Когда начнём?

Миранда поднялась из-за стола.

— Прямо сейчас. Лучшее время для любого важного дела, да?

-

Миранда постучала кончиками пальцев по крышке стола.

— Всё ясно, Ортем. Очень интересно, я сейчас же начну. А вы пока не стойте за спиной, ладно? Это Марине никто не мешает, а я должна быть одна, когда пишу. Меня жутко бесит, когда смотрят, даже молча.

— Понял, не буду мешать процессу, — Артём поднялся на ноги и покинул её студию. Самое время ознакомиться с теми отчётами, о которых говорит Марина.

Марина сидела в своей студии — но не за картиной — похоже, составляет те самые отчёты. Увидев Артёма, она бросилась к нему. И всякий раз так приятно прижимать её к себе и ощущать сердцебиение...

— Уже почти готово, — пояснила она. — Ещё пять минут, и я покажу.

Артём кивнул, и направился в свой кабинет. Пыли здесь почти не бывает: умная техника удаляет её, на предметах оседает совсем немного. Закрыв дверь, он взял флутню, и та отозвалась приятным аккордом. А что? Можно и, так сказать, порепетировать. Как раз настроение — подумать. Послезавтра снова поход, по словам сэра Джеймса — рутинный, обычный обход границ, доставка техники и специалистов. Каждый год человек забирает себе пространство на поверхности планеты, обеззараживает пустоши, расселяет растения и животных — теперь все они стойки к клеткам нечисти, контакт с «пожирателем», «ртутью» или «плесенью» не превращает их в биомассу, наоборот — сама нечисть заразится вирусом, спасения от которого не знает. Так и живём, как сказала бы Миранда.

...Артём не заметил, что в пятый уже раз исполняет «Зелёные рукава». В двери постучали — Марина. Похоже, она стояла и слушала — специально звук сделал потише, чтобы не мешать.

— Чудесная музыка! — она присела на соседний стул. — Мы все ждём рассказа, что же случилось вчера и сегодня. Вот, Ортем, — она положила перед ним тетрадь. — Здесь всё. Миранда говорит, что у неё будут новые эскизы к концу недели, а пока что всё замечательно продаётся. Наш доход на сегодня — двадцать три тысячи сто пятнадцать, сэр Гораций говорит, что пора открывать новые мастерские — спрос огромный.

— Вы замечательно всё делаете! — Артём взял её за руку. — Я вас смущаю? Вы постоянно отводите взгляд.

— Простите, Ортем, ужасная привычка, — Марина посмотрела ему в глаза, улыбаясь. — Это ваши деньги, Ортем. Они поступают на ваш счёт, дальше вы ими распоряжаетесь.

Артём опешил.

— Почему на мой?

— Я — ваша хозяйка. Так принято. Всем тем, что зарабатывает дом, распоряжаетесь вы.

— Тогда расскажите, как мне сделать так, чтобы и вы могли распоряжаться. Вы и Миранда. Похоже, я дома буду не очень часто — потом, это ведь ваша заслуга. Ваша и Миранды.

— Благодарю, Ортем! — и вновь попыталась отвести взгляд. Спихватилась в последний момент. — Вам нужно прийти со мной в любое отделение банка, и там всё настроить — как сочтёте правильным.

— Тогда идёте. Если у вас нет срочных дел, — учусь у Миранды, подумал Артём. «Сейчас» — лучшее время для любого важного дела.

-

Артём сидел у себя в кабинете, читал книги — преимущественно здешние, на латинском языке. Так странно оказалось читать на языке, в котором ещё два дня назад был ни в зуб ногой. Действительно, чудо!

Новости о том, что на дворе как минимум тридцать третий век, отчасти погасили стремление любой ценой проснуться. На такой временной дистанции любое горе, любая радость уже не видны. Тысяча двести лет! Подумать — и то страшно становится.

В дверь постучали.

— Сэр Ортем, — доктор Арчибальд Ливси собственной персоной. — А я по вашу душу. Дом уже ждёт вас — мы хотим услышать ваш рассказ о недавних приключениях.

Он прикрыл за собой дверь.

— Строго между нами, — доктор Ливси понизил голос. — Как обычно — координаты и все обстоятельства называть не стоит. В остальном — новости и так уже во всех сводках по Риму и секретной информацией не являются. Госпожа Красс уже внизу. Да, и захватите вот это! — указал он на флютню.

...Им с Мирандой аплодировали несколько раз. Немногие из присутствующих в доме видели нечисть своими глазами — понятно, что в школе всем показывают обучающие ролики, как и на военной подготовке. Но чтобы своими глазами увидеть «титана», выжить после такой встречи, да ещё и понять, что нечисть остановилась по приказу человека... Один «титан», если рядом нет танков или иных средств защиты, способен разрушить каменный дом — голыми руками, так сказать, меньше чем за минуту. Стальные балки он легко может завязать узлом, или разорвать. А попади он кулаком по человеку — от того в буквальном смысле слова остаётся мокрое место. Одна из самых сильных и опасных в ближнем бою форм нечисти. Страшнее разве что «тифоны».

Ну и, конечно, не могло не состояться музыкального вечера. Доктор Ливси, как оказалось, замечательно играет на гитаре — этот инструмент почти не изменился со временем — и аккомпанировал флютне, получалось очень приятно.

Артём не сразу заметил, что Ингир Мантелла, хозяйка квартала, тоже среди слушателей — просто не в первых рядах. И множество гостей из других домов. В общем, в гостиной, она же столовая, едва хватило мест.

Я дома, подумал Артём, в очередной раз исполняя «В полях под снегом и дождём» на бис. Дом там, где тебя ждут и любят. И теперь он здесь.

День 28. [оглавление]

По совести, Артём подумал, что опять начались неполадки с памятью: проснулся не у себя дома, и не сразу вспомнил, как сюда попал. Посмотрел на часы — половина восьмого, до «процедуры» полтора часа. Самое время заняться обязательными утренними действиями!

Меньше, чем через минуту он вспомнил, чей это дом. А пока занимался утренней зарядкой — жаль, гантелей нет, или того, чем их заменить — в дверь постучали и вошла Ингир.

— Доброго утра, Ортем, — улыбнулась она. — Уже собиралась будить тебя. Замечательно играешь, тебе обязательно надо выступить в Лондоне!

— Как только попаду, госпожа Ингир, — кланяться, стоя в одних спортивных трусах, не очень серьёзно, но что поделать.

— Просто «Ингир», пожалуйста. Можно мне остаться? — спросила Ингир, и Артём понял, что это не шутка. Она всерьёз спрашивает разрешения. У себя дома!

— Конечно, Ингир, — одеваться в её присутствии, во второй раз, было уже не так неловко. Ингир похлопала по сиденью стула рядом со своим — садись сюда. Пару минут просто смотрела на Артёма и улыбалась. Она выглядит лучше, подумал Артём. Определённо, помолодела.

— Я так счастлива, — сказала она. — Ведь врачи сказали мне три года назад — детей у вас не будет. Пора найти другой смысл жизни. И тут появляешься ты... и сам ко мне приходишь. Знал бы ты, как я удивилась!

— Совершенно не помню того вечера, Ингир, — признался Артём. Она взяла его за руку и рассмеялась.

— Я расскажу, если хочешь. Весь Рим пришёл увидеть тебя — за последние два года мы потеряли восемь дросселей, и люди уже начинали падать духом. И тут появляешься ты. Ты просто пришёл в мой дом, вежливо постучался, и спросил — где можно отдохнуть до утра. Так и сказал.

— Что было дальше, я примерно представляю.

Она рассмеялась.

— Верно. Но ты не об этом хотел спросить. Ты хотел спросить, как Марина оказалась у тебя в комнате. Да, это я ей предложила. Подойти и посмотреть на тебя. И если хоть какие-то сомнения, если ты ей хоть чем-то не понравишься — сразу уехать из Рима, как и собиралась.

— Но почему именно она, Ингир?

— Я покажусь циничной — я такая и есть, чего уж скрывать. Я ведь знаю, у кого из девушек в моём доме в какой день наибольшие шансы зачать ребёнка. Марина уже не маленькая — она прекрасно знает, что надо делать, если не хочешь стать матерью. Простишь меня? — она взяла его за руки.

— Но за что? Я очень рад, что она моя хозяйка, — Ингир кивнула, но рук не отпускала. — Если есть за что — прощаю. Что ни делается, всё к лучшему.

Она улыбнулась и покивала.

— Моя бабушка любила это повторять. Я очень рада, что рассказала. Ну, пора уже собираться! Ортем, — она встала. — Когда получится — буду очень рада, если наведишь мой дом. Мы тоже все любим красивые песни.

-

Из клиники, где проходила «процедура», Артём вышел, как в тумане. Слишком много впечатлений, как сказала Миранда. Но вот встретить в той комнате именно её, в белом халате и всём прочем... Он дождался, когда она сама выйдет из клиники. Что-то Миранда невесела.

— Чем я могу вам помочь, Миранда? — спросил он, когда она подошла. — Умееете вы

удивить.

— Не только вас, — Миранда улыбнулась, но это всего лишь тень её обычной улыбки. — Сама себе удивляюсь. Не бойтесь, я никому не расскажу. Просто хотела... — она осеклась. — Простите, Ортем, минутку! — и поднесла ладонь к уху. Так обычно дают понять, что говорят по рации — по мобильнику.

...Переводчик умеет исправлять слова, которые человек заучил неправильно. Процедура не очень сложная. К примеру, то, что Артёму показалось словом «осаго», пишется «arsago», от латинской аббревиатуры ARS, «искусственное разрушение нечисти», если буквально переводить каждое слово. Технология передачи клеткам-контроллерам сигнала на ликвидацию организма — контроллеры при этом запускают процесс, останавливающий производство других контроллеров, и саморазрушаются в итоге. Понятно, что организм нечисти не погибнет мгновенно от такой операции — и одновременно с излучением ARS в ход идёт самое обычное сфокусированное электромагнитное излучение. Все до одной формы нечисти, даже капли «ртути» и поросль «плесени», имеют органы восприятия радиоволн — умеют получать и исполнять приказы. Булава «обрабатывает» нечисть комплексно, на расстоянии — человек с булавой имеет неплохие шансы даже против «титана», если переживёт первые две секунды с момента приближения противника на дистанцию поражения.

...Всё это было обнаружено случайно, и с тех пор основной гипотезой появления нечисти является её искусственное происхождение, нечисть — управляемые специализированные организмы, иными словами — биороботы. Корабли, на которых её доставили, уничтожали в первую очередь, поскольку оттуда шла интенсивная радиопередача — явно не ради забавы, передавали команды для уже сброшенных на поверхность форм. Разрушили командный центр нечисти — получили шанс победить. Теперь ARS-излучатели повсюду — в обуви, в одежде, в стенах и полу, в брусчатке, во всём — одновременно с датчиками, которые фиксируют специфические излучения контроллеров. Изготавливать всё это в промышленных масштабах, хвала репликаторам, теперь несложно. Каждый школьник знает, что делать, если есть хоть малейшее подозрение, что был контакт с нечистью. Этому учат в школах, и проводят учения — чтобы возник рефлекс. Так и живём.

— Ортем? — Миранда стоит перед ним. — О чём задумались?

— О том, сколько слов я успел неправильно заучить. Интересно понять, почему. Что случилось? — Артём заметил, что Миранда отдёрнула руку, когда он попробовал взять её за ладонь.

— Случилось. Одну очень важную вещь забыла сделать. Ортем, — Миранда передала ему лист. — Вот то, что я на сегодня хотела предложить. Сумеете справиться без меня?

— Приложу все усилия.

Миранда улыбнулась, на этот раз — почти как прежде.

— Отлично! Марина вызывает меня. Нет, ничего страшного, просто надо выполнить обещанное. С вами всё на свете позабудешь! Здравствуйте!

И убежала. Буквально. Не оглядываясь, в сторону площади Цицерона — хотя вокруг них было несколько пустых дилижансов.

— Госпожа Красс сегодня не в духе, — сказал доктор Ливси, появляясь рядом. — Всё прошло нормально, Ортем. Намного лучше, чем я думал. Ближайший месяц не буду развлекать вас повторной процедурой. Удачного вам дня!

Марина встретила Миранду — впервые за много лет на подруге лица нет, словно горе какое случилось. И это Миранда, которую вообще ничто не может вогнать в тоску!

— Что случилось? — Марина закрыла двери. — Я ничего не поняла. Спрятаться, на пару дней уехать. Рассказывай.

— Я не могу быть рядом с ним. Вчера ещё заметила, но подумала, что это после наших с ним приключений.

— Как вы всё-таки туда попали? В то убежище? Ой, прости, это потом. Ну так что с тобой стряслось?

Миранда достала из куртки купленную по дороге бутылку минеральной воды. Допила и поискала взглядом урну — не нашла, в этой комнате её нет.

— Садись, — Марина отобрала у неё бутылку. — Успокойся, и по порядку.

— Вот успокоиться я и не могу. Как только он рядом, самое большее минут через пять только об одном и могу думать. Специально вчера весь день с ним домой не заходила, чтобы чего не случилось. Скажи, это нормально?

Марина покачала головой.

— Такой ты раньше не была. Это точно. Может, к врачу зайдёшь?

— Да на кой мне... — начала Миранда, повысив голос, и осеклась. — Извини, не хотела. Да, наверное. Наверное, надо к доктору. Но не в этом городе. Можешь дать мне поручение в Лиссабон или Париж?

— Хочешь вернуться, когда он уже в поход уйдёт?

Миранда покивала.

— Верно. Слушай, ну не настолько же я озабоченная! Когда он в предыдущем походе был — нормально же всё было, как и всегда.

— Всё, я поняла. Ну, тогда и я скажу. У меня всё наоборот.

— Что? — Миранда посмотрела в лицо Марине. — В смысле, наоборот?

— В буквальном. Он рядом — а у меня вообще никакой реакции. Даже когда прикасается. Я спросила доктора Ливси — он говорит, в первые недели такое бывает. И тоже посоветовал к специалистам обратиться. Вот, сумела сказать. Не знаю, кому бы ещё сумела такое сказать.

Миранда встала и обняла её. Долго так стояла — постепенно удалось успокоиться, и в голове отчётливо прояснилось.

— Лилия когда должна вернуться? — поинтересовалась Миранда, отпустив Марину. — Ты её как будто в отпуск отправила.

— Так и есть. С тех пор, как я читать научилась — что-то изменилось, не хочу видеть её рядом. Пока сама в себе не разберусь. Я её на лечение отправила, в Венецию — после ангаров ей полезно будет. Заодно она и камни нам подыскивает, фото присылает. Спрашивала, почему ты ей не звонишь — вы что, опять поссорились?

— Нет, — махнула рукой Миранда. — Она права, я свинья. Но с ним что угодно забудешь. Слушай, если у тебя тоже какой-то непорядок, мне лучше остаться. В какую-нибудь гостиницу поселюсь, а на его звонки пока не буду отвечать.

— Я справлюсь, — Марина улыбнулась. — Вот что. Поедешь в Париж, остановишься у моих родителей. На приём к доктору прямо сейчас записывайся, чтобы успеть. Заодно привезёшь мне фотографии Парижа, договорились?

— Сделаю! — Миранда вновь обняла Марину. — Всё, я побежала. Не хочу с ним случайно встретиться. Здравствуй!

Связист рассмотрел все до одной копии оставшихся переводчиков. Тщательно — каждый проверил своей техникой.

— Приборы в норме, настроены на работу именно вашего мозга, — пояснил он. — Расскажите подробнее о ваших ощущениях в том инциденте.

На вид связисту — лет пятьдесят. С удивлением Артём узнал, что ему, на самом деле, за сто. Уникальный человек — после того, как уволился из армии, как все — по заключению врачей после ранений — занялся техникой. И вот уже семьдесят лет совершенствует устройства связи, включая переводчики, готовит инженеров, преподаёт. Седые волосы сейчас не признак старости а, так сказать, веяние моды. Связист, по имени Марк Катон, оказался племянником главного оружейника Рима, Марцелла Катона. Мир тесен.

— Знаете, дети иногда хитрят, — сказал, наконец, связист. — Когда учиться неохота, когда ленься — если снять свой переводчик и дать другому человеку, прибор опознаёт, что мозг другой, и отключается. Можно сказать, что он сломан — не все же носят с собой запасные. Но есть одна тонкость: во время обучения прибор работает в другом режиме. Его можно подменить, и некоторое время человек будет получать не те сигналы. Но всех и всегда инструктируют: достаточно подать сигнал тревоги, и переводчик немедленно отключится, сохранит сведения о последних действиях и уже не включится.

— Сохраняет — для диагностики?

— Точно так. Всё, что может сломаться, когда-нибудь сломается. Да вы сами ведь слышали от прибора запрос на установку тревожного сигнала. Обычно это сочетание жеста и мысленной команды, чтобы случайно не заблокировать прибор в штатной ситуации. И есть универсальный сигнал — поднести ладони к вискам и сказать «хватит», на любом языке. Прибор вам об этом сообщил, верно? Универсальный сигнал отменить невозможно, это предохранитель.

— И детям всем об это рассказывают?

— Конечно. Как только они становятся способны понимать. До шести лет переводчики не используются, в некоторых случаях — до восьми. Это может плохо отразиться на деятельности мозга. У человека впоследствии могут появиться нарушения восприятия.

Артём покивал.

— У вас есть какие-то предположения? — спросил, наконец, связист. — Не хочу показаться невежливым, но там, в зале, меня уже ждут. Я с удовольствием обсужу технические стороны с вами, когда смена закончится. Судя по тому, какие вопросы вы задаёте, вы работали с техникой. Всегда приятно поговорить со специалистом.

— Благодарю вас, — Артём прикоснулся ладонью к его плечу. — У меня пока нет предположений. И знаете что: как только я начал видеть и слышать что-то странное, то напроць забыл про тревожный сигнал. Так бы, конечно, сразу использовал.

Связист покачал головой.

— Очень, очень странно. Вот адрес, — он выдал ему карточку. — Позвоните в любой удобный для вас день, после семи вечера. Обсудим. Как здоровье госпожи Марины Скайлис?

— Благодарю вас — замечательно. Здравствуйте!

У Марины были трудности с обучением, подумал Артём, вновь усаживаясь на скамейку у дуба Цезаря. Пока одно понятно: Лилия её учила, почти неделю, пока не добилась... чего? Сумела Марина выучить латынь в тот раз? И почему не вмешались наставники, когда

заметили, что у Марины сложности с учёбой? Подробностей она не рассказала, и спрашивать пока не стоит. Каждый день курьер привозит домой минимум три новых книги — Марина читает. Глотает, можно сказать — с каждой знакомится с огромным удовольствием. При этом успевает переделать множество других дел, следить, чтобы в хозяйстве всё было в порядке. В детстве не получилось почитать, тем более — получать от этого удовольствие, теперь навёрстывает. Но как она сумела закончить обучение в школе, даже если научилась каким-то образом фиксировать любую «картинку» и запоминать мельчайшие подробности? Ведь кто-то должен был говорить ей — читать — что написано на той или иной странице! Кто это делал? Спросить Миранду?

— Сэр Ортем? — Миранда явно в дилижансе. — Всё хорошо, я в Париж еду, там дела нашлись. Не беспокойтесь, и простите ещё раз, что так внезапно убежала. Марина всё расскажет. Если вдруг остановитесь в Париже — обязательно позвоните.

Всё понятно, не в этот раз. Лилия тоже в отъезде. Почему именно ей Марина не хочет говорить, что ждёт ребёнка? И Миранда упоминала, что Лилия выдумала какую-то авантюру. Что за интриги там творятся? Их дело, конечно, лезть в чужие дела вроде бы нехорошо, но не настолько эти люди чужие, чтобы просто махнуть рукой. Ладно. Время ещё есть, проведём с пользой — и Артём отправился на Арену. Завтра в поход, выматываться в ноль нельзя — но можно позаниматься не так интенсивно, всё польза будет.

— Сэр Ортем! — капитана Джеймса Батаника и не узнать, когда он в штатском. — Отлично выглядите! Чем могу помочь?

Сэр Джеймс проходил мимо Арены вместе со своей хозяйкой, Инес, и первенцем — Марком Батаником, младшим лейтенантом — на увольнение приехал повидать родителей.

— Госпожа Инес, — Артём коротко поклонился. — Рад видеть вас, Марк — чем могу помочь вам?

— Отец рассказывал о вас, — Марк крепко пожал ему руку. — Рад знакомству. Мы виделись под Лиссабоном, но вы были очень заняты — неудачное время для разговоров.

— Сэр Ортем мастерски играет на флютне, — улыбнулась Инес. — И знает много красивых песен. Могу ли я пригласить вас в гости этим вечером? Мы будем рады видеть вас вместе с Мариной.

— Сочту за честь, — Артём ещё раз поклонился, и проводил взглядом сэра Джеймса и его семью. Хотя слово «семья» сейчас имеет другое значение: так называют всех родственников человека.

Марина очень обрадовалась приглашению Инес.

— У меня есть подарок для неё, — сказала она. — Я знаю, что она любит бусы — а Лилия недавно прислала очень красивый горный хрусталь. Сделала бусы — теперь знаю, для кого. Пока есть время — расскажете, как вы угодили с Мирандой в то убежище?

Её просто не узнать. Пока Миранда не научила её читать, Марина старалась не попадаться на глаза, и постоянно отводила взгляд — хотя понимала, как это выглядит. А сейчас преобразилась — взгляд ещё пытается отвести иногда, но держится уже как подлинная хозяйка. Именно Марина уговорила Инес, у которой работала раньше — вела весь учёт в хозяйстве — взять Лилию, которой грозило изгнание из Рима. Изгнание — штука страшная; если человек объявлен в городах *persona non grata*, нежелательным, его имеют право не впускать ни в какие публичные заведения, ему не найти работу или ночлег. Один

выход — или добровольно идти работать в каменоломни — только что без маркера, то есть уйти можно в любой момент — или на фермерские хозяйства, если там проявят снисхождение и возьмут. Но хозяйства всегда на периферии, и чаще остальных областей подвергаются нападению нечисти, или охолов. Ещё неизвестно, кто хуже.

... Артём рассказал ей всю историю. Марину, как и всех, поразило то, что «титаны» остановились, когда слышали «стоять». И что не нападали потом — просто шли вместе с людьми. Артём потом нашёл описание и многочисленные фотографии «титанов» — по счастью, очень условные гуманоиды, без какого бы то ни было лица. «Зомби», самая жуткая форма нечисти, обычно принимает облик человека с обезображенным, неприятно выглядящим лицом — словно намеренно стараются испугать. В общем и целом человека, и другие формы жизни нечисть воспринимает единственно как еду, материал для производства биомассы. Несмотря на то, что нечисть изучают уже семь веков, известно о ней меньше, чем хотелось бы — например, пока неясно, кто же управлял тем вторжением; существуют ли действительно разумные формы нечисти; удалось понять лишь ничтожно малую часть команд, которые нечисть принимает по радио.

— Нам пора, Ортем, — Марина положила ладонь на его плечо. Артём отвлёкся от чтения книги — самому теперь интересно, и столько всего интересного оказалось в библиотеках! Здесь нет телевизоров — хотя есть информационные стойки, огромные такие экраны, их обычно ставят на площадях; нет радио — но есть телефонные и музыкальные каналы, где чтец или менестрель может исполнить что-нибудь. Люди очень много общаются и часто ходят в гости — кто сидит дома, того никто не знает, тот мало кому интересен. — Что вы им сегодня споёте?

— То, что вы захотите услышать, — Артём взял её за руки. Она и выглядит по-царски теперь, и ведёт себя величественно — глаз не оторвать! — И то, что захотят услышать хозяева.

-

Домой они вернулись, можно сказать, засветло: сэру Джеймсу завтра самому в поход — теперь планы немного меняются: павшее некогда убежище, «Lirus 12A», вычистили, заменили и починили всю технику — там будет склад, автоматизированная база — словом, каземат. Жить под землёй, конечно, никто не будет — да и кто захотел бы. Уже проводят туда скоростную трассу, уже заняты облагораживанием леса и всего, что вокруг — жизнь возвращается на Айур. Первые несколько дней похода пройдут вокруг новой базы — теперь, когда она становится обжитой территорией, всё вокруг нужно привести в порядок и подготовить для возможного строительства новых поселений.

— Марина, — Артём заметил, что она опять начала отводить взгляд. — Просто скажите мне, если что-то случилось. Давайте, пока мы одни, говорить всё простыми словами.

Она сказала. Видно было, чего ей это стоит: похоже, её воспитывали не обсуждать настолько деликатные вопросы без обиняков.

— Я понял, — Артём кивнул. — Я не буду к вам прикасаться, пока вы не захотите. Пожалуйста, обратитесь к доктору, чтобы всё стало ясно.

— Завтра же. А вы не ночуйте больше в прачечной, — улыбнулась Марина. — Лучше уж я у Миранды побуду, пока её нет.

...Артём долго не мог уснуть — читал в кабинете. Спать захотелось часов за шесть до отправления. Артём долго смотрел на Марину, спавшую на ложе для хозяйки — счастливая улыбка; наверное, видит приятные сны. Он укрыл её — а сам уснул почти мгновенно и без

сновидений, едва только забрался под одеяло.

-

Лилия не могла заснуть — хотя купание в озёрах Венеции на ночь — лучшее снотворное. Ходила по номеру, выходила погулять — всё без толку. Наконец, она решилась. Позвонила.

— Я занят, госпожа Корту, — сухой, дребезжащий голос. — Судя по всему, вам опять нужна помощь.

— Почему вы так решили, сэр...

— Никаких имён. Что на этот раз? Снова таблетки? Вы хоть понимаете, что подставляете меня?

— Сведения. Мне нужно знать, где у них будут остановки.

Презрительную усмешку собеседника Лилия почувствовала и на расстоянии.

— Я не стану связываться с армией. И вам не советую. Вы можете отправить ему депешу — вручат, как только у него будет увольнение. Все так делают.

— Мне это нужно срочно!

— Чем вы собираетесь заплатить, простите? Я в курсе, что за вашими расходами следят.

— Я знаю ещё одно место, — Лилия не сразу решилась сказать. — Возможно, там никто ещё не был. Можете забрать всё себе.

Пауза. Почти полминуты «с той стороны» не было ни звука.

— Поздно, госпожа Корту. Передайте эти сведения армии, так вам будет больше пользы. И больше не звоните.

Отбой. Лилия немедленно попробовала перезвонить, но сигнал никто не принимал.

— Будьте вы неладны, — прошептала Лилия, сев на диван и прикрыв лицо ладонью. Посидев так несколько минут, она взяла со стола справочник. Не все звонки требуют личного знакомства с человеком; общественные службы вызвать может всякий — их можно набрать по номеру, как делали в старину.

— Я хочу отправить депешу. Да, за свой счёт. Сэру Ортему Злотникоффу, дросселю пятой танковой роты Федерации. Да, понимаю, что получить её он может не сразу. Спасибо.

Она поставила «глаз» — камеру — перед собой, и села ждать сигнала, после которого можно начинать передачу.

Дни 29–33. Убежище Цицерона [оглавление]

Парижские врачи определённо отличаются от римских. В Риме ценят время — короткое приветствие, сухой расспрос, ни одного лишнего движения. Вежливость и улыбчивость, но в разумной дозировке.

Клод Нимье, специалист по женским, скажем так, вопросам, и выглядит колоритно — усы, борода, лихо заломленный берет — и отношение совсем другое. Проводил, предложил посидеть и отдохнуть с дороги, все деликатные вопросы задавал осторожно. Когда приступил к обследованию — надел положенную врачам униформу, и перестал на какое-то время выглядеть эксцентричным живописцем, которого случайно занесло в кабинет врача.

Услышав и прочитав своими глазами заключение, Миранда чуть не упала со стула.

— Какой ещё стимулятор? Это, простите, чтобы хотелось до смерти?!

Врач кивнул. Миранда всё ожидала, что он понимающе улыбнётся. Не тут-то было!

— Можно и так выразиться. Мы давно уже не прописываем этот препарат. При длительном применении он ведёт к бесплодию. В Риме и Лиссабоне приготовление и распространение его вне закона.

Миранда потёрла лоб, и помотала головой.

— Стойте-стойте. Мне никаких стимуляторов не нужно, у меня и так всё в порядке. Ваш прибор не ошибается?

— Если бы я получал по зоркмиду всякий раз, когда слышу такую фразу — давно бы на пенсию вышел, — вздохнул Клод Нимье. — Если хотите, я дам вам адрес своего коллеги. Платить за повторное обследование не придётся.

— Не хотела вас обидеть, доктор, — Миранда прикоснулась ладонью к его плечу. — Верю. Просто я сейчас разозлюсь, уж извините. Разве я могла его принимать незаметно для себя? Такое возможно?

— Вполне. Добавить в еду, в напитки. У препарата горьковатый привкус, но его легко перебить, вы принимали примерно половину миллиграмма за раз.

— И сколько я этого счастья наглоталась?

Врач посмотрел на текст заключения.

— Три недельных дозы. Мой совет — немедленно пройти полную очистку крови. Операция совершенно безболезненная, в первый раз я проведу её бесплатно. Но хочу предупредить: я обязан зарегистрировать инцидент. И, — врач поднял ладонь, заметив, что Миранда собирается что-то сказать, — я не иду ни на какие соглашения.

— И не думала «договариваться», — Миранда постаралась сказать это спокойно, хотя уже хотелось врезать врачу куда-нибудь, от души. — Конечно, регистрируйте. Вы сами в Рим доложите, или?

— Не доложу, — врач жестом предложил ей присесть, и уселся за свой стол сам, как только присела посетительница. — Прошу вас, успокойтесь. В Париже за употребление этого препарата неприятностей с законом не будет. Но если придёт запрос от префекта Рима, я передам все сведения. Можете записать свой комментарий к инциденту. Я подпишу его. Это будет официальный документ.

— Да, хорошая мысль, — произнесла Миранда сквозь зубы. — Давайте займёмся кровью. И что там ещё придётся чистить. Доктор, а можно прислать вам образцы, если что? Ну, что я ела или пила?

— Присылайте. Вы кого-то подозреваете? Чтобы мои заключения приняли в префектуре, вы сами должны передать мне образцы, при свидетелях.

— Никого не подозреваю, — Миранда закрыла глаза, вдохнула и выдохнула несколько раз. Помогло. — Просто хочу понять, что происходит. Раз уж заговорили — у меня могут быть дети после всего этого?

— Судя по диагностике, вы принимаете препарат третьи сутки. Нет, репродуктивная система пока не затронута. Но лучше неделю понаблюдаться у эндокринолога. Я выдам вам направление.

— Благодарю, доктор, — Миранда улеглась на «операционный стол» — следов процедура не оставляет, чистка крови сейчас такая же быстрая и безболезненная операция, как и лечение царапин. — Давайте уже начнём. Я запишу комментарий. Может, даже два.

-

Сказать, что Миранда взволнована — ничего не сказать. Такой Марина её ещё не видела. Видно, что возбуждена так, что в словах путается.

— Что значит — ничего не пить и не есть? — не поняла Марина. — Что опять случилось? Объясни толком!

— Я объясню. Ты уже была у врача?

— Только что вернулась, собиралась тебе позвонить. Чушь какая-то. Он спросил, зачем я продолжаю предохраняться — в моём состоянии это небезопасно. Сказал, что опасной дозы выпить не успела. Сижу вот, лекарства перебираю — не могу понять, как могла так ошибиться. Может, ты пояснишь, что происходит?

— Марина, немедленно приезжай в Париж, — Миранда соображала быстро. — Остановишься у родителей. Сходи к ювелиру, узнай о делах, найди повод отлучиться. Зайди к нам на кухню, сфотографируй всё, что там увидишь. Лучше всего, в отсутствие повара. Не ешь и не пей ничего в доме. Зайди в буфет Арены, найди там такую Клавдию Красс, попроси у неё минеральную воду. Ту, которую любишь, возьми с собой в дорогу. И ещё, заberi все свои лекарства с собой.

Марина покачала головой. Очень напомнило их игры там, в приюте — Миранда обожала быть детективом и распутывать сложные загадки.

— Миранда, ты сошла с ума? Играешь в детектива?

Миранда закрыла глаза, вдохнула и выдохнула несколько раз. Не помогло.

— Марина, можешь просто поверить мне на слово? Я встречу тебя на шлюзе Ватерлоо, займусь всеми делами в Риме. Не забудь сделать фото всего, что на кухне!

— Мне не нужно фото, — Марина остаётся совершенно спокойной, и это пугает сильнее всего. — Ладно, сделаю, для тебя, не волнуйся. Но ты ответишь мне на все вопросы, как только я приеду.

Миранда ещё раз вдохнула и выдохнула, и постаралась выглядеть довольной и непринуждённой, прежде чем выйти к родителям Марины. Слово «приёмным» никто никогда не произносил: своих детей у префекта и его хозяйки не было, так уж сложилось, и в Марине они души не чаяли. Да и Миранда — желанная гостья в их доме.

-

День первый оказался самым трудным — тридцать два похода, все краткие, минут пять каждый — но Артём успел устать, как собака. Однако сэр Джеймс внимательно следил, чтобы Артёму давали отдыха столько, сколько запросит. Под конец дня — рота остановилась во временном городке, который на карте получил ту же отметку, «Lupus 12A» — сэр Джеймс сам зашёл «в гости», в палатку Артёма.

— Сэр Ортем, вам говорит что-нибудь фамилия «Фари»?

— Никак нет, сэр, — ответил Артём, встав по стойке «смирно», и попытавшись припомнить события минувшего месяца. — Можно узнать, почему вы спрашиваете?

— Вольно, сэр Ортем. Это неофициальный разговор. Мы вскрыли все аварийные капсулы. Никому спастись не удалось — видимо, сверху территория уже была захвачена, спасатели в тот момент не смогли или не успели пробиться. Страшное было время. Мы выяснили личности тридцати погибших из тридцати шести. Капсулы сохранили останки от разложения — генетические образцы не пострадали. Есть совпадение, на одну шестнадцатую, ДНК вашей крови с одним из погибших. Даниэль Фари, он был техником-настройщиком. Выходит, ваш дальний родственник.

Артём оторопел.

— Я-то думал, что один остался, — медленно проговорил он. — И не помню о родственниках, — удалось не сказать слова «здесьних». — Нет, сэр Джеймс, это имя мне ничего не говорит. Но теперь я хотел бы узнать больше о семье Фари.

Сэр Джеймс кивнул.

— Я отправлю запрос, чтобы прислали вам выписку из архива. Мои соболезнования, —

он коротко поклонился. — Я рад, что работаю с родственником человека, который помог Айуру выжить. Не буду вас больше отвлекать. Через три часа мы отправляемся — рекомендую выспаться.

Какое там! Проводим сэра Джеймса взглядом, Артём попытался уснуть, но как уснёшь после такой новости? Это что же — один из его родственников тоже каким-то образом попал сюда, да ещё и семьсот с лишним лет назад? Бред какой-то. Как мог человек родом из тринадцатого века Земли стать техником-настройщиком? С другой стороны... не обезьяна ведь, человек, всему мог научиться... Да, но всего одна шестнадцатая родства — это четвёртое колено, выходит? Да не живут люди столько!

Заснуть удалось только через полчаса. Как следствие, следующий день оказался ощутимо тяжелее предыдущего.

— Госпожа Лилия Корту! — венецианский ювелир, брат господина Горация Тибра, проводил посетительницу в свой кабинет. — Прошу, прошу садиться. Замечательно выглядите! Вам очень идёт бирюза, отличный выбор. Чем могу помочь?

— Не знаю даже, с чего начать, господин Тибр. Мне нужен совет. У меня родственники добывали когда-то поделочные камни. Очень давно, до Вторжения. Я отыскала рабочие записи — они готовились вывозить из шахт уже добытое, крупную партию, когда всё началось. Но пришлось всё бросить, сами еле спаслись. Я знаю примерно, где это место, но это дикие земли.

Ювелир протёр пенсне, и кивнул.

— Понимаю, понимаю. Ну, вы сами понимаете — у вас один выход, нанять армейское сопровождение и посетить те шахты, если они уцелели. А лучше, вначале официально запросить вооружённые силы — мы же не знаем, что там сейчас творится. Почему вы обратились ко мне?

— Видите ли, ко мне обращались люди — видимо, тоже узнавшие о бумагах моих родственников. Предлагали, так сказать, партнёрство.

— Ни в коем случае! — ювелир поджал губы и помотал головой. — Очень легко стать жертвой охолов. Никаких неофициальных способов, госпожа Корту, это добрый совет. Знаете, что? Вы можете дать мне материалы, о которых речь? Всё официально, с нотариусом и всем прочим — я ознакомлюсь с ними в вашем присутствии. Если имеет смысл связываться с экспедицией, я дам заключение. Может быть, это поможет вам закончить труды ваших родственников.

— Обязательно, — Лилия улыбнулась ему. — Бумаги у меня в Риме, я при первой же okazji привезу. Разумеется, я в долгу не останусь.

Ювелир только что руками не замахал.

— Это совершенно излишне. Изделия по эскизам госпожи Скайлис и госпожи Красс приносят нам хорошую прибыль. Я рад, что именно ко мне вы обратились за советом. Здравствуйте!

...Лилия долго сидела на скамейке у фонтана, думала. Похоже, планы у Ортема изменились — или же депешу ему пока не передали. На кого ещё положиться теперь? Про шахты и камни она сказала чистую правду. Правда, родственники Лилии не имеют к этому отношения, она сама наткнулась на эти бумаги, и стоило огромных усилий проверить записи. Каменьев там столько, что Марине и Миранде и не снилось, смогут открыть собственное ювелирное дело. Отправишь туда официальную экспедицию — хорошо, если

хотя бы четверть тебе оставят. А если найдутся наследники, всякое ведь бывает — так и вовсе ничего не получишь.

Марина присылает на счёт Лилии столько, сколько та скажет, но сомнений нет — Марина проверяет, куда всё тратится. Если честно, это обидно. Но сама виновата, однажды ведь потратила их общие сбережения — и потратила глупо, на ветер выбросила.

Нужны деньги. Много денег, на другую экспедицию — в заброшенное убежище, в которое когда-то они пробрались вместе с братом. Лилию мучило предчувствие — что, если те, кто предлагал помочь ей частным образом, отыщут те шахты и без неё? Избавиться от предчувствия невозможно, оно сводит с ума, с каждым днём гложет всё сильнее.

Пора действовать. Больше ждать нельзя.

-

Второй и третий дни все прошли в походах поблизости от новой базы, «Lupus 12A». Интересно, почему убежище называли «волк» — по-латински «lupus»? На фотографиях интерьера — после того, как его отчистили и отмыли — видна волчья голова, эмблема базы. О времени Вторжения записей мало, почти все они засекречены — люди пропадали без вести десятками тысяч, все прятались кто и где мог — то, что единственное прикосновение может передать «пожирателя», и погубить в скором времени всех, с кем соприкасался заражённый, стало понятно далеко не сразу. Когда становилось ясно, что происходит — помочь было уже невозможно.

...Сэр Джеймс говорил, что спутники ведут глубинную разведку, ищут всевозможные пустоты, места потенциального скопления нечисти. Беда в том, что выжить клетки пришельцев могли в настолько огромном объёме — до сорока стадий вглубь — что победа людей на поверхности может оказаться только кажущейся. Главное, что не даёт покоя и военным, и учёным — почему нечисть ничего не предпринимает? Глубоко ушла под землю, нечисти кислород для дыхания не нужен, и — ничего. Только во время извержений вулканов, разломов земной коры она выходит — пытается выйти — на поверхность. Даже мировой океан можно считать уже вполне безопасной областью: планктон и рыбы, которых люди уже сотни лет расселяют по всем водоёмам, несут гибель клеткам пришельцев. Тех, кто покажется над поверхностью воды или суши, вскоре отыщут и выжгут терминаторы. Вмешиваться приходится только в случае прорывов, или крупных катастроф, наподобие недавнего землетрясения.

Чего нечисть ждёт? Чем занимается? Очистить всю толщу коры планеты — задача нереальная, и когда придумали создавать многослойные защитные «подложки» под населёнными пунктами, вздохнули спокойнее. Но всё равно люди живут на бомбе замедленного действия, все это понимают. Улететь с Айура? В звёздной система Айура нет других пригодных для жизни планет, а до ближайшей известной планеты-кандидата лет пятьдесят пути. В одну сторону. Дальняя связь, равно как и нуль-полёты, прыжки через десятки световых лет за считанные минуты — утраченные технологии. Когда ещё удастся заново открыть их! Так и живём, подумал Артём.

-

Марина прибыла на шлюз Ватерлоо экспрессом — в составе военной колонны то есть — меньше, чем за полтора часа после звонка. Вот умеет же всё организовать, даже на первый взгляд невозможное!

— Теперь рассказывай, — Марина, после того как родители встретили её, расспросили о разных новостях, и оставили наедине с Мирандой, выглядела слишком спокойной. — Что

происходит?

Миранда рассказала о своём визите к врачу. Марина нахмурилась, постучала кончиками пальцев по столу.

— Хорошо, давай рассуждать. Получается, кто-то хочет, чтобы нас, всех троих, выгнали с позором. Так?

— Он не выгонит тебя, — буркнула Миранда. — Что бы ни случилось. Я знаю.

Марина улыбнулась, и взяла её за руку.

— Ты — знаешь, а злодей, получается, не знает. Кто это может быть? Кому мы перебежали дорогу? Ингир?

— У неё всё теперь есть. Она и не пыталась в хозяйки напроситься, а ведь могла.

— Значит, не она. Глория?

— Нет, — помотала головой Миранда. — Я говорила с ней несколько раз. Она меня в гости приглашала — надо будет съездить. Её дом в полном восторге, у них это первый сын за десять лет. Она не стала бы так рисковать.

— Я тоже думаю, что не стала бы. Тогда кто?

Миранда помрачнела — встала и подошла к окну, долго стояла там, глядя на Эйфелеву башню.

— Не знаю, — сказала она, наконец. — Извини, я жутко разозлилась, и испугалась тоже.

— Может, пора успокоиться и вернуться? Лекарства я уже все выбросила, купила новые. Или ты всё ещё думаешь, что кто-то дома подливал тебе и мне лекарства?

— Лилию надо ещё спросить, — Миранда посмотрела Марине в глаза. — Чтобы уже успокоиться. Минутку.

С Лилией она поговорила, не сказав ничего вслух. Марина немного завидовала подруге — ей самой никогда не удавалось пользоваться рацией, не раскрывая рта.

— Толком ничего не говорит, — пояснила Миранда. — Ладно. Всё равно не понимаю, где я столько его выпить успела. А потому поеду в Рим, всё выясню. Ты ведь хотела подольше побыть у родителей? Вот и побудь.

Марина обняла её.

— Не переживай, — сказала она. — Что ни делается, всё к лучшему. Я ведь собиралась родителям сказать, когда месяц пройдёт — им первым. Вот и скажу. Только звони, пожалуйста, каждый день.

-

На четвёртый день сэр Джеймс приказал следовать в Париж, но увольнений не случилось: рота обходила все «дикие» поселения вокруг Парижа — помогали чинить защитный периметр, развозили медицинскую технику. Удалось уговорить несколько семей отправить детей на обучение в город. Артёма вновь предупредили: в дикие поселения не входить, одеваться, пока стоят лагерем, ровно в ту же одежду, что и остальные солдаты. Не привлекать внимания, в общем.

Утром пятого дня приказали следовать на базу Корино: туда прибыло много учёных — ну ещё бы, им на тарелочке принесли десять «титанов». Вряд ли военные всех их сожгли: нечисть всё ещё изучают, все крупные её формы — очень ценные объекты исследования. Видимо, хотя бы одного приберегли, для опытов. Артём представил себе, какие должны быть меры безопасности, и содрогнулся.

Это случилось в десять минут пополудни пятого июля, на тридцать третий день —

Артём всё ещё отсчитывал дни своего пребывания на планете. Едва только окончился обед, и было объявлено построение, случилось ровно то же, что в тех случаях, ночью на арене Колизея: накатила слабость, и появились те же самые предвестники: зашумело в ушах, начали пропадать цвета в окружающем мире.

— Сэр Ортем? — сэр Джеймс заметил первым. — Врача в столовую! Как вы себя чувствуете?

— Сэр Джеймс, — язык едва повиновался. — Всё как тогда, в Колизее. Что-то может случиться в ближайшие секунды.

— Охрану дресселя в столовую, — распорядился сэр Джеймс. — Взять его за руки — не отпускать без приказа. Докладывать...

Словно вихрь налетел — затмив собой окружающий мир — и повлёк Артёма куда-то. Так же внезапно рассеялся. Артём обнаружил, что стоит посреди леса — явно в диких землях — а неподалёку стоит тот самый пожилой дрессель, что чуть не зарезал его под Лиссабоном. Артём тут же выхватил пистолет и направил его на неожиданного гостя. И заметил, что на том одежда — комбинезон — которую он сам носил, пока сидел на гауптвахте. Вряд ли там что-то есть.

— Примерно три минуты, — сказал дрессель, отпустив руку Артёма. — Или меньше. Через три минуты всё это повторится. Если хочешь увидеть нечто по-настоящему важное — стой рядом со мной.

— Кто вы? Как сумели уйти с гауптвахты?!

— Марк Флавий Цицерон. Ничего не говорит? Я почти двадцать пять лет служил дресселем в Риме. Давай, я угадаю: ты уже попадал под землю. И чудом выжил. И нечисть там, под землёй, тебя не тронула.

— Откуда вы... Вы могли узнать это из новостей, и что?

— Какие новости на гауптвахте? Так я прав?

— Верно, — кивнул Артём. — Я должен доставить вас на базу. В диких землях мы даже вдвоём долго не продержимся.

— Верно, — дрессель протянул руку. — Осталось полторы минуты. Если тебе интересно, мы сейчас за восемь тысяч стадий от той базы.

— Это невозможно! — Артём опешил. — Невозможно...

— ... двигаться так быстро? Возможно. У тебя есть часы — значит, есть и датчик координат. Посмотри потом, где ты находился. Осталось около минуты. Хочешь доставить меня назад, в клетку — действуй. Я не буду сопротивляться. Кратчайший путь к базе... — Марк Флавий Цицерон задумался на пару секунд. — Вон туда, восток-северо-восток. Пошли?

— Пошли. — Войти в «скольжение» получилось с пары шагов. Дрессель действительно не сопротивлялся, не отставал, не мешал скольжению. Почти сразу же ожила рация.

— Докладывайте, сэр Ортем, мы видим вас на радаре.

— Мы с Марком Флавием Цицероном движемся в направлении базы Корино. Он решил сдаться.

— Принято, — голос диспетчера прерывался. Помехи? Такого раньше не случалось. — Отклонитесь на два градуса вправо. Верно. Старайтесь не менять курс, через три минуты будет озеро — мы сообщим, как его обойти.

— Пять секунд, — сказал спутник Артёма. — Советую взять меня за руку, пока не поздно.

Секунд через пять вновь обрушился вихрь, жаркий и чёрный — и необоримо повлѣк их куда-то.

-

— Свет! — приказал Марк Флавий, и стало светло.

Помещение без окон. Поди, убежище какое-нибудь — их было много; до того, как люди закончили нормализацию атмосферы и водоѐмов, жить предпочитали в убежищах, так что выкопали их огромное количество.

— Здесь я живу последние полгода, — Марк Флавий обвѣл рукой комнату. — Сегодня утром понял, что времени почти не осталось. С твоего позволения, я пока переоденусь. Хороший костюмчик, но я предпочитаю свою форму. Убери пистолет — тут не в кого стрелять, поверь.

Марк Флавий открыл один из ящиков и принялся переодеваться. Тощий, можно сказать — измождѣнный. Совершенно седые волосы, а судя по лицу, ему под девяносто. Никто на Айуре так не выглядит — медицина давно уже научилась сохранять если не молодой, то как минимум зрелый облик человека до самой смерти.

— Где мы? — спросил Артѣм, не сразу решившись вернуть оружие в кобуру. Обстановка, сказать прямо, впечатляющая. Вон те шкафы он видел в убежище, это регенераторы атмосферы — если у Марка Флавия есть запасы воды, смерть от удушья ему не грозит. В углу, несомненно, репликатор — значит, и с едой, и с энергией, и со всеми предметами первой необходимости всё в норме. Коробки, стол, какое-то оборудование, кровать. Где он взял репликатор, интересно? — И что вы хотели сделать там, под Лиссабоном?

— Взять образцы крови. И его, и твоей. Я думал, что найду в них лекарство от своей болезни — но моего врача через два дня схватили, а ваши врачи мне не верят. Тебе интересно, где мы находимся? Я не знаю. Одно скажу: примерно в двадцати стадиях под поверхностью. Чувствуешь, как жарко?

— Невозможно! — мысли помчались в разные стороны. — Убежища не строили так глубоко!

— Кто сказал, что это построили люди? Идѣм, сам всё увидишь. Боишься? Ты же понимаешь, что я мог убить тебя сегодня — а может, и всю твою роту. Не отставай.

Он открыл дверь — оттуда пришла волна горячего сухого воздуха — и шагнул наружу. Артѣм вышел следом, и немедленно закружилась голова — чуть не упал.

Они стояли у стены огромной конусообразной выемки в окружающем камне — спиралью уходящей вниз, постепенно сужающейся. Стены светятся — достаточно ярко, чтобы можно было читать. До противоположной стены на глаз стадий шесть. Артѣм посмотрел вверх — чернота, ничего не видно. Посмотрел вниз.

Там, примерно стадией ниже, на ровной каменной поверхности стояли...

— Возьми, — Марк Флавий протянул ему бинокль. — Осторожно, здесь очень низкое ограждение, падать не советую.

Артѣм подошёл ближе к краю, и посмотрел. И стало очень не по себе — там стояли, несомненно, машины. Возможно, летающие — так и напрашивалось название «летающие блюда». А между ними стояли многие сотни и тысячи... кого там только не было. «Титаны», «кроты», «зомби», «пауки», другие формы. Просто стояли — словно статуи, ни малейшего движения.

— Видишь? Я думаю, это их флот. Космические корабли, или что-то подобное.

— Почему не улетают?! Чего ждут?

— Не знаю. Я спускался туда, вниз. Правда, не смог войти ни в один их корабль. Они не трогают меня — даже дорогу уступают. Ничего не напоминает?

— Но почему вы не сообщили армии?!

— Потому что я — дезертир, друг мой. Мне нет доверия. Потом, я не знаю даже, где это находится. Я попадаю сюда точно так же, как и сегодня — меня просто переносит, и никто не спрашивает, хочу я сюда или нет.

— Нужно срочно сообщить всем остальным!

— Для этого и привёл тебя сюда. Я знаю, как отсюда выбраться, но рано или поздно меня возвращают обратно. И после каждого скольжения вот тут, — Марк Флавий прикоснулся кончиками пальцев к виску, — у меня что-то портится. Чувствую, мне недолго осталось. Расскажи остальным, что видел здесь. И передай мои записи. Идём.

У себя в убежище Марк Флавий открыл похожий на чемодан контейнер — стандартный армейский, не сломается при падении с орбиты на поверхность планеты; не пострадает, если упадёт в лаву. Бумаги, какие-то коробочки, карты памяти. Много чего.

— То, что я успел записать, — пояснил дроссель. — Пора уходить — я неважно себя чувствую. Есть на что сделать снимки? Тогда сделай — покажи им, кто стоит там, на дне. Можешь заснять и мою комнату, я не против.

Было, как в тот раз, когда Артём спасался вместе с Мирандой: вокруг упала чернота — видимо, движутся сквозь толщу камня — затем тишина сдавила уши, оглушал стук собственного сердца, а потом...

Они оказались в Риме, на Колизее. Просто возникли, по словам очевидцев — посреди арены, и метатели копий, там шли соревнования, чуть не убили обоих — только чудом успели изменить направление бросков. Марк Флавий поставил свой «чемодан» у ног Артёма, и достал из кармана... гранату. Её корпус мигал красным.

— Вам лучше отойти, — сказал он тем, кто уже подбегал к ним. — Это случится с минуты на минуту, сэр Ортем, — сказал он. — Возьмите контейнер, и отойдите от меня подальше. Иначе будет жарковато.

— Нет! Не делайте этого! Во всём можно разобраться!

Марк Флавий Цицерон улыбнулся, и подмигнул.

— Разбирайтесь. И примите мои извинения — я никого не хотел убивать. Передайте моему дому, что я не дезертир. Может быть, вы и это сумеете понять. Здравствуйте!

Порыв ветра налетел на арену — вздымая пыль, бросая её в лица. Артём, прикрывая глаза от пыли, успел рассмотреть, что очертания пожилого дросселя размываются, что он становится прозрачным... пара секунд — и нет его.

И тут же стих ветер. К Артёму подбежало несколько полицейских, во главе с префектом района.

— Сэр Ортем, — козырнул префект. — Мне приказано доставить вас в военный городок. Просьба сдать контейнер и оружие.

— Да, сэр, — Артём передал и то, и другое, и зашагал прочь с арены, в окружении стражей порядка. Усталость накатила внезапно — как тогда, в первые походы — упала свинцовой горой, расплющивая реальность и погребая сознание под собой.

-

Миранда прибыла в Рим с рюкзаком, полным провизии — что бы Марина ни говорила, а выпить стимулятор случайно она не могла, значит — или дома, или на работе, на Арене,

кто-то её «угощал». Осталось понять, где именно.

Прибыла — и окунулась в заботы с головой. И почувствовала, сколько всего успевает делать Марина: полсотни человек в доме, со всеми нужно поговорить, узнать — не нужна ли кому помощь, проследить за покупкой всего необходимого. Ингир уже сообщила, что содержание дома, целиком, встанет в тысячу двести зоркмидов в месяц. Сколько зарабатывает Ортем — понять трудно, сам он не хвастается. Юлий, в те дни, когда делал по полсотни походов, мог принести домой до пятнадцати тысяч в день. И ведь не позавидуешь — говорят, и устают они ужасно, и в организме что-то постоянно ломается, пока идёт «скольжение». А без дросселей никак, ведь только они способны за считанные минуты увести из опасной области всё население города — главное, собрать всё население поблизости.

Словом, первый день почти весь прошёл в заботах по дому. Но Миранда не была бы Мирандой, если бы не сумела, ни привлекая внимания, взять образцы всего, что готовят — и ведь отказываться от пищи нельзя, пришлось придумать на ходу, что врач прописал диету. Младший повар тотчас отправился покупать её ингредиенты — в основном там были фрукты.

Ближе к вечеру контейнер с образцами пищи и напитков отправился в Париж. Через полчаса позвонил Клод Нимье.

— Мадемуазель Красс, вы уверены, что с вами всё хорошо? Может, обратитесь в префектуру?

— Доктор, вы же понимаете, что будет дальше. Как только я им скажу, что ищу и почему, покой закончится. Извините, если я вам столько работы добавила! Если вы слишком заняты — посоветуйте, пожалуйста, к кому ещё мне обратиться у вас, в Париже.

— Да нет особой работы, — успокоил её врач. — Я, конечно, слежу за процессом, но в основном это автоматика. Десять секунд на образец, и всё. Я больше за вас беспокоюсь. Не забудьте: много пить и воздержитесь на несколько дней от мужского общества. Насколько это возможно.

Да-да, подумала Миранда, само собой. После такого дня хорошо, если сил хватит до кровати поползти. И это только начало! Вот как Марина всё успевает переделать, да ещё время находит работать над эскизами, нанизывать бусы, и читать по три книги в день?

Депешу с итогами анализа Миранда получила в десятом часу вечера — посмотрела, и забыла про сон. Найдены оба вещества: в сиропе, из которого Марине готовят морс, и в другом — из которого Миранда себе смешивает коктейли. Вот зараза! Всё-таки дома! И кто это всё устроил, интересно?

Отпечатки пальцев, при некоторой фантазии, снять можно, а дальше? Пришлось прокрасться на кухню и разбить обе бутылки. Вообще-то они небьющиеся, но Миранда сложностей не боится. Заодно и порезалась осколком стекла — это не входило в планы, зато вопросов не возникло. Миранда извинилась перед поварами — её успокоили: завтра же закажут и то, и другое. Так и живём, подумала Миранда — остаток ночи ворочалась, почти и не спала. Всё мерещились тихие шаги за дверью и чьё-то неприятное хихиканье.

На следующее утро, третьего июля, Миранда отправилась на Арену. Соединить приятное с полезным: нашла сводную сестру, Клавдию, и от души потратила время на разговоры ни о чём. Не забыв как бы случайно взять по маленькой бутылочке всего, что ей тут выдают в течение дня. Уже совершенно в хорошем настроении вернулась домой, и первым делом проверила: оба сиропа уже на месте, оба помечены — для кого хранят, что из

них готовят. Проверим ещё раз, для очистки совести! Заодно отправила на исследование фрукты для своей «диеты», и всё, что принесла с Арены. Скучать не пришлось: закупки продуктов, мелкий ремонт по дому, и всё прочее — милые ежедневные заботы. Хорошо, что у хозяйки есть подруги, они же помощницы — как такое одной осилить, уму непостижимо. А я-то всё больше собой занималась, подумала Миранда не без раскаяния. Надо чаще ей помогать.

Новая депеша — и Миранда чуть не подпрыгнула, прочитав итоги анализа. Ни фрукты, ни принесённое с Арены ничем особенным не отличились, а вот сиропы...

А вот в сиропах есть оба лекарства. Опять. Замечательно! Откуда?? Младший повар подсыпал по дороге домой?

Миранда досчитала до сотни и обратно, прежде чем отправиться на кухню. Не очень помогло.

— Скажите, а у кого мы их заказываем? — указала Миранда на бутылки. — Марина очень скучает по ним, просила узнать.

И направилась на Торговую Площадь — если в мире что-нибудь продаётся, это всегда можно приобрести в Риме на Торговой Площади.

... Кто не знает Вэнь Лана, поставщика всего, что только может расти в огородах, в теплицах и на плантациях? Родом из Пекина, он давно уже обосновался в Риме; именно к нему, в его огромный магазин, и направили Миранду.

Господин Лан лично проводил её в кабинет и предложил присесть — и выпить чего-нибудь на выбор гостыи. Миранда вежливо, но отказалась — что уже проявление пусть лёгкого, но неуважения. И не стала тянуть резину, сразу положила перед господином Ланом заключение об анализе содержимого бутылок.

— Это чудовищная ошибка! — всплеснул руками господин Лан. — Если только у вас есть малейшие сомнения в качестве — смело говорите, мы немедленно заменим.

— Это ваши? — показала Миранда две новые бутылки, которые ей только что продали в его магазине. Господин Лан придирчиво исследовал бутылки, убедился, что печати на пробках не нарушены и подписаны его, господина Лана, личной цифровой подписью.

— Совершенно верно — и, ручаюсь, безупречны на вкус!

— Вы позволите вызвать сюда курьера? — улыбнулась ему Миранда, и через пятнадцать минут уже давала курьеру инструкции: куда доставить, сколько подождать, куда доставить заключение. Не моргнув глазом, выложила триста пятьдесят зоркмидов за эту несусветную срочность.

Прошло почти два часа в ожидании — господин Лан, вернее его помощницы, угостили Миранду чаем, и развлекли беседами. А когда Миранда молча показала господину Лану полученное только что заключение о содержимом бутылок...

— О горе мне! — причитал господин Лан, утратив на долю секунды всё достоинство и величие. — Какой позор! Я прошу вас, не сообщайте об этом госпоже Ингир. Я лично выясню, что случилось, а пока что...

Как по мановению волшебной палочки, перед Мирандой появились две солидного размера корзины — там, помимо бутылок со злосчастливым сиропом, было много чего вкусного. В обычное время и представить было трудно, что такое сможешь купить. Но сейчас...

— Конечно, конечно, отправьте ещё раз на анализ! И обязательно за мой счёт! — настоял господин Лан. Пришлось ещё два часа ждать, пить чай и вести светскую беседу.

Когда привезли очередной лист заключения, на лице господина Лана отразилась неземная радость. Ничего постороннего на этот раз.

— Я лично разберусь, кто виновник, — пообещал он. — Уверяю, он ответит перед законом, а ваше имя даже не произнесут! Поклон госпоже Ингир и несравненной госпоже Скайлис! Здравствуйте!

Миранда направилась домой, ощущая, что устала — не передать. Корзины уже доставили, и Миранда лишь ответила, что это дар господина Лана их дому — а раз так, что пусть повара порадуят всех домочадцев, чем получится. Праздновать, так праздновать!

Когда удалось добраться до своей комнаты, Миранда рухнула на кровать... и расхохоталась. Долго не могла успокоиться, но полегчало, действительно полегчало. Мысль пришла в голову: Миранда бросилась в комнату Марины — в её студию, где стоял контейнер, «сундук», с теми изделиями, что они с Мариной создали своими руками. Среди прочего — восемь связок бус: горный хрусталь, спасибо Лилии, и яшма, спасибо ей же. Подумав, Миранда выбрала три из восьми. Каждая из них, вероятно, стоит больше, чем те две корзины, вместе взятые, но...

Господин Лан напрягся, Миранда сразу заметила, едва заметил её. Но проводил в кабинет, как ни в чём не бывало.

— Чем ещё могу помочь вам, госпожа Красс? — господин Лан — воплощённое радушие.

— Тем, что сочтёте возможным принять от нашего дома вот это, — Миранда протянула ему связки — видно было, что господин Лан сумел оценить и стоимость, и сам жест. — В знак признательности за то, что уберегли здоровье госпожи Скайлис.

— Вы так щедры! — просиял господин Лан. — Что за прекрасный день! Прошу, прошу вас...

Ну как можно было отказаться от чаепития? Возвращаясь домой, Миранда ощущала себя ходячим аквариумом — только что не булькала при ходьбе. Ладно, ради доброго дела и пострадать можно.

Дома она первым делом вызвала Марину.

— Не зря съездила, — коротко пояснила она. — Я потом расскажу подробно, а пока — просто не волнуйся, ладно? Доброй ночи!

Едва хватило сил дойти до кровати. Как рухнула, так и уснула. И проспала на следующее утро ежедневную пробежку в парке, чего с Мирандой уже лет пять не случалось.

-

Артём открыл глаза. До боли знакомая комната — склад Марцелла Катона, где доктор Ливси некоторое время практиковал.

Сам доктор Ливси дремал в кресле у стены. Артём посидел пару минут, затем проверил, что в карманах и на поясе. Ничего. Это как понимать — теперь на гауптвахту? Или ещё куда?

— Рад, что вы проснулись, сэр Ортем, — произнёс доктор, не открывая глаз. — Заставили вы нас понервничать. Идёмте, у лорда Стоуна есть вопросы.

...Артём рассказал всё, что запомнил. Слушали внимательно, но по глазам видно — верят с трудом. В зале заседаний их было пятеро: лорд Тиберий Стоун, сэр Джеймс Батаник, оружейник Марцелл Катон, доктор Арчибальд Ливси и сам Артём. И никого больше, даже охраны нет.

— Пока без комментариев. Таких пустот на Айуре не находили, — пояснил

оружейник. — Мы бы их давно заметили со спутников, даже на большой глубине. Что касается образцов минералов... Я не могу понять, где именно на Айуре можно собрать такое. Мои сотрудники уже изучают содержимое контейнера. Потребуется время.

— Завтра жду с докладом, господин Катон, — кивнул лорд Стоун. — Сэр Злотникофф. Благодарю вас за службу, до выяснения обстоятельств приказываю Рим не покидать, инцидент огласке не предавать. Люди видели ваше появление и его исчезновение — ни о чём больше никто знать не должен. Вопросы?

— Один вопрос, сэр: могу ли я узнать, кем был Марк Флавий Цицерон?

— В своё время, сэр Злотникофф. Правильно ли я понял, что ваши инциденты со спонтанным перемещением в Риме происходили только на арене Колизея?

— Так точно, сэр.

— Тогда приказ: воздержитесь от визитов в Колизей. Вопросы?

-

Сэр Джеймс и Марцелл Катон проводили Артёма до лабораторий оружейника.

— По совести, я считал исчезновение дресселей сказкой, — покачал головой сэр Джеймс. — А сегодня сам увидел, пусть и в записи. Вы уверены, что он держал в руке термическую гранату?

— Так точно, сэр — на боевом взводе. Я думаю, он не собирался бросать её в нас.

— Хотел, чтобы от него ничего не осталось после смерти?

Артёму стало не по себе. Действительно, а с какой ещё целью он мог её держать?

— Сэр Джеймс, вам бы тоже отдохнуть, раз так всё получилось, — оружейник выглядел, как всегда, бодрым и довольным. — А вас, сэр Ортем, я попрошу остаться. Вот, — оружейник вернулся к нему, когда затворил двери. Указал на стоящую на столе небольшую коробку. — Возьмите с собой, открыть можете дома. Средства телеметрии. Носить не снимая, все инструкции там же. Раз уж вас начало заносить в неизвестные заранее места, будем следить и записывать. Ваш пистолет у меня — завтра зайдите, есть у меня пара идей, как его улучшить. Приятного отдыха!

-

Вечерело — бурный получился поход. Ощущая себя вполне бодрым, словно сутки отсыпался — Артём направился домой. Звонить не стал — здесь или встречаются у шлюза, или уже дома. Где-то на полпути он столкнулся нос к носу с Мирандой. В руке та держала большую папку.

— Это вы! — обрадовалась она. — Вот уж точно чудо! Ужасно рада вас видеть! Не прогуляетесь со мной, Ортем? Я к ювелиру, эскизы надо отнести, Марина попросила.

Идти минут двадцать, если пешком и не торопясь. Вечерний Рим — один из самых оживлённых городов на свете. Миранда выбрала не самые широкие улицы — и всю дорогу не отпускала руку Артёма. И рассказала, вкратце, что тут успело случиться.

— Да уж, — покачал головой Артём. — Весело тут у вас.

— Да, обхохочешься. В общем, пусть Марина пока побудет в Париже. Вы не обидитесь?

— Обижусь, но в другой раз. А когда...

— Стойте! — шёпотом приказала Миранда, и потянула его прочь с середины улицы, к двери одного из магазинов. — Видите?! Это же Лилия! Что она тут делает?

И верно — Лилия, с небольшой, но массивной сумкой на плече. Зашла к тому самому ювелиру, вышла минут через пять — уже налегке. Вышла, и сразу же села в ожидающий её дилижанс. И укатила куда-то.

— Я быстро. Подождите меня здесь, ладно? — Миранда быстрым шагом направилась к ювелирной лавке, и вернулась минут через пять.

— Лилия привезла яшму и опал, — пояснила Миранда. — Где взяла — ума не приложу. Марина просила пока что не интересоваться — вроде бы всё законно. Но почему тайком?! Ведь даже не позвонила!

...Встречать Артёма собрался весь дом. После похода не до рассказов или развлечений — но Артём успел переброситься хотя бы парой фраз со всеми и каждым — видно, что даже такое краткое внимание людей очень радует.

Приведя себя в порядок, он вышел из их с Мариной апартаментов, не очень понимая, куда собрался на ночь глядя. И вновь столкнулся нос к носу с Мирандой. Та взяла его за руку, и мягко, но настойчиво повела за собой.

— Вот, — Миранда сняла покрывало с мольберта. — Вот что получилось.

Не может быть! Миранда изобразила, очень точно, ту картину, которую видел Артём во сне несколько раз — парк у офиса с точки зрения лежащего на траве человека: обступившие кроны деревьев, да здания вокруг. И небо — звёздное небо Земли, Большую Медведицу трудно не узнать.

— Очень похоже, — Артём с трудом отвёл взгляд. — Вы замечательно пишете картины!

— Я знаю, — Миранда улыбнулась. — До Марины мне далеко, но стараюсь. Я угадала со звёздами?

— Откуда вы знаете, что должно было быть на небе?

— А я и не знаю. Так, пришло на ум. Получается, угадала?

Артём долго всматривался. Точно всё передала — и это всего лишь по рассказу? Живопись в Риме в цене, но дома предпочитают ставить голографические скульптуры — и места не занимают особо, и перемещать просто. Артём, с разрешения хозяйки студии, долго листал альбомы с набросками. Всегда завидовал тому, кто умеет нарисовать что-нибудь сложнее зайца, сидящего спиной, подумал Артём. А сейчас просто восхищаюсь, не завидую.

— ... Кто-то поил нас лекарствами, — Миранда показала ему листки с итогами анализа. — Врач сказал ещё, что Марине повезло — могла потерять ребёнка. Получается, кто-то хотел, чтобы её выгнали с позором. Вы ещё не знаете? Это старинный обычай, но его всё ещё соблюдают. Если будущая хозяйка говорила, что хочет быть матерью ваших детей, но за месяц не могла понести, её могли прогнать с позором. А если теряла ребёнка... Хуже и не представить. После такого — лучше сразу идти топиться.

— Я понимаю, почему, не объясняйте, — кивнул Артём. Обычай жестоки, но отражают реальность: когда женщин настолько больше, конкуренция за возможность стать кому-то хозяйкой может проявляться очень и очень жёстко.

— Извините ещё раз, что убежала в тот раз, — улыбнулась Миранда. — Вы ещё не ложитесь спать? Нужно поговорить. У вас наверняка много вопросов, и у меня накопились. Ужасно хочу узнать про Землю, хоть чуть-чуть!

— Потрясающе! — повторила Миранда в который уже раз, парой часов спустя. — Простите, Ортем, я уже на ногах не держусь. Если встанете раньше меня — сделайте мне одолжение, разбудите.

Проводив её до дверей комнаты, Артём вернулся к себе. Уже поговорил со всеми — включая Арлетт Беклин — узнал разные новости. Но та, которой поделилась Миранда,

конечно, самая неприятная. Кто задумал устроить подобное Марине, да ещё таким изощрённым способом? Ведь, по словам Миранды, лекарства были только в тех бутылках, что она собиралась брать домой. Взятые с тех же полок соседние оказались чисты. Как такое возможно? Получается, что злоумышленник, или его сообщник, находился в магазине — не волшебством же это всё делается!

И префектура не помощник: обычаи и суеверия приходится соблюдать. Люди так часто встречаются со смертью, иногда по несколько раз на день, что поневоле начинают верить в сотни примет и тому подобное.

День 34. Свобода или смерть [оглавление]

Пока отдыхали в парке после пробежки, Миранда повторила свой рассказ про вчерашнее расследование.

— Точно-точно, — потёрла она лоб. — Кто-то должен был быть в магазине — кто знает и меня, и Марину. Вот её бы сюда! Она бы все лица запомнила, ничего ведь не упускает. У нас дома есть пара девушек, на подхвате, что называется, так они любят иной раз побездельничать — место тёплое, платят хорошо. Не буду имён называть, ладно? Марина их мигом в чувство привела. Она точно помнит, где кого видела, все до единой бумажки запоминает, каждое своё распоряжение. Я сама слышала, как она спокойно так с ними говорит: нет, на самом деле ты была там-то, делала то-то. Но если тебе не нравится работать в этом доме, можешь найти другое место — я дам тебе хорошую рекомендацию, а дальше уже сама справляйся. Одного раза хватило, на каждую! Их теперь не узнать — и врать перестали, друг дружку покрывать, и делом занимаются. Вот так вот.

— Талант! — Артём сказал совершенно искренне, Миранда покивала.

— Я ей тоже говорю это, часто говорю. Марина всё пытается меня пристроить, куда я раньше хотела. На военную службу, или в академию, чтобы живописи училась. Она ведь думает, что я ради неё от всего, что хотела, отказалась. Всё считает себя виноватой.

— Вы на самом деле отказались?

Миранда улыбнулась.

— Иногда. Так ведь не бывает — чтобы держаться всем вместе, и при этом собой заниматься всё время. Пусть она занимается. Инструктором я и так стала, картины пишу — даже выставку успела одну провести. Я счастлива. Особенно теперь, когда вы рядом, — и взяла его за ладонь. — Сегодня не получится с вами языком заниматься — в доме забот хватает. Но я найду вам учителя.

— Благодарю. А куда Лилия пропала? Вы ещё удивились, что она в Риме.

— Марина её в Венецию отправила, печень и всё остальное лечить. Знаете, она уже на вторую неделю работы в ангаре так всё себе испортила, как другие за десять лет такой работы не портят. Никто не знает, почему. Видимо, не надо ей к танкам близко подходить. В общем, пусть лечится. Я одного не пойму, где она столько камней умудряется находить, почти задаром! Их столько уже принесла, что мне Гораций сказал — можете своё дело уже открывать, если у вас есть надёжный источник — а можем вместе продолжать, вам решать. Марина решила пока вместе работать, мы же в этом деле без году неделя.

Артём покачал головой, и тут ему позвонили.

— Сэр Ортем? — голос оружейника. — Жду вас в лабораториях через час, есть новости.

— Вас понял, сэр, через час, — и Артём поднялся на ноги.

— По службе? — задала Миранда ненужный вопрос. — Сложная у вас жизнь. Идёмте хотя бы позавтракаете, раз так времени мало.

— Поздравляю вас, сэр Ортем, — Марцелл Катон пожал ему руку, и говорит ведь без иронии. — Похоже, вы сейчас единственный из нас, кто успел побывать на другой планете.

В его лаборатории присутствовали лично лорд Стоун и сэр Джеймс Батаник. На лицах обоих явственно читалось удивление.

— В каком смысле, сэр?

— В буквальном. Я снял показания с ваших часов, пока вы приходили в себя. Я их немного улучшил неделю назад, — на лицах и лорда Стоуна, и сэра Джеймса появилась, пусть ненадолго, улыбка. — Так вот, выводы: вы не были на Айуре. Состав атмосферы другой. Нет привязки к нашим службам координат. И главное, сила притяжения: на восемнадцать процентов выше, чем на Айуре.

— Мы были под поверхностью, по его словам — двадцать стадий. Так что координаты...

— Согласен. Связи со спутниками на такой глубине может и не быть. Даже насчёт атмосферы согласен, что в «кармане» под землёй она может быть совсем другой. Но вот гравитацию так просто не подделать. Дополнительно, мы изучаем записи самого Марка Флавия — он оказался добросовестным учёным, всё записывал, перепроверял. Такого количества видеозаписей нечисти с близкого расстояния никто до него не делал, это просто клад.

Артём уселся на стул — тут же поднялся: сидеть, пока начальство стоит...

— Вольно, сэр Злотникофф, — кивнул лорд Стоун. — Мы потрясены не меньше вас. Сидите, сидите.

— И самое главное: мы изучили мировые линии ваших с ним путешествий. В курсе, что такое мировая линия?

— Траектория в пространстве-времени, сэр, по которой я... простите, объект перемещается.

— Отлично — похоже, вы и в самом деле читаете мои инструкции. Польщён. Ваши мировые линии во время перемещения из убежища Марка Флавия и до выхода на арену Колизея, по данным датчика в часах, оставались гладкими. То есть, не зафиксировано момента перехода в нашу область пространства-времени.

Артём не сразу осознал услышанное.

— И как такое возможно?!

Оружейник улыбнулся, и развёл руками.

— Разбираемся. Нужны ещё данные. Вижу, средства телеметрии вы уже носите, замечательно. Загадок прибавилось — как вы сами заметили, нечисть в той локации не вела себя агрессивно, они даже не стали проникать в ту комнату, которую Марк Флавий оборудовал там для себя.

— Мы решили изучить эти явления, — пояснил лорд Стоун. — Вам даётся двое суток на отдых и восстановление сил — каждый день являться на медосмотр, как только запросит сэр Арчибальд Ливси.

— Вас понял, сэр.

— Затем мы проведём опыты на арене Колизея и на базе Корино. С вами будет приданная вам охрана с полным боекомплектom — если уж у вас случаются спонтанные перемещения, необходимо позаботиться о безопасности. Вопросы?

— Никак нет, сэр.

Лорд Стоун кивнул, и они с сэром Джеймсом удалились.

— Вот ещё что, — оружейник потёр переносицу. — Разумеется, я уже докладывал об этом лорду Стоуну. На базе Корино повсюду стоят самые разные датчики. Так вот, в том временном интервале, когда Марк Флавий проник на базу и забрал вас с собой, зафиксировано излучение. Источник определить не удалось — передача велась из большой области в верхних слоях атмосферы — и сфокусировано было на вас. На столовой, то есть. Я изучаю записи излучения — оно модулировано, то есть — искусственного происхождения. Пока всё, что могу сказать.

Артём соображал быстро.

— То есть там, в Колизее...

— Вполне возможно. Теперь на вас датчики — если такое снова повторится, сравним данные.

— Но кто?!

Оружейник вновь развёл руками.

— Спутники немедленно прозондировали предполагаемую область излучения. Ничего. Ни единого материального объекта крупнее миллиметра в поперечнике. Ну, не буду вас задерживать. Да, и вот это, — оружейник протянул ему баночку, в такую собирают биологические и прочие образцы. — Сувенир. Камушки с другой планеты, застряли в подошвах ваших ботинок. Не беспокойтесь — проверено всем, чем можно. Никакой активности, просто камень. Марк Флавий собрал множество образцов минералов.

— Благодарю, — Артём посмотрел на камни — на вид обычные, у любой реки таких можно насобирать гору. — И ещё. Я понимаю, что телеметрия должна быть всегда включена...

— Если у вас будут, так сказать, интимные моменты — есть код фильтрации, по моим данным, вы его установили. Если вдруг забудете, мало ли что случается, просто потрите лоб ладонью, сделайте не меньше трёх движений. Как вы понимаете, оперативные данные строго секретные — никто не получит к ним доступа без санкции лорда Стоуна, — Марцелл Катон улыбнулся и хлопнул Артёма по плечу. — Все мы люди. Если я вдруг замечу такие моменты в записях, сам наложу фильтр. Да, пистолет не забудьте, вон кобура. Объяснять не буду, в инструкции сказано про все доработки. Удачного дня!

— Благодарю, сэр! — Артём покинул лаборатории под впечатлением от услышанного. Другая планета! Только этого не хватало!

-

...Обучение ложбану длилось полчаса, после чего учительница — действительно учительница, обучает детей работе с переводчиком — похвалила. Трудно оценивать действительный возраст женщин Айура: например, Ингир Мантелла за сорок, а выглядит на тридцать, или даже моложе. В общем, учительнице, Кассии Магне Левсис тоже на вид тридцать.

Во вполне уже приятном настроении Артём возвращался домой. Позвонила Марина: решили прогуляться с родителями по Парижу, обещала вечером прислать фото и видео. Разумеется, справилась, как дома дела. По её словам, Миранда отлично справляется, пусть даже сама ещё не пришла в себя после недавних событий.

Артём стоял у себя в комнате, раздумывая, чем бы полезным заняться, когда вошла Миранда.

— Что — то странное, Ортем. Мне только что прислали фотографию — по радиации, но я

не знаю отправителя.

И тут рация Артёма сыграла короткую, но приятную мелодию. «Прислано изображение, адресат неизвестен».

— Мне тоже, — пояснил Артём. — Только что. Как можно посмотреть?

— Годится любой прибор с экраном. Электронная книга, обучающая панель. Да, это подойдёт, — Миранда взяла электронную книгу из рук Артёма. — Сюда прикладываете палец, любой, и мысленно даёте распоряжение передать фото. Смотрите!

Крупнейшая площадь Парижа — площадь Свободы. И крупнейший монумент на планете — стела Свободы, по ночам очень красиво подсвеченная каменная игла, у основания почти десять метров в обхвате, высотой пятьдесят пять метров. И рядом со стелой — Марина, с отцом и матерью. Снимок сделан справа и сзади почему-то.

— Не понимаю, — озадаченно сказала Миранда. — Кто отправитель? Как узнал мой и ваш номера? Приложите сюда любой палец, и мысленно прикажите передать фото.

У Артёма — ровно такое же фото.

— Мне это не нравится, — Миранда потёрла лоб. — Я звоню Марине.

В голове у Артёма словно гранату взорвали — закричали многие голоса — слышался страх, отчаяние, безнадежность. Показалось что один из голосов принадлежит Марине. Когда головокружение прошло, Артём обнаружил, что сидит, опершись о пол правой ладонью. И в глазах двоится, окружающий мир теряет окраску, в уши словно вату впили. И Миранда — белее снега, держит его за ладонь.

— С ними беда, — едва сумел проговорить Артём непослушными языком и губами. Сам не понимал, откуда такая уверенность, что он прав. И провалился — пол стал болотом, вязкой жаркой топью. Фото держалось перед мысленным взглядом — и туда, к Марине, Артёму захотелось попасть — как угодно, но побыстрее!

На спину и плечи обрушился груз — уже не по два пуда на каждую часть тела, а больше. Ощущая, что погружается, что начинает задыхаться в трясине, Артём изо всех сил принялся выбираться из топи, из последних сил выдирая из неё ноги, нащупывая опору.

-

Солнце ударило в глаза. Оказалось, что он стоит на открытом пространстве — где-то, где сейчас полдень.

— Мы в Париже! — ахнула Миранда, которая так и продолжала держать его за руку. — Ортем! Быстрее! «Подушка» долго не выдержит!

«Подушкой» на военном жаргоне называли спасательное устройство — его не только на дилижансы и прочую самоходную технику монтируют, но и в каждое сооружение. Устройство это умеет значительно повышать вязкость среды в заданной части пространства. Выражаясь попросту, может делать воздух вязким, словно кисель. С его открытием лишь очень немногие, кто пользовался «подушкой», разбивались при падении с большой высоты — взамен, как потом рассказывали, они словно падали, находясь внутри свёрнутой коконом очень толстой перины.

Артём не сразу понял, что видит. Хватило примерно секунды: стела Свободы падала, все её многотонные камни разлетались вокруг — взорвана? «Подушка» — видимо, сработала автоматически — сдерживала падение огромных кусков камня, но не могла их остановить — глыбы медленно, но верно опускались. И люди: десятки их стоят в центре творящейся катастрофы — точнее, почти все стоят, некоторые упали. Меньше, чем через минуту-другую каменные осколки опустятся и раздавят их. И прямо перед Артёмом с Мирандой — Марина

и её родители. Замерли, смотрят в пространство широко открытыми глазами, не шевелятся.

— Ортем! Помогите! — крикнула Миранда. — Они оглушены! Возьмите за руки!

Она схватила Марину за руку, другой не отпуская Артёма — потянула. Марина послушно сделала шаг. Артём так же схватил за руку её матушку — и та послушно шагнула, едва её потянули.

Скольжение накатило само собой — безо всякой песни. Артём успел заметить, как расширились зрачки Миранды. Вроде бы пару шагов сделали — но оказались почти в двух стадиях от разваливающейся стелы. Выйти из скольжения оказалось столь же легко и просто.

— Помогите им! — крикнул Артём, силой освобождая руку. — Я за остальными!

Миранда кивнула. Уже видны огни фар, слышны сирены — уже мчится помощь, но ждать некогда.

— Сэр Злотникофф, вы покинули Рим — докладывайте, — ожила рация.

— Не сейчас! Я в Париже, спасаю людей, не мешайте! — крикнул Артём, которого неожиданный приказ выбросил из скольжения. Шаг, ещё — вновь вошёл в скольжение. Осторожно «затормозил», взял за руки отца Марины, префекта Парижа, и какого-то ещё парня, стоящего рядом — развернулся, заскользил в сторону Миранды. Лёгкие горят, ногам очень трудно, но нельзя останавливаться. Затормозил, отпустил спасённых — назад!

Как только он остановился у руин стелы, шагах в пяти материализовалась из ниоткуда незнакомая Артёму девушка в чёрном, как у него самого, комбинезоне — бросила мельком взгляд на Артёма, схватила за руки двух оглушенных, замерших рядом с ней, и... растаяла вместе с ними в воздухе.

Артём не успел обрадоваться внезапно пришедшему подкреплению. Что-то там ему бормотал в ухо диспетчер — некогда, камни опускаются всё быстрее! Отвёл, отпустил — назад. Судя по всему, девушка-дроссель приводила спасённых сюда же.

Третий «рейс». Четвёртый. Лёгкие уже еле выдерживают, и ноет спина, а там ещё так много людей!

Вскоре глыбы опустились так низко, что приходилось проходить сквозь них в скольжении — там, ближе к основанию разрушенного памятника, всё ещё было свободное пространство. Девушка-дроссель тоже времени не теряла — после шестого «захода» оставалось трое, все они лежали на мостовой. Артём попробовал взять одного за руку и войти в скольжение — не получается, нет сил его сдвинуть.

— Очнитесь! — он старался не смотреть вверх — остаётся не более пары метров, и над головой такое повисло — смотреть страшно.

Девушка возникла рядом, схватила Артёма и в скольжении вывела за пределы опасной зоны. Артём тут же попробовал развернуться и вернуться, но она не пустила.

— Не дури! — крикнула она. — Сам погибнешь! Им успеют помочь — нужно привести врачей!

И верно: пока они занимались спасением, несколько дилижансов успели подогнать к месту падения — и сейчас использовали плывущие на воздушной подушке машины как таран, смещали повисшие в плотном воздухе камни.

— Им помогут! — девушка взяла его за плечи. — Быстро, за мной — там нужны врачи!

Артём кивнул, и вдвоём с ней они привели почти полсотни спешащих на помощь людей с другого края площади. Девушка кивнула ему, хлопнула по плечу — молодец — и тут её кто-то отозвал в сторону.

Миранда тем временем сумела привести в чувство Марину и её родителей. Хотя не очень-то они очнулись — хоть и стояли на ногах и могли отвечать на вопросы, всё ещё видно, что в себя не пришли. Заметив Артёма, Миранда помахала ему рукой.

— Этих нужно переправить на тот край площади — там ждут, им в больницу, срочно! Сумеете?

Вместе с Мирандой они провели раненых, кто мог ходить, к ожидавшим их спасательным дилижансам — и вернулись. Ещё и ещё. Наконец, наступила некоторая пауза — и внезапно стало тихо. Только сейчас Артём понял, что всё это время звучала тревога — когда включается «подушка», и сверху падает что-то опасное, автоматика включает оповещение и индикацию направления эвакуации. Каждый школьник заучивает, среди первых обязательных знаний, что если звучит характерный звук, и под ногами мигают и переливаются зелёные стрелки — помогай своим товарищам, кто замешкался, хватай их за руки и беги по стрелкам, не оглядываясь — до области, где под ногами ничто не мигает.

— Ортем Риму, — сказал Артём, поняв, что рация всё это время пыталась привлечь внимание. — Здесь обрушился памятник, я помогал спасать людей. Приём.

— Приказываю продолжать участвовать в спасательной операции — придаю вас спасательным службам Парижа, — голос лорда Стоуна. — Отчёт, как только операцию объявят оконченной. Конец связи.

— Вы мсье Злотникофф, я знаю, — подошла та самая девушка в чёрном. Людей уже почти всех увезли; медперсонал постепенно покидал площадь — у руин памятника уже создали оцепление, там работали инженерные службы, вокруг стояла полиция. — Я Мари Фурье, рада познакомиться. Чем могу помочь?

Артём осознал, что Марина и её родители — пожалуй, последние оставшиеся поблизости, кого никуда не увезли врачи. Что все трое совершенно целы и невредимы — только не вполне ещё понимают, что происходит. Миранда обнимала Марину и что-то шептала ей на ухо, префект точно так же обнимал свою хозяйку. Заметив, что Артём смотрит, Миранда жестом показала — всё нормально, не беспокойтесь.

— Нужно проводить их домой и вызвать врача, — пояснил Артём. — Мне приказано участвовать в спасательной операции. Чем я могу помочь?

— Ортем, в укрытие, противник слева! — голос оружейника из радиации, по громкой связи. — В укрытие!

Девушка сильно толкнула Артёма прочь от себя — да так, что только чудом он не ударился затылком о мостовую. И тут же сгусток синего пламени пролетел между ними. Артём успел заметить, что Мари сделала жест, словно пытаясь обнять остальных четырёх — и исчезла вместе с ними.

— На вас снова наводятся, прямо по курсу! — доложил оружейник. Теперь Артём и сам видел — стреляют сразу двое. Человек обычный, пусть даже чемпион по бегу, не сумеет ускользнуть от заряда булавы. А дроссель?

В скольжение пришлось входить из низкого старта. Заряд прошёл насквозь, не причинив вреда, но радоваться некогда — от неожиданности Артём выпал из скольжения. Стрелки уже запрыгивали в дилижанс. Чёрта с два, подумал Артём, вновь входя в скольжение, не уйдёте!

Очень странное ощущение — идти медленно-медленно, при этом оставаясь рядом с несущимся со скоростью стадий пятьсот в час дилижансом. Один из стрелков за рулём, другой осматривается, оружие наготове — но Артёма не видит, понятное дело.

Поворот налево. Что делать? Запрыгнуть внутрь — не получится. Куда они едут? Люди разбегались, чтобы дать дорогу экипажу, а тот поворачивал в сторону менее оживлённых улочек. Куда направляются? Как остановить?

В пистолете есть импульсный световой излучатель — чем-то таким оглушили людей там, на площади Свободы. Но потребуются выйти из скольжения, чтобы выстрелить светом.

Поворот. Ещё поворот. Артём осознавал, что силы тают — а стрелять нельзя, люди вокруг, на улицах! Что, если кого-нибудь собьёт?

Наконец, дилижанс свернул в относительно безлюдную часть города. Вот он, шанс: обогнать, встать у поворота — там без вариантов, повернёт направо — попытаться подловить водителя.

Получилось с первой же попытки. Автоматика сработала: дилижанс не врезался в здание на полном ходу, успел включить «подушку» и экстренное торможение. Но водитель явно в отключке.

Зато второй злодей избежал этой участи, и уже замахивался булавой, когда Артём подбегал к нему. Выстрел пучком света — бесполезно, на нём шлем, он явно фильтрует вспышку, не даёт ей ослепить, дезориентировать.

Далее было как на Арене: Артём только и успевал уклоняться и маневрировать, противник явно знает толк в рукопашной — понимал, что дроссель рядом, и двигался так, чтобы по возможности достать булавой человека, где бы рядом тот ни появился.

В один из таких пируэтов рядом возникла Мари и сделала подсечку — противник полетел кубарем. Мари сорвала с него шлем и «испарилась» прежде, чем булава задела её. Отлично. Противник замахивался, не зная, что Артёма перед ним уже нет — и оглянулся в очередной раз. И получил следующую вспышку в лицо.

— Вовремя я пришла, — Мари возникла рядом, вышибла булаву из рук неприятеля, и указала: — Переверни его на живот, пока не очухался.

Мы уже на «ты»? Впрочем, неважно. Помог перевернуть — Мари добыла две пары наручников и сковала человека в запястьях и щиколотках. А на лицо его набросила что-то чёрное, на вид липкое — уши, рот и глаза оно залепило, но похоже, что дышать не мешает. Оригинальное приспособление.

— Кляпов не видел? — поинтересовалась Мари, увидев, как Артём рассматривает обездвиженного неприятеля. — Где второй?

— Там, — указал Артём. Отсюда видно, что так и лежит на руле.

— С ним тоже порядок, — Мари выпрыгнула из руин дилижанса. И в этот момент подкатила полиция.

— Благодарю за содействие, — кивнул им капитан полиции. — Не ранены? Помощь не требуется?

Мари и Артём посмотрели друг на друга, и почти в голос сказали: — Никак нет, мсье.

Когда их отпустили, Мари протянула руку, и указала направление.

— Нам туда. Ловко ты остановил их. Учись драться, пока не поздно. Он явно бывший военный — это тебе не улиток по бистро гонять.

— Улиток? — не понял Артём, и Мари рассмеялась.

— Обычных людей. Которые не скользят. Ты как там очутился? Никто ещё не приходил на вызовы раньше меня.

— Там был близкий мне человек. Видимо, я очень захотел оказаться рядом.

Мари присвистнула.

— Постой, ты что — из Рима успел добратся?! Научишь? — она схватила его за обе ладони, вынудила остановиться. — Я о таком только читала, никогда не видела. Так научишь?

— Если можно такому научить. Прямо сейчас учиться начнём?

Она рассмеялась, и снова хлопнула его по плечу.

— Ты устал, — заметила она. — Я отвела твоих домой к префекту. Та девушка в бусах — твоя хозяйка, верно?

Артём кивнул.

— Повезло ей, — снова улыбнулась Мари. — Меня бы так кто-нибудь любил и спасал... Извини, болтаю без умолку, после заварушки всегда так. Отвести тебя к ним?

— Благодарю за службу, сэр Злотникофф, — удивительно, но лорд Стоун потребовал видеосвязь. — Пользуюсь случаем передать благодарность от властей Парижа, за помощь в спасении людей и задержании преступников. Оставайтесь в Париже, завтра в десять утра по римскому времени ожидайте приказаний.

— Вас понял, сэр!

Лорд Стоун улыбнулся и прижал ладонь ко лбу, прежде чем дать отбой. Я умудряюсь нарушать почти все приказы, подумал Артём, а получается, что благодарят за службу. Чего только не случается!

Все, кроме Марины, сидели в гостиной — хозяева дома дремали в креслах. Врач уже отбыл — кроме последствий применения светозвукового оружия, ничего не обнаружил. Миранда подбежала к Артёму, и провела его в комнату Марины — та спала, улыбаясь.

— С ней всё хорошо, — сказала Миранда, понизив голос. — С ними обоими, — поправила она. — Доктор сказал, что она не вспомнит, скорее всего, всех подробностей. Я думаю, и не нужно. Вы не ранены?

— Нет, — покачал головой Артём. — Ссадины и прочая мелочь, ничего серьёзного.

Миранда обняла его, долго не отпускала.

— С вами как в сказке, — шепнула она. — Я уже говорила? Ну и ладно, ещё раз скажу. Иногда очень страшно, но всегда всё кончается хорошо. Её мама с папой тоже не пришли ещё в себя. Видимо, завтра поговорим, я их сейчас спать отправлю.

Звонок. Артём прижал ладонь к уху, и Миранда поспешно отвела его прочь — в другую комнату.

— Ортем? Не мешаю? — голос Мари Фурье. — Мы с друзьями приглашаем вас посидеть, немного прийти в себя. Через час, кафе «Две мельницы». Придёте?

— Мои новые поклонники, — пояснил Артём, выключив микрофон рации. — Приглашают посидеть с ними.

— Идите, — кивнула Миранда. — Это ваш вечер, вы заслужили. Не беспокойтесь, вы и нам ещё всё расскажете, когда сможем оценить. Я справлюсь, не беспокойтесь, — приподнялась на цыпочки, и поцеловала его в щёку. — Всё, не мешаю!

— Да, Мари, с удовольствием, — ответил Артём. Конец связи. Коротко и ясно, ничего лишнего. Операция официально объявлена оконченной — ведётся расследование, восстанавливают стелу Свободы, повсюду на улицах патрули, стаями летают полицейские зонды — но в остальном Париж вновь живёт обычной жизнью.

Едва Артём вышел на улицу, из-за угла вышла Мари Фурье. Всё в том же чёрном

костюме.

— Решила проводить, — пояснила она. — А то вдруг заблудишься. Есть серебряные монеты?

Артём опешил.

— Зачем?

— Сам увидишь. Идём, сейчас будут, — она взяла его за руку и указала направление. Шла молча, улыбаясь, глядя в сторону. Как только они пересекли очередной перекрёсток, к ним бросилась девочка лет восьми, с огромной алой розой в руках.

— Мадемуазель Мари! Это вам! За бабушку с дедушкой!

Мари присела, обняла девочку, и приняла цветок. Поднесла бутон к носу... и замерла, улыбаясь.

— А это тебе, Анна, — протянула девочке что-то круглое, блестящее. — На удачу! Здравствуйте!

Девочка умчалась, сияя, и в сторонке — Артём видел — её сразу же окружила компания других детей, всем не терпелось посмотреть на подарок Мари.

— Не бойся, не отберут, — пояснила Мари. — Мы уже пришли, нам в эту лавочку.

Лавочкой оказался магазин антиквариата. Удивительно, но там был и подлинный антиквариат, хотя все желающие могли за небольшую сумму получить точную копию старинной вещи.

— Мсье Фламель, мы к вам, — Мари чуть подтолкнула Артёма вперёд. — Мсье Злотникофф случайно остался без серебра. Поможете?

— С удовольствием! — хозяин лавки, Мишель Фламель, положил на стол перед Артёмом пухлый том. — Здесь образцы. Если сможете нарисовать, я могу сделать по вашему эскизу.

На Артёма напало вдохновение: назвать это эскизом трудно, но удалось более или менее точно воссоздать аверс и реверс монеты, которую запомнил на всю жизнь, увидев в детстве в фильме про пиратов.

— Похоже на старинный дублон, — заключил хозяин, улыбаясь. — Отличный выбор! Сколько вам их сделать?

...Когда они уходили, в карманах Артёма звякало с полсотни дублонов. И встало это удовольствие в пять зоркмидов за монету. Солидно — впрочем, подлинный антиквариат здесь куда дороже.

Когда они с Мари вошли в кафе, им устроили овацию. Хлопали и по-римски, ладонями над головой, и по-здешнему — перед собой. Мари, улыбаясь всем, кто её приветствовал, указала направление, по дороге вручив розу официантке, и что-то шепнув той на ухо.

— Нам туда, — указала она в сторону дальнего от входа угла.

За столом сидели двое мужчин; один оказался Виктором Маккензи — улыбнулся и кивнул обоим вновь пришедшим. Второй, незнакомый Артёму парень лет двадцати пяти, рыжеволосый и круглолицый, встал, сияя, что твой пятак.

— Знакомьтесь, — сказала Мари. — Мсье Ортем Злотников — мсье Димитри Петрофф.

— Маша, ну сколько раз говорить! — возразил вновь представленный. — «Петров», а не «Петрофф»!

— Кто тут тебе «Маша»? У тебя на табличке на номере написано: «Петрофф». Так и зову.

Петров расхохотался, следом за Виктором и Мари, и указал — присаживайтесь. Артём

заметил, что на столе перед обоими дросселями — не было сомнений, что и «Петрофф» тоже дроссель — кучки серебряных монет, и лежит пара игральные кости. И по солидного размера кружке.

— Как самочувствие после сегодняшнего, Артём? — поинтересовался Петров, и взмахом ладони позвал официантку.

— Не дождётесь, — сам от себя не ожидая, ответил Артём. Возможно, от удивления: в кои веки кто-то правильно произнёс имя!

Петров, а следом и остальные, расхохотались.

— Теперь верю, что Артём, — Петров привстал, и хлопнул Артёма по плечу. — Пиво пьёте? Всё верно, мы тоже сегодня не пьём. Завтра на службу. Но на вкус очень похоже! — указал он на возникшую перед Артёмом кружку. — Расскажите, как вам удалось добраться до площади так быстро!

— Парни, мы не в полиции, — перебила Мари. — Меня уже тошнит от протокола. Давайте уже на «ты»!

— Согласен, — Виктор поднял свою кружку. — За новых друзей!

— За друзей! — присоединились Петров и Мари. — Рассказывай! — потребовала Мари толкнув локоть Артёма.

— Пусть лучше споёт, — возразил Виктор, бросая на стол игральные кости, раз за разом. — Я слышал, он хорошие песни знает.

— Просим, мсье Злотникофф! — воскликнул кто-то из стоящих рядом. — Спойте!

Возглас поддержало всё кафе. Артёму тут же освободили табурет у стойки, а парой секунд позже нашлась флютя. И стало тихо — бывают же чудеса.

Артём не сразу выбрал, что исполнить. Припомнил дублон, и сама собой пришла на ум песня — может, на слух и заунывная, вовсе не весёлая, но всё равно берущая за душу. Песня, с которой пираты шли на виселицу.

The King and his men Stole the Queen from her bed And bound her in her bones — The seas be ours And by the powers Where we will we'll roam.

Кафе молча внимало. Виктор едва заметно кивал в такт ритму, постукивая по столу костяшками пальцев.

Yo ho, all hands, Hoist the colours high! Heave ho, thieves and beggars, Never shall we die!

Виктор подхватил припев первым, отбивая ритм кружкой о стол — и остальные двое за столом присоединились.

Now some have died And some are alive — And others sail on sea With the keys to the cage And the Devil to pay We lay to Fiddler's Green.

Что-то очень похожее, думал Артём, при этом не теряя сосредоточенности, не отвлекаясь от музыки и ритма. Мы все словно в океане: стихия под ногами — дикая, непредсказуемая, в любой момент готовая вырваться и поглотить всё, до чего дотянется. Мы все здесь на корабле — не зря родные и близкие прощаются со всеми, кто уходит в поход. Всякий раз прощаются — навсегда. И до слёз радуются тем, кто возвращается живым.

Yo ho, haul together, Hoist the colours high! Heave ho, thieves and beggars, Never shall we die!

Подхватило всё кафе — и все теперь отбивали ритм, кто кружками — а кто каблуками.

The bell has been raised From its watery grave — Hear its sepulchral tone? A call to all Pay heed the squall And turn yourself to home.

Похоже, слова песни здесь знает не только Артём, поскольку многие стали подпевать — и без ошибок. И Артём почти воочию почувствовал себя на палубе пиратского корабля,

только что после боя — есть убитые и раненные, порваны паруса и канаты, но все выжившие непреклонны и решительны.

Yo ho, haul together, Hoist the colours high! Heave ho, thieves and beggars, Never shall we die!

Теперь подпевало всё кафе — и с улицы заходили и заходили ещё люди, хотя мест уже почти и не было.

Yo ho, haul together, Hoist the colours high! Heave ho, thieves and beggars, Never shall we die!

Ощущение, что он на корабле становилось всё сильнее — на подлинном корабле среди моря, где никакие грязь, дым и смрад не могут заглушить ясного, чистого запаха свободы, и ощущения, что день прожит не зря.

Артём окончил песню — и поклонился собравшимся. Кафе взорвалось свистом и аплодисментами. Мари подошла к Артёму, обняла и поцеловала — в губы. Возгласы восторга и свист стали громче. Мари долго не отпускала его.

— Ещё, мсье Злотникофф! — крикнул кто-то, и кафе подхватило этот крик.

...Только после пяти песен ему разрешили сделать перерыв. На столе уже ожидала, помимо кружек, настоящая еда — мясо, тушёное с картошкой, зелень, приправы... Артём ощутил, до чего же он голоден.

— Отлично, друг мой! — Виктор тоже похлопал его по плечу. — И отличные песни. Давай, подкрепись, пока можно. В кости играешь?

Артём покачал головой.

— Научим. Мари, твоя очередь! Спой людям, дай человеку поесть!

-

Время текло, и текло, и текло. Спеть по несколько раз успели трое из них, не считая Виктора — тот оставался непреклонен: слуха нет, голоса нет, не приставайте. У Мари оказался очень приятный, низкий голос — и баллады, которые она исполняла, собравшиеся приветствовали неизменным свистом и аплодисментами. Наконец, отыскалось время и для игры. Стало понятно, зачем монеты — на них и играли.

Удивительно, но Артёму везло чаще остальных. Впрочем, Фортуна — дама непостоянная, и кучки серебра на столе время от времени скапливались у разных углов. Давно Артёму не было так весело. Никто не говорил о походах, о случившемся сегодня — всё больше травили байки из жизни, причём весёлые, интересные. Особенно понравилось собравшимся, когда Артём поведал им, какие слова ему поначалу мерещились, пока не настроил переводчик. Правда, похоже, что и Петров не в курсе, что такое ОСАГО — да и откуда ему?

И, наконец, кости отложили, и все четверо переглянулись.

— Что ж, пора и по домам, — предложил Виктор. — Ещё увидимся.

Ему кивнули. Петров подмигнул Артёму, и тот понял, что сейчас произойдёт. Все, кроме Артёма, исчезли — были, и не стало их. Вот это умение, подумал Артём, входить в скольжение с места! Ему самому потребовалось встать и сделать один шаг по-настоящему. Серебро так и осталось на столе — и что-то подсказывало, что оно не останется там надолго. Несомненно, это подарок остальным — на удачу.

Похоже, в Париже дросселям не возбраняется передвигаться скольжением. Одно правило, действующее во всех городах: не проникать в жилища и здания без разрешения, входить туда, как входят все люди — пешком, на виду у всех, никакого скольжения.

Мари возникла рядом с ним, когда Артём, всё ещё в скольжении, пытался понять, где дом префекта, куда двигаться.

— Не туда, — сказала она. — Сегодня ты мой. Сопротивление бесполезно!
И повлекла его за собой.

-

— Свет! — приказала Мари. Странное место, напомнило Артёму убежище, или базу Корино — окон нет, двери не видно. Просторно, запах жилой — не застойный. — Не ищи дверь, не найдёшь. Я одна тут живу.

— Убежище? — предположил Артём. Мари кивнула, и вновь поцеловала его.

— Не чувствую, — она прикрыла глаза. — Ничего не чувствую. Там, в кафе, еле сдерживалась... а сейчас ничего.

— Ты устала? — предположил Артём. Мари покачала головой, не отпуская его.

— Со мной так всегда. Когда не нужно, ничего не чувствую, как деревянная. Останешься? Просто побудь рядом. Я слишком долго бываю одна.

...Артём ощутил, что Мари, рядом с ним, рывком уселась, судорожно всхлипнув. Сам собой повысил яркость ночник. Мари озиралась, её страх Артём ощущал всем существом. Он уселся, обнял её, она прижалась к его плечу, тяжело дыша. Затем... рассмеялась, и явно начала успокаиваться.

В ушах зазвенело. Артём ощутил, что на него — на них — смотрят, и повернул голову. Только чудом не завопил, и не бросился бежать — у кровати стояли десятки «зомби». Двое ближайших, меняя уродливые, неприятные лица, с неизменной улыбкой, наклонились — словно спрашивали: чего изволите? Артём ощутил их запах — смесь запахов разрытой могилы, горячей крови, тлена.

— Их нет на самом деле, — шепнула Мари, обхватывая его за плечи. — Только не бойся. Вспомни что-нибудь смешное, постарайся рассмеяться.

Удалось. Уже не очень помня, что именно смешного вспомнил — рассмеялся, и наваждение сгнуло. Мари погладила его по голове.

— Не верила, что так бывает, — сказала она. — Теперь верю. Если два дросселя... если они проводят ночь вместе, то приходят они. Говорят ещё, что если по-настоящему испугаешься, если побежишь — станут настоящими и сожрут, — она передвинулась, уселась ему на колени.

Теперь он мог рассмотреть её — днём костюм скрывал почти всё. Мулатка — или как это назвать, ведь в ней, несомненно, смешалась самая разная кровь. Неважно, в общем — смуглая, ёжик коротких чёрных волос, полные губы и глубоко посаженные, карие глаза. Невысокого роста, по грудь Артёму — но коренастая, о таких мышцах ему мечтать и мечтать! Мари взяла его руку, прижала к своей груди — Артём ощутил, как сердце бьётся всё чаще.

— А вот теперь ты мой, — прошептала она, и рассмеялась, запрокинув голову. — Даже не пытайся. Сопротивление бесполезно!

-

В пять утра Артём проснулся — «удобства» есть, уже хорошо — и начал делать зарядку. Мари немедленно уселась, и одобритительно кивнула.

— Глазам не верю. Парни вообще все лентяят, хилые какие-то, щелчком перешибить могу. А ты занимаешься!

Через пару минут она к нему присоединилась.

— Завтрака не будет, я никогда никого не кормлю, — рассмеялась одна, когда с упражнениями было покончено. — В городе поедим. Есть одно славное место: народу мало,

открывается рано, поклонники не лезут. Пойдём?

...В семь ровно они постучали в дверь апартаментов префекта. Открыла Марина. И улыбнулась обоим, жестом пригласила войти.

— Мадам Злотникофф, — Мари поклонилась, сняла у себя с шеи ожерелье из ракушек — только сейчас Артём его заметил. Интересно, зачем прятала? — Это мой выкуп, — вновь поклонилась, и протянула ожерелье, держа его в ладонях.

Марина вернула поклон, и бережно приняла дар, надела его. Поманила к себе Мари и обняла её.

— У вас замечательный хозяин, Марина, — Мари улыбнулась им обоим. — Я вам завидую. Здравствуйте! — она подмигнула Артёму, и... исчезла.

Марина вздрогнула, и рассмеялась. Взяла Артёма за руку и привела в свою комнату.

— Не помню, что же вчера случилось, — призналась она, затворив дверь. — Миранда говорит, вы спасли меня, папу с мамой, много других людей. Ужасно соскучилась! — и обняла его. — Не сердитесь на меня, — шепнула она. — Я знаю, их будет ещё много. Ничего не могу с собой поделать, когда вы со мной — только я и вы. Завтракать будете?

— Только чай, если он есть.

— Сейчас закажу, — пообещала Марина, отпустив его. — Я скажу папе с мамой, как только они проснутся — вчера закончился месяц. Я хорошая хозяйка, сэр Ортем?

— Замечательная, — он взял её за руки. — Оставайтесь такой же счастливой, как сейчас.

День 35. Утомительный прадник [оглавление]

Больше всех новостям обрадовалась мама Марины — хотя возможно, что префект всего лишь хорошо скрывал свои подлинные чувства. Как только Агата Скайлис, Марина и улыбающаяся, тоже очень довольная Миранда уединились в комнате Марины — Кай Луций Скайлис, префект Парижа, пригласил Артёма в свой кабинет.

— Очень рад за вас с Мариной, — пожал он руку Артёму. — Я думал, что успею узнать, но вы замечательные конспираторы! — улыбнулся он. — Есть важные новости, Ортем. Простите, что порчу ваш с ней праздник, но это важно. Идёт расследование; как вы понимаете, устроить диверсию такого масштаба случайные люди, тем более отдельные охоты, не могли: и заложить взрывные устройства, и знать маршрут тех, кто должен был погибнуть, могли хорошо организованные люди, с доступом к армейской технике.

— Понимаю, мсье, — кивнул Артём.

— В этом кабинете, когда мы одни, достаточно просто по имени.

— Вас понял, Кай, — сказал Артём и вспомнил, с каким трудом Марине поначалу давалось не называть его «сэр Ортем» везде и всегда. Самому очень непривычно.

— Марине, по обычаю, положено вернуться сегодня домой и там объявить обе новости домочадцам. Я хотел бы, чтобы вы приняли в дом, на несколько недель, двух моих специалистов. Как гостей из Парижа — у вас в доме всегда есть свободные комнаты, а снять комнату рядом с дросселем мечтают все, как вы понимаете. Они будут вашей с Мариной охраной, пока вы дома.

— Вас понял, мсье... простите, я понял, Кай. Да, разумеется. Скажите, Миранда говорила вам про фотографии?

Префект насторожился. Похоже, не говорила, подумал Артём, и рассказал. Префект не подал виду, однако новость его явно не обрадовала.

— Можете передать мне вашу рацию? — поинтересовался Кай Луций Скайлис. — Наши

специалисты исследуют, откуда отправлено фото.

— Так точно... простите. Сейчас, Кай, — Артём снял рацию — уже удаётся делать это с первого раза — положил её на стол, и взял из коробочки в кармане куртки запасную.

— Я должен сообщить об этом немедленно, — пояснил префект. — Это может многое объяснить. Прошу подождать.

Он тоже умеет вести переговоры по рации, не открывая рта. Очень полезное умение — вроде бы ничего сложного, но далеко не всем людям оно по силам.

— У нас теперь есть вторая версия, — добавил префект. — Вы помогли задержать под Лиссабоном Марка Флавия Цицерона, который работал с группировкой охолов. Теперь есть и личный мотив: раз вам дали понять, где мы с Мариной находились в тот момент — явно хотели, чтобы вы поняли: случившееся на площади Свободы — не случайность. Поскольку вас там ожидали, и пытались убить — всё складывается.

— Кто-то мстит мне?

Префект кивнул.

— Самый простой и очевидный мотив. С вашей помощью их группировка лишилась мобильности, не стало поставщика техники, в течение следующих двух дней схватили также их врача и оружейника. Выводы очевидны. Разумеется, пока что это только версия. Не можете ли вы припомнить ещё чего-нибудь?

Артём вспомнил рассказ Миранды о её расследовании там, дома, и префект кивнул. И ровно через полминуты в дверь его кабинета постучалась Миранда. Успел позвонить ей, получается.

-

— Простите, мсье, — Миранда явно готова сгореть со стыда. — Я должна была сразу сообщить. Я боялась сообщить в римскую полицию. Меня бы первую задержали, когда получили бы сведения, от чего меня вылечил мсье Нимье. Всё, что хотела — чтобы не было больше этих лекарств.

— Миранда, — префект жестом пригласил её присесть. — Я ни в чём вас не упрекаю. Вы очень беспокоились за Марину. Совершенно верное решение, что уговорили её приехать, и ничего не принимать до приезда. Вам нужно было сразу же сообщить нам. В следующий раз...

— Я всё поняла, мсье, — Миранде всё равно очень неловко.

— Есть ещё один вопрос, — префект посмотрел на Артёма. — Он личный. Возможно, мне стоит попросить мсье Ортема временно оставить нас наедине.

— Если можно — пусть останется, — Миранда, сидевшая на соседнем с Артёмом стуле, взяла его за руку.

— Клод Нимье отметил в вашей карточке, что вы предохранялись, начиная с того дня, когда мсье Ортем объявил, что берёт Марину хозяйкой.

Миранда вздрогнула, бросила взгляд на Артёма, и посмотрела на префекта.

— Не может быть! Вы же понимаете, это нелепо!

Хозяйка всегда приходит с подругами — помощницами, подумал Артём. Никто и никогда не может гарантировать, что у женщины получится зачать, даже если биологически момент выбран удачно — это всегда лотерея. Подруги помогают хозяйке и в этом: если ребёнок будет у кого-то из них, он также будет считаться ребёнком хозяйки — гарантией того, что она станет полноправной хозяйкой по истечении первого месяца. Действительно, зачем бы ей предохраняться, когда нужно прямо противоположное?

Миранда посмотрела на протянутый префектом лист — на выписку из её карточки. Всё честь по чести, официальный запрос префектуры, и ответ Нимье — ровно то, о чём запрашивали, ничего сверх того.

— Ведь смотрела, сама смотрела, и не увидела, — сказала она. — Ничего не понимаю, мсье. Я не могла так поступить, — и посмотрела на Артёма. — Извините, Ортем!

— Я всё понимаю, — он сжал её ладонь. — Извиняться не нужно.

— Если вы принимали препарат против своей воли, значит, кто-то хотел устранить Марину, как возможную хозяйку, — заключил префект. — Поскольку она могла потерять ребёнка — это особо тяжкое преступление, покушение на жизнь и репутацию. Я уже сказал мсье Ортему, что в ваш дом придут два моих человека. Мы сегодня же возобновим расследование. Передайте нам все заключения, присланные мсье Нимье, и подробности ваших визитов к мсье Вэнь Лану.

— Есть, мсье! — Миранда отпустила ладонь Артёма, и встала. — Все бумаги у меня в Риме.

— Вольно, — улыбнулся префект. — Миранда, вы дважды спасли жизнь Марине и её ребёнку. Когда вызвали её в Париж — и вчера, ещё раз. Вам не в чем себя упрекнуть. С вашего позволения, я должен провести совещание.

Миранда вышла из его кабинета, как в тумане, прошла в свою комнату — Артём следовал за ней. Марина и её мама что-то обсуждают в гостиной — судя по голосам и смеху, обе счастливы. Миранда поймала Артёма за руку и, как только перешагнула порог, прикрыла дверь. И обняла Артёма.

— Вы понимаете, почему я тогда к вам напросилась, — сказала она шёпотом. — Что уж скрывать, и так понятно. Нам нужен был ребёнок — неважно, у кого бы он родился. Но потом... Я люблю вас, Ортем, — она отпустила его и прижала палец к его губам. — Не вздумайте говорить. Не надо ничего говорить, я сама увижу, — смотрела, не отводя взгляда, в его глаза. — Верю, — и снова обняла его.

— Нам пора, — сказала она через пару минут, отпустив Артёма. — Сегодня важный день. И покоя опять не будет, особенно у меня, — улыбнулась она. — Через полчаса вас вызовет лорд Стоун, — напомнила Миранда. — Идёмте, хоть немного посидим все вместе.

— ...Лилия не отвечает, — Миранда появилась из своей комнаты. Лорд Стоун приказал прибыть в Рим и пройти обследование у доктора Ливси, а также отчитаться по вчерашним событиям — во всех подробностях. — Оставила ей послание. Мы с Мариной уже готовы. Дилижанс стоит у выхода — нам разрешили следовать той же колонной, в общем строю, гражданских экипажей там нет.

— Это не опасно для Марины?

— До шестого месяца не опасно, — заверила Миранда. — Только если человек в принципе не переносит скольжения.

...В колонне Марина и Миранда двигались двумя шеренгами позади Артёма — следом за охраной дросселя. Колонну придали немаленькую — пять тысяч человек военнослужащих, тридцать единиц техники. К удивлению Артёма, «сдвинуть» всё это с места получилось легко, дорога в Рим не особо и утомила. Всё верно, соединять приятное с полезным — если уж надо в Рим, то провести путь с пользой.

-

Доктор, к удивлению Артёма, провёл полное обследование практически молча. Не в духе? Или торопится?

— Ничего тревожного, — заключил он, вернувшись за стол. — Поздравляю вас с очередным гормональным всплеском — ну или сочувствую, вам видней. Если всё пойдёт по плану, завтра проведём эксперимент. Есть новые имена?

Артём кивнул, и сказал про Мари Фурье. Доктор удивлённо воззрился на него.

— Дроссель, — покачал он головой. — Интересный поворот. Пока вы были вместе, не случилось ли чего-то необычного?

— Галлюцинации, доктор, — усмехнулся Артём. — У нас обоих. Она не сказала, что видела, а вот я...

И поведал подробности. Доктор и их записал, не моргнув и глазом.

— Ещё одна двойня, — добавил он. — Арлетт Беклин. Мальчик и девочка. Она не сказала вам? Странно. Тогда считайте, что я не говорил — точно помню её слова, что вы и так уже знаете. Всё, сэр Ортем, более вас не задерживаю.

Оружейник ждал Артёма, и выглядел довольнее обычного.

— Люблю загадки, сэр Ортем, — пояснил он, — а вы их столько приносите, что душа радуется. Вновь было излучение, всё сходится: источник в верхних слоях атмосферы, сфокусировано на вашем доме — пятно порядка тридцати метров в поперечнике. И снова спутники ничего не нашли. На этот раз удалось почти полностью записать «послание», сможем впоследствии повторить. Готовы к завтрашнему эксперименту?

— Всегда готов, — не удержался Артём. — Постараюсь сегодня лечь пораньше.

— К слову о «лечь», — оружейник понизил голос. — Я понимаю, в романтические моменты трудно думать о чём-то ещё — но не забывайте фильтры включать. Не то чтобы меня коробило всё просматривать, и самому отфильтровывать, но у меня иногда и другие дела бывают.

Артём постарался не показать виду.

— Виноват, сэр Марцелл...

— Катон, помню. Как вы там меня за спиной прозвали, «Q»? А мне, кстати, нравится. Вы говорили, это герой древней пьесы, выдающийся изобретатель?

— Практически так, сэр.

— Что ж, замечательно. Ну, не задерживаю — приятного вам праздника!

-

Марина и Миранда уже ожидали его в гостиной — а вокруг собрался весь дом. И среди домочадцев Артём заметил Ингир Мантелла — как и Марина, хозяйка квартала носила украшение, которое надевала только в торжественных случаях — медальон в виде многолучевой звезды.

— Госпожа Марина Скайлис теперь хозяйка дома Злотникофф, — объявила Ингир. — Я передаю это здание вам, Марина, теперь вы здесь распоряжаетесь. Сэр Ортем, — она коротко поклонилась Артёму, — мои поздравления!

— Я очень благодарна всем вам, кто удостоил нас чести жить рядом и помогать, — Марина поклонилась госпоже квартала. — Если вы решите остаться жить с нами и дальше, я буду очень рада. Если нет — я буду рада дать вам хорошую рекомендацию, и помочь в поиске другой работы.

Подожли — чтобы принять у Марины крохотную копию её «ловца снов», символ нового дома, новой семьи — все до единого, никто не захотел покинуть дом.

— Нет Анны Корви, — вполголоса сказала Марина, — я точно помню, что утром она была. Ты не видела её, Миранда?

— Она отправилась в магазин, — Миранда заглянула в список. — Должна была вернуться час назад. На звонки не отвечает. Я провожу её к тебе, когда вернётся.

— И Лилии нет, — вздохнула Марина. — Всё-таки она обиделась. Сэр Ортем, не проводите меня?

У них в апартаментах, как только Миранда закрыла за ними дверь, Марина обняла Артёма.

— Сама не верю, что это случилось, — прошептала она. — Я ведь так и мечтала, как случилось. Вы споёте нам сегодня, Ортем? Приглашены все главы домов. Я ужасно волнуюсь!

— Всё пройдёт хорошо, — заверил её Артём. — Чем я могу помочь?

— Посидите со мной. Так мне гораздо спокойнее!

...Артём сидел у себя и занимался собственным дневником — Марина, в соседней комнате — вела записи, что-то подсчитывала, время от времени звонила кому-нибудь. И время от времени смотрела на него — от её взгляда становилось очень спокойно, приятно и хорошо. Всё-таки я нашёл тебя, Инга, подумал Артём. И неважно, что за сто тысяч лет от Земли. Главное, что мы оба здесь.

— Ортем? Не отвлекаю? — звонок Миранды. — Можете спуститься, не привлекая внимания? Жду вас у входа в дом.

— Дела, — Артём вздохнул и развёл руками в ответ на вопросительный взгляд Марины. — Звоните, если потребуется помощь, хорошо?

— Ортем, — у Миранды неважный вид, что случилось? — Марине пока не говорите. Мне звонил господин Лан. Анну Корви обнаружили мёртвой у него в магазине. Пока что удалось не привлечь внимания. Нам лучше появиться там поскорее.

Даже сейчас господин Лан умудрялся выглядеть вполне спокойным. Как минимум, до тех пор, пока двери в его кабинет не захлопнулись за спиной Миранды и Артёма. Помимо владельца магазина, там были ещё две девушки, обе на вид — ровесницы Миранды и Марины. Одна, напомнившая Артёму Мари Фурье — тоже смуглая, черноволосая, коренастая, с овальным лицом — и другая, полная противоположность — стройная, ростом чуть выше Артёма, настолько светловолосая, что волосы казались поседевшими.

— Валери Обэр, — представилась темнокожая, ослепив Артёма блеском зубов. — А это Марселина Люсия Дюран. Я полагаю, вы нас ожидали.

— Только не у меня, — вздохнул Вэнь Лан. — Какая трагедия! И в такой день! — Миранда посмотрела на него так, что он умолк.

— Мы провели осмотр места происшествия, — Марселина пожала руки Миранде и Артёму. — Собрали всё, что можно было собрать. Все следы указывают на самоубийство. Пройдёмте.

В магазине есть несколько комнат отдыха — в том числе небольших, на одну-две персоны. Очень часто там оставляют ребёнка с няней, или ведут переговоры, если нужно. По сути, чуть не четверть магазина занимают такие помещения — комнаты отдыха, переговорные. Господин Лан знает, что может потребоваться посетителям.

Анна Корви сняла одноместную комнату, заказала себе напитки, выглядела вовсе не подавленной или удручённой. Когда девушка из obsługi вошла, чтобы напомнить, что аренда комнаты заканчивается, обнаружила тело. Камеры наблюдения не работают внутри таких помещений, но зато осматривают всё вокруг — обе вновь прибывшие уже изучили записи. Никто, кроме самой Анны, туда не входил. Покупок она не делала — при ней только

её сумочка.

Анна лежала в кресле внутри комнаты — можно было бы подумать, что она спит и видит приятный сон. По счастью, сотрудницы у господина Лана знают, как себя вести — не было криков, суеты, зевак. Удалось вызвать полицию и всё осмотреть, не создавая ненужного внимания: всё равно вокруг прошло столько народу, что собрать какие бы то ни было улики снаружи не получилось бы.

— И записка, — её, упакованную в прозрачный пакет, Валери протянула Артёму.

«Это я добавляла лекарства, госпожа Скайлис. Прошу, простите меня, если сможете. Меня заставили, угрожали моей семье. Пожалуйста, отвезите меня в Лиссабон».

— Мы не все экспертизы провели, но пока основная версия — самоубийство, — пояснила Марселина. — Нам необходимо провести обыск в её комнате, в вашем доме. Мы можем провести это незаметно для гостей. Мы понимаем, какой у вас день — не станем его омрачать.

— Господин Лан предложил способ вынести тело, не привлекая внимания, — добавила Валери. — Если возможно, я хотела бы прибыть в ваш дом и снять комнату прямо сейчас — моя коллега пока останется здесь, закончит допрос персонала.

— Да, конечно, — согласилась Миранда. — Я могу взять её за руку?

— Пожалуйста, наденьте перчатки, — Валери протянула ей пару перчаток. — И не прикасайтесь ни к чему больше.

— Прощай, Анна, — Миранда наклонилась, чтобы прикоснуться к ладони Анны. — Нам будет очень не хватать тебя. Спи спокойно. Идёмте, — она резко повернулась, Марселина указала ей, куда выйти.

Миранда оставалась самым спокойствием всю дорогу назад. Валери шла поодаль — намеренно отстала, чтобы не наводить людей на мысли. Миранда не стала подниматься к себе: минут через десять после их с Артёмом возвращения она подошла, когда охранница открыла дверь госте. Та представилась родственницей Агаты Скайлис и спросила, не найдётся ли у них комнаты для неё и её подруги, которая приедет чуть позже. Разумеется, комнаты нашлись. В доме все выглядели довольными: гость в дом в такой момент — добрый знак.

— Анна решила уехать в Лиссабон, — сообщила Миранда Марине достаточно громко, чтобы услышали другие. — По делам семьи. Я потом расскажу, если интересно.

Марина кивнула, и на вопросительный взгляд Артёма улыбнулась: не беспокойтесь, всё идёт нормально. Артём прошёл следом за Мирандой в её комнату — и, как только двери за ними затворились, Миранда уселась на пол и разрыдалась. Артём, не очень понимая, если честно, что делать, уселся рядом и обнял её. Миранда долго не могла успокоиться.

— Зачем она так поступила? Могла ведь сказать. Никто не потащил бы её в полицию, вначале постарались бы сами во всём разобраться.

— Может, ей угрожали? — Артём поднялся на ноги, следом за Мирандой.

— Возможно. Пусть они и разбираются. Очень надеюсь, что никто сегодня не узнает. О небеса, ну у меня и вид! — Миранда посмотрела в зеркало. — Подождите, Ортем, я сейчас!

Она скрылась в «местах общего пользования» и была там так долго, что Артём уже был готов встревожиться. И тут — неожиданность — входящий от Арлетт Беклин. Требуется видеосвязь.

Миранда появилась в дверях ванной — увидев Артёма, с прижатой к уху ладонью, подбежала и молча проводила его в свою студию, указала на дальний угол. Да, там меньше

всего намёков на то, что это за комната.

— Ортем, я на вас обиделась! — Арлетт и впрямь выглядит обиженной. — Вы были в Париже, а мне даже не позвонили! Как можно?

— Виноват, Арлетт, — Артём поклонился. — Чем могу искупить?

— Можете! Как только будете снова в Париже — позвоните и проведите день со мной. Неужели я не заслуживаю такой малости?

— Без сомнения! — заверил Артём, стараясь не улыбаться. С одной стороны, какое уж тут веселье, с другой — Арлетт, без сомнения, прекрасно знает, что Артём знает, что она им манипулирует. — Как ваше здоровье?

— Лучше не бывает! — Арлетт ослепила его блеском улыбки. — Такое не говорят по рации, при встрече скажу. У вас будет хоть один день свободным, вскорости?

— Я позвоню, — кивнул Артём.

— Я знаю, что у вас за день сегодня. Извините, не хотела портить ваш праздник. По рации не поздравляют, но я ужасно рада за вас! Здравствуйте!

— Нелегко вам с ней будет, — заметила Миранда, постучав в двери собственной студии. — Я не слышала разговора — по вашему лицу всё понятно. Как вас только угораздило?

— Вас не было рядом, — сказал первое, что в голову пришло. Миранда обняла его, и рассмеялась.

— Ну конечно, я во всём виновата! Хотя... — она отпустила его. — Может, вы и правы. Ортем, у меня опять неприятные новости. Лилия подала сигнал тревоги минуту назад, Марина пока не знает. На звонки не отвечает. С ней что-то случилось, а я даже не знаю, где она — ничего больше не передала. Простите, голова совершенно не соображает!

— Идёмте, найдём эту Валери. Она из полиции — к кому нам ещё обращаться? И...

Накатило. Как вчера — перед тем, как прислали злополучную фотографию с площади Свободы.

— Ортем, нет! — Миранда, испуганная и понимающая одновременно. — Только не сейчас! Стойте, не уходите!

Поздно. Его повлекло куда-то — сквозь жаркую, густую топь. И выбросило во мглу.

-

Датчики ожили немедленно — нечисть рядом. Горит освещение — не аварийное, кто-то принёс сюда фонари, закрепил один из них на стене. Они в Т-образной развилке; правая часть прямого прохода упирается в массивную металлическую дверь; левая — в приоткрытую. И что-то есть вдали примыкающего к ним прохода. Оттуда, из прохода, и доносились сигналы нечисти.

Миранда рядом, с аптечкой в руках — и в домашней одежде.

— Чувствую, она рядом, — прошептала она. — Ортем, смотрите! Кто-то полз здесь — туда, — она махнула рукой в сторону поперечного прохода. — Там кто-то есть!

— Возьмите фонарь, — Артём принял у неё аптечку, она прекрасно пристёгивается к костюму. — Держитесь рядом. Нечисть поблизости, — он вынул пистолет, установил на световое поражение. Нечисть — человекообразные формы — тоже можно ослепить и дезориентировать. И почувствовал запах — тот, что не так давно мерещился, ночью с Мари Фурье. Тяжёлая, неприятная смесь — запах «зомби».

— Там два «зомби»! — указала Миранда. — Стоят, не шевелятся! Ортем, помните — не смотрите им в лицо, это опасно. Смотрите на пол! Они обычно выпускают «ртуть»!

Толку-то, подумал Артём, оружия против нечисти у нас нет — только что повернуться и скользить прочь, приоткрытая дверь явно ведёт наружу. Луч фонаря осветил две фигуры шагах в двадцати — точно, «зомби». Оба шагнули к ним.

— Стоять! — крикнул Артём, и нечисть замерла. — Назад! — оба «зомби» послушно отступили на шаг — и ещё на один.

— «Ртуть», — указала Миранда. — К нам ползёт! Ортем, мне страшно!

— Заберите! — крикнул Артём. — Уберите «ртуть»!

— Глазам не верю! — прошептала Миранда — лужицы «ртути» заскользили назад, к ступням чудовищ, и, насколько можно было разглядеть, втянулись в них. — Лицом к стене! Повернитесь лицом к стене!

Повиновались. Артём и Миранда приблизились. Шаг. Ещё шаг.

— Она здесь! — указала Миранда. — О небеса, только бы мы успели! Ортем, вы можете забрать нас отсюда? Сейчас... — она осторожно шагнула вперёд — «зомби» стоят шагах в пяти, а рядом, между ящиками — вдоль стен прохода ящиков огромное количество — сидит Лилия. Одежда грязная и порванная, рот заклеен — и руки связаны за спиной. Как только сумела подать сигнал тревоги? — Лилия, терпи, будет больно! — Миранда добыла шприц из аптечки и сделала укол в руку. Лилия даже не вздрогнула, только глаза прикрыла. — Ей чем-то серьёзным рот заклеили, боюсь снимать. Лилия, встать и идти сможешь?

Лилия кивнула и, не без труда, поднялась на ноги.

— Ортем, уходим, — попросила Миранда. — Сейчас же. Я сейчас сама испугаюсь!

— Ортем Риму, — вызвал Артём диспетчера, как только скольжение вывело их за пределы убежища — или что это было. — В моей колонне Миранда Красс и Лилия Корту. Возможно заражение нечистью, срочно нужна помощь, приём.

— Рим Ортему, — отозвался диспетчер. — Вас понял, следуйте к базе Корино, возьмите курс на пять градусов правее, через три минуты будет скоростная трасса, там повернёте на юг.

Лилия шла, не отставала, хоть и прихрамывала. От её одежды пахло... в общем, пахло «зомби». Миранда сделала ей укол — первое, что ставят заражённому человеку, чтобы успеть довести до места, где смогут оказать полноценную помощь.

-

— Через полчаса сможете вернуться, — пояснил сотрудник медицинской службы. Миранда и Артём уже полтора часа сидели в знакомом им «гостиничном номере» — правда, на этот раз двери открыты. — Вас вызывает командующий базой.

Командующий, Тит Кезон Гермий, пожал руки им обоим, и предложил присесть.

— Странная история, сэр Ортем — госпожа Красс. Наши силы уже защищают шахты, там работы на неделю как минимум. По словам госпожи Корту, её похитили, силой привели на заброшенные шахты. Однако там мы нашли бумаги, и госпожа Корту утверждает, что бумаги отобрали у неё похитители сутками ранее. Там план подземных коммуникаций шахт. Коротко: это сокровищница. Там добывали изумруды, некоторые другие поделочные камни, не успели вывезти очередную месячную добычу — я не эксперт, заключение дадим позже. По закону, четверть найденного имущества ваша, сэр Ортем. Госпожа Корту отказалась требовать себе эту долю.

— Впечатляет! — Артём переглянулся с ошеломлённой Мирандой. — Кто её похитил?

— Оба мертвы. Их встретил терминатор; оба человека были заражены, отказались останавливаться — терминатор открыл огонь. Личности устанавливаются. Госпожа Корту

пережила шок, но, по словам врача, госпитализация не требуется. К ней и вам одна просьба — вернуться в Рим и не покидать город без разрешения.

Миранда постаралась скрыть улыбку. Не очень получилось.

— Да, согласен, — командующий улыбнулся. — В последние дни у вас это не получается. Рад встрече — и рад, что вы не пострадали. Сэр Ортем, раз уж вы здесь — доставьте в Рим колонну.

— Вы просите, сэр? — удивился Артём, вставая на ноги.

— У вас праздник сегодня — ваш законный выходной. Приказ лорда Стоуна, по возможности обходиться без вашего участия.

— Доставлю, — решил Артём. — Я не настолько устал.

-

Домой они вернулись втроём — дома Лилии все обрадовались; по дороге успели договориться, что подробности «приключения» Лилии пока не рассказывать никому — до завтрашнего утра. Миранда, Артём и Лилия поднялись в комнату Лилии — Миранда самообаяние, Лилия тоже не подаёт виду и весело улыбается.

Миранда взглядом попросила Артёма закрыть дверь и, как только он это сделал, дала Лилии пощёчину. Лилия упала на пол, на колени, закрыла ладонями лицо. И получила ещё раз, и ещё.

— Хватит! — Артём поймал Миранду за руку. — Что происходит?

— Её спросите, — голос Миранды спокойный, и это пугает по-настоящему. — «Ой, я нашла бумаги, там такие сокровища! Нет, конечно, я не полезу туда одна, мы сначала все вместе обсудим, как их забрать!» Ты всё это время за ними охотилась, верно? Мы думали, что ты лечишься, что нам помогаешь. А ты за старое, да? Ты хоть понимаешь, что чудом жива осталась?!

Миранда упала рядом с Лилией на колени, обняла и... расплакалась. Артём, совершенно уже не понимая, что делать — до начала торжества меньше часа — встал рядом. Только бы Марина не вошла!

— Я так испугалась, — Миранда отпустила Лилию, провела ладонью по её щеке. — Извини, что ударила. Но если Марина узнает... ты понимаешь, что она с тобой сделает?! Ты врала ей всё это время. Нам обеим врала!

— Я достала нам камни, — Лилия подняла взгляд. Спокойная, ни слезинки, ни эмоции. — Я ради нас стараюсь.

— Ни слова ей, — Миранда обняла Лилию. — И вас прошу, сэр Ортем. Я сама всё расскажу Марине. Но не сейчас. О небеса, сколько всего в один день! Ты сможешь выйти к гостям? — Миранда помогла Лилии встать. — Если нет — скажи, я придумаю отговорку.

— Смогу, не беспокойся, — кивнула Лилия. — Просто посижу ещё немного, ладно? После лекарства голова как не моя.

-

Сказать, что вечер прошёл бурно — ничего не сказать. Артём сам удивлялся, как ещё на ногах держится. Марина точно уже не держится — но довольна, очень довольна. Все дома прислали представителей, все подтвердили, что по-прежнему поддерживают вновь созданный дом Злотникофф, все договорённости и планы в силе. Артём уже рукой махнул — пусть будет через два «ф», после «Ортема» это уже не так существенно, да и во всех документах он теперь Злотникофф.

Марина и после празднества не прекращала работать — в их комнатах переделалась из

выходного платья в обычное, если можно так сказать — и снова за стол. Артём отметил, что бусы, подарок Глории, и ожерелье, подарок Мари, Марина носит не снимая.

— Вы устали, — он встал за её спиной и взял за плечи. — Разве дела не могут подождать до завтра?

Она всё-таки закончила делать пометки в рабочем журнале, и только тогда подняла голову и посмотрела ему в лицо, улыбаясь.

— Могут, — согласилась она. — Я такая счастливая! — Она встала из-за стола и обняла Артёма. — Не думала, что справлюсь. То есть, немножко сомневалась. Теперь уже не сомневаюсь. — Там, среди гостей, и следа не оставалось от прежней, робкой и перепуганной Марины — чья главная неприятная тайна всё время угрожала раскрыться. Её фотографической памятью пользуются многие: Марина охотно помогает всем домам, кому это её умение оказалось полезным. Может, ещё и поэтому разоблачение ей особенно не грозило.

Человека здесь ценят за дела и поступки. А прочее... деньги — они всё равно списываются, если не находишь им разумного использования: мультимиллионеров нет, рантье нет, бездельники быстро остаются без гроша.

Теперь Артём видел перед собой действительно хозяйку — следит за хозяйством, за всеми делами и заботами дома — справедливую и строгую.

— Всё ещё думаете о ней? — Марина не обижается — просто спрашивает. — Вы так смотрите в такой момент...

— Вы и она — один и тот же человек, — он взял её за руки. — Теперь я понимаю. Мы встретились здесь — уж не знаю, как это получилось.

Марина улыбнулась, закрыв глаза.

— Миранда рассказала мне про ту ночь, на спасательном плоту, в море. Когда вы очнулись, и заговорили на другом языке.

Марина кивнула.

— Это было очень давно, но я всё помню. Никогда, наверное, не забуду. Море успокоилось — и небо очистилось. И столько звёзд! Никогда я их столько сразу не видела. И Миранда — до сих пор помню, какой счастливой она была, что я очнулась.

— Можете отключить переводчик? — спросил Артём. Марина снова улыбнулась, и кивнула.

Артём отключил свой.

— Это похоже на тот язык, на котором вы говорили? — спросил он по-русски. Марина вздрогнула и открыла глаза.

— Как вы узнали? — ответила она по-русски. — О небеса! — он подхватил её за руки и осторожно усадил на диван. — Поверить не могу... вы даже говорите похоже, звучит так же! Почти всю ночь я говорила на этом языке, а утром неожиданно поняла, что знаю каталонский. Не пойму, как — но поняла. И Миранда снова стала меня понимать, а я — её. Простите!

Она включила переводчик и перешла на каталонский.

— Я уже привыкла, извините. Так это и есть русский язык? Мне сказали, что настоящий русский звучит совсем по-другому!

Через тысячу лет, наверное, он и будет звучать по-другому, подумал Артём. Но всё равно — каким образом? Ведь дистанция — двадцать лет! И, если Марина — Инга — «появилась» в том же теле той ночью, то куда делась та, прежняя Марина? Что от неё

осталось — память, в том числе знание родного языка? С кем из них я сейчас говорю? Час от часу не легче! Я-то ведь здесь своей персоной появился — и даже со своими вещами!

— Меня лечили, — Марина поманила его — сядьте рядом. — Долго убеждали, что это был страшный сон. Бывает, говорят, такое — человек начинает говорить на древнем языке, или вспоминает то, что мог знать другой человек, который давно уже умер. Говорили, что я так испугалась «кракена», что откуда-то всё это всплыло — ложная память, или как это правильно назвать. Теперь... я уже не знаю, что правда. — Она прижалась к Артёму. — Расскажите мне о Земле? Если я что и помнила, меня заставили забыть.

— Расскажу, — Артём погладил её по голове. — Долгий выдался день. Когда начинать рассказывать?

— Сейчас! — она встала. — Нет, немного позже.

-

Артём проснулся без четверти три ночи — выспался. Вот тоже радость! Марина спала рядом, улыбаясь во сне — не проснулась, когда он осторожно оделся и ушёл к себе в кабинет. Ещё минут через двадцать Артём понял, что чтение и прочее в голову не лезет. Прогуляться бы — просто посидеть на свежем воздухе.

Вышел в коридор — ночное освещение, тишина — жилая, не абсолютная. И не скажешь, что не так уж давно здесь бурно веселилось чуть не сто человек. Артём поднялся на этаж, прошёл мимо комнаты Миранды — горит надпись «не беспокоить». Ну разумеется, столько забот и волнений в один день! Следующая дверь — Лилии. А вот тут нет сигнала. Артём постучал.

Дверь отворилась, и он чуть не столкнулся с Лилией — в выходной одежде, но без обычных своих украшений — да и одежда, если присмотреться, неброская. Если голову прикрыть, так и не узнать на расстоянии.

— Куда-то уходите? — спросил Артём. Безо всякой задней мысли. Лилия смотрела, словно Артёма и не было в комнате — насквозь. Опустила голову, и отошла к креслу, у противоположной стены. Туда и села.

— Закройте дверь, пожалуйста, — попросила она бесцветным голосом, и спрятала лицо в ладонях. — Следили за мной?

— Нет, просто я уже выспался, — Артём закрыл и запер за собой дверь. — По коридору проходил — заметил, что вы не спите.

— Об этом я не подумала, — Лилия отняла ладони. — У вас много вопросов, я знаю. Спрашивайте, если хотите. Или вы пришли утешить меня в постели? — она посмотрела в глаза Артёму, явно хотела выглядеть ироничной. Но не получилось — почти сразу отвела взгляд, криво усмехнулась. — Вам не понравится. Лучше найдите себе деревянную куклу — с ней будет приятнее.

Артём сел в соседнее с ней кресло — пододвинул, чтобы сесть лицом к лицу.

— Что происходит, Лилия? На вас лица нет, — он взял её за руку. Долю секунды она пыталась освободить её — и почти сразу перестала вырываться. — Что случилось? Чем я могу помочь?

— Вы можете вернуть Юлия? Тогда ничем, — она снова смотрела сквозь него. — Я сегодня пришла к нему на могилу, часа три с ним говорила. Никто к нему не пришёл тогда, не пришёл и сегодня. Вы знаете, зачем люди приходят на кладбища? Мы сжигаем умерших, могила — это просто табличка, изображение. Туда приходят поговорить. Там никогда не печалются — туда приходят делиться хорошим. Говорить, вспоминать, благодарить. Знаете,

кто пришёл к нему туда, через день после битвы? Никто.

Она опустила голову, минуту или две сидела так, молча. Потом подняла её и встретила взглядом с Артёмом.

— Я видела, как он погиб. Как эти твари растерзали его. А другие твари, двуногие, которых он спасал — визжали и кричали там, под ногами путались, из-за них он погиб. А потом... на похоронах были только мы с мамой, и военные. Я два дня просидела у его могилы. Почти и не отходила. Потом отключилась — от голода, наверное, очнулась уже у Марины. Никто не пришёл. Ни один человек, — она смотрела в лицо Артёма, ему становилось не по себе — ни слезинки, ничего. И лицо неживое, словно маску надела. — Никто из тех, кого он спас, кроме меня и мамы. Марина меня выручила тогда, если бы не она — меня просто выгнали бы из города. А теперь она меня сама выгонит. Как только Миранда ей расскажет. И правильно, наверное, сделает.

— Расскажите ей всё сами.

— Не могу, — Лилия снова закрыла лицо ладонями. — Это я виновата. Дети так развлекаются, ставят друг другу чужой переводчик. Если после этого пытаешься учить, в голову всякая чепуха лезет. Думаешь, что говоришь одно — а говоришь другое. Нам тогда это казалось очень смешным. Надо мной точно так же шутили. Над всеми так шутят. Я не знала, что у неё это не пройдёт, — Лилия вновь посмотрела Артёму в лицо. — Я потом пыталась признаться, а она меня и слушать не хотела — когда я была рядом, то у неё словно что-то включалось внутри, всё понимала и сама читала. А потом она начала всё запоминать с одного взгляда, я и решила, что всё прошло. А недавно она позвонила, и призналась, что была неграмотной все эти годы, и очень благодарила, что я не думала о ней плохо.

— Всё равно расскажите, — Артём взял её за руку. — Если она всё равно узнает — не ждите, когда узнает от других.

— Это я Анну попросила лекарство мне добавлять, — Лилия освободила руку. — Я не могла просто купить его. Анна сказала, что сможет — и что никто не узнает. Только мне. Не Марине, не Миранде. Не знаю, почему Миранда моё лекарство пила. Не знаю, кто Марине другое добавлял. Анна Корви пропала — значит, её уже схватили, вскоре узнают и про меня. Я могу теперь что угодно говорить, никто уже не поверит. Столько всего даже Марина не простит.

— Это не вы добавляли ей лекарство?

— Нет, — покачала головой Лилия. — Я не сошла с ума. Но это уже неважно. И шахта Я когда-то нашла записи о ней. Я потратила однажды все наши общие деньги, когда пыталась снова попасть туда. Я пообещала потом, что никогда не отправлюсь туда без них. Я и не собиралась, просто те люди, которые хотели попасть в шахту и всё поделить со мной, устали ждать.

— Поговорите, — повторил Артём. — Расскажите всё. От начала и до конца. И не делайте больше ничего тайком, вы ведь сумеете?

Лилия кивнула.

— Расскажу, если вы будете рядом. Пусть даже за дверью, не в той же комнате. Тогда смогу рассказать.

— Договорились. Вы так и не спали всё это время?

Лилия посмотрела на часы.

— Ещё немного времени есть. Можете остаться, Ортем?

— Вряд ли это хорошая...

— Просто посидите рядом, пока я не засну. Пожалуйста!

-

Артём подумал, что лишь прикрыл глаза... а индикация на часах перепрыгнула чуть не на час. И почувствовал взгляд. И запах — уже мерещился один раз, и несколько раз слышался на самом деле. «Зомби». Артём посмотрел направо... и снова сердце упало в пятки на долю секунды, чуть не вскрикнул. «Зомби» — стоит рядом, наклонившись, смотрит в лицо — неизменная улыбка на жуткой, постоянно меняющейся черты физиономии.

«На самом деле их здесь нет», вспомнил Артём. И сумел рассмеяться — наваждение тут же сгнуло. Оглянулся — Лилия, побелевшая, сидит в постели, смотрит за его спину, не в силах пошевелиться.

Тут до него дошло. Он сделал к ней шаг (Лилия закрыла глаза), ещё один. Сел рядом, взял её за плечи (Лилия вздрогнула и стиснула зубы).

— На самом деле их нет, Лилия, — сказал Артём. — Постарайтесь рассмеяться. Вспомните что угодно смешное, и постарайтесь.

Она сумела. Вздрогнула сразу и открыла глаза — и обхватила Артёма, стиснула так, что дышать стало больно.

— Вы были дросселем, — догадка пришла не сразу, очевидное вообще трудно заметить. — Верно, Лилия? Вы были дросселем когда-то.

— Как вы... — Лилия ошеломлена. — Никто не мог вам этого сказать! Откуда??

— Если дроссели засыпают вместе, им обоим мерещится нечисть. Не буду спрашивать, что вам привиделось.

Лилия снова закрыла глаза.

— Да, была. Три дня. Вы представить себе не можете, что это за... — она осеклась. — Простите. Вы как раз можете. А потом всё прошло. А ещё через день Юлий стал дросселем и забыл меня.

— Как это случилось?

— Есть сказка. Все дети знают. Если долго смотреть на небо в полночь, а потом как следует захотеть, увидишь сон про волшебную пещеру. Там тёмный и страшный лабиринт, а в глубине есть такое возвышение: кто на нём постоит хотя бы минуту, и не убежит от страха, станет дросселем. Все дети мечтают им стать. Мы с Юлием нашли эту пещеру. Тогда его ещё звали Август.

Видимо, на лице Артёма многое отразилось.

— Это правда, — добавила Лилия резко. — Мы оба там стояли. Вам никогда, наверное, такого ужаса не мерещилось, которого мы там натерпелись. Но мы не убежали, ведь мы во всё это верили. Мы были самыми обычными людьми, и наши желания сбылись. Будь они прокляты! А вчера, когда меня лечили, и обследовали, военные упомянули про ту пещеру, про лабиринт. Я сразу поняла, что они именно про неё говорят, по описанию. Там теперь склад. Нет больше возвышения, нет волшебства, понимаете? Я попросила показать мне снимки. Это было то самое место.

— То есть именно туда вы хотели вернуться, — Артём чувствовал, что день только начался, а он уже устал донельзя.

Лилия кивнула.

— И уже не попаду. Некуда возвращаться. Я всё на свете отдам, только бы снова стать дросселем. Хоть на час. Это ведь настоящее волшебство. Простите, кому я это рассказываю!

И тут она разрыдалась. Как прорвало — Артём поначалу растерялся, Лилия долго не

могла перестать.

— Вчера вы снова меня спасли, — Лилия взяла его за руку, когда сумела успокоиться. — Миранда рассказала, как всё случилось. И этой ночью спасли ещё раз. И я опять не пойму, зачем, от меня вам одни неприятности. Простите! Пожалуйста, подождите за дверью — я хотя бы умоюсь.

-

Марина сидела в кресле; Лилия стояла перед ней на коленях — сама встала, никто не заставлял. Встревоженная Миранда и Артём, старающийся выглядеть спокойным, стояли у двери. Лилия рассказывала, наверное, полчаса. Марина спрятала лицо в ладонях, долго не открывала. И молчала, долго молчала, даже когда рассказ окончился.

— Миранда, — Марина не сразу совладала с голосом. — Ты говорила, что привезла те мои вещи, из приюта. Принеси, пожалуйста.

Марина недолго копалась в чемоданчике. Нашла ту самую ветхую бумажку, где, по словам Миранды, написано «я — неграмотная дурочка».

— Марина, прошу, — Миранда побледнела. — Не разворачивай, не надо!

Марина взглядом заставила её замолчать, и развернула. И выронила бумажку. Губы её задрожали.

— Ты говорила, что там написано «Лилия — моя лучшая подруга», — сказала Марина ровным и сухим голосом.

Лилия кивнула, и опустила голову. Марина встала и подошла к окну. Долго смотрела на улицу. Когда снова повернулась к остальным, по спокойному лицу её стекали слёзы.

— Ортем, Миранда, — она посмотрела им в лицо. — Оставьте нас, пожалуйста.

Миранда закрыла за ними дверь, и бросилась к Артёму в объятия. Долго стояла так, не говоря ни слова.

— Я бы, наверное, не решилась признаться, если бы сама столько натворила, — прошептала она, наконец. — Простите, что и вас в это впутали! — Миранда вздрогнула, и прижала ладонь к уху. — Просит войти, — пояснила она. — Возьмите меня за руку, мне страшно!

...Лилия стояла перед Мариной. Как только Артём и Миранда вошли, Марина надела на шею Лилии копию своего «ловца снов» на цепочке — другой расцветки, чуть меньше по размеру. Такую же носит Миранда. Символ того, что Лилия тоже представляет хозяйку дома.

— Мы не будем об этом больше вспоминать, — сказала Марина, и взяла Лилию за руку. — Мы всё забыли и простили. Лилия, ты всё рассказала? Если мы должны знать что-то ещё, скажи прямо сейчас.

Лилия выдержала её взгляд.

— Я всё рассказала, — сказала она.

— Последний раз, Лилия, — Марина посмотрела на Миранду, и та кивнула. — Это последний раз, когда я верю твоему обещанию. Оставьте нас с Ортемом вдвоём, пожалуйста.

Марина опустилась прямо на пол, как только закрылась дверь. Артём уселся рядом, и Марина уткнулась лбом в его плечо.

— Не могла я её прогнать, — сказала Марина тихо. — Хотя очень хотелось. Это ведь она нас спасла тогда. Никто бы нас не заметил, унесло бы обратно в море — если бы не она. Простите, что вас во всё это впутали!

День 36. Эксперимент [оглавление]

— Теперь и мне нужен отпуск, — сказала Миранда. Они с Артёмом сидели в парке.

пробежав два круга. — Уже нет никаких нервов. Но знаете, чего я ужасно хочу прямо сейчас? Чтобы как вчера — вместе с вами в какую-нибудь жуткую пещеру, и снова увидеть, как вы нечистью командуете. Никогда такого не было! Даже дроссели её боятся! Кроме вас, — она взяла его за руку.

— Если честно, — Артём сжал её ладонь, — я тоже боюсь. Каждый раз боялся. Не могу к ней привыкнуть.

— Вы им приказали, и они отступили, — Миранда прижалась к его плечу. — И ведь не расскажешь никому, приказали помалкивать! Ортем, а если вы им прикажете умереть, тогда что?

— Не пробовал. Но идея мне нравится, надо проверить. Скажите, есть ли детские легенды про то, как становятся дросселями?

Миранда засмеялась.

— Да-да. Все мечтают или пещеру ту найти, или страшный чёрный замок в лесу. Мы все искали, когда были в приюте. Понарошку, конечно.

— Расскажите, — Артём погладил её по голове. — Я в детстве тоже сказочные места искал. Другие, правда.

— Хорошо, но вы мне тогда про свои сказочные места расскажете!

Миранда поведала историю про пещеру с лабиринтом, и другую: про чёрный замок в глухом и мёртвом лесу. Если во время полной Луны туда прийти, и не испугаться тамошних волков, суметь пробиться мимо них — и увидеть Луну с вершины башни замка — обязательно станешь дросселем. А если тебя никто не ранит, пока пробиваешься к вершине башни, а потом домой — то уже никто и никогда не сможет ранить. Поразительно, подумал Артём. И рассказал Миранде про свои с товарищами по двору игры — как они искали клад, который в полночь должен был указать явившийся призрак Пиковой Дамы. Подумать как следует — ну полный бред, но ведь верят — верили — в это очень многие! Впрочем, городские легенды редко когда отличаются внутренней логикой. Рассказал ещё, чтобы веселее было, про Деда Мороза.

— Здесь и зимы-то настоящей нет, со снегом, — подумала Миранда вслух. — Если честно, я даже рада, что нет. Привыкла уже, что круглый год тепло. Ну, может, не всегда тепло, но без снега. Но если бы он хоть одно желание исполнил, я бы себя очень хорошо вела! И верила бы!

— Верите в чудеса?

Миранда энергично покивала.

— Все трое. Нас все считали сумасшедшими. Дети вырастают из легенд, вы же знаете. А мы не выросли. И вы тоже верите, да? Иначе бы мы не встретились. Всё, пора! — она поднялась на ноги. — У вас через полтора часа дела, у меня тоже. И спасибо вам за Лилию. Она сама не решилась вам сказать, я скажу. Она уже хотела уйти вчера — насовсем. Даже записку оставила.

Артёму стало не по себе. Миранда посмотрела ему в лицо, кивнула.

— Ей всё ещё очень больно, из-за Юлия. А вчера было ещё и очень стыдно. Не думала, что она смогла бы вот так... вам спасибо, вовремя пришли. Только я не говорила! Она сама скажет, дайте ей время.

— Может, не стоит оставлять её одну, на какое-то время?

Миранда покачала головой.

— Она нашла силы всё сказать. Да она и не одна. Теперь мы снова все заодно, никаких

ненужных тайн. Но я присмотрю за ней, конечно.

Миранда и Марина не знают, что Лилия была дросселем, подумал Артём. Ну или хранят эту тайну, по-настоящему личную. В любом случае не стану говорить.

— Мсье Ортем? — в коридоре ему встретилась Валери Обэр. — Не зайдёте к нам после завтрака? Это ненадолго.

-

— Мы нашли тайники Анны, — Валери показала фотографии и армейский контейнер с какими-то коробочками внутри. — Она покупала — реплицировала у кого-то — лекарства. Или запрещённые, или просто дорогие. Мы разбираемся, куда ведут эти ниточки. У вас в доме...

— «У нас»? — предложил Артём. Валери и Марселина переглянулись. Обе носили символику дома, а ведь никто не заставлял брать, это всё добровольно. И прогонять никто бы не стал, если бы отказались взять. Пусть даже гости, и прибыли в Рим ненадолго.

— У нас, — согласилась Валери. — У нас в доме есть ещё один человек, как-то с этим связанный. Но мы не можем допросить её без вашего или мадам Злотникофф согласия.

— Лилия Корту, — предположил Артём, и Валери кивнула.

— Ничего такого, за что ей грозили бы серьёзные неприятности. Если только она не подпишет письменное признание, что сама заказывала именно это лекарство. Я думаю, она не подпишет.

— Если можно, дайте ей пару дней, у неё вчера было сильное потрясение.

Валери кивнула.

— Это просто штрих, мсье Ортем. Он дополняет картину, но не является настолько важным. Все мы люди, все оступаемся. Поговорим с ней, когда придёт в себя. У вас сегодня задание, мы пока присмотрим за домом. И, — она, а потом Марселина пожали ему руку, — мы рады работать с вами, мсье. Скучно точно не будет!

— Если кроме вас с Марселиной других нет рядом, достаточно просто по имени.

Валери улыбнулась.

— Слушаюсь, Ортем. Приказ мсье Скайлиса: я должна подобрать в дом надёжную охрану. Я уже этим занимаюсь. Те девушки, что здесь уже работают, прекрасно справляются, но нам нужны физически развитые люди с подготовкой, как у мадам Красс. Я подберу кандидатов, на ваше с мадам Скайлис одобрение. Всё, не смею вас больше задерживать. Здравствуйте!

-

Колизей был закрыт — на техническое обслуживание. В Риме почти не бывает зевак: если что случилось, люди не будут просто глазеть, они постараются помочь. Чужая беда или радость — не повод трепать языком или просто смотреть, ничего не делая.

Вот и сейчас — повесили объявление, и никого это особо не удивило — если нужно, значит нужно. То, что на арену спустился Артём и шесть человек из его штатной охраны — тоже никого не удивило.

— Сделайте всё так, как вы делали в предыдущий раз, — распорядился оружейник по рации. — Пара секунд, проверю телеметрию. Всё в порядке, повторяйте то, что делали, по плану.

По плану так по плану. По плану надо ночи дожждаться, если уж на то пошло, но не тратить же весь день на ожидание! Он сел на прохладный ещё камень арены, и постарался ни о чём не думать. Вот что хорошо в здешних военных — особенно в тех, у кого опыт — не

удивляются приказам и не обсуждают. Те, кто охраняют дросселя, пользуются уважением — по понятным причинам — и могут, обычно, рассказать о своём подопечном немало баек. В конце концов, дросселям положено вести себя эксцентрично, и Артём не исключение.

Хочешь думать ни о чём — думай обо всём. Но мысли стали возвращаться к рассказу Лилии про битву за Рим — вроде и была относительно недавно, а уже и следа не осталось — всё починили, всё восстановили, убедились, что изъянов в подложке под городом нет — только вот людей не вернуть. Их из репликатора не заменишь.

Подул ветерок. И, без предупреждения, накатило то самое состояние — как в первый раз здесь, на арене, как в «клетке» в библиотеке. Мир начал терять цвета, звуки звучали едва заметно. Один из его охраны тут же взял Артёма за запястье. Сейчас это выглядит детской игрой: остальные должны были взяться за руки — с тем, кто держит Артёма, и друг с дружкой.

Окружающую реальность смыло, и пришло видение. И, похоже, это та самая недавняя битва за Рим.

...«Крот» прошёл очень глубоко и вывел основные штурмовые силы нечисти по очень крутому коридору, пробив, ценой своего существования, не только подложку, но и всё, что сверху: прорыв случился в Колизее, на арене, во время спортивного мероприятия.

Людей начали эвакуировать примерно за полминуты: приближение зафиксировали, и уже звучали сигналы тревоги, уже горела индикация, уже неслись к месту событий танки. Люди опоздали всего на десяток-другой секунд: успеют они вовремя, и жертв среди мирного населения могло и не случиться.

Артём увидел, несомненно, Юлия: парень лет двадцати с небольшим возникал тот тут, то там, хватал тех, кого окружила нечисть — помимо «зомби», там были и «пауки», и «демоны» — команда уничтожения, их задача — вывести живую силу из строя, заразить «пожирателем». Юлий спас, на глазах Артёма, не менее двух десятков — пока не случилось непредвиденное: едва он остановился, чтобы взять за руки очередных людей, одна из женщин толкнула его — одна из тех, кого он хотел увести.

Наверное, Юлию не хватило доли секунды, чтобы уйти в скольжение: один из «демонов» успел задеть его когтистой лапой, и вся их свора сомкнулась над ним. В следующую секунду на них упал взгляд «танка» и одного из «терминаторов», но было уже поздно — для Юлия.

И всё — область прорыва, по записям, запечатали быстро, больше всего времени ушло на прочёсывание города, на поиск и устранение тех форм нечисти, что успели разбежаться и попрятаться.

...Артём пришёл в себя и понял, что они не на арене Колизея. Где — не понять, датчики координат не действуют. Огляделся: все шестеро из его охраны рядом. Вид у них, скажем прямо, обалдевший. Но не растерялись — оружие наготове, броня в маскировочном режиме — чтобы издалека не засекли.

— Где мы, сэр Ортем? — спросил, практически шёпотом, командир группы — старший лейтенант Марк Туллий Маллес.

Артём помотал головой.

— Надо разобраться. Давайте осмотримся.

Датчики нечисти помалкивали. Единственную клетку-контроллер нечисти они «чуют» минимум за метр, лужицу «ртути» — шагов за двадцать, а крупные организмы — могут и за десяток стадий засечь, зависит от размера и типа.

Темно. Воздух движется — и не кажется застойным. Запахов не очень много; сырости в них не значит. Тепло, если не сказать — жарко. Однако на стене отчётливая — старая, правда — надпись: «Путь эвакуации», и стрелка. Краска светится в темноте,

— Пойдём по стрелке, сэр Ортем? — поинтересовался командир группы. Логично. Вначале — найти путь к отступлению и восстановить связь с внешним миром, всё остальное после.

Артём кивнул. Убедился, что средства телеметрии включены. У охраны они тоже есть — сейчас каждый из них ведёт оперативную съёмку.

В очках ночного видения стали видны очертания окружающего пространства. Вырубленный в толще скалы проход — слева ограждение, за ним, похоже, пропасть. Теперь стали слышны несомненные, периодические слабые щелчки. Работают механизмы? Датчики электромагнитных полей — такими ищут всевозможные приборы — ничего не показывают.

Картограф включен. Он у каждого есть, включая Артёма. Времена, когда путь надо было отмечать хлебными крошками или, для продвинутых, мелком на стене, уже в прошлом.

Странно, что я так спокоен, подумал Артём. Куда это нас забросило? Посмотрел на свои часы, не сразу вспомнил, как увидеть их дополнительные функции. Координаты они не знают, но силу тяжести показали: в пределах ошибки измерения это — Айур. И на том спасибо.

— Есть данные, сэр Ортем, — передал один из сопровождающих, шёпотом. — Вон там, справа по коридору, информационный щит. Подойдём?

— Подойдём, — решил Артём. Под щитом кто-то скрючился — на расстоянии было не понять, кто. Но датчики нечисти молчат. Подошли ближе — останки. Скелет, выбеленный временем, в форме — такую Артём не видел.

— На его жетоне надпись «Мишель Фурье» и личный номер, — пояснил другой сопровождающий. — Мы в убежище «Profonde Château», такого нет в наших списках. Здесь карта, копирую её, сейчас передам остальным. Есть картинка, сэр Ортем?

— Так точно, — отозвался Артём. Ничего себе! Действительно «château» — «замок». Восемь уровней, сложная система коммуникаций. Похоже, так построена, чтобы при необходимости перекрыть проход люди могли добраться до любого другого помещения. А если не люди? Или не совсем уже люди?

...«Пожиратель», крохотное многоклеточное существо, вначале просто поселяется на организме и относительно долгое время его исследует, размножаясь делением и расползаясь вокруг. Затем начинает оставлять на конечностях жертвы крохотные споры, прорастающие во влажной среде. Человек, сам того не зная, разносит заразу. После того, как сбор информации окончен, пожиратель проникает, стараясь не «поднимать тревогу» в иммунной системе, внутрь, расселяется по всему организму. И затем, когда человек долгое время оказывается среди других людей, приступает к превращению организма в биомассу. Процесс занимает не более получаса и выглядит жутко. Практически все, кто был рядом, после этого также заражены, и могут не догадываться об этом.

Сэр Джеймс говорил, что люди пропадали без вести десятками тысяч. Понятно, почему: достаточно попасть в такое убежище одному заражённому. Это сейчас есть датчики нечисти, способные засечь единственную клетку-контроллер на безопасном расстоянии. Сейчас у каждого при себе не только защищающая тело одежда, но и «красный шприц», без него не выходят на улицу, это рефлекс. Один укол — и вирус против нечисти попадает в

кровеносную систему. Человек не только не поддается действию нечисти, но и сам начинает заражать нечисть фатальным для неё патогеном. К слову, а почему у Лилии, там, в шахтах, не оказалось такого шприца?

Артём потряс головой. Нашёл о чём думать в таком месте! И понял, что от него ожидается ответ.

— Сэр Ортем, с вами всё в порядке?

Окружающие тут же просканировали его — на предмет нечисти. Разумная предосторожность, пусть даже датчики включены, и ничего не фиксируют.

— Виноват, задумался. Повторите, пожалуйста.

— Предлагаю обойти все уровни, сэр, сверить с картой и записать видео. При любом подозрении на угрозу отступить на верхний уровень, там системы эвакуации и выход наружу. До поверхности там половина стадии, спутники должны принять наши сигналы.

— Согласен, приступаем, — кивнул Артём. Судя по карте, «замок» можно обойти, если не придётся проникать сквозь завалы и прочие заграждения, где-то за час.

-

В «замке» семь этажей — уровней — и аварийные источники питания, как оказалось, ещё действуют, на восемнадцати процентах мощности. Нижний уровень — технический. Тут всё практически не пострадало, хотя семь веков отсутствия человеческого внимания сказались: чтобы запустить что-нибудь из систем, нужно потратить изрядно времени на чистку и ремонт. Не до этого.

На втором снизу уровне склады. Здесь тоже чисто — в смысле, нет нечисти, нет иного рода опасности, известной современным людям Айура. Практически все склады оказались заперты; взламывать ни один не стали, биологической активности не наблюдается.

Третий уровень — жилой. Судя по тому, что удалось заснять, беспорядка здесь нет. Если что и случилось, оно не произошло слишком быстро или внезапно. Пусто, нет останков, множество записей — то, что сразу обнаруживалось и походило на устройства хранения информации, забирали с собой, в изолирующий контейнер.

— Смотрите! — через пятнадцать минут обхода третьего уровня обнаружилось странное. — Видите? — луч фонаря обозначил потолок. Выглядело так, словно сверху очень сильно надавили, часть потолка выпучилась — в самом низком месте метра на два. Судя по кривизне, надавили очень, очень большим в диаметре шаром. — Запомнили координаты, посмотрим, что этажом выше.

Четвёртый уровень — исследовательский. И почти весь перегорожен баррикадами — похоже, сдерживали что-то, что двигалось изнутри, практически из центра уровня. Прошли три места, где возведённый барьер был сломан — и обнаружили останки.

Трудно было назвать их останками. Выглядело так, словно человек, лежавший на полу — судя по позе, стрелявший снизу вверх — превратился в дерево. Или человеческую фигуру вырезали из дерева.

— Контроллеров нет, — сообщил командир группы. — Материал напоминает дерево, необходимо исследование.

Образец, легко отломившийся, запечатали в ёмкость для биологических образцов, и туда же — в изолирующий контейнер.

Дальше — больше. В следующем помещении — словно оплавленном изнутри — было уже три таких «деревянных скульптуры», и все также словно отстреливались — кто лёжа, кто сидя. Очертания людей весьма условные, но узнаваемые.

Следующее помещение — большой зал — выглядело так, словно в него уронили с большой высоты огромное ядро — сферический объект, лишь частично поместившийся в комнате, разрушивший потолок и часть пола. Со множеством отверстий — нерегулярных, разбросанных по поверхности там и сям. Фильтры преграждали путь всему, но мерещился запах гари. И по всему периметру, кто прижался к стене комнаты, кто оказался на полу — аналогичные «растёкшиеся» предметы, немного похожие на человеческие фигуры, также оплывшие, и — никаких признаков клеточной активности. Ничего живого.

— Что это, сэр Ортем? — командир группы старался сохранять самообладание, но видно, что давалось это нелегко. — Вы видели когда-нибудь что-то подобное?

— Никак нет, — Артём и сам не сразу нашёл силы ответить. И тут всё будто бы оплавилось, но на полу там и сям видны листы бумаги, блокноты, словом — то, что не должно было пережить воздействие высоких температур. Что же тут стряслось?! И сами «оплавившиеся» фигуры, и пробившее комнату «ядро» — коричнево-чёрного цвета. И никакой биологической активности. Ничего живого.

— Поднимаемся выше? — предложил командир. — Дальше нет прохода, нужно оборудование, чтобы пробиться сквозь завал.

Артём согласился. Пятый и шестой уровни пострадали значительно больше всего — их большую часть занимало то самое «ядро». Сколько можно было судить, как минимум. И — никаких больше останков. Без спецтехники тут трудно что-то выяснить, кругом завалы. Что за сферический объект, откуда он взялся? В известных людям архивах со дней вторжения нет записей о подобных случаях.

Примерно через полтора часа блужданий по сохранившимся помещениям Артём со своей охраной нашли, наконец, путь на верхний уровень — и очень похожую дорогу наружу, напомнившую давешнее убежище, в которое его занесло с Мирандой.

— Есть координаты, — сообщил командир группы. — Мы к западу от Парижа, примерно в ста пятидесяти стадиях. За этой дверью — тоннель наружу, сэр Ортем. Сможете вывести нас? Связи пока что нет.

— Нужно отойти как можно дальше, — указал Артём вниз. — Держитесь все за руки, кто-нибудь — держите за руку меня. По команде закрываете глаза, не прекращая движения. Вопросы?

— Вас понял, — Марк Туллий Маллес встретился взглядом с пятерыми остальными. Кивки — что тут, собственно, непонятного? — Отходим вниз.

-

...Через пять с лишним часов с момента начала опыта Артёма и его группу уже «отмывали» на базе Корино. Обязательная процедура: после любого контакта со всем неизвестным с каждым человеком обращаются так, словно он представляет высшую из возможных угроз. До тех пор, пока оборудование не покажет, что угрозы нет.

— Через полчаса придут инженерная и спасательная группы, — сообщил командующий базой. — Благодарю за службу, сэр Ортем. На таком расстоянии мы ещё не проводили глубокого зондирования — начнём, как только изучим убежище. Задача: доставить колонну с обеими группами к месту вашего выхода на поверхность, после этого — вернуться в Рим и составить подробный отчёт о походе.

Это — составление отчёта — оказалось самой долгой и, по совести, неприятной частью работы. После того, как специалисты закончили расспрашивать Артёма и его группу в первый раз, и сели изучать собранные записи, на часах был девятый час вечера.

— Хватит на сегодня, — потребовал доктор Ливси, который время от времени осматривал Артёма. — Если хотим, чтобы сэр Ортем завтра был в состоянии заниматься работой.

— Согласен, — согласился оружейник, который совмещал эту должность с должностью руководителя исследовательского центра. — Нам пока и так хватает материала. Одно скажу: этот объект не пробил убежище, нет признаков на поверхности. Я бы сказал, он вырос внутри убежища. И вряд ли это случилось быстро.

— Два дня отпуска, — сэр Джеймс пожал Артёму руку. — Рим не покидать, вас могут вызвать для проведения краткосрочных, ближних, походов. Если честно, сэр Ортем, — добавил сэр Джеймс, сменив тон на неофициальный, — я даже рад такому приключению. Некоторое разнообразие. Походы между городами — это отличная, достойная работа, но вот такие открытия... Может быть, это даже важнее. Сэр Марцелл Катон говорит, что обнаружено нечто новое, особенное. Несомненно, относится к нечисти, или родственной технологии, но это пока предварительные выводы. Доброго вам отдыха!

-

Покой нам только снится: сразу после ужина — рассказывать о приключении строго воспретили, пришлось ограничиться общими фразами — вновь появилась Валери со своей напарницей: они уже успели подобрать новую охрану — четырёх женщин с опытом военных операций и физическими данными существенно выше среднего.

Хочешь не хочешь — а надо исполнять свои обязанности. Хотя голова уже с трудом соображала, Артём ознакомился самым тщательным образом с делами каждой из кандидаток, и дал согласие.

В коридоре его встретила Миранда.

— Марина и Лилия сегодня задержатся, — пояснила она. — Совещание с мастерами дома Тибр. Раз уж на нас свалилось столько изумрудов и других камней, надо найти им применение. Ну вы и устали! Идёмте, идёмте, я займусь вами. Завтра будете как огурчик!

— ...Вы ещё и массаж делать умеете, — язык, если честно, двигался из последних сил. — Когда вы всё успеваете?

— А я никуда не тороплюсь, — охотно пояснила Миранда, отодвигая столик со всем, что использовала для массажа. — И не трачу время на кучу дел сразу. По одному делу делаю. Может, потому всё успеваю. Что, совсем ничего нельзя рассказать, да? Совершенно секретно?

— Секретно, — подтвердил Артём. Усталость проходила как по волшебству. Даже не верилось, что еле-еле хватило сил доплестись до постели.

— Не вставайте, — предупредила Миранда. — Минут через десять уснёте. Лучше уж тут, чем где-нибудь снаружи на ходу свалитесь. В любом случае сегодня вы — моя забота. Терпеть не могу секретности! Хочу с вами ходить в такие походы. Хотя бы иногда. Какие же это приключения, если о них даже нам говорить нельзя?! Всё-всё, — она присела рядом и поцеловала его в щёку. — Молчу. Просто полежите. Если я в вас что-нибудь понимаю, часа через три-четыре вы выспитесь. Вот тогда и поговорим.

День 37. Чёрный замок [оглавление]

— Расскажите ещё о Земле, — предложила Миранда после того, как они окончили утреннюю пробежку, а Артём, в нагрузку — ещё и позанимался гантелями. По пуду в каждой, по двадцать упражнений, в каждом по двенадцать движений. Ещё месяц назад одна мысль о такой нагрузке вызвала бы ужас, а сейчас всё, конечно, ныло и болело после зарядки

— но организм уже начинал её требовать, настаивать на упражнениях. Миранда смотрела на то, как он занимается, не без зависти.

— Столько я не осилю, — пояснила она. — У меня другие упражнения, но теперь полностью понимаю, как я тогда рисковала. И вы вправду так долго не занимались? Поверить не могу! Подождите! — она осеклась. — Опять меня понесло. Расскажите о своей профессии там. Что такое «тестировать игры»?

Объяснять пришлось не слишком долго. Вначале — что такое персональный компьютер. Это не составило большого труда, «читалки» — электронные книги, диагностическая аппаратура в клиниках, каталоги доступа к библиотеке — по сути своей компьютеры.

Что такое компьютерная игра, объяснить было чуть сложнее. Хотя Миранда, Артём видел, не понимала самой идеи игры с использованием компьютера. Ну, а про тестирование поняла почти сразу.

— Странная у вас там жизнь, — покачала она головой. — Никогда бы не подумала! Люди, которые могут днями и неделями не отходить от игр, и другие люди, которые ищут в играх ошибки. У нас играют, конечно, я сама настольные игры люблю, в кругу друзей, только времени пока что маловато. Но чтобы вот так, все перед экраном, и вся жизнь внутри него... Я бы не согласилась. И многие так жили?

— Очень многие. Если сосчитать по всей Земле — наверное, сотни миллионов. Если не миллиард.

Миранда вновь покачала головой.

— Слушайте, мне становится страшно. Я не так себе это представляла. Всё, пока больше не рассказывайте — мне бы это пока осмыслить.

...Завтрак не успели приготовить — Артём только вошёл к себе, Марина как раз одевалась — и не успел и пары слов сказать, как в дверь постучали. Охранница — из новых. Приставлена лично к Марине, можно сказать — телохранитель.

— Господин Злотникофф, госпожа Скайлис, — охранница, Кира Блейк, коротко поклонилась. — У нас необычный гость. Просит, чтобы позвали господина Злотникоффа.

«Гостем» — гостьей — оказалась Мари Фурье. Всё в том же своём чёрном наряде, сплошь кожа и железо, и с огромным рюкзаком за плечами.

— Меня из дома выгнали, — сообщила она вместо приветствия. — Не знала, куда податься. Может, вы приютите?

— Проходите, Мари, — Марина пришла в себя первой. — Входите, прошу. Миранда и Лилия, спуститесь сюда, пожалуйста! Завтракать будете?

— С удовольствием, — Мари осторожно опустила рюкзак на пол. Артём подумал вначале, что небрежно бросит. — Извините за манеры. Я не очень многим могу помочь, но может, всё-таки могу?

-

— Рассказывайте, — Марина пригласила неожиданную гостью к себе в кабинет — в студию. Уже нашлась комната для Мари, уже она успела переодеться в домашнее — нашлась ей одежда по росту. — Что случилось, Мари? Если кто-то вас смущает, можно поговорить наедине с кем захотите.

— Нет-нет, пусть все останутся, — попросила Мари. — Не знаю, с чего начать. Начну с конца. Мама узнала, что я была у врача, узнала, у какого — и сразу скандал подняла. Избавляйся от него, говорит, немедленно, или ищи себе другой дом. Я решила другой дом

поискать.

Лилия, Марина и Миранда переглянулись с изумлением во взглядах.

— Подождите, — Лилия первой обрела дар речи. — Если я правильно понимаю. У дросселей-женщин не бывает детей, все знают. Не было ни единого случая.

— Значит, я первая, — Мари посмотрела на Артёма. — Для тех, кто на танке. Ну только без обид. У меня будет сын, и его отец где-то в этой комнате.

Мари уселась на стул, едва кто-нибудь успел слово молвить, и... расплакалась. Марина бросилась к ней, и красноречивым взглядом выпроводила остальных.

— Вот это да! — сумела сказать Миранда, когда они, с Лилией и Артёмом, оказались в коридоре. — Ну вы точно колдун! Теперь у нас два дросселя в доме, представить — и то страшно!

Миранда обняла Артёма, а тот, стараясь улыбаться как можно осмысленнее, обратил внимание, что Лилия смотрит ему в глаза, и на лице её... улыбка. Она посмотрела ему в глаза ещё несколько секунд, и едва заметно кивнула.

— Что такое? — Миранда отпустила Артёма, посмотрела ему в лицо. — Что-то случилось?

— Помогу ей с вещами пока, — Лилия кивнула обоим, и направилась к лестнице вверх. Миранда взяла Артёма за руку, и повлекла к себе в комнату. Там, закрыв двери, жестом указала на диван, и села первой.

— Рассказывайте, — потребовала она. — Вас что-то расстроило?

— Аистом себя чувствую, — ответил Артём мрачно.

— Каким ещё аистом? — Миранда удивилась. Затем улыбнулась и расхохоталась, когда Артём рассказал про аиста, приносящего детей. И посерьёзнела, взяла Артёма за руку.

— Ортем, почти все дроссели, как бы сказать вежливо, чихать хотели на своё здоровье. Пьют, курят, что только ни делают. Не хочу никого осуждать. Наверное, трудно быть дросселем, а может ещё и страшно, вам виднее. Почти все считают, что дроссель поблизости — это к удаче, но вот детей от него не нужно, больные они будут. Понимаете? Но ведь вы совсем не такой!

— Благодарю. Но я не об этом.

— Понимаю, — она вздохнула и прижалась щекой к его плечу. — Станный вы. Другой бы уже весь дом пригласил — женщин, то есть — и не печалился бы ни минуты. Наверное, я тоже немного неправильная, почти как Марина. Я тоже уже не хочу делить вас со всеми. Только со своей семьёй. Всё? Если ещё что-то не так, говорите. Лучше выговориться.

Артём обнял её. Стало легче — в смысле, ненужные мысли растворились, как по волшебству.

— Пока всё — благодарю, — и Артём поднялся на ноги.

— Ей тоже нужно выговориться, — Миранда поймала его за руку, когда он уже взялся за ручку двери. — Поговорите с ней. Знаете, если из дома выгнали — это всё равно что в каменоломни сослали. Если бы мы её не приняли, я и не знаю, куда бы она потом пошла.

-

Марина проводила уже пришедшую в себя и улыбающуюся Мари — «передала» её Лилии, решить все бытовые вопросы — и попросила Артёма остаться.

— Я очень рада, что она пришла к нам, — сказала Марина. — Её вызвали в военный городок — дроссель никогда не останется без работы. Проводите её туда, хорошо?

— Да, с удовольствием.

— Её и Глорию я рада видеть здесь, — добавила Марина. — Моя семья — их семья, мой дом — их дом. Но вот Арлетт на порог не пушу.

— Почему?

Марина улыбнулась.

— Вы поймёте, когда снова с ней встретитесь. Это лучше, чем я сейчас буду объяснять. Будут ли на сегодня поручения, Ортем?

— Книги, — решил Артём. — Вы читаете новые книги каждый день. Выбирайте пожалуйста, одну и для меня. Мне тоже нужно многое наверстать.

Марина обняла его, и долго не отпускала.

— Обязательно, — шепнула она. — И буду спрашивать, про что была книга. Чтобы вы не ленились читать. Договорились?

-

— Устроила я вам представление, — Мари перестала улыбаться, хотя уже не становилась мрачной. — Извини, если что. Мама меня и так каждый день пилила — то за здоровьем не слежу, то пропадаю в своей норе целыми днями. А тут как взбесилась. Все они, говорит, уроды, и дети такие же будут. Ну, я и спросила, кто из нас двоих больший урод — я или его отец. В общем, поговорили.

— Думаешь, она уже не пустит домой?

— Пустит. Лет через пять, может раньше. Я же не тупая, я потребовала, чтобы доктор всё, что мог, исследовал. Нормальный ребёнок, дефектов не ожидается. Насколько можно судить, пока он размером с пару клеток.

— И на работе не возражали, что ты уезжаешь?

— Мой шеф? Да он только рад. То я морду некультурно побила, то руки-ноги поломала без спросу. Есть там у нас юное дарование, Жанна Ламут, вот сейчас и проявит себя во всей красе. А я отдохну пока малость.

— Добро пожаловать в Рим, мадемуазель Фурье, — Артём похлопал её по плечу. Неудобно это делать на ходу. — Вам тут понравится.

— «Мадам», между прочим! Или я только переночевать до завтра осталась?

— Виноват, мадам. Всё, мы пришли, — Артём указал в сторону контрольно-пропускного пункта. — Тебе понравится.

— Это уж точно, — кивнула Мари. — Если не понравится, пеняйте на себя.

-

— Вы скользили предыдущие два дня? — поинтересовался доктор Ливси, когда выпустил Мари из соседней комнаты, где проводил диагностику. Неплохо доктор в клинике устроился! Основная его специальность, как оказалось — эндокринолог. Но по большому счёту здесь все врачи — универсалы. Без этого никак.

— Естественно, — буркнула Мари. — Раз по пятьдесят в день. Это моя работа.

— Постарайтесь ближайшие два дня воздержаться. Завтра и послезавтра — ко мне на обследование, в первой половине дня. Лучше всего — как проснётесь.

— Началось, — проворчала Мари.

— Вы — уникальный случай, — пояснил ничуть не смутившийся доктор. — Спрошу попросту: вы хотите выносить и родить здорового ребёнка?

— Идиотский вопрос, доктор... простите, я сегодня что-то злая. Разумеется, хочу. Всё, не продолжайте, и так ясно: тогда слушайтесь. Буду слушаться. Ворчать тоже буду, даже и не пробуйте запретить.

— Это сколько угодно, — разрешил доктор, жестом предложив Мари присесть. — Если помогает — ворчите на здоровье. Что-нибудь ещё беспокоит?

— Мне по прежней специальности работать можно? Там драться приходится.

— Что-то не похоже, что вам часто достаётся, — заметил доктор. — Никаких гематом, шрамов, следов переломов. Если по вам при этом не попадают, то нет возражений. Сейчас главное — хорошее настроение и самочувствие. Доктор плохого не посоветует. Сэр Ортем, не задержитесь здесь буквально на минуту?

Доктор проводил Мари за дверь, и убедился, что в коридоре есть, кому приглядывать за ней.

— У вас есть на неё влияние, сэр Ортем? Я получил её личное дело из префектуры Парижа. Скажем так: мадам Фурье не очень любит выполнять приказы.

— Время покажет, доктор. Насколько помню, ей никто не указ.

Доктор покивал.

— Важно, чтобы она пока избегала волнений и принимала лекарства. Там витамины, всё такое, ничего особенного. И никаких драк, конечно, если есть малейший шанс, что её могут стукнуть. Постойте, так ведь она теперь в нашем доме живёт, верно? Ну, тогда будет проще проследить.

-

Оружейник выглядел задумчивым.

— Ваш пистолет, сэр Ортем, — кивком указал он на стол. — Есть вопросы?

— Есть несколько. Не поясните, почему охолов до сих пор не переловили? Жить им негде — в руинах долго не протянешь, все старые базы опечатаны. Если у них есть дрессели — их перемещения должно быть видно. Постоянные рейды, и всё равно — меньше не становится.

— Умеете вы задавать неприятные вопросы, сэр Ортем, — оружейник жестом пригласил Артёма за стол. — Чаю? Кофе? Мне под чай легче думается.

— Чай, если можно.

Оружейник поставил перед ними обоими чашки.

— Всё верно подмечено. Прятаться им вроде бы негде — в город без личного знака просто так не войти, по всему периметру есть датчики. Но, как вы понимаете, мы не контролируем всё полностью и абсолютно. Если человек без личного знака — охол — попробует остаться в городе, неминуемо себя выдаст, во всех публичных заведениях проходит сверка. Можно поставить датчики гуще, в каждый дом, каждого человека по несколько раз в день проверять полицейскими зондами, устраивать внезапные — скажем, ночные — обыски и облавы...

— Понимаю. Народ такого не поддержит.

Оружейник покивал.

— Народ не поддержит. То, что случилось в Париже — на площади Свободы — пример обратной стороны. Граждане не хотят постоянно быть под надзором, но если случится ещё несколько таких инцидентов — сами граждане и потребуют надзора. Собственно, в Париже всё это уже введено — по ночам в дома с обыском не приходят, но всё остальное, можно сказать, есть. Мы доверяем людям, сэр Ортем, и люди хотят считать других людей друзьями. А те, кто не соблюдают законов, в этом смысле на шаг впереди нас. Мы стараемся придумывать ответные меры, но это — соревнование брони и оружия. Да, и в целом вы не правы. Охолов с каждым годом становится всё меньше. Полностью не выловлены — факт. И

если у них есть свои дроссели — а мы иногда замечаем неизвестные нам сигнатуры — это дополнительный фактор риска. Вы бы что предложили? Представьте, что вы управляете Римом. Что сделать, чтобы навсегда покончить с охоломи?

— Тех, кого можно убедить — убедить. Остальных — в изоляцию от общества. С дикими ведь такое выходит?

Оружейник снова покивал.

— Примерно так и действуем. Дикие не принимают наши законы, но они чтят свои, и с ними можно договориться. Охоломы подчиняются одному закону: кто сильнее, тот и прав. Да, раз уж мы беседуем: есть интересные новости. Может, вы что интересное посоветуете. Там, в шахтах, когда, по описанию госпожи Красс, вы управляли двумя «зомби», телеметрия зафиксировала отчётливое радиоизлучение, источник — отдельные области вашего спинного мозга, лобная часть головного. Точнее пока сказать не могу. Сигналы записаны, по сигнатуре похожи на те сигналы, которыми общаются формы нечисти.

Артёму стало не по себе, он поднялся на ноги.

— То есть они не моих слов слушались, а этих сигналов?

Оружейник развёл руками.

— У нас было множество образцов для исследования. Никому не удавалось общаться с ними голосом. В том смысле, что не удавалось управлять. Слуховые рецепторы есть у всех гуманоидных форм нечисти, так что наши слова они слышат.

— У меня — там, где вы сказали — есть что-то, что излучает радиоволны?

— Ничего там нет. Вас всех изучали на базе Корино — ничего нового не обнаружили. Есть простой способ проверить: повторить эксперимент, и ввести вам предварительно в кровь нанозонды, чтобы локализовать источник радиоизлучения, и сделать объёмные снимки тканей. Если есть другие идеи — скажите.

Артём уселся. Час от часу не легче.

— Надо подумать. Значит, будем проводить такой эксперимент?

— Эксперименты, — поправил оружейник. — Случаев, когда нечисть не трогает дросселей, много. Мы пока не понимаем, почему. Но в вашем случае она не только не трогает, но и умеет воспринимать ваши команды. Теперь надо разобраться, какие. Если удастся полностью записать последовательность и научиться её воспроизводить — возможно, это будет следующий шаг к обнаружению и полному обезвреживанию оставшейся нечисти.

— То есть, если я прикажу им, скажем, умереть...

— И это тоже. Послезавтра предполагаем начать, о подробностях узнаете на месте. Большая просьба — уговорите и мадам Фурье также носить датчики телеметрии, — оружейник протянул коробочку. — Я позволил себе проявить, так скажем, изобретательность. Надеюсь, ей понравится.

-

— Чёрт, я уснула, — Мари потрясла головой. Её успели укутать пледом и даже приняли меры, чтобы поблизости не шумели. — Ну тут сервис, люблю! Даже одеялом укрыли. Слушай, я сегодня, наверное, много лишнего наговорила. Извини, если что.

— Проехали. У тебя был нелёгкий день, — Артём помог ей подняться на ноги и сумел остаться внешне сдержанным, когда она снова поцеловала его в губы — не обращая внимания на тех, кто рядом. В Риме это не то чтобы неприлично, но в публичных местах не приветствуется.

— Вот теперь совсем хорошо, — улыбнулась Мари. — Слушай. Я понимаю, ты не мне одной нужен. Тут без вопросов, если что — я в сторонке постою, без намёков. Куда теперь?

— С командующим ты уже говорила?

Мари кивнула.

— Сказал, пока доктор не разрешит, никакой работы. Ну, пару дней я потерплю, не вопрос. Дальше уже не обещаю. Так чем мне можно заняться? Я не сильно гордая — могу делать, что скажут, но хотелось бы по специальности.

— Спроси у Миранды, — посоветовал Артём. — Она работает на Арене инструктором но времени уже не хватает. Может, заменишь её там?

— А что, отличная мысль! — просияла Мари. — Но это завтра. А сегодня, если можно, мне бы пару часиков полежать. Только не в тишине, ненавижу. У тебя будет время побыть рядом?

-

Вечер подкрался незаметно; Артём успел прогуляться, в компании Миранды и Мари, на Арену — и сам позанимался, и Мари нашёл место. Сразу видна подготовка: Мари «побила» всех, кого ей ни предложили в соперники — и проиграла, всухую, только старшему тренеру — тому самому.

— Силён, — сказала она только — на вид даже и не запыхалась. — Всё равно, что скалу колотить. А мне здесь нравится!

Пока Мари беседовала с новыми коллегами и получала задания на следующие дни, Миранда и Артём сидели под дубом Цезаря.

— Что-то с ней не в порядке, — заключила Миранда неожиданно — сидели молча, Артём даже удивился. Хотя по пути на Арену обе его спутницы, можно сказать, тараторили без умолку — он сам даже не всё успевал уловить, так быстро говорили. — Я про Мари. Похоже, у неё большая беда была, кроме сегодняшнего дня. Не буду спрашивать. Захочет, сама расскажет. Что-то вы опять невеселы. Думаете, где ещё на одну силы найти? — Миранда рассмеялась. — Спорим, не о том подумали? Держитесь, сэр Ортем. О, а вот и она!

— Что-то я спать расхотела, — Мари явно довольна. — Классное место. Пока доктор разрешает, буду здесь работать. И польза людям, и вам глаза пореже мозолить. Миранда, у Марины в студии я уже была, а твою посмотреть можно?

-

Мари взяла все альбомы, которых у Миранды за всё время её работы собралось десятка три, и удалилась в дальний конец студии — знакомиться. Миранда, жестом велев Артёму молчать и, по возможности, исчезнуть с глаз, поставила мольберт и принялась быстро набрасывать эскиз картины — Мари, сидящая на диване.

— Сэр Ортем, займите её минут на десять, — шепнула она. — Всё равно не люблю, когда смотрят. Сможете?

Артём кивнул, и присел рядом с Мари, принялся смотреть вместе с ней. По словам Миранды, в альбомы она кладёт то, что и другим показать не стыдно, и самой посмотреть и вспомнить приятно. Чего там только не было! И не сказать, что хозяйка студии вовсе не проводит всё время за мольбертом — когда только успевает! Артём вновь, на пару секунд, ощутил, как мало он сам успел оставить после себя — там, на Земле.

— Завидовать стыдно, — заметила Мари, разглядывая очередную картину. — Ну, я вот тоже не умею рисовать, но я ведь не завидую!

— Значит, потом мне будет стыдно, — Артём смотрел, и думал — почему не попросил

альбомы раньше? Смотрел бы и смотрел! Глаз не оторвать! И всё это считается не очень интересным чудачеством? Хотя Миранда ведь упоминала о выставке.

Мари рассмеялась и ткнула его кулаком в бок.

— Прямо как я. Я вот, кроме как морды бить, ничему толком не научилась. Вот запретит мне доктор скользить, а потом ещё и на Арене работать — сама не знаю, чем займусь. Видимо, пол буду подметать и пыль стирать.

— Мы найдём тебе занятие интереснее, — возразила Миранда. — Не беспокойся. Вот он тебе и найдёт, если попросишь как следует.

— Что, правда?! — Мари, уже без притворства, схватила Артёма за руку. — Найдёшь? Правда?

— С твоей помощью. Если дурака валять не будешь. — Вот спасибо, Миранда, подумал Артём — без особой злости, впрочем.

— Замётано! Стой! — Мари вернула страницу, которую сама только что закрыла. — А это откуда?! Ты где это видела? — посмотрела она на Миранду. — Ты тоже там была?!

— Минутку, — Миранда набросила на мольберт покрывало — так, заметил Артём, чтобы оно не касалось того листа, что сейчас там стоит. — Что именно? Нет, это не видела, — улыбнулась она. — Это Чёрный Замок. У нас в приюте все дети хотели попасть туда. Наверное, все дети Айура мечтают. А что?

— Я была там, — Мари медленно отодвинула альбом прочь, не отводя от картины взгляда. — Я стояла на башне.

Ночь на картине. Силуэт разрушенного замка — тени мёртвых деревьев, чащей сомкнувшихся вокруг — стража, которая и после того, как пала, исполняет свой долг. На вершине разрушенной башни — силуэты людей, и полная Луна — видимо, на неё люди и смотрят.

— Мари, — Миранда взяла её за руку. Мари освободила руку и поднялась на ноги.

— Я много когда в своей жизни привирала, — медленно сказала она. — Но это правда. Если не веришь, нет проблем — закроем тему, и всё. Но если хотя бы раз кто-нибудь из вас над этим посмеётся, я уйду в тот же день, и плевать, что со мной потом будет.

Она уселась вновь, и прикрыла лицо ладонями. Миранда села на пол перед ней, и осторожно отвела ладони Мари от лица. По лицу Мари текли слёзы.

— Здесь никто над тобой не посмеётся, — тихо сказала Миранда. — Я написала то, что видела во сне. Я часто видела тот сон. Я думаю, в этой комнате все верят в то, что чудеса случаются. Извини, если расстроили.

— Нас было четверо, — Мари пододвинула альбом, не отводя взгляда от картины. — Я, и трое парней. Мы все видели этот сон, он с ума сводил. Может, мы поэтому и познакомились. А потом начали искать это место. Ну дурь, естественно, это же просто сон. Все дети такое ищут иногда. Но мы нашли.

-

...Пробиться ко входу в замок стоило огромного труда. По дороге становилось всё более жутко — причитания ветра, высохшие корявые деревья — словно намеренно цеплялись уродливыми многопалыми руками, хотели не впустить внутрь. А потом послышался вой.

На Айуре нет волков. В дикой природе нет хищников-млекопитающих, вообще нет животных крупнее бурундука. Но вой слышали все, и всем стало не по себе. Конечно, они взяли что положено — снаряжение, аптечку — все эти красные шприцы и прочее. Дикие земли — место, небезопасное не потому, что там может появиться нечисть — терминаторы

её найдут и уничтожат за считанные минуты — а потому, что там легко заблудиться. Как ни смешно, появление нечисти рядом с людьми может даже спасти им жизнь: терминаторов не настолько много, чтобы следить за всей поверхностью планеты, а полетев туда, где датчики вызвали тревогу, робот-стражник и людей заметит.

В башне — вход туда через разрушенную дверь — стало ещё страшнее. Всем начали мерещиться голоса, они отговаривали, угрожали. Через пару шагов один из них сдался. Это был самый неуверенный из них, Клод.

— У ограды подождёт, — сказал самый смелый из парней — Жан. — Всё, вперёд! Мы знали, что будет страшно, идём!

...На вершину башни они вышли вдвоём. Жан и Мари. Остальные двое сбежали, сказали — за оградой подождут. Ужас как жутко было стоять! Мерещилось, что через стену заглядывают уродливые, обезображенные лица, что во дворе вокруг собрались человекообразные силуэты, что путь наружу отрезан. Но они стояли, взявшись за руки, и смотрели на Луну — как велела легенда. И минут через пять нараставший ужас внезапно отпустил.

— Я что-то разницы не чувствую, — сказала Мари шёпотом. Но она немного лукавила: стало легко и приятно, всё тело словно становилось невесомым. — Всё? Мы справились?

— Мы справились, — заверил Жан. — Слушай, вот был ужас! Идём, заодно остальных найдём, расскажем. Пусть они до башни не дотерпели, но всё равно ведь дошли! Будет, что рассказать!

Его понесло. То ли от пережитого страха, который отпустил, то ли от осознания, что они преодолели всё, о чём говорилось в легенде, он не мог замолкнуть, говорил и говорил. Когда вышли из дверей, Мари заехала ему кулаком в бок. Помогло.

— Слушай, где они? — удивился пришедший в себя Жан. — Клод! Мишель! Куда вы делись?

И тут снова накатило. В легенде и об этом говорилось: надо ещё и обратно уйти, желательно невредимыми. Но кого им бояться? Волков ведь на самом деле нет.

Но они были. И их оказалось много.

-

— Я видела, — Мари трясущимися руками поднесла к губам стакан с водой. Уже третий по счёту. Выронила — Миранда успела подхватить — и выругалась. — Я видела, как он бросился в сторону, и они за ним. А другие за мной. Волки из ветвей — но с глазами. И запах. Как будто там настоящие звери были, никогда тот запах не забуду.

Миранда посмотрела на Артёма. Мари проследила за её взглядом.

— Ты их тоже видел?! — Мари взяла его за руку. — Когда?

Артём рассказал свою историю — первые минуты на Айуре. Мари села на пол — как Миранда давеча, с размаху, Артём не сумел её удержать.

— Я одна тогда вернулась, — сказала Мари ровным голосом. — Сама не помню, как. Наверное, я тогда первый раз в жизни скользила. Всё вокруг мелькало, с жуткой скоростью. Я почти ничего не понимала, всё болело, они меня всю изгрызли, потом в больнице лежала чуть не месяц. Я просто очень захотела домой. И попала домой. На затылке, — указала Мари. — Посмотри, если хочешь. Там остались следы, такие круглые. Помню, что туда меня и кусали чаще всего.

Миранда села позади неё, и ладонью отвела волосы, всматриваясь. Кивнула и поднялась на ноги.

— Точно, есть следы. Но это не зубы — все следы круглые, и небольшие. Если не знать, можно и не увидеть.

— Покажи ей затылок, — попросила Мари, глядя на Артёма. — Пусть посмотрит!

Артём уселся на стул, и ощутил, как Миранда осторожно разводит волосы на затылке.

— Ортем, у вас то же самое, — по голосу судя, Миранда сама сейчас испугается. — Если бы у неё не видела, и внимания бы не обратила.

Она тоже уселась на пол, рядом с Мари, и та вцепилась в руку Миранды.

— Ты тоже видел замок, — заключила Мари. — Тебя они тоже грызли потом. Наверное, там было очень страшно, если всё забыл. Знаете, что самое страшное? Неделю парней искали. Я боялась рассказывать — можно было на следующий день проснуться в Бедламе, и уже оттуда не выйти. А через неделю их просто забыли, представляете?! Я одна и помнила. Я даже всё записала, потом, как только домой вернулась. Всё, что могла. Никто их не искал, никто потом не вспоминал, словно они мне приснились, — она прижала ладони к лицу, и расплакалась.

— Ортем, вы помните замок? — Миранда обняла Мари за плечи, и посмотрела Артёму в лицо.

— Ничего такого. Всё, что помнил, уже рассказал. Волков я точно запомнил. Запаха не помню, вроде не было, в остальном — она их так же описала.

— Хотела, дура, чудес — получила чудеса, — Мари вытерла слёзы, и снова попыталась выпить из стакана. Снова уронила. — Желания исполняются, будь они неладны. Но знаете, что? Если бы сейчас вот знала, чем всё тогда кончится — всё равно бы пошла.

-

— Спит, — сообщила Миранда, закрыв дверь в комнату Мари. — Доктор дал ей капли и сказал не трогать, медсестра посидит с ней до утра. Просил больше её не волновать, чтобы чего не вышло.

Миранда посмотрела в глаза Артёма.

— Марина и Лилия сегодня снова задержатся, — сообщила она. — Надо завтра будет помочь им, ей ведь тоже нельзя теперь переутомляться. Но не сегодня, — она взяла Артёма за руку. — Сегодня вы мой. Если одна останусь, утром мне тоже медсестра потребуется. Расскажите ещё раз, хорошо? Расскажите, как всё было. Может, тогда перестану бояться.

День 38. Пропавшие без вести [оглавление]

— Придётся будильник ставить, — вздохнула Миранда. — Восемь лет не пользовалась будильником. И всё равно понять не могу, что за следы у неё на шее, у вас обоих. Все слышали про этих волков — они кем угодно могут казаться, но всё равно это просто кусты. Даже брони не нужно, чтобы от них защититься. Один удар камнем — и всё.

Артём вспомнил, как сэр Джеймс бился с «волками». Что-то не похоже они были на слабых противников — с седла его сшибли почти сразу же, даже странно — ко многому уже привычный боец насмерть бился с настолько слабыми противниками?

— Мне они не показались слабыми.

— Терминаторы их разрушают с двух стадий, с первого же раза. Никто точно не знает, что они такое — но в них ни одной клетки-контроллера, это не нечисть. Говорят, в диких землях можно и другие странные вещи найти, не на всё хватает времени, чтобы исследовать. Насколько помню учебники, «волки» эти не могут жить вдали от леса — распадаются на груды ветвей.

— И их всё равно не изучают? Поверить не могу.

Миранда пожала плечами.

— Я не слежу за сводками академии. Может, не всё пишут в учебниках. Спросите у военных, может вам расскажут. Мы с Мари пошли в клинику, как доктор просил. А вас Лилия попросила присутствовать при её допросе.

-

Допрос длился совсем недолго. По сути, Лилия всё, что могла, «переложила» на погибшую Анну — да, ей нужны были стимуляторы, которые доктор не выписал бы. Нет, Анна сама предложила такой — вполне легальный, и без предписаний врача. Нет, Лилия не знала, где именно Анна добывала его. Нет, никогда и в руках не держала, Анна сама добавляла его в напитки, и указала, чтобы из конкретной бутылочки добавляли одной только Лилии. Обыск у Лилии ничего не дал — в том смысле, что ничего, что опровергло бы её показания.

— Благодарю за сотрудничество, госпожа Корту, — Валери протянула ей листы с протоколом допроса. — Прочтите и подпишите, если нет возражений.

Похоже, Лилия твёрдо решила сократить общение с полицией: прочитала, молча подписала и её отпустили. Тут же ушла: дел в доме полно, Марине нужна помощь.

— У вас не скучно, сэр Ортем, — признала Валери и рассмеялась, её поддержала и Марселина. — Между нами: Лилия прекрасно знала, что препарат запрещён к законному обороту, но без её признания это не более чем предположение. Вы сами как считаете, она достаточно осознала, что ей грозило?

— Думаю, да. Я нечасто видел её такой испуганной. И она рассказала всё сама, без принуждения.

Валери покачала головой.

— С её братом Августом, позже Юлием, вышла странная история. Официально он погиб при прорыве нечисти. Пять человек было там, свидетели его смерти — но в деле нет показаний ни одного. Даже самой Лилии, хотя, по её словам, её допрашивали долго. Чем мы можем вам помочь сегодня?

— У меня необычная просьба, — Артём протянул лист бумаги. — Это школьные друзья Мари Фурье. Они пропали без вести, и уже через неделю их перестали искать, и не вспоминали даже родственники. Можете собрать по ним те сведения, что можно получить открыто?

— Мы постараемся получить всё, что возможно, — кивнула Валери и Марселина поддержала её кивком. — Очень странно. По закону, розыскные мероприятия продолжаются не меньше месяца. Я или Марселина отправимся за материалами — кому-то из нас нужно остаться и продолжить расследование. Мы напали на след, сэр Ортем — есть женщина, которая работала посыльной, и не очень долгое время работала в магазине господина Лана. Вот её фотография, — Валери протянула Артёму лист бумаги. Тому стало не по себе. Он узнал её — на вид ей лет сорок, серебристые волосы, худощавая, вытянутое лицо.

— Вы её узнали? — Валери и так знает ответ, подумал Артём.

— Я заметил её в... видении, — Артём заметил, как переглянулись обе его собеседницы. — Не знаю, как это правильно назвать. Я видел несколько раз моменты из прошлого. Как будто был зрителем, а кто-то повторял для меня всё, что происходило. Она толкнула Юлия Корту — прямо в гущу нечисти. Я думаю, что он бы выжил, если бы не она.

— То, что мы искали! — воскликнула Марселина. — Видение мы не можем приложить к делу, но мотив налицо.

— Её зовут Клавдия Береника Росс, — пояснила Валери. — Она, вместе с детьми была вместе с Лилией и Августом Карту, на борту судна, перевозившего беженцев из Барселоны. Город был окончательно уничтожен нечистью, приняли решение оставить его — не было возможности защитить, под угрозой в тот момент были все крупные города. Её дети выпали за борт, Август бросился их спасать — но спас только младшую дочь Клавдии Росс. Оба её сына погибли тогда. Возможно, это и есть мотив.

— Про Лилию и Юлию — понимаю. А мы ей что сделали?

— Вы одна семья теперь, сэр Ортем. Совершенно логично, что она теперь мстит всей семье. Мы вызвали Клавдию Росс, но по официальному месту жительства её давно нет. Теперь её ищут во всех префектурах Федерации. Мы сообщим, как только будут новости.

Артём встретил Миранду в коридоре — видимо, обследование Мари затягивается.

— Врачей она не любит, — пояснила Миранда. — Она не любит полицию, военных, врачей. Вот вас она обожает, но хорошо бы ещё кого-нибудь хотя бы слушалась. А я-то думала, это у меня трудный характер!

— Сплетничаете помаленьку? — из двери вышла Мари. — Это у тебя трудный характер? Не смейся. Идёмте отсюда, не то я что-нибудь такое скажу про врачей, что точно оштрафуют.

— Может, сразу договоримся, Мари? — предложил Артём, как только они остановились посидеть у дуба Цезаря. — Например, чтобы ты слушалась Марину, Лилию и Миранду.

— Это когда я их не слушалась? — удивилась Мари. — Ну хорошо, хорошо, не вопрос. Было такое, вспомнила. Доктор меня сегодня тоже обрадовал — что-то не понравилось ему, что внутри меня увидел. Ещё неделю, говорит, как минимум, никакого скольжения. Ну и как теперь жить?

— Спроси меня, я научу, — посоветовала Миранда. — Старший тренер очень тобой доволен. Просил только чуть реже ругаться, во время тренировок. Ну, по-другому как-нибудь с учениками общаться.

— Ещё и ругаться нельзя, — вздохнула Мари. — Всё поняла, постараюсь.

Мимо них прошло десять человек — все взрослые, все в белом — и направились в восточную часть города.

— Марк Тиберий Корвус, — вполголоса сказала Миранда, заметив, что Артём проводил процессию взглядом. — Из префектуры Рима, погиб при исполнении два дня назад.

— Его хоронят? — дошло не сразу. Гробов, траурных маршей и печальных процессий здесь не бывает. Здесь на кладбищах скорби и печали не предаются, наоборот — приходят поговорить о светлом, вспомнить хорошее.

Миранда кивнула.

— Пойду посмотрю, — решил Артём вслух.

— Один совет, Ортем, — Миранда встала. — Если только вас не пригласят, не подходите к могиле, пока все, кто провожает его, не выскажутся. Я что-то не хочу с утра на кладбище, лучше дома поработаю. Мари?

— Я тоже пас, — Мари поднялась. — Занятия на Арене с двух, а дома мне тоже найдётся, чем заняться. Ортем, не задерживайся там надолго, ты обещал помочь мне найти, чем заниматься!

— Задерживаться не буду, — кивнул Ортем.

-

Место и впрямь не наводило на печальные мысли. Очень часто над могилой — символической, тела кремируют — ставят статую, не голографическую — подлинное изображение человека при жизни. Артём понаблюдал, как готовят место для такой статуи Марка Тиберия Корвуса — и через полчаса примерно процессия уже направлялась назад, в Рим.

Могила Юлия-Августа Корту Артём увидел случайно. Не расспрашивал у Лилии, где именно могила брата. Случайно набрёл. Его статуя очень походила на то, что Артём наблюдал в видении. Здесь принято говорить с теми, кто покинул мир живых.

— Благодарю, Юлий, — Артём коротко поклонился. — Вы многих спасли в тот день. Покойтесь с миром.

Сразу стало как-то легче на душе — хотя ни в какое загробное существование Артём не верит, да и сама идея жизни после смерти не приходила пока на ум — всерьёз.

Он вернулся от могилы к центральной аллее, глянул на часы — до занятий на Арене четыре часа, уроков языка на сегодня не назначено, будет завтра. Чем полезным заняться?

Двое человек — тоже с белыми элементами одежды: женщина в белом платье, и девочка — дочь? — тоже в белом — подошли к могиле Юлия, уважительно поклонились. Артём схватил камеру и, не глядя, сделал снимки. Вроде бы не говорили, что на кладбище фотографировать недопустимо. Удалось встать так, чтобы хотя бы частично получились лица.

В течение получаса ещё трое людей подошли к могиле Юлия, и также что-то сказали — судя по выражению лиц, благодарность. Ничего себе! Лилия видела такое, хоть раз? Почему она считает, что к Юлию никто не приходит?

К кому бы обратиться по этому вопросу? Артём недолго думал и покинув территорию кладбища, отправился в военный городок.

-

Марцелл Катон пил чай — и Артёму предложил.

— Всю ночь работал, — пояснил оружейник. — Интереснейшие данные по вашей последней находке. Пока ещё работаем, но вам тоже понравится, когда расскажу. Чем могу помочь?

Артём вкратце, без ненужных деталей, рассказал, что огорчало больше всего Лилию.

— Ну, она неправа, — отозвался оружейник. — К нему многие приходят. Жаль, прожил мало, но всё равно много хорошего сделал. У меня есть записи камер наблюдения, один момент...

Он пододвинул к себе консоль регистратора и через десяток секунд поманил Артёма к себе.

— Видите? Это ускоренная запись. Лица и прочее намеренно размыты, не дефект съёмки. Пятьдесят человек в первый день, и пять сотен во второй. Люди его не забывали.

— А это кто? — указал Артём на фигуру — тоже размытую, видимо, в интересах секретности — человек, сидящий на коленях у могилы. Остальные приходили и уходили, только одна фигура оставалась, почти не меняя позы. — Лилия?

— Точно так, — подтвердил оружейник. — Я там тоже был. Помню, что она сидела, смотрела на его статую, и что-то шептала. Здоровались с ней — не обращала внимания.

— Запись, конечно, показать ей нельзя?

Оружейник развёл руками.

— Без приказа командующего — нельзя. Вряд ли она пойдёт его просить, вы же знаете эту историю. И вам выдать не могу — по той же причине. Но вы можете назвать числа — сколько было посетителей, точные числа: пятьдесят четыре в день его похорон, и пятьсот восемь на следующий день. А сейчас извините — дела. Здравствуйте!

-

Артём попросил Лилию подойти к себе в комнату и, без лишних вступлений, рассказал о том, сколько людей подходило и подходит к могиле Юлия. Лилия так изменилась в лице, что Артём подумал — в обморок упадёт. Но она всего лишь уселась на стул и, как в тот раз, спрятала лицо в ладонях.

— Как я могла их не замечать? — сказала она наконец, когда Артём уже начал беспокоиться. Отняла ладони — на лице читались облегчение и усталость, не было обычной неживой маски. — Простите, можно попросить вас оставить меня одну? Не беспокойтесь, — она сумела улыбнуться, — ничего не случится. И те фото, что вы сделали — можете мне переслать?

Артём кивнул, и направился к двери.

— Ортем, — он оглянулся. — Благодарю вас. Я ошибалась. Никогда, наверное, я не была так рада, что ошибалась.

-

Валери поймала Артёма, как только он вышел от Лилии.

— Марселина получила данные — Клавдию Росс недавно видели в Венеции, — сообщила она. — Уже есть ордер на её арест, теперь нужно немного удачи, и...

Она поднесла ладонь к уху.

— Марселина, — шепнула она. — Да. Да, это я. В клинике? Отлично, предупреди охрану и приступай. Помощь местной полиции потребуется? Да, я...

Валери озадаченно посмотрела на Артёма.

— Связь прервалась. Минуту...

Она замерла, держа ладонь у уха.

— Клиника? Валери Обэр, префектура Парижа. Марселина Люсия Дюран звонила о вас только что, это третий этаж, можете проверить? Связь прервалась. Да, мы разыскиваем Клавдию Беренику Росс, вам должны были переслать ордер на арест. Да, жду.

— Не отвечает, — пояснила Валери, глянув на Артёма. — Прошу извинить.

Артём кивнул — да, конечно, хотя ему стало не по себе.

— Да, слушаю, — Валери вновь поднесла ладонь к уху. — Что?! Да, немедленно перекройте входы и выходы из здания. Не выходила? Вызывайте полицию, все данные — префекту Парижа по срочной связи!

— Марселина ранена, — Валери опустила ладонь. — Рядом с ней найдена Арлетт Беклин, тоже с ножевым ранением. Преступник должен быть ещё в здании.

— Сэр Ортем, — теперь и Артёму позвонили. — Марцелл Катон, по приказу лорда Стоуна. На радарх сигнал, предположительно — не поставленный на учёт дроссель. Стартовая точка в Венеции, траектория постоянно меняется. В течение десяти минут прибыть в военный городок, разрешается использовать скольжение.

— Меня вызывают, — Артём взял Валери за руку. — Держитесь. Будут новости — немедленно звоните.

Он бегом направился к выходной двери, и там чуть не столкнулся с Мирандой.

— Миранда, — он взял её за руку. — Нет времени объяснять. Найдите Марину и

Лилию, пусть Мари тоже будет поблизости. Меня срочно вызывают, будет возможность — позвоню.

Она кивнула.

-

— Жизни Марселины Люсии Дюран и Арлетт Беклин вне опасности, — сообщил ему оружейник. — Оба уже прооперировали. Сэр Ортем, вам говорит что-нибудь адрес «Мольера, 12» в Париже?

— Я могу позвонить, сэр?

Получив согласие, Артём вызвал Мари.

— Мольера 12? Это кто такое сказал? Вся поняла, прости. Это мой адрес. Неофициальный, я там обычно живу, когда приказывают ждать сигнала.

— Это адрес Мари Фурье, — ответил Артём. — Что это значит?

— Они снова в движении, сэр, — оружейник явно говорит не с Артёмом. — От трёх до пяти человек, сэр, судя по сигналу. Если расчёты верны, они движутся в сторону Лондона.

— Глория! — тут же сказал Артём. — Они обходят адреса...

— Да, сэр, есть гипотеза, что они обходят адреса тех, кто носит детей сэра Ортема. Если курс и скорость не изменятся, они будут дома у Глории Адсон через семь с половиной минут.

— Погодите! — Артём схватил его за руку. — Охрана им не поможет. Если там дрессель — никакая охрана не поможет. В скольжении их труднее найти, верно?

Оружейник кивнул и сделал знак — а теперь молчи.

— Да, сэр Ортем предложил простое решение. Во время скольжения перехватить цель труднее. Я предлагаю немедленно отправить Глорию Адсон, Ингир Мантелла, всех домочадцев сэра Ортема любым маршрутом с любой колонной, с которой возможно. Курс не сообщать, дальше по обстоятельствам. Вас понял.

Оружейник потёр руки. Да он доволен, подумал Артём ошеломлённо.

— Я не сошёл с ума, сэр Ортем. Надевайте пока этот костюмчик. С вами будет охрана и восемь человек спецподразделения военной полиции.

— У вас есть план, сэр?

— Дрессель не найдёт никого из целей — возможных заложников — и направится искать вас, верно? Аналитики дают девяносто пять процентов, что именно так. А мы воспользуемся — попробуем ещё раз — вашей способностью. Если получится — с вами будет ударная группа, нет — как минимум, шансов выжить будет больше. Дресселя необходимо перехватить, пока он с Клавдией заодно — никто не в безопасности. Наши специалисты, которые сейчас эвакуируют ваш дом, оставят там знаки, так скажем, вашего присутствия. А мы с вами, как только дрессель остановится, повторим эксперимент. Готовы? Тогда пройдёмте в соседнюю комнату.

Охрана и специальный отряд уже ожидали. Артём сел в указанное оружейником место — прямо на пол — и командир отряда охраны дресселя взял Артёма за руку. И сели ждать.

— Покинули Лондон — полиция уже осматривает дом Глории, — сообщил Марцелл Катон. — Взяли курс на Рим. Как мы и ожидали.

Минуты текли медленно, Артём уже начал уставать. После Ингир Мантеллы неизвестный дрессель посетил дом Артёма — будем надеяться, что в доме никого уже не было — а потом... пропал с радаров.

— Начали! — Марцелл Катон махнул рукой. — Сэр Ортем, сосредоточьтесь, — и на

стене отобразилось фото Клавдии Росс. — Думайте о ней. Боевая готовность! Тишина в эфире!

И поплыло всё вокруг, всё начало двоиться и троиться, звуки отдавались эхом. Мир расплылся вокруг... и собрался заново.

-

Первое, что ощутил Артём — запах. Тот самый, знакомый. Нечисть рядом. Открыв глаза, он заметил перед собой лужицу «ртути» — огромного труда стоило не закричать и не вскочить. Прочь, подумал Артём, сил говорить не было. Прочь от меня.

Лужица скользнула в сторону. Артём осторожно повернул голову — он в клетке — на вид такой же, как и на гауптвахте. Тесная — едва хватает места лежать, скрючившись. И рядом с клеткой, по ту сторону...

Можно не гадать, кто: лужица скользнула к одной из пар условных, словно небрежно вырезанных из дерева ступней, и впиталась, втекла внутрь. Очень мило.

«Сэр Ортем», послышался голос, прямо в голове. «Моя телеметрия показывает, что вы живы и в сознании. Старайтесь не двигаться, не привлекать внимания».

Артём едва не рассмеялся, хотя голова жутко болела — боль, правда, постепенно проходило. И запах нечисти не выворачивал уже наизнанку, терпеть его удавалось проще. Привык?

«Проверим, свободны ли ваши руки. Если вы меня слышите, нажмите большим пальцем на любую фалангу указательного. Начнём с левой руки. Нажмите на несколько секунд и отпустите. Повторите так три раза».

-

Марцелл Катон, сидящий в своём кабинете, «бункере», посмотрел в сторону бронированного стекла, за которым собрались «зрители», и сделал знак — всё в порядке.

«Он жив», подтвердил то же самое текстом. «Жив и руки у него свободны».

Марина глубоко вздохнула и закрыла глаза. Доктор Ливси взял её за запястье и кивнул остальным — всё в порядке, не беспокойтесь.

— Сэр Ортем, есть основания предполагать, что вы в окружении нечисти. Оглянитесь вокруг, для начала просто осторожно поверните голову. Посмотрите вокруг. Вы можете встать и пойти? Одно нажатие — «да». Два нажатия — «нет».

«Нет», сообщил оружейник остальным через некоторое время, «он внутри клетки».

— Я примерно знаю ваши координаты, нам нужно понять, в каком помещении вы находитесь. Посмотрите по сторонам. Я перечислю объекты, а вы укажете, видите ли один из них. Просьба не говорить вслух, не издавать звуков.

-

...Минут через пятнадцать такого «разговора» Артём понял, что он в «зверинце», специальном зале, куда заманивали нечисть перед тем, как уничтожить. Видно бронированное стекло — оттуда могут наблюдать, но непонятно, наблюдают ли.

Что, если...

«Встань между мной и стеклом», мысленно произнёс Артём, посмотрев на ноги ближайшего «зомби». Тот вздрогнул, но не сдвинулся с места. Чёрт, неужели всякий раз надо смотреть им в лицо? Весело тут у вас, сэр Ортем. Артём посмотрел нечисти в лицо — уже почти привык, даже не вздрогнул — и повторил мысленный приказ, постаравшись представить себе движение.

Зомби сдвинулся и сделал пару шагов — остальные расступились, пропуская его.

Отлично! Часть обзора загородил. Что тут ещё есть? Камеры на потолке, что-то ещё? Не понять, действуют ли.

«В соседней комнате могут быть операторы, сэр Ортем. Мы предполагаем, что, как только они увидят, что вы очнулись, с вами захотят поговорить. Если вы в состоянии двигаться, попробуйте встать. Важно: когда будете говорить с ними, не делайте никаких движений. Им не стоит знать, что вы меня слышите».

Артём встал — не без усилий, пришлось схватиться за осклизлые прутья клетки, та ещё мерзость — и мысленно приказал «зомби» отойти — чтобы видеть бронированный щит.

— Вы меня слышите, господин Злотникофф? — женский голос раздался со всех сторон. — Поднимите правую руку и помашите, если слышите. Замечательно. У вас моя дочь, господин Злотникофф. Ваши новые друзья, как вы видите, хотят познакомиться с вами поближе. Вы заражены, у вас не более двенадцати часов, потом помогать будет уже некому. Будете вести себя тихо — проживёте дольше. Начнёте кричать, шуметь — клетка поднимется, спасти вас никто не станет. Если ваши начальники откажутся отдать мне дочь — клетка тоже поднимется. Я отключаю звук, мне с вами говорить не о чем. Прощайте.

«Вы не заражены и, вероятно, она это знает. Дайте знать, можете ли вы управлять теми формами нечисти, что рядом».

-

«Он в зале-ловушке, там двенадцать или больше «зомби», три «титана» и меньшие формы. Не заражён. «Зомби» и «титаны» его слушаются. Передаю ему сведения с ближайших помещений. Первой и второй группам — стартовая готовность», прочитали «зрители». Лорд Стоун махнул кому-то справа от себя. Доктор Ливси закрыл штору, сквозь которую был виден оружейник.

— Госпожа Скайлис...

— Злотникофф, — поправила его Марина.

— Виноват. Вам незачем себя изводить. Мы готовы к штурму и захвату, и поверьте — мы очень дорожим всеми нашими людьми. И хотим, чтобы сэр Ортем сам рассказал нам подробности. Идёмте в соседнюю комнату, вам не стоит так волноваться.

— Меня бы туда, — проворчала Мари. — Да знаю, знаю, слушаюсь вас — что, нет, что ли? Он прав, Марина — идёмте все отсюда. Только нервы себе трепать. Раз уж помогать не разрешают — побережём нервы.

-

Идея пришла в голову неожиданно. Если клетка поднимется, спасти его не будут — расчёт на то, что Артём предпочтёт сидеть в клетке тихо, ждать помощи, которая всё равно не придёт.

«Подними клетку», обратился Артём к ближайшему «титану». Великан трёх с лишним метров ростом плавно, изящно подошёл к клетке и обхватил её ладонями. Только бы делал точно то, что ожидается...

Приподнял. Проползти под ней стоило некоторых усилий — пол, скажем так, не очень чистый. Какой только дряни тут нет! Сумел почти не испачкать руки, а костюм и так придётся уничтожать. Ни переводчика, ни рации нет. Стоп, а не выдал ли себя, когда отвечал... ладно, уже неважно.

Что теперь? Просто стоять и ждать неизвестно чего?

«Сэр Ортем, внимание. Мы готовимся к штурму. Сверху, с потолка, может подаваться ядовитый газ, в стены вмонтированы огнемёты — нам важно знать, где вы будете

находиться. Вы можете выбраться из клетки, не привлекая внимания? Замечательно. Теперь слушайте очень внимательно...»

...В план, предложенный оружейником, Артём внёс только одно изменение: когда ему приказали бежать в сторону щита, прижаться к стене и приготовиться задержать дыхание на случай, если включат подачу яда в комнату, Артём ушёл в скольжение — и «выпал», как только прошёл сквозь дверь.

Шум — крики, стрельба — в соседних комнатах. Велено не вмешиваться, ждать. Из двери напротив выбежала женщина — Клавдия Росс. Непонятно, кого она больше испугалась — Артёма или «титанов», стоящих по обе стороны от него — но бросилась бежать. Как успел заметить Артём, «протаивая» на бегу.

Она тоже дрессель!

Дальше действовал почти инстинктивно, ушёл в скольжение следом. Поймать» фазу» другого дресселя получилось не сразу, но удалось осознать, что можно определить направление, азимут её движения — словами это было не передать, просто откуда-то приходило ощущение, насколько точно он идёт тем же курсом.

Оба «титана» шли рядом.

Поймал фазу! Женщина скользила одна, её испуг Артём ощущал, даже не видя лица. Нехорошо поднимать руку на женщину, но...

Удар в затылок выбил её из «скольжения». И в следующий момент она закричала, когда правый «титан» поднял её двумя пальцами, как пушинку.

— Держи осторожно, не сжимай, — приказал Артём. Удивительно — Клавдия немедленно замолчала, и во взгляде, который она переводила с Артёма на «титана» и обратно, читался теперь только страх.

И тут на расстоянии нескольких шагов возник Виктор Маккензи, а с ним — штурмовой отряд. И трое пленных на «носилках» — малых дилижансах, используются для транспортировки больных.

— Стойте! — крикнул Артём. — Не стреляйте! Они слушаются меня, — сказал он группе захвата. — Она дрессель, нельзя позволить ей стоять на земле.

Группа захвата переглянулась — и так понятно, насколько они изумлены.

— Вы не перестаёте удивлять меня, — покачал головой Виктор. — Предлагаете прогуляться вместе с вашими рослыми спутниками? Вы уверены, что мы доживём до конца прогулки?

— Уверен. Показывайте направление, Виктор.

Виктор покачал головой, улыбнулся и махнул рукой — туда.

-

«Титанов», которых привёл с собой Артём, сразу уничтожать не стали. Желаящих посмотреть проводили в специальную комнату — операторский зал на базе Корино, в таком же примерно «зверинце». Оба гиганта стояли, не шевелясь — словно статуи. Случись что — включатся и плазменные пушки, которыми оснащён зал, и прочие средства обороны. «Титаны» превратятся в дым прежде, чем успеют нанести хотя бы один удар.

— С ума сдуреть! — Мари высказалась первой. — И они, значит, слушались, и несли эту с собой. Жаль, я не видела!

— Ужас какой! — содрогнулась Глория. — Лучше бы я не смотрела!

Миранда и Лилия посмотрели на «титанов» молча — только переглянулись, не сказав ни слова. Марина смотреть отказалась наотрез.

— С возвращением, — доктор Ливси первым пожал руку Артёму, который вошёл, прихрамывая, в операторский зал. Ему устроили овацию; Марина, как только аплодисменты и восторженные возгласы утихли, бросилась к нему, обняла, и долго не отпускала.

— Рад бы отпустить вас домой, сэр Ортем, — оружейник также наблюдал за встречаей с улыбкой, — но пока не могу. Доктор сейчас залечит ваши ушибы, а потом нужен ваш рассказ. Подробности позже.

— Мы доставим вас, куда скажете, — заметил лорд Стоун, обращаясь к Ингир и Глории. — В любом случае без охраны вы не останетесь, пока длится следствие.

— Приглашаю вас ко мне домой, — Марина поклонилась им обеим. — На праздничный ужин — мы обязательно дождёмся сэра Ортема.

На том и решили. Ещё пара минут — и в операторской, кроме охраны, с Артёмом остались лорд Стоун и доктор Ливси.

— Пользуюсь случаем поблагодарить вас за службу, — пожал ему руку лорд Стоун. — И мы, и семьи погибших перед вами в долгу.

— Погибших, сэр?

— Сэр Марцелл Катон расскажет подробности. Приказ: Рим не покидать, — они переглянулись с доктором, и рассмеялись. — Во всяком случае, постарайтесь. Забегая вперёд: мы организуем новое подразделение, сэр Злотникофф. Вы будете там первым оперативным работником. Нам очень нужны ваши способности — сегодня, с вашей помощью, мы обезвредили верхушку очень опасной организации охолов.

И лорд Стоун отбыл.

— Никогда бы не подумал, — доктор Ливси ещё раз посмотрел на «титанов». — А если бы рассказали, не поверил. Идёмте, подлечим ваши раны. Шрамы вам к лицу, а хромать — это чересчур.

-

— Начну с извинений, — оружейник жестом пригласил присесть. — Вы успешно перебросили команду захвата в тот раз. Но нас ожидали: мы взяли их боевиков, но их дрессель...

— Клавдия?

— Она самая. Она и её двое подручных сумели оглушить и похитить вас. Думаю, она могла убить вас прямо там же, но отчего-то предпочла принести на свою базу. Буду краток. За последний год мы потеряли восемь дресселей и шестнадцать других оперативных работников. Всякий раз выглядело, как последствия прорыва нечисти, тела не искали — по всем признакам, нечего было искать. На базе группы Росс мы нашли личные вещи всех, кто пропал. И не только их.

Артёму стало не по себе.

— Она сама дрессель — и убивает других дресселей?!

— Убивала. Руками дочери и других подручных. Юлия Росс служила в полиции Венеции. Не знаю, что заставило Клавдию так рисковать — ведь раньше она скользила только на короткие дистанции — знает, что радар обнаруживает след не сразу. Но отчего-то объявила вам войну. Мне очень жаль, что так случилось с мадемуазель Арлетт Беклин.

— Что с ней случилось?!

— Присядьте, присядьте. Её ударили ножом в живот — видимо, точно знали, куда бьют. Она потеряла обоих детей. Ей самой уже ничто не угрожает — врачи постарались на совесть, других последствий не осталось. Мадемуазель Марселина также полностью здорова,

и уже выписалась. Ну-ну, не надо так огорчаться, — Марцелл похлопал Артёма по плечу. — Если бы их нашли хотя бы минутой позже, спасти было бы некого. Так вот, мы ведём расследование — обе Росс молчат, хотя их показаний уже не нужно: их помощники сотрудничают со следствием. Может быть, потому, что видели, как нечисть слушается вас.

Артём усмехнулся.

— Ваше оружие было у Клавдии Росс, — оружейник протянул Артёму кобуру. — Мы договорились с префектурами соседних городов: на время следствия вы и знакомые вам дамы будете под охраной.

— Против дресселя мало что поможет, — хмуро возразил Артём.

— Верно. Хотя охранять вас будут именно дрессели, и их ударные группы. Ну, не держать же вас всех на гауптвахте или в другой подобной клетке. Разве это жизнь? В критической ситуации — несомненно, мы постараемся спрятать или увести, кого сможем. Вопрос, сколько ещё осталось дресселей, сотрудничающих с охоломи. Помните, вы спрашивали, почему охолом не выловили всех до единого? Сегодня вы увидели один из ответов.

Не понимаю, подумал Артём. Люди живут как на пороховой бочке: если вдруг у нечисти появится новый командный центр — прилетит, скажем, ещё несколько таких же кораблей вторжения — и о мирной жизни можно будет надолго забыть. Нет, и всё равно люди продолжают воевать с людьми, убивать других людей. И главный вопрос: чем Клавдии так не понравились другие дрессели? Почему она убила Юлия — ведь целенаправленно же толкнула его в лапы нечисти! Нет ответов.

— Чтобы не отвлекать вас надолго: расскажите про события с момента, как очнулись на базе у Росс, и до возвращения на Корино, — оружейник протянул диктофон. — Можете вкратце, отметьте основные моменты. Да, проверьте сначала, что переводчик на месте и включен. Есть ещё много интересного — но не стану злоупотреблять терпением ваших близких, поговорим завтра. Как отдохнёте — пожалуйста, сразу сюда. Поговорим за чашкой чая, неофициально.

-

Дома ему обрадовались, но Миранда быстро пресекла попытки расспросить — потом, всё потом — и проводила Артёма до дверей его с Мариной апартаментов.

— Ни о чём не волнуйтесь, — поцеловала она его в щёку. — Мы справимся. Ей вы сейчас нужнее всех — забудьте об остальном.

Марина стояла у окна, когда он вошёл, и бросилась к нему в объятия, как только Артём закрыл за собой дверь.

— С момента, как нам приказали эвакуироваться, думала — увидимся или нет, — шепнула она. — Знаю, нехорошо так думать, не могла с собой ничего поделат. Не хочу дома оставаться — снова делами займусь, не удержусь. Давайте прогуляемся? Дома всё будет готово через три часа.

— Они что-то делали в вашей комнате, — предупредила Марина из-за спины, когда Артём вошёл к себе в кабинет, переодеться. — Я расскажу, что, если хотите. Сэр Марцелл Катон сказал, что всё очень тщательно изучили, ничего опасного не обнаружили.

-

— Кажется, что этот день неделю длится, — заметил Артём, когда они присели — уж непонятно, почему — у дуба Цезаря. Сегодня вечером почти все скамейки заняты. Охрана от Марцелла Катона где-то рядом, но умеет не выдавать себя.

— Или дольше, — кивнула Марина. — Доктор Ливси сказал, что Арлетт доставили в нашу клинику, ему нужно понаблюдать за её выздоровлением. Я резко с ней обошлась — хотя и был повод. Нужно поговорить с ней — но одна идти не хочу. Пойдёмте вместе?

Артём кивнул, и минут через двадцать они уже входили в регистратуру клиники. Ещё через пять минут их впустили в палату к Арлетт — предупредили, чтобы дольше десяти минут не задерживались.

Арлетт, бледная и осунувшаяся, посмотрела на них, слабо улыбнулась и закрыла глаза.

— Арлетт, — Марина присела первой у изголовья. — Я была излишне резкой тогда. Если вы не хотите видеть меня, я всё пойму и выйду. Выздоровливайте, это главное.

— Нет, останьтесь, — прошептала Арлетт, и протянула ладонь — Марина взяла её обеими своими. — Простите меня. Не знаю, что на меня тогда нашло, зачем я столько гадостей сказала. Глупая была. Никому не пожелаю так поумнеть.

— Доктор сказал, вас завтра выпишут. Я слышала, что в Париже вас могут не очень хорошо встретить. Если это вас не оскорбит — буду рада видеть вас у себя дома. Оставайтесь столько, сколько захотите.

— Благодарю, — Арлетт слабо улыбнулась. — Я обязательно приду, как... как только смогу. Марина, можно я скажу сэру Ортему кое-что наедине? Только не обижайтесь!

— Конечно, — улыбнулась Марина, и сжала её ладонь в своих. — Я подожду за дверью.

— Думала, весь мир теперь мой, и никто из вас мне не нужен, — Арлетт взяла ладонь Артёма, закрыла глаза. — А получилось, что только вы обо мне и заботитесь. Простите меня. Я не хотела ссориться с Мариной.

— Всё забыто, — Артём погладил её по щеке. — Поправляйтесь, это сейчас главное. Звоните, если что-то нужно.

Арлетт кивнула.

— Попросите Марину зайти ко мне ненадолго?

-

...Дома их встретила Марселина, как ни в чём не бывало — и это после серьёзного ножевого ранения несколькими часами ранее! Я недооценивал здешнюю медицину, подумал Артём. Марселина отчиталась, как будто бы и не было дня, пересыщенного самыми разными событиями. Сделала запросы, направились поговорить с первым свидетелем в Венецию. Действительно, поиски пропавших без вести прекратили раньше срока, по просьбам их родных и близких. Никого из родных и близких найти не смогла — кто-то умер, кто-то сменил имя и место жительства много лет назад. Поиски продолжатся, пока не испробуют все способы связаться с родственниками пропавших детей.

— Концы в воду, — подумал Артём вслух. — Благодарю, Марселина. Рад, что вы так быстро поправились.

— У вас отличные врачи, — улыбнулась Марселина. — У меня теперь есть возможность отыграться. Мне поручено вести дело семьи Росс. У меня есть факты — мать с дочерью причастны к молчанию всех тех, чьи дети пропали тогда без вести. И я рада, что работаю с вами, сэр Ортем! — она, а затем Валери пожали ему руку, и присоединились к собирающимся внизу гостям.

— О печальном больше ни слова, хорошо? — Марина взяла его за руку. — Его и так было слишком много сегодня.

-

Приём продолжается — но хозяева, поговорив с каждым из гостей и домочадцев,

поднялись к себе. Это нормально; пока среди гостей хоть кто-то, кто представляет дом — и Миранда, и Лилия никуда не ушли — всё идёт своим чередом. Пришла не только Ингир Мانتелла, пришёл и сэр Джеймс с хозяйкой и сыном.

Люди просто радовались, что ни живы. Такая простая, очевидная, не всем видная радость, которую можно испытывать каждый день, сколько угодно раз.

— ...Сегодня, пока мы сидели там, под охраной, — Марина снимала с себя украшения — сняла почти всё, кроме серёжек, подарка приёмных родителей, «ловца снов» и «выкупов». Сняла и присела на диван рядом с Артёмом. — Миранда взяла меня за руку и сказала: «Перестань. Перестань за всё отвечать, и за всё волноваться. У тебя есть мы. Попробуй просто жить, хоть иногда!»

Марина прижалась к плечу Артёма и закрыла глаза.

— Только сейчас и поняла, что она права. Уже не нужно за ними присматривать. Не нужно пытаться присматривать за всем, что вокруг — ведь есть, на кого положиться. Получается, я не очень им верила, такая вот глупость. А сегодня поняла, что мы можем больше не увидаться. И пообещала, уже не знаю, кому, что если увидимся — послушаюсь её совета.

Она посмотрела Артёму в лицо.

— Мне снились ужасные сны. Кое-что я помню; остальное попробовала забыть. Медицина не умеет стирать память — мы всё-таки не машины. Но можно сделать так, чтобы кое-что уже не вспоминалось. Я жалею, что согласилась. Надо было просто пересилить, подождать. Миранда говорит, что вы пришли за мной, как принц — за тридевять земель. А я всё ещё не могу вас вспомнить. Но я вспомню. Мы просто подождём, да? — Она снова положила голову на плечо Артёма и он погладил её по голове.

— Да, Марина. Мы подождём.

— Я ваша хозяйка, а вижусь с вами реже остальных, — улыбнулась она. — Я исправлюсь, Ортем. Дайте мне время, и я исправлюсь. Я сейчас очень счастлива. И неважно, что случится завтра.

День 39. Agnus Dei [оглавление]

— Разрешите? — Артём постучался в дверь комнаты Глории. Она стояла у окна — действительно, и на самой площади Цицерона, и вдалеке от неё есть, на что посмотреть. Рим отстраивали не раз и не два: несколько раз он подвергался атакам настолько яростным (если нечисть способна на ярость), что спасало только единство людей и ответная ярость.

— Ортем! — она бросилась к нему и обняла. При людях, Артём обратил вчера внимание, Глория отчётливо соблюдала дистанцию. Даже подумал, не обидел ли её ненароком. — Ужасно соскучилась, — она отпустила его, но взяла за руки, не позволяя отойти. — Всё ждём, когда вы приедете в Лондон! Как только скажете — составим расписание выступлений. Вы не представляете, сколько людей хотят вас услышать! И увидеть!

Артём улыбнулся.

— Не могу обещать, хотя очень хочу!

Глория покивала.

— Я здесь ещё два дня побуду, потом — домой пора, к ученикам. И так уже много занятий перенесли, некрасиво вышло.

Артём успел узнать — не от самой Глории — что она преподаёт вокал. И сама красиво поёт — интересно было бы услышать. И — опять наваждение: все, кроме Мари, вдали от

Марины отчётливо напоминали её, а поставить рядом — и думаешь: ну как могло показаться, что они на одно лицо? Все, кроме Мари, светловолосые, ростом и сложением похожи — и на этом сходство кончается.

— У вас есть на сегодня планы, Ортем? — Глория по-прежнему не отпускала его. — Хоть немного свободного времени?

— Приказали утром прибыть в военный городок. Там и узнаю.

Глория покивала.

— Покажите мне Рим! Если можно — только вы и я. Только если можно! — тут же добавила она. — Я понимаю, сколько у вас сейчас забот, — она не сказала «со всеми нами», но это отчётливо прозвучало. — А лучше — спойте что-нибудь. Что-нибудь, что я не слышала. Если получится!

— Если получится, — кивнул он, и Глория снова обняла его.

— Пожалуйста, — шепнула она. — Появитесь в Лондоне. Хотя бы на день.

-

Сразу после завтрака его снова «поймала» Валери.

— Неприятные новости, — предупредила она. — Помните тех двух людей, которые похитили Лилию, чтобы с её помощью найти шахты? Мы провели обыск у них в доме — оба жили в Риме — и нашли вот это, — она показала лист бумаги. — Вкратце: эта бумага даёт Лилии основания распоряжаться всем, что найдено в шахтах — как одной из наследниц. Одна беда: это подделка.

— Думаете, это Лилия?

— Нельзя сказать с уверенностью, нужна экспертиза. Если Лилия причастна и утаила это при первичном допросе, у неё большие неприятности. Если она будет всё отрицать, мы ничего не докажем в любом случае — никого из свидетелей нет в живых. Ваше мнение: она способна на подобное?

— Она очень хотела получить все те камни, — медленно сказал Артём, стараясь привести мысли в порядок. — Чтобы вылечить Юлия — к тому моменту собственные средства у неё кончились, просить было не у кого. Но потом, как вы знаете, отказалась от права на клад — хотя могла получить свою четверть по закону. Я не уверен, что она пошла бы на такую подделку, если честно.

Валери покивала.

— Мы не будем давать этому ход. Если получится. Но с ней лучше поговорить, не откладывая — могут появиться и другие фигуранты, и, если есть хоть малейший шанс, что они предъявят факты против Лилии, каменоломни ей обеспечены.

Она замолчала — хотя явно собиралась сказать что-то ещё.

— Заключать сделку я не собираюсь, — Артём ещё раз посмотрел на злосчастную бумагу. — Пусть всё будет по закону. Но если есть возможность отвести от неё удар, или смягчить последствия, я хотел бы знать, как.

— Другого мы и не ожидали, — кивнула Валери. — Приятно иметь дело с честным человеком. Мы сделаем всё, что возможно — и вначале поговорим с вами. Доброго дня, сэр Ортем!

-

Лилия встретила его улыбкой. Настоящей, если можно так сказать.

— Что-то срочное, Ортем? Чем могу помочь?

Артём, потеряв лоб, жестом попросил её присесть, и сел на соседний стул. И изложил,

вкратце, суть дела. Без обвиняков.

— Я подписала бумагу, — Лилия ответила немедленно. — Когда к горлу приставят нож, Ортем, не всегда захочешь расстаться с жизнью. Им нужна была возможность давить на меня, если я вдруг передумаю, или сообщу властям.

Она закрыла глаза.

— Если это может ударить по Марине или вам, я пойду и признаюсь прямо сейчас. Всё равно я не докажу, что подписала под принуждением. Тем более, там было ещё два свидетеля. Такие же охолы, но кто после этого поверил бы мне на слово?

— Идёмте, — Артём взял её за руку. — Скажите им правду. Только на самом деле правду, без утайки. Помните, Марина спрашивала вас, всё ли вы сказали?

На этот раз Лилия не стала прятать лицо в ладонях. Просто кивнула.

— Я не стану говорить ей, если дело не дойдёт до суда. При одном условии: вы сейчас пойдёте и расскажете им всё. Абсолютно всё. Знаете такую поговорку: «Обманешь меня однажды — позор тебе; обманешь дважды — позор мне»?

— Теперь знаю. Да, идёмте, — Лилия встала. — Покончим со всем этим прямо сейчас.

-

— Подпишите, госпожа Корту, — помимо Валери и Марселины, в комнате при допросе присутствовала Марина — положено по закону. Ничего не отражалось на её лице. Вообще ни одной эмоции. — Прочтите, всё ли верно записано с ваших слов, и подпишите.

Лилия прочитала и подписала.

— Госпожа Корту, — Валери показала ей бумагу. — Это я оставляю у Марины Злотникофф, эта бумага даёт право наказать вас по усмотрению главы и хозяйки дома. По законам Рима, если вам назначено пожизненное заключение, глава и хозяйка дома имеют право либо лишить вас поддержки дома, с вытекающими последствиями для вас, или ограничить вашу свободу самостоятельно. Во втором случае, при любом новом правонарушении вы будете отправлены отбывать пожизненное наказание, уже безусловно.

— Понимаю, — Лилия не отводила взгляда.

— Мой вам совет, госпожа Корту, — Валери взяла её за руку. — Неофициальный. Если есть хоть малейшая деталь, которую вы упустили при рассказе, добавьте её прямо сейчас. Это ваш последний шанс, если обнаружатся новые факты против вас.

Лилия думала минуты три.

— Мне нечего добавить, — сказала она твёрдо.

— Марина, Ортем, — Валери поднялась из-за стола. — Я рада, что этот разговор состоялся здесь, а не в кабинете префекта. Мы все иногда оступаемся. Благодарю за помощь!

-

Артём ожидал чего угодно — того, что Марина выгонит Лилию немедленно, или ударит, или расплачется — но она всего лишь пригласила её, вместе с Артёмом, к себе в кабинет.

— Я устала тебя прощать, — Марина пригласила Лилию присесть на диван, между самой Мариной и Артёмом. — Почему ты не всё сказала? Извинения не нужны. Просто скажи, почему.

— Я даже и не вспомнила, пока мне не показали бумагу. Я тогда много чего подписала, — Лилия посмотрела ей в глаза. — Я не смогу доказать, что меня заставили. Вот, возьми, — и она сняла с шеи «ловца снов», знак того, что Лилия представляет дом Злотникофф и имеет право выступать от его имени. — Я подвела тебя. Я не хотела.

— Надень, — Марина не приняла «ловца». — У меня много забот, а ты хочешь оставить меня без помощницы? Я спрошу ещё один раз, Лилия. И это на самом деле в последний раз. Ты всё им рассказала? Я не позволю отправить тебя в каменоломни, мы столько пережили вместе. Но ты будешь жить запертой в своей комнате, до конца своих дней. Понимаешь?

— Я всё рассказала, — ответила Лилия, и разрыдалась. Внезапно. Мария обняла её, и взглядом попросила Артёма остаться, когда тот сделал движение встать. Лилия не могла успокоиться минут пять.

— Как только мы сдадим оставшиеся эскизы, — Марина посмотрела в глаза Лилии, — возьми отпуск. Хотя бы на пару дней. Можешь здесь остаться, можешь уехать куда-нибудь. Впереди много забот, ты должна быть в форме.

— Обязательно. Марина, ты позволишь? — Лилия указала взглядом на Артёма. Марина кивнула, и поднялась с дивана.

— Завтрак через десять минут, — сказала Марина, задержавшись в дверях. — Не опаздывайте.

Лилия обняла Артёма.

— Вы опять меня спасаете, — шепнула она. — Я перед вами в долгу. Наверное, никогда уже не расплачусь.

Он чувствовал, как ей становится легче. Неплохо день начинается. Хорошо бы, если бы это оказалось последним сюрпризом, которое принесёт следствие.

— Лилия, — он взял её за руки. — Если близкому мне человеку срочно нужна помощь, я пойду на многое. Но не на всё. Есть границы, которые я не стану переступать. А вы?

— Раньше — переступила бы, — Лилия не отводила взгляд. — Теперь — не уверена. И ещё, Ортем. Я побывала вчера на кладбище — сидела там, пока нас всех не эвакуировали. Вы были правы, к нему приходят, каждый день.

-

Оружейник в прекрасном настроении — что настораживает: всякий раз, когда Марцелл Катон чему-то очень рад, скорее всего — дела идут неважно. Скоро можно будет сменить вывеску на «Чайная», подумал Артём.

— Знаете, что это? — оружейник показал пробирку для образцов. — Тот материал, который вы обнаружили в «Глубоком Замке». Так вот, если попросту: это древесина. Самая обычная, типовая, можно сказать. Причём породу дерева понять невозможно, ничего характерного, и структура необычная, но сомнений нет: древесина. Ни единого контроллера. Всё это время мы сканировали тот круглый объект. Это дерево.

Артёму стало не по себе.

— А вот этот сигнал отправлялся со всех радиостанций убежища, последние двадцать минут его существования. Уже не отзывался никто из людей — полагаю, они покинули убежище или погибли — но сигнал продолжал проигрываться. Затем воспроизведение прекратилось, и во все воздуховоды пошла под давлением смесь аргона и синильной кислоты. Ядовитая смесь, попросту говоря — нечисть она убивает не мгновенно, но убивает с гарантией. Все известные нам формы жизни Айура — тоже. Мы сделали, можно так сказать, музыкальную версию сигнала — просто для иллюстрации. Там последовательность из семисот двадцати девяти элементов. Послушайте.

Звучало, как песня. Музыкальная пьеса. Очень странно!

— Семьсот двадцать девять, — Артём потёр лоб. — После столько делений клетки нечисти погибают.

— Верно, — кивнул оружейник. — Напомню, что в их структуре троичность видна повсюду. В их ДНК трижды повторяются все последовательности. Число органелл в клетках всегда кратно трём. Семьсот двадцать девять — это три в степени шесть. Все формы, отличные от гуманоидных, содержат три экземпляра органов — три или девять глаз, кратное трём число конечностей, и так далее. Наводит на мысли?

— Минутку. Этот код как-то относится к тому самому дереву? Им что — приказали при помощи этой команды превратиться в древесину?!

— Быстро соображаете, мне это нравится. Да, это основная гипотеза. Люди также превратились в древесную массу — я полагаю, к тому моменту они уже не были людьми. Понимаете, что это значит?

— Что мы можем превращать формы нежити в дерево?!

— Хотелось бы. Мы провели опыты — никаких результатов. Мы проигрывали последовательность на разных скоростях, смещали частоты — передавали во всех девяти диапазонах, которыми пользуется нечисть. Никакого эффекта. Наши люди сейчас исследуют ядро — вскрывают его, если можно так сказать, слой за слоем. Оно неоднородно; что-то есть внутри — хотя, повторюсь, никакой клеточной активности. Вы были там лично — ничто не бросилось в глаза необычного?

— Одно тело, — сказал Артём. — Ну, то есть, скелет. Других мы не видели. Или деревянные фигуры, или что-то бесформенное. Только одни останки. Если вы не нашли других.

— Других не нашли, — подтвердил Марцелл Катон. — Есть гипотеза, что этот тот самый человек, который запустил подачу сигнала. Возможно, он же дал команду выпустить в атмосферу яд. Мы частично восстановили содержимое карт памяти того, что было при нём — там есть последовательности из семисот двадцати девяти элементов, некоторые похожи на то, что я воспроизвёл.

— Вы установили, кем был этот Мишель Фурье, если это его имя?

Марцелл Катон развёл руками.

— Увы. Никаких данных. Мы восстановили облик по черепу, но данных об этом убежище — или, точнее, лаборатории — не сохранилось. Пока не могу ответить на вопрос, содержимое карт памяти при нём в основном зашифровано — и ключ нам неизвестен. Пока что.

-

Доктор Ливси тоже необычайно доволен — и это пугает даже больше довольного оружейника.

— Что скажете, доктор? — не выдержал Артём. — Если не секрет, почему вы запретили Мари скольжение?

— Не секрет. Видите эти скопления клеток? Это снимок тканей, при большом увеличении. Вот это — ваши ткани; это — Мари. У меня есть аналогичные снимки практически всех внесённых в картотеку дросселей, включая нашу новую заключённую. Так вот: природа этих клеток непонятна. На вид — типичные клетки той ткани, из которой взяты. Однако обратите внимание на их расположение.

— Везде одинаковое, — признал Артём. — Похоже на веретено. И что это?

— Нам всем хочется знать. Когда идёт скольжение, эти «веретёна» излучают в нескольких электромагнитных диапазонах, каким образом — пока неясно. Так вот: у вас эти клетки рассредоточены по всему организму. Исключая сердце — там их крайне мало — и

глаза. У Мари, как и у большинства дросселей, эти клетки сосредоточены в гладкой мускулатуре, в головном и спинном мозге. У Мари крупные скопления таких веретён находятся вплотную к тому месту, где развивается эмбрион.

— Начинаю понимать, — сказал Артём.

— Как поймёте, мне расскажете. Так вот: я не уверен, что зародышу это облучение на пользу. Пока что развитие идёт штатно, как по учебнику — и хотелось бы, чтобы и дальше шло штатно.

— Не могу поверить, что это излучение никто не пытался вызвать искусственно.

— Вы невысокого мнения о медицине, коллега. Разумеется, пытались. Если вкратце: это основная причина бесплодия женщин-дросселей. Понимаете? И только в случае Мари реакция другая: зародыш не погибает, развивается нормально. Вы согласитесь, если пофантазируем, что я дам вам право решать, чтобы мы ставили опыты на её будущем ребёнке?

— Если он пережил сто, или сколько там...

— Двести сорок три, — уточнил доктор.

— Двести сорок три сеанса облучения, и не погиб — может, и не погибнет уже?

— Рискнёте, Ортем? Мари я предлагать не буду. Я уже знаю её ответ.

— Нет, — Артём покачал головой. — Я бы не рисковал.

— Тогда вопрос закрыт. И постарайтесь хотя бы часть дня отдохнуть. Без чрезмерных нагрузок — завтра у нас серия экспериментов, и вы у нас — основной их участник. Найдёте время? Или попросить командующего дать вам ещё один выходной?

— Найду, доктор, — Артём пожал ему руку. — Спасибо за Мари, за Арлетт. С ней уже всё хорошо?

— Физически — ещё вчера можно было выписывать. В целом — она пережила сильное потрясение, с ней работают психологи. Разглашать права не имею, вкратце: если вернётся в Париж, ничего хорошего её там не ждёт. Но главное — она жива и здорова.

— И ещё, доктор. Уже много раз слышал: у мужчин-дросселей дети все больные, или уродливые. Это правда, или...

Доктор снял пенсне и улыбнулся.

— Вы образованный человек. Не придавайте такого значения слухам. С момента выхода на поверхность у людей начался перекося по половому признаку — было время, когда на одного новорождённого мальчика приходилось десять девочек. Ещё одна странность: стали погибать зародыши с серьёзными наследственными дефектами. Большинство таких дефектов, до Вторжения, врачи находили в первые три дня жизни зиготы — будущего человека, то есть. Находили и предлагали матери выбор — устранить дефект, если в наших силах, или...

— Понятно, что такое «или». Но какое отношение...

— Дайте договорить. Так вот, сейчас у всех выживших эмбрионов нет серьёзных дефектов. Есть незначительные, когда человек остаётся полноценным — такое мы легко исправляем сами. Но вот то, о чём я только что говорил, уже пять столетий решается словно автоматически. И причину понять не можем, — доктор уселся сам, и взмахом руки предложил Артёму последовать своему примеру. — Так вот. Дроссели — за исключением вас, вероятно — ведут довольно беспорядочный образ жизни. Алкоголь, сильные стимуляторы, даже наркотики, если не успеваем вовремя выявить и изъять. Как следствие, большинство зигот от них...

— ... теперь не выживают, поскольку там могут быть дефекты.

— Верно! Приятно поговорить с образованным человеком. Вот и весь секрет. Ну, а слухи и суеверия — это, увы, никакая медицина не может вылечить. Не наша специализация. Поэтому, если у дросселя остаётся потомство, мы вынуждены особо заботиться — по сути, охранять какое-то время. Люди воспринимают такую заботу как признак того, что ребёнок серьёзно болен. Дальше понятно.

Артём вздохнул.

— Ваша статистика, друг мой, — доктор посмотрел на экран регистратора. — На настоящий момент: сорок два мальчика, семь девочек. Разумеется, только ваши прекрасные дамы в курсе, кто отец их ребёнка. Поэтому берегите себя, пожалуйста — когда это возможно. А сейчас прошу простить — меня ждут с докладом!

-

— Слушай, есть дело! — Мари поймала Артёма, когда он, всё ещё под впечатлением разговора с доктором, шёл в сторону дома. — Я тут припомнила, какие ты песни пел. Поговорили с Глорией и другими умными людьми. Глория почти сразу же сумела договориться. Ну, без тебя мы ничего не обещали, конечно...

— Перед кем выступать?

— Умный! — Мари довольно улыбнулась, и стукнула его легонько кулаком в грудь. — Перед Римом. Сегодня закрытие девяносто пятых летних спортивных игр. В Колизее будет весь Рим! Точно говорю! А кто не сможет, будет смотреть трансляцию! Ну? Глория сумела уговорить организаторов вставить, сразу после официальной части, два часа. Твой звёздный час! Соглашайся!

— Ну вы даёте! — невольно вырвалось у Артёма. — Если весь Рим...

— Брось, мы же будем рядом. У тебя голос, может, и не самый лучший, но годный, уши не вянут. И мы с тобой! И ещё десять певцов хотят присоединиться. Решай!

— Если я согласен, сколько времени на репетиции?

Мари посмотрела на часы.

— Почти восемь часов. Успеем! Я уже успела за инструментом Глории в Лондон съездить! Да не скользила я, — вздохнула Мари, увидев, как изменилось лицо Артёма. — Экспрессом смоталась. Доктора мне мало, что ли? Хоть ты не капай на мозги!

— Не заводись, — Артём положил руку на её плечо. — Хорошо. Я согласен — времени мало, с чего начнём?

— Песни выберем. Их ещё цензору нужно успеть показать. Это тебе не Лондон, там пой что хочешь, любую чушь. Тут что попало не пропустят.

-

Вначале Артём предложил местом для репетиций комнату в доме; тут же выяснилось, что хорошо бы располагать справочными материалами. В итоге выбрали всё ту же комнату для работы с книгами, «клетку Фарадея», в которой Артём и Миранда вели расследование «дела переводчика». Устроило всех, в том числе и владельца библиотеки. Артём входил туда не без опаски; однако, и при закрытой двери «клетки» ничего особенно не изменилось, а звукоизоляция у неё такая, что можно репетировать хоть на полную возможную громкость обеих флютен.

— Нужно что-нибудь новое, — подумала вслух Мари. — Ну, то есть неизвестное слушателям.

Песня «Agnus Dei»(*) пришла на ум без предупреждения. От музыки и Глория, и Мари

пришли в полный восторг, но вот когда Артём попытался изобразить то, как это поётся...

— Похоже на французский, но не совсем, — пришла к выводу Мари. — Постой, это что, старофранцузский?! Ты и его знаешь? Ещё раз!

Артём начал ещё раз. Уже после первого куплета Мари помотала головой.

— Не могу я это слушать. Перестань над языком издеваться. Напиши лучше слова, сможешь?

Артём пожал плечами и начал писать. И Глория, и Мари с любопытством следили за тем, что выходит из-под карандаша.

— «*De mutilation En soustraction Agnus Dei Te voir en chair J'en perds la tête...*» — напела негромко Мари. — Чудно! Прекрасно звучит. И это женская песня, женщина должна петь. Ну-ка, давай вместе!

Им обоим очень понравилось то, что получилось. Артём исполнил вторую партию — там была простая и незатейливая латынь, текст, который и на Земле был вполне понятным.

— Отлично! — пришла к выводу Мари. — Всем понравится, точно говорю. Что ещё есть в списке?

В списке было много чего. «Halleluja», «Twist in my sobriety», «Freelove»... (**) Чтобы исполнить нужным образом «Lux aeterna», потребовался голос Глории — диапазон впечатлял, и ведь ни разу не пела сама, пока была с Артёмом! Скромничала? Почему?

— Класс! — выдохнула Мари, смахивая с лица слёзы. — Пробирает-то как! И слова вроде не очень особенные, а как действует! Дальше!

— ...Староанглийский, старофранцузский, — покачала головой Глория, пока они, втроём, ждали короткую очередь в приёмной цензора. — Насчёт французского не скажу, не разбираюсь, но английский звучит очень убедительно. Так вы на самом деле из далёкого прошлого?! А я и не верила...

— Из прошлого? — немедленно заинтересовалась Мари. — Почему я не слышала? Рассказывай!

На этом месте их пригласили к цензору. Ледяное лицо того оттаяло после первой же песни. Стараясь оставаться в рамках официального образа, цензор утвердил все до единой песни и пожал всем руки — смотри-ка!

— С ума сдуреть! — заключила Мари, когда они вышли на улицу. — Всё, пауза, мне и моему горлу отдохнуть нужно, мне же потом всё это петь уже по-настоящему, для людей.

— Мне с учениками поговорить нужно, — Глория привлекла к себе Артёма и поцеловала в щёку. — Не забудьте — встречаемся дома, в шесть!

— И почему я её не ревную? — задумчиво спросила Мари, провожая Глорию взглядом. — Сама удивляюсь, чего это я такая добрая стала. Не к добру это. Не поверишь, уже который день никому в рожу не дала — и не тянет. Что это со мной такое?

— Гормональные изменения?

— Не строй из себя доктора. Сама знаю, что изменения, но почему так сильно? На кого это ты смотришь?

— Тихо, — понизил голос Артём, и отвернулся. — За моей спиной, человек в чёрной куртке — видишь? Волосы крашены под седину.

— Вижу, — подтвердила Мари, посмотрев в указанную сторону — не привлекая внимания. — И кто он такой?

— Он видел, как убили Юлия Корту. Один из свидетелей. И его показания исчезли из дела.

— Слушай, он уходит — похоже, что-то почуял! Что будем делать?

— Нельзя позволить ему уйти, — решил Артём. — И желательно без шума. Следишь, куда он направился?

— В сторону Колизея, похоже, по узкой улице. Не знаю, как называется. Идём?

...Человека они настигли на полпути к Колизею.

— Мари Фурье, уголовная полиция, — показала Мари своё удостоверение. — Нужно поговорить, вы...

Артём заметил только, что она схватила за руки его и «подозреваемого», и мир «сдвинулся» — как будто их рывком перенесло на другое место, шагах в трёх. Чёрт, она скользит! А ещё через секунду Артём увидел, как Мари надевает наручники на ещё одного неизвестного, которого тем временем крепко держали за руки двое неприметных людей. Похоже, та самая охрана. Хорошо работают! Отобрали оружие, никто и заметить не успел.

— Не дай ему уйти, — спокойно заметила Мари. Человек, седовласый, явно собирался воспользоваться моментом, но увидел, как Артём положил руку на кобуру... и передумал.

— Полиция Рима, что происходит? — двое рослых служителей закона возникли как из-под земли. И опять полиция опаздывает... по крайней мере, римская, подумал Артём.

— Покушение, — Мари спокойно показала им удостоверение. — Не знаю точно, в кого из нас он собирался стрелять. Вот его пушка, — она протянула оружие, уже упакованное в пластиковый пакет.

— Благодарю за сотрудничество, мадам Фурье! — тут же подобрел полицейский. — И вы, сэр Злотникофф. Пройдёмте в отделение.

Через пятнадцать минут седовласым и несостоявшимся убийцей уже занималась Валери Обэр, а Артёма и Мари отпустили, в сопровождении полиции, строго в сторону дома. Охрана, или кто это был, незаметно растворилась среди прибежавших на помощь людей — как и не было их.

— Что ты доктору теперь скажешь? — поинтересовался Артём.

— Что не дала ребёнку расти без отца, — ответила она, и погладила свой живот. — Мама не нарочно, милый. По-другому не получилось.

— Не рановато говорить с ним? — не удержался Артём, и получил кулаком в бок.

— Не мешай! — Мари закрыла глаза. — Ничего страшного, — заключила она. — Он поймёт, что я не нарочно. Только попробуй ещё раз усмехнуться, в зубы получишь!

— Ты это серьёзно? — он развернул её лицом к себе. Мари сердито посмотрела ему в лицо, и обняла, уткнувшись лицом в плечо.

— Прости, — сказала она, наконец. — Нельзя мне скользить, на людей начинаю бросаться. Всё, пошли домой!

Охране будет сегодня благодарность, подумал Артём. Это что же — теперь и вовсе нельзя по улице пройти? Кругом могут оказаться боевики той самой «группы Росс»?

-

— Вас понял, сэр Злотникофф, — лорд Стоун не особо удивился, услышав про Колизей — но, раз приказано было туда не ходить... — Да, разрешаю, но ваша охрана должна быть поблизости. Сигнал прежний: если чувствуете, что возможен переброс, садитесь и поднимаете правую руку.

Оставшиеся до выступления полтора часа Артём провёл за книгами: Марина честно приносит книги на латинском — надо выполнять обещание. Никогда ещё не был так рад возможности посидеть за столом, с книгой в руках! Сплошь подвиги, подумал Артём,

вздыхнуть некогда. Похоже, эта «группа Росс» весьма небезобидна — ведь сумели подкрасться почти вплотную! Хорошее у Мари чутьё — сразу видно, давно в полиции работает. Получается, так и осталась в полиции? Удостоверение — это тоже электронный прибор, и, если человека увольняют, его удостоверение в течение минут перестаёт что-либо показывать. И проверить легко, не подделка ли — словом, всё схвачено.

— Вам пора, — Марина вошла в его кабинет. Договорились, что, если дверь не закрыта, Марине стучать необязательно. — Нам всем, — уточнила она. — Наш дом там будет почти весь!

— ...С одной стороны — устал, и не только от эмоционального напряжения: «страх сцены» ощущался очень сильно, даром что на сцене не один. Само выступление сильно зарядило — шли обратно все довольные, чувствовалось — горы можно свернуть.

Накатило внезапно — уже на подходе к дому. Марина бросилась к Артёму, когда увидела, что тот неловко садится на мостовую. Глория — следом. Миранда поймала обеих за руки.

— Нет! Не подходите! — она кивнула Артёму и командиру группы охраны, который уже взял Артёма за руку. — Только не вы! Подальше, всем отойти подальше!

Умница Миранда, успел подумать Артём, прежде чем чернота накрыла с головой.

— Где это мы? — прошептала Мари — первое, что Артём воспринял. Ну и кто её просил? Сказано ведь было — не подходить!

Огромный зал. Похоже, они внутри собора — как именно называются помещения, Артём не помнил, но они на возвышении: шестеро человек охраны, Мари и он сам. Перед ними — зал со множеством скамей, слева и справа — огромные витражи, а на полу, близ стен, мраморные статуи. И, похоже, очертания труб органа за спиной.

— Это не Айур, — заметил Артём, посмотрев на индикацию часов. Всё как в тот раз: сила тяжести другая — совпадает с тем местом, где находится убежище Марка Флавия Цицерона. Воздух — ощущается, что застойный, но пригодный для дыхания, индикаторы не показывают опасности, нет ничего вредоносного (из известных создателям костюма веществ).

Светло — сквозь витражи просачивается свет. И — только сейчас заметил — люди. Все скамьи заняты, все сиденья. На вид — самые обычные люди. Всех возрастов — дети тоже есть. Сидят и смотрят на пришельцев — на возвышение.

— Это не нечисть, — доложил командир группы. — Какие будут приказания, сэр Ортем?

— Выбираться, — сказал Артём, и тут же спросил себя — а куда? Если это не Айур, то куда выбираться?

— Вы это тоже видите? — Мари заворожённо озиралась. — Это же известный собор, опять забыла название! На Айуре была его точная копия! Смотрите — надписи на латинском языке!

— И органист на месте, — заметил Артём. Точно: место органиста занято. Сидит, как и все прочие в зале, неподвижно — смотрит перед собой. Даже не оглянулся.

— Есть клеточная активность, — сообщил командир группы. — Они живы. И...

Люди встали. Как по команде — все до единого. Встали и повернули головы в сторону пришельцев.

— Надо выбираться отсюда, — прошептала Мари. — Чую, нельзя оставаться, надо...

Они бросились к ним, к возвышению. Все — выбирались в проход, и оттуда бежали со всех ног к пришельцам. Артём ощутил, как снова накатывает — только и успел схватить за руку Мари.

-

Когда картинка прояснилась, Артём понял, что они в том самом помещении, куда его приводил Марк Флавий.

Все здесь — шестеро человек охраны, он сам и Мари. И органист! Артём не сразу понял, что происходит.

Мари, командир группы и ещё двое дрались с органистом. Выглядело и нелепо, и страшно. Человек, или кто это был, двигался очень быстро и, судя по тому, что один из группы лежал поодаль, а его прикрывал другой, драться он тоже умеет.

Мари в скольжении сбила его с ног, и, усевшись сверху, надела наручники.

Одним движением органист вскочил на ноги — Мари полетела кубарем, но поднялась на ноги и уклонилась от удара ногой в лицо.

Вторым движением органист порвал цепь наручников. Полыхнуло: ему в лицо выстрелили световым зарядом сразу двое. Не то чтобы органист не заметил — лишь замер на долю секунды, и бросился на Артёма.

Удар булавой по голове сбил его с ног — упал и остался лежать.

— Все живы? — командир поставил булаву в режим термического поражения. — Отойти в стороны!

— В порядке, скоро придёт в себя, — доложил другой боец, сделав укол тому, кто лежал без сознания.

— Глазам не верю, — Мари смотрела на запястья органиста. — Порвал! Ничего себе сила! Отсюда вижу, что дышит — скоро очухается, что делать будем?

— Свяжите страховочным тросом, — приказал командир. — Мадам Фурье, в сторону! Не приближаться!

Органиста связали по рукам и ногам. Сделали укол — таким отключают особо буйных, человека обездвиживает часа на три.

— Не нечисть, нет известных патогенов, — проверил командир. — По всем признакам, человек. Что дальше, сэр Ортем? Есть план этого места?

— Я помню, как меня отсюда выводили, — кивнул Артём. — Сразу за дверью может быть нечисть. Ограждение низкое, выходите осторожно.

— Его с собой? — спросил командир. — У нас два комплекта носилок, можем взять с собой.

-

— Сдуреть, — прошептала Мари, когда Артём вручил ей бинокль. Вроде бы всё осталось, как и в тот раз — отряды нечисти и корабли, или что это, далеко внизу. — Жуть какая! И это всё у нас под ногами?! Но где?

— Не у нас, — покачал головой Артём. — И возвращаться сюда без армии я не хочу. Надо уходить, чувствую — задерживаться не стоит.

Выйти получилось с первого же раза. Мари вздрогнула, когда пришлось скользить рядом с Артёмом, закрыв глаза — сквозь камень — но справилась. Когда вновь стало светло вокруг, поблизости уже виднелась дорога, мощёная жёлтым кирпичом.

— Мы вернулись? — спросила Мари, оглянувшись. — Круто. Что теперь?

— Обычная процедура, — улыбнулся Артём, ожидая, пока командир группы доложит о возвращении и выслушает приказы. — Тебе не понравится, но придётся потерпеть.

-

...Когда их доставили в Рим и отпустили, было полчаса до полуночи. Приказали: отдыхать, завтра с утра — в военный городок, на доклад. Похоже, новый «трофей» настолько понравился оружейнику и его команде специалистов, что непосредственных участников оставили на время в покое.

— Завтра доктор все мозги выключет, — заключила Мари. — Что-то я вся как электрическая, даже не устала. Так мы точно были на другой планете?! И ведь не расскажешь никому, запретили!

Однако главное испытание было впереди: весь дом ждал их — интересно, сколько они готовы были ждать? — чтобы поблагодарить за сегодняшний концерт. Ну и, конечно, поужинать. Есть хотелось зверски, даром что на базе их накормили. Может, всё дело в лекарствах? По словам Мари, врачи её осмотрели и сказали, что ничего страшного не случилось, беспокоиться не о чем.

И опять длинный день, подумал Артём. Не давал покоя тот факт, что, когда его «накрыло» и переместило, Артём мысленно исполнял ту самую песню, «Agnus Dei». А выбросило их, что характерно, в реплику известного собора. Совпадение? Или что? Если теперь начнёт, как Марка Флавия, выбрасывать в эту новую локацию без предупреждения, как дальше жить?

Ладно, подумал Артём, отвечая всем домочадцам улыбкой и рукопожатием — все без исключения подошли поблагодарить, всем понравилось музыкальное дополнение к закрытию летних игр. Разбираемся с неприятностями по мере поступления. Главное, не позволить себе привыкнуть, не расслабляться. И опять понял, что книгу не дочитал, и придётся признаться в этом Марине. Удивительно, но ощущал себя школьником, не выполнившим домашнего задания.

(*) Agnus Dei («Агнец Божий»), здесь: песня Милен Фармер (Mylene Farmer), в Библии, Евангелии от Иоанна: символическое наименование Иисуса Христа

(**) помимо уже упомянутой «Agnus Dei», в главе упоминаются песни: «Freelove»(Depeche Mode), «Twist in my sobriety»(Tanita Tikaram), «Halleluja»(Leonard Cohen) и «Lux Aeterna»(Theobaldi).

Дни 40–45. Кукловоды [оглавление]

С утра, едва открыла глаза, Марина оказалась в хорошем настроении. Артёму стало ощутимо спокойнее, как только увидел. Вчера она казалась совершенно вымотанной — ещё бы, всякий раз так переживать.

— Вы живы, и вы рядом, — просто сказала она, обняв его. — Это главное. Миранда сегодня поедет провожать Глорию — нашились дела в Лондоне. Если есть поручения туда, передайте ей. И у вас остались две непрочитанные книги!

— Приложу все усилия, — кивнул Артём, подумав: если будет время прочесть хоть страницу. Последние дни проходят уж очень бурно, не то что читать — на сон времени уже не хватает.

Когда после завтрака Артём поднялся к Миранде, то застал там всех: Марину, Глорию, Мари, Лилию и саму хозяйку комнаты. И все — довольные, улыбающиеся, что-то оживлённо обсуждающие друг с дружкой. Похоже, так и выглядит счастье, подумал Артём.

— Вы в отличном настроении, — Миранда поцеловала его в щёку. — Приятно видеть! Не проводите нас с Глорией? Колонна отправится через сорок минут.

-

Миранда нашла повод оставить Глорию вдвоём с Артёмом — до прибытия колонны пятнадцать минут. Глория присела на одну из скамеек, в дальней части перрона, взяла Артёма за руку.

— Когда расскажу, не поверят, — сказала она. — Я как в сказке. Столько всего случилось! И всё хорошо закончилось, все живы. Хотя я ужасно испугалась сначала. Вы так и не рассказали — если вы из прошлого, как здесь оказались?

Артём повторил, в который уже раз, рассказ — ведь всё ещё помнит всю свою жизнь до того момента, как очнулся, в окружении волков. Та, старая жизнь, уже начала подёргиваться дымкой, становиться не то чтобы неважной — не настолько важной, чтобы не спать ночами из-за оставшегося позади. Некогда предаваться ностальгии, тут живым бы остаться к концу рабочего дня!

— Поразительно! — Глория прижалась щекой к его плечу. — Точно, как в сказке. Вы пришли сюда, и спасаете нас. Почти каждый день. Родители очень хотят поговорить с вами. Не по рации, они не любят её, только по-настоящему, лицом к лицу.

— Передайте, что я горжусь, что знаю их дочь, — сказал Артём, погладив её по голове. — Я слышал, как вы поёте. Вы напрасно скромничаете.

— Лыстец! — рассмеялась она. — Но мне нравится. Ничего им говорить не стану, сами скажете!

-

Мари возникла как из-под земли — как только колонна, с которой отправились Миранда и Глория, растворилась в воздухе.

— И опять я никого не ревную, — вздохнула она. — Вот стану совсем доброй, как потом в полиции работать? Пальчиком им грозить буду, а не арестовывать?

Артём рассмеялся — представил себе эту картину.

— Ладно, идём, — Мари взяла его за руку. — Нас там уже ждут — не дождутся. Уже самой интересно, что это за силача мы привезли. На вид — плевком перешибить можно, но ведь чуть не уложил там всех! Один!

Марцелл Катон подтвердил её слова.

— Очень интересный образец, — подтвердил он. — По силе не уступит «титану», по скорости — «демону». При этом все клетки человеческие. Наши, то есть. Мы не стали делать вскрытие — живой он нам пока интереснее — но сделали просвечивание и послойную томографию. Знаете, что у него практически нет внутренних органов, в нашем с вами понимании?

Мари поёжилась.

— И что там тогда? Пустота?

— Нет. Почти весь внутренний объём, помимо скелета и мышц, занимает одна и та же ткань. Не буду утомлять подробностями. У дросселей — включая вас обоих — мы также нашли такую ткань, но в очень малых количествах, и почти вся она сосредоточена в конечностях — на ладонях и в пальцах. Назначение пока неясно. Наш новый друг, мы зовём его, как легко понять, Органистом, состоит из неё на одну четверть. И вот ещё что: он не нуждается в еде, только в воде — и то в очень малом количестве. И самое главное: нет свидетельств того, что он разумен.

— Может, просто притворяется? — спросила Мари, недоверчиво глядя на экран — Органист сидит в своих «апартаментах», на стуле, в той самой позе, в которой его застали в реплике храма — как будто перед клавиатурой органа.

— Может быть, но пока что есть гипотеза, что это — управляемый искусственный организм. Выраженный из человеческих клеток.

— Робот?! — воскликнули Мари и Артём одновременно и переглянулись. Час от часу не легче, подумал Артём и сказал то же самое вслух. Марцелл Катон кивнул.

— У него есть ещё кое-что. Руки и ноги его покрыты тончайшим слоем очень эластичного вещества. Назначение пока неясно. Но по составу и строению — та самая древесная масса, которую Ортем и его охрана нашли в «Глубоком Замке». Да, Ортем, можете смело рассказать Мари всю ту историю, лорд Стоун разрешил. При условии, что мадам Фурье подпишет, прямо сейчас, документы о неразглашении военной тайны.

— Без проблем, — Мари подписала, так и не справившись с ошарашенным выражением лица. — То есть его создала нечисть? Я правильно понимаю ваши намёки?

— Безусловно. Это основная гипотеза: выращен нечистью. Зачем, почему, когда, почему их там столько было — пока непонятно. И ещё, Ортем. Вы уже дважды побывали на той планете — Мари, поздравляю, вы тоже теперь исследовательница новых миров. Передаю вам записки Марка Флавия Цицерона — копии, конечно, — оружейник протянул карту памяти. — Помните о неразглашении военной тайны. Он составил, если можно так выразиться, инструкцию по выживанию. Ему это далось непросто — советую ознакомиться по возможности сегодня же. И никаких больше визитов в Колизей. Если захотите дать концерт в Риме, мы найдём достойное помещение.

— Благодарю, — теперь и Артём чувствовал себя ошарашенным. — Как насчёт экспериментов, о которых речь? Я думал, мы сейчас же приступим.

— Безусловно, — кивнул оружейник. — Мари, у меня строгое предписание от доктора Ливси, ни в коем случае не допускать вас к оперативной работе, если там есть хотя бы малая степень риска, что вас могут ранить.

— Видела я этого доктора... — Мари умолкла на середине фразы, и расхохоталась. — Да, понимаю. Но смотреть-то можно? И от меня вы отчёт не требовали, только от Ортема.

— Это упущение мы исправим. Как только вернётесь от доктора. Он здесь, в соседней комнате — по старой памяти. И конечно же, можете смотреть, раз подписали бумаги. Если моё общество вас не утомит — можете смотреть отсюда. Стоп-стоп! В этой комнате ничего не трогать без моего разрешения.

— А я не подписывала бумагу, что соглашаюсь не трогать, — возразила Мари. — Ладно-ладно, не злитесь. Не буду трогать. Я вообще в последнее время жутко послушная, сама удивляюсь. Где ваш доктор? Хочу вначале покончить со всем неприятным.

— Если когда-нибудь вам разрешат вернуться к оперативной работе, — Марцелл Катон пожал её руку, — буду очень рад видеть вас в своей команде. Чувствую, мы сработаемся.

-

...К концу дня Артём начал чувствовать себя не то кукловодом, не то тренером по спортивной гимнастике. В «зверинцах» базы Корино оказалось множество форм нечисти — хочется верить, что и безопасность там на высоте, учитывая боевые способности «титанов» и «демонов».

Формы нечисти находились то в том же помещении — под прицелом средств защиты — то в соседнем; они то видели Артёма, то нет — словом, множество вариантов. Встать. Сесть.

Повернуться. Взять или положить предмет. Артём командовал, нечисть исполняла — без единой осечки, послушно и немедленно.

Дошло и до попытки приказать нечисти прекратить существование. Вот тут ничего не случилось. Видимо, просто так сказать им «умри» и увидеть, как они навсегда перестают шевелиться, не получится. Можно, конечно, приказать им «убиться об стену» — но это фигурально, фатальный физический ущерб себе они не смогут нанести. Даже если приказать двум «демонам» разорвать друг дружку в клочья, клочья всё равно срастутся в целый организм. Что и было наглядно показано.

...Когда Артёму разрешили очередной перерыв и проводили в столовую — подкрепиться — туда же пришла и Мари.

— Всё видела, можешь не рассказывать, — пояснила она. — Сдуреть можно. Как куклы на верёвочках — всё выполняют. И как они друг дружку порвали на части — тоже любо-дорого посмотреть. Понятно, что им от этого ни тепло, ни холодно, но всё равно приятно видеть. Долго тебе ещё с ними возиться?

— Сколько скажут, — пожал плечами Артём. — Пока что были простейшие команды. Хочется понять, можно ли заставить делать что-нибудь сложнее простых упражнений.

— Там стоят машины, у них, ну, где мы были, — Мари уговаривать не пришлось, к трапезе присоединилась охотно. — Значит, кто-то умеет ими управлять. Кто? Они же все безмозглые. Если я помню учебники и объяснения Марцелла, у них только инстинкты, на принятие решения неспособны. И то люди только чудом выжили. Кто тогда управляет теми кораблями, куда делись?

Артём пожал плечами.

— Я прочитала его записки, — Мари показала карту памяти. — Я про Марка Флавия. Ужас, вот это жизнь была — его иногда раз по десять в день переносило. Так он тоже не видел, кто всем этим хозяйством управляет. Если они не могут сами из биомассы вырасти, откуда тогда берутся?

Артём ещё раз пожал плечами.

— Я от Марцелла только и услышала, что умею задавать неприятные вопросы. Ты тоже умеешь, я знаю. Ты уже приказывал им умереть?

Артём кивнул.

— Без толку, да? Они такой команды не знают. А превратиться в дерево, как на той базе?

— Это пока что нет. Надо напомнить, в списке почему-то нет.

-

— В ядре нашли ещё одни человекообразные останки, — размышляла вслух Мари. — Ну, то есть дерево. Всё бы ничего, если бы не четыре руки. У людей их две, вообще-то. Но по очертаниям был человек, если про лишние руки забыть. Что бы это могло значить? И передатчик в руке — ну, то есть пульт. Причём наш пульт, человеческий. Если внутри была какая-то новая форма нечисти, откуда у неё наш передатчик, да ещё в руке? Где подобрал? Получается — сидел в этом шаре, с передатчиком, потом всё стало деревом — кроме передатчика, который за столько лет сел и перестал излучать. Ничего не понимаю!

— Аналогично, — Артёму идти давалось нелегко — несмотря на все стимуляторы, под надзором доктора, естественно, ноги уже протестуют. Начальство в восторге: и данных записали вагон, и убедились, что все формы нечисти слушаются Артёма — даже «ртуть», если рядом есть выпустивший её «зомби». Причём «ртуть» слушается, даже если сам

«зомби» изолирован от радиоволн, главное — чтобы был на определённой дистанции. И опять вопрос: как «ртуть», которая ненамного сложнее крохотного «пожирателя», у которой нет вообще никакой нервной системы, ощущает дистанцию от породившего её организма? Вопросов всё больше, ответов — не очень.

И превратить нечисть в древесную массу не вышло. Данные из убежища зашифрованы; алгоритм, по словам оружейника, примерно понятен, но ключ неизвестен. И ещё: рядом с останками, скелетом, на стене надпись: «свобода, равенство и...», на французском. И ещё несколько неразборчивых слов. С понятной частью надписи всё вроде бы ясно — не успел дописать последнее слово? И зачем было делать надпись стойким маркером, который выдержал столько веков, и не осыпался, не обесцветился? Послание? Кому? И как понимать — намёк, что люди не сдаются, что их не победить?

Вопросы, вопросы...

— То есть мы пока ещё не видели эту прелесть с четырьмя руками, — закончила Мари. — Завтра продолжаем, да?

— Нам обоим приказали явиться? Видимо, да, продолжаем.

— И всё равно это классно, — повторила Мари. — Видеть, как они слушаются. И те корабли внизу... то есть, там у них база. Ждут приказа. Погрузиться, полететь, и сожрать ещё одну планету. Так получается.

Артём посмотрел ей в глаза и пожал плечами. После общения с оружейником он и сам перестал выдавать предположения за утверждения. Марцелл Катон не зря любит слово «гипотеза». Он никогда не скажет «я уверен», если нет фактов, подтверждающих его слова на двести процентов. Хороший подход — не опираться на предположения, правильный.

— И кто-то ведь отправляет их. Знаешь, мы однажды думали о Земле — там, в школе, в моём «клубе», с которым потом башню пошли искать. Подумали однажды: а что, если эти гады и на Землю тоже нападут? Вот ты как думаешь, Земля справилась бы?

Артём поёжился. При известном ему уровне технологий... неизвестно. Айур, который был не в пример лучше развит, и где военные даром хлеб не ели, уже через шесть часов превратился из цветущей планеты в рассадник этой космической чумы — биосфера заражена, большинство людей — тоже. Если одного прикосновения достаточно, чтобы передать «пожирателя» — шансов маловато. Но кто знает? Может, перед лицом тотального уничтожения такой силой люди сумели бы взяться за ум и — кто успел бы выжить — нашли бы решение, сумели бы отстоять планету? Не понять. Вот выжечь её, заразить радиоактивными осадками, сделать безжизненной — вероятно, смогли бы.

— Всё понятно, не отвечай, — взяла его за руку Мари. — Думаешь, зачем мы полезли башню искать? Ради славы, всего такого? Это тоже, чего уж скрывать. Но мы хотели научиться скользить, найти все убежища нечисти и покончить с ней насовсем. А я, сам видишь, преступников ловить стала, а нечисть своими глазами только вместе с тобой и увидела. Если честно, лучше бы не видела.

...Их встретила Миранда — судя по одежде, сама только что приехала.

— Марина в Париже, — сказала она вместо приветствия. — Мари, ты как, на ногах ещё держишься? Поможешь мне тут по дому? Ортем, Марина просила позвонить ей, как только вернётесь — пока вы на задании, до вас не дозвониться.

-

— Извините, что не посоветовалась, — Марина — её голографическое изображение — поклонилась. — Нужно было спасти Арлетт. Я потом объясню, это нужно самой рассказать.

Уже всё уладили. Ортем, я беру её к нам в дом, помощницей. Вы не возражаете?

— Если доверяете — не возражаю.

— Доверяю. Извините, что так сорвалась и уехала — вы поймёте, когда я расскажу. Не выключайте связь, ладно? Здравствуйте! — Марина приложила ладонь ко лбу и сердцу, и снова поклонилась. Её фантом исчез, и через несколько секунд появилась Арлетт. Уже не в больничной одежде — одета по-римски. По лицу видно, что недавно плакала.

— Спасибо, сэр Ортем, — она сумела улыбнуться. — Простите, столько хлопот из-за меня. Обещаю, что не пожалеете!

— Не переживайте, пожалуйста, — Артём и сам не знал толком, что в такой ситуации сказать. — Что ни делается, всё к лучшему. Вы живы, это главное.

— Вы правы. Простите, я вижу, что вы устали. Здравствуйте, и доброго отдыха!

-

— Арлетт? — удивилась Мари. — Дочь кондитера, Мишеля Беклина? Мы её «сладкой девочкой» звали. Такие торты печь умеет — пальчики оближешь! Всё мечтала стать особенной, знаменитой, не нравилось ей, видите ли, быть пятой дочерью в доме, пусть даже и со своим магазином. Мир тесен.

— Похоже, ты её не очень-то любишь, — заметила Миранда, жестом приказав Мари не шевелиться — пишет её портрет.

— А, глупость вышла, — махнула рукой Мари. — Я у неё пирожные покупала как-то раз. А тут вызов. Она отошла, а мне положено в течение пяти секунд отозваться, а в течение десяти — уже отправляться. В общем, они в магазине подумали, что я платить не захотела. Я потом пришла в тот же день, всё объяснила, втрое больше заплатить предложила — а они уже заявление на меня подали. Весь участок надо мной смеялся, убить их всех хотела. В общем, некрасиво вышло.

— Бывает, — согласилась Миранда. — Всё, на сегодня хватит. Завтра продолжу, пусть краска пока высохнет. Нет, не вздумай смотреть! Я не показываю неоконченное. Никому.

— Не вопрос, — кивнула Мари. — Что-то ты совсем никакая. Отправляйся-ка спать, я разберусь с делами, если в доме что нужно.

— Лилия разберётся, — Миранда закрыла дверь в студию. — Ты лучше его позови. И флютню взять попроси.

— Колыбельную тебе спеть? — поинтересовалась Мари, и, уклонившись от брошенной подушки, поймала её и вернула хозяйке. — Да разве я против? Забираешь его сегодня?

— Забираю, если не спит, — кивнула Миранда. — Но вначале вы с ним споёте. Ту самую песню, на старофранцузском. Я её не слышала, а говорят — классная песня. Споёте?

— Даже не знаю — столько дел, столько дел... — и они обе рассмеялись. — Да, если он согласится.

-

Артём закрыл электронную книгу и, подумав, взял с собой — может, позже удастся дочитать. Миранда намекнула, что съездила удачно — и новые родственники понравились (а она понравилась им), и в целом удачно всё сложилось.

...Песню эту, «Agnus Dei», они исполнили дважды. Во второй раз присутствовала и Лилия — дослушав до конца, наградила исполнителей аплодисментами, извинилась и ушла: дела по дому. Видимо, что-то действительно что-то серьёзное было с Арлетт, если Марина отправилась всё улаживать сама.

— Ещё? — предложил Артём, и увидел на лицах Миранды и Мари взаимоисключающее.

Мари явно не прочь ещё что-нибудь спеть, или хотя бы послушать.

— Да, только дождитесь меня, — решила, наконец, Миранда, и оставила их вдвоём — ушла в «места общего пользования».

— Вроде был совсем никакой, — заметила Мари, прикоснувшись кончиком указательного пальца к флютне — инструмент отозвался тихим аккордом. — А сейчас бодрее меня. Лекарства, что ли, принимаешь? Мне доктор ещё и тоники пить запретил. Вообще не знаю, как теперь бодрости набираться. То нельзя, это нельзя...

Артём запоздало ощутил, как в уши начинает «набиваться вата». Только этого не хватало!

— Отойди, — сказал он, практически не слыша свой голос. — Мари, отойди подальше!

Мари не сразу поняла, что происходит — схватила со стены аптечку, нажала там же на сигнал тревоги. Услышат те, кому положено. Миранда выскочила из ванны — видно, умывалась — и бросилась к ним.

— Миранда, не подходи! Охрана! — позвала Мари. — Чёрт, я не могу отпустить его одного! Миранда, не...

И чернота обрушилась на голову, сокрушила реальность.

...Через пару секунд в комнату вбежали Лилия с двумя охранницами, и Валери Обэр. Пусто — никого. Показалось только, что голос Мари отдаётся эхом.

— Лилия, что с вами? — Валери взяла Лилию за руку — та закрыла глаза ладонью, села неловко на пол, а потом... засмеялась. Почти сразу же перестала — и отняла ладонь, судорожно дыша и глядя по сторонам. — Вызовите врача!

— Уже не нужно, — Лилия встала, держась за протянутую руку. — Извините, померещилось что-то. Нужно сообщить лорду Стоуну и доктору Ливси.

— Доктор здесь, — и упомянутый вошёл в комнату. — Что произошло?

— Они исчезли, — пояснила Лилия. — Как в тот раз, на улице. Миранда, Ортем и Мари.

— У двух дросселей больше шансов, — задумчиво проговорил доктор, вытирая лоб платком. — Вам тоже волноваться не стоит. Сейчас, если я правильно понимаю, от нас с вами уже ничего не зависит. Держитесь, это главное. Я сам доложу командованию.

-

— Не шевелитесь, — прошептала Мари, крепко схватив за руки Миранду и Артёма. — Ортем, нужно стоять на месте. Просто поверь на слово. Потом объясню. Миранда? Стой на месте, что бы ни происходило.

Артём не сразу понял, что они вновь в том самом храме. Начинается, подумал он. Теперь и меня будет перебрасывать, как Марка Флавия. И ведь не сумели даже предположить, почему так случается. Хорошо, не снял куртку — накинул по привычке, хотел потом перед сном погулять. Погулял, ага.

— Где мы? — прошептала Миранда, оглядевшись.

— Я потом поясню. Пока стой и не шевелись. И не смотри им в глаза.

Люди встали, как и в тот раз. Некоторое время смотрели на трёх явившихся, и пошли в сторону возвышения. Не бежали — просто шли. Артёму стоило некоторого труда стоять неподвижно и не смотреть в лица тех, кто поднимался на возвышение. Чувствовал, как напугана Миранда.

— Это не нечисть, — шепнула Мари Миранде на ухо. — Стоим тихо, тогда всё обойдётся.

Люди встали кольцом — не пересекали невидимую границу, примерно на шаг вокруг трёх пришельцев с Айура — стояли так и смотрели.

— Не смотрите им в глаза, — шепнула Мари, сильнее сжимая ладони Миранды и Артёма. — Миранда, дыши глубже, и не бойся. Нужно просто подождать.

Артём взял Миранду за другую руку — хотел взять — но оказалось, что флютня в руке. Инструмент издал тихий, печальный аккорд и люди вокруг них вздрогнули и переглянулись.

— Сыграй им, — шепнула Миранда. — Что-нибудь правильное. Что положено играть в таком месте?

Играть на флютне можно и одной рукой — если инструмент прочно закреплён. Миранда, не открывая глаз, взяла флютню из руки Артёма и прижала её к груди. Да, так тоже пойдёт. Артём быстро соображал — люди вокруг переглядывались, краем глаза он заметил на их лицах удивление — а ведь только что там было полное отсутствие эмоций. «Ave Maria» пришла на ум сама собой. Слов он не знает, и даже пробовать не станет — тут явно нужна Глория, с её диапазоном.

Как только музыка полилась, люди начали расходиться — поспешно возвращались на места. Уже через полминуты никого не стояло рядом — все вернулись на свои скамьи, но не садились — стояли там, глядя в сторону возвышения, слушая. А мелодия лилась и лилась, заполняя пространство, прогоняя страх. Артём заметил, что Миранда открыла глаза, осторожно осмотрелась — на лице её появился и остался сплав восторга и изумления.

Пьеса закончилась. Как только растаяли последние такты, все люди в зале перекрестились — на католический манер, заметил Артём.

— Что они делают? — спросила Миранда шёпотом.

— Потом объясню, — так же, шёпотом, ответил Артём. Люди вновь пошли — но уже не к возвышению, а на выход. Прошло минуты три — и в зале остались они трое и...

— Сейчас будет вспышка, — шёпотом предупредила Мари. — Закройте глаза.

Она права — яркая вспышка, и тёплый порыв ветра. Артём открыл глаза.

Они где-то в засушливом месте. Иссиня-белое небо, дорога, посреди которой они стоят. И дома — Артём не сразу понял, где он видел такие. Улица по обе стороны от них. Ветер вновь толкнул их, и мимо людей прокатился колючий шарик перекати-поля.

Мари опустила взгляд и вздрогнула.

— Отойдите, — она потянула обоих за руки. — Быстро! Ну же!

Они отошли, всё так же озираясь по сторонам. Никого не видно ни на улице, ни за стёклами домов — хотя что там увидишь при таком освещении — чёрные прямоугольные провалы в никуда. Дома на вид ухоженные.

— Смотрите, — Мари указала ладонью перед собой. — Я уже видела такую штуку. Там, на башне, вместе с Жаном. Точно такую же!

Они только что сошли с диска. Или что это было — на вид точная окружность метров двух диаметром, посередине — меньший диск другого диаметра, на глаз — полметра. Артём обратил внимание, что диск как хамелеон — как будто часть дороги, видны и камушки, и прочее, но явно ненастоящие: Артём осторожно толкнул камушек внутри диска — и ничего не случилось, как будто он просто нарисован там. Может, и вправду нарисован?

— Я прочитала записки Марка Флавия, — пояснила Миранда. — Пока ты проводил эксперименты. Это он написал, что в храме нужно стоять неподвижно и не смотреть в глаза. Но про это место он вроде бы не упоминал.

— Где мы? — Миранда успокоилась, хотя всё ещё не отпускала ладонь Мари. — Что это

за место?

Артёму показалось, что очертания Мари на долю секунды размылись... и снова уплотнились.

— Спокойствие, — Мари снова взяла его за руку. — Просто проверила, могу ли скользить. Могу. Уже лучше, верно?

Артём достал с пояса часы. Не сразу вспомнил, как вывести дополнительную индикацию.

— Это место, где у Марка Флавия убежище, — сказал он, увидев индикацию. — Сила тяжести такая же. Других гипотез нет пока.

— Простите за прямоту, — Мари оглянулась. — Мне в туалет хочется. Или нужно найти его, или хотя бы с дороги уйти. Как-то неудобно, знаете ли, вам под ноги.

Они рассмеялись — все втроем. Сразу полегчало. Миранда протянула Артёму флутник и тот повесил инструмент на пояс. На всякий случай проверил, что выключен.

— Это Дикий Запад, — сказал Артём, как только до него дошло, где он видел такие ландшафты. В вестернах. — Потом объясню. Если я прав, вон то — постоянный двор.

— Что-что? — не поняла Мари. — Про туалет я не шучу, если что.

— Гостиница. Там должно быть то, что ты ищешь.

— Ты считаешь, что всё это, — Мари обвела вокруг рукой, — настоящее?

— Есть другие идеи? Ты можешь скользить. Может быть, я тоже. Куда направимся?

— Ты прав, — кивнула Мари через пару секунд. — Держимся все вместе! Лучше всего — за руки.

Аптечку, Артём отметил, Мари не бросила — прицепила к поясу. Что ж, уже хорошо. Датчики на куртке, в поясе и обуви молчат — нечисти рядом нет. Раз в записках Марка Флавия нет ни слова об этом месте, стоять на месте вряд ли разумно. Настоящее всё вокруг или нет, гадать особо нет времени — вон какая жара.

-
Марина выслушала сообщение, и села на краешек дивана в своей комнате. Арлетт, увидев выражение её лица, побледнела.

— Не беспокойся, — сказала Марина, прикрыв на секунду глаза. — И я не буду беспокоиться. Так, чтобы за меня не беспокоиться.

Арлетт невольно улыбнулась — улыбнулась и Марина.

— Они пропали, — пояснила она, похлопав ладонью по дивану рядом с собой — присядь. — Ортем, Мари и Миранда. Так же, как они исчезли тогда, на улице, после концерта.

— Марина, тебе не нужно волноваться! Пожалуйста!

— Уже почти не волнуюсь, — Марина глубоко вдохнула и прикрыла глаза. — Нет, не зови доктора. Сейчас всё будет хорошо. Они вернутся. Они обязательно вернутся, — она ощупью нашла ладонь Арлетт, и сжала. — Ты лучше скажи, ты сама в порядке? Я не хочу покидать Рим надолго. Если что-то хочешь забрать, твои родители согласились, чтобы мы с тобой приехали и забрали. Есть что-нибудь очень дорогое для тебя?

Арлетт усмехнулась и поджала губы. До того злосчастного дня в больнице она считала, что у неё есть всё — ей предложили стать хозяйкой, её собственный магазин стал приносить достаточный доход. И ребёнок. Даже двое. Одно «но»: она не сказала, кто их отец — иначе, конечно, ей не сделали бы такого предложения, детей дросселей в Париже боятся даже больше, чем самих дросселей. Суеверие, но очень сильное, вопреки всем фактам. Теперь всё

открылось и выяснилось... и у Арлетт нет ничего — никому она не нужна, а мать с отцом, едва узнав, кто был отцом детей, выставили из дому. Пошла ва-банк — и проиграла. Будь проклята та безумная с ножом!

— Ты сказала мне, что больше не волнуешься, — Марина сжала её ладонь сильнее. — Но я же чувствую. Не сейчас. У тебя будет время, чтобы всё оплакать, но не сейчас, пожалуйста. Хочешь что-нибудь забрать, или можем возвращаться?

— Нечего забирать, — Арлетт сумела отогнать слёзы и обиду прочь. — Можем ехать. Они вернутся? Все вернутся?

Марина кивнула.

— Он не оставит меня. Он искал меня двадцать лет, пусть даже для него это были дни, а не года. И нашёл. И всегда возвращается. И сейчас вернётся.

— Ты точно это знаешь? — Арлетт чувствовала, как спокойствие возвращается к Марине. Ещё несколько секунд назад Марина сама была испугана, очень испугана. И вот — ни следа испуга, уверенность и улыбка на лице.

— Я верю, — Марина открыла глаза. — Этого достаточно. Всё позади? Ничего не забыли?

Арлетт подумала ещё пару секунд. Да. Всё позади. Всё неприятное. До свидания Париж... или прощай, как получится.

-

— Очень мило, — Мари увидела туалет — небольшое возвышение, кожаное сиденье... с широким отверстием. — Прямо как в лесу, значит — под кустик. Ортем, не оставишь нас на минутку?

Артём усмехнулся и прикрыл дверь в ванную комнату. Рискуют, конечно — а ну как его опять «накроет» и вытащит куда-нибудь? Но ведь не ходить же здесь, постоянно держась за руки! Ладно, чуть что — позовёт их. Что бы это ни было, на вид вполне настоящее. Там, внизу, где гости могли заплатить за комнату, никого не было — просто ключи висели на гвоздях, вбитых в деревянную стену. У Мари ещё оставалось несколько серебряных монет — оставила одну на стойке. Условность или нет — вдруг и здесь объявятся другие люди? Пока что всё выглядело декорациями, но очень достоверными. Артём пытался вспомнить, в каком из вестернов видел подобное, но все они пока что слились в условный, типовой, можно сказать, образ. И песня вертелась в голове. Точнее, музыкальная тема из «Хороший, плохой, злой». Артём усилием мысли прогнал тему. Явно есть некоторая закономерность: играет или вспоминает музыку — и потом случается этот перенос.

— Ортем? — позвала Миранда. — Мы закончили. Не хочешь посетить?

— Первое правило путешественника, — пробормотал Артём, вновь отворяя двери в ванную. Дамы и умыться успели. Не боятся, что в здешней воде...

— Нормальная вода, — Мари помахала детектором. — Ничего опасного. Пить её я не стала бы, надо вначале обеззаразить, на всякий случай. Но ничего опасного. Да, и что за первое правило?

— Не забудь посетить туалет перед тем, как отправиться в путь, — пояснил Артём и Мари с Мирандой рассмеялись.

— Не будем смущать, — Мари закрыла дверь. — Зови, если что.

«Туалет типа сортир», вспомнил Артём, и сам едва не расхохотался. Ладно. Что характерно, никакого запаха. И звука — куда всё девается? Даже если бы падало с большой высоты, всё равно был бы звук. Ладно, шут с ним со всем, не до этого сейчас.

Мари вошла внутрь, едва он отпер дверь.

— Простите, но мне ужасно любопытно, — пояснила она. — Знаю, что глупо, можете смеяться. Почему нет звука? И запаха? Ну не может же не быть запаха! Ну-ка...

Она взялась ладонями за сиденье — стульчак — и он неожиданно легко снялся. А под ним — нечто, похожее на таз. На вид — почти идеальная окружность, из яркого, полированного металла. Пустой, сияющий, чистый.

— Вот так дела! — глаза Мари широко раскрылись. — Чувала, что дело нечисто! — и плюнула внутрь «тазика».

Плевок коснулся дна... и исчез. Словно прошёл насквозь — Мари протянула было руку, чтобы прикоснуться ко дну, но одумалась, судя по взгляду — не завершив движения.

— Сама понимаю, — сказала она, когда Миранда, запоздало, поймала её за локоть. — Можно и без руки остаться. То есть это бутафория, да? И куда они всё это деля?

— Мне лично всё равно, — поёжилась Миранда. — Теперь расскажи. Откуда ты знала про храм? Кто такой этот Марк Флавий?

Мари встретила взглядом с Артёмом, и тот кивнул.

— Дроссель. Служил в Риме, пока его не начало перемещать — похоже, сюда. Его сочли дезертиром, сейчас думают, что он погиб. Он оставил записки, — она помахала картой памяти, и вернула её в карман. — Там сказано про его путешествия здесь. Никто не знает, что это и где. Похоже, что на другой планете.

— Как такое возможно?! — Миранда побледнела. Почти сразу взяла себя в руки. — Ладно. То есть у него есть записки об этом месте. Как отсюда выбираются?

— Хороший вопрос. Он пишет, что из храма его всегда переносило в одну и ту же комнату. Но мы не в комнату попали, а в этот странный город. И ещё он пишет: всегда под ногами такой диск. Переносит только между дисками.

— Телепорт, — пробормотал Артём. И пояснил, что это такое, и откуда он знает слово.

— Игры, — покачала головой Мари. — Никогда бы не подумала. Я бы вернулась к тому диску. Марк Флавий пишет, что они включаются примерно каждые тридцать три минуты, с секундами. Если стоять на диске, то перенесёт в следующий пункт.

— И сколько таких пунктов? — Миранда потёрла лоб. — Если честно, я уже есть хочу немного.

— Всего он насчитал девяносто три разных пункта, между которыми перемещался. Закономерности особой нет, но есть шанс, что мы доберёмся до его убежища. Ортем говорит, оттуда можно вернуться скольжением. Ну? Готовы идти?

— Готова, — Миранда потёрла лоб. — Минутку, сейчас всё пройдёт. Не могу до сих пор поверить, что мы на другой планете. И почему тогда пригодный воздух? И кто те люди, в храме? Что это за планета? Земля?

Артёму стало не по себе, едва вспомнил ту армию нечисти, на дне каменного мешка. Нет, только не Земля!

— Не думаю, — сказал он. — Во всяком случае, нет пока уверенности, что Земля. Надо разбираться.

— Стойте! — Мари подняла указательный палец. — Слышите? Мы не одни.

Салун ожил. Голоса, музыка, смех и ругань. Снаружи закрипело, зацокало — все трое, не сговариваясь, подошли к окну, Мари отдёргнула шторы.

Люди — Артёма уже не удивили их наряды — точно, как в вестернах, люди в одежде времён Америки середины девятнадцатого века. Дикий Запад. Прогуливались, кто-то иногда

проезжал — то в конной коляске, то верхом. Что за наваждение!

— Если я правильно понимаю его советы, не стоит смотреть им в глаза. Тогда не обратят внимания, — Мари посмотрела в глаза остальным. — Ортем? Командуй.

— Пошли, — Артём проверил, на месте ли кобура. Уж ей здесь точно никого не удивить. Вот только одежда... но должно сойти, не в пляжных костюмах. У Миранды домашние туфли, но выглядят вполне прилично, в таких здесь и по улицам можно ходить. — Держаться вместе, лучше за руки, в глаза не смотреть.

Внизу, у стойки, уже было людно — не протолкнуться. Артём, Мари и Миранда прошли к дверям без особого труда — никто не обращал на них внимания. Вокруг все говорили — но вслушиваться не хотелось, хотя язык казался понятным.

— Погодите, — Мари оглянулась, едва они вышли из дверей. — Нам нужна вода. Не знаю, как вы, а я уже пить хочу.

И, прежде чем её успели остановить, вернулась в заведение. Вышла через минуту, с увесистой серебристого цвета флягой в руке и вручила Артёму. Ого! Да там, поди, ведро воды вмещается, судя по весу!

— Погоди, сейчас пристегнём, — Мари поискала что-то на своём поясе, и вскоре флягу, за обе её ручки, закрепили за спиной Артёма — как рюкзак. — Нормально? Не бойся, я в глаза не смотрела. Представила, что я дома у себя и хочу взять с собой воды. И представь, так и сделали!

— Ты уверена, что там вода? — Артём посмотрел в её глаза. — Что её вообще можно открывать?

— Датчики молчат. Нечисти там нет, известных ядов тоже не нашлось.

— Ты когда успела проверить? — удивилась Миранда.

— У меня всё оборудование при себе, — Мари хлопнула себя по запястью — по общлагу. — Привычка. Никто и не заметил. Подождите! — и она вновь скользнула в двери салуна.

— Мне уже почти страшно, — прошептала Миранда. — Домой хочу. Что-то здесь неправильное, везде неправильное. Ненастоящее.

Мари вернулась почти сразу же.

— Идёмте, — указала она. — У меня таймер работает. Очередные тридцать три минуты будут минут через пять. Как раз дойдём.

— Зачем ты снова возвращалась? — поинтересовалась Миранда. — У меня мурашки по коже, не хочу туда снова.

— На лица посмотрела. Осторожно, не в глаза. Не обратили внимания? Я так и думала. Все мужчины вокруг — это Ортем, а все женщины — это мы с тобой. Примерно поровну. Возраст и всё такое разные, но точно говорю, там кругом одни мы. Ортем, у тебя камера включена?

Ещё бы. Это первое, что сделал — включил камеру, «глазок» которой выглядывает из кармана куртки, и проверил остальную телеметрию.

— Вот потом и посмотришь, убедишься.

— Не буду смотреть, — помотала головой Миранда. — Верю. Так что получается — нас скопировали? Взяли нас как образец, и скопировали?

Мари пожала плечами.

— Может, когда-нибудь узнаем. Что-то ноги стали быстрее уставать — у меня одной?

— Здесь сила притяжения немного сильнее, — напомнил Артём, поправив флягу за спиной. Плоская, удобная — как обычная карманная фляжка, только крупнее. Никогда такой не видел! — Вот он, круг.

— Теперь встаём все внутрь, берёмся за руки и ждём, — сказала Мари. — Марк Флавий бродил здесь один. В дневниках он писал, что с ним ещё двое или трое сюда попадали, но слушаться его не стали, и делись куда-то. Потом уже никто сюда с ним не соглашался.

— То есть здесь можем встретить наших охолов, — заключила Миранда. — Только этого не...

Вспышка. Они едва успели закрыть глаза, крепче схватились за руки. Вокруг стало тихо, сумрачно и прохладно.

В лаборатории оружейника стояли, глядя на экран его регистратора, лорд Тиберий Стоун, сэр Джеймс Батаник и доктор Арчибальд Ливси.

— Есть соображения, сэр Марцелл Катон? — поинтересовался лорд Стоун. — Одно я знаю точно: если сэр Ортем вернётся...

— Будем оптимистами, — перебил его оружейник. — Когда вернётся.

— Согласен. Когда сэр Ортем и его спутники вернутся, эту мелодию — эту песню — им лучше не исполнять. Может, это простое совпадение, но оба перемещения случились после того, как они её исполнили.

— Да, но на арене Колизея их не переместило, — возразил оружейник. — А там её исполнили трижды. Думаю, не всё так просто. И не забывайте: если верить запискам Марка Флавия, он один сумел выжить. Один — без помощи, без карты, безо всего. Репликатор он установил лет через пять после того, как построил себе убежище. Четырежды охолы сопровождали его — не доверяли, хотели проследить, куда это он отправляется — и только один вернулся живым — тот, что у нас в камере сидит, врач — и больше туда никто не совался. У сэра Ортема есть записи Марка Флавия, и есть помощницы. Будем надеяться на лучшее — а пока продолжим работать сами. Вкратце, сэр. Насколько я смог понять данные чёрных ящиков «Глубокого замка», последовательность команд на частоте нечисти начала отправляться по команде из ядра. Включена тем самым пультом, что был в нижней правой руке неизвестной нам формы нечисти.

— Как такое может быть? — осведомился лорд Стоун. — Нечисть запустила сигнал, который её же и уничтожил?

— Думаю, это «мёртвая рука», сэр, — указал оружейник на экран. — Сигнал был запущен, когда кнопку отпустили. Не нажали — отпустили.

— Получается, что нечисть нажала кнопку, а потом отпустила и запустила сигнал? — удивился сэр Джеймс, всё это время молчавший.

— Возможно. Или тот, кто нажал кнопку, в тот момент не был нечистью. Или там был кто-то ещё, чьих следов или останков мы не нашли. Точно не скажу, сэр. Сигнал, который подал Мишель Фурье, включил запасной вариант — выпустил яд в атмосферу.

— Но атмосфера там была пригодна для дыхания, — возразил сэр Джеймс. — Куда же делся яд?

— За семьсот лет успел деградировать, — заключил оружейник. — Точнее, за шестьсот тридцать, плюс-минус пять лет, это возраст останков Мишеля Фурье. Надо вычислять, но концентрация синильной кислоты в атмосфере убежища была не выше четырёх процентов. Со временем она превратилась в менее опасные соединения — пусть наши химики

разберутся. Если хотите добрый совет, сэр Арчибальд, воспользуйтесь своим оптимизмом — поделитесь им с хозяйкой сэра Ортема, с его домочадцами. Им это не повредит.

-

— Чёрт, не взяла с собой читалку, — прошептала Мари. — Это то, что он условно назвал библиотекой. — Одно из самых опасных мест. Помню только, что когда включается освещение, надо замереть, не открывать глаза. Не издавать звуков. Запомнили?

— Есть читалка, — Артём снял с пояса электронную книгу. То, что нужно для выживания на чужой планете: электронная книга, пистолет с резиновыми пулями и светошумовыми зарядами, фляга с водой и флютня. Кому скажешь — ведь засмеют! — Держи.

— С ума сдуреть! — прошептала Мари. — Стойте внутри круга. Помню, что это он повторял чаще всего, что бы ни случилось — стойте внутри круга, там точно безопасно. Ну-ка... — она вставила карту памяти в гнездо электронной книги, включила её. — Сейчас, сейчас... Ой нет, простите! В библиотеке, наоборот, нельзя стоять внутри круга. Только когда горит свет! Выходим!

Только сейчас Артём стал различать окружающее пространство. Прямоугольная сетка проходов, между которыми шагов десять, а вокруг — возвышения. И на каждом что-то вроде регистратора, или переводчика — экрана. И все они едва заметно светятся. Страшновато, если честно.

— Если стоять, только когда горит свет, как мы отсюда уйдём? Сама говоришь, что нельзя шевелиться, как тогда в круг войти? — поинтересовалась Миранда.

— Сама не знаю, — проворчала Мари. — Это он так написал, я только прочитала. Минутку. Нам надо пройти... — она оглянулась, — семь рядов туда, потом ещё три налево. Будет стол, на котором есть экран, светится ярче остальных. Написано, что он имеет какое-то отношение к Айуру. А рядом с ним круг. Когда горит свет, круг перемещает в безопасное место. Все поняли? Как только становится светло, замираем и закрываем глаза. И ничего не говорим, это главное. И...

Вспыхнул свет. Артём закрыл глаза, хотя это далось нелегко, и ощутил, как сильно сжимает его ладонь Миранда, почувствовал её страх. Яркий свет, ощущается сквозь закрытые глаза. Светил и светил, и время текло медленно-медленно.

Стало темно. Они, все трое, осторожно открыли глаза, поморгали. Глаза медленно привыкали к сумраку.

— Хорошо, что я там в туалет сходила, — прошептала Мари. — Иначе бы сейчас сходила. Давно я так не пугалась. Готовы? Идёмте, я хочу отсюда убраться.

Убраться пришлось довольно долго. Свет вспыхивал через нерегулярные интервалы — яркий, слепящий, отовсюду. Мерещилось, что невидимые, почти неосязаемые руки прикасаются к телу, что пристальное внимание обращается со всех сторон. И всякий раз глаза вновь привыкали к сумраку, и находились силы для нескольких новых шагов. И снова вспышка.

Наконец, они добрались до того самого возвышения, «стола». И действительно, одна из панелей на нём освещена чуть ярче. Артём поднёс к ней ладонь, и панель осветилась. И потекли по ней картинки, яркие, цветные, завораживающие. А в верхней части — текст, или что это такое — непонятные значки.

— Айур! — восхитилась Миранда. — Это снимки того, каким он был до Вторжения. Смотрите, какая красота!

И впрямь, было на что посмотреть. Утопающая в зелени и цветах планета, синее небо с лёгким налётом весенней зелени, и — города, постройки, леса и поля. Цветущий мир.

Картинки сменились — планета как будто помутнела, миг — и на картинке почти безжизненный, серый шар. И видно, что по поверхности его катятся бурые волны.

— Биомасса, — вполголоса заметила Миранда. — Я видела съёмки. Это Вторжение — после того, как они заняли всю поверхность.

— Мерзость какая, — скривилась Мари. — А что там за стрелки вверх?

Артём провёл ладонью над символом, похожим на стрелку. И картинки потекли вспять — вначале медленно, затем быстрее. Чем ближе ладонь к панели, тем быстрее перемещаются. Растворялись красоты Айура, съезживались строения, отступали цветущие леса. И вновь планета пуста — почти.

— Таким он был, когда люди прилетели, — сказала Миранда. — Откуда здесь эта запись?! Так это что — они отсюда за нами наблюдают? А что было до людей? Можно ускорить перемотку?

Артём приблизил ладонь — картинки стали мелькать чаще. И снова была бурая масса на поверхности планеты, и вновь она стала покрываться лесами, и цветущими лугами, и...

Зданиями!

— Стойте! — воскликнула Миранда, и Артём отодвинул ладонь. — Вы это видите?! Тут жил кто-то ещё! Жаль, мы не видим их...

Словно по команде, на экране появилось изображение. Не люди, но очень похожие. Гуманоиды. Четырёхпалые руки, крупные глаза, кожа темнее, чем у Артёма с Мирандой — почти такая же тёмная, как у Мари.

— Они жили здесь, — Миранда побледнела. — Ведь почти такие же люди! Видите? А потом их просто сожрали. Прилетели так же — и сожрали...

Артём смотрел в глаза прежним владельцам Айура — возможно, именно эти существа тут жили — и чувствовал, что ему очень не по себе. Что с ними стало? Спасся хоть кто-нибудь? Колонисты, прибывшие с Земли, нашли на планете множество признаков бывшего наличия развитой цивилизации, но — ни единого целого предмета, ни единой кости, ничего такого, по чему можно было бы узнать, что случилось. Почти идеально вычищенная планета — ни единого микроорганизма, никакой органики. Стерильно, чисто, пригодная атмосфера и климат. Живи — не хочу! Стоп, а куда тогда делась нечисть, если именно она и поглотила всю существовавшую жизнь?!

— Ты это записал? — спросила Мари, и получила утвердительный кивок от Артёма. — Тогда пошли отсюда. Злая я, сейчас ломать тут всё начну. Это ж надо — целый мир уничтожили, и уже не в первый раз! Да кто они такие?!

— Вон круг, — указала Миранда. — Смотрите, до него всего шага три! Надо встать рядом, и...

Они не успели сделать один шаг, как вспыхнул свет. Артём держал их за руки и осознавал, что они прекрасно понимают: только один шаг. Шагнуть — и будешь внутри круга. Сейчас. Собраться с мыслями. Он легонько потянул остальных за руки, и сам шагнул. И слепящий свет перестал быть видимым даже сквозь веки.

Артём открыл глаза. Они в комнате Марка Флавия — в его убежище глубоко под землёй. Всё так же, как и было — ящики, столы, приборы, в углу — репликатор и нормализатор атмосферы. И дверь — индикация «заперто». Снаружи сюда не войти, да и не пробовала нечисть делать это, держится подальше.

— Мы здесь были! — обрадовалась Мари. — Это ведь отсюда ты нас увёл, да? Точно, та самая комната! Круто! Ну что, домой? Я лично не хочу весь его маршрут повторять, я и так уже насмотрелась — на год хватит. Миранда? С тобой всё хорошо?

Миранда отошла к дивану — кроме него и кресла, мебели здесь нет. Отошла и присела.

— Посижу маленько, ладно? Что-то я устала, сил нет. Хотя немного посидеть, а то идти не смогу.

Мари достала из аптечки крохотный цилиндр — походный диагност — и провела вокруг лица Миранды, вниз — до ступней — и обратно.

— Да, просто устала, — подтвердила она. — Слу-у-у-ушай, да у него репликатор! Вот это он жил, люблю! Слушай, и не заперт! Ну-ка...

Мари несколько минут провела, листая картинки на панели репликатора, затем медленно повернулась. В руке её была плитка шоколада. Во всяком случае, выглядела похоже.

— Швейцарский, — сказала она, и вернулась к остальным. — Сколько там всякой шикарной еды в списке! Не знаю даже, что такое Швейцария, но однажды такое уже пробовала. Супер!

— С ума сойти, — прошептала Миранда, и взяла предложенный кусочек. — Пятьсот зоркмидов за плитку, и его продают в единственном месте на планете. Нигде больше какао не выращивают. Мы всё детство о таком мечтали, так никогда и не попробовали...

— Пробуй, пока можно, — Мари предложила кусочек и Артёму. Тот отказываться не стал, и осознал, до чего он голоден — раз, и до чего вкусен шоколад — два.

— Сейчас я устрою нам обед, — Мари вернулась к репликатору. — Отдыхать, так отдыхать. И воду лучше тоже здесь сделать, ту пусть анализируют, кому положено. Ортем, слышишь? Уже пора снять рюкзак, флягу, то есть.

Они уселись — все, одновременно. Артём смутно помнил, как они поужинали, а потом поняли, что никто уже идти не в состоянии, надо отдохнуть. Мари быстро организовала, при помощи репликатора, три отдельные складные кровати, и всё прочее. И вот — что-то выбросило из сна.

— Что это? — прошептала Миранда. — Слышите?

Да, слышат. Звук доносится откуда-то сверху, хотя сверху — толща камня; по запискам Марка Флавия, тут ничего и никого постороннего рядом. Голоса. Звук многих голосов — они то шептали, то напевали, то спорили. Слов не разобрать, да и сами голоса — на пороге слышимости.

— Он и про это писал, — Мари зевнула. — У него совет: в такие моменты включайте музыку — можете громко, тут акустическая защита, никто не сбежится. Откуда голоса, неясно. Так и спал здесь — под музыку.

— Я не смогу, — содрогнулась Миранда. — Давайте уйдём, если вы идти можете. Туалет тут у него есть?

— Всё там же, — указала Мари в сторону дальнего угла. — Армейский, обожаю. Подходишь, прижимаешься к вертикальной пластине нужной стороной, нажимаешь на панель. Остальное он сам. Штаны снимать не нужно.

Да уж. На Айуре с понятием «телепортация» знакомы, пусть даже официально перенос материи возможен только на очень небольшое расстояние. А что на самом деле люди успели

заново выучить — пока что знают очень немногие.

Боязно было открывать дверь в пещеру. Смотреть вниз, на колонны нечисти и их космическую технику, также страшно. Но Миранда посмотрела — и, надо сказать, даже не вздрогнула. Молча вернула бинокль, и жестом указала — всё, пора убираться.

-

— Марина, — позвала Лилия, которую встревожило состояние подруги и хозяйки дома — шёл четвёртый день с момента, как Мари, Миранда и Ортем пропали. Официально конечно, руководство вооружённых сил заявило, что сэр Ортем выполняет задание и подробности не разглашаются. Окружающие всё понимают, и не донимают расспросами — у дросселей самая опасная профессия, если такое вообще можно сравнивать. Но вот в остальном...

Марина держится с завидным спокойствием. Помимо того, что поручилась — видимо, полагаясь на интуицию — за Арлетт, как недавно поручилась за Мари — Марина удивляла окружающих выдержкой, и намёков не подавала, что беспокоится. У хозяйки дома жизнь насыщенная: помимо того, что есть собственно заботы дома — а здесь Марина проявляет свою невероятную память: помнит все мелочи о каждом, не оставляет без внимания ничьи сложности и заботы — есть ещё и необходимость возвращаться в обществе, появляться в других домах, в их предприятиях и магазинах — словом, вести светскую жизнь. И она ведёт. С помощью Лилии — ну и Арлетт, которая, к слову сказать, делает что прикажут, старательно и в срок. Оправдывает доверие.

Но вот дома, когда выпадали нечастые минуты свободного времени, Марина последние дни закрывала глаза и подолгу сидела, погружённая в себя. Вот и сейчас — отложила книгу и откинулась на спинку стула, закрыв глаза.

Она открыла глаза, когда Лилия позвала её. К облегчению Лилии, слёз на лице Марины не было, но были совершенно ненужные морщины на лбу.

— Что-то случилось, Лилия? — Марина встала, но Лилия жестом успокоила её — садись, садись, ничего срочного.

— В доме всё нормально, не беспокойся. Если нужен отчёт, я сейчас принесу.

Марина улыбнулась.

— Не нужен, я и так всё знаю. Со мной всё хорошо, Лилия.

— Марина, — Лилия взяла её за руки. — Они вернутся. Точно говорю, вернутся.

— Я знаю, — Марина кивнула и сжала её ладони. — Спасибо тебе. Извини, если я последние дни повышаю на тебя голос.

Лилия улыбнулась — да ну, скажешь тоже! — и погладила её по голове. Когда Марину обижали там, в приюте, это успокаивало её быстрее всего. И сейчас, похоже, тоже помогает.

— Доктор Ливси сказал по большому секрету, — понизила голос Лилия, — что их главный по науке, который по оружию тоже главный, не сомневается, что всё обойдётся. И что все готовы на спасательную операцию, на что угодно. Его не бросят. Их никого не бросят, если что.

Марина кивнула, и закрыла глаза. Лилия почувствовала, как напряжение понемногу оставляет Марину. Напряжение, которое копилось все эти дни. Чувствовалось, что Марина как натянутая струна — может внезапно выйти из себя. По любому пустяку — хотя такое случалось крайне редко. И тогда тушите свет, достанется всем и каждому, кто попадётся под руку.

И тут Лилии позвонили. Марина немедленно открыла глаза, и спросила взглядом — о

них? Лилия кивнула, поскольку услышала следующее:

— Госпожа Лилия Корту? Марцелл Катон на связи. Не хотел беспокоить вашу хозяйку в столь поздний час, передайте ей, пожалуйста: сэр Ортем, госпожа Красс и мадам Фурье сейчас с нами, у них был долгий поход — но беспокоиться не о чем. Как только отдохнут, мы доставим их домой. Здравствуйте!

Даже ответить не успела.

— Они вернулись, — пояснила Лилия на словах. — Как только отдохнут, их привезут домой. С ними всё хорошо.

— Замечательно, — Марина улыбнулась, и смахнула слезинку. — Всё, тогда я — спать, завтра будет много хлопот.

-

— Терпеть не могу белое, — заявила Мари, которую отпустили последней. Теперь все трое сидели в той самой комнате-«гостинице», в которой Миранда и Ортем побывали после той прогулки с «титанами». Только теперь здесь три кровати. — Как будто в саване сижу. И не боятся нас тут втроем оставлять?

— У тебя есть силы вести себя неприлично? — не удержалась Миранда. Какие уж тут силы: после того, как отмыли, и проверили всеми медицинскими приборами, и задали тысячу вопросов, а потом ещё и накормили — сил хватит разве что на храп.

— Пока нет, — пожала плечами Мари. — К утру уже ничего не обещаю.

— Здесь кругом камеры, всё записывается, — напомнила Миранда. — Говорят, только в ванной нет камер. Не забудь увести его в ванную. Но я бы не рисковала.

— Да ну тебя! — Мари насупилась и, не обращая внимания на остальных, разделась догола — ночных рубашек Мари не носит принципиально. Если ночью нужно куда, халат надевает, только если выходит за пределы своей комнаты. — Пусть смотрят, мне не жалко. Спокойной ночи, если что. — И спряталась под одеяло.

— Детский сад, — вздохнула Миранда, и обняла Артёма. — Я тоже спать. Надеюсь, хоть завтра утром будить не станут. Добрых снов!

...Артём проснулся, как всегда — в пятом часу. Но вставать не хотелось, да и не смог бы, не разбудив их: Миранда прижалась к нему слева, Мари справа — и слушать их ровное дыхание было необычайно приятно. Так и лежал, думал, вспоминал события прошедшего дня. Всё казалось, что их ровно один день не было, а по календарю Айура прошло пять дней. С ума сойти! Как такое возможно? И на часы ведь смотрел, что же выходит — не обратил внимания на дату?

Будить их не стали. Миранда проснулась в половине девятого, Мари — ещё через пять минут. Получается, будь Миранда дома, снова проспала бы утреннюю пробежку. Нехорошо выходит!

Дни 46–47. Силы зла [оглавление]

— Выпейте, — Марцелл указал на чашку с чаем. — Скоро отпущу вас домой. Уже не хватает специалистов — и техники. Нам под это дело новые помещения обещали, новую технику, и новых специалистов. А вам — благодарность от командования, — оружейник пожал Артёму руку. — А также от родственников Марка Флавия. Он полностью оправдан — по новым данным, у нас нет оснований считать его военным преступником. Хотя следствие всё ещё идет. Жаль, что поняли это с таким опозданием. Возвращаюсь к нашим баранам. Никакой путаницы нет, время на «локации М», это рабочее название той планеты, течёт в пять с небольшим раз медленнее по сравнению с Айуром. Что такое релятивистское

замедление времени, в курсе?

— Формулу не помню, но в курсе, сэр.

— Замечательно. Мы предполагаем, что «локация М» движется со скоростью на два процента меньшей скорости света в вакууме. По отношению к Айуру. Отсюда и замедление времени.

Артёму стало сильно не по себе.

— Целая планета летит с такой скоростью?!

Оружейник кивнул.

— Это гипотеза. Возможно, планета движется по очень близкой орбите вокруг весьма массивного тела. Так ли это, или она в свободном, так сказать, полёте — сказать трудно. Мы склоняемся к первому варианту, планета на орбите вокруг весьма массивного тела. Например, сверхмассивной чёрной дыры.

— И... где она находится?!

Оружейник пожал плечами.

— Кандидатов вокруг хватает, указать координаты не берусь. Меня больше интересует, сэр Ортем, каким образом вы перемещаетесь между Айуром и «локацией М». Если вкратце: чем больше дистанция телепортации, чем выше относительная скорость, тем больше энергии требуется для установления стационарного канала, с сохранением гладких мировых линий. Поясняю: если бы наблюдалась простая «сшивки» двух областей пространства-времени, то при перемещении вы двигались бы в конечной точке — в направлении и со скоростью, равной разнице скоростей.

Артём попытался представить себе движение с околосветовой скоростью в точке прибытия. Воображение почти сразу же отказалось живописать детали. Хотя какие там детали — превращение в сгусток весьма горячей плазмы, с вытекающими последствиями. Оружейник покивал.

— Вижу, понимаете. Мы только приступаем к освоению телепортации, в самом начале пути, так сказать. Хотя сами видите — это уже произвело переворот и в медицине, и в бытовой технике. Можно представить, насколько совершенной должна быть технология, и насколько колоссальными затраты энергии — чтобы обеспечить ваш переход между локациями без катастрофических последствий.

— Если у них такие запасы энергии, и такие технологии, я бы остерёгся привлекать их внимание, — медленно проговорил Артём.

Оружейник снова покивал.

— И это тоже. Но, судя по собранным Марком Флавием и вашей командой данным, они и так за нами наблюдают. Буду краток. Нам очень нужны новые данные по той локации. Можно без контакта с тамошними формами жизни, кем бы они ни были. Если удастся выйти на поверхность, и записать, что оттуда видно — это может ответить на ряд вопросов. Миссия в высшей степени опасная, командование пока что не одобрило — но уже понятно, что ситуация может быть куда сложнее, чем мы считали. Если Айуру грозит новая волна вторжения, нам необходимо узнать о противнике как можно больше. Что скажете?

— Я согласен, — ответ дался, если честно, не сразу. Далеко не сразу.

— Замечательно! У меня приказ: дать вам столько времени на отдых, сколько потребуется. Известную вам песню пока не исполняйте, Колизей не посещайте. Понятно, что если перемещение будет спонтанным, мы мало что можем сделать — возьмите рюкзак вон там, у стены. В нём — снаряжение, которое вам теперь всегда носить с собой. Когда

будете спать — держите на расстоянии протянутой руки. От этого может зависеть ваша жизнь.

— Вас понял, сэр. Что насчёт Миранды Красс и Мари Фурье?

— Они подписали бумаги о неразглашении военной тайны. Мы не сомневаемся в их благоразумии. Ну, пока всё — увидимся завтра. Здравствуйте!

-

Дома все обрадовались возвращению Артёма, Миранды и Мари — и передали сразу, что Марина с Арлетт вышли по делам, будут ближе к вечеру. Что ж, самое время немного прийти в себя. Марина и так уже знает, что они в Риме — видимо, потому и занимается своими делами как ни в чём не бывало. Звонить, если только не случилось беды, не принято. Нет новостей — хорошие новости.

Артём только успел присесть у себя в кабинете — в голове не укладывалось всё произошедшее, и словно не пять дней отсутствовал, а пять лет — как постучалась Мари.

— Подойди к Миранде, если не занят, — попросила она. — Не нравится мне, как она выглядит.

Миранда, действительно, выглядит — кричи «караул». Неулыбчивая, осунувшаяся. Врач — там, в городке — проверил всех и признал, что со здоровьем всё в норме, и нужен только отдых и положительные эмоции. И вот главный поставщик положительных эмоций сидит — мрачнее тучи.

— Останься, — Миранда посмотрела на Мари, когда та сделала шаг к двери — я пошла? — Мы теперь все вместе. Я справлюсь, — она обняла Артёма. — Просто в себя ещё не пришла.

— Если у тебя остался шоколад — может, организуешь чай? — Артём посмотрел в лицо Мари.

— Запросто, — кивнула она. — Марине и остальным нашим я уже отложила. Сейчас всё будет!

— С ней не скучно, — прошептала Миранда, и тихонько рассмеялась, прижимаясь щекой к плечу Артёма. — Столько энергии! Представляю, какое нужно терпение!

Она отпустила Артёма и села за стол — там остался альбом, который не так давно листала Мари.

— Я-то думала, что чем больше знает цивилизация, тем она добрее, — Миранда закрыла альбом. — Зачем тебе быть злым, если ты такой могучий? Всё равно не с кем биться — можно изучать Вселенную, находить других разумных, находить с ними общий язык. Помогать, вместе что-то строить. Неужели это неинтересно? А получается, что мы для них — просто еда. Или вообще мусор. И мы, и те, кто жил здесь до нас. Если им так нужна была эта планета, для своих целей — почему не оставить предупреждение? Ну или просто дали бы понять, что высаживаться нельзя, мы бы дальше полетели. В учебнике истории это есть — колонисты чуть не сотню планет по дороге изучили, только Айур подошёл. Не было здесь ни зондов, ни спутников, ни посланий. Пустая планета, и всё.

— Может, они нас и не считают разумными?

Миранда кивнула.

— Может. У меня просто в голове не укладывается. И те люди с нашими лицами. Ну, на вид люди, я не знаю, что там у них внутри. Получается, они нас исследуют? Иначе зачем они собор сделали, настолько точную копию, зачем нас копировали? И при этом — только чудом нас всех не уничтожили. Я понять не могу, как такое может сочетаться.

— Они — не люди. Может, для них это естественно, — Артём взял её за руку. Бледность и морщины на лбу покинули лицо Миранды — уже хорошо. — К тому же, у них могут быть свои представления о добре и зле. А может, и вообще нет никаких. Мы же про них ничего толком не знаем.

Миранда покивала.

— Я просто представила, что будет, если вся их армия к нам прилетит. Или если они тем же путём пройдут, скольжением. Ведь они нас просто раздавят. Если только захотят — против их технологий мы ничто. Ну, только что планету сможем уничтожить, чтобы никому не досталась. Мне страшно, Ортем, — она сжала его ладонь. — Я думала, что зло — это просто философское понятие, что-то образное. А мы увидели силы зла, самые настоящие.

Мари, постучавшись, вошла с подносом — и чайными принадлежностями.

— Что-то у вас у обоих вид — тушите свет, — заметила она. — Проще надо быть, вот что я вам скажу. Переживать неприятности по мере поступления. Ну, всё, отставить кислый вид — чай скиснет!

Миранда рассмеялась и отпустила ладонь Артёма.

— Этого не допустим, — заявила она. — Наливай.

-

— То есть они хотят устроить туда длительную экспедицию, — Мари уже дважды приносила свежий чай, а всё равно не хватало. — С тобой. Не знаю, как другие, а я — пас. Надолго туда не хочу.

— Мне казалось, тебе понравилось больше остальных, — заметила Миранда.

— Да, я вообще обожаю приключения. Но...

— Марк Флавий был там один. Почти двадцать здешних лет. Сама говоришь, никто ему не помогал. А у вас есть его записи.

— Уговариваешь меня, что ли? — Мари усмехнулась. — Да я бы с радостью. Но ведь там можно застрять. Марк Флавий много раз застревал, и надолго. Не знаю, как ты, а я предпочту рожать здесь, а не там. То есть...

До Артёма не сразу дошло. Миранда посмотрела на Мари странным взглядом.

— Чёрт, так он что — не знает? — удивилась Мари, заметив выражение лица Артёма.

— Теперь знает, — Миранда вздохнула, и выразительно посмотрела на Мари. — Пять минут, хорошо?

Мари кивнула, и скрылась за дверью. Миранда встала перед Артёмом — он тоже поднялся.

— Ну вы и конспираторы, — только и сумел сказать.

— Не хотела говорить там, — улыбнулась Миранда. — Неподходящее место, — и, обняв его, шепнула на ухо: — Мальчик.

— Замечательно, — Артём обнял её крепче. — Теперь понимаю, почему так переживали.

Миранда кивнула.

— Доктор сказал мне то же самое, что и ей: всё хорошо, но — больше никаких приключений. Потом почесал в затылке, и добавил: если получится.

Они оба рассмеялись.

— Не знаете, что сказать? — Миранда-прежняя возвращалась на глазах. — И не нужно. Всё, пусть войдёт, а то так и будет считать, что я обиделась, — Миранда приложила ладонь к уху, и ещё секунд через десять вошла Мари. С новым чайником в руке.

— Извини, не хотела, — она перевела взгляд с Миранды на Артёма. — Всё нормально? Без обид?

— Без обид, — подтвердила Миранда. — Ты права. Застрясть там надолго — последнее дело. Аптечка аптечкой, но ей одной не обойдёшься.

— А что тебе Марцелл в рюкзак сложил? — поинтересовалась Мари, указав Артёму на спину. — Что, так и сказал, всегда с ним ходить? Понятно — как спасателям, в общем. Мне тоже всегда специально снаряжение выбирали, чтобы скользить не мешало. Помню, как-то раз за одним охолом недели две гонялась...

Марина и Лилия всё ещё заняты. Оставив заметно повеселевшую Миранду и Мари — можно уже не беспокоиться, Миранда успела прийти в себя — Артём вышел из дома, не очень понимая, если честно, куда идти. В рюкзаке за спиной килограммов восемь будет. Получается, теперь дополнительная гимнастика, которая всегда с тобой. Мари посмотрела на сложенные туда вещи, и присвистнула: помимо вездесущей аптечки и основных инструментов — нож, зажигалка, верёвка — там и походный запас еды — половина общего веса, и палатка — примерно такая, в которой врач осматривал Лилию. На предмет ненужных запахов.

И оружие. Запасные обоймы к пистолету — оружейник пояснил, что в очередной раз модернизировал пистолет, прочитайте инструкцию — обоймы с вирусом против нечисти, и гранаты. Те, что с вирусом — и термические. В общем, всё, что нужно для загородной прогулки.

Артём и сам не заметил, как вышел в квартал, где живёт связист. И время подходящее, осталось только... Артём позвонил ему — Марк Катон, как выяснилось, дышал свежим воздухом в сквере неподалёку, и вполне был настроен поговорить.

— Чем могу помочь, сэр Ортем? — он энергично пожал собеседнику руку. — Слышал о ваших последних приключениях. То, что всем можно знать, то есть. Больше не было сбоев оборудования?

— Нет, сэр, всё работает. Я хотел узнать — помните наш разговор? — есть ли способы защититься, если переводчик используют, чтобы намеренно сообщить неверные переводы?

— Это легко проверить. Все симуляторы у меня на работе — завтра же проверю. Но почему вас это беспокоит, если не секрет?

— Что есть защита от случайной передачи переводчика — когда включен и прикреплен чужой переводчик — я понимаю. А от намеренной? Если человек специально желает запутать того, кого учит, намеренно передать неверные данные?

Связист задумался.

— Умеете вы задавать неприятные вопросы, — заключил он. — Но я понял вас. Конечно, никому и в голову не пришло бы ставить защиту от подобного — кому захочется намеренно внести в чужую голову путаницу? Но я проверю, — и он, достав блокнот, сделал там несколько пометок. — Нет, не принимайте близко к сердцу. Наоборот, я рад, что вы задали этот вопрос. Так, говорите, вы занимались тестированием, до того, как стали дросселем?

Артём вкратце рассказал, в чём была суть его работы. Если вкратце — то делать именно то, на что разработчики игр внимания могли не обратить. Нелепые действия, действия из серии «такого всё равно никто делать не будет», и всё такое. Сколько всего удавалось обнаружить — просто уму непостижимо. Странно, что разработчики игр сами о таком не

думали.

— Замечательная у вас была работа! Мы проверяем нашу технику на симуляторах — во многих вариантах её использования, чтобы на любое случайное действие у нас был известный ответ. Но вот проверять на заведомо некорректное — не уверен, что всё схвачено. Я обязательно проверю!

Артём вспомнил, что Марк Катон, вообще-то, приходит сюда отдыхать от работы.

— Не буду мешать вашему отдыху, сэр, — Артём встал и пожал ему руку. — Рад, если оказался полезным. Здравствуйте!

-

По пути домой Артём заметил охрану — среди прочего снаряжения он носил теперь «зеркало заднего вида» — простое и незаметное, со стороны, устройство, которое следило за окружающим пространством и, помимо того, что умеет выявлять и сравнивать лица и другие детали окружающего мира — ещё и предупреждать умеет так, что другие не заметят. Неприметные люди: всегда поблизости, всегда видят Артёма, но никогда напрямую тем же курсом не движутся. И, похоже, лицо одного из них знакомо: он задержал того человека, который собрался стрелять тогда не то в них с Мари, не то в свидетеля убийства Юлия Корту.

Валери Обэр и её напарница неплохо потрудились, подумал Артём. Они успели «распутать» десятки мелких «дел» внутри дома — помимо того, что Марина, с её фотографической памятью, быстро привела в чувство некоторых недобросовестных домочадцев, так теперь ещё и вполне официальные представители полиции всегда рядом. В общем, за ум теперь взялись все.

— ...Сэр Ортем! — похоже, у Валери и Марселины небольшой перерыв от работы. — Рада видеть! Каких только слухов не ходило — но вижу, что слухам верить нельзя. Чем могу помочь? Марселина, мы ведь собирались полчаса ничего не делать! Оставь бумаги в покое.

— Если можно узнать, — Артём сел на предложенное ему место. — Помните, задержали свидетеля убийства Юлия Корту? И человека, который собирался стрелять, пока неясно, в кого?

— Последнее уже выяснили. Он собирался убрать свидетеля, потом, если получится — вас обоих. Видимо, свидетель для группы Росс опаснее. Свидетель повторил показания — и выяснилась одна интересная деталь: нечисть, по его словам, не трогала Юлия. Старалась не напасть на него, а обойти. И только когда Юлия толкнули в самую гущу, напала — и тоже внезапно, вся сразу.

— Думаете, это связано с Клавдией Росс?

— Несомненно. Участники её группировки показали — все, кого мы допрашивали — что нечисть не трогала Клавдию. Не слушалась — никто не смог припомнить, чтобы нечисть выполняла её приказы — но и не трогала. Сама Клавдия, и её дочь молчат — думаю, они и будут молчать теперь. Хотя, конечно, в каменоломни их не отправят — тюрьма для дросселей выглядит иначе. Полагаю, вы уже предполагаете, как.

— Стены из того сплава, из которого делают каркас танков — и чтобы не было возможности стоять на твёрдой поверхности. И изоляция от электромагнитных волн.

— Всё верно, — кивнула Валери. — Место, где их содержат, открыть не могу без приказа вашего командования. Можно попросить вас выпить с нами кофе? Мы давно мечтали. Поговорить о чём-нибудь, кроме вашей или нашей работы. Неофициально. Хоть немного.

Артём посмотрел на часы. Полчаса ещё точно есть, даже час — потом Марина и Лилия могут вернуться в любой момент, их надо будет встретить.

— Да, с удовольствием, — чувствую себя немного нелепо с этим рюкзаком, подумал он. Особенно за столом.

— Можете поставить его рядом со стулом, — предложила Валери. — Мы видели, как вы исчезали. Не беспокойтесь, не растеряемся, если что.

-

Марина долго сидела, прижавшись к его плечу. Ничего не говорила — просто сидела. Наконец, нашла в себе силы отпустить его — не держать хотя бы одной рукой.

— Вы вернулись, — повторила она в который уже раз. — И опять всё секретно, да? Миранда намекнула, что многое там — как страшный сон. Не буду допытываться.

Она сходила на кухню и сама принесла чай — чайник, чашки и всё прочее.

— Я обещала рассказать про Арлетт, — Марина заговорила, только когда выпили по первой чашке. — Не стану пересказывать тот её звонок. Я сначала ничего не поняла, если честно — только то, что она была пьяна, и считала, что это я настояла, чтобы вы больше с ней не виделись. Слово за слово, я ей и сказала, чтобы не смела появляться у нас. А потом вся эта история... У неё тоже нет других родственников, как и у Мари. Я не могла просто бросить её — ну, наговорила глупостей, чего не скажешь от обиды. Я увидела, что она очень жалеет обо всём, что тогда сказала. И уже не стала сомневаться. У неё теперь нет своего магазина, нет друзей, нет средств — в Париже её мало кто на порог пустит.

— Мари намекала, что детей дросселей в Париже боятся ещё больше самих дросселей, — медленно проговорил Артём.

Марина кивнула.

— Почти везде так. Может, везде, кроме Рима. Считают, что раз вы — ну, то есть большинство дросселей — настолько беспорядочно живёте, то здоровых детей от вас не может быть. Хотя все знают, что давно уже не рождаются больные дети.

— А ваши родители?

Марина улыбнулась.

— Они не суеверны. Просвещённые люди. И меня отучили от суеверий... ну, почти. Нас обеих — когда у Миранды родители погибли, мои приняли её в семью. И Лилию тоже, хотя она почему-то старается там не появляться.

Она поднялась на ноги и налила им обоим ещё по чашке. Пили, как и положено: молча, не торопясь.

— Арлетт — очень хороший кондитер, — сказала Марина. — Это она сегодня приготовила пирожные — весь дом хвалит. Наверное, это и есть её призвание. Главное, чтобы с Мари помирились. Обе хороши — если заупрямятся, то хоть кол на голове теши. Всё, Ортем, хватит о других! — она обняла его. — Пять дней без вас — это ужасно долго. Теперь — только вы и я.

-

Половина четвёртого. Марина спит — как в ту первую ночь, прижавшись лбом к его плечу. Очень не хотелось её будить, но и лежать так, глядя в потолок, тоже вскоре стало невозможно. Сумел выскользнуть из-под одеяла так, чтобы не разбудить её. Улыбается во сне... Артём тоже улыбнулся. Бесшумно прошёл в свой кабинет и занялся зарядкой. Хотя зачем нужна та зарядка — и так весь словно наэлектризован. Только что освежиться — и можно заняться чем-нибудь.

Освежился. Ночью никто не станет будить повара — но он давно уже знает привычки и вкусы домочадцев, вот и сегодня: в холодильнике уже стоит коробка — контейнер, в нём еда сохраняется удивительно долго и не теряет вкуса — в которой те самые бутерброды, которые Артём любит есть на завтрак. Всё подписано — не он один любит бутерброды. Разогреть — похожая на микроволновку печь работает бесшумно — добавить стакан минералки, и вот он, завтрак. К моменту настоящего завтрака, когда в доме уже все проснутся, голод станет нестерпимым.

Валери и её напарница постарались, чтобы охрана и не бросалась в глаза, и чтобы всегда была начеку. В доме, вроде бы, никого — в коридорах дежурное освещение, ночное; в коридорах, в том числе в нишах, где обычно дежурит охрана — на вид никого. Но случись что — а камеры зорко следят за коридорами — и охрана возникнет как из-под земли. Очень удобно.

Четыре двадцать — чем заняться теперь? Пробежка в парке — через час с лишним. Артём двинулся по коридору — они с Мариной живут на втором этаже, Миранда — на первом, Лилия, Мари и Арлетт — на третьем. Сам не понимая, почему, поднялся на третий этаж. И опять — смотри-ка — дверь в комнату Лилии не заперта, и нет сигнала «не беспокоить». Забыла? Не спится? Артём тихонько постучал и вошёл.

Показалось даже, что повторяется то самое утро, когда Лилия была готова покинуть дом — и уже не вернуться в него.

— Так и знала, что вы придёте, — Лилия стоит у окна, спиной к двери, одетая в халат. — Вы не могли пройти мимо, да? — она оглянулась, и Артём увидел довольную улыбку на её лице.

— Вам надо чаще улыбаться, — он закрыл за собой дверь.

— Разве у меня плохо получается? — Лилия присела на диван, и похлопала ладонью рядом с собой. Артём уселся рядом. — Благодарю, без вас бы не научилась. Это не ирония.

— Вам осталось отучиться оправдываться, — Артём посмотрел ей в лицо, и Лилия... весело рассмеялась.

— Все мне это говорят. Неужели так часто оправдываюсь? Лучше скажите, зачем пришли. Только честно.

— Честно? — Артём посмотрел на часы. — Была одна мысль, но времени уже не хватит, могут вызвать в городок, в самый неподходящий момент.

Лилия улыбнулась.

— Не думала, что можно быть настолько честным. Тогда пойдёмте, пробежимся вместе по парку. Иначе отвлекут в самый неподходящий момент.

-

— Уже не спишь? — задала Миранда ненужный вопрос. — Думала пойти с ним в парк, а его и след простыл. Может, тебя удастся хотя бы раз уговорить?

Марина отложила тетрадь — приходится много записывать, и ей лично обычная бумага удобнее любых электронных приспособлений. Так вот получилось. Отложила и оглянулась.

— Конечно, — кивнула она. — Он обычно так рано встаёт, что сил нет подниматься в такую рань. А ты теперь будильник включаешь?

— Откуда знаешь?! — поразились Миранда, и вспомнила: вчера Марина заходила вечером — узнать, как дела. Ну разумеется, если зашла — то запомнила всё, что увидела. В том числе могла и будильник увидеть. — Ах, да, глупый вопрос. Да, включаю. Что-то со мной странное последние дни — то ли уставать начала, наконец, то ли... — она погладила

свой живот. Встретилась взглядом с Мариной, и улыбнулась. — Не знаю. Что-то уже изменилось. Всё, не отвлекаю, жду у выхода!

-

Они присели на скамейку — Лилия запыхалась, сразу видно, что редко бегает. Артём, наоборот, совершенно не сбил дыхания. Вокруг пробегали люди — все улыбались и здоровались. Естественно, Артём и Лилия здоровались в ответ.

— Лилия, кто ещё знает, что вы были дросселем? — спросил Артём, понизив голос.

— Надеюсь, что никто, — ответила она, и на короткий миг вернулась безжизненная маска царевны Несмеяны. — Хотя есть одно подозрение. Помню, сэр Тиберий Москат тогда меня долго расспрашивал. Хотя он не мог видеть, как я скользила. Может, проговорила, хотя я старалась следить, что и кому говорю. Вы знаете, что сэр Тиберий всюду следует за вами?

— Что, серьёзно? — Артём неподдельно изумился. Вот ещё радость!

— Совершенно серьёзно. Я сама за вами следила — нет смысла теперь скрывать. И догнала вас в Венеции, помните? И всякий раз видела его. Может, конечно, это случайность.

— Вы его недолюбливаете, — заключил Артём. Видно было, как изменилось её лицо.

— Да. Многие недолюбливают. Он и мне делал предложение — стать хозяйкой, а потом я услышала много интересного. Из обязанностей хозяйки его больше всего интересует постель. И никак не мог оставить меня в покое, когда я отказалась. Отстал, только когда меня в ангары сослали.

Артём покачал головой.

— И ещё вопрос, пока мы одни. Вы не видели, случайно... — и описал диск — диски, между которыми их перемещало.

Лилия помрачнела, и оглянулась.

— Да. Мы с Августом именно на таком стояли. Именно он был в сердце лабиринта. Как вы узнали?

— Я видел такие своими глазами. Не имею права говорить подробнее.

— Понимаю, военная тайна, — Лилия взяла его за руку. — Да. Я могу описать его очень подробно, если хотите. Только...

— Я не выдал вашу тайну, — Артём сжал её ладонь. — Если прикажут, и не будет возможности отказаться — я вам скажу.

— С ума сойти, — потрясение на лице Лилии вряд ли наигранное. — И вы, и Марина... чтобы люди так часто говорили правду, и умели хранить тайну... Наверное, Марина сказала правду тогда ещё, в приюте. То же, что и вы говорили. Вы оба из другого мира. Всё, пора домой, — она поднялась. — Спасибо, что спросили. Есть тайны, которые нет сил держать в себе. Вы ведь поняли, да?

-

— Можно, спрошу кое-что? — Миранда и Марина сидели на скамейке. Видно было, что Марина с непривычки устала — так что в основном они сидели и дышали свежим воздухом. — Даже не знаю, как выразиться... Ты точно та самая Марина, с которой мы вместе росли и играли на «Сердце мира»?

— Корабль назывался «Солнце мира», — поправила Марина, глядя в сторону. — А за три дня до того ужаса ты стащила из аквариума угря, и играла, как будто это...

— Всё-всё, перестань, — Марина посмотрела в лицо подруги и увидела, что та... покраснела. — Всё, верю. Ты и это помнишь?! Я ведь никому про угря не рассказывала, до

сих пор стыдно.

Марина рассмеялась, и Миранда, секундой позже, присоединилась.

— Для детей не бывает неприличного, — сказала Марина. — Ты же знаешь. Это всё взрослые выдумывают, чтобы голову всем запутать. То есть ты всё ещё думала, что меня подменили?

— Я же говорю — не знаю, как выразиться. Я так обрадовалась, что ты жива, что уже всё было неважно. Даже то, что говоришь на непонятном языке. Тем более, к вечеру вспомнила наш родной. Просто... ты по-другому стала всё оценивать. Иногда такое говорила, как будто намного старше стала. То, что ребёнок никогда не сказал бы. Может, потому с тобой немногие играть хотели.

— Я тоже не знаю, как выразиться. Помню дома — такие некрасивые, серые, огромные такие высокие коробки. Много домов. Может, я жила в таком. Помню, что в тот день очень сильно обиделась...

— На него? — уточнила Миранда, кивком указав на скамейку шагах в пятидесяти — там сидели Артём с Лилией. Тоже о чём-то говорят.

Марина кивнула.

— Не помню, что такого случилось. Убежала, спряталась — не то в лесу, не то в парке, не помню. Потом помню, что очень холодно, звёзды на небе, это ужасное лицо и вопрос. А потом очнулась на плоту, вместе с тобой.

— А он пришёл следом, — заключила Миранда. — Точно, сказка! Только пусть будет со счастливым концом. Или вообще без конца — просто сказка.

-

— Чем могу помочь? — Арлетт впустила Мари, но — без особой радости, по лицу видно. Зато у Мари вид — сплошное жизнелюбие.

— Улыбнись, — Мари легонько хлопнула её по плечу. Арлетт усмехнулась. — Нет, улыбнись, а не усмехнись. Я что, настолько гадкая, что мне и улыбнуться нельзя?

Арлетт рассмеялась, уже без кислого выражения на лице. Мари её поддержала, и закрыла за собой дверь.

— Это тебе, — Мари положила на стол небольшой свёрток. — Подарок из очень, очень далёкого места. Ужасно далёкого. Может, сядешь? Я ненадолго.

— Хорошо, — Арлетт присела на соседний стул, и развернула свёрток. И ахнула, увидев плитку того самого шоколада.

— Да, это то, о чём ты подумала, — подтвердила Мари. — Долгая история. К тому же очень секретная, не могу рассказать. Это наш трофей, на память. Ну так что, мир? Или так и будешь на меня злиться?

— Мир, — согласилась Арлетт, и приняла протянутую руку. — Похоже, на тебя невозможно долго злиться. Может, научишь, как это у тебя получается?

— Не вопрос. Ты мне — свой секрет, как испекать тот знаменитый торт, который с шоколадной стружкой, а я тебя научу. Видишь, шоколад я уже принесла.

Арлетт снова рассмеялась, и махнула рукой — да ну тебя!

— Тебя весь дом обожает, — поднялась на ноги Мари. — Я серьёзно. Повара в Риме что надо, спорить не буду, а кондитеров толковых мало. Наши, получается, всё равно лучше. Ты уж постарайся, ладно?

-

Артём сидел, глядя на стопку книг — то, что надо прочесть, на латинском языке — и

всё сильнее ощущал, что его тянет вернуться к приключениям. Странная планета, которая очень далеко летит с ужасающей скоростью... и где ждут своего часа те самые «силы зла». Теперь невозможно было считать её чем-то малозначимым. И эти диски: Лилия с братом стояли на таком, Мари с другом стояли на таком же. Ну или похожем. Что, совпадение? И самое странное: где все эти диски? Ну не может быть, чтобы дети сумели уйти в дикие земли — а взрослые потом не сумели найти тот таинственный замок? Да его ведь со спутников должно быть видно! Что-то не склеивается, не сходится.

Марина зашла в его кабинет.

— Не очень отвлекаю? Хотела просто рядом посидеть, если можно, — она улыбнулась. — Может, снимете рюкзак?

— «Теперь и лыжи снять можно», — пробормотал Артём, и рассказал, не без колебаний, этот, не вполне приличный, анекдот, когда Марина попросила объяснить. Марина долго смеялась, и взяла его за руку.

— Только другим не рассказывайте, хорошо? Вы ведь и другие анекдоты знаете? Ну, на самом деле смешные?

Вежливо так намекнула, подумал Артём. Впрочем, верно: анекдот дурацкий. И в голову пришла идея. Проверки, если можно так сказать. И рассказал ей известный анекдот про смородину на рынке: «— Это красная? — *Нет, чёрная.* — А почему белая? / — Потому что зелёная!» Вот на этот раз Марина досмеялась до слёз.

— Благодарю, — она взяла его за руку. — Странное чувство — я будто знала его, но забыла. А ещё? Только по-настоящему смешные!

Вот тут Артём и понял, что хороших, универсальных, так сказать, анекдотов он знает очень и очень мало. Но всё-таки знает.

-

— Это вам, — оружейник указал на чёрный, буквально, ящик. — Предупреждаю, он тяжёлый. Что такое гирокомпас, слышали?

— Так точно, сэр.

— Вольно, сэр Ортем. Можно по-простому, вы не на задании. Поразительно, как много вы успели выучить в этом вашем другом мире! Ну, тогда буду краток. Магнитное поле в «локации М» неустойчивое, часто меняется. Полагаться на магнитный компас нельзя. Будем использовать старый добрый волчок, он надёжнее в таких случаях. Мой совет: испытайте его дома. Он поможет определить продолжительность суток и ориентироваться в пределах «локации М». Инструкция в коробке, запас питания — на неделю непрерывной работы. Вы говорите, что в комнате Марка Флавия есть незапертый репликатор?

— Так... да, сэр. Мари сняла копию его кассеты, — и протянул кассету, банк памяти репликатора, оружейнику. Репликатеры на Айуре не находятся в свободном доступе, частным лицам владеть ими запрещено. Формально, за сам факт того, что Артём или кто-нибудь ещё без разрешения властей пользовался репликатором...

— О, замечательный трофей! — оживился оружейник. — Бросьте, вы прекрасно понимаете, что наши законы в «локации М» не действуют. Мы сейчас сверим, что в памяти его репликатора, а пока — может, что-то ещё вспомните?

Мари не случайно «забыла» передать кассету вовремя, подумал Артём. Зачем? Успела где-то проверить, что на кассете?

— Там же нормализатор атмосферы. И много блоков питания — похоже, репликатор умеет их делать. Оружия я там не видел.

— Булаву всё равно не... — оружейник осёкся, глядя на список. — Я недооценивал Марка Флавия. В хорошем смысле. Смотрите: в его кассете есть программы для выпечки разных видов оружия, но сделал он всего двенадцать единиц, из них восемь термических гранат, четыре единицы холодного оружия. Получается, что оружием охолов снабжал кто-то другой. Непохоже, чтобы счётчики стирали, остались бы следы.

— Марк Флавий не мог замести следы?

— Я проверю, разумеется. Предполагаю, что не мог. В любом случае оружие охолом делали не на этом репликаторе: не те сигнатуры.

Артём потёр лоб. Репликаторы оставляют «метки», вполне материальные, во всём неорганическом, что производят. По этим сигнатурам можно однозначно определить, в каком репликаторе произведён предмет, у каждого репликатора уникальные метки. Естественно, если идти путём последовательного скептицизма, то Марк Флавий мог подделать что угодно. Технически такая возможность у него была.

— А это вам, — оружейник вручил Артёму кассету. — Распишитесь вот тут. Кассета сделана совместимой с тем репликатором, как будете снова в той комнате — можете заменить. Я добавил в список кое-что полезное. Думаю, не стоит говорить, что даже упоминать о кассете на Ауйре не следует.

— Вас понял, сэр, благодарю, — Артём слегка оторопел. Впервые на его памяти оружейник так грубо нарушал инструкции. Чтобы выдать такую кассету, нужна санкция лично командующего.

— Ещё кое-что. На всякий случай, настройте кассету на тех ваших домочадцев, которым безусловно доверяете. На случай, если им придётся ей пользоваться. Инструкции скажу устно, записывать их не нужно.

— Благодарю, сэр, — Артём смотрел в глаза Марцелла Катона, а тот... подмигнул.

— Это опасное путешествие, — сказал оружейник, в конце концов. — Завтра вы выступаете. Главное — остаться в живых и вернуться. По возможности, сделать все замеры, сделать снимки. Как можно больше снимков. Но главное — вернуться живым.

— Вас понял, сэр.

— Если нужен ещё день, или два, или больше — скажите. По глазам вижу, что вы готовы. Но не тороплю. Я всего лишь доложу лорду Стоуну, что вы готовы — я знаю, какое решение он примет. Готовы?

Артём припомнил сессии в университете. Самые неприятные дни — ожидание экзамена. Когда уже готов, и всё выучено назубок, и задач решено без счёта — сдать бы прямо сейчас, снять камень с плеч. Но — экзамен послезавтра, и ждёшь, и гложет это нелепое ощущение, хотя настолько в себе уверен, что разбуди среди ночи — и то на все вопросы правильно ответишь.

— Готов, сэр. Но остаток дня — всё ещё мой.

— Несомненно. Сейчас прослушаете инструкции по настройке кассеты — и больше не задерживаю.

-

— Что, на задание завтра? — поинтересовалась Мари, когда застала Артёма у дома — смотрел вокруг, на площадь, на людей. — По глазам вижу. Меня не отпускают — так что сам справляйся.

— Придётся, — развёл руками Артём, и Мари улыбнулась. Улыбнулась и хлопнула его по плечу.

— Я на Арену, ученики ждут. Тебя не зову — тебе только ушибиться не хватало сегодня. До вечера!

...Вот и время нашлось, подумал Артём, проверяя бумаги. Те, что Марина оставляет в его кабинете — то, что называет отчётами. Вот уж точно, всё схвачено. Сама Марина, когда есть время, продолжает набирать бусы — похоже, ей очень нравится это занятие, помимо чтения. И ценятся те бусы очень дорого. Какую бы авантюру Лилия тогда ни придумала, польза всё равно есть — вон сколько камней. Или правильно «каменьев»?

— Госпожа Инес Батаник передаёт, что приглашают нас обоих сегодня, — оказалось, Марина стоит за спинкой его стула. Вот так увлёкся чтением, не заметил! — Что ей ответить, Ортем?

Она улыбалась. И опять чуть не отвела взгляд в сторону — смущается? Но чего? Артём взял её за руки, и сказал: — Что мы согласны. Если у вас нет срочных дел.

— Сегодня нет, — прошептала Марина. — Разрешите?

Она вернулась в «гостиную» — их общую комнату — и оттуда позвонила Инес. Опять не дочитаю, подумал Артём. Что ж, будет чем заняться в один из следующих таких дней. Столько событий, столько впечатлений — если на чтение времени не хватает, что уж говорить о куда более пустых занятиях! Уже то, что люди предпочитают ходить друг к другу в гости, как в старые добрые времена было и на Земле, уже многое значит. Не сидеть перед здешним аналогом телевизора, не погружаться в иллюзорную реальность компьютерных игр... Вылечился, подумал Артём. Поставь сейчас передо мной мой компьютер — вот честное слово, даже и включать бы не стал.

— Всё в порядке? — Марина снова за спинкой стула. Понятно, почему спрашивает: Артём вновь взял в руки тетрадь с её отчётами.

— Да, всё понятно, спасибо. Когда у вас только время находится отчёты составлять?

— Мама говорит, «когда в голове порядок, то всё успеваешь сделать», — Марина погладила его по голове. — Пока я сама не начала хозяйством заниматься, не понимала, как она права. Вы споёте что-нибудь новое? Там, у Инес? Что-нибудь, что мы не слышали?

Артём кивнул. Сказалось, видимо, напряжённое ожидание завтрашнего похода: на память пришли «Натянутый канат» и «Баллада о борьбе» Высоцкого — и то, и другое исполнил не раз в тот вечер. Громче всех аплодировал, пожалуй, сэр Тиберий Москат — отчего-то он отличался в тот вечер учтивостью речей и хорошим настроением. На прощание — глава дома и хозяйка лично провожают каждого гостя — сэр Джеймс сказал — так, чтобы никто больше не услышал:

— Если будет перерыв в вашей новой работе, сэр Ортем, как вы смотрите на то, чтобы продолжать походы? Ребята говорят — с новым дросселем не так, с вами куда веселее и интереснее.

— Буду рад, сэр, — Артём пожал протянутую руку. — Как только будет возможность.

Дни 48–52. Охотники и добыча [оглавление]

Миранда вызвалась провожать Артёма. Вроде бы совершенно буднично собрался, пожелал всем удачного дня. Никто, естественно, не прощался — не принято, просто пожелали так же, удачного дня. Определённо, так приятнее.

— Не возражаете, сэр Ортем? — Миранда появилась из дверей, едва Артём отошёл едва ли на пару шагов. Особенно жарко сегодня; по календарю Айура, сегодня двадцатое число июля месяца. Самый жаркий месяц года. Учитывая, что и в самом холодном здесь редко бывает ниже двенадцати по Цельсию.

Артём невольно почесал в затылке. Миранду просто не узнать — и одета в лёгкое, яркое платье, и носит теперь серёжки, бусы и ожерелья. И вместо спортивных туфель — выходные, тёмно-зелёные.

— Потрясающе выглядите, — только и смог сказать Артём. Миранда взяла его за руку, и первые несколько минут просто улыбалась, не говоря ни слова.

— Вы редко говорили женщине, что она красива, да? — спросила Миранда неожиданно. Артёму просто было приятно идти с ней рядом. И смотрел на неё время от времени — и почему раньше не надевала украшения, не носила нарядную одежду? Почти исключительно — или спортивное, или на военный манер. Духи в Риме практически не в ходу, косметика — разве что ресницы и брови выделяют цветом. В Париже, Артём припомнил, всё иначе.

— Редко, — ответил Артём. — Это верно. Почему вы только сегодня нарядились?

— Вчера. Вчера вечером Марина сказала мне, что пора прекращать считать себя пугалом.

-

Марина зашла за час до визита к Инес. Миранда стояла у зеркала и смотрела на себя, поджав губы.

— Не начинай, — Миранда отвернулась от зеркала. — Смысла нет пробовать.

— Тоже выдумала, — Марина нахмурилась. — Нет, ну меня-то обманывать зачем? Я вижу, как ты смотришь на украшения, на одежду. Вижу, как на нас с Лилией смотришь, когда мы при параде. Почему сама не попробуешь?

— Это вы с ней царицы, — Миранда махнула рукой. — Я как была пугалом, так и осталась. Смешно будет выглядеть. Не хочу.

— Тогда — это приказ. Идём со мной, и делай в точности то, что говорят.

Миранда вздохнула, и покорно пошла следом. И уже через полчаса Марина её преобразила. Всего-то — сменила платье, надела бусы, серьги, ожерелья, и привела в порядок причёску. Не с первого раза всё подобрала, но главное — подобрала.

— Обалдеть! — поразилась сама Миранда, не став спорить с очевидным. — Точно, совсем по-другому. Думаешь, он заметит?

— Он всё замечает, — улыбнулась Марина. — Говорить — не говорит, но я вижу, что замечает. Что ему нравится. Ну что? Попробуешь сегодня — или завтра?

— Завтра, — тут же сказала Миранда, оробев от неожиданности. — Не сегодня. Хорошо?

Марина встала рядом с ней у зеркала и взяла за руку.

— Отговорки, — вздохнула она. — Поверь на слово, зря стесняешься. Сама поймёшь, когда хотя бы раз из дома выйдешь.

-

— Она права, — Артём присел с ней на скамейку. Через пятнадцать минут ему уже нужно быть на месте, но идти осталось минуты три. Это — последние скамейки перед входом в военный городок. — Замечательно выглядите.

Миранда улыбнулась вновь, и прижалась щекой к его плечу.

— Посмотрите вокруг, — сказала она. — Нет, не поворачивайте головы. Смотрите как бы тайком. Видите, какие мы все красивые?

Она про римских женщин? Это верно. Римская мода, на взгляд Артёма, самая эффектная — из той, что видел, ведь не во всех крупных городах пока ещё бывал. Он кивнул.

— Ведь для вас стараемся. Нас так много, а вас так мало, — Миранда тоже смотрела вокруг, не поворачивая головы. — Не буду рассказывать, что иногда вокруг вас творится, начнёте о женщинах плохо думать. Чтобы хотя бы на минуту заполучить ваше внимание, многие пол-жизни тратят, и целое состояние. Знаете, что мы втроём тоже пробовали? Но всё без толку. У нас Лилия умеет одеваться так, что глаз не отведёшь. Но и это не помогало. В общем, мы рукой махнули. А в тот день у ворот случайно оказались. А может, Лилия сумела так всё подстроить, что как бы случайно. Вы же помните наш разговор, да?

Я тогда Марину проводила, и за вами следить начала, — Миранда посмотрела в глаза Артёма. — Не смогла удержаться. Вы вышли из медпункта, сэр Джеймс указал вам, как выйти в город. И пошли вы прямо в дом к Ингир, там, где Марина жила! Прямо туда, никого не спрашивая, словно всё уже знали! Потом мне рассказали: там, когда вас Ингир впустила, вы чуть было в комнату к Марине не свернули. Её там, правда, не было в тот момент.

И Марина потом рассказала, как вы смотрели на неё, когда она в то утро к вам пришла впервые. Знаете, если удастся хоть раз в постель попасть, и то можно удачей считать. Цинично, знаю, но мы так живём. Она потом сказала, что вы как будто испугались её пригласить — казалось, что в последний момент передумаете. И смотрели потом на неё, как на сокровище. На меня, кстати, тоже, — Миранда улыбнулась, и снова прижалась щекой к плечу Артёма. — Мне ужасно приятно. Так на нас никто не смотрел.

А ещё вы исполняете желания, — Миранда посмотрела ему в глаза. — Я не шучу. Ингир одна оставалась из всего её дома. Её сводный брат, дроссель, не родной ей, да и живёт отдельно. Для неё было хуже всего понимать, что детей у неё уже не будет, и дом на ней кончится. И тут пришли вы.

Лилия мечтала, чтобы хоть кто-то заметил её брата, хоть кто-нибудь пришёл к нему. И вы открыли ей глаза — показали, что люди его не забывали. Марина больше всего боялась, что все узнают, что она неграмотная. Вы и ей помогли, без лишних слов и вопросов. И так со всеми, наверное.

Вам пора, знаю, но одну минутку ещё, ладно? — Миранда поднялась следом за Артёмом. — Думаете, почему я всё это сейчас говорю, да? Потому что боялась сказать раньше. Сама не знаю, почему. Глупая была, наверно. Вы спасаете нас каждый день, Ортем — всех людей, я знаю. И сегодня будете спасать. Позаботьтесь о настоящем, ладно? А мы позаботимся о будущем, — она погладила себя по животу. Улыбнулась ещё раз, отпустила ладонь Артёма, и направилась твёрдым шагом в сторону дома.

Всё верно. Прощаться не принято. Вернее, не принято делать это долго. Улыбка, прикосновение ладони, взгляд. И всё.

В «храме» никого не было, и на этот счёт также нашлась записка от Марка Флавия: не открывать двери. По его словам, любопытство чуть не стоило ему жизни. Подождав — не вернутся ли люди, или что это за существа — Артём, в окружении охраны, включил и дал настроиться гирокомпасу. Занятно. Похоже, эта конкретная локация находится поблизости от северного полюса (если считать, что здешняя планета вращается в ту же сторону, что и Айур). Магнитное поле постоянно менялось — действительно, полагаться нельзя.

Следующей «остановкой» стал тот самый отсутствующий в записях Марка Флавия городок «под Дикий Запад».

— Есть разговор, — Миранда постучалась в комнату Мари. Та явно хотела пойти вместе

с Ортемом, по лицу видно, насколько хотела.

— Знаю. Ты про кассету репликатора, — Мари посмотрела в лицо Миранды и рассмеялась, увидев там изумление. — Я всё ещё служу в полиции, помнишь? Я сняла копию кассеты, а оригинал отдала нашей полиции, — Мари махнула рукой за спину — туда, где комнаты Валери и Марселины. Всё по закону — протоколы и всё такое. И пальчики там очень интересные, четыре комплекта. Я старалась не прикасаться голыми пальцами, сама понимаешь. Ну, а себе я копию не оставляла, я законы соблюдаю. Сняла одну для архива полиции, и ещё одну — чтобы заменить оригинал. Если там было что интересное, то этот ваш главный по оружию — Марцелл? — уже в курсе. Или тебя что-то ещё беспокоит?

— Нет, только это, — Миранда присела напротив.

— Шикарно выглядишь, люблю! — восторженно посмотрела Мари. — Ну-ка, встань, повернись! Просто блеск! Пора и мне, наверное, приодеться. Чем я хуже? Тебе кто всё это подбирал, Марина? Пойду и я попрошусь.

— После обеда, — Миранда заглянула в читалку — в отличие от Марины, Миранда предпочитает электронику. — В три часа у неё будет свободное время — пока никто не занял. Придёшь?

— Ого! — уважительно покачала головой Миранда. — То есть люди уже поняли, что она умеет красиво наряжать? Да, давай на три. Что-то ещё? По глазам вижу, что-то ещё есть. Говори, дальше меня не пойдёт, ты же знаешь. Ну, разве что ты убила кого-нибудь, а я пока не знаю.

Миранда улыбнулась и вновь присела.

— Добрая ты. Может, объяснишь? Я репликаторы в глаза не видела, а ты с ними на короткой ноге. Где такому обучают?

— В полиции, — Мари и глазом не моргнула. — Ну, спасатели тоже обучаются, им нужно. Но им выдают «зёрна», нам не положено. Кстати, самое интересное: на той кассете и «зерно» записано.

— «Зерно»? — Миранда поморгала. — Подожди, это что — зародыш нового репликатора, что ли?

— Точно. Видела я ролик, сама не пробовала. Его и на самом деле нужно в воду опустить, чтобы запустился. стакан любой жидкости, потом — десять килограммов любого другого вещества, и готов новый репликатор. Но кто делает «зёрна», я не знаю. В наших репликаторах такой программы не было.

— Может, ты мне объяснишь? Почему его всем людям не выдают? Любой и так может пойти в общественному пункту, и получать оттуда всё, что открыто для доступа. В любом количестве. Я понимаю, детей к нему подпускать нельзя, а всех прочих?

— Мне объяснили, это из-за сбоев. Простые вещи там делают без ограничений. Чем сложнее предмет или вещество, тем выше вероятность сбоев. Самое сложное до сих пор не умеем получать, и нет людей, которые знали бы все тонкости программирования репликаторов. Только не расспрашивай — за что купила, за то продаю.

— Понятно, — Миранда поднялась. — То есть, немного понятнее. Только честно: ты ничего там, кроме шоколада, не реплицировала?

— Нет, а что, надо было? Как попадём туда снова — напомни.

Миранда рассмеялась, и махнула рукой, и покинула комнату уже в совершенно хорошем настроении.

Глядя на мир, нельзя не удивляться. Если собор — реплика собора — находилась в северной полярной области, то Дикий Запад — поблизости от здешнего экватора. Ничего себе пляж отгрохали, подумал Артём, и жестом дал понять — ничего особо важного — когда командир его охраны вопросительно взглянул, заметив, что подопечный сдерживает приступ хохота.

Но и это ещё не всё. Средний радиус планеты, по данным вычислений — восемьсот двадцать километров, при этом сила тяготения — на восемнадцать процентов выше, чем на Айуре. А здешнее палящее солнце висит на расстоянии шести с половиной стадий — чуть выше полутора километров — над поверхностью планеты. Получается, солнце бутафорское. Впрочем, это и так понятно: сутки здесь длятся тридцать три минуты и восемнадцать с половиной секунд Айура, а солнце движется по небу, от заката до восхода, двенадцать часов Айура. А период обращения «локации М» вокруг неизвестного пока космического тела составляет... тридцать три минуты и девятнадцать с долями секунд. Год чуть длиннее суток. Занятно. Но расчётчик гироскопа на этом не остановился, и выдал предполагаемую массу центрального тела: сто девяносто два с лишним миллиона, если массу солнца Айура принять за единицу. То есть, что — всё-таки чёрная дыра?! Но как такое возможно?

Планета вряд ли могла попасть на такую орбиту естественным путём. Ведь в такую дыру должно падать огромное количество окрестного вещества. Да и приливные силы давно бы уже развалили планету на части — почему этого не происходит?!

— Город занимает пространство шесть на две стадии, — доложил командир группы. — Дальше пустыня. Если не смотреть в лицо здешним формам жизни, они не обращают внимания. Мы провели внешнее сканирование всех строений, собрали все запрошенные пробы. Ждём дальнейших распоряжений, сэр.

— Диск должен включиться через семнадцать минут, возвращаемся к нему, — Артём посмотрел на часы, которые теперь отсчитывали и здешние сутки, и здешний год — чуть длиннее суток. Получается, что у планеты очень плотное ядро, раз при таком малом радиусе тяготение выше, нежели на Айуре. Да, и почему она не развалилась под действием приливных сил, почему её не растёрло в пыль жёсткое излучение вокруг чёрной дыры, почему не сбило с орбиты всё то, что падает внутрь дыры со всех сторон?

Кто бы предложил ответы, подумал Артём. Вопросов стало катастрофически много.

— Следующая по списку «библиотека», — напомнил Артём. — Важно: как только включается свет, закрывать глаза, не шевелиться, не говорить. Марк Флавий написал, что трое из его спутников пропали там без вести — кто пытался бежать или кричать. Будем стоять спокойно — должно обойтись.

-

— Здорово, — восхитилась Миранда, хлопнув в ладоши несколько раз — увидев, как преобразилась Мари. Определённо, римская мода ей идёт куда лучше. Марина оставила любимый цвет Мари, чёрный; на украшения пошли рубины и безумно редкий и дорогой обсидиан. Зато теперь глаз от Мари не отвести! — Марина, ты мастер. Только скажи — от клиентов отбою не будет.

Марина улыбнулась и развела руками.

— Восторг! — заключила Мари — видимо, других слов просто не осталось. По блеску глаз видно, как ей угодили. — Неловко спрашивать, но спрошу — сколько это счастье стоит? Стой-стой, я просто хочу знать цену.

— Если не включать мою работу, только украшения и материал, будет восемь с

половиной тысяч зоркмидов, — Марина обошла Мари вокруг, явно любуясь своей работой.

— Обалдеть, — присвистнула Мари, и на какой-то момент Миранде показалось, что Мари сейчас от всего откажется. — Если я что-то должна — скажи, отработаю. Я ведь только на Арене работаю пока что, да и там скоро запретят.

— Марина, давай ещё на ком-нибудь попробуем! — предложила Миранда. — Я же говорила, у тебя талант. А украшениями мы с Лилией пока займёмся, если что.

— Я подумаю, — кивнула явно довольная Марина и, поднеся ладонь к уху, извинилась и вышла — звонок.

— Здорово, что она согласилась, — признала Миранда. — Классно получилось, да? Ничего лишнего, и выглядишь — не оторваться!

— Разве она согласилась?

— Если сказала «я подумаю» — значит, согласилась. Уже снимаешь? Что-то не так?

— Ну, я в таком на Арену идти не хочу, — пояснила Мари, и замерла, не закончив снимать украшения. — Не так поймут. Хотя... поставлю-ка я ещё один эксперимент. Здравствуй!

-

— Это работа Марины?! — поразились Валери Обэр. — Глазам не верю. Да вы просто принцесса, Мари! Надо тоже позволять себе наряжаться, когда не при исполнении. Чем можем вам помочь?

— Да у вас тут оперативный центр! — присвистнула Мари, оценив количество аппаратуры. Телефоны, регистраторы для доступа в архивы, прочая полицейская техника. — Люблю! Неловко спрашивать — у вас, поди, других дел хватает. Помните, я спрашивала про своих школьных друзей? Ну, которых все как-то очень быстро забыли?

Валери в замешательстве посмотрела на Марселину, та развела руками с практически виноватым видом.

— Странно, — Валери подошла к регистратору. — Не помню. У меня всё должно быть записано. Когда это было?

— Десятого июля. Марселина, вас тогда ещё ранили — помните?

— Это помню, — Марселина тоже подошла к регистратору. — Странно, что я не помню остального.

— Да вот же, — указала Мари кончиком ногтя. — Всё записано, как и должно быть.

— Чудеса! — Валери открыла запись инцидента. — Читаю, и ничего не помню, как будто именно это и забыла. Да, и мы остановились на том, что нужно найти родственников. То есть Марселина отправилась к одному из них, он работает в том самом госпитале, и... Марселина, сможешь ещё раз съездить в Венецию?

— Стойте! — Мари остановила уже готовую согласиться Марселину. — Что-то мне не нравится. Вы ведь можете просто позвонить этому родственнику — кстати, чей именно? — и попросить видеосвязь? Мы по крайней мере узнаем, что он помнит. А потом уже можно договариваться о встрече.

— Хорошо, — согласилась Валери. — Возможно, сэкономим время, — она прикоснулась пальцами к регистратору что-то быстро ввела. — Директора центральной клиники Венеции, пожалуйста. Валери Обэр, префектура Парижа. Нет, это не срочно.

Мари принялась грызть ноготь большого пальца, спохватилась, и постаралась принять непринуждённый вид. Не очень получилось; она припомнила, с какими растерянными улыбками родители парней спрашивали, кто они такие, эти Жан, Клод и Мишель. Не

помнили — хотя все три раза Мари стояла у комнаты, в который жил «несуществующий» сын. Вот это было страшно.

— Госпожа Фернье? — Валери улыбнулась. Канал закрытый; никто без соответствующего доступа не видит, с кем говорит полицейский, и не слышит. Вот и сейчас: Мари не видела, с кем говорит Валери, не слышала ответных реплик. Здорово, что они обе соблюдают инструкции, подумала Мари. Я вот не очень-то соблюдала, иногда... — Валери Обэр, префектура Парижа. Нужно уточнение, для архива. Нет, ничего страшного не случилось. Скажите, вам говорит что-нибудь имя Жана Фернье? — Валери поманила Мари к себе, не отводя взгляда от камеры. Мари увидела изображение — несомненно, это мама Жана. Совсем не постарела, надо же!

— Нет, мадемуазель Обэр, — покачала головой госпожа Фернье. — Ничего не говорит, простите. У нас не было такого родственника. Разве что есть однофамилец, но я о таком не слышала.

— Благодарю вас, — Валери улыбнулась. — Вы не будете возражать, если наш сотрудник придёт к вам домой, кое-что уточнить? Это ненадолго. Разумеется, мы можем вызвать вас в участок...

— Конечно, не возражаю, — кивнула госпожа Фернье. — Пусть приходит, в любое удобное для вас время. Я буду рада помочь полиции.

— Благодарю вас, и здравствуйте! — Валери закрыла канал и посмотрела в лицо Мари. Мари походила на восковую фигуру самой себя, побледнела — посерела; губы её дрожали.

— Марселина, воды! — Валери помогла Мари присесть на стул. — Простите, я не думала, что это вас так испугает. Вы точно хотите присутствовать при разговоре с другими двумя?

— Нет, — бесцветно отозвалась Мари, выпив стакан до дна залпом. — Знала бы, и это смотреть не стала. У неё был такой же взгляд, как в тот раз. У них дома, в Париже, если только они не переезжали, прямо и направо, через коридор, комната Жана. Того, которого она не помнит, её сына. Я стояла на пороге той комнаты, расспрашивала её, а она меня как будто не слышала — не отвечала на вопросы о Жане. Сейчас у неё было такое же лицо.

— Мари, — Валери присела рядом. — Вы можете рассказать, что случилось? Почему вы их ищете?

— Вы посмеётесь надо мной, — Мари покачала головой. — А потом, наверное, арестуете. Или отправите в Бедлам.

— Мы поговорим неофициально, — Валери сняла свой жетон полицейского. — Срочных дел на сегодня пока нет. Пройдём, куда укажете, и поговорим. Ни смеяться, ни считать вас сумасшедшей никто не станет. Скажите только одно: есть ли на вашей совести тяжкое преступление? Если есть, мы просто не станем говорить.

— Нет, — Мари помотала головой. — Закон я не нарушаю.

-

Молчаливая обычно Марселина заговорила первой, едва Мари закончила рассказ.

— Как в сказке, — покачала Марселина головой. — Простите, если это вас задевает. У нас записано тринадцать типовых городских легенд, из разных городов, про то, как можно стать дросселем. У детей богатое воображение. То, что вы рассказали, повторяется чаще остальных. Скажите, ту местность, в которой всё это случилось, обследовали?

— Да, — кивнула Мари. — Прочесали терминаторами и полицейскими зондами. Ничего. Ни замка, ни тех волков, ни парней. Они просто исчезли. Полиция нашла мои ленты

на деревьях — я помечала их, чтобы обратно было проще возвращаться — и пришла к выводу, что я потерялась в лесу, перепугалась и всё это выдумала. Странно, что меня даже родители не ругали. Как будто никуда я и не уходила — приходили в больницу, сидели со мной. Даже не удивлялись, как вообще я в больницу попала, что это за странные укусы у меня по всему телу. Потом, уже ближе к учебному году, я сама попробовала поговорить с их родителями. Я видела их комнаты, я ведь у каждого в гостях была. Но родители просто не помнили их.

— Очень странно, — заключила Валери. — Вы дроссель, стали им примерно в указанное время. Я не говорю, что верю каждому вашему слову, но это факты. Всё остальное... мы не можем посмотреть на итоги поиска, записи стёрты — дел о пропаже без вести не было, а материалы, не привязанные к делам, долго не хранят. Но можно организовать поиск в той местности ещё раз, если хотите. Придётся придумать повод, но я что-нибудь придумаю. И мы направим наших сотрудников в каждую из семей, под видом уточнения архивных данных. Вас устроят фото их комнат, если они существуют?

— Устроят, — Мари закрыла глаза. — Хочу убедиться, что я не выдумала их, всех троих. Я опишу, что у кого в комнате, я многое помню.

-

На этот раз передвигаться по «библиотеке» было сложнее: Артёму казалось, что вспышки света происходят чаще. Теперь всё то, что происходит вокруг, снимает аппаратура — если там что-нибудь интересное, сотрудники Марцелла Катона это обнаружат.

Чтобы гироскоп «определился» с координатами, его нужно включить, поставить и не трогать хотя бы минуту. Чем дольше стоит, тем точнее будут данные. В «библиотеке» семьсот двадцать девять «столов» с регистраторами — терминалами, на одном из которых они тогда видели «кино» про Айур. По двенадцать терминалов на каждый стол (по три на каждую сторону квадрата). Провели опыт: кто бы ни прикасался ладонью (в перчатке, естественно) к поверхности терминала, тот включался и показывал одно и то же «кино» про Айур. Промотать «в будущее» не получалось; промотать «в прошлое» удалось достаточно далеко, чтобы увидеть: до людей здесь жили ещё две цивилизации, обе гуманоидные. И всякий раз их разделяла полоса истории, где на планете, помимо биомассы, ничего не было видно. Особо задерживаться в «библиотеке» не стали: оружейник настоял, чтобы следовали по возможности тем же маршрутом, примерно с теми же временными задержками; лучше подождать подольше в убежище Марка Флавия, нежели исследовать новые и, возможно, небезопасные области планеты.

Когда направились к диску, с которого их в тот раз перенесло сразу в убежище Марка Флавия, вспышки света стали происходить чаще. Сейчас на головах у всех защитные шлемы, а в них, помимо прочего, есть очки-фильтры: после вспышки они передают на глаза человека не то, что вокруг, а смоделированный образ — то, что показывают радары, условное изображение. Ничто материальное не приближалось к ним, хотя все потом подтвердили, что было ощущение — стоят в окружении, чувствуется пристальное внимание.

Ну и, разумеется, в каждом шлеме есть «зеркало заднего вида». С ним почти невозможно застать человека врасплох, подкравшись сзади. Только если напасть из мёртвой зоны — из-под пола под ногами. Но на такой случай и обувь снабжена датчиками. Главное — не утратить бдительность.

-

Миранда долго не могла заснуть; и собственный новый наряд, и то, как Марина

преобразила Мари, и то, что она согласилась попробовать силы в новой области ещё на нескольких желающих... это будоражило. Чуть не до полуночи простояла перед мольбертом в студии — работалось так, что часа за три сделала больше, чем за предыдущие пару месяцев. Идеи текли и текли — не отогнать.

Когда часы оповестили о приближении полуночи, Миранда опомнилась. Завтра новый день и много забот: те, кто видели Мари и саму Миранду в новых нарядах, уже выстраивались в очередь — у Марины много новых дел завтра, а, значит, и у остальных — новые заботы. Лилия всецело занялась ювелирными вопросами; Арлетт не покидала кухню, и всё больше домочадцев с восторгом рассказывали о дегустации её произведений. Поверила в себя, подумала Миранда. Что такого недостойного в профессии кондитера? Я вот — художник, и ничего, не стыжусь. Хотя... зачем-то же стала медсестрой, получила воинское звание, участвовала в подлинных военных операциях. Зачем, спрашивается? Тоже не могла в себя поверить?

Ладно, завтра. Всё завтра. Уснуть удалось почти сразу же.

...Миранда поняла, что стоит — как в тот раз, в домашнем облачении — в той самой «библиотеке», в квадрате двадцать семь на двадцать семь возвышений. Там был Ортем, неподалёку, в своей чёрной походной одежде, а рядом...

Рядом с ним толпились безликие, белёсые фигуры, числом семь. Стояли вокруг, не мешали Ортему двигаться, но всё время держали его в оцеплении. Вспыхнул свет, и Миранда, по привычке, зажмурилась. Потом пришло осознание: сон? Точно, сон! Приоткрыла глаза: эти семеро куда-то делись; Ортем стоит, закрыв глаза, не шевелится; а по проходам, по-над полом, проносятся на большой скорости призрачные фигуры. Они обтекали замершего Ортема, словно тот оказался простой неровностью рельефа. Свет погас — Миранда успела понять, что исходит он сверху — и успела заметить, что фигуры тают, пропадают, а те семеро растут, возникают из ниоткуда, и вот-вот окружают Ортема.

«Беги!», крикнула Миранда мысленно. Хотела крикнуть по-настоящему, но звука не услышала. Зато, похоже, услышали те семеро — повернулись к ней и заскользили в её сторону. Миранда судорожно сглотнула, оглянулась — есть, куда отступить — и уже совсем собралась бежать сама, когда поняла, что позади неё стоит «зомби». Откуда взялся — непонятно, секунду назад его не было. Миранда с трудом отвела взгляд от его жуткого лица, повернулась в другую сторону, чтобы побежать со всех ног, и тут снова вспыхнул яркий свет.

-

Миранду словно выбросило из сна — оглушительно билось сердце, перед глазами ещё остывали пятна от недавней вспышки, а вокруг...

Вокруг толпилась нечисть. Всё, что только доводилось видеть — «зомби», «титаны», «пауки», крылатые многолапые «демоны», «кроты» — как только комната вместила? Миранда заставила себя отвести взгляд, чувствуя, что сердце бьётся — вот-вот из груди вырвется. Запомнила, где рядом с кроватью есть относительно свободное место, теперь туда — и наружу, и поднимать тревогу. Почему датчики не сработали?! Главное — чтобы не поймали «титаны» или «демоны», эти попросту разорвут в клочья, и кремировать нечего будет. Только не эти! Миранда спрыгнула, поскользнулась на влажном от слизи полу, и не выдержала, закричала.

Понимая, что сейчас её начнут есть заживо, разрывать на куски, она всё равно пыталась добраться хотя бы до тревожной кнопки, предупредить остальных, пока можно. И ощутила, что её держат за плечи и голос, знакомый и невозможный сейчас голос — голос Мари Фурье

— кричит ей «Смейся! Постарайся рассмеяться!» Сама не понимая, как ей это удалось, Миранда рассмеялась — скрипучим, скрежещущим хохотом.

Тьма накатила — ненадолго. Миранда открыла глаза, и осознала, что в комнате нет никакой нечисти, зато и впрямь есть Мари — в халате, сидит рядом на полу, держит её за плечи — а рядом стоят доктор Ливси, побледневшая Лилия, Марина и Валери Обэр.

— Дайте руку, — доктор быстро сделал укол. Современные уколы давно уже безболезненные, но всё равно хочется дёрнуться. — Ничего особенного, это чтобы успокоиться. Мари, с вами всё хорошо?

— Со мной — да, — Мари продолжала придерживать Миранду за плечи.

— Я вызываю «Скорую», и — ко мне, в клинику. Если госпожа Красс не сможет идти сама — просьба отнести, носилки за дверь.

— Смогу, — Миранда прижала ладонь к груди, ощущая, как сердцебиение возвращается в норму. — Просто сон. Это был дурной сон.

— Я поеду с тобой, — Мари помогла Миранде подняться на ноги. — Возражения не принимаются. Лилия, если не трудно — не переживай, ладно? Всё обойдётся. И не позволяй Марине переживать.

-

...Доктор провёл все анализы, остался в целом доволен, и оставил пациенток одних — когда стало ясно, что Мари в норме, а чуть что — позовёт на помощь.

— Почему ты сказала рассмеяться? — Миранда лежала на кушетке, чувствуя себя уже совсем хорошо. Мари, в своей обычной чёрной спортивной одежде, сидела рядом.

— Потому что я знаю, что тебе примерещилось. Нечисть, верно? Стоит вокруг, не позволяет уйти. Если ещё когда-нибудь такое примерещится, закрой глаза и постарайся рассмеяться. Всегда помогает.

— С тобой такое тоже бывало?

Мари кивнула.

— А тебе часто эта пакость снится? — спросила она, взяв Миранду за руку.

— Мне другое снилось, — Миранда уселась, вопреки протестам Мари. — Уже всё нормально. Мне» библиотека» снилась. Помнишь, где мы втроём были, где свет вспыхивал?

Мари посмотрела на неё, словно не видя в упор.

— Подожди-ка, — она сходила к столу и взяла оттуда пару листов бумаги и карандаши. — Сможешь записать? Запиши, что именно снилось.

— Так тебе тоже...

Мари помотала головой.

— Не скажу. Просто запиши. Потом прочитаем записи друг дружки, хорошо? — и вручила Миранде книгу, взятую со стола — подложить под лист.

...Мари озадаченно посмотрела на Миранду, увидела в ответ столь же озадаченный взгляд.

— Почти то же, что и я видела. Почти теми же словами. То есть мы что — видели его в «библиотеке»? Я знаю, что сейчас в его охране семеро.

— И один из них чем-то отличается от остальных, — напомнила Миранда. — Выглядело так, словно он смотрел вокруг, когда было сказано не смотреть. Надо сказать его руководству.

— Не смейся, — Мари нахмурилась. — Я уже знаю, что тебе ответят. Вы же понимаете, что не можете знать наверняка. С ним надёжная охрана, они сделают всё, что можно, для его

защиты. Что-нибудь такое. Потом доктор пропишет тебе капельки, чтобы спалось лучше, и всё.

— Что тогда, ничего не делать?

— Скажем оружейнику, — Мари почесала затылок. — Конфиденциально. Если и он не поверит, и ничего не предложит, тогда — только надеяться и ждать.

— Плетёте нити заговора? — добродушно осведомился доктор Ливси. Не забыл постучаться, и только после ответа изнутри вошёл. — Я ведь за сто шагов чувствую, когда склоняют моё имя.

— Мы вас склоняем исключительно в благодарном падеже, — Мари приняла обиженный вид. — Что теперь, доктор? Что вы нам теперь пропишете?

— Покой и хорошее настроение. К слову, мадам Фурье, почему вы посоветовали рассмеяться? У меня такого в фольклоре дресселей не записано. Сэр Ортем упоминал что-то похожее, но я счёл это случайным событием. Не поясните?

Мари вздохнула.

— Если два дресселя засыпают рядом, то ночью им практически всегда примерещится, что в комнате полно нечисти. Нужно рассмеяться, тогда галлюцинация прекратится.

— «Засыпают рядом», — пробормотал доктор, набирая текст. — Понятно.

— Не думаю. Это в буквальном смысле: когда глазки закрываешь — и спишь. Всё прочее необязательно.

— Постой, а я при чём? — удивилась Миранда. — Я что — теперь...

— Не знаю. Надеюсь, что нет, — сухо перебила её Мари. — Мне это помогало — и тебе помогло. Доктор, так вы что — все байки про нас записываете?

— Ну а как же. Никто больше их всерьёз не принимает. Нельзя же позволить такому материалу сгинуть! Всё-всё, вам теперь надо отоспаться. Можете у меня тут устроиться — сами видите, удобно и тихо. Могу домой отвезти, или в обычную палату проводить.

— Только не в палату, — содрогнулась Мари. — Одного раза мне хватило. А можно здесь, да?

— В соседней комнате, — доктор указал на дверь. — Комната специально для этого — если приходится работать круглые сутки, там можно хоть немного отоспаться. Маленький такой гостиничный номер.

— Идёт! Только меня не будить, — заявила Мари, — пока сама не проснусь. Миранда, ты?

— Тоже здесь, — решила Миранда. — Домой не хочу, страшно. В больницу тоже не хочу.

-

С собой у Артёма и его охраны, она же исследовательская команда, было несколько зондов полицейского типа: упор на маскировку и живучесть, минимум электромагнитного излучения. Зонды облетели «библиотеку» и обнаружили ровно два диска — портала, как их теперь называли в разговоре; в комнате было семьсот двадцать девять «столов» — квадратных возвышений, каждое из которых поднималось на пятьдесят три сантиметра от пола. Причём это не столы в подлинном смысле: пустого пространства под ними нет, сесть — если отыскать стул — придётся боком к столу. Материал пола и стола один и тот же, зонды уже провели спектральный анализ, испарив крохотные участки и того, и другого. И те же зонды отметили, что «травмы» — крохотные участки, где материал испарён — сами собой залечились, затянулись за несколько секунд. И при этом — практически никаких

электромагнитных полей!

Потолок отстоял от пола на восемнадцать метров, именно он вспыхивал время от времени. Зонды не нашли никаких светильников: потолок, по материалу и итогам сканирования не отличался от стен и пола. Что служит источником света, неясно. В общем, набрали много данных на радость исследователям там, на Айуре.

Двух участников команды в этот раз заменили: того, кто получил тяжёлые травмы в бою с Органистом — по словам доктора, уволен на месяц для поправки здоровья — и ещё одного бойца заменили сотрудником исследовательского отдела — специалистом по технологиям.

В «библиотеке» их команда задержалась дольше предписанного срока, а потом «портал» перенёс их в новую локацию. Ту, которую Марк Флавий обозначил как «затерянная комната». На вид — гостиничный номер на первом этаже, за окнами видна примерно та же полупустыня, что и на «Диком Западе». А за дверью — коридор, тянувшийся в обе стороны, куда хватало взгляда. И записки Марка Флавия категорически предписывали не отправляться в путешествие по коридору, если жизнь дорога.

-

В «гостиничном номере» в клинике оказалось четыре места, крохотная кухня — смотри-ка, запасы чая и кофе — неплохо живут сотрудники! — и, естественно, места общего пользования. Мари, как и у себя дома, попросту сняла всю одежду и залезла под одеяло. Ночную рубашку — а этого добра в шкафах хватает, все одноразовые — как и положено — принципиально надевать не стала. Помедлив, Миранда последовала её примеру. Не хотелось надевать ничего больничного. А постельное бельё здесь и так положено уничтожать после использования, новое всякий раз берут из репликаторов.

Минут пять обе лежали и ворочались. Только что хотелось спать, сил не было — и на тебе, сна ни в одном глазу.

— Почему ты сказала «надеюсь, что нет»? — спросила Миранда.

— Ты не захочешь стать дросселем.

— Откуда знаешь?

Мари уселась в постели. Уселась и Миранда, глядя Мари в глаза. Та махнула рукой, прибавляя освещение ночника.

— Я знаю, где замок. Уверена, что он существует, и что я его снова найду. Полнолуние через четыре дня. Поднимешься на башню? Правда, потом придётся от волков отбиваться, но тут я уже могу помочь.

Миранда засмеялась, и отрицательно покачала головой. Мари улыбнулась в ответ, и снова улеглась.

— Но что-то с тобой случилось, если начала видеть этих пугал. Не подскажешь, в доме никто больше их не видит?

— Не слышала. Думаешь, есть ещё дроссели? — удивилась Миранда.

— Я не удивлюсь. В конце концов, у Ингир сводный брат — дроссель. Вот кто скажет после этого, что нас пять десятков на всю планету?

— Так мало?!

— Так много. Были времена, когда было меньше десяти. Это секретная информация, если что — извини, забыла предупредить.

— Всё хотела спросить. У тебя та одежда, чёрная с металлическими заклёпками, вся порезанная. Зачем тебе порванная одежда?

— Впечатление производить. Вначале смотрят на порезы на одежде, потом на порезы

на мне. Простой способ заполучить мужчину, если что.

— На тебе нет порезов, — возразила Миранда.

— Да иди ты! — Мари вновь уселась, посмотрела на свою правую руку... хмыкнула, посмотрела на левую. Потом на грудь и живот.

— Ничего не понимаю! — она посмотрела в глаза Миранде. — Глянь, что у меня на спине и... в общем, сзади.

Миранда включила верхнее освещение и осмотрела Мари, лежащую на животе.

— На затылке мелкие такие точки, — сказала она, наконец. — Ну, те самые, ты рассказывала. И всё. Всё остальное — чистое и гладкое. Ни шрама, ни царапины.

Мари медленно уселась, ещё раз осмотрела обе руки.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Куда всё делось? Врачи не трогали, специально просила не убирать. И как я теперь хвастаться буду?

— Перед кем? — Миранда посмотрела ей в глаза, и обе рассмеялись.

— Ладно, обойдусь, — заключила Мари. — Я уже не хочу спать. Сколько там, на часах?

— Половина четвёртого. Странно, я тоже не хочу. Никогда такой бодрой не была!

— Тогда чего мы тут разлеглись? Я звоню оружейнику, да?

Миранда кивнула, и принялась собирать постельное бельё — кругом инструкции, куда что девать, перед тем, как покинуть комнату.

— Постой, а вдруг он спит! — спохватилась Миранда и поняла, по жесту Мари, что если и спал — уже не спит.

— Господин Марцелл? Это Мари Фурье. Извините, если разбудила. Не спится? Нам вот тоже. Есть информация, возможно — очень важная. Мы с Мирандой хотели бы с вами поговорить. Да. Да хоть сейчас. Поняла, будем! Здравствуйте!

— Он оставит пропуски на входе, — пояснила Мари. — Ну что, пошли?

-

Артём посмотрел на часы. Предполагаем, что время внутри «локации М» течёт равномерно, что нет перепадов — а если так, то вполне можно потратить час-другой на исследование этой «гостиницы». В записях Марка Флавия упоминается четыре различных маршрута, которыми его перебрасывало отсюда, и самый длинный — четыре перемещения, прежде чем его заносит в его убежище. И именно там нужно сделать основные исследования и замеры. Не отправляйте зонды вниз, предупредил Марцелл Катон. Не стоит привлекать внимание всего того, что там, внизу. Если насчёт форм нежити ещё можно предположить, что вас не тронут, то относительно тамошних машин такой уверенности нет.

Зонд, отправленный влево по коридору, пролетел десять стадий, прежде чем навстречу ему начали двигаться волны вспышек — примерно такие же, как в библиотеке. Один из его команды — Джон Форбс, заменивший раненого в предыдущей экспедиции, попал под серию вспышек в «библиотеке» — зачем-то снял очки невовремя, или случайно отключил их фильтры, Артём толком не понял. Вроде бы обошлось, но Джон признал, что было страшно: после каждой вспышки перед глазами появлялись странные, неприятные картины. Джона просканировали — ничего опасного не отыскали.

И вот теперь похожие вспышки накатывали на зонд — часто, примерно каждые десять секунд. Защитная система? Чтобы не вздумали уходить, куда не просят? Так или иначе, зонду дали команду вернуться и направиться в противоположном направлении.

Там его постигла ровно та же напасть: серии вспышек, которые постепенно стали одной сплошной волной. Человеку в таких условиях можно передвигаться или наощупь, что по

понятной причине неприемлемо, либо с использованием «чудо-очков», воспроизводящих окружающее пространство, не пропуская при этом ни кванта освещения снаружи. Любопытно, а у Марка Флавия такие были?

Когда стало понятно, что зонд не опускается — хотя кривизна планеты уже должна была вынудить его опуститься по отношению к точке запуска — его вернули. На расстоянии в десять стадий от входа — выхода? — вспышки прекратились совершенно. В записях Марка Флавия говорилось: идти так, чтобы ничего не видеть и не слышать. Звуки зонд записывал, но не передавал — пусть их вначале изучат техники.

— Как он тут с ума не сошёл, — покачал головой Артём, когда зонд вернулся. — Это мы с техникой, и то страшно.

— Музыка, сэр, — напомнил командир группы. — Почти на каждой странице у него: слушайте музыку, это помогает. Ваш проигрыватель исправен?

Исправен. И они, действительно, почти всё время слушают музыку, надев шлемы — почти полностью изолирующие их от окружающего мира. Зрительное восприятие создают — заменяют — очки, а звуки или фильтруются, обозначаются только и исключительно уровнем громкости и азимутом — или пропускаются как есть, по выбору.

-

Оружейник выслушал рассказ и прочитал оба листа с описанием сновидения, не моргнув и глазом. Предложил присесть за стол и приготовил чай. В следующий раз надо что-нибудь от Арлетт принести, подумала Миранда. Раз уж он так чай любит.

— Допускаю, что такое возможно, — сказал он, наконец. — Несомненно, есть устойчивый коридор между «локацией М» и Айуром. По мне, хорошо бы научиться его закрывать. Пока есть вероятность, что по нему могут пройти не только люди, мы в опасности.

— А наладить связь туда пробовали? — поинтересовалась Мари. — Ну, не знаю — как под землёй, когда расставляют станции связи, чтобы можно было по радио общаться с поверхностью даже на большой глубине. В шахтах же такое работает.

— Это часть миссии, — подтвердил Марцелл Катон. — Команда оставляет по дороге ретрансляторы. В них никакой информации, которая указала бы на их происхождение; если их повредить или попытаться сменить программу — самоуничтожатся. Если удастся передать сигнал сквозь те «диски», порталы — возможно, сумеем поддерживать прямую связь с командой прямо отсюда. Пока что это в разработке.

— У вас всё схвачено! — с уважением покачала головой Мари. — Люблю. Скажите, а что, если кто-нибудь из его команды, не знаю, сойдёт с ума, будет заражён и всё такое?

— Меры приняты, — успокоил её оружейник. — Рассказывать не имею права. Скажу только, что перед тем, как их отправить, мы старались моделировать все ситуации, которые могли придумать, и искали варианты действий для каждой. Благодарю за ваше сообщение, мы предпримем дополнительные меры предосторожности, когда будем встречать их.

— А где они могут появиться? Или тоже секрет? — Мари посмотрела на карту на экране стоящего рядом регистратора.

— В одной из этих девяти точек, — указал оружейник. — Восемь вокруг Рима, девятая — в Колизее. Марк Флавий появлялся в одной из них. Пока что эта закономерность выполнялась. Прошу извинить, через полчаса у меня доклад. Если необходимо, звоните в любое время суток.

-

Миранду выбросило из сна. Всё, как вчера — только без нечисти вокруг. И сердце бьётся — не так часто, как вчера, но тоже неприятно. И ощущение пристального чужого взгляда.

День был — сплошь заботы. Миранда ощутила разницу: быть секретарём Марины — назначать ей встречи и прочие занятия, напоминать, если нужно (а Марине почти никогда не нужно) о предстоящих делах — и самой вести большую часть этих дел.

Нет, ну в самом деле, когда она успевает? Хорошо ещё, Мари предложила свою «неквалифицированную», как она выразилась, помощь — иначе бы совсем голова кругом пошла. Миранда добралась до постели в одиннадцатом часу и — свалилась. А через два с половиной часа подскочила. Неприятное, неотступное ощущение внимания, цепкого и недоброго.

— Кто здесь? — задала Миранда глупый вопрос. Никого, никто не отозвался. Я начинаю бояться спать одна, подумала Миранда. Кому скажешь — засмеют. Она быстро переделалась в домашнюю одежду — в дневную, если можно так сказать — и вышла в коридор. Не особо понимая, почему, направилась на кухню.

Там она увидела Мари. В чёрном (кто бы сомневался) халате. Сидела и мрачно пила свою любимую минеральную воду.

— И тебе не спится, — заключила Мари. — В точности, как у доктора — проснулась и поняла, что не могу заснуть. И бодрая. И на часах четверть второго ночи, просто прелесть. Вот, сижу, может снова спать захочется.

Послышался шорох — у двери. Они обе обернулись — чтобы увидеть, как на пороге возникает, из пустоты, Лилия. В ночной рубашке, с видеокамерой в руках и глазами, открытыми на пол-лица. И вид такой, словно только чудом спаслась от жуткой смерти.

Миранда выронила стакан с соком, но Мари сумела поймать его — да так, что ни капли не пролилось.

— Держи, — вручила она стакан Миранде. — Не выронишь больше? Отлично. Идём, — она взяла Лилию за руку. — Миранда, твоя комната ближе — может, там и поговорим? Я так и думала, что есть ещё дроссели.

-

Лилия, с неживым лицом царевны Несмеяны, глядела куда-то в пространство, пока Мари пересказывала, вкратце, как она стала дросселем.

— Теперь ты, — она взяла Лилию за руку. — Чёрт, да она сейчас в обморок грохнется. Рассказывай. Что случилось, почему камера в руках.

Лилия словно очнулась — отвела взгляд, всё это время прикованный к неизвестной точке пространства, и молча протянула камеру. Мари включила воспроизведение последней записи.

Похоже, часть комнаты, поодаль от кровати, освещена — непонятно, чем, просто ярко освещённая часть комнаты, а ведь верхний свет выключен. Затем на полу нарисовался тот самый круг, с меньшим кругом посередине, и... пополз в сторону камеры — в сторону Лилии. Бодро пополз, со скоростью идущего человека. Потом вспышка, и через долю секунды видны — пока ещё стоящие спиной — Миранда и Мари. Съёмка завершилась на моменте, когда Миранда разжала пальцы, и стакан полетел к полу.

— Подожди, — Мари отмотала воспроизведение, уменьшила скорость и увеличила контраст. — Смотрите!

При таком воспроизведении видно было, что по-над кругом, проявляясь на время

прохождения над ним, и исчезая за его границами, возникают человеческие — или похожие на человеческие — силуэты. Прозрачные, едва различимые контуры.

— Весело живём, — подвела итоги Мари. — Ты тоже поднималась на башню? — она посмотрела в глаза Лилии, на лицо которой вернулось живое и осмысленное выражение. — Рассказывай. Здесь все свои, что толку отпираться. Ты дроссель, верно? Но незарегистрированный.

— Я была им только два дня, — возразила Лилия и рассказала, вкратце, всё то, что рассказывала Артёму. Ну, почти всё. Удалось не разрыдаться, на этот раз.

— Весело живём, — повторила Мари, и прошла по комнате, взад-вперёд. — Понятно, почему не пошла регистрироваться. Мне вот тоже запрещают скользить, так уже выть от тоски охота. Вопрос, откуда этот милый круг взялся. Так, говоришь, вы нашли ту пещеру?

— Её больше нет. Нет того места, где было каменное возвышение, — терпеливо повторила Лилия, и слёзы навернулись на её глаза. — Но мы с Августом там были.

— Почему все взрослые такие идиоты? — спросила Мари пространство, и Миранда... расхохоталась. В итоге Лилия к ней тоже присоединилась. — Нет, но я серьёзно, — добавила Мари, немного успокоившись. — Почему никогда не верят детям, которые рассказывают чистую правду? Мне не поверили. Хватило ума не настаивать, чтобы в Бедлам не загреметь. Но если я не путаю, это ровно такой же круг, который мы видели... — она встретила взглядом с Мирандой, и та кивнула. — В одном очень странном месте, про которое нам запретили рассказывать. Ладно. Давай по порядку. Кто ещё знает, что ты была дросселем? Он знает?

Лилия кивнула.

— Глупый вопрос. Конечно, знает, вы же были вместе, — Мари не без удовольствия отметила, что Лилия, пусть ненадолго, но смутилась. — Кто-нибудь ещё?

— Сэр Тиберий Москат может догадываться. Вряд ли он знает наверняка, но, пока Юлий был жив, постоянно намекал и приставал со странными вопросами.

— Понятно. Извини за тон, полицейские привычки. Стоп! Всем замереть! — Мари сама замерла, стоя посреди комнаты. — Отойдите от кровати!

Лилия бросилась к Мари, Миранда, стоявшая по другую её сторону, собралась было броситься следом, но...

Диск — одни лишь контуры, словно обозначенный светящейся краской — выполз из-под кровати и потёк в сторону Мари и Лилии.

— Мы будем у меня! — Лилия пережила ощущение краткого, но сильного головокружения, когда Мари схватила её за руку — и вот они уже стоят в комнате Мари.

— Следи за полом! — приказала Мари, жестом включив свет, сбросила свой халат на кровать и, бросившись к шкафу, достала оттуда вешалку с одеждой и рюкзак. — Смотри вокруг!

— Он здесь! — позвала Лилия, отступая к Мари. — Мари, он здесь!

— Слышу! — Мари только и успела, что надеть штаны; всучила Лилии свой рюкзак, взяла ту за руку...

...и обе возникли в комнате у Лилии.

— Бери одежду! — приказала Мари, забирая у Лилии свой рюкзак. — Надо покинуть дом. Он, похоже, за тобой охотится. Сейчас уберёмся из дома, чтобы других не подставлять, там подумаем. Миранда, ты где? У тебя чисто?

— Чисто, — отозвалась Миранда по телефону. — Я уже оделась. Поднимать тревогу?

— Хотя один диск... чёрт! Мы в столовую!

Мари перенесла их обеих в столовую... и поняла, что их перехитрили, если можно так сказать. К центру комнаты, в который она перенеслась, уже ползло со всех сторон шесть дисков.

— Держи меня за руку! — Мари подхватила рюкзак, выскользнувший из руки. — Держи! Зажмурься!

Миранда, уже бежавшая, вместе с охраной, в столовую, успела заметить, как шесть дисков стремительно скользнули под ноги замерших Мари и Лилии, сливаясь в один, непереносимо ярко вспыхнуло... и нет никакого диска.

Вместе с ними исчезли Мари и Лилия.

— Марина, — Миранда опустила на стул, стараясь успокоиться, унять сердцебиение. — Это важно. Извини, что разбудила. Спустись в столовую, пожалуйста.

-

Лилия широко раскрытыми глазами рассматривала интерьер собора. К огромному облегчению Мари, внутри, кроме них двоих, никого не было. Мари осторожно опустила свой рюкзак на пол и жестом показала — молчи! Лилия кивнула. В жизни не чувствовала себя так по-идиотски, подумала Мари, и продолжила одеваться. Весело они выглядят — Лилия в ночной рубашке, сама Мари, голая по пояс — в одних штанах. К тому же ещё и босиком, домашние туфли потерялись по дороге. Но есть ботинки — и Лилия успела схватить свои.

Минуты через три, когда обе оделись и сложили всё прочее в рюкзак, Мари отыскала взглядом круг, в центр которого их «доставили», и жестом же показала: сюда, и стой здесь. Лилия не забыла прихватить свою камеру — и, замерев внутри круга, держа Мари за руку, включила запись, обвела объективом всё вокруг.

Ждать долго не пришлось. Вспышка... и вот они уже стоят на пустынной улице, и ряды домов, и кустики перекати-поля... словом, в том самом месте.

— Полчаса у нас есть, — заметила Мари. — Идём, прогуляемся. Нам вода нужна.

— Это то самое место, на которое ты намекала? — Лилия обрела дар речи.

— Точно так. Если не будем дёргаться, можно добраться до безопасного места. Там и подождём.

— Кого? — Лилия послушно пошла следом, не переставая оглядываться и обводить всё объективом камеры.

— Угадай с трёх раз. Я помню, как он выводил нас оттуда — попробую сама вывести, но без гарантии, сама понимаешь. Возможно, придётся там ждать. Может быть, долго. Один человек, который был здесь до нас, сидел там иногда месяцами.

Лилия кивнула. Хорошо держится, подумала Мари, люблю! Я-то думала, сейчас начнутся истерики и обмороки. Теперь верю, что они с братом нашли тот лабиринт, прошли его и сумели вернуться. По легенде, там очень страшно.

— А теперь главный вопрос, — Мари посмотрела ей в глаза. — Роды принимать умеешь, если что? Нет? Тогда будешь учиться, пока есть время.

-

В убежище Марка Флавия Артём и его команда провели почти восемнадцать часов. Вначале отсыпались; предыдущие походы отняли изрядно сил. Пусть сила притяжения не так уж и велика, устали все. После того, как гирокомпас снял координаты комнаты Марка Флавия, Артём занялся репликатором. Вставил кассету — ту, что передал оружейник, и первым делом вынул, по очереди, карты памяти из оборудования, сделал копии. Буквально:

репликатор умеет делать точную копию предмета, а также запоминать образ предмета — и копировать уже без образца.

Привычка: если есть мало-мальски важные данные, нужно делать хотя бы по одной резервной копии. Так и живём, подумал Артём. Первый комплект копий передал командиру группы — он дежурил, остальные бойцы спали. Всем отоспаться, был приказ, и только потом продолжать миссию.

Следующей частью миссии является подняться так высоко по спиральному спуску, как получится — проверить утверждение Марка Флавия, что до поверхности тут не более десяти стадий. Правда, если «с той стороны» действительно чёрная дыра, стоит ли рисковать и выходить наружу? На этот случай у них несколько зондов разведки, напоминающих терминаторы — и собственно терминаторы. Самая тяжёлая часть снаряжения.

Подъём не занял много времени в состоянии скольжения. Где-то на середине пути есть боковой проход, чёрный коридор, оканчивающийся тупиком — путь домой. Его прошли и провели все замеры в первую очередь — а потом, вернувшись к постепенно расширяющемуся конусу в скалах, принялись подниматься.

«Потолок» обнаружился на расстоянии примерно десяти стадий от «дна». Выглядело это, как гладкая, зеркальная на вид чёрная поверхность. При приближении к ней приборы отмечали постепенное понижение притяжения, а поблизости, когда до «потолка» было уже рукой подать, идти стало и вовсе трудно — даже небольшое мускульное усилие приводило к тому, что человек отрывался от поверхности и очень медленно возвращался назад. От «потолка» тянуло жаром — похоже, горячий, но вот насколько — нужно выяснять.

Боец-доброволец надел перчатку и выставил свой костюм-скафандр в режим полной изоляции; его, привязанного к тросу, отправили вверх, к «потолку», проверить «потолок» датчиками.

— Материал отражает лазерный луч, поглощает плазму, — доложил боец, — взять пробы не получается. Температура поверхности девятьсот тридцать три по Кельвину. Попробую приложить ладонь. — Естественно, не голую ладонь; в скафандре можно относительно комфортно чувствовать себя, даже погрузившись в лаву.

— Рука словно прилипла, — отметил боец. — Отвести не получается. Попробуйте потянуть на себя.

Его потянули — и не без усилий, но удалось оторвать ладонь от поверхности, не причинив человеку травмы. И, едва ладонь потеряла сцепление с «потолком»...

Показалось, что он исчез. Стал прозрачным, протаял, раздвинулся — все эти выражения годились, всем показалось по-своему. То, что открылось по ту сторону, пришло мощной вспышкой и настолько ошеломило, что все до одного испытали сильнейшее головокружение; хорошо, трос не только руками держали — иначе улететь бы добровольцу назад, к «потолку», или что там теперь было. Доля секунды — и «потолок» вновь стал непрозрачным.

Пробовали полетать рядом с ним зондами — но на расстоянии около метра от поверхности зонды начинали терять управление; обошли «потолок» на расстоянии примерно десяти метров — одна и та же зеркальная поверхность, и такие же, пока непонятные, перепады силы притяжения.

Осматривать стоящую на «дне» нечисть не приказывали. Наоборот, приказывали не спускаться, не привлекать внимания «нечисти»: радиомолчание, при необходимости связи — только шифрованный, замаскированный под «шум эфира» канал малой мощности.

Естественно, не стрелять и не шуметь без особой необходимостью.

Группа спустилась к развилке — коридору, выводящему на Айур. По дороге к нему других ответвлений не наблюдалось; а спускаться вниз не стали, следуя инструкции.

— Вы устали, сэр Ортем? — спросил командир. Устал — это ещё мягко сказано, подумал Артём. Словно упражнялся двухпудовой гирей последние полчаса, без остановки. Откуда это — из-за «потолка»? До него такого вроде не было. Жуткое место, и жуткие, нечеловеческие вещи!

— Возвращаемся в убежище, — принял решение командир. — Сержант Брайан, с вами всё в порядке?

Сержант Брайан — тот самый новый участник группы, у которого засбоила маска там, в «библиотеке». С тех пор ничего странного с ним не происходило, всех бойцов время от времени сканировали — помимо того, что датчики на костюмах сканируют людей каждые несколько минут на предмет контроллеров и прочих опасных объектов.

— Голова кружится, сэр, — сержант уселся на пол, протянул руку — ему сделали укол. — Благодарю, сэр. Уже проходит.

— Как только он сможет идти — возвращаемся в убежище, — сказал командир. Артём кивнул, и сам уселся на гладкий каменный пол. Не отполирован до блеска, но гладкий — ни выбоины, ни трещинки. Поразительно!

-

— Кроватей было три, — отметила Мари. — А сейчас пять. Получается, они здесь уже были.

— Ушли домой? — Лилия, похоже, потеряла способность удивляться, несла ту самую — такую же — флягу с водой. Рюкзак Мари набит «трофеями» — собрали разные предметы по ходу движения, а пластиковые полицейские пакеты для сбора улики изолируют ничуть не хуже, нежели то, что оружейник выдал в предыдущий раз. Может, точно такие же пакеты, кто знает, где их на самом деле производят. Просто так в репликаторе такое не получить.

Мари кивнула.

— Туалетом пользовались последний раз два с половиной часа назад, — пояснила она. — Ну, два часа, тридцать три минуты и сорок секунд, если нужна точность. Думаю, они уже ушли домой. Минутку, переключи рацию в безопасный режим.

— Зачем? — удивилась Лилия. — Ах, да. Нечисть рядом, всё поняла. Переключила.

— Сейчас опрошу... слушай, кто-то есть! Кто-то в эфире! Идти сможешь? Или надо отдохнуть? Нужно дверь открыть — похоже, она глушит сигналы.

— Смогу, — Лилия не без труда встала. — Не хочу оставаться здесь, если можно уйти.

-

Артём чуть не подпрыгнул, услышав голос Мари. Не зря, не зря они расставляли ретрансляторы — вот она, польза.

— Мы прибыли в убежище восемь минут назад, — услышал он. — Подробности лично. Если вы собираетесь возвращаться, дождитесь нас.

— Мари, не вздумай скользить!

— Что, есть варианты? Тут нет дилижансов, никакого другого транспорта.

— Мы заберём вас, — твёрдо сказал Артём. — Оставайся на связи. Мари Фурье и Лилия. Карту сейчас в убежище, внизу, — сказал он командиру группы. — Необходимо забрать их и возвращаться.

Командир кивнул.

— Построение! Сержант Брайан... Сэр Ортем, ваш рюкзак!

Рюкзак сам собой отстегнулся, упал под ноги Артёму. Звонкий щелчок — рюкзак включил режим высшей защиты.

— «Граната на боевом взводе», — сказал рюкзак голосом оружейника. — «Минимальное безопасное расстояние...»

Артём уже «разгонялся» — подхватил рюкзак, «скользнул» вверх по спиральному подъёму, сколько успел за секунду, бросил рюкзак и вернулся к группе.

Ни звука, ни вспышки. Получается, рюкзак сумел противостоять взрыву гранаты?! Два датчика телеметрии прекратили посылать сигналы — и это было всё. Содержимое рюкзака уничтожено, сомнений нет.

— Сэр, сержант Брайан движется вниз, к убежищу! — доложил другой «новенький», сержант Кальвис. — Скорость двести пять, контакт с гражданскими через три минуты, сэр!

— Мари, Лилия, в убежище, запереть вход изнутри! К вам движется вооружённый человек! Сэр Марк, вы можете дистанционно обезвредить его вооружение? — спросил Артём, встретившись взглядом с командиром отряда.

— Так точно, сэр, уже сделано.

— Нужно перехватить его, забрать гражданских и возвращаться, — Артём огляделся. Все готовы, стоят рядом. — По возможности, догнать и поймать сержанта Брайана, взять с собой.

-

Сержант Брайан не скользил, просто бежал, но с потрясающей скоростью. Догнать его получилось примерно за две стадии до двери в убежище. Пули из пистолета Артёма сбили Брайана с ног — чуть не вывалился вниз, на головы нечисти — но он немедленно вскочил на ноги и бросился на Артёма и его команду.

Артём поставил световой режим на непрерывный обстрел — пистолет отправлял пятьдесят импульсов в секунду; обычному человеку хватило бы и одного, чтобы упасть без сознания. Сержант Брайан не бежал, шёл медленно-медленно, но шёл! Не отводил взгляда, не прикрывал лицо рукой!

Мари возникла рядом с ним — как давеча в Париже, возле охота с булавой. Лицо сержанта Брайана стало чёрной маской — он поднял руку, чтобы сорвать её, но Мари набросила очередной кляп. И ещё один. Времени хватило, чтобы выстрелить в сержанта успокоительным. Вот оно подействовало почти сразу.

Связали его таким же страховочным тросом. Мари за это время успела привести Лилию.

— Сэр, движение внизу, — доложил сержант Кальвис. — Группа нечисти, состав пока не вижу, поднимается в нашем направлении.

— Быстро его на носилки — отправляемся! Госпожа Карту, госпожа Фурье, возьмите кого-нибудь за руки.

— Сэр, в группе нечисти восемнадцать «титанов», шесть «демонов» и четыре неопознанных единицы. Если остановимся, контакт через девяносто секунд, — доложил сержант Кальвис, когда все уже «скользили» к выходу.

— Действуем по плану «Вулкан», — объявил командир группы. — Сэр Ортем, остановитесь, как только войдём в тоннель с выходом наружу, мы установим заряды, обрушим проход.

— Контакт через сто десять секунд, — доложил сержант Кальвис, когда двое бойцов, взяв мины, бросились назад, ко входу в туннель. — «Демоны» перешли в полёт, контакт с

ними через тридцать пять секунд.

— Заряды заложены, двадцать секунд! — доложили бойцы, и отряд перешёл в скольжение — в сторону невидимого пока что выхода на Айур.

— Десять секунд, — доложил сержант Кальвис. Артёму было очень не по себе, но нельзя нервничать — важно быть уверенным в себе. Спокойно и ровно скользить, и ни в чём не сомневаться.

Они пересекли невидимую границу между мирами за секунду-другую до того, как Кальвис сказал «Ноль».

-

— Это северная ветка скоростной трассы, — доложил сержант Кальвис. — Сэр, нас вызывают!

— Рим группе Злотникоффа, — услышал Артём. — Чрезвычайная ситуация, немедленно возвращайтесь в Рим. Город под атакой, повторяю — город под атакой. Направляйтесь на юг, следуйте по трассе до соединения с вашей ротой. На траверсе Рима соединяйтесь с отрядом спасателей, они эвакуируют гражданских.

— Я не «гражданская», — мрачно заявила Мари. — И я тебя не брошу.

— Я тоже, — сказала Лилия.

— Сожалею, у меня приказ, — командир жестом остановил их. — Сэр Ортем, отправляемся по вашей готовности.

А я-то надеялся хоть часик отдохнуть, подумал Артём, сосредотачиваясь на песне. Но, как говорится, кому сейчас легко?

Дни 53–59. Игра в четыре руки [оглавление]

«Ты — дерево, твоё место — в саду...»

Теперь всякий раз, когда он открывает глаза, первым делом в голове звучит эта песня. Первый куплет, если быть точным. А поверх — тот самый сигнал, который проигрывался в «Глубоком замке». И виднелась одна и та же картина: силуэт, отдалённой напоминающий человека — манекен, о двух ногах, одной голове и четырёх руках — в ураганном потоке воздуха, обращающийся постепенно в пыль, в крошево, тающий на глазах...

Артём открыл глаза. Рядом сидит Марина, улыбается и держит его за руку.

— Терпеть не могу больницу, — сказал Артём и вновь закрыл глаза. — С вами всё хорошо?

— Всё замечательно, — прошептала она и сжала его ладонь в своих. — И с вами тоже. Доктор обещал сегодня отпустить вас домой. Мы уйдём вместе, хорошо? Я подожду, когда вы сможете.

Артём кивнул — на большее сил почти не было, осталось немного на улыбку — и прикрыл глаза. Открыл — и снова та песня. «И когда мне темно, я вхожу в этот сад...»

Быстро всё случилось в тот день. Чересчур быстро. Сказали потом, что незадолго до возвращения его группы Айур вновь потрянуло — по всей планете случились землетрясения, в том числе и поблизости от Рима. Что уж совсем невероятно: спокойное место, где почти тысячу лет не было ничего подобного. Город почти не пострадал от толчков, но рядом с периметром образовались глубокие трещины. И, естественно, оттуда полезла нечисть. Много нечисти, очень много. Сразу нашёлся ответ на вопрос, зачем Риму столько танков в подземных ангарах. Может, и не всегодились, но почти все.

-

— Сэр Ортем, — сэр Джеймс отдал честь. — Рад видеть вас. Ситуация сложная. Мь

остановили продвижение противника, нужно оперативно доставлять боекомплекты и подводить танки. Вы в состоянии работать?

Хотелось сказать «нет». Просто потому, что устал к тому моменту — сил не было. Но... вечернее небо Рима выглядело грозovým — вспышки света, раскаты грома — люди держат оборону, только за первые десять минут из трещины выползло четверо «голиафов», и только чудом пока что удалось избежать потерь.

— Так точно, сэр, готов, — кивнул Артём, и командир его охраны также кивнул — они уже сдали все трофеи, связанного пострадавшего. Как только Артём ответил, вся его охрана сделала шаг вперёд. — Приказывайте.

— Не сомневался в вас, — сэр Джеймс пожал ему руку. — Через пять минут — в резервные ангары, третий уровень, выводите колонну танков и доставляйте к площади Марка Аврелия, там ждите новых указаний.

— Сэр Ортем, — рядом появился оружейник собственной персоной. — Рад видеть. Выпейте это, раз уж нет возможности отдохнуть. Одна капсула каждые двенадцать часов, не чаще. Господа, вам тоже, — он выдал тонизирующие таблетки охране дросселя. — Мы на связи. Гражданское население Рима эвакуировано, потерь нет.

— Благодарю, сэр! — Артём пожал ему руку и встретился взглядом с командиром своей охраны. — Готовы?

-

Удивительно, что здания Рима, в целом, почти не пострадали. Частично разрушены, первым же голиафом, жилые кварталы у шлюза Цезаря, но к моменту, как нечисть принялась сносить тамошние здания, людей там уже не было: Рим всегда готов к войне. Когда говорят, что любой римлянин, вне зависимости от пола и возраста, ровно за минуту становится солдатом — это не шутка. Эвакуация прошла, как на учениях: быстро, чётко, без паники. Люди не держатся за имущество, не переживают за жилища — только за жизни других людей. Всё прочее — вторично. Ну и, конечно, мародёрства не случается, в военное время наказание за это немедленное и жёсткое.

За первые десять минут Артём доставил резервные танки и подготовил колонны к переброске в другие города: нечисть сейчас штурмует все до одного города Айура, словно взбесилась. Штурмует бессистемно: напади она вся на один город — слаженно, всей массой по одному направлению — ещё вопрос, удалось бы избежать потерь. Но, как всегда, нечисть дезорганизована. Словно на свободу выпустили множество бешеных собак: нападают на первую же цель, толкаются и мешают друг дружке.

Артёму казалось, что он видел несколько других дросселей — в том числе и того сводного брата Ингир Мантелла, «барабанщика». Неудивительно — в течение получаса с момента начала атаки резерв танков из ангаров Рима уже был доставлен во все горячие точки. Хоть дросселей и мало, а без них никак, каждая минута промедления была бы оплачена человеческими жизнями.

Ещё полчаса — и нечисть начали теснить. Она всё ещё прибывала — откуда её столько взялось, неясно — но люди начали оттеснять противника. Сколько терминаторов успело кануть в разломы, чтобы выжечь, ценой своего существования, подступающие силы противника, не понять. Много. Их тоже запасено изрядно, хотя, после танков, это самое дорогостоящее оборудование.

-

Артём почувствовал это вблизи Колизея. Собственно, особо чувствовать не было нужно:

датчики предупредили о приближении противника. Ещё один «крот»? Подложка под Колизеем не взломана, а ведь даже «кроту» нужна далеко не пара секунд, чтобы пробить её.

Словно гриб-дождевик, взламывающий асфальт: посреди арены поверхность начала трескаться, вспучиваться. Танки, которые привёл Артём, уже взяли область в кольцо, уже летели к месту прорыва терминаторы...

«Гриб» вырвался на свободу внезапно: полусфера телесного цвета, на вид скользкая и слизистая — как потом оценили, пятидесяти с лишним метров в диаметре. Четыре трещины появились на её боках, рядом с поверхностью арены, принялись расширяться. И оттуда хлынули...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Стоять! — крикнул Артём, сам не очень понимая, что делает.

И нечисть послушалась. Как потом показали кадры оперативной съёмки: каждый танк несёт камеру наблюдения и транслирует передачу — даже если сам танк будет уничтожен, с большой вероятностью его оперативная съёмка выживет.

Замерли успевшие выбраться наружу «титаны» и «зомби», «пауки» и «демоны» — все. Просто стояли, и таяли, словно куски сахара в стакане кипятка, под «взглядом» десятков танков и терминаторов. Сама сфера пока держалась, не поддавалась излучению.

— Сэр Ортем...

Треск и шорох, передача прекратилась. Артём заметил вспышку внутри ближайшей трещины; автоматика сработала: теперь очки внутри его шлема передавали воссозданное изображение, по данным радаров и датчиков.

Изнутри разлома вышла человекообразная фигура — типичный гуманоид, если бы не две пары рук. Вышел и замер, остановившись шагах в десяти от линии танков. Выбежавшая прежде него нечисть успела уже раствориться, рассыпаться в пыль — а этот стоял, словно не замечая излучения многих нацелившихся на него танков.

Треск в эфире не прекращался. Артём заметил, что пришелец сделал движение четырьмя ладонями, словно сминая между ними снежок. Не сразу понял, что происходит — а когда интуиция сделала вывод, времени хватило только на крик:

— На землю! Не смотрите на него!

И первым последовал своему совету. Пришелец резко сжал ладони, словно уплотняя «снежок», а потом развёл руки в стороны.

Артёму показалось, что его голову окунули в чан с кипятком; падая наземь, он успел заметить, как танки вокруг него разваливаются, распадаются на части, и их «седоки» — операторы — так же падают, кто где, словно тряпичные куклы.

А ещё через долю секунды Артём осознал, что смотрит на самого себя как бы одновременно со многих окрестных точек — словно видит съёмку самого себя многими камерами по периметру — не упал, как остальные, но присел — словно спринтер, готовящийся к старту. Хотелось кричать от боли, но не мог — нечем было кричать. Не было тела — оно словно осталось само по себе. И завертелась в сознании странная и нелепая сейчас песня: «Ты — дерево, твоё место — в саду...». Отчётливо и громко, и, возможно, именно она помогла превозмочь боль. Артём видел, как четверорукий чужак шагнул к нему. Встать, надо встать! Нельзя ждать! Надо действовать!

Он вернулся, если можно так сказать — рывком. Увидел, что пришелец замахивается правой парой рук, и успел заметить ещё, что концы его кистей узкие и тонкие, словно там когти или лезвия.

И смог уйти в «скольжение» — так же, как там, в Париже, когда уворачивался от охоты с булавой.

-

— Электромагнитный импульс, — доложил оружейник. — Танки и терминаторы в радиусе десяти стадий выведены из строя. Доставить туда лёгкие танки! Внимание, есть картинка!

Они увидели, как четверорукая фигура делает резкие выпады всеми конечностями, словно пытаясь поймать невидимого противника. Один раз успели заметить возникшего из пустоты Артёма — он ушёл в скольжение прежде, чем по нему попали руками.

— Сэр Ортем отвлекает его, — заметил оружейник. — Внимание, движение изнутри объекта! Множественные сигналы, подготовить плазменные пушки и терминаторы! Сэр Ортем — немедленно отступайте! Повторяю на всех частотах.

— Он вас не слышит, — заметила Мари, стоявшая, сжав кулаки, рядом с ним. — Он всегда отвечает! Отправьте за ним отряд!

— Выведите её, — отдал распоряжение оружейник. — Сэр Ортем, немедленно покиньте Колизей, отступайте за линию танков! Лорд Стоун, наблюдаю множественные сигналы, неизвестные энергетические сигнатуры, контакт через пятьдесят секунд. Есть признаки активного подпространственного коридора. Запрашиваю разрешение на «Ultima Ratio».

— Разрешаю, — лорд Стоун отозвался почти немедленно. — Эвакуировать раненых техническими средствами, очистить зону поражения.

— Сэр Ортем, немедленно отступайте, запуск через тридцать секунд. У вас минута, чтобы покинуть зону поражения!

-

Артём ничего этого не слышал. Он вышел из скольжения, стоя за спиной у противника, и понял... что бить его нечем. Пистолет не работает. Чудо, что очки пережили эту непонятную атаку, которая обратила танки в груды хлама. Если успеть обойти противника, можно поднять одну из булав — хотя тоже не понять, работают ли они. И очки отключать не хочется, просто так они бы не включились.

Он едва успел уйти от повторного взмаха когтистыми руками. И бросил взгляд в проход. Он вёл далеко, очень далеко — дальше, чем было возможно, сфера не может быть такой большой — широкий и высокий сводчатый коридор, и по нему бежали...

Много кто бежал. Артём вновь обогнул противника, и мысль пришла в голову неожиданно: он «притормозил», оставаясь за спиной противника, а тот вновь начал «лепить снежок» — Артём успел заметить, как новые танки успели появиться и принять боевое положение, и новые терминаторы летели со всех сторон...

Красные шприцы! Артём, не особо раздумывая, вынул два из них, по одному в каждую руку, и, выпав из скольжения, воткнул их противнику туда, где находились его «плечи».

Противник вздрогнул — на этот раз, похоже, атака ему не удалась: противник резко повернулся, чтобы провести всеми четырьмя конечностями по месту, где стоит Артём... которого там уже не было.

Четверорукий замер. Из тоннеля выбегали новые единицы нечисти, и почти сразу же разваливались, рассыпались под излучением вновь прибывших танков и зависших над ареной терминаторов. Но что-то ещё двигалось там, позади них. Четверорукий стоял, держа ладони перед собой, а вокруг него вращалась воронка — что-то материальное — и

подбегавшие к ней единицы нечисти растворялись, всасывались внутрь.

Лечится, подумал Артём, «проявляясь» на расстоянии нескольких шагов и подхватывая булаву. Чинит сам себя за их счёт. И ощутил внимание, пристальное внимание — очки не показывают, есть ли у четверорукого какое-нибудь лицо, но Артём отчётливо ощущал, что его изучают. Может, пытаются что-то передать. Булава, похоже, пережила ту атаку — была исключена? — и Артём, с трудом поднимаясь на ноги — головная боль возвращалась, мозг словно кипятком обдавали при каждом движении — вновь нашёл в себе силы крикнуть:

— Стоять!

И вновь нечисть замерла. А четверорукий... повернулся и начал исчезать из видимости.

Уходит в скольжение! Артём, не раздумывая, бросился следом, стараясь не прикасаться к замершим вокруг «титанам» и прочему ужасу.

«Поймать фазу» нового противника удалось почти без труда, за пару секунд.

-

Мари только невероятным усилием воли воздержалась от крепких выражений. Её бережно, но твёрдо взяли под руки и вывели. И указали охране: отвести в сторону перрона.

— Уберите руки! — крикнула Мари, едва сохраняя самообладание. — Сама дойду.

Её отпустили и указали направление — сама, так сама.

— До запуска двадцать секунд, — раздалось оповещение. — Танки в автоматический режим, тридцать секунд на эвакуацию раненых. Внимание, всем покинуть окрестности Колизея, минимальное безопасное расстояние пять стадий.

— Они его там бросают! — прошептала Мари и почувствовала, как накатывает злость. Охрана ничего не успела понять — точнее, не успела отреагировать. Пара секунд — и Мари ушла в скольжение.

— Мадам Фурье, немедленно вернитесь в пункт эвакуации, — голос диспетчера. — У вас сорок секунд.

— Ага, размечтались, — прошептала Мари, направляясь в сторону Колизея. Его несложно обнаружить, даже не зная карты Рима — по вспышкам и грохоту с той стороны. Танки и терминаторы обстреливают сферу, а ракеты с мощным зарядом сейчас наводятся на проходы, чтобы влететь внутрь, и...

Мари не успела осознать, когда именно рядом с ней возник Виктор Маккензи. Возник и взял за руку, не пытаясь остановить.

— Даже не пытайся, — сказала Мари сквозь зубы. — Я его там не брошу.

— Неужели ты подумала, что я позволю тебе забрать все лавры? — услышала она в ответ. — Да и сидеть в тюрьме вдвоём будет веселее.

Мари расхохоталась, и указала рукой курс. Виктор кивнул ей. И чуть прибавил шаг. Прибавила и Мари.

-

Артём с трудом оставался в скольжении: уже не только голова болела так, что впору было кричать, ещё и всё остальное тело было готово взбунтоваться. Шаг, ещё шаг... вот он! Артём с размаху ударил булавой — противник упал, выпадая из скольжения, и — если очки не обманывают — развалился на несколько частей. Вокруг них бежали и летели всё новые войска нечисти — туда, наружу, к выходу на Айур. Не обращая внимания на Артёма и его противника.

Артём вновь ударил булавой по останкам — они стекались, сползались, пытались срастись. Бил и бил, только под конец осознав, что кричит одно и то же слово — «сдохни!»

— и, похоже, булава действует, сжигает то, по чему попадает. Наконец, бить стало нечего.

Что-то округлое замерло над ним. Артём невольно присел. Да это же терминатор! Вот чёрт, если сейчас он решит, что Артём заражён...

— Сэр Ортем, покинуть зону поражения, — услышал он голос — обычный голос. Надо же, терминатор передаёт всё обычным голосом. — У вас двадцать пять секунд.

Артём оглянулся — колонны нечисти так и бегут мимо — и поднял руки — примерно тем же жестом, что делал четверорукий.

— Стоять! Назад! — нечисть вокруг остановилась. — Возвращайтесь туда! — указал Артём. — Всем туда, разрушайте всё, что найдёте, ломайте технику! Быстро!

Горло отказало. Нечисть уже разворачивалась, и бежала назад, постепенно разгоняясь. Артём с трудом повернулся туда, откуда пришёл — ведь множество стадий успели пробежать, как такое возможно?! — и понял, что нет сил войти в скольжение.

И вновь эта песенка: «Ты — дерево...»

Артём, спотыкаясь, едва держась на ногах, с огромным трудом вошёл в скольжение, и осознал, что сил не хватит дойти до конца коридора. И ощутил, что его берут под локти, и помогают подняться на ноги.

— Просто идите, друг мой, — сказал Виктор. — У нас пятнадцать секунд. Было бы нелепо погибнуть всем вместе в такой момент.

Артём сумел рассмеяться, и, действительно, нашлись силы передвигать ногами. Просто идти — и выход, только что казавшийся бесконечно далёким, рывком приблизился.

— Десять секунд, — сказала Мари. — Мы уже почти вышли!

— Надо свернуть, — указал Виктор. — Повернуть, идти в сторону от коридора. Ну, ещё немного!

— Пять секунд, — сказала Мари. — Мы уже отошли на восемь стадий, нужно убежище!

И вокруг них возникли, как по волшебству, каменные стены.

— Ноль, — сказала Мари и, едва они с Виктором вышли из скольжения, поймала Артёма за локоть, не дала ему упасть с размаху. — Виктор, и не забудь — ты обещал, что в тюрьме будем сидеть вместе! Только попробуй выйти раньше меня!

-

Строго говоря, сознания Артём не терял. Даже когда остальные думали, что он отключился, сознание сохранялось. И было это как там, на арене — словно смотрел на самого себя со множества точек одновременно — и каждая такая «камера наблюдения» не далее, чем в пятидесяти шагах. Первой его осмотрела Мари — уж непонятно, в каком таком каменном мешке они отсиживались — и заявила, что видимых повреждений нет, полно синяков и ушибов, но это всё мелочи.

А потом он всё-таки уснул. И даже что-то снилось — что-то невнятное, странное, местами неприятное, но хотя бы без нечисти.

-

— Это и есть та четверорукая пакость? Которую в том деревянном шаре нашли? — поинтересовалась Мари. К её и Виктора удивлению, как только они вывели едва стоящего на ногах Артёма из убежища, их не стали арестовывать. Даже устного взыскания не сделали: доктор Ливси велел ей пройти обследование, повздыхал насчёт того, что его распоряжения не выполняются — и отпустил. И — ничего больше. Победителей не судят, подумала Мари. И это правильно.

Все ожидали больших разрушений: «Ultima Ratio», то есть «последний довод», в

истории Айура применяли, до вчерашнего случая, только дважды. Последствия применения одной такой ракеты — выжженная, спёкшаяся земля в радиусе четырёх стадий, и полное уничтожение, превращение в пар всего в радиусе двух. И никакого радиационного заражения. По телеметрии, ракеты «последнего довода» успешно сработали, вопрос — где? В том коридоре, где Виктор и Мари подобрали Артёма, сила притяжения на восемнадцать процентов выше, нежели на Айуре. «Локация М»? Снять точные координаты не получилось, не до того было: по данным, полученным при помощи терминаторов, через вновь открытый коридор на Айур двигалось не менее сорока тысяч единиц нечисти. Из них, на момент детонации ракет, почти три тысячи выполняли распоряжение Артёма: мешали остальным, разрушали технику, сносили всё на своём пути.

...Оружейник не сразу ей ответил — поглощён своими мыслями. Атака отбита, и теперь, когда пострадавшие районы Рима восстановлены, город возвращается в нормальный ритм жизни — все вернулись и, по обычаю, прошли вначале мимо дуба Цезаря — он вновь успешно пережил очередную попытку сровнять Рим с землёй. А может, кое-что похуже пережил.

— Да, по записям — такая же форма. Сэр Злотникофф первым встретил её — и сумел пережить эту встречу. Форму назвали «оператором» — во время боя она координировала действия остальной нечисти.

— Не очень ей это удалось, — пренебрежительно заметила Мари. — Ортем несколько раз перехватывал управление, верно?

— Можно и так сказать. Теперь мы точно знаем, что скользить умеет и нечисть тоже. И если будут новые «операторы», надо успеть придумать, как им противостоять.

— Пойдите, — Мари почесала затылок. — Ортем несколько раз «прихватывал» нечисть с собой, когда уходил в скольжение. И она слушалась его потом... то есть что получается — нечисть принимала его за этого вашего «оператора»? Так получается?

— Возможно, — кивнул оружейник. — И заметьте: «оператор» появился из такого же шарообразного объекта, и уже изнутри шара открылся подпространственный коридор, предположительно — в «локацию М». Сейчас одна из главных задач — понять, откуда берутся такие шары.

— Не нравится мне, как легко вы мне всё рассказываете, — поднялась на ноги Мари. — Раньше было не продохнуть от секретности, а сейчас спокойно так обсуждаем. Вы что, уже приняли меня на работу в свою команду?

Оружейник улыбнулся.

— Видите, как быстро вы всё схватываете. Вы ведь работаете в полиции, раскрыли много дел и задержали множество преступников. Это и нам пригодится.

— Лесть вам не поможет, — отмахнулась Мари. — Я и сама знаю, какая я крутая и хорошая. Хотя приятно слышать, не спорю. И чем я должна у вас тут заниматься? Скользить мне не разрешают, что тогда?

— Анализировать, — оружейник жестом предложил ей присесть. — Работать с данными. У вас хорошо получается подмечать мельчайшие детали и выдвигать интересные гипотезы.

— Понятно. Тогда я согласна. А что с Ортемом? Доктор его уже пятый день маринует в больнице. Что-то серьёзное?

— Не по моей части. Сэр Арчибальд Ливси заверил нас, что сэр Ортем восстанавливает силы и сможет вернуться в строй. Но пока что ему нужен отдых.

-

Первые несколько дней — Артём утратил счёт времени, оставался почти всё время в состоянии забытья — любое резкое движение вызывало ту самую сильную боль в голове, словно содержимое черепной коробки окунали в кипяток. Мало-помалу это прошло.

Несколько раз Артём обнаруживал, что стоит в ванной комнате, перед зеркалом — возвращалась на несколько секунд ясность мышления — и успел заметить, что и кожа, и волосы побелели. Полностью утратили пигментацию, Артёма словно белилами покрыли. Зрелище, если честно, не из приятных. И почти всякий раз рядом появлялась Марина и помогала ему вернуться назад, в постель. Хотя и не похожа комната на больничную палату, но это точно больница. Смутно припоминался доктор Ливси, вроде бы и другие люди приходили — но этого Артём уже твёрдо не помнил. Одно успел понять: Рим пережил атаку, обошлось без масштабных разрушений, а из человеческих потерь — только несколько человек из охраны дросселя. Артёму в этом смысле повезло больше остальных, кто попал под удар «оператора».

— Как сегодня себя чувствуете? — доктор Ливси, неизменно улыбающийся, на этот раз не вызвал своим видом отвращения.

— Не дождётесь, — мрачно заметил Артём; Марина и доктор переглянулись и... рассмеялись.

— Чувство юмора вернулось, значит — уже всё в порядке, — одобрительно заметил доктор. — Можете возвращаться домой, сэр Ортем. Я знаю, лежать в больнице никто не любит. Указания я уже оставил, лекарства передал, сейчас вам нужны покой и хорошее настроение. Справитесь? — спросил он Марину. Та кивнула. — Ну и отлично! Вас многие желают видеть, сэр Ортем. Я провожу вас к служебному выходу, вам пока не стоит переутомляться.

-

Дома, как только Артёма отпустили — встречать его собрались не только его домочадцы — он первым делом прошёл в ванную комнату.

Мы восстановили нормальный цвет кожи, сказал доктор Ливси. Вот с волосами сложно; строго говоря, весь волосяной покров погиб. Мы не нашли ни одной живой луковицы, и то, что сейчас у вас сейчас взамен — синтетика. Была бы хоть одна живая луковица — мы бы использовали её как прототип. В случае, если вы предпочтёте остаться совсем без волос, мы удалим синтетику. Но волосы хоть и искусственно выращенные, однако созданы по образцу ваших тканей. Попросту говоря, мы использовали клетки вашей кожи.

Минуты через три Марина постучалась в ванную.

— Как будто год здесь не был, — сказал Артём, не отводя взгляда от своего отражения. — Мне заменили практически всю кожу — нашёлся мало пострадавший фрагмент. Теперь ещё и волосы не мои. Становлюсь искусственной формой жизни, — усмехнулся он. Марина взяла его за руку.

— Идёмте, — потянула его за собой. — Мне сказали, что трое из вашей охраны перестали быть людьми. Они живы, тело в полном порядке, но в голове нет больше человека, нет личности. А вы, и остальные трое, сумели это пережить. Сейчас у многих восстановленные части тела, а ведь раньше люди просто погибли бы. Разве это так важно, чтобы у вас не было ничего искусственного?

— Нет, — кивнул Артём. — Важно, что мы оба живы, и рядом. Вы правы. Теперь у меня намного больше времени на чтение и музыку. Когда нет важных дел по дому, разумеется.

— Вы о чём? — Марина присела на диван и жестом попросила сесть рядом.

— Похоже, что я вышел на пенсию, — Артём постарался сказать это настолько спокойно, насколько возможно. — Не получается у меня скользить, Марина. Теперь — не получается. Доктор Ливси сказал больше не пробовать, дожидаться восстановления сил. Что-то тот «оператор» сделал со мной, и пока неясно, что.

Марина обняла его.

— Это ничего не меняет, верно? — она посмотрела ему в глаза. — Вы прекрасно играете и красиво поёте. Я говорила с нашим связистом — он говорит, что вы дали ему пару замечательных идей, как сделать рацию и переводчик безопаснее. Вы ведь понимаете, о чём я?

— Разумеется, — он улыбнулся ей, что получилось не сразу, и получил улыбку в ответ. — Жизнь продолжается.

-

Лилия явно рада его видеть. И выглядит по-царски — не так, как Марина, конечно, но тоже глаз не отвести.

— Это только слухи, — она отвела взгляд, но почти сразу же вновь посмотрела в глаза. — Доктор ничего не сказал, но люди ведь всё подмечают. С вами случилось то же, что когда-то со мной?

— Возможно, — Артём пожал плечами. — Но я пришёл не поэтому.

Лилия улыбнулась и жестом показала — присаживайтесь. Сама прогулялась к двери и заперла её.

— Чем я могу помочь вам, Ортем? Простите, если я о больном заговорила. Больше говорить не буду, если сами не захотите.

— Ничего страшного. Я вспомнил наш давний разговор. Помните, тот случай с Мариной, с переводчиком в приюте? Мне показалось тогда, что вы недоговариваете.

Лилия присела рядом с ним и посмотрела в глаза.

— Что именно я не рассказала, по-вашему?

— Была не только Марина. С кем-то ещё случилось подобное. Вы обучали их, или кто-то другой — не так важно. Но случилось не только с Мариной, верно?

Она прикрыла глаза, почти сразу же открыла вновь.

— Всё верно, — она взяла его за руку. — Было два раза со мной, и ещё четыре раза, о которых я знаю. Я помню все имена. Трое из них уже умерли, Ортем. Наложили на себя руки.

Она встала и подошла к окну.

— Глупо было не говорить. Марина не стала требовать от меня всего рассказа — наверное, пожалела. Та другая девушка, над которой я так же подшутила тогда, сейчас в Бедламе. В той его части, откуда не возвращаются. Возможно, это моя вина.

— Если удалось исправить всё с Мариной, можно исправить и с другими, — Артём встал, подошёл к окну и взял Лилию за руку. — Верно? Вы сможете мне помочь? Я примерно понимаю, как такое исправлять, Миранда оставила подробные записи.

Лилия долго не отвечала, закрыв глаза.

— Всё верно, — она посмотрела ему в глаза. — Если можно исправить, надо исправить. Пусть даже снова будут неприятные вопросы. Сегодня весь дом хочет услышать ваши песни, Ортем. Я могу договориться на завтра, если у вас нет других планов.

— Давайте на завтра, — кивнул Артём. — Не будем откладывать, закончим с этим

поскорее.

-

Артём оторвался, наконец, от книг — прочёл ещё одну из «задолженности», и готов её пересказать Марине. Из неё получилась бы замечательная учительница, подумал он. Осторожно выглянул — сидит в их гостиной, читает. Тоже волнуется, и тоже преодолевает это по-своему.

Вроде бы и устал после очередного «концерта по заявкам» там, внизу, в общей гостиной дома — а поднялся к себе и — сна ни в одном глазу.

...Всякий раз, когда он пытался настроиться на состояние скольжения, оно наступало, судя по приборам, но голову словно в кипяток опускали — дикая, непереносимая боль. Ну хоть не вскрикнул ни разу, хотя чуть зубы не поломал, сжимая челюсти. Не пробуйте больше, сказал доктор. С точки зрения медицины, все ваши типичные особенности организма сохранились, все ткани там же, ведут себя так же. Отчего вдруг такая реакция на вход в скольжение — неясно, будем выяснять. Пока — старайтесь не пробовать. Помните, что вы подверглись мощному электромагнитному импульсу, плюс выброс адреналина, плюс бой в пределах чужеродной атмосферы: она пригодна для дыхания, но вы надышались той органики, которую рассыпал вокруг себя «оператор». Всё верно, он, словно «зомби», умеет рассеивать вокруг споры — других форм нечисти. Вполне возможно, его стоило назвать «сеятелем». Часть этих спор попала вам в дыхательные пути и на кожу. Споры уничтожены, мы проверили, но что-то всё-таки произошло — позвольте своему организму восстановиться. Он чинится, как и прежде — дайте ему время. Вам ведь есть, чем заниматься? Есть хобби, тайная страсть, увлечение? Ну и замечательно!

Артём прошёлся по комнате, из угла в угол, и взял флютню со стола. Чем дальше, чем проще получается управлять инструментом, практически усилием мысли. Может, это внезапное умение играть музыку той же природы, что умение общаться «по рации» без рации, и понимать остальных без переводчика? Вспомнил и проверил, потрогал себя за каждым ухом — оба прибора на месте.

Песня пришла на ум внезапно. Отец напевал её, когда водил маленького ещё Артёма на рыбалку. Мать категорически не одобряла таких походов, как и рыболовного увлечения Злотникова-старшего в целом, хотя и рыбу одобряла, и готовила её так, что пальчики оближешь.

«Пошёл купаться Веверлей...»

У песни этой, студенческого происхождения, множество мотивов. У того, что напевал Злотников-старший, явно маршевое происхождение: песня годится в качестве строевых. Наподобие «Соловья» — «Соловей, соловей, пташечка...»

«Оставив дома Доротею...»

Удалось флютней изобразить, очень достоверно, духовой оркестр. Точно, маршевая песня! Артём засмеялся — проверил уже, что дверь закрыта, и акустическая защита включена — и начал сначала, исполнил энергичный, бравый проигрыш — даром что песня, по сути, печальная, пусть история в ней и звучит нелепо.

«С собою па-, па-, пару пузырей, — рей, — рей / Берёт он, плавать не умея...»

И пришло скольжение. На долю секунды — Артём был в одном углу комнаты, перенёсся в другой. И никакой боли, никакого ощущения, что голову окунают в кипящую воду. От неожиданности Артём прекратил играть. И тут же в дверь постучали.

Марина.

— Всегда чувствую, когда вы играете, — она улыбнулась. — Эту песню вы ещё не исполняли, верно? Можно послушать?

— Конечно, — улыбнулся её Артём и, сосредоточившись, выдал всю песню — под тот самый бравый походный мотив. С трубами, барабанами, и всем прочим. Показалось даже, что в музыку вплелись звуки множества сапог, печатающих шаг.

Марина долго аплодировала.

— Так странно, — покачала она головой. — Слова вроде грустные, но музыка бодрая. Странное сочетание. Откуда эта песня?

Вот тут Артём не смог пояснить, историю «Веверлея» он не изучал. Мало ли в студенческом фольклоре, да ещё родом из девятнадцатого века Земли, подобных песен! Марина покивала, и взяла его за руку.

— Помните ту песню? «В полях под снегом и дождём...»

— Разумеется. Хотите, чтобы я её исполнил? Только для вас?

— Только для меня, — кивнула Марина. — И, если можно... если получится... исполняйте её только для меня. Ну или если я её слышу. Хорошо?

— Договорились!

-

Миранда постучалась в комнату Мари. Привычка той ходить поздним вечером нагишом по своей комнате уже породила множество слухов. Ничего такого, чтобы принимать меры — у всех свои причуды. Тем более, у Мари такая фигура — обзавидуешься. Ничего лишнего. Может, оттого и ходит, чтобы и дразнить заодно?

Мари оказалась в халате. И с чашкой чая в руке.

— О, проходи, — поманила Мари внутрь. — Тоже под впечатлением? Я после его концерта уснуть не могу. Вся как электрическая. Вот умеет же, даже завидую иногда.

— Под впечатлением, — согласилась Миранда. Теперь видно, чем занимается Мари: пьёт чай с пирожными. Явно Арлетт постаралась — столько заказов приходит, что уже твёрдо решила открыть свою кондитерскую. Уже и в ученики напрашиваются. — Это так ты соблюдаешь рекомендации доктора? Поправиться не боишься?

— Я и так скоро поправлюсь, — махнула рукой Мари, — как и ты, кстати. Нет, не боюсь. Сколько угодно могу этого есть, так плоской и останусь. Не первый год.

— Везёт. Любимое занятие?

— Нет, я так в себя прихожу, — Мари пригласила её за стол. — Давай, не стесняйся. Одно-то можно точно. Знаешь, после рабочего дня, когда от одного вида людей уже воротит, только этим и спасалась. Нашла себе убежище, оборудовала, чтобы ещё и мама на мозги не капала. Бойтся она меня. Дроссель, конечно, к удаче, но только не у тебя дома. Ладно, извини, я про себя могу часами говорить. Ты тоже слышала разговоры?

— О чём ты? — Миранда последовала совету. Божественно вкусно! И нет, нельзя такое есть на ночь, ведь не остановишься по доброй воле.

— О нём. Я ничего не говорила, кстати, даже не намекала. Не знаю, кто разболтал.

Миранда припомнила, что слышала в течение дня. Нет, про Ортема ничего не говорили.

— Ты обращаешь внимание на слухи? — спросила Миранда, в голосе её почувствовались льдинки.

— Я полицейский. Я всё слышу и замечаю. Это не означает, что я сама о том же болтаю, или верю всему, что говорят. Тебе сказать можно, ты тоже не болтаешь всем подряд. Возможно, он больше не сможет работать дросселем. Я случайно услышала — и пообещала

доктору, что кому попало не скажу.

— Благодарю за доверие, — Миранда потёрла лоб. Совершенно неясно, что сказать. Особенно после того, что узнала про Лилию. — Не знаю, что и сказать.

— Ничего не говори. Он хорошо держится. Когда доктор мне сказал, что скользить мне больше нельзя, уже безусловно, я там ему страшный скандал устроила. Как подумала, что стану, как все — перепугалась. Только без обид, пожалуйста.

— Без обид, — кивнула Миранда. — Если бы мне запретили писать картины — может, я тоже скандал бы устроила.

Мари покивала.

— Ну да, ну да, я именно об этом. А он так спокойно к этому отнёсся — я уже испугалась, что сорвётся. Нет, и глазом не моргнул. Вот выдержка, а?

Миранда кивнула.

— Вы с Виктором видели что-то там, где подобрали его, — она посмотрела в глаза Мари. — Ты не всё рассказала тогда, по глазам вижу. Скажи прямо, у нас у всех неприятности? Будут снова эти «шарики» и та жуткая мерзость с четырьмя руками?

Мари потёрла лоб.

— Не знаю. Мы с ним заметили коридор, и с дальнего конца шли колонны нечисти. Жуткое количество — сама не знаю, как не испугалась до потери пульса. Старалась не оглядываться, пока мы уходили. Так что не знаю, что тебе ответить. Всё, не порти мне вечер! Лучше вон ещё пирожное съешь, я же вижу, что тебе нравится! Будем переживать неприятности по мере поступления. Не буду гадать, что будет.

-

Не спалось. Марина лежала рядом, прижимаясь лбом к плечу Артёма — ей тоже не спалось. Только что вроде уже организм потребовал отдыха — и вновь передумал.

— Самое странное, что сейчас заметил, — Артём взял её за руку. — Если есть столько легенд, как люди становятся дресселями — значит, это хотя бы отчасти правда. Нет дыма без огня. Уже знаем людей, которые в эти легенды поверили и сделали всё, как там говорится, стали дресселями. А теперь оказывается, что и нечисть, некоторая, умеет скользить. И что до вторжения никаких дресселей не было вообще. Вывод простой: нечисть имеет какое-то отношение ко всем этим легендам. Именно из-за неё люди становятся дресселями. А вы что думаете?

Он подумал, что Марина уже уснула. Чуть отодвинулся, чтобы увидеть её лицо в свете ночника — нет, не спит, глаза открыты, едва заметно движутся глазные яблоки — не спит.

— Марина? — Артём уселся в постели. Не шевелится — как лежала, так и лежит. Глаза открыты, видно, что дышит. Сам не зная, зачем, Артём осторожно прикоснулся пальцами к её шее, ощутил пульс. Марина пошевелилась, и, словно только что проснувшись, уселась рядом. Поморгала.

— Вы что-то спросили? Простите — я, наверное, уснула.

Артём не без усилий сохранял самообладание. Она не спала — никогда ещё Марина не спала с открытыми глазами. Ну или Артём не замечал. И никогда она не лежала неподвижно, если Артём двигался или вставал — всегда меняла позу, даже во сне.

— Нет, я думал вслух, — Артём взял её за руку. — Уже поздно. В другой раз спрошу, когда голова будет ясной. Приятных снов!

— Приятных снов, Ортем, — улыбнулась Марина, и вновь улеглась. — Если вам не спится, могу спеть колыбельную. Хотите?

— Спойте, — Артём улёгся, и прижал её к себе. Вот ещё новость, подумал он. Ладно, буду считать, что мне это примерещилось. Ещё один вопрос без ответа — и есть ощущение, что ответа знать не хочется.

Дни 60–61. Шёпот во мраке [оглавление]

И командование, и доктор Ливси подозрительно легко дали разрешение покинуть Рим. Разумеется, доктор настоятельно советовал не ставить опыты над собой, не пытаться войти в скольжение. Резкая боль — признак неполадок в организме, и, пока специалисты клиники и научного отдела, под руководством Марцелла Катона, не предложат объяснение, лучше не гнать лошадей.

Марина поручила Лилии множество мелких дел в Лондоне — если уж ехать, то с пользой для остальных. Артёму же шепнула только «возвращайтесь поскорее». Осталось только зайти к оружейнику: тот лично договорился о транспорте — в составе колонны — которым можно попасть в Лондон кратчайшим путём, а перед отправлением что-то собирается сказать, что-то важное.

Если не видеть Марину в её выходном наряде, легко решить, что хозяйка Артёма — Лилия. По словам Миранды, Лилия всегда любила наряжаться красиво и необычно, вот только со средствами всегда было трудно. Теперь, когда со средствами стало легче, Лилию не узнать. Просто блеск.

Она кивком согласилась подождать Артёма снаружи военного городка, хотя пропуски были на обоих. Не захотела входить. Можно было приказать, и вошла бы, но Артём подумал — и не стал настаивать: отношения Лилии с командованием всё ещё сложные: хотя все обвинения и всё такое с неё сняты, всё равно лорд Стоун и его подчинённые вряд ли забудут несколько крепких слов, которые тогда слышали от неё.

— Новый рюкзак, — указал оружейник. — И новый пистолет. На этот раз практически без металла, в обоих случаях. Пришлось повозиться; но, раз теперь мы знаем, что существуют «операторы», будем соблюдать осторожность. Мы знаем, что пока что вы не можете скользить, но стандартное снаряжение теперь всегда при вас. Вопросы?

— Один вопрос, сэр. Я тогда не слышал никого — только помехи в эфире. По вашим данным, это техника вышла из строя, или?

— Думаю, что «или». Рацию можно вывести из строя электромагнитным импульсом, но он должен быть такой мощности, что от самого человека мало что останется. Есть основания предполагать, что «оператор» и создавал помехи. Если вам интересно: по нашим сведениям, ракеты «последнего довода» сработали на территории «локации М». Возможно, это даёт нам некоторую отсрочку — мы успели увидеть уничтожение основной группы войск нечисти. Та, что шла коридором на Айур.

— Намёк понял, сэр. Как только смогу вернуться в строй, продолжим исследования.

— Не сомневался в вас, сэр Ортем, — оружейник пожал ему руку. — Выздоровливайте, сейчас это главное. Мой поклон вашей несравненной хозяйке и её очаровательным помощницам.

-

Лилия позвонила Глории, как только прибыли на перрон Ватерлоо в Лондоне; позвонил и Артём — Марине. Дома, на Земле (уже казалось, что там он жил много лет назад), у Артёма не было привычки звонить родным и близким. Да что говорить, ведь и просто побеседовать с человеком, с которым жил в одной квартире, толком и не успел. Теперь навёрстывал и удивлялся — почему такое простое и очевидное действие не приходило в

голову раньше?

— Глория в отъезде, — озадаченно сказала Лилия. — Даёт концерты в Берлине и Пекине. Нас очень рады видеть в её доме, но — сначала дело, верно? Вам не страшно?

— Почему мне должно быть страшно?

— Бедлам — страшное место. Им детей пугают, если что.

— А я думал, душевное здоровье за столько лет научились уже возвращать. — Язвить Артём не собирался, но так уж прозвучало.

— Не всем, — Лилия, похоже, и сама не рада, что затеяла этот разговор. — Ну, раз вам не страшно, возьмите меня за руку! Можем пешком дойти, это не очень далеко.

-

Они шли молча; Лилия держала его за руку и улыбалась — молча. Смотрела по сторонам; Лондон, как и Лиссабон — город парков и величественной архитектуры; возможно, не такой величественной, как в Пекине или Москве, но тем не менее. Артём видел, как на них смотрят встречные — улыбаясь, и желая доброго дня. И конечно, он не оставлял без ответа, хотя бы вежливым кивком, ни одного доброго слова.

Люди определённо стали добрее. В целом и общем. Всё равно есть преступники, всё равно нужна полиция — видимо, некоторые черты человеческой природы никогда не изменить. Но всё равно чувствуется, что «человек человеку волк» — не про Айур.

Любопытно, почему они называли лечебницу для душевнобольных именем одной из самых древних и страшных лечебниц в истории Земли? Ведь не в качестве насмешки? Кое-что Артём уже успел узнать, специально прочитал про Бедлам: прежде всего, это центр оказания психологической помощи. Учитывая, что смерть подстерегает человека на каждом шагу — в любой момент под ногами может вспухнуть «кротовина», и выползший изнутри «паук» или «демон» могут начать есть тебя заживо. Здесь демоны и нечисть в целом — не фольклор, это часть реальности. Люди сумели ужиться с этим кошмаром, что прячется за входной дверью, но даром для психики это всё равно не проходит.

Может, потому власти Парижа смотрят сквозь пальцы на мордобой, который принято устраивать в заведениях — при одном только правиле: никаких серьёзных увечий. Может, поэтому Гайд-парк Лондона — всепланетная танцплощадка, где молодёжь, и не только, выпускает пар. Может, поэтому римская Арена пользуется такой популярностью. Может, человеку нужна постоянная, грозная опасность, смертельная угроза за порогом, чтобы становиться добрым к себе и себе подобным.

...Пока он думал, они дошли до главных ворот Бедлама. Разумеется, там их ожидали; Лилия накануне заказала пропуска и пояснила, кого и почему они ищут. Их встретили радушно и препроводили в ту самую часть Бедлама — корпус — откуда, по словам Лилии, «не возвращаются».

— Наслышан, сэр Злотникофф, — ему пожал руку главный врач отделения. — Рад видеть вас, госпожа Корту. Чем могу помочь вам?

— У вас на лечении находится Вероника Корвус, — Лилия улыбнулась врачу. — Дело в том, что... — и изложила, вкратце, историю о том, как Марина, стечением обстоятельств, разучилась читать, и как впоследствии обучилась заново.

— Поразительно, — покачал головой врач. — Случай госпожи Корвус нетипичный. Мы не можем в точности сказать, что случилось. Если вкратце: она — полноценная личность. Основная её сложность — практически полная невозможность непосредственно общаться с людьми. Ни разговаривать, ни переписываться. Мы стараемся оградить её от контактов с

людьми, в том числе с персоналом, используем технику, чтобы общаться, насколько это возможно. Когнитивные расстройства, в том числе вызванные неправильным обращением с переводчиками, давно уже умеют корректировать на месте, это рядовая ситуация. К нам сюда попадают только случаи, когда знакомые нам методики не работают. Что вы предлагаете?

Лилия пояснила. Со всеми подробностями.

— Интересный подход, — покачал головой врач. — Мы используем электромагнитную клетку, внутри неё госпожа Корвус и живёт — большую часть времени. Хорошо. Я готов проверить ваше предположение. Разумеется, вначале вы должны понаблюдать за госпожой Корвус. То, что вы лично знаете её с детства, госпожа Корту, может значительно упростить задачу. По нашим данным, большую часть времени госпожа Корвус живёт в выдуманном, воображаемом мире, и очень часто там упоминается приют, о котором речь. Вас проводят в гостиницу, — доктор встал, — и, как только мы с коллегами примем решение, как провести проверку вашей методики, мы с вами свяжемся.

-

«Номер» в здешней гостинице выглядит не менее роскошным, нежели апартаменты Марины и Артёма там, в Риме.

— Чудо, — Лилия переоделась в домашнюю — пусть всё ещё официальную — одежду, сняла большую часть украшений — и всё равно выглядит по-царски. — Не могу поверить, но мне нравится здесь, в Бедламе. Никогда бы не поверила, что скажу подобное. Посмотреть — так это просто Арена какая-то. Вы заметили? Спортивный корпус, столовая, библиотека. Ни криков, ни воплей. Я по-другому всё это представляла.

— Мы пока не видели пациентов, — заметил Артём. Точно, словно на курорт приехали. Обстановка такая, что уходить не хочется. Коварно, ох, коварно подошли к проектированию гостиничного корпуса!

— Не обижайте мою фантазию! — улыбнулась Лилия. — Пусть всего на день, но вы мой. Даже если вы просто будете рядом. Врач указал тут, на расписании, что повидаться с Вероникой мы сможем только после полудня, после двух часов, если точно. Почти три часа времени ещё. Чем вы хотите заняться?

— Здесь есть спортивный корпус? Пойду посмотрю. Там, на месте, и решу. А вы?

— Я в библиотеку. Марина попросила найти что-нибудь. В Лондоне у всех публичных библиотек общий каталог — я туда. Доброго дня!

Она обняла его — крепко, но осторожно.

— Сегодня вы мой, — шепнула она ему на ухо и первой покинула их «номер».

-

Они вошли в «клетку», дом Вероники Корвус. Сама она сидела на полу — хоть и клетка, но с удобствами: судя по количеству книг, она много читает. Но как?! Ведь в случае Марины...

Додумать он не успел. Как только они подошли на три шага, Вероника схватилась за голову обеими ладонями и посмотрела в их сторону. Видно было, что хочет что-то сказать, и не может. Она протянула руку в сторону Артёма и шевелила губами.

— Ортем, пожалуйста, выйдите, — резко попросила Лилия. — Я попробую сама вначале.

Артём кивнул. Быстрым шагом подошёл к массивной двери, потянул ручку...

Вероника оттолкнула Лилию и подбежала к нему — дверь едва только приоткрылась.

— Нет, — Вероника взяла его за руку. — Не уходите. Оставайтесь.

Слушать это было жутко: она заикалась почти на каждом звуке, каждое слово повторяла вновь и вновь, спотыкаясь и путаясь — но сумела произнести.

— Нет, — Артём заметил, что с той стороны двери явно хотят вывести обоих посетителей. — Пожалуйста, просто отойдите. — Удивительно, но его послушались — вскоре послышался щелчок. Внешняя дверь «клетки» закрыта.

Вероника вцепилась в него — обняла с такой силой, что стало трудно дышать. Прошло с полминуты или около — трудно было вести счёт времени. Хватка её пропала внезапно: Вероника отступила на шаг, продолжая держать Артёма за руку.

— Кто вы? — она по-прежнему выговаривала слова с трудом, и с не с первой попытки. — Почему я здесь? Где Лилия? — мало-помалу произношение стало даваться ей легче.

— Лилия позади вас, — Артём видел, что ноги едва держат его новую знакомую; осторожно усадил её на пол и уселся рядом, не отпуская её руку. — Я Ортем Злотникофф. Мы пришли помочь вам. Вы разрешите попробовать?

Вероника кивнула. Лилия приблизилась к ним и взяла Веронику за другую руку. Вероника закрыла глаза — ненадолго — а когда открыла, на лице её было изумление.

— Что случилось? — слова теперь произносила с первой попытки, хотя и неуверенно. — Мы занимались с тобой, Лилия, почему мы здесь? Почему он здесь? Что случилось?

— Вероника, какое сегодня число? — спросила Лилия мягко. — Какой день?

Вероника назвала дату. На двадцать с небольшим лет раньше текущей.

— Мы обе выросли, — Лилия осторожно погладила Веронику по голове. — Просто ты не заметила. Мне нужно позаниматься с тобой, прямо сейчас. Хочешь, чтобы он ушёл?

— Нет, — Вероника крепче сжала ладонь Артёма. — Голос прекратился. Я всё время слышала этот голос. А сейчас его нет. Я не хочу больше слышать его, не уходите!

— Мы не уйдём, — Лилия достала учебник из сумки. — Не отпускай его руку, если тебе так легче. Закончим наш урок, хорошо?

-

Вероника не без опаски отпустила руку Лилии. Потом — руку Артёма. Постояла так — изумление на её лице. И вновь наваждение — Артём снова смотрел на Веронику, а видел Марину. Долю секунды, и наваждение исчезло: Вероника ниже ростом, лицо треугольное, карие глаза и рыжие волосы. Ничего общего с Мариной, если подумать.

— Я его не слышу, — поразилась Вероника. — Не слышу голос. Так мне... мне теперь двадцать восемь лет? Да?

Лилия кивнула.

— Вы взяли меня за руку, и голос пропал, — Вероника подошла к Артёму. — Почему? Кто вы?

— Помнишь Марину? Она хозяйка Ортема, — улыбнулась Лилия, — а я её помощница.

— Как здорово! — детский, бурный восторг в глазах Вероники. И почти сразу же опаска — смутилась. — Простите! Вы не уйдёте? Я ещё увижу вас?

— Врачи осмотрят тебя, — Лилия помогла Веронике усесться на стул. — Так нужно. Мы здесь, и когда разрешат снова — мы снова придём. Договорились?

— Вы правда придёте? — Вероника взяла Артёма за руки, и посмотрела в лицо. — Правда? Честно-честно?

— Честно-честно, — Артём сумел сохранить серьёзность. — Пока будет нужно. Не беспокойтесь, это главное.

Он продолжал держать её за руки, пока Лилия ходила за врачом. Артём заметил, как напряглась Вероника, когда открылась внешняя дверь «клетки», но... почти сразу же успокоилась. Видимо, ждала чего-то неприятного, но оно не случилось.

-

Странно, но относительно краткий урок Лилии с Вероникой вымотал и Лилию, и присутствовавшего там Артёма — поговорили с поражёнными врачами — те никак не могли поверить, что Вероника Корвус теперь может говорить с людьми — и добрались до своего номера, куда им и принесли ужин. Хорошо, что Артём позвонил в Рим до ужина — после него уже точно не смог бы. Добрался до постели, успел пожелать Лилии доброй ночи, и — отключился.

Что-то снилось. Основным мотивом обрывочных, не запомнившихся снов был постоянно повторяющийся где-то вдали музыкальный обрывок — словно заело грампластинку с записью пьесы для симфонического оркестра. Проснулся внезапно, и понял всё, ещё толком не разобрав, что же такое он видит. Нечисть вокруг — столпилась вокруг кровати. Артём успел ощутить, что Лилия уселась — уселась рядом и схватила его за руки, успел ощутить её ужас. И, как и в предыдущих случаях, рассмеялся — нервным, неестественным смехом; впрочем, главное — что это помогло. Исчезла нечисть, и взамен залитого слезой и кровью пола — тот самый, чистый, практически стерильный пол гостиничного номера. Лилия обхватила его, и Артём чувствовал, как постепенно унимается её сердцебиение.

— Значит, с вами всё хорошо, если вы снова их видите, — прошептала Лилия ему на ухо. — Но почему я их вижу? Я ведь точно не скольжу, всякий раз потом пробовала.

— И сейчас?

— Нет, сейчас не пробовала, для этого мне на полу стоять нужно. Нет!

— Что «нет»? — Артём посмотрел в её глаза, Лилия чуть отстранилась, продолжая держать его за руки.

— Не вставайте. Половина третьего ночи, и мы оба не спим. Мне сказать, или сами догадаетесь?

— Скажите, — Артём не отводил взгляда от её глаз. Лилия рассмеялась, и сама отвела взгляд.

— Не угадали. Спойте мне. Есть ведь хоть одна песня, которую вы согласитесь петь только мне, или в моём присутствии? Ведь есть?

— Но...

— Всё здесь, — Лилия свесилась с кровати и достала из-под неё... флютню. Другую, не Артёма. — Отговорок искать не нужно.

— Ловко вы, — Артём принял инструмент, задумался. Лилия показала ему пульт управления акустической защитой — включена, никому ни музыка, ни пение не мешают. Вместе с тем, подумал Артём, если из номера раздастся крик о помощи, или что-то такое, автоматика с очень высокой вероятностью его опознает и вызовет охрану. Умная техника, слишком умная. Так... и что петь будем?

Как-то сама собой пришла на ум песня «Шипучее вино». Её и спел. На Лилию песня произвела большое впечатление.

— Чудно! — сказала она, когда песня закончилась. — Знаете, нужно выучить ваш

родной язык. Вы ведь её на древнерусском... простите, на русском вашего времени, поёте? Точно, нужно будет выучить. Спойте ещё раз! Пожалуйста!

-

Миранда уселась в постели. Станные сны сегодня — обрывочные, бессвязные, неприятные. Обычно сны яркие, красочные, интересные. Ну или вообще никаких, так тоже хорошо. Миранда включила ночник ярче и попыталась заснуть заново. Куда там!

Такое ощущение, что сломалась рация: стала ловить не то полицейскую, не то ещё какую-то волну. Миранда запустила самопроверку прибора, ничего не выявила, но стоило снять рацию — и мерещиться перестало. В конце концов, Миранда взяла со стены запасную — ту, которая ничего в мозг не транслирует, у которой, как в древности, отдельно микрофон и динамик — и спустилась вниз.

Она вовсе не удивилась, обнаружив там Мари. Тоже в халате, и тоже с запасной рацией на поясе.

— И тебе что-то мерещилось, — Мари посмотрела в глаза Миранды. — Дай угадаю. Неприятный повторяющийся голос, словно кто-то в рации что-то бормочет.

— Примерно так, — согласилась Миранда. — Сразу в больницу поедem, или посидим пока?

— Шутки она шутит, — Мари посмотрела на часы. — Там у них ещё поздний вечер. Нет, пока не буду звонить. Не знаю, как у тебя, а у меня это прошло. Нет никакого бормотания в голове.

— Тогда зачем запасная рация?

— Всё верно, — Мари налила Миранде сока — не ошиблась, сразу вынула из шкафчика нужную бутылку — и протянула. — На всякий случай. Пойду сегодня к связисту, пусть проверит.

— Не проще новую поставить?

Мари посмотрела Миранде в глаза.

— Это не решение. А я привыкла решать, чтобы уж окончательно. Если там что сломалось — пусть выясняет, что именно. О, смотри, кто идёт!

Не кто-нибудь, а Арлетт Беклин! После переезда в Рим Арлетт, хоть и пришла в себя, не отчётливо держала дистанцию со всеми, кроме Марины. С последней и общалась легко, и заходила сама, обычно по всяким мелочам, а остальные в основном видели её молчаливой, занятой любимым делом. К себе в комнату почти никого не приглашала.

— Не спится? — Мари и ей протянула безошибочно именно тот напиток, что Арлетт предпочитает пить — минеральную воду, из её родного города. — Голос не мерещится? Такой, словно в полицейской рации?

— Откуда ты... — поразилась Арлетт, но воду приняла и выпила, вначале. — Всё верно. Вы тоже?

— Мы тоже. Слушай, есть предложение отвлечься. У Миранды в альбомах много красивого. Если её как следует попросить...

Миранда рассмеялась.

— Она права. Идём, Арлетт, раз тебе не спится. Ну или пойдёмте на свежий воздух, погода сегодня хорошая.

— Лучше на свежий воздух, — выбрала Арлетт и допила последние несколько глотков. — Сейчас переоденусь. Благодарю! — вернула она стакан Мари, улыбнулась и направилась назад, по лестнице вверх.

Мари проводила её взглядом.

— Ты заметила? — она посмотрела в глаза Миранды. — Впервые улыбнулась нам обеим. Похоже, сегодня будет удачный день, раз такая редкость случилась. Ну что, пройдемся по свежему воздуху?

-

...Мари закончила, совсем вкратце и без подробностей, рассказ о том, как чудом выбралась из башни, про своих пропавших — забытых — друзей говорить не стала. Всё равно Арлетт слушала её, практически раскрыв рот, не дыша.

— Ничего себе! — покачала она головой, когда рассказ кончился. — Знала бы, держалась с тобой осторожнее. Так что, дроссели правда приносят удачу? Ты говоришь, потом все, кому не лень старались незаметно к тебе прикоснуться. Им всем потом везло?

— Не знаю, не спрашивала. Вот в лоб иногда давала — некоторые старались почаще прикасаться к... в общем, куда не приглашала. Можешь проверить, — Мари протянула руку. — Я, как видишь, почти всегда рядом. Если поможет, разрешаю прикасаться сто... нет, десять раз в день. Для начала, наверное, хватит.

Арлетт рассмеялась и прикоснулась кончиками пальцев к протянутой руке.

— Благодарю, проверю. Я тоже слышала такие истории, но никогда не верила. А где была эта башня?

— А тебе зачем? Рядом с Парижем, в лесу, выйдешь из ворот Республики — и сразу на север. В самую чащу.

— Её разве со спутников не видно? Найти не пытались?

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Но я — дроссель, верно? Веришь или нет — тебе решать. Факты — вещь упрямая.

Арлетт кивнула.

— Верю. У меня были друзья, которые очень хотели найти ту башню. Меня звали... а я уже не верила. Не знаю, как-то быстро перестала в такое верить. Мама говорит, всем в детстве нужно верить в чудо, и встретиться с ним хотя бы раз. А я ни разу не встречалась.

— Ты только что сказала, «верю». Значит, надо просто подождать, — Мари взяла её за руку. — Ой, прости, что без спросу. По моему опыту работы в полиции: иногда надо просто верить. Я пока работала, сто раз была готова признать, что все люди — скоты и мерзавцы, что хорошими только притворяются. Но так не признала, всё ещё верю. Может, потому что ума не сошла от такой работы. Трудно, но кому сейчас легко?

Арлетт снова рассмеялась и махнула рукой — да ну тебя. Все трое сидели на скамейке — а по дорожкам парка уже начинали пробегать люди в спортивной одежде. День начинается.

— Всё верно, пора немного размяться, — поднялась на ноги Мари. — Арлетт, присоединишься? Тогда дождёшься нас тут, хорошо?

-

Лилия сидела на коленях Артёма, обнимая его, прижавшись щекой к плечу.

— Не хочу вставать, — призналась она. — Всё думала, когда вы меня позовёте. А пришла сама, — она тихонько рассмеялась. — Сегодня нужно подольше поговорить с Вероникой. Врач сказал, она «застряла» каким-то образом в том моменте, когда... когда из-за меня она разучилась понимать. И сейчас с ней нужно, как с маленькой девочкой. А я всё-таки была её лучшей подругой.

— Совесть уже не так мучает?

Лилия не сразу ответила. Оделась; встала у окна, надевая украшения. Постояла, глядя во внутренний двор гостиничного комплекса, и только потом ответила.

— Да, стало гораздо лучше. Благодарю, что спросили. Сама бы ни за что не призналась. Идёмте? Не знаю, как вы, а я жутко проголодалась.

...Вероника уже без боязни приближалась к людям; Артёму даже показалось, что врачи уже и не рады, что вчерашний ещё пациент настолько справился со своим состоянием, что может теперь общаться с людьми, не пугаясь никого и не лишаясь дара речи.

— Очень необычная методика, — согласился врач. — Значит, сбойный переводчик. Что ж, техника иногда нас подводит. И та же техника помогает иногда всё исправить. У Вероники Корвус не осталось родных и близких: её привезли сюда прямо из приюта, и мы с самого начала не смогли понять, как с ней общаться. Удавалось обмениваться с ней записками. Она каким-то образом застряла в своём тогдашнем возрасте, психологически, в одном и том же дне. Каждый день проживала ровно так же, как и все предыдущие, а когда к ней пытались подойти и поговорить — пугалась, и в присутствии другого человека практически полностью лишалась дара речи. При этом исследования не выявили никаких нарушений структуры внутренних органов, только необъяснимое поведение центральной нервной системы. Что ж, — врач посмотрел, как Вероника что-то увлечённо рассказывает Лилии, — теперь для наступил новый день. Тот, который она всегда проживала, случился вчера по обычному сценарию, а сегодня всё по-другому. Вы сможете остаться ещё на какое-то время?

— Пока командование не прикажет иначе — да, могу. Это ей помогает?

Врач, Клавдий Тит Марцелл, кивнул.

— Пока вы рядом — пусть даже она не знает о вашем присутствии, насколько мы поняли, ей проще обучаться. Пока вы на дистанции не более двадцати метров, и между вами возможен электромагнитный обмен, Вероника восстанавливает способности быстрее. Мы заметили это вчера. Я думаю, для неё сейчас важно, чтобы рядом была Лилия Карту, её тогдашняя подруга. Думаю, Вероника пока не готова к тому, чтобы снова расстаться с ней.

— Если это возможно, мы просто можем перевезти её в Рим. Если вы считаете, что это ей не повредит.

— Не будем спешить, — врач улыбнулся. — Мы записали подробности эксперимента. У нас есть ещё двое пациентов со схожей симптоматикой — вы не откажетесь поучаствовать в них, так скажем, лечении новым способом?

— Не откажусь, доктор, — Артём пожал протянутую руку. — Признаться, само название вашей клиники меня вначале пугало.

— Да, название с историей, — врач жестом предложил пройти. — Не могу устоять перед таким искушением. Дроссели у нас практически никогда не появляются. Вы не откажетесь пройти обследование? У нас очень много аппаратуры для исследования деятельности мозга. Вы же знаете, что никто пока не смог объяснить, откуда берутся, так скажем, ваши способности.

-

Валери Обэр поманила к себе Мари Фурье, когда та вернулась из военного городка — возбуждённая, явно случилось что-то интересное.

— Мы готовы прочесать тот район, — пояснила Валери. — Чтобы не ехать самим в Париж, будем работать дистанционно. Вам — полицейский зонд, сможете управлять его движением, всё видеть и общаться с группой. Мы с Марселиной ведём общую координацию

действий.

— Когда можно начать? — Мари постаралась сохранить спокойствие, на грани лёгкого равнодушия. Не очень получилось: взгляд её, похоже, выдал.

— Хотя сейчас. Они готовы собраться и выдвинуться в течение часа. По вашему описанию мы составили маршрут.

— Сейчас, приведу себя в порядок — и можно начинать! — Мари, практически бегом, скрылась за дверью своей комнаты.

Марселина сняла гарнитуру, встретила взглядом с Валери. Обе улыбнулись.

— Похоже, это очень для неё важно, — заметила Марселина. — Я заметила, что она и так уже устала. Сколько там пути до указанной точки?

— По уже известному маршруту — полчаса. Загородная прогулка, там с тех пор лес успели вычистить на большом расстоянии. Многие там гуляют, давно уже безопасная область. И никто никаких «волков» в глаза не видел.

-

— Теперь влево, — Мари не стала включать прямую проекцию того, что «видит» зонд — можно обходиться и без шлемов, масок и всего такого, передавать сигналы прямо в зрительный нерв. Никогда не любила прямой трансляции, не стала пользоваться и сейчас. — Да, я вспоминаю дорогу. Вот это дерево я тогда отметила ленточкой.

— Всё верно, — отозвался один из полицейских. — Сохранились остатки волокон ткани на коре.

— Сейчас, сейчас пойдём дальше, — Мари сняла очки на несколько секунд, потёрла глаза, и снова надела устройство.

— Мари, если вы устали, можем отложить, — Валери переглянулась с Марселиной. Вы с группой сейчас в облагороженной области, там уже пять с лишним лет как безопасно.

— Нет-нет, я сейчас, — Мари помотала головой. — Вспоминаю маршрут. Всё, вспомнила. Теперь вон туда, там был небольшой овраг. Всё верно, это он. Теперь обходим его по правому краю, и — в чащу, вон туда. Всё, мы пришли.

— Ничего вокруг, — доложил полицейский. — Только лес. Деревья угнетённые, некоторые засохшие, то же самое с травой и кустами. Датчики нечисти ничего не фиксируют. Не слышно птиц.

— В тот раз было так же, — согласилась Мари. — Капитан, я вижу башню, азимут двести двадцать пять от меня — от зонда. Что видите?

— Только лес, — капитан полиции, командир группы, и его спутники осмотрели окрестности. — Башни не наблюдаю.

— Я что, одна её вижу? — Мари сняла очки, посмотрела в лицо Валери. Увидела, что та ошеломлена, смотрит на экран регистратора. На нём копия сигнала от камер зонда — и там отчётливо видна башня.

— Капитан, Валери Обэр на связи. Подтверждаю, наблюдаю каменное строение, по данным зонда высотой тридцать пять метров, азимут двести двадцать пять от зонда.

— Чёрт побери! — похоже, капитан тоже удивлён. — Виноват. Наблюдаем строение по указанному азимуту, курс на строение.

— Капитан, осторожно! — воскликнула Мари. — Наблюдаю движение — со стороны башни. Это могут быть волки!

— Мы не... — и капитан, не договорив, первым открыл огонь.

Бой был коротким, но жарким: волки сумели подбираться почти вплотную к людям, но

полицейские не растерялись — да и полицейский зонд располагает оружием; Мари хоть и не мгновенно, но сумела пустить его в ход. Последующий анализ показал, что на людей напало в общей сложности четыреста одиннадцать единиц противника. Пусть и слабого, но в таком количестве они легко могли загрызть, задавить массой человека неподготовленного, тем более — детей.

— Мы подходим к ограде, — сообщил капитан, хотя полицейский зонд и так всё передавал. — Видим вход. Противника больше не наблюдаем. Смотрите!

Дверь, распахнутая дверь внутрь башни, сама собой закрылась. И тут же затряслась под ногами людей земля.

— Капитан, немедленно уводите людей! — крикнула Мари. — Не задерживайтесь у башни!

На этот раз её послушались сразу же. Полицейский зонд Мари подняла выше, чтобы и полицейский отряд держать в поле зрения, и башню. Зонд заснял, как здание осыпалось, развалилось. Земля продолжала трястись; камни, обломки башни, распадались на меньшие куски, вновь и вновь. Минут через пять всё прекратилось.

— Смотрите, что видно в радиоизлучении! — Мари указала на экран регистратора, вновь сняв очки.

Под грудой каменного крошева, останков башни, отчётливо были видны концентрические окружности. Потом уже прибыли военные, всё оцепили и расчистили. И там оказалось именно это — два вложенных круга. Именно то, что попадалось в таком количестве в «локации М».

— Теперь вы мне верите? — спросила Мари, подтвердив, что покидает группу — управление зондом принял человек из полицейского отряда.

— Теперь — да, — Валери и Марселина смотрели, потрясённые, на холмик каменного крошева. — И если я правильно понимаю, — Валери первой отвела взгляд от изображения, — то мы все в большой опасности. Я имею в виду людей.

— Получается, что из нас специально делают дросселей, — заключила Мари. — Теперь мы даже знаем, кто. Осталось понять, зачем.

— Госпожа Фурье, — голос оружейника из радиации ничуть не удивил. — Мы получили запись оперативной съёмки поисковой операции. Вы действовали профессионально, приятно видеть. Завтра с утра, как только проснётесь — прошу подойти. Нам есть, что обсудить.

Дни 62–64. Посвящённые [оглавление]

Артём и Лилия присутствовали на совещании «виртуально» — так же, как присутствуют люди при сеансах видеосвязи, в виде голограмм. Остальные — лорд Тиберий Стоун, Марцелл Катон, сэр Джеймс Батаник, Валери Обэр, Мари Фурье и Марселина Люси; Дюран — лично.

— Господа, — лорд Стоун встретился с каждым взглядом. — Вчера в окрестностях Парижа было обнаружено и, по стечению обстоятельств, разрушено строение. У нас есть основания предполагать, что существует связь конструкции, которую мы обнаружили под руинами, с локацией «М». Госпожа Фурье; с настоящего момента приказываю не рассказывать лицам, не посвящённым в то, как вы обрели способности дросселя, о вашем походе в указанное строение. Вопросы?

— Так точно, сэр, — Мари поднялась на ноги. — Правильно ли я понимаю, что теперь вы не считаете мой рассказ выдумкой?

— Можете не вставать, — разрешил лорд Стоун. — Теперь есть все основания считать, что вы с друзьями действительно совершили поход к упомянутому строению. Хочу напомнить, что отношение к дресселям у населения планеты настороженное. Даже намёк на косвенную связь произошедшего с нечистью может стать поводом для паники, спровоцировать нападения на дресселей.

— Вас поняла, сэр, — кивнула Мари, и уселась.

— К сведению присутствующих, — лорд Стоун вновь обвёл собравшихся взглядом. — За последние двенадцать часов в полицию и штабы вооружённых сил планеты обратилось одиннадцать человек, в возрасте от девяти до тридцати лет, с заявлением, что они стали дресселями. Предварительные испытания подтвердили способности каждого обратившегося. Ситуация непростая; мы должны выявить, сколько ещё сооружений, аналогичных каменной башне, существует на планете, выяснить обстоятельства их происхождения. Любые сведения о ваших посещениях аналогичных сооружений с данного момента считаются предметом государственной тайны, обсуждению с лицами, не получившими соответствующий допуск, не подлежат. Вопросы?

Вопросов не было.

— Сэр Злотникофф, — лорд Стоун посмотрел в глаза проекции Артёма, тот поднялся на ноги. — Каждые двадцать четыре часа вам надлежит проходить медицинское обследование. До получения разрешения от сэра Арчибалда Ливси не пользоваться скольжением, даже если это не вызывает побочных эффектов. Совещание окончено.

-

— Они всё уничтожат, — заметила Лилия, после того, как провела очередной урок с Вероникой. Та быстро, по словам врачей — слишком быстро усваивала новое, словно торопилась наверстать упущенное. Психологически так и оставалась девочкой семи лет, невзирая на то, что знала много, очень много. Получается, она на самом деле читала все те книги, которые ей доставляли в «клетку»?

— Простите? — Артём думал о своём — размышлял о прозвучавшей фразе «косвенная связь произошедшего с нечистью». Какая уж там косвенная — прямее некуда. Но раньше башня в лесу, возвышение в подземном лабиринте и остальное были просто легендами — пусть и не для всех. А сейчас подтвердилось, что это — реальность. Логичный вопрос: отчего под башней находится портал? Почему неактивен — перестал излучать, как только военные раскопали его? Кто и когда построил башню, почему её не было видно со спутников? Терминаторы летают на высоте около стадии — четверти километра — над поверхностью планеты. Трудно было бы не заметить такое сооружение! И тем не менее — не замечали. Как такое возможно?

— Они уже нашли то возвышение в лабиринте, помните? Мы с братом стояли там, стали дресселями. Военные нашли лабиринт, и всё там сломали. А вчера нашли башню, в которую вошла Мари — правда, башня сама разрушилась, её не ломали, если я правильно поняла. Теперь они найдут остальные такие места, и все уничтожат.

— Они — военные?

Лилия кивнула.

— Дрессели всегда на стороне людей. Не было случая, чтобы дрессель помогал нечисти. А вы показали, что можете вести за собой нечисть, и что она вас слушается, даже «оператору» вы сумели помешать, как-то сбить его с толку. Понимаете? Я уверена, кто-нибудь очень скоро подумает так: а что, если в следующий раз сэр Ортем приведёт нечисть,

и прикажет ей сожрать людей?

— А что сами думаете?

— Я думаю, что вы так не сделаете. Пока вы человек, не сделаете. Но я же слышу, о чём люди шепчутся. От вас весь Рим в восторге, но я видела, что некоторые вас боятся. По-настоящему.

— Умеее озадачить, — Артём взял Лилию, сидящую рядом на скамейке, за руку. — Что ж, надо чаще бывать среди людей. Больше общаться с ними.

Лилия кивнула, долго молчала, глядя перед собой — на людей, прогуливающих по парку.

— Глория возвращается сегодня, — сказала Лилия, наконец. — Сказала, что может договориться о вашем концерте. Что-нибудь для молодёжи, для танцев — вы же знаете подходящие песни или просто музыку?

Артём кивнул.

— Замечательно! Хоть немного мирной жизни.

— Если все такие места уничтожить, — Артём посмотрел в глаза Лилии, — дросселей, возможно, больше не будет. Вы об этом подумали?

Лилия кивнула.

— Может, я поторопилась. Может, не всё уничтожат — оставят некоторые, начнут изучать. Ведь никто не смотрел, как человек становится дросселем. Нас ведь в школе учат, что это — защитная реакция, что люди случайно выработали эту способность, чтобы выжить. А теперь выходит, что всё не так.

— Всё может быть не так.

Лилия рассмеялась.

— Вы говорите как сэр Марцелл Катон. Они никогда ничего не утверждает, если нет уверенности на двести процентов. Да, всё верно, может быть не так. Всё, хватит о грустном! Сейчас ещё один урок с Вероникой — и пойдём учить те песни, которые вы споёте сегодня. Да? Вы согласны?

-

— Что это за девушка? — любопытствовала Валери Обэр, когда Мари Фурье, после занятий на Арене, вернулась домой. Уже начала привыкать к ежедневному осмотру у доктора Ливси. Ещё немного, и это начнёт мне нравиться, подумала Мари мрачно. Сама ведь привыкала: если что-то неизбежно и действует на нервы, сделай так, чтобы не замечать — или научись получать от этого удовольствие. Вот и научилась, похоже.

— Катрин Муар? — Мари присела на диван и с удовольствием выпила стакан прохладной минералки. — Одна из новых дросселей. Меня просили присмотреть за ней, следить за обучением. Доктор сейчас её изучает. У неё почти что моя история — только она в подземелья ходила, с друзьями. Говорит, что друзья со вчерашнего дня, как они все вернулись, не дают о себе знать. Беспокоится.

Валери и Марселина переглянулись.

— Кто-нибудь занимается этим делом? Её друзьями?

— Не спрашивала. Сейчас спрошу, — Мари прижала ладонь к уху. — Сэр Марцелл? Да, верно. Я хотела спросить: кто-нибудь занимается друзьями Катрин Муар? Она говорит, что они не дают о себе знать второй день. Что? Да, конечно, подожду.

Валери и Марселина снова переглянулись.

— Да, рядом со мной только люди с допуском. Угадали. Да, поняла, сейчас

переключу, — Мари сделала знак Валери и Марселине — ждите вызова — и через несколько секунд в общий теперь разговор вступили и они.

— Так точно, сэр Марцелл, — кивнула Валери. — Да, сейчас же начнём. Вас поняла, доклад каждые двадцать четыре часа, или по наличию новых сведений.

Совещание завершилось.

— То есть теперь мы ищем её друзей, — подвела итог Мари. — Что ж, может быть, ещё не поздно. Что-то у меня нехорошее предчувствие. Военные исследуют то самое подземелье, о котором рассказала Катрин.

— Думаете, если там есть похожее сооружение, оно может разрушиться? — спросила Валери о том, о чём последние несколько минут думали и остальные. Мари кивнула.

— Теперь они знают, что искать. Те сооружения, из двух кругов, излучают во всех девяти диапазонах связи нечисти. Я даже не знаю, чем всё это может кончиться. Могу чем-нибудь помочь?

— Если хотите. Для начала мы обследуем всё зондами, людей отправим, только если будут зацепки. Наши люди в Париже уже отправились к родственникам её друзей. Хотите вместе с нами изучить окрестности того подземелья?

— Разумеется, — Мари поднялась на ноги. — Переоденусь только. Через пять минут вернусь.

-

Было очень странно общаться с Вероникой Корвус — девушкой двадцати восьми биологических лет, сознание которой застыло на восьмом году жизни. Артём и сам бы не поверил, что говорит с той же смой девушкой, которая сутки назад перепугалась, увидев их в своей «клетке», и не могла в буквальном смысле слова звука издать — то жуткое заикание не так-то просто забыть.

Сутки с небольшим спустя Вероника — для психологического возраста — вела себя и общалась очень, очень охотно, подолгу и со всеми, кого замечала. Группа специалистов, половину которых срочно вызвали из других городов, проверила состояние Вероники — и подтвердили первоначальные выводы лечащего врача Бедлама: по неизвестным пока причинам у Вероники уже не проявлялось никакой «фильтрации» при общении с другими людьми — того, что не позволяло ей воспринимать окружающих как людей. Понятно, почему она выбрала хорошо знакомый ей день и воспоминания о приюте, где и жила, в безопасной гавани. Непонятно, каким образом сознание и психика в целом не получили непоправимого урона. Во всяком случае, пока что патологий не отмечалось.

Договорились, что ближайшие несколько дней Лилия будет оставаться поблизости; Артёма Вероника не то что бы пугалась — держалась с некоторой опаской, хотя в его присутствии процессы восстановления работоспособности её мозга по-прежнему шли активнее.

— Рассказывала мне, что интересного было утром. С ней иногда удавалось общаться записками, — пояснила Лилия. — Так она считает, что я оставляла все записки. Её попросили вести дневник. Она и вела его. Двадцать лет дневников, и в каждой записи подробности одного и того же дня. Но всегда с небольшими различиями — она иногда выдумывала что-то ещё. Ужас!

— Ужас, — согласился Артём. — Глория прибывает через час, просила нас ждать у неё дома. Вас уже отпустили на сегодня?

— Не хотели, — улыбнулась Лилия. — Мне бы полчаса просто посидеть, ни с кем не

разговаривая. Это как буря — столько эмоций, и в основном это восторг. Она теперь считает, что я каждый день заботилась о ней, присматривала. Не знаю даже, как я скажу ей правду. Когда-нибудь ведь нужно будет сказать.

— Позовите меня, — Артём взял её за руку. — Если нужно. Идёмте домой к Глории, как раз будет время до её появления.

— Позову, — кивнула Лилия — и так видно, что уже устала, а впереди, если верить её, вечеринка в Гайд-парке. Вот уж где можно всерьёз устать!

— Подождите, — Мари неплохо ориентировалась в подземном лабиринте безо всякой карты. По её словам, кто пытался найти кого-нибудь в Париже, никаких лабиринтов не побоится. — Можете попросить их остановиться? Я загляну зондом вон за тот поворот. Что-то странное мне там мерещится.

— Мерещится? — Марселина улыбнулась. На её памяти Мари Фурье — последний человек, которому будет что-то казаться или мерещиться.

— Я серьёзно. Пусть стоят и не отвечают. Если можно, тишину в эфире, но броню и оружие в состояние готовности.

— Принято, — Валери отправила указания. — Ждут ваших инструкций. Мари, у вас глаза уже покраснели. Давайте перерыв сделаем. Там тоже люди не из пугливых, они в масках и фильтрах, им так просто голову не заморочить.

— Нет-нет, я сейчас, — Мари потёрла глаза ладонью. — Всё, сейчас загляну.

Она заглянула... и осознала, вдруг, что стоит на четвереньках, на полу, а по всему телу пробегают холодные волны. Горло свело — ни шепнуть, ни крикнуть. И время ускорилося — Валери медленно-медленно поворачивает голову, Марселина столь же медленно бежит к Мари — явно пыталась не позволить ей упасть.

— Нет, — выдохнула Мари, когда вернулся голос и способность управлять телом. Жар теперь накатывал, волна за волной. — Валери, им нельзя смотреть или слушать. Только радар, только звуковая или радиокартинка. Не дайте им смотреть...

Её снова скрутило — словно невидимый кукловод пытался управлять. А когда получилось отобрать из чужих цепких пальцев привязанные к рукам и ногам верёвочки, Мари осознала, что в комнате уже полно народу. И ближе всех — суровый, мрачный доктор Ливси. Что-то командует — Мари ощущала, что её кладут на носилки и везут куда-то.

Темнота.

Мари рывком уселась. Кабинет доктора Ливси, рядом — вход в то самое «гостиничное отделение», где они с Мирандой пытались выспаться. Чудесное, замечательное самочувствие — как новенькая.

И Миранда — сидит рядом, то есть — дремлет. По лицу видно, что недавно плакала. Это почему тут слёзы? Что случилось?

— Доктор? — позвала Мари тихонько. Ничего нигде не болит. Неужели всё просто померещилось, показалось? Миранда тут же открыла глаза и взяла Мари за руку.

— Хвала небесам, — прошептала она. — Как себя чувствуешь? Ничего не болит?

— Ничего, — подтвердила Мари. И тут вошёл доктор Ливси.

— Замечательно, — он вытер платком лицо — взмок? С чего бы вдруг? — Ну, как себя чувствуете?

— Отлично, доктор, — Мари осторожно поставила ноги на пол — и ощутила ладонь

доктора, прикоснувшись к плечу.

— Не так быстро, — возразил он. — Ещё один похожий случай — и я запрещаю вам участвовать в оперативной работе.

— Что с ребёнком? — поинтересовалась Мари, прижав ладонь к животу.

— С ним всё хорошо, — заверил доктор. — Похоже, ваш организм чуть не умер сам — но сделал всё, чтобы его защитить. Больше так не рискуйте.

— Мы просто осматривали подземелье! — Мари поджала губы. — Я сидела в комнате, и просто смотрела на картинку!

— Всё-всё, спорить не буду, и вы не будете, — доктор посветил фонариком в зрачки Мари, прикоснувшись кончиками пальцев к её вискам. — Ну, вроде всё обошлось. Остаток вечера и завтрашний день — покой и хорошее настроение. Три раза в день после еды. Госпожа Красс, к вам тоже относится. Знаю ваш следующий вопрос — можете идти домой. Сами, или я вызову дилижанс.

-

— Уже почти ночь, — поразились Мари. — Ничего так я отдохнула. Что там случилось, не знаешь? Ну, с тем отрядом?

— Ты только не волнуйся, хорошо? — Миранда крепче сжала её ладонь. — Можем посидеть где-нибудь, на свежем воздухе.

— Говори уже сразу, — проворчала Мари. — Что я, смертей не видела?

— Про тот отряд в подробностях не знаю. Спроси у Валери. Я только краем уха слышала — там тебе очень благодарны. Есть раненые, но вроде все выжили. Я про Катрин Муар.

— А с ней что? — остановилась Мари. — Она же не участвовала.

— Доктор только намекнул, что она у него в больнице, всё ещё без сознания. Сказал, что опасности для жизни нет. Больше ничего не знаю.

— Весело тут у нас, — Мари вздохнула, и указала направление — идём. Когда дошли домой, её встретили как героя. Мари даже смутилась — за что, спрашивается? По пути на лестницу её встретила Валери — улыбнулась, и едва заметным кивком предложила заглянуть к ним в «участок», как стала звать их комнату Мари. Похоже, это и в самом деле теперь участок, глубоко законспирированный.

— Чтобы вы знали, Мари, — Валери предложила ей присесть на диван, сама уселась рядом. — Все живы. Там, за углом, куда вы заглянули зондом, был «оператор». Ненастоящий; как говорит сэр Марцелл, неоконченный, не полностью рабочий. Если бы вы не предупредили, были бы жертвы.

— Что случилось с тем местом, в лабиринте? Разрушилось?

— Точно так. Сэр Марцелл только намекнул — там у них сейчас идёт совещание. Он и его специалисты, похоже, одни за то, чтобы не разрушать все такие места с ходу, а изучить и поставить охрану. В штабе считают все такие места источниками высшей угрозы, настроены очень решительно. Вам персональная благодарность. Отряд в подземелье не регистрировал никаких признаков «оператора», или нечисти в целом. Понимаете, что это значит?

— «Оператор» умеет обманывать наши датчики, — мрачно ответила Мари. — Весело тут у нас.

Валери покивала.

— Оттого и хотят всё уничтожить, пока другие такие не появились. Это всё, что я знаю.

— Заварила я кашу, — Мари поднялась на ноги. — Мама говорит, это у меня с детства. Самой влипать в истории, и других втягивать. Пойду отдыхать, как доктор велел. И будьте

тут без меня поосторожнее!

— Так точно, госпожа лейтенант, — улыбнулась Валери, но встала по стойке смирно, как по уставу.

— Вольно, — Мари и сама сумела улыбнуться. — Нет-нет, я сама. Со мной уже всё хорошо.

-

Концерт в Гайд-парке завершился часа в два пополудни. Удивительно — вроде столько двигался, и спел множество песен, а усталость особо не приходила. Глория и Лилия тоже не торопились отдыхать — хотя они, в отличие от Артёма, ещё и танцевали.

— Странные песни, — заключила Глория. — Вроде и смысла особого в словах нет, а всё равно интересные.

Это она верно заметила. И «Mama told me», и «Gummy bear», и «Eins, Zwei, Polizei», и прочая дюжина или больше песен, годных для танцев, что он вспомнил, особого смысла, скажем вежливо, не исполнены. Но любят их не за это.

— Я как будто совсем не устала, — удивилась Глория — минуты три они посидели на скамейке, в отдалённой части Гайд-парка, пока наводили порядок на танцплощадке. Они тоже взялись было помогать, но местные жители вежливо, но твёрдо не позволили — ну да, артистам в этом смысле положены небольшие, но привилегии.

Похоже, не им одним не спалось — ещё человек двадцать из тех, кто были на концерте, он же дискотека — тоже кто стоял, кто сидел на скамейках вокруг — любовались зрелищем ясного, красивого звёздного неба, с Луной — имитацией Луны — в первой четверти. Прохладно, упоительно свежий воздух, и — ни ветерка.

— Вам завтра домой, — напомнила Лилия. — Доктор Ливси желает видеть вас в больнице. Потом, если захотите, возвращайтесь. Я ещё неделю побуду с Вероникой — сами видели, она меня не отпускает.

— Расскажите мне, что там случилось? — попросила Глория. — Я побаиваюсь этого места, если честно.

— Все боятся. Наверное, кроме Ортема, — Лилия взяла его за руку. — Я расскажу, что можно. Ортем? Что-то случилось?

— Вызывают, — Артём встал и приложил ладонь к уху.

— Сэр Ортем, Марцелл Катон на связи, — оружейник мог бы и не представляться. — Мы видим на радаре неопознанные сигналы, по скорости перемещения — дроссели. Две группы движутся в вашу сторону. Тридцать секунд до контакта. Срочно в укрытие, если в состоянии скользить — уходите!

— Глория, Лилия, — Артём повернулся. — Срочно уводите людей отсюда. Всех, кто без оружия. Я должен покинуть вас.

Похоже, местной полиции также успели что-то сообщить — к Артёму и остальным как раз бежали двое полицейских. Артём попробовал войти в скольжение и понял, что привычной последние несколько суток боли не приходит. Вопреки указаниям врача, он всё равно время от времени пробовал — так человек трогает раз за разом языком больной зуб — не потому, что нравится испытывать боль, а потому что остаётся надежда — вдруг пройдёт?

Людей уговаривать долго не пришлось, что такое тревога вторжения, здесь тоже хорошо знают. Когда Артём уже практически вошёл в состояние скольжения, это и случилось: на расстоянии десятка шагов, к северу от него, материализовались две колонны. Некогда было считать, Артём успел только заметить, что там есть «титаны» и «демоны». И двое людей в

каждой колонне — те самые дроссели, которые привели сюда нечисть? Весело живём, подумал Артём; забрало шлема уже опущено, пистолет в руке.

Нечисть только успела сдвинуться на шаг в сторону Артёма, когда он крикнул:

— Стоять!

И почти сразу же пришла на ум давешняя, странная песня: «Ты — дерево, твоё место в саду...»

Оба вновь прибывших дросселя бросились на него. Артём успел заметить длинные когти на кончиках пальцев их рук. Не люди, подумал он; скольжения ещё не было, но время уже замедлилось многократно, что позволило ему увернуться — вся прочая нечисть замерла; её уже обстреливали — полицейские, и летящие в сторону прибывшего врага терминаторы и полицейские зонды.

Окружающих звуков при такой скорости движения не слышалось — только собственное дыхание внутри шлема. Артём успел заметить, при очередном пируэте — стрелять боялся, позади нечисти всё ещё были люди — что Лилия, поодаль, прижала кончики пальцев к вискам, словно у неё случился приступ мигрени, и... исчезла. Удивиться толком не успел, некогда — дроссели-нечисть двигались медленнее Артёма, но достаточно быстро, чтобы не оставалось времени на что-либо ещё. И ноги словно свинцовые — надо или возвращаться в обычное состояние, или уже скользить прочь отсюда.

Артём выбрал второе. Ничего нигде не заболело — замечательно! Артём обошёл замерший, словно коллекцию статуй, отряд нечисти — отыскал взглядом место, где меньше всего людей вокруг — и направился туда, прочь от Лондона.

Двое дросселей возникли на границе области, которую Артём «тащил» за собой — любой, кто будет некоторое время идти с нужной скоростью, окажется втянутым, принятым в колонну, будет скользить вместе с дросселем. Возникли и побежали к Артёму со всех ног. Ни звука не издавали, а на лицах сохраняли каменное, невозмутимое выражение — в сочетании с когтистыми лапами было чего испугаться.

Два выстрела вышибли неприятеля из колонны — упали и исчезли — выпали из скольжения. Тут же ожила рация.

— Сэр Ортем, — голос оружейника. — С их войском удалось справиться. Подробности позже. Вас всё ещё преследуют; старайтесь избегать населённых пунктов. Мы видим вас на радаре. Внимание, противник на расстоянии нескольких секунд, позади по курсу!

Они оба «проявились» позади — вновь догнали и вошли в синхронизацию со скольжением Артёма. Ещё два выстрела — и вновь стряхнул противника, если можно так сказать.

— Вас преследуют, — вновь доложил оружейник. — Внимание, третий сигнал, источник неизвестен, движется к вам с девяти часов!

Это оказалась... Лилия. Артём чуть не попал в неё, вовремя отвёл оружие в сторону.

— Я с вами, — сказала она просто. — Я увела, кого успела, подальше. Даже не спорьте, не уйду.

— Ко мне присоединилась Лилия Карту, — доложил Артём. — Где противник?

— На шести часах, позади по курсу. Не более пяти секунд...

Артём успел выстрелить. На этот раз дроссели появились метрах в десяти — едва успел! И ведь стреляю не резиновыми пулями, подумал Артём, боевыми.

Они выпали из скольжения, и появились вновь... секунд через пять. Набирают скорость, подумал Артём. Надо и мне так же.

— Сэр Ортем, вы идёте с предельной скоростью, — сообщил оружейник. — Если госпожа Карту владеет оружием, световой пистолет у вас в заднем кармане рюкзака.

— Я сама найду, — Лилия, не останавливаясь, расстегнула рюкзак... и тут же оглянулась. Оглянулся и Артём. Успел заметить, что Лилия дважды бросила два крупных камня — похоже, попала в цель в обоих случаях, противник снова «выпал». Ещё пять секунд — и вот уже пистолет у неё в руке, а рюкзак застёгнут.

— Я буду следить, — сказала Лилия. — Не отвлекайтесь.

Не отвлекаться? Хорошо. Артём попытался ещё прибавить скорости... и это получилось. Теперь мир вокруг не скользил, не проносился стремительно, но стал наплывать, ненадолго задерживаться, и пропадать — словно зрение выхватывало из кинофильма отдельные кадры, вместо того, чтобы видеть именно фильм. Что удивительно, усталость от этого быстрее накатывать не стала.

— Сэр Ортем, третий неопознанный сигнал на шести часах. Рекомендуем стрелять в голову, в шею, в суставы — противнику потребуется больше времени на регенерацию.

Вспышки позади. Они не вышибали вражеских дросселей из скольжения, но некоторое время просто шли, не пытались догнать и напасть — как раз хватало времени, чтобы выстрелить пулей. Одному из преследователей, Артём успел заметить, выстрелом оторвало голову — но ещё через двадцать секунд, когда противник вернулся, голова вновь была на его плечах. И патронов не бесконечно много. Нужно что-нибудь более радикальное.

— Впереди вода, — предупредил оружейник. — Сэр Ортем, вы движетесь по направлению к берегу, предлагаю сменить курс.

Артём и Лилия переглянулись... и Лилия взяла его за левую руку.

— Я умею стрелять левой, — пояснила она. — Хорошая идея! Не останавливайтесь! Я слышала, что если скользить очень быстро, можно просто пройти по воде! Я умею плавать, не бойтесь, не дам вам утонуть!

Артём вновь попробовал прибавить ходу... и вновь получилось. Успел ощутить, как вздрогнула Лилия — ей, похоже, тоже стало не по себе. «Идти» по водной глади было легко, она едва успевала проминаться под ногами. Кадр за кадром наплывал на них; берега стремительно уносились в сторону. Только не останавливаться, подумал Артём, и не пугаться. В рюкзаке должен быть и спасательный плот, но лучше к нему не прибегать. Постепенно относительно гладкая поверхность воды становилась волнистой — не зря, небо впереди по курсу потемнело — что там, буря? Хорошо бы избежать её.

— Сзади! — воскликнула Лилия. На этот раз вспышки почти не остановили дросселей — Артём стрелял в упор; противников стало трое, и третий практически успел вцепиться в рукав его куртки.

— О небеса... — прошептала Лилия. — Там буря. Не останавливайтесь! Если можно повернуть — давайте повернём, но не останавливайтесь.

Не было звука, но и без него оказалось жутко — скользить по-над застывшими, в рост человека волнами было не очень просто — идти насквозь отчего-то не получалось, приходилось взбираться на каждую такую волну, даром что каждые несколько секунд под ногами оказывался уже совсем другой пейзаж, другие волны — и их высота всё росла.

— Возьмите левее, — посоветовала Лилия, которая не забывала оглядываться. — Попробуем обойти самое опасное место.

Ещё несколько «кадров», и они с Лилией едва не угодили прямым в водоворот. Артём только успел сменить курс, чтобы двигаться по его кромке вверх, прочь из глубины — как

противник вновь появился «на хвосте». Эти несколько секунд были самыми страшными — нужно было отвести взгляд, чтобы стрелять, а под ногами всё ещё была зыбкая, чёрная поверхность водяной воронки.

Выстрелив третий раз, Артём понял, что боевых патронов осталось два. Потом — разве что переходить на пластиковые пули. Кадр сменился — они, похоже, не избежали самого центра бури, и стоило немалого самообладания проходить между двумя волнами, каждая из которых вздымалась метров на десять.

Казалось, прошла вечность, прежде чем они покинули область волнения. И — океан вокруг стал ровным и гладким, ночь и пронзительное, яркое небо, со вкусом раскрашенное цветным узором. И — постепенно начала приходить усталость.

— Почему они с нами не связываются? — спросила Лилия, когда стало понятно, что противник прекратил преследование. Может, потерял их из виду, может — что-то ещё. — У меня рация вообще молчит, я не могу запросить координаты.

— Связь утеряна? — Артём только сейчас удивился, что нет необходимости теперь постоянно сосредотачиваться на состоянии скольжения — получается даже говорить и можно изредка посматривать по сторонам. Час от часу не легче. Рация ещё и компас — а навигация не повредила бы. Что теперь?

— Да, — Лилия оглянулась. — Смотрите, вон там суша! Можно попробовать немного замедлиться? Вдруг они смогут с нами связаться.

Артёму и самому не очень хотелось останавливаться; никогда ещё не скользил с такой скоростью, и нет уверенности, что получится это повторить. Но то, что ноги устают существенно меньше — уже чудо!

Лилия была права: как только они вернулись на твёрдую почву и взамен мелькания кадров под ногами вновь потекли окрестности, стремительно и плавно, рация ожила.

— ...вызывает Ортема. Если слышите нас, подтвердите.

— Ортем Риму, мы вас слышим. Мы не знаем, где находимся, приём.

— Рим Ортему, — голос диспетчера. Похоже, его ничем не удивить. — Вы на противоположной стороне планеты. Удерживайте скорость, я рассчитываю для вас курс. Вам придётся или повторно пересечь океан, или остановиться и ждать спасателей, они будут через сорок минут.

Артём посмотрел в глаза Лилии, и та кивнула. Ясно, о чём она. Лучше уж рискнуть пересечь океан: после скольжения, да ещё длительного, дроссель обычно теряет всякие силы — случись кто из нечисти поблизости, и до спасателей можно просто не дожить. А на воде шансов, как ни странно, больше — в воду нечисть с берега не сунется, здешняя фауна с ней справится. А людей морская живность не тронет.

— Мы пойдём через океан, сэр, — доложил Артём. — Просьба указать оптимальный курс.

— Вас понял, сэр Ортем, ждите инструкций, удерживайте скорость и курс.

-

Удивительно, но, когда Артём остановился, привычной уже внезапной усталости не было. Усталость пришла, но постепенно, и не настолько сильная. Зато поднялась температура — чуть выше тридцати семи, самая неприятная, от которой перестают повиноваться и руки, и ноги. Судя по тому, как выглядела Лилия, с ней что-то похожее.

Разумеется, их направили в карантин — на базу Корино. Представляю, сколько времени нас будут потом расспрашивать, подумал Артём мрачно. Пока было ясно, что на

кругосветное путешествие у них ушло чуть больше сорока пяти минут. Даже если бы они двигались кратчайшим путём, всё равно средняя их скорость была бы чуть выше первой космической. Никогда к этому не привыкну, подумал Артём. Интересно, здесь есть здешняя версия книги Гиннеса — ведь вполне можно заявить о рекорде скорости.

— Мне расскажите, я тоже хочу посмеяться, — попросила сидящая рядом Лилия. Особо расспрашивать их пока не стали: провели дезинфекцию, проверили на возможное заражение — и отправили в «номер», отсыпаться. Ещё и ужин туда же принесли. Вот только спать не хотелось даже после ужина.

Артём рассказал. Примерно пояснил, чем на Земле была книга рекордов Гиннеса.

— Я тоже мечтала прославиться, — просто сказала Лилия, и прижалась к его плечу. — А сегодня было как в тот последний день. Последний день, когда я была дросселем. На нас с Августом напали — наверное, я от страха ушла в скольжение. Мы ушли от нечисти, а когда я остановилась, то почувствовала, что всё. Уже не смогу скользить. Сегодня было так же — поняла, что если остановлюсь, то снова уже не получится. Вот и решила вас догнать — пока силы были.

— Вы очень помогли, — Артём обнял её — сама Лилия, это было видно, и хотела обнять его, и не решалась. — Может, даже спасли нам обоим жизнь. Всё нормально.

Она покивала.

— Скажу честно. Мне сейчас уже не хочется утопиться, как в те дни, когда Август стал Юлием, а я разучилась скользить. Два или три раза он не давал мне прыгнуть в реку или с утёса. Больше я не пробовала. Нет, не беспокойтесь, в этот раз топиться не пойду, хотя очень трудно такое терпеть. Это как...

— Наркотическая ломка?

Лилия кивнула.

— Да, наверное. В тот раз помог шоколад. Он очень дорогой, но помогал. Я знаю, что я поступила нечестно — тратила наши общие с Мариной и Мирандой деньги, чтобы покупать его, и ела одна, понемногу, тайком. Иначе сил не было это терпеть.

— Думаю, они всё поняли бы. Насчёт шоколада не беспокойтесь, найдём.

Лилия рассмеялась.

— Я знаю. Всё, вот теперь я спать хочу. И вам тоже не помешает. Мне ещё завтра придётся объясняться с вашим руководством.

-

По прибытии в Рим Лилию и Артёма первым делом отвели в клинику, к доктору Ливси. Вначале тот почти битый час исследовал Артёма.

— Всё восстановилось, — кивнул он. — Характерные структуры тканей. Никаких повреждений. Даже голова потом не болела, говорите?

— Ничего не болело. Только температура поднялась.

— Это бывает, достаточно обычный симптом. Что ж, сэр Ортем, можете возвращаться к своим обязанностям дросселя. Госпожа Корту, ваша очередь.

Лилию он задержал всего минут на двадцать.

— Невероятно, — доктор Ливси почесал затылок. — Есть свидетели, есть запись датчиков — вы, несомненно, скользили. Вы пока что единственный человек, мне известный, у которого нет характерных для дросселя тканей — и который, при этом, скользил. Теперь минимум раз в неделю ко мне на обследование, и обязательно отметьтесь в штабе.

— Слушаюсь, доктор, — Лилия сохраняла спокойное выражение лица.

— В случае, если симптомы «ломки» станут отчётливыми, немедленно ко мне — или в клинику, я оставлю запись в вашей карточке. Если шоколад действительно помогает — используйте. Хотя, конечно, не увлекайтесь.

— У меня богатый опыт, доктор, — улыбнулась Лилия. — Не беспокойтесь.

— Вот и славно, — доктор Ливси явно доволен. — Примите мои извинения — я не верил, что вы действительно скользили. Век живи, век учись.

Ответить Лилия не успела — в дверь постучали, и вошла... Катрин Муар. Одна из вновь появившихся дросселей.

— Мадемуазель Муар! — всплеснул руками доктор. — Познакомьтесь — сэр Ортем Злотникофф, госпожа Лилия Карту.

— Очень приятно! — Катрин чертами лица походила на Миранду — но видно, что самой Катрин едва ли есть восемнадцать. — Вы не проводите меня в штаб? Доктор, я могу идти, да?

— Как мы и договорились — в штаб, затем — домой и — отдыхайте ближайшие дни, не перенапрягайтесь. И просьба не пробовать скользить, пока не пройдут симптомы.

Артём и Лилия переглянулись.

— Да, доктор, — кивнула Катрин. — Благодарю вас! Здравствуйте!

...Расспрашивать её ни о чём не стали. Катрин всё дорогу казалась всем довольной и жизнерадостной — ну ещё бы, совсем недавно была вполне обычной школьницей, и вдруг — новая способность.

Они дошли до площади Марка Аврелия — отсюда открывается отличный вид на Тибр. Река, широкая и величественная, и мосты — изящные, словно браслеты, не сковывающие реку, а украшающие её. Невозможно было не остановиться, чтобы полюбоваться видом. Они и остановились.

— Нам туда, — указал Артём. — Лилия, вы с нами? Ах да, конечно с нами, простите. Катрин, у вас голова кружится? — Катрин стояла, глядя на реку, прижав ладонь ко лбу.

— Катрин, — Лилия взяла её за руку. — Я всё вижу. Не надо. Вам лучше вернуться к доктору, если хотите — вернёмся вместе.

— Нет! — крикнула Катрин вдруг, рывком освободив руку, и... начала протаивать.

— Ортем, не дайте ей прыгнуть в воду! — крикнула Лилия. — Я звоню доктору. Задержите её!

Артём успел догнать Катрин — скольжение той было неровным и относительно медленным — и поймать её за руку, вынудить остановиться — до Тибра, до края набережной, оставалось не более десятка шагов. Ему пришлось прижать Катрин к мостовой — девушка кричала и вырывалась, но силы явно были неравными. По счастью, прохожие рядом помогли — Катрин старалась не столько освободиться, сколько нанести урон самой себе.

Когда её увёз дилижанс «Скорой», к Артёму подбежала Лилия.

— Я останусь с ней, — сказала она. — Так нужно. Идите в штаб без меня.

— С ней то же, что и с вами?

— Да. Она уже не может скользить. Я побуду рядом с ней.

Артём кивнул, и обнял её.

— Благодарю, что крепко держали меня за руку, — шепнула Лилия. — Простите, что снова обманула вас. Там, над океаном, несколько раз очень хотелось отпустить вашу руку — чтобы покончить со всем этим сразу. Я постараюсь говорить теперь правду. Только правду.

Дни 65–68. Обман зрения [оглавление]

Марины дома не было; Артём поднялся в их с Мариной апартаменты — постучался к ней в студию, вошёл. Никого. Картина, прикрытая тонким покрывалом — как и Миранда, Марина не любит, чтобы главели на неоконченное.

Как она всё успевает? Впору было вновь поразиться: и дома все схвачено, о каждой мелочи хозяйка помнит; и в свет выходить время находится — хотя, конечно, вскоре доктор запретит ей подолгу находиться в публичных местах. Уже на вторую неделю пребывания Марины на посту хозяйки всего дома порядок в нём приблизился к идеальному: всё, что требовало ремонта, отремонтировано; все запасы проверены, недостающее добавлено; с каждым домочадцем она поговорила и выяснила, что кому нужно, что кому мешает и всё такое. При этом очень много читает, находит время работать над новыми ожерельями и пишет картины. Как??

Стопка непрочитанного выросла до восьми книг; на столе — записка от Марины: «В библиотеке попросили больше книг не забирать — я веду список, если у вас найдётся время всё это прочесть». Умница. Тут отчётливо было не до книг.

-

Когда Катрин открыла глаза, Лилия сидела рядом. Заметив, что Катрин очнулась, Лилия взяла её за руку.

— Ничего не болит? — спросила Лилия, помогая Катрин усесться, протянула ей стакан воды.

— Ничего, — Катрин выпила воды, прикрыв глаза. Вновь улеглась, и спросила, отвернувшись: — Зачем?

— Со мной было то же самое, — Лилия поставила стакан. Катрин повернула голову, встретившись с Лилией взглядом. — Два с половиной дня я была дросселем, и была счастлива. А потом всё прекратилось. Мой брат четыре раза не позволял мне броситься в реку, или со скалы. Я знаю, что ты чувствуешь. Кажется, что всё кончено, что никогда уже не будешь счастлива.

Катрин кивнула, и закрыла глаза.

— Попробуй, — Лилия протянула ей кусочек шоколада. Спасибо Марине — уж непонятно, когда успела добыть его и прислать в клинику. — Мне помогало. Может, и тебе поможет.

— Вкусно, — голос Катрин уже не был таким бесцветным. — И долго... долго ты терпишь всё это?

— Почти шесть лет. Я потеряла брата три месяца назад, но всё равно жизнь осталась прекрасной. Это ведь было чудо. Ради такого можно всё вытерпеть.

Катрин кивнула. Ей явно становилось легче.

— Ты останешься? — она сама взяла Лилию за руку. — Останешься со мной?

Лилия кивнула. Она уже успела позвонить и поговорить с Вероникой. Та поняла, что есть серьёзный повод задержаться в Риме и просила только приехать — как только получится.

— Они нашли моих друзей? — спросила Катрин неожиданно — Лилия подумала, что Катрин уже уснула.

— Я пока не знаю. Если что-то выяснят, сразу же сообщат. Давай просто подождём. Их ищут, их не бросят, пока всё не выяснят.

Катрин кивнула и улыбнулась, не открывая глаз. И, наконец-то, вновь уснула. Минуты

через три появился доктор Ливси, и жестом предложил следовать за ним.

— Вы хотя бы пообедайте, — предложил он. — И отдохните, если нужно. Как только она проснётся, вас позовут.

— Слушаюсь, доктор, — Лилия осознала, что и в самом деле устала — дальше некуда. — Оставьте это там, у её кровати, — она положила на стол салфетку с несколькими кусочками шоколада. — Похоже, ей тоже помогает.

-

— Мы сумели отыскать останки двух из трёх дросселей, что преследовали вас, — Марцелл Катон жестом предложил Артёму присесть. — Третьего почти полностью успели обезвредить наши акулы.

— Обезвредить?

— Съесть. Найдены только фрагменты тела. Вы присутствовали когда-нибудь при вскрытии? Могу показать только заключение, если нет желания смотреть на сами останки.

— Там есть, на что смотреть?

— О да. Прошу сюда, надевайте защитный костюм — и за мной.

Лифт вёз их куда-то вниз, вёз долго. Исследовательский комплекс, каждая его часть — подземная крепость — в таких скрывались люди, пока не изобрели танки и не начали возвращаться на поверхность.

— Клеточная активность подавлена, — добавил оружейник, подводя Артёма к одному из «операционных столов». — Проще говоря, все их клетки теперь мертвы, мы сохранили их в качестве препарата — на случай, если потребуются дополнительные исследования. Неприятные новости: мы знаем теперь о судьбе остальных четырёх друзей Катрин Муар. Трое из них привели нечисть в Рим и Лондон, а затем отправились преследовать вас. Четвёртый провёл свою колонну нечисти через Париж и Берлин, не прекращая скольжения, был остановлен и обезврежен в Москве. Есть жертвы среди мирного населения. Среди прочих, погиб один из наших дросселей, ещё один в тяжёлом состоянии.

— Я знаю пострадавших, сэр?

— Нет, вы не встречались. Генетически это — всё ещё люди, — оружейник подошёл ближе к одному из «препаратов». Есть чего испугаться — пара рук почти человеческая, но с гипертрофированными, мощными мышцами и длинными когтями, и ещё одна пара недоразвитых, рудиментарных. Глаза выглядят не так, как у человека. Внутренние органы — также мало похожи на человеческие.

— Внутреннее строение, как у недоразвитого «оператора» там, в подземелье под Парижем, — пояснил оружейник. — Пока ясно одно: они не завершили трансформацию, мы предполагаем — в «операторов», и отправились на войну. Причины неясны — после трансформации они были бы куда более стойкими и опасными.

— С вашего позволения, сэр, — Артём ощутил, что комок подкатывает к горлу, — я предпочёл бы не смотреть на остальных.

— И незачем, — оружейник повёл его к выходу — в шлюзы, где их минут десять исследовали зонды, а костюмы проверялись на наличие дефектов, промывались в ядовитом для белковой жизни составе. — Они все похожи. Главное вот что: они отправились из того же самого подземелья. Катрин Муар стала дросселем и, вместе с друзьями, вышла наружу. Но друзья её зачем-то вернулись, что стало с ними потом — вы только что видели.

— Представляю, что думает командование.

— Совершенно верно. Найти все остальные такие места и уничтожить, пока на нас не

стали нападать «операторы». Вы уже в курсе, что они могут разрушать тяжёлые танки и скрываться от наших датчиков. Мы должны вначале подготовить все города к возможному появлению такого противника, приготовить резервы лёгких танков и терминаторов. Одно радует — пока они скользят, мы видим их уже существующими средствами.

— Вы сказали, сэр, что у вас есть для меня задание. Можно узнать, какое?

— Смотрите сюда, — оружейник вывел на экран регистратора карту. — Это Австр, южный континент. Необитаемый; колонии нечисти на нём разгромлены, мы ведём мониторинг, но человеческие поселения там не сохранились. Вот линия вашего маршрута. Вы проходили мимо одного из действующих вулканов на Австре, помните?

Ещё бы не помнил. В детстве Артём часто мечтал побывать у настоящего вулкана. Мечта сбылась, и не сказать, что Артём очень рад — даже в режиме скольжения мощь и размах стихии впечатляют.

— Отлично. А вот тут, примерно в двадцати стадиях от вулкана, ваши датчики зафиксировали характерные излучения. Такие распространяют порталы в локации «М», и то, что мы нашли в сооружениях, где из людей делали дросселей.

Артёму стало не по себе.

— Думаете, там ещё одно такое место?

— Нужно исследовать. Мониторинг ничего не показывает, но ведь и ту башню мы тоже не видели. Если там есть что-то подобное, нужно исследовать. В первую очередь — понять, каким образом они маскируют своё присутствие. Я сумел убедить наше руководство, что перед тем, как штурмовать или изолировать такие объекты, мы должны выяснить всё об их маскировке, эта технология нам пока неизвестна. Вкратце: вы будете исследовать Австр. Первые трое суток — будем вести тренировки вот здесь, — указал оружейник. — Здесь пролив, достаточно широкий, чтобы воссоздать ту часть океана, которую вам нужно будет пересечь. Вы будете переходить его вместе с вашей ротой, пока мы не убедимся, что вы в состоянии держать необходимую скорость. Связи при такой скорости скольжения нет, мы пока ищем варианты обеспечить вас навигацией. Но мы всё равно видим вас на радаре.

— Вас понял, сэр. Когда приступаем?

— О времени отправления вам сообщат. Пока что — отдохните, сколько сможете. Рим просьба не покидать.

Да, теперь это уже воспринималось как шутка.

-

Мари выслушала рассказ Артёма, не моргнув и глазом.

— То есть друзья её погибли, — заключила она. — Превратились в нечисть — всё равно что погибли, никого ещё не удавалось вернуть после долгого заражения. Родители и близкие их не помнят, как и в моём случае. И пусть теперь не помнят, я считаю. Осталось сказать это Катрин.

— Лилия всё ещё с ней?

— Лилия в Лондоне. Катрин уже почти пришла в себя — побудет пока в больнице. Я теперь её навещаю. Не буду пока говорить про её друзей. Жаль их.

Артём, уже машинально, проверил, что красные шприцы — меры первой помощи при возможном заражении клетками нечисти — перезаряжены, и на месте. Теперь он носил их не два, как все жители, а восемь — все свободные отделения в куртке.

Мари покивала.

— Хорошая привычка. Я вот тоже по утрам первым делом их проверяю, даже когда на

завтрак спускаюсь.

Артём потёр лоб. Что-то ещё странное в описании подземелья — точно. Красные шприцы! У самой Катрин и её друзей их было по два. А найдено на месте четыре неиспользованных; использованные, понятное дело, успели деградировать, распасться на безобидные для природы соединения. Не то чтобы это хорошая идея, бросать даже такой мусор под ногами, но со шприцами это бывает. В мирной жизни и спокойной обстановке их редко используют.

— Скажи — там, у башни, вы с друзьями пользовались красными шприцами?

Мари кивнула.

— Ну конечно. И когда в лес вышли, и потом — когда из башни вышли. У меня с собой ещё шесть было запасных. Когда в больнице очнулась — их было четыре. Кому отдала два, уже не помню.

— Там, где была Катрин с друзьями, нашли четыре неиспользованных, полностью заряженных.

— Странно, — теперь Мари потёрла лоб. — Чтобы такие рефлексы перестали работать... так не бывает. Ну, не должно быть. Разве что их что-то испугало — всё бросили и убежали. И всё равно не бывает, красный шприц никто не бросит — никто такой смерти не пожелает. Ладно. Ортем, очень хочу, чтобы ты сегодня со мной остался, но Марина тебя очень ждёт.

Мари привстала на цыпочки, чтобы обнять его.

— А я подожду, сколько нужно будет. Всё, иди, — и поцеловала его.

-

Марина стояла у окна, глядя на площадь. Хозяйка в хорошем настроении — это особенно приятно. Пока приходится каждую минуту что-то делать, чтобы, в буквальном смысле, спасти хотя бы часть мира от гибели — другие люди делают всё, чтобы потом было, куда возвращаться. Работа хозяйки, припомнил Артём, не видна, только пока её делают. Стоит перестать делать — сразу же всё начнёт впадать в запустение.

— Вам завтра — снова в поход, — Марина сказала, не оборачиваясь. — Извините Мари — она проболталась. Ну, то есть намекнула, чтобы меня подготовить. Возвращайтесь, Ортем. Австр — наверное, интересное место. Там будет, на что посмотреть. Когда-то это был курорт, самое интересное место на планете.

— Я вас огорчил? — Артём заметил, что Марина смахнула слёзы, стараясь не подавать виду.

— Нет, это от радости. Вы дома сейчас, и со мной. Только вы и я, — она повернулась к Артёму лицом и движением руки закрыла окна жалюзи — и включала освещение. — И ни слова о работе, хорошо? Расскажите мне о Земле. Что-нибудь ещё. Что-нибудь, что я могла успеть забыть.

Она обняла Артёма и долго не отпускала.

— Со мной всё хорошо, — шепнула она. — С нами обоими. Что-то надвигается, я знаю. Что-то, что давно уже выжидало. Мы всё это выдержим, вы только возвращайтесь. Когда сможете.

-

То, что Миранда отправляется вместе с ними, для Артёма оказалось неожиданностью.

— Доктор оставляет меня заместителем, — пояснила она. — Чем, думаете, я занимаюсь, пока вы мир спасаете? Я одна здесь с медицинским образованием, и столько уже

успела дросселей повидать — все прочие врачи, кроме доктора, обзавидуются.

— Доктор идёт с нами?

Миранда покивала.

— У вас серьёзная экспедиция. На Австре вас будут ждать спасательные машины, туда сейчас забрасывают автоматические станции — ну, запасы, всё такое. Без дросселей там никто из людей не появлялся, не до этого было — следили только, чтобы не случилось прорывов. Как только закончатся тренировки, вы отправитесь, а я в Рим вернусь, вести анализы и собирать данные.

— Доктор не возражает?

— «В вашем состоянии», — добавила Миранда, прижавшись щекой к его плечу. Они сидели на той же самой скамейке в дальнем углу перрона — всё уже собрано, дано полчаса перед стартом. Присесть перед дорогой, так сказать. Здесь такой обычай не в ходу, здесь вообще не принято прощаться подолгу. — Вы уж сразу говорите, что думаете. Не возражает. Доктор сам не перестаёт удивляться, так всё спокойно и легко проходит — ни осложнений, ничего. У нас у всех, — добавила она.

На этом месте на Земле она, скорее всего, постучала бы по дереву, подумал Артём.

— Что вы такой суеверный! — Миранда поймала его за руку, когда Артём, сам того не осознавая, постучал по деревянному сиденью скамейки. Строго говоря, конечно, это не дерево — не живое, это пластик, очень точно воссоздающий дерево. В отличие от дерева, негорючий в нормальных условиях. — Всё-всё, простите, — она отпустила его руку. — Если вам так легче, то всё нормально. Я с вами всего пару раз была, и то кажется, что не пару дней, а лет десять. А у вас такое каждый поход.

-

Удивительно, но привыкать к скольжению по воде в первую очередь пришлось не Артёму, а его роте. Скользить по твёрдой поверхности — ничего сложного, привыкаешь быстро. А вот по воде...

Начинали они с небольших водоёмов. Но даже там некоторые из солдат сразу погружались в воду. Как объяснить, каким образом нужно идти, Артём не очень-то понимал — у него самого получилось само собой. В конечном счёте всей роте выдали спасательное оборудование: например, обувь, в которой можно ходить по поверхности воды. Во время скольжения такая техника частенько отключалась, как и большинство электроники — но надо же с чего-то начинать.

С новой обувью дела пошли лучше. Уже к концу первого дня рота скользила по поверхности реки — как потом доложили диспетчеры, по воде их прогулка заняла сто восемнадцать стадий, туда и обратно. Самое трудное оказалось — уже для самого Артёма — разворачиваться, по возможности не выходя на сушу, по сути — на месте. Но всё равно, никто не погрузился в воду, как только спасательную одежду заменили на обычную защитную. Во время похода по океану, как решили, все носят спасательную форму, пусть даже она менее стойкая против нечисти. Как только большие водные преграды позади, выходить из скольжения и переоблачаться. Как минимум, переобуваться.

Миранда вечером первого дня тренировок вела себя как доктор — развернула внутри их палатки диагностический центр, провела все анализы, разобрала и вновь упаковала в походное состояние диагностическое оборудование.

— Вторую неделю так, — пояснила она. — Скоро смогу с закрытыми глазами делать. Доктор говорит, мне сразу нужно было идти по медицинской части, быстро всему учусь.

— Последовали его совету?

— Нет, — она поцеловала его в лоб, и погасила верхнее освещение. — И да. Чтобы рядом с вами быть, Ортем, я на что угодно соглашусь. Ну, почти на всё. За дом не беспокойтесь, — тут же добавила она. — Знаете, кто сейчас Марине больше всех помогает по хозяйству? Вы не поверите. Я сама не сразу поверила.

Ну, дома все помогают по хозяйству, но...

— Арлетт? — предположил Артём. Миранда кивнула.

— Так и думала, что сразу угадаете. Поначалу всё делала только, когда просили помочь. А потом словно подменили. Днём в своей кондитерской трудится, остальное время по дому помогает. Мы сами удивились. Даже спросили — что случилось. Она только улыбается. И нас стала замечать, первой разговоры начинать стала — а то раньше только на вопросы отвечала, словно в упор нас не видела.

— Старается отвлечься от грустного?

Миранда покивала.

— Может, поэтому она и от вас старается подальше держаться. Всё, хватит о ней. Спойте мне что-нибудь, — попросила она. — Без музыки, тихонько. Хочу слышать ваш голос.

-

После двадцати походов через пролив командование дало «добро» на путешествие в Австр. И то вначале провели повторное обследование континента — над ним теперь висела сеть из полутора тысяч терминаторов. Мы не стали отводить терминаторов с других позиций, пояснил оружейник, просто отправили часть резерва. Помните: при любых обстоятельствах главное — безопасность людей. Спасательные автоматы всегда на расстоянии пяти минут лёту.

С такими мерами безопасности странно, что они раньше не отправлялись на Австр, подумал Артём. Хотя, по словам Мари, по воде «словно посуху» перемещаться умели всего трое дросселей, и тех в основном использовали для спасательных операций. А сейчас, когда стали появляться пусть не полностью «созревшие», но всё равно грозные и малоизученные «операторы», и вовсе не до того. Главное — безопасность людей. Теперь, когда противник, как выяснилось, также владеет скольжением, и вовсе расслабляться некогда. Первое, что сделали вооружённые силы — установили множественные дублирующие радарные станции, а любая техническая неполадка на любой такой станции теперь трактуется как тревога полномасштабного вторжения.

Так и живём, подумал Артём. По обычаю, долго прощаться с Мирандой не стал. Вот доктор Ливси, прибывший в последний момент, говорил с ней долго — оставлял инструкции, надо полагать.

До Австра оказалось пятнадцать минут хода на «повышенной скорости». То, что Артём на такой скорости скольжения устаёт меньше, также объяснению пока что не поддавалось.

Восточный берег Австра оказался таким же цветущим и красивым, как и на старых фотографиях, которые ещё до Вторжения. С поправкой на однообразие растительных форм жизни и скудный выбор фауны.

Но вот буквально в паре стадий вглубь...

Таких деревьев они не видели. Вообще никогда и нигде не видели: Артём не сразу нашёл слово из своей земной памяти. Это больше всего походило на баобабы — толстые, широкие стволы, могучая крона — и, в отличие от земных баобабов, деревья эти

возвышались метров на тридцать над землёй. Каким образом?! Как можно было не увидеть такое с терминаторов, со спутников, наконец? Терминаторы передавали вниз картинку, на которой не было никаких «баобабов», исключительно всё те же хвойные — сосны да ели — или берёзы.

Первый лагерь разбили поблизости от берега, и тотчас туда принялись лететь терминаторы и спасательные грузовики — готовить дорогу, строить базу. А первый взвод роты, вместе с Артёмом и доктором Ливси, отправились ближе ко вновь открытым деревьям.

На деревья напустили всё, что только можно — исследовали их не только с воздуха, но и из-под земли. Второй крупный сюрприз: дождевые черви. Этой живности на северном континенте, Евразии, не найти. Разумеется, всё передали в лаборатории. Но ни исследования на месте, ни первые данные из научных центров Евразии не отыскивали нечисти. Нормальная, если можно так сказать, жизнь. Ничего опасного в этом смысле.

— Сэр Ортем, — оружейник запросил с ним связь часа через три после того, как образцы тканей деревьев-«баобабов» и дождевых червей прибыли в Рим. — Я думаю, вам будет интересно узнать. Ткани деревьев чисты, там нет клеток-контроллеров или вкраплений биомассы. А вот с червями интереснее. Те животные, рыбы и растения, которые мы сами расселяем, содержат нами же добавленные специальные органы, где вырабатывается патоген для нечисти. В червях есть нечто подобное, но это не наши разработки.

Артёму стало не по себе.

— Тогда чьи?

— Хороший вопрос. Патоген похож по действию на наш, но отличается по составу — мы ещё ведём эксперименты, но данные подтверждены. Организмы червей соответствуют вашему описанию дождевых червей, и тому, что о них сохранилось в энциклопедиях. Мы передали их во все крупные лаборатории, исследования в процессе. Как первооткрыватель, вы можете дать название и деревьям, и червям. Но это потом — действуйте по плану. Конец связи.

На Австре, припомнил Артём, нет известных человеческих колоний. Постоянные рейды терминаторов ничего особо интересного не нашли: деревья и прочую жизнь распространяли автоматически, в места, где нечисти уже не было после первых, массированных атак биологическим оружием. Крупных прорывов нечисти здесь впоследствии не происходило...

...если верить тому, что видели спутники и терминаторы.

Оружейник вновь вызвал Артёма, почти сразу же.

— Взгляните на вид со спутников, сэр Ортем.

Было чему удивляться! Судя по карте, спутники теперь видели то, что на самом деле находится на поверхности континента — вокруг первого лагеря, где сейчас находятся остальные два взвода.

— Центр области примерно соответствует вашему расположению. Границы области расширяются со скоростью примерно одна целая четверть десятых стадии в минуту. Приступайте к следующей задаче, сэр Ортем, это сейчас для нас важнее.

Следующей задачей было собрать данные по маскировке. Выглядело это так: стоило опустить терминатор ниже сорока метров от поверхности, и его камеры начинали фиксировать ухудшение видимости, словно туман сгустился вокруг — робот, для лучшей видимости, вновь набирал высоту, а оттуда видел совсем другое. Получается, есть нечто,

передающее ложное изображение, на высоте порядка сорока метров над землёй.

А вот звуковой радар показывал правильное, если можно так выразиться, изображение — очертания предметов. И на высоте выше сорока метров, и ниже. Другое дело, что сонар показывает довольно условную картинку.

— Пробы воздуха не содержат ничего интересного, — отметил оружейник. — Но что-то должно быть. Что-то материальное, что держится примерно на этой высоте.

— Сэр, а что если это материальное умеет быть невидимым для терминатора? Так же, как терминатор умеет маскироваться от нечисти?

— Вас понял, благодарю за идею, — оружейника явно навели на интересную мысль. — Возвращайтесь к первоначальному плану. Конец связи.

Совсем не спалось, и, похоже, не только Артёму. Кора баобабов, так пока что называли эти деревья, в темноте слабо флуоресцировала — завораживающее зрелище. Необычное дерево — его клетки уже исследовали, и пришли к выводу: вполне земные, много родственного с дубами. Получается — это не порождение нечисти. Но почему такие огромные, почему светятся в темноте?

Область, где со спутников, и с высоты полёта терминаторов теперь виделось то же, что и глазами с поверхности, расширялась всё быстрее. Причины также неясны, и пока что не удалось объяснить, что вызывало маскировку. Некоторым из баобабов, судя по взятому керну древесины, триста с лишним лет — получается, маскировка появилась не вчера, и даже не позавчера.

Артём ворочался — и спать нужно, то есть — отдыхать — и столько всего в голове, что не уснуть. Таблетки от доктора не помогли — и в четвёртом часу ночи, устав считать овец и ворочаться, Артём зашёл в штабную палатку.

— Вы вовремя, — заметил доктор Ливси. — Теперь виден тот самый вулкан и его окрестности — уже без маскировки. Смотрите, там люди!

К регистратору бросились все, кто был рядом. Действительно: люди, ходят среди деревянных на вид домов — похоже на крупную, обнесённую высоким забором деревню. И в руках людей... луки! Терминатор дал точную картинку — точно, луки и стрелы! С ума сойти!

— Как они сумели выжить, с луками и стрелами?! — сэр Джеймс потрясён, и не пытается это скрыть. — Похоже, я знаю наше следующее задание. Сейчас же запрошу штаб.

— Терминаторы не фиксируют нечисти в деревне, — пояснил диспетчер. — Но в районе вулканической активности есть признаки нечисти, в том числе крупных форм.

— Получен ответ от штаба, — сэр Джеймс отнял ладонь от уха. — Приказано прибыть в окрестности деревни, установить временный лагерь и вступить в контакт с аборигенами.

Аборигены более всего походили на индейцев, из старых, советских ещё, фильмов. Наряды — из шкур животных; перья, клыки животных в качестве украшений, и — раскрашенные лица и руки. Потрясающе. Как тут можно выжить с луками и стрелами? Они сумеют остановить ими голиафа, или хотя бы пару-другую титанов?

Новый, неожиданный звук донёсся снаружи штабной палатки. Все замерли; охранник схватился за оружие. До Артёма не сразу дошло, что это за звук, а когда дошло — он улыбнулся и, вопреки предостерегающему возгласу часового, вышел.

На нижней ветви ближайшего баобаба сидела небольшая, сверху серая, снизу нарядно раскрашенная птица — размером чуть меньше земного воробья. Птица посмотрела на

людей, затем запрокинула голову, чуть развела крылья... и необычная, громкая красивая трель раскатилась вокруг.

— Датчики не фиксируют нечисть, — обрёл дар речи дежурный. — Птица не заражена.

— Это соловей, — слово, наконец-то, всплыло из глубин памяти. Артём прижал палец к губам, и не напрасно — соловей, или кто это был, снова исполнил красивую музыкальную фразу. Да как громко! И в ответ ему, издалека пришёл отзвук другой такой же песни. — Певчая птица.

Только минут через десять, когда соловей перестал петь и улетел вглубь чащи баобабов, сэр Джеймс дал команду на построение.

День 69. Приручение [оглавление]

Колонна быстро добралась до окрестности деревни. Вулкан хорошо виден отсюда — извержение продолжается; деревня находится на достаточно безопасном расстоянии, чтобы не быть под угрозой пирокластических потоков или разлива лавы, но бомбы и сюда могут долетать.

Колонна остановилась на расстоянии четырёх стадий от юго-западного угла забора, единственной преграды на пути в деревню. Серьёзный забор — ни одной гнилой или оторвавшейся доски, высокий, с заострёнными кольями наверху — и наверняка там и часовые есть. Терминаторы висели по периметру ограждения — на достаточном расстоянии, чтобы их было трудно заметить невооружённым глазом. В общем, не привлекая внимания. Диспетчер с помощью роботов уже успел пересчитать население деревни: сто шестнадцать человек. На грани вымирания, у человеческой колонии такого размера шансов заселить континент нет, им бы самим продержаться.

— Человек выходит из западных ворот, быстро идёт на запад, — доложил диспетчер. — Это женщина. Оружия при ней не вижу.

Они и сами видели — девушка, безоружная, без раскраски, как у остальных, на лице — быстро шагала на запад, в сторону вулкана. Куда это она? Зачем? Почему без оружия, без сопровождения?

— Терминаторы докладывают, признаков заражения нет. Внимание, по азимуту два семь пять наблюдаю активность нечисти. Это крупная форма, в нашей классификации не значится, движется в вашу сторону, контакт через четыре минуты.

Девушка двигалась, похоже, прямо в сторону предполагаемой крупной формы.

— Танки в боевое положение! — распорядился сэр Джеймс. — Терминаторы в автоматический режим!

— Сэр Джеймс, крупная форма сменила курс, она движется в сторону девушки, — доложил диспетчер. — Контакт через две минуты. Ориентировочная масса формы шестнадцать тонн, скорость двести пятнадцать.

Кто-то присвистнул рядом с Артёмом.

— Терминаторам, отвлечь объект от преследования! — распорядился сэр Джеймс. — Огонь не открывать до сближения на дистанцию сплошного поражения! Сэр Ортем, вы в состоянии её перехватить? У вас минута. Отведите её на две стадии, остальное мы сделаем сами.

— Так точно, сэр, — Артём, в сопровождении двух человек своей охраны, ушёл в скольжение за десять секунд. Одна форма, летать не умеет — риск минимальный.

Девушка уже успела заметить противника — и теперь бежала, но не к деревне — не хочет наводить нечисть на неё, понял Артём. Саму «крупную форму» уже было видно —

успел заметить, что она похожа на огромную шестиногую ящерицу, вглядываться в подробностях не стал. Догнать девушку труда не составило; она вскрикнула, когда Артём, и двое его сопровождающих, материализовались рядом, но не стала вырываться, когда он взял её за руку.

Они обошли деревню по кругу, не отдаляясь от ограждения дальше, чем на две стадии. Позади вспыхнуло, послышался голос диспетчера:

— Противник уничтожен, активности нечисти не наблюдается. Движение внутри деревни — группа из двенадцати людей идёт к западным воротам.

Артём, вместе со спасённой, вернулся к колонне не более чем за минуту. Девушка вновь вздрогнула, когда увидела танки — их уже успели вернуть в походное состояние, и выглядят они жутковато.

Доктор Ливси подошёл к ним, но девушка тут же попятилась, не отпуская руку Артёма, попыталась спрятаться за ним.

— Я не причиню вам зла, — доктор остановился, держа полевой диагност — похож на светящуюся указку — в правой руке. — Сэр Ортем, держите её крепче. Я не стану подходить. Всё в порядке, причин для беспокойства нет. Вы меня понимаете? — спросил доктор, когда девушка посмотрела ему в глаза — и та кивнула. — Замечательно. Сейчас мы сопроводим вас домой. Мы пришли помочь вам, чем сможем.

Артём ожидал, что девушка будет вырываться, попробует снова убежать — она вздрагивала всякий раз, когда кто-нибудь делал шаг в их с Артёмом сторону — но она, наоборот, крепче сжимала его руку. Теперь он смог разглядеть её. Одета, если сделать поправку на примитивность ткани и украшения из частей тел животных, практически римски — и сапоги на ней самые что ни на есть походные, и капюшон, которым она не пользовалась — короткие волосы заплетены в хвостик на затылке. Треугольное лицо с тёмными, почти чёрными глазами. Светлокожая — явно мало бывает на солнце, что странно, учитывая здешний климат. Всё время сидит дома? Ладно, это потом.

На вопросы она не отвечала. От слова «совсем». Только подтвердила, что понимает — получается, автоматические переводчики знают её язык — и жестами давала понять, что ничего не болит, не ушиблась, ничего не повредила. Колонна приближалась к деревне со скоростью спокойно идущего человека — по сути, на девушку и ориентировались, подходить к танкам она отказалась, только на своих двоих.

У ворот уже собралось двенадцать человек. Рослый мужчина, в особо пышном наряде и раскраске — явно главный в этой делегации; пять девушек и шесть парней. Четверо, включая девушку, стоящую рядом с «вождём» (так его Артём окрестил мысленно) — с луками и стрелами. До делегации оставалось не более стадии, когда стрелки приподняли луки, а «вождь», глядя на пришельцев, поднял руку ладонью вперёд. И так понятно — стойте.

— Сэр Ортем, — вполголоса сказал сэр Джеймс. — Ваша очередь. Внимание, огонь не открывать, держать оборонительный режим. Терминаторам, огонь не открывать.

-

Артёму нелегко далось выйти за пределы колонны. Девушка по-прежнему крепко держала его за руку. На расстоянии метров семидесяти она встала — ни шагу дальше.

— Это ваши люди? — спросил у неё Артём. «Встречающие» молча смотрели на них двоих, на лицах, на таком расстоянии, трудно рассмотреть чувства. Девушка кивнула. — Идёмте. Вас ведь ждут. Или вы хотите пойти одна?

Нет. Одна не хочет. Артём сделал с ней вместе ещё один шаг, и тут трое стрелков

опустили оружие, а девушка, стоящая рядом с вождем, наоборот, подняла — ещё не целясь конкретно ни в кого, но жест понятный.

— Внимание, огонь не открывать, — голос сэра Джеймса.

Артём заметил, что девушка, которую он держит за руку и та, что готовится стрелять, встретились взглядами. Интуиция подсказала ему следующее действие — очень уж быстро всё случилось. Как тогда, на площади Свободы, скольжение пришло почти мгновенно. Он сделал шаг в сторону, потянул девушку за собой, и успел только заметить, что его спутница закрыла глаза.

Они вышли из скольжения десятком метров правее. И вот теперь на лицах «встречающих» появилась различимая эмоция — изумление. Вождь явно что-то приказал той, что стреляла — она опустила лук.

— Внимание, колонна нечисти приближается, в составе четыре «зомби» и шесть «титанов», азимут три пять пять, — голос диспетчера. — Скорость сближения сорок, контакт через три минуты.

— Сэр Ортем, приготовиться, покиньте линию огня, — голос сэра Джеймса из рации.

Но Артём и шагу сделать не успел. Вождь что-то приказал лучникам — и те, включая девушку, выстрелили — казалось, наугад, в сторону приближающейся колонны нечисти.

Артём потом посмотрел оперативную запись. Стрелы, казалось, все прошли мимо — ни одна не попала в форму нечисти, но они за пару секунд посерели, а ещё через пару секунд осыпались пылью Прямо на ходу. Один из терминаторов взял потом пробу получившейся пыли — там не то что не было опасных клеток, таких как контроллеры, там вообще не было ничего органического.

С ума сойти.

— Спросите у своей новой знакомой, можно ли нам приблизиться и поговорить.

— Ты понимаешь меня? — Артём посмотрел в её глаза. Девушка кивнула. — Мы пришли с миром. Мы хотим помочь очистить эту землю от нечисти. От тех форм, в которые только что стреляли твои сородичи, — добавил он. — Можем ли мы поговорить?

Девушка кивнула и указала на пистолет в руке Артёма. Сделала простой, недвусмысленный жест — убери, потом указала в сторону деревни. Артём убрал оружие и вождь, словно именно этого и дожидался, что-то сказал своим лучникам — те поступили так же, убрали оружие за спину.

Девушка указала на вождя, потом обвела взвод ладонью и посмотрела вопросительно в глаза Артёма. До того не сразу дошло, что его спрашивают: кто у вас главный?

— Похоже, она хочет, чтобы вы пошли вместе со мной, сэр Джеймс, — сообщил Артём в рацию — беззвучно. И указал рукой на сэра Джеймса.

Девушка кивнула и, с дела короткий шаг в сторону деревни, потянула Артёма за собой. Крепче сжала его ладонь. Ну, тут понятно и без перевода — идём.

— Огонь не открывать, первому взводу держать оборону. Доставить дросселя сопровождения, к деревне не приближаться. Сэр Ортем, будьте готовы к экстренной эвакуации, — распорядился сэр Джеймс и, вернув булаву в положенное ей место на поясе осаго, подошёл к Артёму.

В деревню они вошли втроем. Однако на входе случилось странное: та девушка с луком, что стреляла в Артёма и спасённую, подошла к ним и взяла новую знакомую Артёма за руку. Та отпустила руку Артёма, как ему показалось — не без опаски, и пошла в ворота. Через пару шагов она остановилась, попробовала освободиться, и девушка-лучница сделала

странное движение — словно собираясь укусить спасённую за затылок. Артём и сэр Джеймс переглянулись. Спасённая тут же перестала сопротивляться, покорно пошла, куда её повели. Успела встретиться взглядом с Артёмом.

— Вы понимаете нас? — спросил сэр Джеймс, когда до вождя оставалось не более десяти шагов и оставшиеся лучники, это было видно, напряглись. Они с Артёмом остановились, стараясь выглядеть как можно более дружелюбно. Вождь кивнул. — Мы пришли с миром. Мы не ожидали, что здесь живут люди, и хотим предложить вам помощь. Мы можем очистить окрестные территории от нечисти. От той формы жизни, в которую недавно стреляли ваши люди.

— Мы думали, что кроме нас, других людей не осталось, — сказал им вождь. — Я Анчири. От имени всех анкари, приветствую вас на нашей земле. Вы можете войти, но остальные ваши люди должны остаться снаружи.

Дома анкари, хоть и деревянные, все походили на крепости. С ума сойти можно! Их стрелы действительно уничтожают нечисть, при этом — раскрашенные лица и технологии, на глаз, каменного века. Как такое может сочетаться? Получается, они сумели найти своё собственное оружие против нечисти, но не сумели удержаться на высоком уровне развития — может, некому уже было учить людей высоким технологиям, может — что-то ещё привело к такому стремительному возврату в прошлое. Но стрелы и луки они каким-то образом умеют делать — каким образом? Артём вспомнил про репликаторы. Возможно, тут тоже есть нечто подобное, и, возможно, луки и стрелы — то небольшое, что анкари умеют воспроизводить.

Если так, они совершили немыслимое — выжить при таком общем состоянии дел почти невозможно. Ладно, время покажет. Посмотреть на чужеземцев сбежалась, похоже, вся деревня. Артём заметил, что лучники держатся поблизости и не теряют бдительности. Логично.

— Вы должны пройти обряд, — сказал им Анчири. — Всё, что вам потребуется — пойти в следующую комнату, сделать пять шагов вперёд, постоять, и вернуться к стене. Так мы узнаем, можем ли мы доверять вам.

И не говорит, что последует, если обряд покажет, что не могут, подумал Артём. Можно и не говорить сэру Джеймсу, что Артём готов в любой момент уйти в скольжение и забрать их двоих отсюда — если дела пойдут неважно.

Первым вошёл сэр Джеймс, дверь за ним закрылась. Секунд через десять дверь вновь открылась — Анчири кивнул Артёму — проходи. Он сам, и вся его «свита» шли следом.

Артёму указали на стол у дальней стены комнаты. там стояла корзинка, а в ней...

Кошка! С ума сойти! На Айуре нет ни кошек, ни собак. Артём до того поразился, что сделал несколько шагов вперёд, и протянул руку, привычным жестом — там, на Земле, у них с Ингой дома живёт, то есть жила, кошка — так что опыт общения с ними есть.

Тишина в комнате. Артём замер, и оглянулся. Все лучники в комнате, все до единого, прицелились в него. Артём встретился с Анчири взглядом, стараясь не делать лишних движений, и тот, секунду спустя, махнул лучникам — те опустили оружие. Артём протянул руку — и кошка, лежавшая в корзинке, уселась — стало видно, что она трёхцветная — и, потянувшись к Артёму, потёрлась уголком рта о его ладонь. И принялась мурлыкать — громко, шагов за десять, наверное, можно услышать. Артём осторожно погладил кошку по голове и отступил на шаг. Кошка, не прекращая мурлыкать, проводила человека взглядом и

вновь улеглась в корзинку — принялась мыть левую лапу.

— Вы оба прошли обряд, — сказал Анчири. — Но вы никогда не должны делать того, что вы только что сделали, без разрешения.

— Я понял, — кивнул Артём.

-

Их отвели в дом для гостей — по словам вождя, они не видели других людей до настоящего момента, но дом для гостей всё равно есть.

— Их язык оказался сложным для автоматического перевода, — пояснил сэр Джеймс, когда они оба вошли в дом, и дверь за ними затворилась. — Но язык известен нашему переводчику — это люди Айура. Над деревней постоянно будут находиться терминаторы — в качестве меры безопасности, и как ретрансляторы. Я уже дал указание строить лагерь и вернуться туда незамедлительно. Ваше задание — постараться наладить взаимоотношение с анкари. По словам их вождя, кари, их талисман, дала понять, что полностью вам доверяет.

— Кари? — до Артёма не сразу дошло. — Кошка? То животное в корзинке?

Сэр Джеймс кивнул.

— Они придают этому особое значение. Постарайтесь, если будет возможность, не есть и не пить, пока вы здесь, все сенсоры вашего снаряжения держать активными. В случае чрезвычайной ситуации возвращайтесь в лагерь. Там сейчас дежурит Магнус Тит Мантелла, он придан в качестве вашего дублёра. Связь устойчивая, в случае её нарушения — вы получите сигнал тревоги. В этом случае возвращайтесь немедленно по полученным координатам. Во всех прочих ситуациях действуйте по уставу. Вопросы?

— Я правильно понял, что Анчири настаивает, чтобы я остался?

— Всё верно. Они пришлют в наш лагерь своих людей — в качестве ответного жеста. Командование хочет любой ценой помочь этим людям выжить — мы ведь думали, что Австр необитаем. Ещё вопросы?

— Никак нет, сэр. Удачи вам.

Сэр Джеймс пожал ему руку, и покинул дом. Артём проводил его до выхода. Двое рослых парней анкари, оба с луками и колчанами за спиной, и во впечатляющей — как и у всех, в общем — раскраске встали у ворот, с таким видом, словно Артёма и нет здесь вообще. Где-то поодаль слышались глухие раскаты — вулкан; по словам оружейника, непосредственной опасности для деревни пока что нет.

Деревня словно вымерла. Артём оглянулся несколько раз и направился в своё новое жилище.

-

Артём только мельком ознакомился с домом, в который его поселили радушные хозяева. Чистота, всё обставлено по-спартански, но много ли нужно усталому путнику для отдыха? Получил звонок от сэра Джеймса — всё в порядке, в лагере всё штатно, собирайте информацию и налаживайте отношения с аборигенами.

Пора и честь знать. Артём, уже по привычке, сложил всё, кроме предметов первой необходимости в походную сумку, предметы, соответственно — на стол. Немного беспокоился за спасённую — имени её не назвали. Как-то не очень вежливо с ней поступили — практически силой увели куда-то. И взгляд девушки — она обернулась и отыскивала взглядом Артёма, прежде чем её увели в ближайший дом. Непонятным осталось выражение её лица. Благодарность? Укор? Мольба?

Ладно. Это их земля, их законы. У них есть основания обращаться с ней именно так. В

деревню вход разрешили пока только двоим: сэру Джеймсу и Артёму. Уже хорошо, учитывая, что здешние люди вообще не имеют понятия об остальных поселениях людей (если верить их вождю), и живут обособленно, сколько себя помнят.

Теперь понятно, что луки и стрелы — не примитивное оружие, но как они сумели сохранить подобные технологии, если в целом откатились до состояния каменного века?! Эта мысль не даёт покоя.

Движение воздуха. Артём ничего не услышал, но ощутил лёгкое дуновение. Оглянулся, стоя у стола (уже начал расстёгивать куртку — пора и на боковую).

Человек в дверном проёме. Это была та девушка, которая чуть не застрелила его вместе со спасённой, а потом — недобро смотрела, пока Артём знакомился с кошкой. Она приставлена к кошке и её потомству, припомнил Артём. Что ей нужно?

— Добрый... — Он не закончил. Девушка бросилась к нему, и лишь в последний момент Артём заметил нож в её руке.

Первые несколько секунд он оставался жив по чистой случайности. Метнулся в сторону — но ковёр под ногами подался, и Артём упал на бок — почти там же, где и стоял. Возможно, это его и спасло: нож, который вполне мог полоснуть его по горлу, лишь скользнул по щеке — такой боли Артём не ожидал, если честно. Он с силой оттолкнул девушку ногами — так, что её отбросило к противоположной стене. Девушку должно было оглушить, пусть и ненадолго. Но она, словно кошка, встретила пол всеми четырьмя конечностями, не выронив ножа, и тотчас бросилась снова.

Артём не считал, сколько порезов уже получил — все лёгкие, не до них сейчас. Позвать на помощь некогда — думать, если честно, некогда, вся надежда на рефлекс. После третьего её прыжка он сумел поймать её за руку и сильно ударить по лицу, уже не церемонясь. В конце концов, она пришла его зарезать.

Она не издала ни звука — казалось, что мгновенно вскочила, словно вообще не чувствует боли — и вновь бросилась. Артём бросил в неё стул — девушка лишь отмахнулась, и обломки стула рассыпались вокруг. К этому моменту Артём сумел сорвать с себя куртку — какой-никакой, а щит.

Долго в таком темпе не выстоять. Бой проходил молча, и пугало больше всего сосредоточенное выражение её лица. Словно она не убивать его пришла, а поговорить о чём-то важном. Ни злобы, ни другой эмоции. И ни звука.

Умение дресселя пришло на выручку внезапно — так же, как за оградой деревни, где он шестым чувством понял, что на него смотрят поверх готовой к полёту стрелы. Всё вокруг замедлилось, стало полупрозрачным — и Артём без труда уклонился от взмаха руки, поймал девушку за руку и вывернул, сильно ударив её в голень.

Она выпустила нож — но доля секунды, и она вновь на ногах. Хоть и без оружия, безвредной она не казалась. И появилась эмоция — девушка оскалилась, прищурилась. Достала второй нож! Чёрт, чуть не попала!

Накатило во второй раз. На этот раз провести приём не составило большого труда — всё было как на занятиях с манекенами там, в тренажёрном зале. Сбил с ног, прыгнул сверху, завернул ей руки за спину.

Вовремя уклонился: девушка энергично откинула голову назад — Артём вполне мог лишиться нескольких зубов и получить в довесок сломанный нос. Вот это сила! Девушка казалась вначале подростком — лет пятнадцати; худощавая, но откуда такая сила? Сейчас уже не кажется подростком. Никакой неуклюжести, хрупкости. Не тело — одна сплошная

мышца. Надо что-то делать. Она как минимум втрое быстрее, сейчас Артёма выручает способность дросселя — но невозможно поддерживать такое состояние долго. А если отпустить и начать разгоняться, чтобы уйти, она успеет сотню раз воткнуть в него нож.

Артём вспомнил её жест, когда она уводила ту, спасённую. Последняя явно не хотела идти в дом, и тогда эта вот девушка сделала движение, словно собираясь укунить спасённую за затылок. И та сразу же перестала сопротивляться.

Сам не зная почему, Артём, как только в очередной раз увернулся от удара затылком в лицо, резко нагнулся и впился зубами в её затылок.

Девушку словно выключили. Ни крика, ничего — просто перестала двигаться и расслабилась — как надувная игрушка, из которой выпустили весь воздух.

Чувствуя на губах вкус чужой крови, Артём оттолкнул девушку (совершенно расслабленная и безвольная), выбил нож из её руки, и откинул подальше. Никаких иллюзий: притворство это или нет, безобидной её не назвать.

И вспомнилось имя. Её зовут Канси. Канси Тассо, если память не изменяет.

Канси застонала — но не чувствовалось, что от боли или страха. Приподнялась — видно было, что руки и ноги её плохо повинуются хозяйке — и уселась. Первым делом отыскала взглядом свой второй нож — но Артём приставил к её горлу лезвие того, первого. Девушка посмотрела ему в лицо. Меньше всего Артём ожидал увидеть там восхищение. Не гнев, страх или презрение, а восторг и восхищение.

— Добрый вечер, Канси, — Артём не отводил взгляда ни на миг. — Я тоже рад видеть вас.

Изумление в её взгляде. Потом она запрокинула голову и... расхохоталась. Артём сильнее прижал лезвие к её шее, не отвлекаясь ни на что.

Она медленно подняла голову — словно не замечая лезвия. Чёрт, порезал её — так и горло перерезать недолго. Смотрела в глаза Артёма и улыбалась.

Глаза её заволокло туманом. Она медленно протянула руку, и прикоснулась ладонью к щеке Артёма. Мысли тут же спутались — кроме её глаз, пронзительно-синих, всё остальное переставало существовать. Я попался, успел подумать Артём, прежде чем его накрыло с головой, и необоримо повлекло куда-то.

-

Он пришёл в себя и понял, что Канси сидит у него на коленях, обняв и прижавшись щекой к плечу. Не сразу понял, что оба без одежды. Замечательно, сэр Ортем. Марина будет в восторге. Контакт с аборигенами налаживается полным ходом.

— Зачем ты думаешь о другой женщине? — Артём не сразу понял, что обращаются к нему. Канси отстранилась, чтобы видеть его лицо — и погладила по голове, улыбаясь. — Я этого не люблю. Я могу рассердиться.

— То есть сердитой я тебя ещё не видел?

Она рассмеялась, и вновь прижалась щекой к его плечу. Странно, не чувствуется ни одной раны. Чувствуется, что он весь в крови и поту — они оба, если говорить начистоту — но ничего не болит. И по щеке ничего не стекает.

— Не видел. Пока ты со мной, думай только обо мне. Или ни о ком.

— Странно, — Артём прикоснулся рукой к своей щеке. — Кровь не течёт. Как это может быть?

Она снова рассмеялась. Подняла его правую руку — на тыльной стороне ладони есть порез. Стоило его увидеть, как ранка начала неприятно ныть. Канси медленно поднесла

ладонь к лицу и... провела по ранке языком. Как кошка, подумал Артём.

Ранка засадила почти непереносимо... и почти сразу перестала болеть. Ошарашенный, Артём увидел, как ранка исчезает, как появляется новая кожа — и постепенно сливается цветом с окружающей.

— С ума сойти, — признал он. — Что это было?

— Встань, — попросила она. — Идём. — И указала взглядом направление. Ах да, ванная. Санузел, если быть точным. Как в дорогих земных отелях: чистота, никаких неприятных запахов, почти стерильность.

-

— Я тебя порезал, — указал Артём, когда удалось смыть с них обеих кровь, и оценить нанесённый урон. — Здесь, на шее.

Она кивнула и, запрокинув голову — открыв ранку — шагнула к нему.

Он не сразу понял, что от него ожидают. Повторил её жест — провёл языком по ране. Станный вкус у её крови — после того, как укусил её, хотелось побыстрее избавиться от этого привкуса, а сейчас совершенно не раздражает.

Она потрогала ранку — та затягивалась, но не так быстро, как ранка на ладони Артёма.

— Вас не учат залечивать раны? — Канси явно в недоумении. — Вижу, не учат. Стой, не шевелись. Терпи, будет больно!

И впилась зубами в его левое плечо.

Так больно Артёму на его памяти ещё не было. Он старался не издавать не звука — Канси всё плотнее стискивала зубы, обхватив его — не вырваться, не ударив её. Воздуха в лёгких не оставалось — Артём чувствовал, что задыхается. Смутно осознавал, что Канси уже разомкнула челюсти — но боль не становилась легче, она накатывала горячими серебряными волнами, и каждая волна обжигала так, что хотелось вопить во всю глотку. Вopil бы — не было воздуха в горле, один только расплавленный металл. Едва хватало усилий, чтобы дышать.

Он не сразу понял, как это закончилось. Стоял, тяжело дыша, ощущая невероятную усталость. По всему телу пробегали волны — принося то озноб, то ощущение покалывания во всех мышцах. Артём покосился на плечо — поди, откусила добрый кусок, вон как зубы сжимала — и вообще ничего не увидел. Ни раны, ни шрама. Всё как новенькое.

— Молодец, — он понял, что Канси всё это время поддерживала его — собственные ноги плохо слушаются. — Ты не кричал. Больше не будет больно.

— Что ты сделала?

— Научила тебя залечивать раны. Каждый должен уметь. Помоги, нам нужно успеть уйти отсюда.

— Успеть? — Он взял её за плечи и увидел, как глаза её снова затягивает туманом. А собственная воля идёт трещинами, и вот-вот треснет и надломится.

-

Артёма словно включили. Первым делом посмотрел на столик у кровати — на часы. О небеса, всего-то половина четвёртого!

Он смутно помнил, сколько раз её глаза затягивались туманом, сколько раз их охватывало неистовство — не оставляя никаких воспоминаний. Три раза как минимум. Тихий, но знакомый звук раздавался поблизости — мурлычет кошка. Интересно, откуда она здесь? Как пробралась? Артём оглянулся — Канси лежала рядом, прижавшись к его боку, и улыбалась.

Один раз посмотришь на неё — и невозможно отвести взгляд. Артём в очередной раз попытался представить, что скажет Марине... и бросил эту бессмысленную затею. Скажет всё, как есть. И всё-таки, кто мурлычет?

— Это я, — ответила Канси на мысленный вопрос, не открывая глаз. — Мне хорошо. А что, нельзя?

Артём уселся. Уселась и Канси — всё так же продолжая улыбаться. Ну и глаза! Не поверил бы, что у человека могут быть такие — ярко-синие, и, кажется, светятся в темноте.

— Не может быть! — Артём осторожно положил ладонь ей на горло, чуть сдвинул... Точно, она! Ладонь чувствовала вибрацию, совпадающую со звуками. Канси запрокинула голову, точно так же, как в первый раз, и тихонько рассмеялась.

— Ну и лицо у тебя. Ваши женщины так не умеют? Да? И зря. Знаешь, как детей успокаивает?

— Детей? — Артём совершенно растерялся.

— Ну да. Я работаю с детьми, я знаю.

— Кем именно ты работаешь?

Канси уселась вертикально и взяла его за плечи.

— Учю детей. Слежу за ними. Воспитываю. Что, непохоже?

Артём смотрел в её лицо. Чёрт, откуда я теперь столько о ней знаю? Знаю, что она любит есть, во что одеваться, к кому ходит в гости, сколько у неё в семье братьев и сестёр. Он помотал головой. Наваждение какое-то.

— Как вы сумели выжить, если столько всего не умеете? — Канси перестала мурлыкать. — Нет, я не хочу вас обидеть. Вы действительно великие воины, если сумели пережить такое, и остаться людьми. Но мы и не думали, что здесь могут остаться люди. Если бы знали... — она сжала ладонь в кулак, — тоже принялись бы за эту пакость. Хочу, чтобы принялись. Я тебя снова огорчаю?

Артём прикрыл глаза. Ему непередаваемо хорошо — а что в голове при этом происходит, лучше не спрашивать.

— Я знаю, о какой женщине ты всё время думаешь. Она для тебя очень важна. Ты её любишь. Она на первом месяце... — Канси закрыла глаза и улыбнулась. — Мальчик. Один или два, не уверена. У тебя будет сын от неё. А мы с ней подружимся.

Артём смотрел в её глаза и не знал, что и сказать. Не на первом, а на третьем, но это не так важно. Как она сумела угадать?!

— Как ты могла столько узнать о ней?!

— Почуяла.

— Где?? Каким образом?!

— Не скажу, — Канси снова запрокинула голову, снова расхохоталась. Вновь уселась ровно и посерьёзнела. — Я всё понимаю. Она — старшая. Я ничего вам не испорчу. Наоборот, помогу.

— Старшая — кто?!

— Просто старшая. Вот непонятливый! Все колдуны такие, да?

— О чём ты?

— Я стреляла в вас с Кариго. Я никогда не промахиваюсь. Но ты сам увернулся от стрелы, и Кариго спас. Ты колдун?

Артём кивнул. Проще сказать «да», чем пытаться объяснить, что колдунов не бывает.

Глаза Канси загорелись. В том числе буквально: свечение их стало явно видимым в

сумраке.

— Мекар сказала, что ты можешь бежать быстрее ветра, и лететь быстрее молнии. Это правда?

— Правда, — кивнул Артём. Слово «дроссель» говорить пока не буду, подумал он.

— Покажи! — потребовала она. Спрыгнула с постели, и умчалась в соседнюю комнату — в ту, где сплошь шкафы. Такие же, как стулья и стол — плетёные. Вернулась почти сразу же, и положила на кровать стопку одежды.

— Это для тебя. Одевайся!

Попробуй не подчинись! В глазах её был восторг, и, вместе с тем, такая мольба... невозможно не подчиниться. Артём надел всё, как принесено — по порядку. Очередной вариант, простите, нижнего белья. И тоже — подгоняется по росту и прочим параметрам человека. Однако! У них луки и стрелы, пусть даже эффективные против нечисти, и при этом вот такое?! Откуда?

Канси вновь убежала, вернулась через полминуты. Уже одетая и обутая — в чистое.

— Нам нужно на улицу, да? Не беспокойся, до рассвета нас не потревожат. Нет, не трогай! — велела она, едва только Артём занёс руку над окровавленным ворохом разбросанной по полу одежды и обломков мебели. Славно повеселились. — Пусть останется, как есть.

Тут до Артёма дошло.

— Кто-то должен это увидеть?

— Да. Меня невозможно приручить без боя. Оставь, это потом всё уберут. Ну? Покажешь?

Артём кивнул. Теперь ещё и трибунал можно заработать. Но сэр Джеймс дал понять: у тебя пока что с ними наилучшее понимание. Специалисты ещё приедут, но нужно, чтобы их впустили в деревню. Постарайся сделать так, чтобы впустили кого-то ещё. Придётся постараться. Раз Канси стояла рядом с вождём — значит, у неё есть влияние. Чёрт! О чём я думаю? Женщина, с которой стал — ближе некуда, просит показать ей чудо, а я раздумываю о политических вопросах!

— Возьми меня за руку. — Канси повиновалась, на лице её теперь сиял восторг. И — немного страха. — Не отпускай, что бы ты ни увидела вокруг. Тебе в какой-то момент покажется, что ты задыхаешься. Но это будет не на самом деле. Просто продолжай дышать, не обращай внимания. Готова?

— Готова! — Канси крепко сжала его ладонь. Артём вдохнул и выдохнул несколько раз — и попытался настроиться. Разгоняться по такой малой площади он ещё не пробовал, но в теории это не препятствие.

-

...Они вернулись в ту же самую комнату. Артём ощущал гордость за подобную точность — раньше промахивался чуть не на десяток метров. Канси отпустила его руку — в другой она держала цветок эдельвейса — и убежала в ванную комнату. Вернулась со стаканом воды — и поставила в него ком земли с цветком. Так простоит дольше.

Потом бросилась к Артёму и обняла его. Когда отпустила и посмотрела в лицо, там снова были восторг и обожание.

— Ты научишь меня?

— Никогда ещё не пытались этому учить. — Если и покривил душой, то немного.

Канси хлопнула в ладоши.

— Значит, я буду первая! — Она посмотрела на часы. — У нас есть ещё час. Ляг, тебе нужно поспать.

— А ты?

— Я не смогу. Я просто посижу рядом.

Она была права — стоило просто лечь на подушку, как заснул почти сразу же.

День 70. Беседка [оглавление]

Показалось, что проснулся, едва только заснул. Посмотрел на часы — без пяти шесть.

Канси сидела рядом, на постели, одетая в ту же одежду, в которой он показывал ей виды Айура. Сегодня меня отдадут под трибунал, подумал Артём, но отчего-то мысль не вызвала никакой эмоции. О плохом думать решительно не хотелось. Вот сейчас казалось, что он знает Канси не четверть суток (или меньше), а несколько лет.

— Отдохнул? — улыбнулась она и погладила его по щеке. — Я так и не смогла уснуть. Всё смотрю на цветок. Сегодня поблагодарю Акиру.

— Это твоя сестра? — Артём уселся. Действительно, отдохнул. Обалдеть! Даром, что даже не разделся — так и брякнулся спать, в чём был.

Канси кивнула и села ему на колени.

— Закрой глаза, — велела она и прикоснулась кончиками пальцев к его вискам. — Ты увидишь. Она сказала тогда «что-то она злее обычного».

-

Разговоры в общей комнате стихли, едва вошла Канси. Мрачная, как с ней это часто бывало. И недоумевающая: она ожидала сурового наказания от Анчири, а взамен... её поблагодарили. Чуть не застрелила — по своей инициативе, ведь Карико не могла вернуться оттуда, откуда вернулась — и её, и того, кто привёл её. Это не могли быть люди. Но оказалось, что люди.

— Что-то она злее обычного, — отметила Акира, средняя сестра, отвлекаясь от своей работы. Шила кому-то в подарок пояс — чудно выглядит, не отнять, никто лучше Акиры не управится с бисером и канителью. — Как только ты с детьми работаешь, Канси? Ну нельзя же быть такой недоброй!

— Канси, ужинать будешь? — спросила мама, поднимаясь из кресла. — Ты устала.

— Я не голодна, — покачала головой Канси, и обняла маму. — Спасибо. Я просто посижу. День очень странный. — Мама улыбнулась, погладила её по голове, и ушла — в доме всегда есть, чем заняться.

— И всё-таки, что случилось? — Акира никогда не отстанет вовремя, всегда нарвётся на скандал. В гостиной были две её подруги из дома Шенсо — сёстры-близнецы Мекар и Арина, вообще не отличить на расстоянии. Даже одеваются одинаково. — Кстати, ты слышала? Никто пока не вызвался пойти к колдуну.

— К какому ещё колдуну? — Канси опустилась в кресло. Карико ждёт своей участи в чулане — и, скорее всего, госпожа Хато не изменит решения, то есть Карико ждёт в лучшем случае возвращение туда, к кратеру, а в худшем её участь решит сама Канси. А эта сорока болтает о чепухе. Её родную сестру ждёт смерть, пусть даже сама её выбрала, а мы веселимся.

— К тому, которого ты не смогла застрелить, — пояснила Мекар, и, встретив взгляд Канси, отвела глаза в сторону.

Канси фыркнула.

— Колдун! У них машины, только и всего.

— Нет, мы видели. — Мекар вновь осмелела. — Мы все видели. Он и Карико исчезли, и тут же появились рядом. Это колдовство. Говорят, он бежит быстрее ветра, и летает быстрее молнии.

Канси отмахнулась.

— А мне зачем это говорить? Никто не осмелится войти к нему, потому что заколдует? Или боитесь, что приручит?

Они, все четверо в гостиной, все неприрученные — ни у одной нет пока мужчины, с которым они хотят прожить долго и счастливо. А поскольку Канси — старшая сестра, ей не перестают напоминать об этом. Пока старшая остаётся неприрученной, люди избегают остальных. Опять она, Канси, во всём виновата выходит.

— А он ей нравится, — отметила Акира. — Смотрите, как задумалась! Только подумай — первый из настоящих людей, с кем мы встретились! И колдун! И молодой, к тому же!

— Сейчас покусая, — пообещала Канси. Эту угрозу выполняла уже не раз, и не два, но Акиру проще убить, чем заставить вести себя по-человечески. И почему этот чужеземец, которого на удивление ласково встретила госпожа Хато, в самом деле не выходит из головы? Ревность? Ведь его нужно было убить, как только он без спроса шагнул к Хато!

— А что, не так? Иначе сказала бы, «он не в моём вкусе». Или какая у тебя сейчас отговорка?

Близнецы притихли — смотрели, как Акира и её старшая сестра смотрят друг другу в глаза, не отводя взгляда.

— Ты ведь у нас гроза мужчин, — продолжала Акиро. — Все отказались к нему идти! Кто ещё нас выручит? Нужны биологические пробы, по возможности — не привлекая подозрений. Кто их соберёт?

Канси нехорошо усмехнулась, не отводя взгляда.

— Плохая идея, — сказала вдруг Акира, и отвела взгляд — первой. — Нет, не ходи. Ты убьёшь его, как предыдущих. Или покалечишь. А он интересный. А к нам потом кто придёт после всего этого?

— Не убью, — Канси поднялась на ноги и распустила волосы. Протянула свою ленту для волос осёкшейся сестре. — Но заставлю просить пощады. А ты будешь год делать всё то, что я скажу. Ну, почему не берёшь? Боишься?

— Боюсь, — согласилась Акира. — Но не за себя. — Но ленту взяла — приняла условия спора.

Канси расхохоталась. Сняла со стены ножны — два ножа внутри, оба ей подарил Анчири, когда она сумела вернуться с испытания с победой, пусть и со второй попытки. Настоящая сталь, огромная редкость. Ножи приносят удачу — никто ещё не осмелился потребовать от Канси покорности, когда она держала нож.

— Знаешь, что я прикажу тебе, для начала? Целый день сидеть, не открывая рта. — Канси обернулась на пороге. — Я посмотрю, как ты справишься.

-

Артём помотал головой. Казалось, что весь этот разговор он смотрел как бы со стороны — видел и слышал всех, кто участвовал. Да как правдоподобно!

— Я проиграла ей спор, но впервые в жизни не жалею.

— И часто ты ей проигрывала?

— Редко, — призналась Канси и рассмеялась. — Ну, может, часто, но не всегда. Нам пора, — поманила его, а когда Артём встал, тряхнула головой. — Чуть не забыла! — Она

достала из кармана булавку для волос и закрепила всё то, что свободно падало ей на спину, в виде хвостика.

Затем она обхватила Артёма и замерла.

— Мне немного страшно, — призналась она. — Когда мы выйдем, возьмёшь меня за правую руку. Это важно. И никому не кивай, кроме мамы, отца и Анчири. Всё понял? Просто смотри им в глаза и улыбайся.

Артём кивнул. Она и в самом деле напугана. Кто бы мог подумать!

-

У выхода из дома, как ему показалось, собралась вся деревня. Как потом оказалось — только друзья и родственники Канси. Когда Артём, как было велено, взял её за правую руку, он явственно услышал возгласы изумления. Они все смотрели на него, не отводя взгляда. Канси стояла, улыбаясь, и мурлыкала — Артём слышал. Потом потянула его за руку — идём!

Первой к Канси подошла, не без опаски глядя на Артёма, девушка, очень похожая на Канси. Смотрела на обоих широко раскрытыми глазами, и пыталась изобразить добрую улыбку.

— Акира, — представила её Канси. — Моя сестра. — И обняла её. Похоже, что-то шепнула той на ухо, поскольку Акира, когда отошла, улыбалась уже совсем радостно.

Подходили другие — Канси всех представляла. Всего — восемнадцать парней и тридцать пять девушек. Все смотрели на Артёма с почтением, не без опаски.

Они все отходили поодаль, как только Канси с ними здоровалась. Остались, как понял Артём, её родители. Им, как Канси успела ещё раз шепнуть, Артём поклонился — настолько почтительно, насколько смог себе представить. Отец его поздоровался с ним по-римски — похлопал по плечу. И протянул Артёму ленту, расшитую золотыми узорами — такую, как Артём помнил, носили многие мужчины. Артём протянул ленту Канси и та надела ему её на голову. Мать её надела похожую ленту на голову дочери.

— Счастья и удачи вашему дому! — произнесли вначале мать, а затем отец Канси и... на этом торжественная часть, похоже, закончилась.

Не знаю, как у них это называется, но нас только что объявили семьёй, понял Артём. Вот так вот. В голове до сих пор не укладывается.

— Идём, — Канси потянула его за руку. — Сюда мы до вечера не вернёмся. Идём ко мне — туда, где я работаю. Ты ведь хотел увидеть, кем я работаю? Они ждут меня.

-

Ничего не понимаю, подумал Артём. Мы видели хижины, и полудиких людей со стрелами и луками. А сейчас я вижу совсем другое. Вроде и прошли немного, а вокруг вполне современные здания — не стекло и бетон, но и не доски с брёвнами.

...Канси оставила его в своём кабинете, а сама отправилась к детям. Тем было лет по восемь-десять. Видно было, как они обрадовались, увидев Канси — и поздравили её (Артём предпочёл не обращать на это внимания). А потом Канси, почти что робко, спросила — может ли он показать детям — школьникам — свои колдовские умения. Артём «перенёсся», по просьбе детей, между разными частями их класса, а потом «возник» на поляне за окном, сорвал там цветок (не забыл спросить вначале, можно ли) и подарил одной из девочек.

Восторгу не было предела. Однако Канси уже через десять минут вела занятия, как ни в чём не бывало — предметом было нечто среднее между генетикой и зоологией. И да, Канси вовсе не походила на ту фурию, которая ворвалась в его дом прошедшим вечером.

Артём мысленно добавил этот факт в длинный список того, что не укладывалось в голову, и принялся писать отчёт о произошедшем — для сэра Джеймса. Только успел закончить, как тот позвонил.

— Сможете явиться в лагерь, сэр Ортем? — голос звучит добродушно — видимо, всё нормально. Это пока я не скажу, что творилось ночью, подумал Артём. Не стал входить в класс — не хватало снова занять детей совсем не тем, чем нужно. Оставил записку — и ушёл.

-
Сэр Джеймс выслушал длинный рассказ, не моргнув и глазом.

— Не беспокойтесь, сэр Ортем, — спокойно заметил он, когда Артём сказал, что ждёт распоряжений. — Мы в очень непростой ситуации. Штаб требует, чтобы мы во что бы то ни стало убедили этих людей, что нам можно доверять. Мы зафиксировали, что вы покидали окрестные территории, и мне нужно только одно — подробная схема вашего с ней похода. Где были, что видели.

— Дополню немедленно, сэр.

— Вольно, сэр Ортем. Можете присесть. — Сэр Джеймс улыбался до ушей. — Вам пока не сообщали, но в лагерь этой ночью пришло шестнадцать девушек из деревни. Они вполне откровенно сообщили, зачем.

— Им нужна свежая кровь, — предположил Артём. — Им нужны дети.

— Точно так. Намекнули, что это пойдёт на пользу не только их племени, но и нам тоже. Должен признаться, что я с трудом нашёл добровольцев. Точнее, с трудом выбрал только шестнадцать.

Артём не сдержался, и усмехнулся.

— У нас приказ, зачистить все территории в два талана вокруг деревни. Такого скопления нечисти мы давно не видели. Пока что нам не нужна ваша помощь. Осваивайтесь, общайтесь. Я полагаюсь на вашу интуицию. Важно, чтобы они впустили нашего доктора не только в дом для гостей. Кстати, передайте ему то, что сочтёте нужным.

-
Доктор Арчибальд Ливси был, как всегда, в отличном расположении духа.

— А, проходите, проходите, — приветствовал он Артёма улыбкой. — Присаживайтесь. Попробуйте меня удивить, сэр Ортем. Я слышал, у вас была бурная ночь.

— А потом день. Бурная — это мягко сказано. Может, вам будет интересно — она меня укусила.

— С этим встаньте в очередь, сэр Ортем. У меня уже есть шестнадцать человек с укусами. Похоже, это любимая игра здешних прекрасных дам. Дайте, угадаю: было очень больно, но быстро зажило, и следов почти не осталось.

— Верно. И ещё... — И Артём поведал про укус в затылок и то, что последовало за этим. Похоже, доктора таки удалось удивить.

— Интересно. Вот это на самом деле интересно. Скажите откровенно, сэр Ортем, есть шанс обследовать вашу даму — желательно в течение ближайших дней?

— Не могу обещать. Но я остаюсь в деревне — налаживать отношения.

— Мне нужна её кровь. Буквально: даже засохшая пойдёт. Сможете найти? У меня есть образцы, но они не слишком информативны. В вашем случае там может быть много интересного. Одно могу уже сказать: биологически это такие же люди, и мы с ними должны нормально скрещиваться. В том смысле, что дети будут полноценными людьми.

Артём усмехнулся.

— Это в обычаях племён, которые живут в изоляции, — пояснил доктор в ответ. — В порядке вещей постараться получить ребёнка от мужчины, посетившего их. Ну, я вас не задерживаю. Ах, да: образцы крови можете поместить сюда. — Доктор Ливси протянул капсулу. — Жидкую, или сухую, уже не имеет значения. Там она сохранится лучше.

-

Артём, уже почти в полном смятении чувств, отправился назад. Спихватился, только когда понял, что стоит перед оградой того самого дома, где ночью всё и случилось. А тут кто-то побывал — дом чем-то неуловимо отличается от прежнего своего вида. Надо сделать снимки и сравнить. А потом...

Внутри всё убрано. Нет, это мягко сказано: внутри всё по-другому. Обстановка, вещи — всё поменялось. Несомненно, одна из комнат стала комнатой Канси — судя по предметам, которые там лежали. Её окровавленная куртка — кровь, понятное дело, уже засохла — висела на вешалке. Интересно, принято ли хранить всё это вечно?

Непонятно, где тут чья кровь. Наверняка, их обоих. Ощущая себя немного обманщиком, Артём соскрёб с куртки пятнышки, с разных частей. Пусть дальше доктор разбирается. А что делать теперь?

Ему не дали погрузиться в раздумия: в дверь постучали.

— Аким Ортем? Доброго дня! Акимри Анчири желает говорить с вами. — В дверь стояла девушка, которую Артём уже видел утром. Мекар, припомнил он. Точно. Канси упоминала её в разговоре.

— Да, — Артём оглядел себя — на вид, всё в порядке. — Идёмте.

-

— Идёмте, — приказал-предложил Анчири. Вот это рост! Метра два точно будет. И, если здешние мужчины, как обычно бывает, физически сильнее здешних женщин — страшно представить, что он может сделать. Небось, может камень растереть в порошок между пальцами. — Я хочу показать вам то, что вы ещё не видели.

Они шли молча — по дороге, петлявшей между домами. Точно, деревня и луки со стрелами — это маскарад, фасад. А на самом деле, тут вполне развитая цивилизация. Но зачем маскироваться? Кого они опасаются?

Анчири указал на холм шагах в ста — возвышающийся над всей окрестной местностью метров на тридцать. На вершине красовалась каменная беседка. Да это мрамор! Ничего себе работа, как красиво сделано!

— Это беседка уединения, — пояснил Анчири, поднявшийся следом. — Сюда приходят, чтобы подумать, когда нужно сосредоточиться. Сюда приходят и по другим двум причинам.

— По каким же, акимри?

— Сейчас вы сами поймёте, — улыбнулся Анчири. Да он вовсе не похож на дикаря, удивился Артём. Странно: я точно помню, что вчера они были одеты, как индейцы из наших старых фильмов — а сейчас рядом со мной человек в годах, но одет, как европеец, и никакой раскраски на лице. Что всё это значит?

— Посмотрите, — предложил Анчири, окинув окрестности взмахом руки. — Просто посмотрите.

Артём огляделся. А это что за лес? А вон там должен быть лагерь, где сейчас сэр Джеймс исполняет приказ о зачистке территории от нечисти. Но взамен лагеря — высокие, гигантские просто деревья, куда выше баобабов, что должны там расти. Расстояние делает их

призраками, но в них точно метров по сто будет, или больше! Не было здесь таких деревьев!

— Отсюда видно то, что снизу я не мог увидеть, — ответил Артём и потёр лоб. Что-то беспокоило — кольнуло неприятное предчувствие. Анчири смотрел на выражение его лица, продолжая улыбаться. — Как это возможно? Всё это, — Артём указал рукой на огромные деревья, — ненастоящее?

— Всё настоящее, — заверил его Анчири. — Просто находится не здесь. Это вид на Плутонию — наш дом. Здесь, у вас, мы держим только небольшую базу.

— Плутония? Плутон — бог царства мёртвых. Необычное имя.

— Интересно, — на лице Анчири возник подлинный интерес. — А что ещё вам говорит это слово? С чем ассоциируется?

Вождь племени говорит об ассоциациях. Провалиться на месте!

— Там, в другой жизни, я читал когда-то книгу «Плутония», её написал учёный по фамилии Обручев. В детстве я очень любил читать эту книгу, — беспокойство ело всё сильнее. И оформилось в мысли: что-то не так с Канси. Точно! Едва только её имя появилось, невозможно стало избавиться от мысли, что с Канси что-то не так. — Акимри, прошу простить. У меня странное чувство. С Канси что-то не так. Я не могу понять, что, мне необходимо её увидеть.

— Вы упомянули слова «Плутон» и «Обручев». — Анчири словно не слышал. — Вам говорит что-нибудь название планеты «Земля»?

— Говорит, акимри. Извините, если я кажусь невежливым...

— По нашему календарю, сейчас идёт три тысячи триста восемьдесят второй год новой эры. Как говорили на Земле — от рождества Христова.

Это сообщение настолько поразило Артёма, что на момент он забыл про совсем уже дурные предчувствия по поводу Канси.

— Как такое возможно? Кто вы на самом деле, акимри?

— Я поясню. А сейчас, Ортем, глубоко вдохните и обратитесь к Канси. Представьте то, что легче всего представить — её голос, запах кожи, что угодно. Обратитесь и скажите, мысленно, что всё нормально, для беспокойства нет причины.

— Что вы... — Артём огромным усилием воли сумел взять себя в руки, и выполнить буквально то, что ему сказали. Труднее всего было сохранять спокойствие на всём протяжении этого действия.

Помогло почти сразу. Беспокойство не исчезло, но перестало сводить с ума, наводить на совершенно чудовищные картины и предположения.

— Сейчас мы на огромном расстоянии от нашей базы на Каппа-восемь. Это то, что вы знаете под именем Айур. В эту беседку приходят, чтобы убедиться в собственных чувствах, Ортем. Если человек вам на самом деле безразличен, то здесь вы ровным счётом ничего не почувствуете.

— Я понимаю вас. — Артём действительно начал понимать. Список того, что не укладывалось в голове, пора дополнить списком того, что не лезет ни в какие ворота.

— Вас беспокоило, насколько всё было настоящим. Мы с вами по-разному воспринимаем мир. Для нас совершенно нормально узнать о человеке всё, просто посидев с ним лицом к лицу. Если бы Канси не хотела, пусть даже втайне от себя, чтобы вы её приручили, она ни за что бы не пришла к вам. Понимаете?

— Понимаю.

— Вам очень трудно. У вас есть другая семья — вам кажется, что сейчас вы делаете что-

то очень неправильное. Но всё это уляжется и образуется. Дайте время себе и Канси. Ей сейчас точно так же трудно.

Артём кивнул.

— Спасибо, активри, что привели меня сюда.

— Вы почти не задаёте вопросов. Думаю, вы уже сделали какие-то выводы. Не поделитесь своими мыслями?

— Вы только делаете вид, что являетесь первобытным племенем. Я видел, какие у вас дома, и слышал, чему Канси учит детей. Но зачем прятаться от остальных людей?

— Мы не очень давно на этой планете, Ортем. Это долгая история. Мы знаем, что такое форма жизни, которую вы называете «нечисть», и предполагаем, откуда она взялась. Мы также знаем, насколько хорошо она может имитировать людей, и управлять их поведением.

— Погодите, — Артём потёр виски. — Не успеваю. Вы назвали дату три тысячи триста восемьдесят второй. Это на тринадцать с лишним веков позже даты, которую я помню.

Анчири покивал.

— Вряд ли это совпадение. Мы впервые вышли на землю Айура семьдесят здешних дней назад. Вам говорит что-нибудь это число?

— Говорит. С этого дня начинаются мои воспоминания об Айуре.

— Вот видите, — Анчири развёл руками. — Вряд ли случайно, что именно ваш отряд заметил нашу базу, и что именно вас выбрала одна из наших женщин.

— Погодите, — Артём помотал головой. — Слишком много для одного дня, активри. Чем больше я слушаю, тем меньше понимаю, что происходит. Одно ясно: мы с вами люди, хотя немного разные, и вы можете помочь нам. А мы — вам.

Анчири вновь покивал.

— Я должен объяснить, кто я такой. Я не вождь, — улыбнулся он, — я учёный. То, что вы называли бы учёным. Моя должность — выборная. Можете называть её «администратор». Когда на Землю впервые напали, шестьсот земных лет назад, нас ещё не существовало. Тот, кто помог нам появиться на свет, хотел, чтобы мы вернулись и помогли Земле, если враг снова вернётся. Но что-то случилось — мы не сумели найти Землю вовремя.

— И Плутония...

— То самое место, где мы живём. Не спрашивайте меня, каким образом Айур и Плутония сейчас связаны. Мы не сумели до конца понять, как это происходит. Вы можете помочь нам. Я говорю лично про вас, Ортем. Если ваш нуль-прыжок — то, что вы называете скольжением — действует и в Плутонии, вы можете помочь нам отыскать Землю.

— Почему вы просто не обратитесь к сэру Джеймсу? К остальным? Скажите им то, что сказали мне. Зачем вся эта секретность?

— Мы обратимся. Все, кого мы отправляли за помощью с момента, как попали на Айур, бесследно исчезали. Так мы потеряли пятнадцать разведчиков, и всякий раз потом на нас нападали всё большие силы нечисти. Наша база неприступна для неё, но это наше единственное преимущество.

Артём посмотрел в его глаза.

— Чем я могу помочь вам, активри?

— Для начала — принять то, что я сказал. Доверие, Ортем. То, что мы ценим выше всего.

— Мне нужно время подумать. — Сказать это было непросто. — У меня приказ — убедить вас, что нам можно доверять. Наш доктор хочет побывать здесь — исследовать, кто

вы.

— Разумная предосторожность, — согласился Анчири. — Проведите остаток дня с Канси, Ортем. Ничего не предпринимайте, просто побудьте с ней. А завтра передайте вашему командиру, что мы не против того, чтобы доктор прибыл в деревню. Но — это важно — он не увидит всего того, что видели вы. И не узнает, что мы на самом деле не дикари. Это важно. Понимаете?

— Вы просите меня вводить в заблуждение моё руководство?

— Нет. — Анчири улыбнулся. — Я не вербую вас, если вы об этом. Доктор, и все остальные узнают всё, что знаете вы. Просто они узнают чуть позже.

Артём отвернулся, и посмотрел вокруг. Он прав, нужно дать время мозгу, расставить всё по местам. Иначе и свихнуться можно.

— Я думаю, что через неделю-другую мы вернёмся в Рим. Если Канси не захочет оставаться здесь...

— Вы уже знаете решение, Ортем. Она пойдёт за вами, куда бы вы ни направились. Это не я так решил.

— Но вы говорили, что все, кого вы посылали за помощью...

— Да. Но у нас не было вашей техники, а наши возможности вдали от базы ограничены. К тому же, Канси — не солдат, у неё другая профессия. Теперь она ваша актема — то, что вы называли бы супругой. Она осторожная и умная девушка. Конечно, это риск. Но выбор у неё невелик.

— То есть, если она останется здесь...

— Вы уже знаете, что случится.

— Ей будет очень плохо. — Артём отвёл взгляд. Вот сейчас он почувствовал себя по-настоящему паршиво. — Возможно, она умрёт.

— Всё верно. Вам нельзя надолго расставаться с теми, кого вы приручили. Нам пора. — Анчири указал в сторону выхода. — У вас будет много вопросов. У меня тоже. Но сейчас вас ждёт Канси, а это важнее всего, поверьте. И не забудьте, что там, в деревне, я вождь — суровый и властный.

— Так точно, активри, — не удержался Артём. Анчири рассмеялся и похлопал его по плечу — как принято в Риме.

-

Канси встретила его и обняла. Долго не отпускала — и Артёму, впервые за последние часы, стало хорошо и спокойно.

— Ты ходил в беседку? — улыбнулась она, когда отпустила его. — Я почувствовала. Думаю, ты знаешь, что я чувствовала.

— Знаю, — согласился Артём. — По крайней мере, могу представить. Анчири рассказал мне, Канси. Про Плутонию и многое другое.

Канси широко открыла глаза.

— Значит, он поверил мне. Поверил, что ты можешь то, что никто из нас не может. Я очень рада за тебя! Теперь ты веришь, что всё это происходит на самом деле?

— Верю больше, чем утром.

Канси рассмеялась.

— Уже лучше! Есть одно важное дело, Ортем. Может быть, очень неприятное. Нужно сделать его сегодня же. Идём! Потом мы сможем остаться вдвоём.

— Не пояснишь, что за дело?

— Карико, — Канси смотрела в глаза Артёма. — Она устала ждать. Она хочет, чтобы всё решилось сегодня.

-

— Доброго дня, госпожа Хато, — приветствовала Канси кошку — талисман деревни, и вершительницу правосудия. Странно, но даже теперь это не выглядело нелепо, или хотя бы смешно.

Они прошли вдвоём по дому, который вчера ещё был родным домом Канси — никого и ничего. Дом словно вымер. Так надо, пояснила Канси. Они ушли из дома, и не вернутся пока всё не решится.

— Сможешь? — Канси протянула ему не то меч, не то кинжал — в ножнах. В холодном оружии, если честно, Артём не очень разбирался. — Не доставай сейчас. Если госпожа Хато так решит, то один укол — в сердце. Если не можешь это сделать без страха или злобы, подожди меня за воротами дома. Я всё сделаю сама.

— Смогу, — Артём не сразу смог это сказать. Без страха и злобы, значит. Канси посмотрела ему в глаза, и молча кивнула.

Когда они открыли дверь, Карико стояла у дальней стены — ожидала их. На лице её Артём, к огромному удивлению увидел всё, что угодно, кроме страха, обиды или ненависти. Больше всего там было радости.

— Госпожа Хато, — позвала Канси, осторожно сняв лёгкую, почти невесомую, крышку — естественно, плетёную, как и сама корзина. — Мы пришли.

И подозвала Карико — взглядом. Два шага дались той нелегко. Она протянула руку к кошке — погладить. Кошка приподнялась, обнюхивая руку человека, зевнула и... потёрлась щекой о руку Карико. И замурлыкала — громко, щурясь и продолжая тереться краешком губы о руку. Благосклонно позволила себя погладить по голове и... вернулась лежать в свою корзинку.

Карико смотрела на сестру и Артёма широко раскрытыми глазами. Но сумела улыбнуться.

— Пройди в свою комнату и переоденься, — улыбнулась ей в ответ Канси. — Мы подождём снаружи.

Карико уже почти вышла, как Артём переложил ножны в другую руку. Карико тут же замерла и закрыла глаза. Чёрт, подумал Артём, она не пояснила мне, что теперь делать с мечом.

«Меч правосудия в любом случае должен напиться крови».

Непонятно, откуда взялась эта фраза. Но словно кто-то сказал прямо в ухо — ясно и отчётливо. Артём достал меч — действительно, меч — и провёл кончиком клинка себе по тыльной стороне ладони. Сумел не вскрикнуть — словно огнём обожгло. И вернул меч в ножны.

Карико словно ветром сдуло. Канси на момент прикрыла глаза.

— Ты всё сделал правильно. Нужно вернуть госпожу Хато в её комнаты, — добавила она. — Я сама сделаю. Оставь меч здесь, о нём позаботятся. Жди меня у дверей, снаружи.

...Вначале вышел Артём — там уже собралось человек сто, не меньше — через минуту вышла Канси, а сразу за ней — Карико.

Вздых пронёсся над толпой. Карико отыскала взглядом маму, и бросилась к ней.

— Идём, — Канси потянула Артёма за руку. — Это её праздник. А я хочу побыть в тишине.

Артём взял её за руку, и ощутил, что рука её дрожит.

— Я умею готовить, но терпеть этого не могу, — сказала Канси. — И я знаю место, где можно и поесть, и посидеть в тишине. Только я и ты, хорошо? Этот вечер — наш с тобой.

-

Артём сидел, писал доклад — как велело руководство — а Канси сидела с книгой в руке, в кресле по другую сторону стола. Здесь действительно мало кто готовил дома сам — повара, кормившие всю деревню — нет, всё-таки город — мастера высшего класса. По очень смутному описанию Артёма они приготовили овощное рагу настолько вкусное, что не было никаких сил оторваться от него — к явному удовольствию поваров.

А сейчас на столе стоял кувшин ягодного напитка — более всего похожего на морс. Спиртного здесь не пьют, это Артём уже знал. То есть абсолютно, сухой закон. Ведут настолько здоровый образ жизни, что поневоле задумаешься, насколько всё настоящее.

Артём отложил планшет в сторону, не забыл сохранить записанное. Это — вершина компьютерных технологий в том виде, в котором их помнил Артём. Насколько удобного инструмента для ведения записей он сам не мог бы придумать. А здесь, если задуматься, вообще не видать никаких машин. При этом ручной работой — кроме разве что кулинарии — никто не занимается.

— Просто спроси, — подняла Канси взгляд. — Я объясню. Ты что-то не понимаешь в том, как мы живём. От тебя нет секретов.

Он улыбнулся.

— Что, совсем никаких?

— В том, как мы устроены, как живём — никаких.

Артём потёр лоб, и... обнаружил, что кое-что знает, на самом деле, о том, как всё устроено. Биотехнологии, так звучало бы это слово. Здесь всё делают не машины, а природные, или синтетические живые формы.

— Верно, — кивнула Канси. — Я не смогу пояснить все подробности, но я приведу тебя к учёным или инженерам, которые смогут.

— Не пойму. Мысли читаешь? Как ты отвечаешь на вопросы, которые я не задавал?

— Ты их задаёшь. В уме. И только потом говоришь слова — так все люди делают. Просто я ощущаю, что именно ты спросишь. Я не подслушиваю твои мысли, — она смотрела серьёзно. — Есть люди, которые могут считать всё твоё сознание. Я так не умею.

— Тогда...

В двери постучали. Тихонько.

— Открой, пожалуйста, — попросила Канси, но сама пошла следом.

По ту сторону двери стояла... Карико. Едва заметив Артёма, она отшатнулась — ему показалось даже, что сейчас побежит наутёк. Но взяла себя в руки. Она посмотрела за Канси, появившуюся рядом — и улыбнулась. Прижала ладонь к груди — и протянула вперёд.

— Она хочет остаться здесь. Помогать нам с тобой по хозяйству, — пояснила Канси. — Ей нужно твоё разрешение.

— Да, я не возражаю, — произнёс Артём ошарашенно. Но Карико продолжала смотреть вопросительно, и он добавил. — Ты можешь оставаться здесь, Карико. Столько, сколько захочешь.

Она радостно улыбнулась и сделала движение, чтобы обнять Артёма. Но осеклась, глядя на сестру. Ты улыбнулась и кивнула.

Артём ощутил — трудно было описать всё это словами — благодарность. Огромную,

горячую и живую. За всё, с момента, как он выхватил Карико из пасти невообразимого чудовища, почти уже настигшего её, и до того момента, как спрятал меч правосудия. За эти несколько секунд Артём воспринял столько благодарности, что едва хватало сил дышать.

— Разреши, я покажу ей здесь всё, — попросила Канси. И увела сестру — та не сразу отпустила своего спасителя.

— Она всё ещё немного боится тебя, — пояснила Канси, появившись в «гостиной» — той, где они сидели до визита Карико. — Это пройдёт. Я нашла ей комнату — над нашей.

-

В час ночи Артём проснулся — словно вынырнул из горячей, вязкой топи. Канси спала рядом, уткнувшись лбом в его плечо. Так спала Инга, так спит Марина...

— Я просила не думать о других женщинах, — Канси прижалась к нему сильнее. Одурачивающий, непереносимо приятный запах её кожи. И куда ни прикоснёшься — литая сталь, а не мышцы. И невероятная реакция. И совершенное здоровье. Как такое может быть?

— Тогда научи не думать. Я не могу.

— Расскажи мне о них, — Канси уселась, погладила его по лбу. — Обо всех. Когда будешь готов. Ты очень беспокоишься за Ингу. И чувствуешь, что изменил Марине. И не понимаешь, почему я так изменилась за последние сутки. Тебя беспокоит, что Анчири знает про Землю, но не отвечает на вопросы. Тебе непонятно, как можно одновременно доверять ему, и оставаться верным людям, которым ты помогаешь лететь быстрее ветра. Я всё перечислила?

— Добавь ещё, что я не пойму, как ты это делаешь.

— Не спрашивай. Я отвечу, если ты спросишь меня. Но прошу — не проси меня, не сейчас. Если ты со мной — значит, доверяешь.

— Почему это?

— Потому что я могла убить тебя в любой момент. Так же, как и ты — меня. В ту ночь ты был готов перерезать мне горло. Я это видела, и чуяла. Но ты не получаешь удовольствия от чужих мучений и смерти. Я такая же.

— Вы не цените жизнь?

Канси помотала головой.

— Это единственное, что мы ценим. Но жизнь не имеет смысла, если не доказывать каждый день, что ты её достоин. Наверное, поэтому ты летаешь быстрее ветра. Поэтому нас с тобой принесло в сердце урагана, а потом к извергающемуся вулкану, а потом в полюс холода. Тебе нужен риск. Иначе это не жизнь.

Артём долго думал, глядя в светящиеся глаза Канси.

— Верно. — Согласиться стоило немалого труда. — Тогда подскажи, что делать?

Она взяла его ладонь и прижала к своей груди.

— Это наша ночь. Твоя и моя. Их не так много будет. Не трать такие ночи на сомнения. Ты поверил мне в ту ночь — когда предложил забрать нож. Просто продолжай верить.

Артём медленно улёгся назад, и Канси прижалась к нему. И поймала его руку, когда он попробовал погладить её по спине.

— Нет. Ты хочешь забыться. Сейчас ты не хочешь меня, ты пытаешься отвлечься от мыслей. Не надо меня обижать. Всё должно быть по-настоящему.

Артёму стало непередаваемо стыдно. Ей на вид лет двадцать, а говорит, словно ей...

— Мне двадцать четыре года. Почти никто не остаётся неприрученным так долго. Спи, — она погладила его по лбу. — Я не хочу усыплять тебя. Просто лежи, если не можешь

заснуть.

День 71. Дипломатия [оглавление]

Одна мысль не давала покоя, со вчерашнего дня. Пустычная, но тем не менее. Канси сказала: я нашла ей комнату над нами. Что такое «над нами», если дом одноэтажный?

— Уже нет. Сейчас два этажа, будет нужно — построят ещё.

Артём уселся. Канси сидит за столом — что-то пишет. С ума сойти! Пером по бумаге! Артёму захотелось глаза протереть — точно, перо, чернильница, всё такое. Вот это да!

— Доброе утро, — Артём, стараясь вести себя настолько естественно, насколько возможно, принялся делать утреннюю гимнастику. Сейчас очень не хватает гимнастического зала Арены, где можно устроить себе неплохую нагрузку.

— Здорово! — уважительно сказала Канси, откладывая свои бумаги. — По доброй воле делать зарядку! Я как раз хотела предложить.

— Что именно?

— Пробежаться. Я бегаю по утрам. Мы с сёстрами это любим. А ты?

— Тоже, — кивнул Артём. Уже, если честно, соскучился по римским паркам. В походе особенно не побегаешь, когда хочется.

— Присоединишься?

В этом мы похожи, подумал Артём. И присоединился.

-

— Но ты ни слова не сказал, — удивилась Канси, когда Артём передал, что только что звонил в лагерь, своему командиру. Сэр Джеймс пребывает в отличном расположении духа. Небось, набрался от доктора Ливси.

— Для этого не нужно говорить вслух. Доктор хочет осмотреть тебя, — пояснил Артём, ожидая выражения неудовольствия на лице Канси. — Провести полный медосмотр.

— Меня одну? — Канси оглянулась. Карико стояла в дверях — только что получила похвалу за то, что угадала, кому что заказать на завтрак, и светилась от удовольствия. Как мало ей нужно для счастья, подумал Артём, с трудом отводя взгляд от Карико.

— Вас обеих.

— Если обеих, я согласна. Карико?

Та, к которой обращались, кивнула — и убежала прочь.

— Как ребёнок, — вздохнула Канси. — Мы возьмём с собой госпожу Хатори — дочь госпожи Хато. По нашим обычаям, она очистит ваш лагерь своим присутствием. Прогонит прочь всё нечистое.

Артём сделал всё, чтобы не улыбнуться. Высокие технологии, и всё такое — и вместе с тем такое поклонение перед кошками.

Канси сходила к двери — закрыла её — и вернулась назад.

— Я заметила, — пояснила она без улыбки. — Ты считаешь это суеверием. Не спорь, считаешь. Там, у тебя на родине, кари — обычные, милые домашние животные. Нам они так же необходимы, как солнце, жизнь и воздух. Смотри мне в глаза!

— Да, я понял. — Артём увидел в её глазах то же выражение, с которым она тогда вошла к нему с ножом. — Прошу прощения, если задел твои чувства.

— Тебе необязательно извиняться. Просто не делай так больше, — добавила Канси и улыбнулась. И перестала походить на фурию. — Я знаю, ты их очень любишь. Это замечательно. Ну что, идём?

-

Их небольшая делегация произвела на роту огромное впечатление. Обе девушки, одетые в ту самую одежду, в которой их застали впервые в доме Анчири — по словам Канси, придуманное для Плутонии, где климат в пригодных для жизни районах тропический, и одежда должна быть не только красивой, но и удобной. И лента для волос на голове у каждой. Вот только у Карико капюшон её плаща скрывал затылок, а у Канси затылок открыт. Артём заметил, что след от укуса не прошёл полностью — остался дугообразный шрам. Принято его демонстрировать? Я толком ещё не знаю об их обычаях, подумал Артём. Тут всю жизнь, поди, надо прожить, чтобы освоиться.

Карико несла корзинку с госпожой Хатори — молодой трёхцветной кошкой с пронзительно зелёными глазами.

— Они могут заглянуть в её корзинку, но ни в коем случае не должны трогать её, — предупредила Канси.

— Рад видеть вас, — к воротам лагеря вышел сэр Джеймс Батаник собственной персоной, доктор Арчибальд Ливси и остальные офицеры. — Госпожа Хатори, госпожа Карико, госпожа Канси — добро пожаловать. Вы должны сдать оружие при входе в лагерь. — Канси широко раскрыла глаза и метнула взгляд на Артёма. Похоже, сэр Джеймс не ошибся в приветствии.

Канси молча отстегнула ножны — если глаз не намётанный, то и не заметишь под одеждой — и протянула их Артёму. То же самое сделала Карико.

— Мы хотим обойти все ваши помещения, сэр Джеймс, — улыбнулась Канси. — Госпожа Хатори принесёт удачу, и отгонит всё нечистое.

— Моё присутствие вас не стеснит? — поинтересовался сэр Джеймс.

— Мы сейчас узнаем. Госпожа Хатори? — Канси поманила сэра Джеймса. — Прошу, подойдите к ней и протяните руку. Только не прикасайтесь.

Госпожа Хатори обнюхала протянутую руку, и потёрлась о неё щекой. Канси и Карико переглянулись.

— Она не возражает, — пояснила Канси. — Можете погладить её, если хотите. Это неопасно.

-

Через полчаса обход окончился. Никто из остальных — кроме, понятное дело, сэра Джеймса — не видел до сегодняшнего дня кошек, или, как их здесь называют, кари. Указание не трогать все соблюдали чётко.

— Я провожу их к доктору, сэр Джеймс. — Артём старался не подавать виду, что его что-то беспокоит. — Сразу после этого явлюсь с рапортом.

— Можете просто позвонить, — разрешил сэр Джеймс. — Рад знакомству, госпожа Хатори и госпожа Карико! Чувствуйте себя, как дома.

— ...Ну, дорогие дамы, кто согласится первой? — доктор Ливси сиял. — Больно не будет.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Канси.

— Проверить вас вот этим устройством, — показал доктор. — Он находит возбудителей болезней, исследует состояние здоровья. Взять пробы жидкостей организма. Как я уже сказал, больно не будет.

— Что такое возбудители болезней? — поинтересовалась Канси, не моргнув и глазом. Ну да, подумал Артём, для всех, кроме меня они — первобытное племя. Не так давно покинули каменный век. Даже ножи взяли обсидиановые, хотя там, у себя, у них в ходу

металлические. Интересно будет узнать, что за сплав.

Доктор охотно и доходчиво объяснил. Потом его спросили, что такое жидкости организма, и как их будут брать. После пояснения Канси и Карико попросили разрешения обсудить это в сторонке.

— Я хочу, чтобы Ортем был рядом, когда вы будете брать эти пробы. — Канси смотрела в глаза доктора Ливси. — И держал меня за руку. Карико хочет, чтобы я была рядом, когда вы будете брать у неё. Только я. И ещё: вам нельзя прикасаться к затылку.

— Это легко можно устроить, — согласился доктор Ливси. — Сэр Ортем?

— Никаких возражений.

Это означало, что ему нужно взять коринку с госпожой Хатори, и подождать у входа в медицинскую палатку. При необходимости, вежливо отгоняя тех, кто захочет посмотреть на кошку.

-

Карико и Канси с восхищением смотрели на разнообразные медицинские аппараты и прочих походный набор врача, когда Артёму разрешили войти. Доктор Ливси поманил его поближе.

— Что ж, сэр Ортем, думаю, вас надо поздравить. Вас и госпожу Канси. — Та, с которой сказали, оглянулась. — Я проверил несколько раз. Четыре оплодотворённых яйцеклетки.

— Две девочки, два мальчика, — пояснила Канси, подходя ближе. — Прости, Ортем, я хотела сказать сама. Чуть позже.

— Верно, — поразился доктор. — Откуда вы знаете, сколько их, и какого пола?

— Мать должна знать всё о будущих детях. — Канси перестала улыбаться. — Сэр Арчибальд, это касается только нас с Ортемом. Карико — моя сестра, ей тоже можно знать. Никому больше, пока дети не родятся.

— Не беспокойтесь, госпожа Канси, есть врачебная тайна. Мы не имеем права разглашать подробности без согласия пациента.

— Я знаю. Я хотела, чтобы Ортем это услышал. Можно нам погулять по лагерю? Мы никуда не войдём без спроса.

— Да, конечно. Обращайтесь к любому офицеру — у них красные полосы на погонах — если потребуется помощь.

Когда они остались одни, доктор Ливси почесал затылок и спросил:

— Мне одному показалось, сэр Ортем?

— Я заметил. Она не спросила, что такое яйцеклетка. А ведь она вас о каждом слове расспрашивала. А потом вдруг перестала.

— Верно. Думаю, самое время сообщить об этом сэру Джеймсу. Идёмте?

-

— Моё заключение, сэр Джеймс — что они знают намного больше, чем мы думаем. Вначале девушки расспрашивали меня обо всём подробно. А потом, как только вернулся сэр Ортем, внезапно перестали. Как будто хотели подчеркнуть, что предыдущее было только игрой.

— Сэр Ортем? — Командир роты посмотрел на своего дресселя.

— Так точно, сэр Джеймс. Я согласен с сэром Арчибальдом. Они явно знают больше, чем мы думали.

— Девушки просят разрешения войти, — доложил охранник.

— Очень кстати. — Сэр Джеймс побарабанил пальцами по столу. — Впустите.

— Сэр Джеймс Батаник, — Канси коротко поклонилась. — Акимри Анчири велел передать, что он будет рад поговорить с вами и сэром Арчибальдом. Ортем также может присутствовать, но никто более.

— Это очень кстати. Я правильно понимаю, что вы знаете намного больше, чем пытались нам показать?

— Это верно. Я выполняла распоряжения акимри Анчири. Я приношу извинения, если это оскорбило ваши чувства.

— Что ж, думаю, пришла пора получить некоторые ответы, — сэр Джеймс снял со стены своё осаго.

-

— Я тебя обидела? — Канси улучила момент, когда сэр Джеймс и доктор Ливси вошли в резиденцию Анчири. Карико отправилась домой — вернуть госпожу Хатори, и позаботиться о ней и её детях. — Извини. Мы не могли рисковать. Мы были абсолютно уверены в тебе и сэре Джеймсе — кари вас приняли. Мы обязаны были убедиться, что среди ваших солдат все люди.

— Это называется «использовать», — Артём готов был взорваться. — Вы выставили меня дураком. Я не могу лгать своему руководству, Канси. Если меня спросят, знал ли я о том, что вы владеете передовыми технологиями до того, как вы явились в лагерь, я скажу, что знал. После этого меня ждёт трибунал. На случай, если ты не знаешь — я навсегда утрачу доверие людей. Вполне могу провести остаток дней в клетке.

Канси уткнулась лицом в его плечо.

— Всё образуется, — сказала она тихо. — Иногда приходится делать неприятный выбор. Знаешь, почему мы так относимся к кари?

— Расскажи.

— Плутония время от времени входит в контакт с другими мирами. Планетами. Мы не знаем, куда точно приведёт эта связь, мы только можем примерно оценить, когда это снова произойдёт. Теперь можем и прервать эту связь, если потребуется. Однажды, триста восемнадцать земных лет назад, мы увидели выход в чудесный мир. Он был похож на Землю. И там были люди. Они были очень похожи на людей. Но это было на самом деле то, что вы зовёте нечистью.

Только одно прикосновение, — продолжала Канси. — Потом удалось понять, что не проверили вовремя — к одному из нас прикоснулось такое существо. Через час погибло триста человек. Через сутки — сто двадцать тысяч. Через неделю нечисть заняла две трети обитаемой части Плутонии, а мы сумели наладить оборону. Нам потребовалось три года, чтобы изобрести эффективное оружие, выжечь эту заразу и очистить Плутонию. Это то, что ты зовёшь иронией: нас создавали, чтобы мы могли противостоять любой угрозе человечеству. И нас чуть было не уничтожила первая же настоящая угроза. Всего одна ошибка, Ортем. Одного человека не проверили вовремя.

Анчири первым заметил, что кари реагируют на заражённых. Они чуяли опасность, даже когда нечисть только начинала подчинять человека. Кари никогда не ошибались. Ни единого раза. Они спасли нас — большая часть лабораторий и заводов оказалась на захваченной территории. Погибло девятьсот пятьдесят тысяч человек, Ортем. Нас сейчас всего сто пятьдесят девять тысяч. А было больше миллиона. Эти числа — тайна для посторонних, но ты не посторонний. Мы обязаны были убедиться, что у вас в лагере нет

нечисти.

— Понимаю. Извини, если я говорил с тобой грубо.

— У тебя были все основания. Не рассказывай эту историю другим, пожалуйста. У нас свои счёты с нечистью. И мы найдём Землю. И вернём её людям, если потребуется. Ты поможешь?

— Да, — ответить было вроде бы просто, но на это требовалась немалая смелость. — У меня просьба — больше не подставлять меня.

— Актим Ортем, актима Канси, — к ним подошёл парень — здешний охранник. — Актимри Анчири просит вас войти.

-

— Итак, мы договорились, — Сэр Джеймс в отличном расположении духа. — Я доложу о подробностях в федеральный штаб. Надеюсь, вы понимаете, что чуть было не подвели моего дросселя под трибунал.

— Я приношу вам свои извинения, сэр Ортем, — Анчири коротко поклонился. — Я уверен, что вы понимаете причины моего поступка. Безопасность моего народа для меня превыше всего.

— Я понимаю, актимри Анчири. Думаю, что можно считать инцидент исчерпанным.

— В качестве жеста доброй воли, мы передадим вам собранные нами сведения о том, что вы называете нечистью, — добавил Анчири. — И описание наиболее эффективных средств обнаружения и борьбы с ней. Ваши танки и терминаторы поражают воображение, сэр Джеймс. Мы и не думали, что технологии нечисти можно использовать против неё самой. Люди Айура отважны и находчивы. Я уверен, мы сможем помочь друг другу.

Сэр Джеймс кивнул, и жестом попросил Артёма оставить их.

— Вы говорили, что вам нужна помощь моего дросселя, чтобы добраться до определённого места в Плутонии. Я запрошу согласие федерального правительства на это, но у меня должен быть полный отчёт о визите сэра Злотникоффа. Никаких тайн, актимри Анчири. Если мы — союзники в этой войне, то полноправные.

— Вы получите все сведения, — заверил его Анчири.

На этом официальная часть окончилась.

-

Ну и денёк! Неофициальная часть приёма — где одетые уже вполне современно «аборигены» вели вполне учёные и светские беседы со своими гостями — определённо удалась. На этот раз звёздами были сэр Джеймс и доктор Ливси, а Артём, который уже не раз слышал сказанное за своей спиной слово «колдун», просто сидел, держа за руку Канси, чувствуя себя совершенно спокойным и беспричинно счастливым.

...Карико возникла на пороге их комнаты, прижала обе ладони к груди.

— Она спрашивает, что мы хотим на ужин, — пояснила Канси. — Говори ты первый.

Получив «указания», Карико отбыла.

— Слушай, почему она не говорит?

— Так она решила. Шесть дней назад, когда она гуляла с госпожой Хатори, она увидела призрака. Так она сказала. Она перепугалась, выронила корзинку с госпожой, и бросилась бежать. Двое человек погибли, спасая госпожу Хатори — нечисть вылезла из того кратера, который ваши войска очистили, и бросилась на них. Карико не помнит, как спаслась. Когда она поняла, что бросила кари, и что погибли люди, она решила, что остаток дней проведёт в молчании. Три дня назад она решила уйти навсегда — не смогла жить с этим.

— То есть я спас её вопреки её желанию?

— Она говорит, что ты и есть тот самый призрак. Не обижайся. Она увидела что-то очень страшное — а её трудно испугать так, чтобы она бросила кари, и побежала, не думая, куда. А когда ты снова появился — сказала, что возник тот самый призрак, и выхватил её из пасти чудовища. Она говорит, это знак. Если кари простят её, она будет служить тебе до конца дней.

— «Говорит»? Как ты её понимаешь?

— Она умеет общаться. Но не словами. Всё ещё чувствует себя очень виноватой. Она обняла тебя — ты должен был почувствовать, что она думает о тебе.

— Да, почувствовал. — Артём потёр лоб. Канси уже переоделась в домашнее — почти то же, что выходное, но очень лёгкое. Одежду — точнее, ткань и остальное — они получают с деревьев. На деревьях, буквально, вырастает то, что нужно. Вот и скажи после этого, что сказок не бывает! — Я могу поздравить тебя? Ты станешь мамой?

— Стану, когда решим, — Канси уселась к нему на колени, и погладила по лбу. — Они будут ждать столько, сколько нужно. Пока что они спят, не развиваются.

— Как такое возможно?! Хотя да, я уже ничему не удивлюсь, наверное. Что ещё я о тебе не знаю? Вы очень сильны. Во много раз быстрее нас. Видите в темноте. Различаете больше запахов. Практически не болеете. Может, вы и живёте вечно?

— Не все могут жить вечно. Это тяжёлое бремя. Анчири — старейшина, один из первых. Ему шестьсот двадцать три земных года.

— С ума сойти! — Артём не сразу поверил. А на вид Анчири лет сорок пять. — А наши дети? Какими они будут? Такими, как вы?

— Как решишь.

— Это что, шутка?

— Ортем, — Она повернула ладонями его голову, заставила посмотреть себе в глаза. — О таком не шутят. Такие, как ты — или такие, как я. Решать тебе. Если хочешь — нам с тобой. Одно скажу — они не будут болеть, будут очень сильными, с хорошим характером — в любом случае.

— Я сейчас сойду с ума. — Артём закрыл глаза. — Слишком много всего. Я сейчас чувствую, как будто знаю тебя всю жизнь. Помню, как ты росла, как училась. Как ссорилась с сёстрами. Знаю, что у тебя сложные отношения с отцом, мама часто на тебя обижается. Многовато для меня.

— Просто доверяй мне. Со временем всё уляжется. Карико вернулась! — Канси прыгнула на пол. — Не забудь похвалить её, ладно? Ей это очень нравится.

-

— Рад видеть вас в отличном настроении, — оружейник запросил сеанс видеосвязи, и Артём явился для этого в лагерь — по ряду причин не хотелось проводить сеанс в деревне. Политика, подумал Артём. Вроде бы уже договорились и заверили друг друга на высоком уровне — с Анчири говорили главы городов, и все без исключения выразили поддержку и желание сотрудничать в войне с нечистью — а всё ж поди ты, некоторые разговоры ведутся тайно.

— Чем я могу помочь вам, сэр Марцелл?

— Зовите меня «Q», — улыбнулся оружейник. — Смешно сказать, но мне это нравится. Видимо, старею. К делу, сэр Ортем. Нам потребуется ваша помощь в дальнейшем исследовании «локации М». Мы исследовали её и без вашего участия, но у вас, определённо,

получается эффективнее. Разумеется, сейчас первое дело — побывать в их Плутонии и передать нам всё, что оттуда получите.

— Вас понял, сэр. Но вы не стали бы для этого запрашивать переговоры с таким уровнем безопасности.

— Всё верно. Ваши датчики сняли координаты с того места, которое Анчири называет беседкой уединения. Есть определённое сходство с тем, что мы видели в «локации М».

Артёму стало не по себе.

— Вы думаете, что Плутония...

— Ни в коем случае. Я не опираюсь на предположения. Среди прочего, мы получим их карту звёздного неба, в районе их планеты. Потом и будем судить. Я хочу сказать только, что есть совпадение некоторых параметров излучения на подступах к беседке с теми, что сняли в «локации М». Не более.

Артём соображал быстро.

— Анкари используют родственные технологии?

— Возможно. Судите сами: они появились, по их словам, на Айуре в точности тот же день, когда вы припоминаете свой первый день. Мои люди побывали в том самом месте в диком лесу, где вас впервые встретил сэр Джеймс. На той поляне мы нашли частично разрушенное сооружение, напоминающее портал в «локации М». На глубине примерно в полтора метра под землёй. Получается, вы очнулись практически в его центре.

Артём почувствовал, что вспотел — целиком, невзирая на более чем приятную температуру и влажность в комнате для переговоров. И руки стали дрожать — мелкая, неприятная дрожь. Не сразу удалось её унять.

— Не хочу вас пугать, сэр Ортем, — оружейник и сам, по всему видно, озадачен. — Слишком много данных, мы не успеваем обрабатывать. Нам пока не передали образец того патогена, которым анкари убивают нечисть. Обратите внимание: по их словам, от момента вторжения нечисти на Плутонию до момента, когда они полностью очистили свою планету, прошло три земных года и сорок три дня. Мы семьсот лет ведём такую же войну, и пока нет уверенности, что победа будет скорой. Нам очень нужны их технологии.

— Сэр Джеймс уже договорился об обмене технологиями. После того, как я побываю на Плутонии.

Оружейник кивнул.

— Всё верно. Но я хочу, чтобы вы, лично, запросили образец патогена и передали его. Помимо того, что получит сэр Джеймс. Вы ничего не нарушаете. По всем вопросам связанным с технологиями и оружием, у меня есть полномочия давать вам задания непосредственно.

— Вас понял, сэр. Сделаю, что сумею.

— Не сомневаюсь, — оружейник улыбнулся и коротко кивнул. — Удачного похода, сэр Ортем!

-

Второй уже вечер Марина, Мари и Миранда собирались в студии у Миранды. Передавали новости о походе в Австр — то, что можно видеть всем. И баобабы, и прочая неизвестная прежде живность произвели большое впечатление. Ну а деревня анкари — особенно.

— С ума сойти, выжить с луками и стрелами! — покачала головой Миранда. — Знаю, знаю, это не просто стрелы. Но всё равно — как они смогли бы остановить «крота», или

«демонов»? Если у них дома стоят просто на земле — как спасаются от «ртути» или «плесени»?

— Думаю, наши учёные это выяснят, — заметила Марина. — Хорошо бы посадить такие баобабы у нас здесь — какой был бы вид! Мари, а ты что думаешь?

— Парк с такими деревьями — это будет классно, — согласилась Мари. Второй уже вечер подряд она выглядела уставшей — хотя и пыталась скрывать. Из дому уходила поутру, возвращалась только к ужину.

В дверь постучали, и вошла Арлетт Беклин. С блюдом, на котором красовался огромный торт.

— Обалдеть, — Мари выглядела ошеломлённой. — У кого день рождения? Или я про какой-нибудь праздник забыла?

— Просто так, — улыбнулась «сладкая девочка». — Захотелось. Здесь найдётся, куда поставить?

Тут же нашлось, а Марина, вместе с Арлетт, сама направилась на кухню — чай приготовить.

— Умеет настроение поднять, — Мари помогала Миранде переставить часть предметов на другие столы, чтобы сидеть за столом было уютно. — Сама уже не верю, что обещала тогда ей лицо попортить, когда узнала, что они на меня в полицию заявили.

— Что случилось на работе? — прямо спросила Миранда. — Я ведь вижу. Ты всё время всякими намёками говорила — что да как. А сегодня молчишь.

— Виктор проходил «локацию М», — неохотно сообщила Мари. — Те места, где Ортем не был. Вернулся на восемь часов позже графика. Я уже переживать начала — там, знаешь, не курорт. В общем, что-то там происходит. Марцелл говорит, что замедление времени нарастает — и там теперь многие места, в общем, без света. Как будто что-то сломалось.

— Это плохо? — Миранда ощутила, на пару секунд, ледяной ручеёк, пробежавший по спине. И так понятен ответ.

— Марцелл говорит, что всё хорошо, пока нет перемен. А перемены теперь есть. Если замедление нарастает — значит, скорость тоже растёт. То есть, всё это место стало ближе к той самой чёрной дыре.

— По мне, если оно туда совсем упадёт, можно только радоваться, — сказала Миранда, прикрыв глаза. — До сих пор весь тот страх забыть не могу.

Мари покивала.

— Я тоже не огорчусь. Но у них, гадов, есть вроде как проходы к нам сюда. А вдруг захотят сюда эвакуироваться, если там у них совсем плохо станет? Оно нам надо?

От продолжения неприятного разговора их спасло появление Марины и Арлетт. Но слова про «эвакуацию» упорно вращались у Миранды в голове. В итоге — плохо спала, и чуть было не пропустила утреннюю пробежку в парке — выключила будильник и предпочла спать дальше.

Дни 72–75. Плутония [оглавление]

— Я так не могу. — Канси уселась в постели. — Давай, говори. Я не могу это терпеть. Что у тебя в голове творится?

Артёму как раз приснился повторно давешний кошмар — про человека, запертого в тёмной комнате, который что-то говорил его, Артёма, голосом. Проснулся, как только Канси сжала его плечо.

— Кошмар. — Артём потёр виски. — Уже не первый раз.

— Рассказывай! — Смотреть в светящиеся в темноте глаза было непереносимо. — Говори, не держи в себе. Что случилось?

Артём рассказал. Что мог, конечно. От сна приходило ощущение безысходности. Примерно так же чувствовал себя, когда пропала Инга. Просто пропала, и всё. Накануне они повздорили, а потом — она исчезла. А через два дня был последний день, который Артём помнил из «прошлой жизни».

— Это плохо. — Канси смотрела в его глаза. — Ты застрял между мирами. Это ты, Ортем. Здесь — ты передо мной. Станный колдун, с которым очень спокойно. Там — ты обычный, как сам сказал, человек, и страдаешь. Ты в ловушке, и не можешь спастись. Нужно понять, что происходит.

— Между какими мирами я застрял? — Он смотрел в её глаза, и становилось спокойнее.

— Не знаю. Но чувствую, что часть тебя страдает. Расскажи, что случилось.

Он рассказал. До момента, когда бросился в кусты — услышал женский крик, явно звали на помощь. И всё. Потом — проснулся в лесу, среди оживших кустов, а вскоре встретил сэра Джеймса.

Канси закрыла глаза.

— Я слышала про такое. Боюсь, ты умер там, в другом мире. Или скоро умрёшь. Оттого так случилось.

— Что-то можно сделать?

— Я спрошу Анчири. Если кто-то знает, это старейшины. Терпи. Обними меня. Просто обними, и лежи рядом.

Он послушался. Минуты через три кошмар перестал вращаться в голове, уплыл прочь, скрылся под дымкой.

— Не каждое страдание заслуженное, — услышал он голос Канси. — Так тоже бывает. Постарайся уснуть.

-

Когда он проснулся, Карико сидела на краешке постели. Артём посмотрел на часы — мама дорогая! Восемь утра! А обещал Канси, что встанет в шесть!

— Я проспал, — Артём уселся. И заметил, что Карико смотрит на него с обожанием. Она кивнула. — Мне трудно понимать вас, Карико. Можете научить?

Она кивнула. Отвернулась — когда Артём вылез из-под одеяла и оделся. Потом поманила к себе и прижалась лбом к его лбу.

«Так слышите?»

Он и сейчас не слышал её голоса ушами — но чей-то голос словно раздался прямо в голове.

Он кивнул. Попытался — лбом ко лбу не особенно кивнёшь.

«Канси сказала, не будить вас. У вас была трудная ночь. Что хотите на завтрак?»

Он сказал, и Карико отпустила его.

— Никогда не думал, что смогу слышать ваши мысли, — заметил Артём, завершая облачаться. Карико улыбнулась. — Скажите честно, ваша сестра не рассердится, что вы...

Недоумение в её взгляде. Потом она рассмеялась. Тут же прижала ладони ко рту — и помотала головой. Нет, не рассердится. И тут распахнулась дверь.

— О, проснулся! — Канси явно вернулась с утренней пробежки — взмыленная, и довольная. — Доброе утро! Карико, он тебя не обижал? Ты только скажи — загрызу!

Карико рассмеялась — до слёз. Махнула рукой и ушла.

— Ей нужно, — заметила Канси. — Нужно иногда побыть с тобой наедине. Она очень стеснительная. Только не думай, что слабая и безвольная. И не обижай её.

-

— Через два часа у меня занятия с детьми, — напомнила Канси. — Завтра в десять мы отправляемся в Плутонию. Какие у тебя планы?

— У вас есть библиотеки? Хотелось бы посмотреть на каталог. Почитать, если будет возможность.

...По совету Марины — которой самой помогал когда-то психолог — записывать в дневник ключевые события дня помогало удерживать сцепление с реальностью. «Прежняя» жизнь окончательно не забывалась, а после экспедиции на Австр память о ней вновь всплывала очень ярко. Особенно — после кошмаров.

Есть несоответствие, подумал Артём, пока Канси вела его по городу. Неплохо они отстроились за такое короткое время! По словам Анчири, здешняя нечисть дезорганизована. Можно считать подтверждённым, что это — биологические машины, биороботы — на этот счёт между учёными Айура и Плутонии нет разногласий. Сейчас формы нечисти выполняют примитивные, основные программы, ждут распоряжений. Управляют ими особые формы, высокоразвитые — наподобие «операторов». Возможно, разумные в понимании человека. По словам Анчири, во всей истории встречи человека с нечистью был всего один достоверный продуктивный контакт человека с такой командной формой — там, где с человеком именно общались.

На Айуре нет новых командных форм — если новых «операторов» пока не завелось. Но что-то не в порядке, ведь нечисть периодически возникает в местах, откуда её успешно выбили. Откуда? Кто приносит? Космическими технологиями не владеют ни люди Айура — их космические заводы, космодромы и прочее были уничтожены в первые минуты конфликта — ни люди Плутонии, по той же причине. На орбите Айура сохранились боевые орбитальные станции людей, но управлять ими без соответствующего центра управления невозможно.

Нечисть вполне может перебрасываться из космоса. Но это крайне маловероятно, если нет командных форм. Если же это автоматика — нечисть также использует то, что мы понимаем под роботами — то без возможности выйти в космос с ней будет нелегко справиться. Раз Айур остался без помощи, и связи с другими колониями Земли нет — значит, у Земли самой достаточно хлопот. Анчири не сказал «если она ещё существует», но это слышалось. Вслух такого не говорил никто.

— Могу я задать очень неприятный вопрос? — Артём остановился у входа в библиотеку.

— Мы в это не верим, — ответила Канси. — Ты хотел спросить — что, если Земли уже вообще нет, или если там нечего колонизовать. Если она стала непригодна для жизни. Мы в это не верим.

— Канси, в войне бывает всякое. Вполне может случиться так, что отыщутся и координаты Земли, и способ туда добраться. Что, если случилось наихудшее?

— Этого не может... — она осеклась, когда Артём встряхнул её за плечи.

— Канси. Ты не машина. Ты можешь допустить, что подобное возможно?

Она прикрыла глаза на пару секунд.

— Это очень трудно, — признала она. — Мы живём, чтобы вернуться на Землю. Не

надо отнимать смысл жизни, Ортем.

— А что дальше? Прибыли на Землю, выбили оттуда нечисть, вернули её людям. Что дальше?

Она долго смотрела в его глаза.

— Не знаю. — Она отвела взгляд. — Ты умеешь задавать неприятные вопросы.

— Ты не первая говоришь мне об этом. Похоже, не у меня одного неприятности с головой, Канси. Ты не можешь даже в мыслях допустить, что самой Земли нет, а я не могу поверить, что всё вокруг — реальность. Что будем делать?

— Помогать друг другу? — предположила она и обняла его. — Спасибо. Мне есть, над чем подумать. Всё, пока никаких новых вопросов! Мне нужно подумать.

-

Настоящая библиотека. Настоящие книги. Мы всё это время изучаем нечисть, сказал Анчири. Большая часть знаний погибла в той катастрофе, но мы не только многое восстановили, но и серьёзно продвинулись. Мы нашли средство обнаруживать и уничтожать нечисть без прямого контакта с ней. Именно так мы обеззаразили место для нашей базы на этой планете. Да, это мы выпустили дождевых червей — помимо того, что это очень полезные для планеты существа, они тоже — оружие против нечисти.

...Мы ловили странные периодические радиосигналы и пришли к выводу, что разумная жизнь на Каппе 8 — на Айуре — имеется. Но не могли ни с кем связаться. Мы предприняли несколько экспедиций, но почти все терпели неудачу: нечисть, хоть и неорганизованная, в самых примитивных формах, оказалась повсюду. Она не пыталась распространяться по поверхности планеты — но чтобы полностью устранить существующую, нам потребовалось бы несколько лет: она ушла на десятки и сотни метров вглубь. Чудо, что люди выжили и восстановили цивилизацию в таких условиях. Конечно, мы поможем Айуру полностью очистить планету...

Артём помотал головой. Мысль о том, что дома, на Земле двадцать первого века, его ищут и ждут, не даёт покоя. Сводит с ума. Казалось бы, отнесись к этому как к реальности — принимай всё, как есть. Почему не получается? Всё чаще, когда я засыпаю, надеюсь проснуться дома. Чтобы Инга была рядом — рассказать ей, посмеяться над невероятными снами, и жить долго и счастливо.

— Не помешаю? — Анчири собственной персоной возник в читальном зале. — Канси задала мне ваш вопрос. Хочу предложить вам вариант ответа.

— Актимри Анчири, — поклонился Артём. — Не мешаете. Если позволите, я хотел бы расспросить вас.

— А я — вас, — На вид — обычный такой, начинающий сидеть чиновник, с небольшой залысиной. Широкоплечий, чуть сутулящийся. — Скажите, где именно вы узнали слова «Плутония» и «Обручев»?

— Я читал книгу с таким названием. Не примите меня за сумасшедшего, актимри Анчири, — Артём решил, и рассказал свою версию происходящего. То, что считал подлинной реальностью и то, где пребывает сейчас.

— Я каждый день засыпаю, и всегда немного надеюсь проснуться там, — завершил он.

— Поразительно! — Анчири посмотрел ему в глаза. — То, что вы упомянули о начале двадцать первого столетия совпадает, в основном, с тем, что известно нам. Только мелкие различия. Вы можете найти время, и рассказать подробнее? Мне, и другим старейшинам.

— Могу я спросить, зачем?

— Одной из главных тайн, которую мы не смогли пока раскрыть — это наше сознание. Порой происходят совершенно невероятные явления. Мы уверены, что путешествий во времени быть не может, но то, что вы рассказали, слишком сложно, чтобы быть выдумкой. Если расскажете подробнее — возможно, удастся понять, что с вами случилось. Вы осматривали своё тело?

— Простите?

— С того момента, как вы помните себя на Айуре. Пробовали осмотреть своё тело? Есть ли на нём всё то, что вы привыкли видеть там, в прошлой жизни? Шрамы, родинки, прочие узнаваемые особенности.

— Я понял вас. Нет, не пробовал.

— Пусть это сделает кто-то ещё. Иначе вы сможете убедить себя, что так и должно быть. Расскажите о своих особых приметах — и пусть сравнят.

— Хорошая идея, активмри Анчири, спасибо!

— Рад был поговорить, — Анчири похлопал Артёма по плечу. — Ещё раз спасибо за тот вопрос. В самом деле, я и не задумывался, что мы будем делать, если Земли нет. Я отвечу вам. Мы будем жить, как и прежде — изучать окружающий мир, помогать друг другу и другим людям. Ведь мы все — одной крови.

— Благодарю вас! — вполне искренне сказал Артём. От сердца как-то сразу отлегло.

Анчири улыбнулся, похлопал его по плечу ещё раз, и покинул читальный зал.

— Завтра я покажу вам Плутонию, — обернулся он на пороге. — Наш дом.

-

— Заждался? — улыбнулась Канси, когда уроки закончились. Артём пришёл в кабинет к ней, и некоторое время сидел там, писал дневник и дополнял отчёт для командования. Спасибо, Марина, дневник на самом деле помогает. И очень, ужасно хотелось рассказать Анчири и кому там ещё, как жил, что помнил о Земле. Ведь память никуда не делась!

— Занялся делом. У меня к тебе одна неожиданная просьба.

— Слушаю, — она продолжала улыбаться.

— Нужно, чтобы ты осмотрела моё тело. Все особые приметы — шрамы, родинки, всё такое. Запомнила, но мне не говорила. А потом сравнила с моим рассказом.

— С удовольствием. Прямо здесь? — Она со смехом освободилась от его рук. — Шучу. Идём домой. Уже не терпится приступить к осмотру.

-

— Рассказывай, — она уселась рядом и помогла усесться Артёму. Непонятно, что она такое делала, но во время осмотра он пережил великое множество странных ощущений. То в жар бросало, то в холод. Несколько раз начинались сбои органов чувств — то звуки казались непереносимо громкими или едва слышными, то одолевал водопад невероятно усилившихся запахов, то ещё что-нибудь. Хотя по-настоящему неприятно не было.

— Шрам, на левой икре, сзади. Туда меня укусила собака, пять лет назад.

— Что такое «собака»? Прости, потом о подробностях. Наверное, сильный зверь — такие следы! — Она смотрела с явным уважением. — Дальше?

Артём перечислял известные ему следы на теле — порезы, родинки, всё такое.

Она покивала.

— Не всё есть, но многое похоже. А вот ещё: у тебя на шее и левом боку следы множественных уколов. Они давно зажили, но я их рассмотрела. Я бы сказала, следы от шипов. Не припоминаешь, чтобы попадал во что-то очень колючее?

Артём помотал головой. Про следы на затылке ему уже говорили, но про левый бок — нет. Что ещё за чёрт?

— На затылке и за правым ухом — как будто тебя кусали существа с очень мелкими зубами — расположенными по кругу. Это кто угодно рассмотрит, не только я. Следы относительно свежие — не помнишь такого? Им несколько месяцев.

— Про эти следы уже знаю, но откуда — не помню, — Артём потёр лоб. Так, что ещё?

Канси перечислила ещё несколько десятков повреждений и следов травм, о которых Артём ничего не знал.

— Очень странно, — заключила Канси. — Такое количество шипов ты не смог бы забыть. А на затылке и над ухом — я видела такие травмы раньше.

— Где же?

— В фильмах. Когда нечисть захватывала Плутонию, летающие формы выпускали множество мелких таких организмов, наподобие комаров. Они кусали человека, оставляли на нём управляющие центры. Если немедленно не принять меры, человек через несколько часов мог уже действовать не по своей воле.

— Что за летающие формы?

Она пояснила. Получается, что это «демоны», по классификации Айура. Артём попросил рассказать подробнее, что Плутония знает о нечисти. Канси прочла ему краткую лекцию. Нечисть — высокоорганизованная форма жизни, со специализированными формами, которая отлично адаптируется к широкому диапазону условий окружающей среды. Её делят на три условных категории: биомасса — примитивные, малоподвижные формы, в основном запрограммированные на ассимиляцию заданных в их программе веществ; дронов — мобильных организмов с узким набором функций, и управляющие формы, они же «генералы» — мозг нечисти. Самые опасные формы жизни, самые живучие и сложно организованные. Нечисть умеет строить космические корабли, умеет строить пространственно-временные коридоры, чтобы пересекать огромные дистанции в космосе за короткое время. Если бы они целенаправленно хотели уничтожить людей Плутонии, сделали бы это за несколько часов. Войны как таковой не было бы. В этом вся странность.

— Получается, что они и не собирались вас завоёвывать?

— Наверное. Они захватили наши лаборатории — у них был доступ, через подчинённых людей, ко всей важной информации. Они могли бы легко отыскать противоядие от нашего токсина — а он действует против них до сих пор. Они не учатся у противника, не пользуются его информацией. У них свои какие-то цели, пока никто не знает — какие.

— Совпадает с тем, что знают на Айуре. Не так давно я видел командную форму — своими глазами. Не хотел бы увидеть снова. Стой, то есть что — меня как будто кусали такие вот комарики? Чтобы подчинить?

Она покивала.

— На Айуре очень хорошо распознают нечисть. Ни одна форма не войдёт в Рим, но если это всего лишь недавно укушенный человек, ещё совершенно нормальный — медосмотр может не выявить. После такого укуса на теле человека нет клеток-контроллеров. Человек просто начинает по-другому мыслить и действовать, и в конце концов приводит нечисть за собой — распространяет её.

— Медосмотр не выявит. А кари?

— Они могут. Мы хотим привезти их в каждый город, чтобы каждый человек регулярно проходил перед ними. Просто на всякий случай.

— Получается, это не моё тело, — Артём взял походный набор инструментов — задняя стенка коробочки могла становиться зеркалом. Посмотрел себе в глаза. Чёрт, только сейчас заметил! Рисунок на радужке глаз! И сам цвет! У него глаза серые — были серые — а сейчас светло-карие. Как такое можно было не замечать так долго? — Да, — заключил он. — Похожее, но не моё. — Он посмотрел на следы от укуса собаки. И тоже — немного не там. А кто кусал в таком случае это тело? И чьё оно?

— Только не пугайся, — Канси прижала его к себе. — Анчири говорил, что сознание иногда ведёт себя очень странно. Одна и та же личность может существовать сразу во многих телах, или переноситься, между разными точками пространства-времени. Причём крайне быстро, словно через туннель.

— Теперь мне хочется узнать, кто же это был, — Артём посмотрел на свои — не свои — ладони. — И что с ним случилось.

Фари, вспомнил он. Сэр Джеймс упомянул, что у меня вроде как были родственники из семейства Фари. Тогда я не придавал этому большого значения, но теперь...

— Мне тоже. Ты сказал, что способности дресселя проявились сразу — пусть и непреднамеренно. А потом тебе только помогали их развивать.

— Это самое странное. Всё, чем я занимался на Земле — в прошлой жизни — здесь вряд ли пригодилось бы. А это было с самого начала — и оно сразу же пригодилось.

Канси сбегала к двери, и закрыла её.

— Дыши спокойнее, — она уселась к нему на колени, лицом к лицу. — Не поддавайся страху. Приложи ладонь к моему затылку и держи так.

— Ты говорила, нельзя к нему прикасаться.

— Нельзя никому, кроме тебя. Ну же!

Она прижалась лбом к его плечу и обняла.

— Вспомни что-нибудь очень приятное. Можешь думать о других женщинах. — Лица её он не видел, но чувствовал, что она улыбается.

-

Он словно проснулся — пришёл в себя после череды видений. Канси так и сидела у него на коленях, он всё так же прижимал ладонь к её затылку. Артём поискал взглядом часы. Прошло всего пять минут?

Канси медленно выпрямилась.

— Так мы делаем, чтобы доставить друг другу радость, — Глаза её снова светились. — Ещё один способ.

— Обалдеть, — признал Артём, медленно отнимая ладонь. Страх как не бывало — а ведь накатывала самая чёрная паника. — А другие способы... доставлять радость?

— Как и у всех людей, — Канси поднялась, и потянулась. — Тебе нужно отвлечься. Завтра интересное путешествие, а ты не закончил ещё отчёт. Помочь тебе?

— Если не трудно. Можно ещё вопрос?

— Конечно, — ответила она невнятно, держа в зубах шпильку для волос. — Никак не привыкну к хвостику.

— Почему я ничего не помню?

— Ты о чём? — Она снова уселась к нему на колени.

— Про первую ночь. Помню, что были близки. Два или три раза, но не уверен. Но ничего больше не помню.

— Интересно. Наши мужчины тоже мало что помнят. Это был эстос, поэтому не

помнишь. Есть хочу, сил нет! Карико, ты дома?

— Погоди, что такое эстос?

— Течка, — тут в комнату вошла Карико, и Артём счёл за лучшее прикусить язык. Он так и сел на стул, услышав ответ.

— Что не так? — Канси закрыла за сестрой дверь. — Я сказала что-то неприличное?

— У вас течка, как у животных?!

— Не совсем, — она присела, чтобы глаза их были на одном уровне. — Ты можешь вызвать её. Думаю, ты уже понял, как. Я тоже могу вызвать. Она не происходит без нашей воли. Только, когда мы оба захотим.

Он заметил, что глаза её подёргиваются дымкой — она улыбалась, глядя ему в глаза. Стало жарко, потом возникло непереносимое, болезненное желание... и всё прошло. Как холодной водой окатили.

— Примерно так, да? Ортем, я совершенно точно знаю, когда у меня могут быть дети. Если я этого не хочу, их не будет. Намного меньше неприятных ситуаций, верно?

— Верно, — признал он, всё ещё не оправившийся от недавних ощущений. — Видимо, это полезное умение.

Она покивала.

— Мы все отчасти животные. Ничего плохого в этом не вижу. Только помни — когда на нас эстос, мы совершенно беззащитны. И ты, и я.

-

Завтра я увижу Плутонию, подумал Артём. Теперь можно предположить, что физически я остался на Земле. Или меня нет уже, как намекал Анчири. Почему теперь меня это не пугает до потери пульса? Может, я уже умер — там, где помню своё земное прошлое?

Канси лежала, прижавшись к нему, уткнувшись лбом в его плечо, и мурлыкала, улыбаясь во сне. Артём улыбнулся и погладил её по спине — как погладил бы кошку. На этот раз Канси не возражала.

-

Утром он поднялся вместе с Канси — и они устроили кросс. На этот раз Карико присоединилась к ним. Девушки надели то, что Артём назвал бы спортивным костюмом — но у одежды не было видно ни единого шва. Словно цельный кусок материи, или что это. Сам он бегал в спортивном костюме — который всякий раз, естественно, нужно было тут же отправить в стирку.

Что такое автоматическая стирка, люди Плутонии знают. То есть какие-то машины у них всё-таки есть — костюм достаточно (вместе с другими видами одежды) положить в нечто вроде корзины для грязного белья, через пять минут открыть — получайте назад. Чистая, гладкая, с приятным запахом одежда. Чудеса техники! В Риме техника не хуже, но эта как-то изящнее выглядит.

За завтраком Канси пояснила, почему у них так мало машин. В коре и мантии Плутонии очень мало металлов, космических технологий нет — есть знания, но не из чего строить. Конкретно — мало железа, меди, цинка. Всех металлов тяжелее железа исчезающе мало. Больше всего алюминия — но и его не найти простым способом. Железо, перефразируя, куда дороже золота (впрочем, золота там ещё меньше). Больше всего кремния, кислорода и водорода с аргоном — то есть, недостатка в воде и песке там нет. Замечательно. Остальное всё нужно добывать невероятными усилиями.

— Мы каждый раз пытались добывать нужные элементы в том месте, куда открывалась

связь. Но всякий раз не получалось добывать подолгу.

— А сейчас?

— Мы уже добыли много ценных элементов. Мы поделимся нашими технологиями добычи с Айуром.

Артём прикусил язык. На Айуре есть синтез элементов — по словам сэра Джеймса — единственное, что спасло цивилизацию от полного краха. Синтезаторы, они же репликаторы, до конца не исследованы, умеют воспроизводить не очень много предметов — документация утеряна, не удалось ещё понять принципы работы. Но среди доступных для синтеза предметов есть, например, булавки. Из самого настоящего железа. Выглядит смешно — перерабатывать другие элементы на тонны булавок, чтобы потом их переплавить. Похоже, сэр Джеймс пока что не поделился этой новостью. А значит, и я не буду пока говорить. Чёрт, вот теперь снова неловкость — но с другой уже стороны.

— Что такое? — От Канси трудно что-то утаить. — Ты чувствуешь себя виноватым. Объясни.

— Я думаю, что у вас будет железо. И другие элементы. Если наши руководители договорятся. Будет сколько угодно железа.

— Правда?! — Канси бросилась к нему и крепко обняла. — Не говори ничего. Я поняла, это какая-то тайна. Но ты можешь помочь?

— Я намекну руководству. А дальше пусть сами договариваются.

— Как здорово! — Такой бурной радости Артём не ожидал. — Нам очень нужны машины. Больше машин. У нас есть то, на чём быстро ездить, и на чём летать. Но без металлов трудно сделать что-то удобное — и нужно огромное количество энергии. И не получается из-за этого выйти в космос.

Она долго не отпускала его.

— Через полчаса нам нужно быть на месте, — пояснила она. — Я ещё успею порадоваться.

-

Поездка в Плутонию выглядела очень уж обыденно — подъехали на бесшумной лёгкой тележке — висящая над землёй прямоугольная платформа с сиденьями и рычагом управления — к «контрольно-пропускному пункту», как Артём мысленно назвал это строение, ещё пара секунд — и всё изменилось.

Стало тяжелее ходить и труднее дышать.

— Сила тяжести здесь на двадцать один процент выше, чем на Айуре, — пояснил Анчири, он же — водитель машины. — В воздухе восемнадцать с половиной процентов кислорода. Первое время будет чуть труднее дышать. Не беспокойтесь, вы быстро привыкнете.

Артём запрокинул голову — слепящая точка в небе была, очевидно, Плутоном — здешним солнцем. Совсем крохотный диск, но как греет!

— Плутония вращается вокруг белого карлика, — сказал Анчири, улыбаясь родному солнцу. — Планета делает полный оборот вокруг звезды за полтора земных суток.

— Тридцать шесть часов?! — Артём едва не утратил дар речи. Однако!

— Да. Тридцать шесть часов восемнадцать минут и пять секунд. Одиночные белые карлики остывают очень долго, их будущее лишено катастроф. У нас не будет недостатка в тепле ближайшие миллионы лет. Главное, вывести планету на нужную орбиту. Добро пожаловать на Плутонию!

Экипаж двигался бесшумно и быстро — километров сто, не меньше. Небо Плутонии отличается от небес Земли и Айура, как на Земле — почти белое, с едва заметным оттенком синего — словно выцвело. С ума сойти, какая короткая орбита!

— Должны быть мощные приливные волны, — решил Артём. — Если я помню то, что читал по астрофизике. Верно?

Анчири посмотрел с явным одобрением.

— Мне нравятся вопросы, которые вы задаёте. Да, планета сильно разогрета изнутри, и по океану вслед за звездой идёт приливная волна. Думаю, вы её увидите своими глазами. Что вас ещё удивляет?

— Всё, — признался Артём. — Для начала, как связаны наши две планеты? Они в разных частях космоса, движутся по разным траекториям, сила тяжести и остальное различаются — а граница между ними такая ровная и неподвижная. И воздух сам по себе никуда не дует. Как это работает?

— Скажу сразу — мы не всё понимаем в механизме этой связи. Мы даже не можем точно знать, когда она отключится, и когда возникнет новая. Мы умеем отключать связь сами, и создавать коридор в те локации, в которых уже побывали. Это не наши технологии, мы лишь отчасти научились ими пользоваться.

— Чьи же?

Анчири развёл руками.

— Вероятнее всего — технологии нечисти. На Земле её окрестили «сеятелями». Или из технологий, или тех, кого они успели ассимилировать к тому моменту.

— «Ассимиляция» звучит не так страшно. Когда мы приедем?

— Через три минуты. Не спешите, я с удовольствием поговорю с вами, Ортем. У меня к вам тоже немало вопросов.

— Можно, чтобы Канси присутствовала при нашем с вами разговоре? Если захочет, конечно, — Артём заметил выражение на лице Канси — хотелось верить, что истолковал его верно.

— Да, конечно.

— Спасибо, активмри, — кивнула Канси, и крепко сжала ладонь Артёма.

-

Сказать по правде, помимо необычного вида Плутона и жутко выглядящей приливной волны на поверхности океана — «горба», который на относительно мелководье вырастал до ста пятидесяти метров в высоту — ничего особо необычного Артём поначалу не увидел. Но воздух, когда к нему привык, стал ощущаться совсем иначе — словно выехал в разогретый солнцем смешанный лес. К запаху берёзовой листвы примешивался запах хвои.

— У вас всюду такой воздух? — спросил Артём у Канси, когда та указала ему — идём за мной. Они прибыли на здешний вокзал, и пересели на другой экипаж. Анчири распрощался с ними, не выходя из тележки.

— Всюду. Ну, почти везде. В обитаемых районах.

— Здорово. Может, ты пояснишь, куда нам нужно попасть? У вас есть автомобили, они же самолёты — вы же по всей планете перемещаетесь.

— Ты увидишь. Мы можем попасть туда и сами. Это часть жизни — каждый должен там побывать, когда становится взрослым. Но мы не всё можем увидеть там. Ты сам поймёшь.

На месте узнаю, подумал Артём. Вряд ли Анчири станет шутить.

— Идём, — Канси потянула его за руку. — Тебе нужно привыкнуть к климату, воздуху и притяжению.

-

Доктор Карлен — высокий и черноволосый — оказался по характеру примерно таким же, как сэр Арчибальд Ливси.

— Замечательно! — обрадовался он. — Сэр Ортем, вы первый человек родом с Земли, который ступил на нашу землю — с тех пор, как Создатель покинул нас. Вижу, что вы отлично подготовлены. Канси, я правильно понимаю, что вы провели первичную иммунизацию?

Теперь это так называется, подумал Артём, стараясь не улыбаться. Укус в плечо, три минуты преисподней — когда дышишь огнём и нет уверенности, что следующий вдох получится — и раны, которые затягиваются за считанные секунды. Ну, ранки, не раны. Первичная иммунизация.

Канси ответила, и вскоре их с доктором речь стала сплошь из терминов, которые Артём просто не успевал не то что понимать — хоть как-то интерпретировать.

— Простите, — перебил он. — Я ни слова уже не понимаю.

— Это просто усталость, — заключил доктор. — Канси вам всё объяснит. А пока я бы советовал провести один день в более спокойной обстановке. У вас будет хороший аппетит — не пугайтесь.

— Простите, а процедуры? Вы должны были что-то ввести мне?

— Уже сделано. Вот. — Доктор показал ему предмет, похожий на баллончик с аэрозолем. — Совершенно верно, это для распыления. Я уже распылил необходимые вам препараты, вы их вдохнули — они начали действовать. Диагностику я провёл, как только вы присели на эту кушетку. Всё безболезненно и быстро. Разумеется, вы вправе получить все результаты. На каком языке сделать распечатку?

Опять шутки шутим? — подумал Артём, и решился.

— На русском можно?

— Разумеется! — и через десяток секунд доктор вручил Артёму пухлую брошюру. — Открыть её можете только вы. Обычная предосторожность. Мы ценим врачебную тайну.

Распрощались они уже совершенно дружески.

— О тебе уже вся Плутония знает, — вздохнула Канси. — Ты звезда. Почему не радуешься?

— Ты этому не очень-то рада?

— Будут женщины, — Канси улыбнулась. — Их будет много. Понятно, или объяснить?

— Объясняй.

— Ты можешь приручить нескольких. Но чем их больше, тем слабее связь с каждой. Понимаешь?

— Понимаю. Раздели одну реку на два потока, потом на три...

— Обожаю твои аллегории, — И впрямь обожает, не ирония! — Верно, Ортем. Скажу сразу, что обычно приручают одну или двух; если больше — всем будет плохо. У нас нет законов о личной жизни, кроме одного: ты несёшь всю ответственность за счастье всех, кого приручил. Я хочу быть счастливой и полезной. И буду делать всё, чтобы так и было. А ты обязан делать всё для этого — со своей стороны.

— Если я что-то не то делаю, или не делаю совсем — пожалуйста, говори, прежде чем это выльется в неприятности.

— Договорились, — Канси снова улыбнулась. — Спрашивай, как сейчас. Если что непонятно — спрашивай. Всё, мы дома! Идём, сейчас сможешь отдохнуть.

-

Она и массаж делать умеет. Артём поначалу побаивался прикосновений её пальцев — уже уяснил, что Канси может лёгким нажатием пальца сломать ему шею. Не мускулы, а сталь! И это у них — норма. Все такие. Здоровыми не рождаются, ими становятся. Делать зарядку, не есть что попало и так далее для людей Плутонии так же естественно, как дышать. А Канси ведь не солдат — учительница. Страшновато, честное слово. Интересно посмотреть, какие тогда у них солдаты, если есть такая профессия.

...Она закончила массаж, и легла рядом, держа Артёма за руку, и мурлыча. Чудный звук. И впрямь, под него легко засыпается. Как они это сделали? При этом, по словам доктора Ливси, генетически мы с ними — один вид. Полностью совместимы.

— Только женщины могут мурлыкать?

— Женщины и дети. Вот это, — она прикоснулась к кадыку Артёма, — мешает вам делать то же самое. Дети, до начала созревания, все умеют. Потом — только женщины. А что? Завидуешь?

— Имею полное право.

— Завидуй, я не против. Должны же быть у меня преимущества.

Артём рассмеялся. Похоже, они уже начали понимать, когда другой шутит. Повезло, что она — учительница; в её профессии требуется терпение. Как это сочетается с теми моментами дикого и импульсивного поведения — уму непостижимо.

— А это что? — Артём разглядел на её спине, внизу слева, едва заметные шрамы.

— Это мой зверь. — Канси перевернулась на спину и приложила его пальцы к противоположному месту на животе. — Чувствуешь? Я оставила их на память. Все оставляют.

— Расскажи подробнее, — Артём наклонился ближе — шрамы едва заметны. И, похоже, кроме этих шрамов и его укуса в затылок, других отметин у неё на теле нет.

— Посвящение во взрослые. Все проходят его. Ты выбираешь себе зверя. Тебя отвозят в дикий лес, и оставляют там на неделю. Нужно выжить, добыть своего зверя, и вернуться с трофеем. У тебя с собой только нож.

Артём ощутил мурашки, проползающие по коже. словно Спарта, подумал он. Только здесь не делают различий между мужчинами и женщинами.

— В первый раз зверь перехитрил меня. Здесь, — она положила свою ладонь поверх его, — он воткнул в меня рог. Пригвоздил к дереву. Я сумела убить его, и отрезать рог, но не сразу сумела снять себя с дерева. Я не помню следующий день. Успела найти убежище — всё, что помню. Мне было ужасно больно, я уже стала думать, что не вернусь. Я сумела залечить раны, а это непросто даже для взрослых. Но вовремя не вернулась — было много желающих доесть меня, не сразу сумела отогнать или отбиться. Звери чуют лёгкую добычу. Но я всё равно вернулась с трофеем, рогом паратерия. Это такой ящер — похож на земного носорога, когда стоит на четырёх лапах. Через год я повторила попытку, и на этот раз вернулась вовремя. И никто меня не ранил.

— Впечатляет, — Артём не сразу обрёл дар речи. И словно пелена с глаз упала — на стене, почти над головой, закреплены два рога. Бежевого цвета, отполированные, очень острые. Каждый с полметра в длину. — Это они и есть?

— Они, — согласилась Канси. — Слева — тот, что чуть не добыл меня. Справа — мой

второй. Ты завидуешь мне, — заключила она. — Это уже не шутка. И несмешно. Зачем завидуешь?

— Непроизвольно. На самом деле, я очень горжусь, что знаком с тобой.

— Верно, — согласилась Канси через секунду, прижавшись к его груди. — Человека делает один-единственный храбрый поступок, Ортем. Сколько их всего, неважно. Главное — чтобы случился тот самый, первый. Ты должен помнить, каким был твой поступок. Помнишь?

— Помню. — На Айуре, несомненно, таким поступком было побуждение броситься на помощь сэру Джеймсу при их первой встрече. Уже понятно было, что всадник вряд ли обошёлся бы с охолом ласково, но бросить рыцаря на растерзание волкам Артём не мог. И не задумывался, насколько рисковал сам. Так вот получилось.

Канси кивнула несколько раз.

— Я не слышу мыслей, но ты вспомнил правильно, я чувствую. Мы все проходим испытание, Ортем. Иногда дети с него не возвращаются. Но это обычай, и мы все готовы к подобному. Мы все когда-то умрём. Нет лучше способа понять это.

— На Земле, какой я помню её, всё было совсем по-другому.

Канси снова кивнула.

— Смутное время. Создатель рассказывал нам. И ты можешь рассказать. Но мы не осуждаем никого, Ортем. Осуждать могут только те, кто живут рядом с тобой. Потомки должны помнить, но не осуждать. Ты ведь расскажешь, что помнишь?

— Обязательно. Если хочешь — вначале тебе.

Она помотала головой.

— Анчири просил раньше. Или ему первому, или всем вместе. Я потерплю. У тебя уже почти не ноют ноги, верно? Как насчёт небольшого кросса?

-

Вечером Артём готов был бы дать голову на отсечение, что он дома — не в Риме на Айуре, а на Земле. Пусть даже на Плутонии мало городов — большинство пустуют, пояснила Канси; часть их была сильно повреждена во время военных действий — их полностью снесли, сейчас там дикий лес. Как только нас снова станет хотя бы полмиллиона, города перестанут пустовать.

— Те шестнадцать девушек, которые пришли к нам в лагерь...

— Это в первую очередь учёные, Ортем. Может, это и выглядит многозначно, но нам нужно было понять, насколько сильны повреждения в генотипе людей Айура.

— И насколько? — Артём отложил свой дневник. Канси сидела, с ногами, в кресле, и что-то плела. Из тонких-тонких верёвочек. Акира умеет это гораздо лучше, пояснила Канси, но я стараюсь, и скоро будет получаться лучше.

— Гораздо лучше, нежели мы думали. Спроси у Акиры, она даст тебе всё с числами и графиками, если хочешь.

— То есть через девять месяцев вас станет на шестнадцать больше.

— Вас? — Канси осторожно положила свою работу на столик, подбежала к столу, где сидел Артём, и уселась рядом. — Ортем, мы все люди. Почему ты сказал «вас»?

— Я думаю, они все родятся здесь, на Плутонии, и их обучат по вашим... тьфу! По обычаям Плутонии.

Канси улыбнулась и взяла его за руку.

— Следишь за собой, молодец. Нет, я не обиделась. Но я сейчас — уже часть твоего

мира, а ты — моего. И неважно, где мы с тобой будем жить.

— Я тебя задел? — Смотреть в её глаза непросто. Всё кажется, что читает мысли.

— Да, немного. Родятся они через три с половиной месяца. Мы — я про женщин Плутонии — вынашиваем детей быстрее. Их будет сорок семь. Двадцать мальчиков, двадцать семь девочек. У Акиры есть уже данные по тому, как они будут выглядеть, если захочешь посмотреть. Ты прав, их воспитают, как людей Плутонии. Но они с рождения будут знать, откуда родом, и придут на помощь Айуру, если нужно. Как и все мы.

— С ума сойти, — честно сказал Артём, потирая затылок. — Три с половиной месяца. А женщин, которые родом не с Плутонии, такому можно, не знаю, обучить?

— Можно. Но это сложно, может быть небезопасно для матери. Я не биолог, я знаю об этом только то, чему учат всех. Акира расскажет подробнее, если хочешь. Она генетик и биолог.

— А ты?

— Ты уже знаешь. Педагог. Биология, этология, генетика. Но я преподаю только самые основы. Кто захочет заниматься конкретной наукой, выберет профильное обучение.

— Карико?

— Она психолог. Профильный консультант.

Ему уже пояснили, что трагедия «не нашёл себя в жизни» на Плутонии маловероятна. Профильные специалисты помогают людям понять, в чём их талант — что имеет смысл развивать, чтобы любимое занятие по возможности совпадало с природным талантом. И на что ещё имеет смысл обратить внимание — люди зачастую изучают много профессий. Сейчас на Плутонии крайне мало людей, и больше всего нужны учёные и технические специалисты.

— Если кто-нибудь с Айура захочет жить и работать на Плутонии...

— Всё решается индивидуально. К тому же, на Айуре ситуация куда сложнее. Люди гораздо нужнее там, откуда они родом. Всё, хватит на сегодня разговоров! Завтра — сложный день. Ты увидишь то, что каждый человек Плутонии видит только раз в жизни.

В эту ночь Канси вела себя, если можно так выразиться, ещё более по кошачьи — и надо признаться, что гладить её (по голове, вдоль спины и до «хвостика») было необычайно приятно само по себе. Показалось даже, что под пальцами в эти моменты ощущалась шерсть. Но это, конечно, только казалось.

-

— Ортем, проснись! — Встревоженный голос Канси.

Опять этот сон. Он, с компанией подвыпивших коллег по работе. Парк, тёмная аллея, невнятные звуки и острое ощущение — человек в беде! Артём оглядывается — но коллеги уже ушли по другой тропинке, и на окрики не реагируют. Значит, самому спасать. Бросается в кусты, держа шокер наготове, и...

И эта странная фраза, перед тем, как Артём теряет сознание — «вы спите?» Кто мог задать этот вопрос?

Артём помотал головой и окончательно проснулся. Образы сна некоторое время держались перед глазами, протаивая грязным снегом, пачкая реальность оттенками кошмара. Показалось даже, что не Канси держит его за плечи, а чудовище, кровожадный монстр — оскаленная окровавленная пасть, когтистые лапы, щупальца. Наваждение прошло не сразу.

— Этот сон ты видишь всё чаще? — спросила Канси, после того, как Артём пришёл в

себя и рассказал о нескольких навязчивых сновидениях.

— Этот — чаще остальных. Есть ещё два. Тоже неприятные.

— Можешь припомнить даты, когда ты их видел?

Артём кивнул. В дневнике всё отмечено. Официальная медицина, в оптимистическом лице доктора Арчибальда Ливси, всякий раз обследовала и не обнаруживала ни-ка-ких патологий. Вообще всё в норме, представьте! А вы в курсе, сэр Ортем, что нет психически здоровых, есть недостаточно обследованные? То-то же. Шутки шутками, а пока что от медицины был один ответ, равносильный разведённым рукам — у вас, дросселей, подобные завихрения не редкость. Привыкайте.

— Я чувствовала не совсем тебя, — пояснила Канси. — Всё изменилось — твой запах, ощущение мыслей. Ты словно отдалился от меня — так, что уже становилось больно. И там, во сне, ты переживаешь сильную боль. Может, физическую. И это совсем не нормально. А доктор Карлен тоже ничего не нашёл... — Канси задумалась. — Я это так не оставлю. Надо разобраться. И скажи, почему «Ортом»? Ведь себя ты зовёшь «Артём».

Обалдеть! Она произнесла его имя совсем по-русски, точно, без акцента. Артём пояснил ей своё давнее решение: имя подчёркивает, что он не дома. Что это, вполне возможно, только дурной сон или кем-то насланное наваждение.

Канси покивала.

— Многие дети так делают, — пояснила она. — Другое имя — другая жизнь. Скажешь мне, если захочешь, чтобы я звала тебя так, как ты зовёшь себя сам. Полежишь ещё? Если всё прошло — пойдём, пробежимся. Вот увидишь, дурные мысли как ветром сдует!

Простые у неё советы. Позанимаемся гимнастикой, пробежим десяток километров, позанимаешься со штангой. Но что характерно — ведь помогает!

-

Анчири подробно расспросил — как Артём «включает» умение дросселя, сколько народу может «потянуть» за собой. Двенадцать тысяч — этот свой «рекорд» Артём помнил абсолютно точно. Помнил также, насколько устал в тот день — с ног валился в буквальном смысле уже минут через десять похода. Но успели, успели увести людей подальше от проснувшегося вулкана.

А на Плутонии «работать» дросселем оказалось труднее. Сам, вдвоём с Канси перемещался легко и входил в нужное состояние быстро, секунд за двадцать. Анчири не раз попросил уточнить, как много людей сможет увести за собой Артём. Дюжину, включая самого Артёма, удалось «затянуть» без труда. На всех произвело огромное впечатление, когда Артём устроил скоростное кругосветное путешествие. Его самого, уже привыкшего, вроде бы, к стихийным явлениям, впечатлила ползущая вслед за Плутоним огромная приливная волна — мимо которой они проскочили.

— Невероятно, — заключил Анчири, как только все высказались, бросая на Артёма и Канси восхищённые взгляды. — Настоящее волшебство, дети правы. Вам нужен отдых, Ортем. Не спорьте, я чувствую вашу усталость. Я покажу вам, куда нам нужно будет попасть, но это подождёт — важно, чтобы вы были в форме.

— Мне помочь? — уточнил Артём, глядя, как остальные участники эксперимента возводят временный лагерь. Чудеса технологий! Пусть большинство технологий для людей Плутонии закрыты — слишком мало нужных элементов — но и без этого их достижения поражают воображение. Палатки — по сути, настоящие дома — которые словно из семян вырастают. Двадцать минут — дом готов. Вырастает, словно диковинный овощ на огороде!

— Не сейчас. От тебя всё зависит, — пояснила Канси, за руку проводя его внутрь первого из домов. — Ты должен быть полон сил, остальное подождёт. Нет, — она мягко освободилась, когда он попытался обнять её. — Я знаю, что так приятнее. Но вдруг мне понравится, и не смогу остановиться? — Она рассмеялась. — Не сейчас. Другой способ. Эффективнее, хотя и не так приятно.

Она села ему на колени, лицом к лицу и, как делала Карико — прижалась лбом к его лбу.

— Ни о чём не думай. Если не умеешь, думай обо всём подряд, постоянно представляй что-нибудь другое.

-

Артём подумал, что проснулся. Так и сидел, прижимая к себе Канси, лбом ко лбу, ощущая её дыхание и запах кожи. Не хотелось её отпускать — да она и сама не хотела. Но всё-таки нашла в себе силы выйти из их совместных целебных грёз.

— Нам пора. — Она соскочила с его колен и в который раз Артём поразился, насколько — с его точки зрения — они с Мариной похожи, и насколько обе похожи на Ингу. Невозможно забыть её, пусть даже прошло так много времени на Айуре, чем бы он ни был. — Ужасно волнуюсь! — призналась она, снова подвязывая волосы хвостиком. — Ты и сам поймёшь, почему. Всё? Готов к путешествию?

-

Понятно, почему это место стало обязательным в ритуале посвящения во взрослые. Можно назвать его полюсом недоступности Плутонии — надо пересечь не только крайне неприятный пояс действующих вулканов, но и справиться с арктическим холодом — площадка, на которую он вывел команду, находится на географическом южном полюсе планеты. И да, здесь холодно.

В процессе путешествия, конечно, никому не холодно. Скорее уж жарко: чем выше скорость перемещения, тем выше температура окружающего пространства. Замерить его непросто, субъективно это градусов тридцать пять — тридцать шесть. Одна радость — воздух сухой.

...Площадка идеально круглая (замеряли, пояснила Канси; хоть это и не положено, сюда приходили повторно, поскольку не происходило обещанного — Создатель никому не являлся). А в центре — постамент, трёхгранная кварцевая призма (потом ему сказали, что кварцевая, на ощупь — лёд льдом). И на двух гранях из трёх — изображения человеческих ладоней. Правой и левой. Один человек вполне может приложить обе ладони. Но не помогало. Ни один человек, ни двое, ни в каких комбинациях пола, возраста и состояния приручения ничего не добивались.

— Какой воздух! — поразился Артём, после того, как минуты три все просто стояли, глядя вокруг. Люди Плутонии улыбались, на лицах — выражение, с которым, видимо, верующий человек находится в храме, в который не являлся слишком долго. — Какой свежий!

— Да, — согласился Анчири. — Можно попросить вас, Ортем?

Они попробовали приложить ладони — Артём и Анчири. Ни одна комбинация ни к чему не привела.

— Канси? Можно попросить вас? — Анчири ко всем обращается только на «вы» — кроме своих детей и своей женщины.

Канси кивнула, и подошла к призме, как показалось Артёму, с отчётливой робостью.

Это случилось, когда её ладонь легла на левый отпечаток, а ладонь Артёма — на правый.

Из-за призмы — из-за третьей грани — вышел человек. Жизнерадостный на вид, не голова — одуванчик: шарик коротких жёстких седых волос. Лет сорока на взгляд Артёма — или загорелый, или с примесью красной крови. В белом халате — в таких обычно изображали учёных в известных Артёму фильмах — и со значком на левом верхнем кармане халата. На значке русскими буквами написано: «Джозеф Делисс, генная инженерия».

— Создатель! — Анчири первым опустил на колено, через долю секунды все, кроме Артёма, последовали его примеру. — Мы рады видеть вас.

— Прошу вас, встаньте. — Голос Делисса оказался звучным, приятным баритоном. Не удивлюсь, подумал Артём невпопад, если он поёт в опере. — А вы, господин Злотников? Нет ли у вас желания приветствовать меня должным образом?

— Рад видеть вас, сэр Джозеф Делисс. — На лицах Анчири и остальных отразилось крайнее изумление. — Там, где я живу, мы приветствуем уважаемых людей вот так. — И осторожно положил ладонь правой руки на левое плечо явившегося. Ощутил на момент тепло живого тела и... рука прошла насквозь. — Чем я могу помочь вам?

Делисс хлопнул несколько раз в ладони.

— Замечательно! Я рад видеть человека родом с Земли на Плутонии. Простите, Артём это небольшое испытание. Если здесь человек с Земли, значит, мои дети преодолели все трудности, а я ждал не зря.

Канси встала вплотную с Артёмом, взяла его за руку и посмотрела в глаза Делисса, улыбаясь.

— Канси, — улыбнулся ей Делисс. — Ты замечательная женщина. Я рад, что вы нашли друг друга. Да, господин Злотников, я не человек из плоти и крови. Я изоморф — вы назвали бы меня голограммой. И времени у меня не очень много. Через полчаса земного времени моя программа будет стёрта. Я — копия личности первоначального Джозефа Делисса. Если часы идут верно, я покинул Плутонию семьсот тринадцать земных лет назад. Если я не вернулся с тех пор — скорее всего, моё физическое существование подошло к очевидному концу.

— Я не осмелюсь задерживать вас, сэр Джозеф, — коротко поклонился Артём. — У меня к вам много вопросов, но актимри Анчири, да и все люди Плутонии ждали этой встречи гораздо дольше.

— Мы общаемся с ними с момента, как вы включили эту программу, — улыбнулся Джозеф. — В том, что я изоморф, есть свои преимущества. Я общаюсь с каждым из вас одновременно, вы меня не отвлекаете. Не желаете ли партию в шахматы?

— Во что? — опешил Артём. — Да, с удовольствием. Вы первый здесь, кто предлагает.

Джозеф Делисс улыбнулся и подмигнул — рядом с ними материализовался столик и два удобных стула. Делисс снял с поля белую и чёрную пешки и, через пару секунд, протянул сжатые кулаки к Артёму — выбирай. Артём уселся напротив создателя людей Плутонии, и указал на левый кулак его — там оказалась белая пешка.

— Ваши белые, поздравляю, — кивнул Джозеф, и неторопливо расставил фигуры. — Не беспокойтесь о времени, Артём. Полчаса — это очень много, сами убедитесь.

Артём оглянулся — на площадке было сейчас столько же Джозефов Делиссов, сколько и остальных людей — они разошлись вокруг, и беседовали с вновь прибывшими. Только у Канси не было «своего» Джозефа Делисса — но судя по тому, как она едва заметно кивала и

время от времени улыбалась, с кем-то она всё-таки общалась. Пусть и не произнося ни слова.

Партию Артём проиграл. Сдался через сорок ходов. И самое странное: вроде бы говорили с Делиссом всю игру, но потом Артём не припомнил ни единой фразы.

Делисс, как и обещал, исчез — просто растворился в воздухе, не утруждая себя прощанием. Никто из людей Плутонии не выглядел печальным или расстроенным — наоборот, все выглядели счастливыми. Долго стояли так, молчали и переглядывались, прежде чем собраться в обратный путь.

-

— Я такая счастливая... — сказала Канси тем вечером, прижавшись щекой к плечу Артёма. Тому не спалось: сидел за столом и читал. Книг у Канси много, и никого из этих авторов Артём не знал. Что не мудрено, конечно. — Я увидела Создателя. Теперь я знаю, что это не просто красивая легенда. Я увидела волшебство. И скоро я увижу тот мир, в котором ты живёшь. Почему у тебя морщины на лбу?

— Так много всего случилось, — признал Артём, погладив её по щеке. Она снова мурлыкала — невероятно странный, и приятный звук. — Когда-то, в другом теле и в другое время, я мечтал побывать на других планетах. Побывал — мечта сбылась. Никогда не чувствовал себя так странно.

— Почему странно?

Иногда кажется, что она уже знает ответ.

— Как в сказке. Мечтал о космосе — оказался в космосе. Правда, здесь бывает очень страшно. И кажется, что все, с кем я встретился, и стал близок, не случайный люди. Так и должно было случиться.

Канси покивала, усевшись прямо.

— Знаешь, это не я решила пойти к тебе. Это Акира сделала. Это она всегда заставляла меня принимать сложные решения. Она, конечно, не для меня старалась, но я ей благодарна. Это ведь из-за неё именно я пришла к тебе.

Артём улыбнулся.

— Заставляла? Ведь ты — старшая сестра в семье.

— Она умеет манипулировать людьми. Да, я понимала, что меня хитростью уговаривали что-то сделать — но сейчас вижу, во всём была польза. Я бы ни за что не научилась сама принимать вызовы, и не бояться поражений — без её хитростей. Хотелось иногда убить Акиру — она кого угодно достанет — но всё это было не зря.

— Всё, закончил с отчётом. — Артём закрыл планшет. — Какие планы на завтра? Сэр Джеймс передал депешу, что рота возвращается в Рим через два дня.

— Да, мы успеем. Сегодня вечером нас ждёт Анчири — рассказать друг другу про Землю. А завтра утром вернёмся на Айур.

Артём долго раздумывал, прежде чем задать следующий вопрос.

— Не пояснишь, почему вы зовёте его Создателем, не по имени?

— Так принято. Потому что он создал нас — первые из нас появились «из пробирки». Я не хочу это обсуждать, Ортем, ты всё найдёшь в книгах. Мы обязаны ему своим существованием, это главное.

Дни 76–77. Чужое тело [оглавление]

Артём последний раз вошёл в их с Канси дом в деревне — он так и останется нашим домом, пояснила Канси, если захочешь вернуться. За ним будут присматривать. Это да: здесь можно попросить помощь у совершенно незнакомого человека — пока что незнакомого — и

получить её. В Риме люди добры друг к другу, но не настолько. Здесь все — одна большая семья. И это не просто образное выражение.

Она стояла посреди комнаты, спиной к Артёму.

— Канси? Я думал, ты... — Девушка обернулась, и Артём осёкся. Не Канси, её средняя сестра — Акира. Тот самый талантливый генетик и биолог. — Виноват, Акира. Вы очень похожи.

— Вот вы какой, — Акира смотрела на него, улыбаясь. — Всё хотела посмотреть на колдуна, без свидетелей. И почему я не пошла к вам в тот вечер? Ведь хотела же пойти.

Что-то она, несомненно, делала — всем существом Артём ощущал к ней сильное, внезапно возникшее желание. Но перебороть инстинкт пока удавалось без чрезмерных усилий.

— Я не стала бы сопротивляться, — шепнула Акира, шагнув к нему. — Правда.

— Но ведь положено не только сопротивляться, но и биться — всерьёз.

Она покивала. Чёрт, что она делает? Не понимает, что Канси может войти в любой момент?

— Да, но я была бы осторожной. Чтобы не убить вас случайно.

Точно, умеет манипулировать людьми. Артём не собирался прибегать к способностям дросселя, но как-то само получилось. Он возник за спиной у Акиры.

— Меня не так легко убить, — сказал он, и успел — опять же, талантами дросселя — увернуться от резкого выпада ножом. Этот бой — настоящий, не отнять — закончился быстро: через десяток секунд Акира стояла на коленях, а к её горлу Артём прижал лезвие её же ножа. И такой же взгляд — восхищение и обожание. Чёрт, у них даже голоса очень похожи! Только волосы у Акиры светлее, и лицо чуть более вытянутое.

— Почему я не пошла? — такой тоски Артём не ожидал услышать. — Сэр Ортем, а вам не хочется приручить ещё кого-нибудь? Вам понравится, вот увидите.

— Я подумаю. — Он осторожно отпустил её, и отошёл на пару шагов. И бросил нож на пол, когда Акира встала на ноги.

— Вы и это уже знаете. — Тоска в голосе и взгляде не проходила. — Это ведь ваш нож теперь, зачем вы его бросили?

— Не могу взять его. Я знаю, что это означало бы. — Берёшь нож, сказала Канси — значит, намекаешь: ты мне нравишься, хочу тебя приручить. Помни об этом.

Акира резко наступила на нож, переломив лезвие у самой рукояти.

— Вас трудно заполучить. Но я настойчивая. Вы уже знаете, что это я хотела прийти к вам?

Лёгкий порыв ветра — кто-то вошёл в дверь. Выражение лица Акиры моментально изменилось, она быстро отступила на шаг.

— Вот вы где! Акира, я тоже рада тебя видеть! — Канси обняла сестру. — Ты теперь главная в нашем хозяйстве, помогай маме!

— Возьмите меня с собой! — взмолилась Акира и, чего Артём совершенно не ожидал, упала на колени. — Пожалуйста, сестра! Обещаю, целый год буду делать то, что ты прикажешь! Слова без разрешения не скажу!

Канси смотрела на неё, явно не веря глазам и ушам.

— Два года! — тут же уточнила Акира. — Нет, три!

— Остановись! — Канси, со смехом, помогла ей подняться. — Ловлю на слове. А как же твоя лаборатория? Вся твоя работа?

— Лаборатория почти вся едет с вами. Я уже нашла, кто меня заменит здесь.

— А кто позаботится о кари? Маме кто помогать будет?

— Мекар и Арина. Они будут жить с ней. Они без ума от счастья, что будут заботиться о кари. Я обо всём договорилась. Возьмите!

Канси посмотрела в глаза Артёму, тот кивнул.

— У выхода из города, через десять минут, — пояснила Канси. — Со всеми вещами. Ждать не будем.

— Я мигом! — И вот уже они одни.

— Видишь, какая она? Ага... — Канси заметила сломанный нож на полу. — Она всё-таки попыталась. Если бы я его заметила, ни за что бы не согласилась брать её.

Всё верно — Акира всё это время заслоняла собой обломки ножа. Получается, не случайно.

— Сердишься на неё? — Артёму вовсе не понравилось выражение лица Канси. Только что была радостная — весь день накануне расспрашивала о Риме, вообще о людях Айура — а сейчас улыбку словно ветром сдуло, и пасмурное выражение глаз.

— Нет, но когда-нибудь я её стукну. Больно стукну. Всё, хватит, у нас мало времени. Сядь где-нибудь и подумай о чём угодно приятном. Из дома нужно уезжать в хорошем настроении.

Надо же, и здесь, оказывается, принято «присесть на дорогу»! Совершенно не римский обычай. В Риме, наоборот, задержаться перед отправлением, или, хуже того, вернуться — недобрый знак.

Люди вышли в космос, освоили новые планеты, но суеверия никуда не делись.

— При чём тут суеверия? — осведомилась Канси и, наконец, снова улыбнулась. — Надо посидеть и вспомнить, всё ли собрали, все ли дела оставили в надёжных руках. Всё, идём!

-

— Немного завидую вашему эскорту, сэр Ортем. — Сэр Джеймс по-прежнему в отличном настроении. — С нами только первый взвод и минимум танков, на всякий случай. Остальные продолжают зачищать окружающую территорию.

«Эскортом» была вся та команда, которую Анчири предложил отправить на помощь Риму. Двенадцать человек, теперь — тринадцать (после того, как напросилась Акира). Все три сестры, в походной одежде, выглядели настолько похоже, что все, мимо кого они проходили, переглядывались. Во взглядах, которые ощущал Артём, чувствовалась некоторая зависть.

— Есть, сэр Джеймс. Готовы выступать.

Сэр Джеймс кивнул, и махнул кому-то за своей спиной.

— Вы прошли инструктаж, — обратился он к делегации анкари — так и продолжали звать людей Плутонии, по названию племени, которым они первоначально представились. — Буду краток. Мы идём в Рим. Если по дороге потребуются сменить маршрут, решение принимаю я. Не отходить от строя дальше, чем на пять-шесть шагов, иначе нам придётся возвращаться и искать вас. Если отстанете — просто стойте на месте.

Все тринадцать кивнули.

— Подтянуться! — скомандовал сэр Джеймс, взобравшись на свой танк. — Шаго-о-о-м марш!

В нужный ритм Артём вошёл почти сразу. Канси шла по правую руку, Карико — ещё правее, держа сестру за руку. Остальные, включая Акиру, следовали позади. Как только

колонна вышла за обозначенные флажками границы безопасной территории, песня пришла сама собой. Он не выбирал её — какая придёт, с той и пойдём. На этот раз повторился «Айболит-66» — давненько уже не приходила эта песня. Артём, краем глаза, заметил, пару раз оглянувшись, изумление на лицах делегации — видимо, для тех тоже было неожиданностью, что солдаты — так казалось — поют хором эту в высшей степени странную песенку.

Пейзаж сдвинулся вокруг, стал зыбким — дорога понеслась под ногами назад, стремительно, всё быстрее и быстрее. Канси крепче схватила его за руку... и это было всё. Её страх Артём ощущал долю секунды, потом... потом были два других чувства — восторг и удивление.

...В Рим, в шлюз Цезаря, они вошли спустя тридцать пять минут. Сказывалась привычка — устал, конечно, но не до полной потери пульса. Встречать их собрался весь Рим — так показалось — и устроили настоящую овацию. Новости о том, что нашлись новые союзники, уже успела разойтись по планете.

Ни Марины, ни кого-либо ещё из домочадцев у ворот не было — и Артём, едва только доктора и прочие осмотрели вновь прибывших, а сэр Джеймс разрешил покинуть казармы, направился домой первым же дилижансом. Канси и обе её сестры ехали вместе с ним; на их лицах было восхищение (хотя Акира из всех сил старалась сделать вид, что и не такое видала, подумаешь).

Они все ждали в комнате для гостей — главной гостиной. Марина улыбалась — видно было, что ей слегка нездоровится, но Артёма уже успели шёпотом заверить, что ничего страшного.

— Рады видеть вас, сэр Ортем, — сказала Марина, протягивая ему руку. — Рада видеть вас, — улыбнулась она каждой из гостей. — Миранда, приготовь нашим гостям комнаты.

И увела его — наверх, в их с Артёмом комнаты. Едва только Артём закрыл дверь, Марина бросилась к нему и обняла. Они прижал её к себе — настолько крепко, насколько осмелился — и слушал её дыхание и стук сердца. — Я очень беспокоилась, — шепнула она. — Со мной всё хорошо. С нами обоими, — поправилась она, и улыбнулась. — Просто по утрам иногда немного кружится голова. Доктор говорит...

— Неважно, главное — что всё хорошо. — И Артём вновь прижал её к себе. Чёрт, даже не понимаю, с чего начать, понял он.

— Мне нужно сказать вам...

— Я уже знаю. Слухи вас опередили, — улыбнулась она. — Не беспокойтесь. Попросите её подняться сюда, пожалуйста.

Канси оказалась за дверью — поблизости, точнее. Явный намёк, «я не подслушиваю». В руках её была корзинка с госпожой Хатори.

Войдя, Канси учтиво поклонилась Марине и прикоснулась губами к протянутой ладони. — Я горжусь, что познакомилась с вами, госпожа Скайлис. Если вы позволите... — И Канси сняла салфетку с корзинки. Кошка немедленно уселась и зевнула.

Восторг осветил лицо Марины.

— Кассо! Какая прелесть! Так они выжили! — Она сделала шаг вперёд. Уже протянув руку, замерла, посмотрев в лицо Канси. Та кивнула. Кошка благосклонно приняла прикосновение к голове, выпрыгнула из корзинки, и пошла обследовать комнату, держа хвост трубой. И мурлыча — громко, так, что даже издали слышно.

— Мы называем их кари, — добавила Канси, улыбаясь. — Они священны для нас. Они

помогли нам выжить. Вы их тоже видели, госпожа Скайлис?

— Когда была маленькой, — кивнула Марина. — Их давно никто не видел. Меня уже почти убедили, что и я на самом деле не видела. Я её не обидела?

— Вы бы сразу это поняли, — Канси наблюдала — кошка обошла всю комнату, всюду заглянула, потёрлась обо все предметы мебели по дороге, а потом запрыгнула в любимое кресло Марины — и уселась там, глядя на людей по очереди. И улеглась.

— Теперь это её место, — пояснила Канси. — Простите, если оно было вашим.

— Мы договоримся, — пообещала Марина. — Сэр Ортем! Можно попросить вас оставить нас вдвоём? Втроём, — поправилась она, посмотрев на довольную кошку.

— Вчетвером, — уточнила Канси, и Марина, Артём заметил, на долю секунды смутилась. — Я буду рада помочь вам, госпожа Скайлис. Всем, чем смогу.

— Марина, — поправила её Марина. — Просто по имени, пожалуйста. Сэр Ортем?

Да. Принято, чтобы просили дважды. Артём кивнул, и тихо затворил за собой дверь. Спустился вниз, в гостиную — и обнаружил, что Акира увлечённо рассказывает о чём-то, а почти все домочадцы — кроме охраны — слушают, некоторые буквально раскрыв рот.

— Всё готово, — подошла к нему Миранда. — Комнаты готовы, сэр Ортем. Вы не знаете, — перешла она на шёпот, — почему госпожа Карико молчит? Опасаюсь, не обидели ли мы её невзначай.

— Она дала обет молчания, — ответил Артём, на раздумывая, и Миранда, он заметил, посмотрела на Карико — довольно улыбающуюся — с уважением. — Она всё понимает, а её можно понять и без слов.

— Интересно, за кого вы больше боитесь? — Артём и не заметил, когда Акира появилась рядом. Вроде бы люди вокруг продолжали увлечённо беседовать с новыми гостями Рима, и Акира была центром этого непринуждённого общения... и вот она уже рядом. Миранда тоже вздрогнула — и улыбнулась. — За себя, за вашу хозяйку или за мою сестру?

— За вас, наверное, — предположил Артём и увидел, несомненно, изумление в её глазах. — Вы не лезете за словом в карман, а так легко можно нажать неприятности.

Акира рассмеялась.

— В этом мы похожи, сэр Ортем. Что вы скажете о моём предложении? — она смотрела, улыбаясь, ему в глаза, и становилось не по себе. Нас с детства учат адаптироваться к собеседнику, поясняла Канси. Так, чтобы легче всего было понимать друг друга. Нет, этому кого угодно можно обучить, мы в этом смысле ничем от вас не отличаемся. Вот видишь, я в тебе не ошиблась — ты понимаешь, что мы с тобой в чём-то превосходим друг друга, но не завидуем, и не страдаем от этого... Артём помотал головой. Совсем неуместные сейчас воспоминания — Акира ведь не зря спрашивает в присутствии других людей. Чтобы смутить, если получится. И как это Канси не пришибла её за столько лет жизни в одном доме?

— Я его рассмотрю. На досуге. Можете считать, что у вас испытательный срок, — Акира снова изумилась и, несомненно, смутилась... и снова рассмеялась. Миранда смотрела на них, уже совершенно не понимая, о чём речь.

— Не бойтесь, Миранда, — Акира взяла её за руку. — Видите ли, я имела неосторожность предложить сэру Ортему руку и сердце. Ну как перед ним устоять? А он видите, как себя ведёт!

Миранда улыбнулась — явно не очень понимая, как себя повести, чтобы не задеть кого-

нибудь из собеседников. При людях в Риме такое не обсуждают, но Акира, естественно, об этом знает и намеренно обсуждает при людях.

— Я постараюсь, сэр Ортем, — Акира посмотрела в его глаза. — Очень-очень постараюсь, вот увидите. Извините, если веду себя не очень прилично, я научусь. Правда! Верите?

— Конечно, верю, — заверил её Артём, который и сам едва не смутился. На выручку пришла охранница, Кира, смотревшая на всё происходящее с явным удовольствием.

— Сэр Ортем, — позвала она. — Госпожа Злотникофф просит вас подняться в ваши апартаменты.

-

Артём поднимался, Кира шла в паре шагов позади — как положено. Из всех сил стараясь выглядеть спокойным, Артём открыл двери — ему стучаться не обязательно. Если Марина решит, что ему лучше не входить, она или запрет двери, или снаружи будет ждать охрана с пояснениями, в чём дело.

Марина и Канси что-то оживлённо обсуждали и Марина, Артём успел заметить, стала выглядеть намного лучше — что-то всё-таки тревожило её, или не так всё было приятно с её самочувствием — а сейчас перестало тревожить.

— Сэр Ортем, — обратилась к нему Марина, а Канси, тут же умолкнув, встала рядом. Улыбающаяся и довольная. — Вы неотразимы для любой женщины. К вашему несчастью, мы сговорились, — Марина с улыбкой посмотрела в глаза Канси, и та кивнула. — Мы хотим обе быть счастливы и чувствовать себя полезными. Так что вам придётся очень, очень постараться.

— Разумеется, Марина, — Артём старался сохранять серьёзность, но не очень-то получилось. — Разумеется, Канси.

— Я помогу сёстрам. Можно? — Канси по очереди встретила взглядом с Мариной и Артёмом — оба кивнули. Едва дверь за ней закрылась, Марина бросилась к Артёму и обняла его.

— Я правда не сержусь, — шепнула она, прежде, чем отпустить. — На неё невозможно сердиться. Как и на вас. Она что-то сделала — просто взяла меня за руку, и всё сразу прошло. Голова уже не кружится, в животе уже ничего неправильного. Как она это делает, вы не знаете?

— Я о ней пока мало что знаю, — признался Артём. — Всё случилось так стремительно.

Марина покивала.

— Ужасно хочу услышать ваш рассказ, — призналась она. — Но мне нужно спуститься к остальным. Они должны видеть, что мне стало лучше. Хозяйка не должна унывать, — Марина улыбнулась. — Я правда не сержусь! — вновь прошептала она. — Теперь всё будет сложнее, чем было. Но я справлюсь. Папа говорил — всё, что ни делается — всё к лучшему. Наверное, он снова прав. Идёмте!

— Сэр Ортем, — у лестницы его встретил вестовой. — Сэр Джеймс Батаник приказывает срочно явиться в штаб.

Должно быть, что-то очень важное, раз прислали вестового — что мешало попросту позвонить?

-

— Прошу вас сдать оружие, сэр Ортем. — Положенная формальность. Что-то многовато

охраны, отметил Артём. Понятно, что в штабном корпусе её всегда много, но сейчас её больше обычного. Он отстегнул кобуру, и протянул её охраннику. Его звание, лейтенант, не позволяет входить в этот корпус с оружием. — Следуйте за мной.

Определённо, охраны больше обычного. Это в честь прибытия людей Плутонии? Так пока и не определились, как их называть между собой. «Анкари» в ходу пока у тех, кто был в их поселении. Мы застали это селение вымершим, сказала Канси. Нечисть сожрала их, но почему-то не стала укореняться и распространяться, и мы её легко выбили. Это были интересные люди. От них немного осталось, но мы хотели, чтобы память о них осталась в нас...

Артём помотал головой. Много, слишком много всего случилось. Но явно выздоровевшая Марина произвела на домашних большое впечатление — всякое уныние и всё такое исчезли из её глаз. Хозяин дома вернулся, с хорошими новостями и интересными гостями — хозяйка поправилась — жизнь наладилась.

— Входите, входите, сэр Ортем. — Сэр Джеймс собственной персоной. — Нет, я не по поводу анкари. С отчётом не тороплю — сам понимаю, сколько всего нужно изложить. Как дела дома?

— Отлично, сэр Джеймс. Жизнь стала непростой, но я справлюсь.

— Вольно. — Сэр Джеймс уселся сам и кивнул Артёму — присаживайтесь. — Меня вызвали сегодня утром и дали вот это. — Сэр Джеймс протянул Артёму папку. Настоящая бумага на вид, при том, что обычно досье и документы вообще хранятся или на пластике, или в виде электронной записи. — Ознакомьтесь.

Артём открыл папку и первым делом увидел... своё фото. Стал вчитываться, уже понимая, о чём речь.

— Этого человека звали Артемиус Фари. Известный охол, за ним три убийства, многочисленные разбойные нападения. Пропал без вести. Примерно в то время, когда мы с вами впервые повстречались. Не хотите ли что-то добавить?

Артём поднял глаза и боковым зрением заметил, что два офицера охраны шагнули к нему, покинув свой пост у дверей. Некоторым усилием воли Артём заставил себя вернуться к тексту. Дочитал страницу, стараясь не выдавать волнения.

— Так вот чьё тело это было. Канси сказала, что нашла на шее и спине у меня следы многочисленных заживших уколов. Я могу предположить, что с ним стало.

— Я правильно понимаю, что Артемиус Фари — ваше настоящее имя? — Сэр Джеймс смотрит дружелюбно, но Артём давно уже знает, что его командир умеет не показывать эмоции.

— Я Артём Злотников. Я не расскажу вам другой истории, сэр Джеймс. Всё началось с той поляны. Ах да, я не сказал, что когда поднялся на ноги, то почувствовал — всё затекло.

— Эти вещи мы нашли на той самой поляне. — Сэр Джеймс положил на стол, несомненно, оружие — не то что бы кустарное, но и не походило на то, что «испекал» синтезатор для армии. Рядом легли нож, походный набор инструментов. — Есть уже подтверждение, что ими владел Артемиус Фари. Не желаете что-нибудь ещё добавить?

— Ничего. Если это было телом Артемиуса Фари, вряд ли я могу отвечать за его поступки.

Сэр Джеймс улыбнулся, и сделал жест охране — те вернулись к двери.

— Я доверяю интуиции, хотя всегда стараюсь подкреплять её фактами, — пояснил он. — У меня нет оснований считать, что вы — Артемиус Фари. Наши специалисты не

нашли у вас признаков психического расстройства, или наличия другой личности. По этим данным, — он подтянул к себе досье и похлопал по нему ладонью, — Артемиус Фари был подонком общества. Ничего святого. Я не верю в то, что человек может так перемениться, или настолько хорошо притворяться. Вы — не он. Но ваше тело — несомненно, его тело, совпадают особые приметы, биохимические маркеры, отпечатки пальцев. Что скажете?

Артём развёл руками.

— Ничего не могу добавить. Не самая приятная новость, но буду с этим жить. Вы вызвали меня, чтобы арестовать?

— Нет, чтобы убедиться, что этого делать не стоит. Послезавтра жду вас с отчётами, собирается совещание глав правительств Федерации. Вы будете одним из докладчиков. Мы вчетвером — вы, Канси, я и сэр Арчибальд.

— Вас понял. Разрешите идти, сэр Джеймс?

— Разумеется. Мой поклон Марине! — Сэр Джеймс проводил его до двери и пожал руку — уже вопреки уставу. — Артемиус Фари был, помимо прочего, труслив, — добавил он, понизив голос. — Уж в малодушии вас никто не упрекнёт, сэр Ортем. Доброго дня! Здравствуйте!

Скорее уже «вечера», подумал Артём, не без труда отыскав свободный дилижанс — можно подумать, что весь Рим куда-то едет сегодня вечером. Странно, но лёгкое беспокойство оставило его, едва он покинул штаб. Наверное, чистая совесть и в самом деле — большая сила.

-

Марина и госпожа Хатори уже нашли общий язык: Марина сидела в своём любимом кресле, а кошка устроилась у неё на коленях. Не стану скрывать, что мы хотим обследовать Рим, сказала Канси ночью, накануне отправления. Но мы берём кари не только для этого. Мы подарим кари людям Айура, и первым станет Рим. Помимо прочего, они — очень милые и дружелюбные создания. Они помогли нам, помогут и другим людям.

— Можно, я не буду вставать, сэр Ортем? — Марина дождалась, когда довольная, улыбающаяся Миранда закроет за хозяином дверь. — Я так счастлива! — призналась она. — Госпожа Хатори так хорошо устроилась, не хочу её сгонять. Расскажите! Сейчас самое время.

— Сделать вам чай? — предложил Артём, чувствуя, что у самого пересохло в горле. — Это долгая история.

— Сделай, — немедленно отозвалась Марина и Артём опешил. Впервые с утра из первого знакомства обратилась к нему на «ты» по своей воле. — Видите, я тренируюсь! Скоро будет получаться. — Она подмигнула. — Сделай, пожалуйста, — попросила она, понизив голос.

Просить принято дважды. Такие вот необычные, простите за каламбур, обычаи в Риме.

-

Проснулся в четыре часа ночи, и понял — выспался. Марина спит крепко, и сейчас Артём был этому рад. Посмотрел, улыбаясь, на счастливое выражение её лица и оделся. В спортивную одежду.

Тихо в доме — обычные жилые ночные звуки. Госпожа Хатори приоткрыла один глаз, наблюдая, как человек одевается, но осталась в своём кресле — повернулась на другой бок и задремала. Непростая у вас жизнь, госпожа Хатори. Столько забот!

Канси и её сёстры живут теперь в трёх комнатах по правую руку — всё Марина

сожалела, что пустуют. Теперь не пустуют. Артём остановился у двери в комнату Канси... и не смог заставить себя постучать. Ладно. Утром, когда встанет солнце, можно будет и постучать.

— Что-то вы поздно сегодня, — услышал он за своей спиной, едва сделал первые пол-круга по парку. Бегать по утрам становилось уже не просто привычкой — необходимостью. Акира. Сразу узнал её голос, хотя поначалу показалось — Канси. Она догнала его, но не стала обгонять — бежала рядом. — А Канси что-то нездоровится сегодня. Я думала, вы с ней побудете.

— Опять выдумываешь? — послышалось из-за спины, и их догнала Канси. Трудно представить, подумал Артём, что ей может нездоровиться. Но на долю секунды чуть не поверил. — Голову оторву, Акира. Брысь отсюда!

— Слушаюсь и повинуюсь, — отозвалась та, не переставая улыбаться, и обогнала их. Канси теперь бежала рядом с Артёмом. Всё в порядке, подумал он. С ней всё хорошо.

— Да, всё нормально, — согласилась она. Как ей удаётся говорить, не сбивая дыхания? — Хороший у вас парк! Только птиц маловато. Сможешь прибавить скорость?

Казалось невероятным поначалу, но — смог. Помимо Канси и её сестёр, в парке оказалось немало бегунов. Похоже, подаём пример, подумал Артём, когда к своему удивлению, без особого труда сделал ещё один круг сверх тех пяти, что обычно делал. И погода сегодня удалась.

— Здорово! — похвалила Канси, всё это время бежавшая рядом. — Идём домой?

По дороге домой она рассказывала о своих первых впечатлениях о Риме. И так было видно, что ей здесь интересно. Сегодня у неё собеседование, вспомнил Артём. Её пригласили воспитательницей — на такую работу всегда трудно устроиться. Слишком много желающих.

Дома Артём зашёл в её комнату — совершенно машинально, не особо раздумывая. Канси обняла его, едва дверь закрылась, и минут пять они просто стояли, прижимаясь друг к другу.

— Так гораздо лучше, — прошептала Канси. — Она уже проснулась. Будь с ней почаще сейчас, хорошо? Она никогда не скажет этого, но ей трудно, когда тебя нет рядом.

Совершенно легко и естественно получилось отпустить Канси и вернуться в свои апартаменты. Именно так их называла Марина, первоначально — в шутку. Так слово и осталось.

Первой Артёма встретила госпожа Хатори и не отошла, пока её не погладили несколько раз по спине. Кошка внимательно посмотрела ему в глаза, держа хвост трубой, и в три изящных прыжка очутилась на своём теперь кресле. Марина наблюдала за всем этим с явным удовольствием.

— Гораздо лучше, — ответила она на незаданный вопрос, когда Артём уселся рядом. — Завтрак будет через полчаса. Знаете... знаешь, мне впервые приснился приятный сон. С того момента, как я была маленькой. Я думаю, это добрый знак.

Она никогда не рассказывала о сновидениях, припомнил Артём. Интересно! И взгляд совсем другой, не пытается спрятаться где-то внутри себя самой. Раньше чуть что — отводила взгляд, прятала лицо в ладонях.

— Теперь я верю, что с головой у меня в самом деле всё в порядке, — шепнула Марина, прижимаясь к нему. — Ортем, ты не рассказал ещё об одном дне там, на Плутонии. Уже после того, как вы все вернулись с полюса. Ведь было что-то интересное, да?

Артём показал ей карту памяти. Удивительно, но для него записали карту, совместимую с проигрывателями Айура. Как такое вообще возможно? Ещё один вопрос в длинный список того, что надо, похоже, просто принять.

— Я расскажу после завтрака, — пообещал он на словах. — Ты ведь никуда не спешишь?

— Нет, Миранда меня подменяет. Я знаю, что ей непросто, но ещё один день ничего не изменит. Хочу ещё что-нибудь узнать! Так необычно — ещё одна планета, где есть люди, и находится неизвестно где!

Мы сохранили большую часть земной культуры — то, что пожелал передать Создатель, сказала Канси утром того дня, когда их команда вернулась с полярной станции. А передал он практически всё, от времён античности до последнего дня, когда он сам посетил Плутонию — перед тем, как оставить послание, и уже не возвращаться. Каждый человек — существо по природе творческое. Пусть даже подлинным творчеством занимается редко.

— Это студия, — пояснила Канси, когда открыла перед ним двери одного из зданий Талора — крупнейшего города планеты, где был и её дом. — Сюда приходит каждый, кто желает что-то записать. Неважно, что — новую книгу, или песню, или фильм.

— Фильм? Это как? — удивился Артём. Студия не пустовала. Аппаратура для записи есть во множестве её комнат, и они, как потом оказалось, пользуются популярностью.

Канси поманила его — они вошли в большое помещение. Кинотеатр, подумал Артём. Или театральная сцена. И множество сидений для зрителей — пока что пустых.

— Надень вот это, — указала она, когда Артём, следом за ней, вошёл на сцену и подошёл к тому, что издаലെка показалось микрофоном на стойке. На самом деле там находилось что-то вроде шлема. — Погладь его вот тут, чтобы он настроился на твою голову. Видишь инструкции?

Да. Самая занятная часть их технологий: почти вся техника умеет транслировать инструкции. Картинки, текст, звук — по выбору. Непонятно, как это делают — инструкции воспринимает только тот человек, который их запросил.

— Что теперь? — поинтересовался Артём. Немного боязно оказалось стоять на освещённой сцене перед пустым зрительным залом. Страх сцены, припомнил он. Известное такое ощущение, если верить рассказам артистов. Почувствовал себя артистом?

— Представь. Просто начинай представлять. Остальное сам поймёшь, аппарат подскажет. Если нужна подсказка, просто прикоснись вот сюда. Не бойся! Пока не захочешь, никто, кроме тебя не увидит и не услышит.

Это было как в тот день, когда он учился ездить на двухколёсном велосипеде. В какой-то момент всё получилось — взял и поехал, уже не падая, и никто его не страховал. Тут было то же самое: в какой-то момент всё начало получаться. Песня пришла на ум сама собой; с ней он несколько раз водил роту на задания — и всякий раз ощущал себя немного пиратом. Тем, что давным-давно на Земле наводили ужас на морские корабли.

Nobody saw our sails on the horizon, Nobody heard propellers in the dawn. Nobody smelt our coal fires were burning, Nobody knew — under the radar we crept on...

Поначалу картинки не приходили на ум — только звук. А потом... потом пришла и картинка. И почти сразу — сюжет, история. Корабли появлялись на горизонте, бесшумно и незаметно приближаясь к берегу, и отчаянные головоурезы, после опустошающего пушечного

залпа, быстро подавляли всякое сопротивление...

Here we come, on the run, our coal fires are burning, Here we come, fife and drum, propellers in the dawn. Here we come, on the run, our coal fires are burning, Here we come, fife and drum, under the radar we crept on! (*)

Артём и не заметил, как «прокрутил» эту песню несколько раз, и всякий раз удавалось всё точнее воссоздавать и дополнять видеоряд. Как смог, припомнил голоса, которыми пели эту песню её исполнители на далёкой во времени и пространстве Земле.

А когда опомнился, понял, что зал уже полон — все стояли, сиденья куда-то делись — и аплодировали ему. Канси стояла рядом, на сцене, и тоже аплодировала. Он оглянулся — на сцене, стена за которой стала теперь киноэкраном, замер последний кадр: капитан — тот, от имени которого песня — смотрел на брошенную к его ногам женщину — её явно доставили сюда силой, это читалось во взгляде. Получается, всё было затеяно, чтобы выкрасть её? Или нет? Поди пойми, каким затейливым путём шло воображение.

— Потрясающе! — Канси взяла его за руку. — А ещё что-нибудь? Ты можешь? Если мы тебя стесняем, мы можем уйти.

— Останься, — Артём сам не понимал, почему — напрочь исчез страх сцены. Остальные люди перестали мешать, а Канси... она и раньше не мешала. — То есть, меня не стесняют. Минутку.

...Он «записал» четыре коротких видео в тот день. На Земле их называли бы видеоклипами. Уже потом, когда понял — всё, надо останавливаться, дать голове отдохнуть — Канси отыскала специалиста, с помощью которого Артём привёл все записанные видео в приличный вид — например, указал, когда припомнил, чьи то были песни, слова, кто исполнитель. Подправил всякие мелочи, убрал ненужные фрагменты в начале и конце, вставил титры. Удивительно умная техника, которая реагирует на мысленные команды.

— Потрясающе! — Марина просмотрела все четыре записи, несомненно — они ей очень понравились. Видно, что каждый клип произвёл на неё большое впечатление. — И кто угодно может туда прийти, и что-нибудь записать? Вот так вот просто?!

— Да. Канси сказала, немногие могут записывать так, чтобы потом многим нравилось, но человеку не так просто найти своё призвание. Почти все появляются в таких студиях.

— Я бы хотела... — Марина осеклась, и на секунду Артём увидел прежнюю Марину — ту, ещё неграмотную, которая отчаянно боялась ошибиться. — Я бы очень хотела попробовать сама. Не видео, музыку. Песню, — пояснила она, улыбаясь. — Мама их много знала.

— Я спрошу. Думаю, это можно устроить.

— Спасибо! — Марина обняла его. — Останься со мной. Сегодня ты мой. Можно? Тебе ещё отчёт писать, но напиши его здесь, ладно? — И забрала у него пульт проигрывателя. — Можно?

...Вновь и вновь она смотрела те видео — ни ей не надоело за множество повторов, ни Артёму. А тому казалось, что всякий раз он видит в «клипах» что-то новое, ранее не замеченное. Очень странно. Как они всё-таки это делают? И что будет, если, простите, несколько не о том подумаешь?

-

— Ой, испугался! — рассмеялась Канси. — Давай, угадаю: что, если ты во время записи подумаешь о чём-то не очень приличном. Так?

— Примерно. — Приличном или нет, главное — о чём-то неуместном.

— Там есть всегда такая синяя кнопка. Можешь сразу нажать — и никто ничего не увидит из «синего», пока сам не откроешь. Что, было такое, да? Думал о чём-то неприличном?

— Нет. — Артём и не думал, что говорить правду действительно легко и приятно. — Но мало ли что в голову придёт. Что-нибудь постороннее.

Канси рассмеялась и прижала его к себе.

— Всё-таки думал. Всё, не буду больше дразнить. Это нормально, мы же люди. Многие сразу включают синий режим — иногда о чём-то очень личном думаешь. О чём-то таком, что не всем захочешь рассказать. А потом уже, когда монтируешь, можешь отключить — или стереть, сам решишь.

— Фантастика, — заключил Артём. — Представляю, что подобное сделало бы там, в том времени, которое я помню.

...Да, действительно. Если студия позволяет сколь угодно точно воссоздавать то, что человек непосредственно представляет — это очень сильно повлияло бы на некоторые виды индустрии развлечений. Ведь здесь можно сохранять — например, образы персонажей, чтобы потом использовать повторно. Можно писать композиции вместе — затейливо, по словам Канси, требует опыта совместной работы, чтобы получалось нечто единое — но можно. Вот это действительно прорыв, подумал Артём. Не синтезаторы одних веществ из других, не космические технологии, не оружие. Вот это. Писателям это тоже очень удобно, заметила Канси. Можно писать с той скоростью, с которой способен думать, не тратить время на то, чтобы руки восприняли эти команды и как-то напечатали или записали мысли. Впрочем, каждый творит, как желает. Есть такие, кто по-прежнему пишут гусиным пером.

— Что такое «Акатуй»? — поинтересовалась Канси после того, как Артём немного пришёл в себя после «сеансов записи» — у неё дома, вдали от новых поклонников. — Во второй композиции есть слова «Долго скитался в горах Акатуя».

— Видимо, место каторги, — пришлось тут же пояснить, что такое каторга. Ну да, откуда пятнадцать или сколько там прошло столетий спустя помнить, что было такое явление — каторга.

— Минутку! — Канси убежала в другую комнату, и закрыла за собой дверь. Давай договоримся, сказала она в первую их ночь знакомства. Если я ушла, и дверь за собой закрыла — стучишься, прежде чем войти, и ждёшь ответа. Если я не захочу открывать, я скажу. Или сама выйду. Так и сейчас: если закрыла за собой дверь — значит, хочет что-то сделать без свидетелей. Простая и удобная договорённость.

Через три примерно минуты Канси вернулась, и прочитала краткую лекцию о том, что такое Акатуй — река близ Байкала. Артём слушал, ему становилось не по себе — откуда она узнала?! Хотя глупый вопрос, у каждого жителя Плутонии есть доступ к информаторию. Простой и удобный интерфейс ко всему, что успел привезти с Земли их Создатель — и то, что они сами туда добавили.

Обалдеть!

— С ума сойти, — искренне признал Артём, и Канси долю секунды недоумённо смотрела на него, потом рассмеялась.

— Я забыла, на каком языке ты говоришь. Я прочитала, что это было местом каторги. Но мне это мало что говорит. Можешь подробнее рассказать, своими словами, что такое каторга?

Артём рассказал. С поправкой на то, что и сам он лет на двести минимум вперёд того

момента, когда каторга была обычным наказанием за многие преступления.

Марина покачала головой. Видеоролик про каторжника-беглеца, переплывающего огромное озеро в бочке, произвёл на неё большое впечатление.

— Подумать только, мы столько не знаем про Землю! Расскажи ещё!

И Артём вновь начал рассказ. Примерно тот же, что услышали несколько дней назад старейшины Плутонии. «Администрация», как сказала Канси. У нас нет власти в привычном тебе понимании. У нас каждый может оказать первую помощь, помочь, если вдруг что случится. Каждый поможет, если кто-то вдруг будет нарушать общепринятые законы. Каждый возьмёт оружие и будет защищать свою — нашу — землю, если потребуется. Каждый придёт на помощь любому другому. Нам такие вещи объяснять не нужно: мы помним, почему мы выжили тогда, в войне с нечистью. Выжили только потому, что держались вместе. А для тех, кто родился позже, есть множество записанных свидетельств, и рассказы тех, кто застал войну. Поверь, если ты человек, по-настоящему, тебе не потребуются никаких больше причин вести себя именно так. Конечно, ты можешь думать по-другому, и я уважаю твоё мнение, даже если никогда с ним не соглашусь...

Вот и скажи, что ей двадцать четыре. Иной раз Артёму казалось, что он говорит с человеком мудрым и обременённым многими годами — при том, что, по словам её матери, до встречи с Артёмом Канси была вспыльчивой, обидчивой и скорой на расправу, чуть что не по ней. Только с детьми и вела себя так, как ожидается от учителя. Что вы с ней сделали, Ортем? Когда мужчина и женщина находят друг друга, они, конечно же, меняются — приручение действует в обе стороны — но никогда я не видела, чтобы в одну ночь человек мог так измениться. И я очень этому рада...

— Ты думаешь о ней, — заключила Марина и приложила кончики пальцев к губам Артёма. — Не спорь. И не пытайся обманывать. Я думала, что скажу ей всяких гадостей, прикажу поселиться в другом конце города, и приходить только, когда у меня будет хорошее настроение. Но мы с ней теперь — настоящие подруги. Я это чувствую. Она помогает мне по хозяйству, сама сразу же предложила. И ничего взамен не просит, даже не намекает. У нас все, ты заметил, хотя бы намекают — пусть даже вежливо и в рамках приличий. Принято. Если на их планете все такие, это чудесное место, ничуть не хуже Рима...

Оглянуться не успел, как подкрался вечер. Вроде бы и провёл почти весь день с Мариной, а смотри-ка — она точно без дела не сидела. Видимо, звонила, это можно делать не открывая рта — внизу, в доме, дела исправно делались, хозяйство не брошено, пусть даже в надёжные руки Миранды. У Марины и впрямь хорошее чутьё на то, что пользуется спросом — собрала в доме Артёма мастеров и мастериц, обеспечила им возможность работы... замечательно!

Звонок сэра Арчибальда Ливси застал Артёма врасплох.

— Сэр Ортем? Не отвлёк? Если возможно, приезжайте на Капитолийскую площадь третий дом.

— Уже собираюсь. Что случилось?

— Неприятности с Канси. Нет-нет, с ней самой ничего не случилось. Поторопитесь, пожалуйста.

— Езжай, — Марина обняла его. — Не рассказывай мне сейчас. Потом, когда со всем разберёшься, расскажешь.

Артёма встретил предельно вежливый дворецкий (они все на одно лицо, что за напасть!) и проводил наверх. Это дом Кратум, припомнил Артём. Известны своими фермерскими хозяйствами. Что могло случиться?

Канси, спокойная и улыбающаяся, ждала его в отдельной небольшой комнатке. Что за чёрт, они что, держали её здесь? Чулан какой-то. Это у них что, такие обычаи, запирают прислугу в чулане, чуть что?

— Не беспокойся, — обняла Канси его. — Я попросила доктора, чтобы ты приехал. Поверь, всё обойдётся.

— Сэр Ортем Злотникофф? — а это хозяйка дома. Хотелось назвать её матроной — дама в теле, властная на вид, суровая — спуска никому не даст. — Я рада видеть вас. Прошу, пройдёмте со мной.

А Канси словно в упор не видит.

...В соседней комнате, где стоял, вежливо улыбаясь, доктор Ливси, стало проясняться, что произошло. Канси взяли работать гувернанткой — на эту должность всегда высокая конкуренция — и вот в конце её первого рабочего дня, испытательного срока, что-то случилось. Но что?

— ...и тогда госпожа Канси взяла мальчиков за шиворот — разняла — и зашипела каждому в лицо. Как дикий зверь.

Можно подумать, вы много диких зверей видели, подумал Артём, сдерживая улыбку. От Канси такого можно было ожидать.

— Вы это слышали? — повернулась хозяйка лицом к Артёму. — Это возмутительно! Так обращаться с детьми! Они испугались до смерти! А что она вытворит в следующий раз? Хотя я обещаю вам, что следующего раза не будет. Я не буду доводить до скандала, сэр Ортем, вы человек видный, но...

— Дети не пострадали, — перебил её доктор Ливси. — Я обследовал их, госпожа Кратум. Никаких травм, ни шока, ни чего-то ещё. Они прекратили хулиганить, после этого происшествия?

Взгляды устремились на Кристину — худощавую девушку, которая и донесла хозяйке дома Кратум о происшествии. Присматривала за вновь приведённой гувернанткой. Да она завидует, удивился Артём. Я и то это чувствую. Видимо, не хочет конкурентки, а саму отчего-то к детям не допустили.

— Прекратили, сэр Арчибальд, — пролепетала Кристина, отводя взгляд.

— Вызовите моего сына сюда, — велела госпожа Кратум.

Ждали молча. Сэр Арчибальд всё так же вежливо улыбался, госпожа Кратум бросала недобрые взгляды то на Кристину, то на Артёма.

— Мама! — мальчишка лет десяти — сразу видно, хулиганить ему не привыкать — ворвался в комнату и подбежал к матери. — Не прогоняй её! Не прогоняй госпожу Канси!

— Что за манеры, Александр? — холодно осведомилась госпожа Кратум, на лице которой, тем не менее, возникло изумление. — Ты позоришь меня перед уважаемыми людьми.

— Сэр Артём! Сэр Арчибальд! Доброго дня! — мальчишка вежливо поклонился каждому. — Мама! Я плохо вёл себя, но не прогоняй госпожу Канси, пожалуйста!

— Расскажи, что случилось, — велела госпожа Кратум. — Всё, как было, без утайки.

Он рассказал. Действительно, они затеяли игру в солдат — ну ушибли друг друга палками немного, обычное дело — а потом Клавдий, этот хвастун, сказал что-то такое, за

что сразу же получил в лоб. Госпожа Канси приказала им немедленно прекратить драться, так ей было сказано: драки пресекать немедленно. Мальчишки не послушались — и тогда она подошла, лёгким движениям разняла их, подняла каждого за шиворот — Клавдия левой рукой, Александра правой — словно пушинки! — и зашипела, оскалившись, каждому в лицо.

Дурь с мальчишек как рукой сняло. Тут же присмирели. Госпожа Канси осторожно поставила их на ноги, отпустила и вежливо спросила, желают ли они, чтобы матушка Александра узнала о драке — получила два отрицательных ответа. И всё. Играли и дальше, было весело — и тут пришёл префект с помощниками, и приказал Канси следовать за ним.

— Вы всё это видели? — поинтересовался Артём у Кристины. Та кивнула, но не сразу — поймала взгляд госпожи Кратум, и энергично закивала. Хотела соврать, подумал Артём. Ну точно, завидует.

— Сэр Арчибальд, вы подтверждаете, что мальчики не получили никаких травм? — спросил Артём у доктора — пауза явно затягивалась.

— Абсолютно. У них есть синяки и шишки, говоря простыми словами, но это явно их рук дело. Канси не нанесла им вреда.

— Пригласите её, — распорядилась госпожа Кратум, и через полминуты в комнату вошла почтительно склонившая голову Канси.

— Канси, — госпоже Кратум явно неловко. — Приношу вам извинения, это было недоразумение. Вы приняты на работу. Кристина, — та, к которой обратились, смотрела взглядом побитой собаки. — Пройдите в мой кабинет. Сэр Ортем, сэр Арчибальд — я признательна вам за поддержку.

— Вы разрешите задержаться, госпожа Кратум? — спросила Канси. — Я обещала мальчикам рассказать историю.

— Конечно, — улыбнулась госпожа Кратум. Ей бы чаще улыбаться, подумал Артём. — Простите, вынуждена оставить вас.

-

...Крестину они нашли через два квартала от площади — сидела на скамейке, и горько плакала. Канси (её ждать пришлось почти час, но Артём решил дождаться — отпустил доктора, у которого и без того полно забот) подошла, и уселась рядом с девушкой.

— Кристи? — обратилась Канси, взяв ту за руку. Кристина вскочила — попыталась вскочить — но Канси держала крепко.

— Пусти! — крикнула Кристина. — Пусти, а то пожалеешь!

Канси взглядом попросила Артёма не вмешиваться. Поймала вырывающуюся Крестину, обняла её и что-то шепнула на ухо. Кристина почти сразу же прекратила вырываться. Артём счёл за лучшее отойти в сторонку, чтобы ненароком не услышать, что там шепчут. Оглянувшись, увидел — Кристина продолжала плакать, но уже уткнувшись лицом в плечо Канси. А та что-то шептала ей на ухо.

И, о чудо — не прошло и минуты, как Кристина стоит и улыбается, вытирая слёзы.

— Мне правда можно прийти? — спросила она робко, когда Канси отпустила её. — Вы не сердитесь?

— Все люди ошибаются, Кристи. Приходи завтра утром, когда захочешь.

— Спасибо! — Она торопливо поклонилась Артёму, и бросилась прочь, улыбаясь.

— Ты пообещала ей работу у меня в доме, — заключил Артём, глядя на сияющую Канси.

— Верно. Но ты же не против?

Начинается, подумал Артём. Я, может, и не против, но служанки уже успели поведать, что Кристину выгоняют уже из третьего дома — за любовь к доносам, в основном. И кто теперь её возьмёт?

— Ты готова за неё поручиться? — поинтересовался Артём. Ни тени смущения на лице Канси.

— Да! — Она энергично кивнула. — Я готова. Она просто запуталась в себе. Ей нужна помощь.

— А ты готова помогать всем подряд?

— Людям — да. Артём, я что-то сделала не так?

Вот теперь на её лице — почти виноватое выражение. Артём рассмеялся и привлёк её к себе. Стало сразу спокойно и хорошо. И сомнения куда-то делись.

— Как только увижу, что она перестала доносить и ябедничать, скажу что был неправ. Помни, что ты теперь отвечаешь за неё, пока она в нашем доме.

— Конечно! — Канси серьёзно кивнула. — Всё? Можно домой пойти? Хорошие дети, но утомительные. Их слишком много балуют.

-

...Марина от души посмеялась, когда Артём рассказал ей эту историю — взяла обоих драчунов за шкирки, и зашипела каждому в лицо. И помогло! Остаток дня слушались её не то чтобы беспрекословно, но если требовала утомониться, подчинялись практически сразу.

— Я слышала про дом Кратум, — покивала Марина. — Очень сложные дети. С тех пор как их отец погиб на войне, сладу с ними нет. Может, Канси сумеет что-то сделать. Там ни одна воспитательница не задержалась дольше недели.

— Ты что-нибудь слышала о Кристине Ферон? — поинтересовался Артём чуть позже. — Канси...

— Она уже рассказала мне. Канси. Я согласилась, под её ответственность. У Кристины дурная репутация, она любит сплетничать. А я этого не переношу. Если Канси считает, что Кристина справится — я не против.

...По вечерам их комната превращалась в читальный зал. С тех пор, как они оба научились читать — Артём — без явного осознания, что на самом деле не умел, Марина — с полным пониманием, что считала себя неспособной даже на это — оба набрасывались на книги, как умирающий от голода на еду. Курьеры сделали себе, поди, состояние, доставляя книги из библиотеки и обратно. Хотя больше всего теперь Марина любила ездить в библиотеку вместе с Артёмом. А копии того, что нравилось больше всего, заказывала домой — пусть это и недёшево.

— Ты учишься? — поинтересовалась Марина, отложив свою книгу — что-то по истории. — Это не развлекательное, верно?

— Учусь, — согласился Артём. Поразительно, но есть книги по информационным технологиям — в которых Артём, невзирая на какой-никакой опыт и земное образование, не понимал почти ничего. И при этом нет компьютеров. Ну, почти нет: платёжная система и телефонная связь — это только малая часть того, что было, как пояснил сэр Джеймс Батаник. Я и не скажу, что ещё было, мы многое просто не помним. Только легенды остались, и книги, в которых сейчас немногие что-то понимают. — Здесь сказано про вычислительные сети. Если я правильно понял, они были по всей планете. Вся планета была огромной вычислительной сетью. Не очень понимаю, как такое возможно. Как пользоваться такой сетью?

— Поговори с сэром Арчибальдом, — посоветовала Марина. — У них — самое сложное оборудование, не считая армии, конечно. Может, он что-то знает. А зачем тебе?

— Мне любопытно. Потом, моя прошлая жизнь... Я работал в этой области. Пусть даже это было давно, и не здесь, но помню всё в подробностях.

Марина поманила его к себе, и обняла, усевшись ему на колени.

— Так всё необычно! — сказала она, не отпуская его. — Как в сказке. Может, на Земле было и не так радостно, как я думала, но так интересно! Скажи, ты хотел бы вернуться? Только честно.

— Если честно — то да. При условии, что вместе с тобой. С вами тремя, — поправился Артём. Марина рассмеялась и отстранилась, глядя ему в глаза.

— Да, такое трудно сказать, да? Да, с нами всеми. Я тоже хотела бы хотя бы посмотреть. А если ты решил бы остаться там, то и я осталась бы. Пусть даже будет ужасно трудно, или страшно. Расскажи мне ещё о Земле!

(*) из песни “Under the radar” группы “Abney Park”

День 78. Три сестры [оглавление]

Не спалось. Артём проснулся — на часах половина третьего ночи. Ни то, ни сё. В конце концов он спустился в гостиную. Охранница — всё та же Кира — вежливо поинтересовалась, не нужна ли помощь. Не вызвать ли доктора, говоря простыми словами. Интересно, она вообще спит когда-нибудь?

В гостиной, в кресле в углу под лампой сидела Акира. Что-то вышивала. Они все трое любят вышивать — Акира, Карико и Канси. Канси говорит, вышивание успокаивает, даёт время подумать.

— Не уходите, сэр Ортем, — позвала Акира, не поднимая глаз. — Я не буду дразнить вас. И приставать не буду.

— Вы не заболели, Акира? — спросил Артём безо всякой задней мысли. Акира тихонько рассмеялась, и отложила своё рукоделие.

— Вы у меня набрались, или Канси научила?

— Я и сам очень умный, — не сдержался Артём, и Акира рассмеялась вновь. На этот раз посмотрела ему в лицо. Вроде бы добрый взгляд, но полон льда.

— Вижу. Вы и правда умный. Умнее многих здесь. Ой, только без гримас, хорошо? Я же не называю имён.

— Вы нашли себе занятие? — Артём уже знал, что трое братьев Канси, она сама и Карико уже нашли себе работу в Риме. Причём все — по специальности. Артёму было любопытно, как Карико собирается консультировать, если всё ещё соблюдает свой обет молчания, но расспрашивать пока не стал.

— Ну да. Вот, вяжу салфетки. Вчера две сделала, сегодня постараюсь больше. Чем, по-вашему, ещё занимаются дипломированные генетики?

— Ну, не знаю. Ни одного пока не видел.

Акира вновь рассмеялась, и на этот раз льдинки окончательно исчезли из её взгляда. Вот теперь я начинаю их различать, подумал Артём. Когда они были в походном, практически все на одно лицо. И одного практически роста. А сейчас уже вижу отличия — во взгляде, в выражении лица.

— Любуйтесь. Хорошо, что умею вышивать. А то мыла бы тарелки, или стирала бельё.

— Скажите честно, Акира...

— А я не умею честно, — перебила она, и вернулась к вышивке.

— Может, позвольте мне закончить?

— Позволю, — лицо её — серьёзное некуда. — Да, я хотела сама пойти к вам в тот вечер. Собрать генетический материал, узнать всё о вашем здоровье, — она снова посмотрела в его лицо. — Что, не это ожидали услышать? Хотите, секрет открою? Не думайте, что шестнадцать моих сотрудниц, которые пошли в ваш лагерь... — она прыснула, не сдержалась. — Не думайте, что между ними и вашими солдатами что-то на самом деле было. Мы учёные. Они собрали генетический материал, провели вакцинацию и анализ на месте. А то, что вашим солдатам примерещилось — отдельный вопрос. Их дети родятся от других женщин.

— Зачем такие сложности, Акира? Если вам нужен мой генетический материал, — удалось сказать, не моргнув и глазом, — зачем приручаться? Хотели соединить приятное с полезным?

— Туше, — она отвела взгляд. — Вижу, это слово вы знаете. А ведь никто больше на Айуре, наверное, не знает. Я отправила к вам Канси в тот вечер, чтобы она снова почувствовала, что не бездарность. Что усмехаетесь? Сами же просили, чтобы честно. А потом... — она посмотрела ему в глаза. — Но это уже неважно. Да ну вас! Испортили мне настроение с утра, — она отвернулась на момент, и вернулась к вышивке.

— Может, и поднять сумею?

— Дерзайте. Расскажите мне о Земле, — она похлопала ладонью по сиденью. — Идите ко мне. Тут обоим места хватит. Что, боитесь?

— А вы?

Она рассмеялась, забралась в кресло с ногами, и снова похлопала по сиденью. Артём уселся — действительно, места на двоих вполне достаточно.

— Немножко. Вы ведь всё-таки колдун, Канси права. Только не прикасайтесь ко мне, а то я за себя не ручаюсь. Ну? Расскажите?

И он рассказал.

-

— Ого, сумел встать раньше меня! — Канси, довольная и свежая, появилась на пороге гостиной. Пять двадцать. Однако, подумал Артём, и ведь почти всё это время я рассказывал!

— Ты проснулась вместе с ним, — заметила Акира, не отводя взгляда от своей работы. — Сидела и книжки читала.

— Тебе лишь бы подколоть, — Канси и глазом не моргнула. — Ещё не хочется убить её, Ортем? Меня хватало обычно минут на десять. А вы тут уже почти три часа.

— Два часа тридцать шесть минут, — уточнила Акира.

— Вот видишь! — Канси, в спортивном костюме, подошла к их креслу и присела, взяв Артёма за руку. — Ну у тебя и выдержка!

— Да, сама не понимаю, как до сих пор не затащила его в постель, — Акира выпрямилась, и посмотрела в глаза Артёму, а потом Канси. — Ради науки, конечно. А вы о чём подумали? Но я слишком вас люблю, сэр Ортем. Если бы я не сдержалась, она бы нас обоих уже убила. Сначала меня, конечно. Я даже знаю, как.

— И вот так каждый день, — Канси потянула его за руку. Артём встал и обнял её. — Представляешь? Не знаю, кто её такую приручит.

— Я знаю, но тебе не скажу. И вы не говорите, сэр Ортем. Мы ведь с вами знаем, правда? Всё-всё, молчу! — Акира, поджавшая губы, не лицо — воплощение обиды — отвернулась от остальных, не прекращая вязания. Даже не шелохнулась, когда Канси

рассмеялась за её спиной.

-

После пробежки — короткой на этот раз, всего-то десять километров — Канси за руку привела Артёма к себе в комнату и взглядом приказала оставаться, а сама убежала в душ. При том, что эта её спортивная одежда — явно не простая ткань, сколько в ней ни бегай, остаёшься свежим и бодрым. Ни пота, ничего. У Артёма самого такая же, подарок Канси, и у Марины. Хотя ей сейчас, конечно, только по утрам бегать...

— С ней всё хорошо, — заверила Канси. — Теперь ты! — Указала взглядом на дверь ванны. — Сделай мне приятное, будь послушным. — Глаза улыбаются, хотя на лице — строгость. Марина сейчас спит, подумал Артём, но примерно через полчаса проснётся. К этому моменту и Миранда, и весь «штаб» уже на месте и занимаются делами. Непривычно видеть такой «типовой» состав дома: женщины всех возрастов, и мужчины — почти всем за пятьдесят, почти все — ветераны сражений. В армии — большинство остальных, только одна десятая не заняты на военной службе — учёные, медицинские работники... Все при деле.

— Посиди со мной, — попросила Канси, когда он вышел из ванной. — Нет, правда, как ты её терпел так долго?

— А ты?

Канси рассмеялась и уселась ему на колени, прижала лоб к плечу.

— Сейчас сам увидишь.

-

...Канси явилась домой, как обычно — мрачнее тучи. Снова появилась в академии, снова ей мягко дали понять: ни во что, имеющее отношение к космосу, её не возьмут. Поймите, актима Канси, это не ваше. Все дети мечтают о чём-то великом и фантастическом. Но для вас всё будет через силу, и скоро станет не в радость.

— Опять её к звёздам не пустили, — заметила Акира. Карико предпочла тихо исчезнуть. Остался Киро — средний брат, Акира — средняя сестра, да мама. У той снова морщинки собрались на лбу, но предпочла молчать. — А у меня новый гибрид получился! На двадцать процентов выше урожайность. Хочешь, назову в честь тебя?

— Назови в честь себя, — посоветовала Канси, усевшись у очага — по традиции, ближе к вечеру всегда разводили огонь и добавляли ароматические веточки, чтобы кайами, дух дома, был доволен и щедр. — Удивляюсь, как ты все свои великие открытия не назвала в честь себя.

— Надо же и честь знать, — ответила Акира, не моргнув и глазом. Спорить с ней бесполезно: состязаться в остроте языка — тем более. Всех заболтает и переспорит, в этом её основной талант, сомнений нет. — Нет, ну правда! Я ведь от всего сердца предлагаю.

— У тебя появилось сердце? — не сдержалась Канси, молча освободилась — Акира попробовала поймать её за руку — и ушла к себе. Там уселась в любимое кресло — когда-то старший брат сделал ей в подарок, своими руками, в нём потом особенно хорошо отдыхалось. И заплакала.

Дверь открылась почти сразу, и вошла Акира. Подбежала к сестре и, присев рядом в то же кресло, взяла её за руку. Канси молча спихнула Акиру на пол, но та уселась вновь, не моргнув и глазом.

— А я на конкурс не успела, — сообщила Акира, вновь взяв сестру за руку. — Просто забыла вовремя появиться, представляешь? Теперь ещё полгода самой работать, помощников

не выделяют. Сама виновата.

Говорила уже совсем другим тоном — не ехидным и не насмешливым. Канси молча обняла её и закрыла глаза.

— Тари с братом заходили сегодня, — добавила Акира. — Тебя спрашивали. Говорят, с тобой им интереснее, чем с дядей. Может, зайдёшь к ним?

Акира говорила о соседских детях, чьи родители не так давно погибли в океане. Плутония — место хоть и замечательное, но местами крайне опасное. Конечно, детей не бросили, их дядя по матери сразу же переехал в опустевший дом, заботиться о племянниках. Но вот почему-то дети привязались именно к Канси, хотя она и сидела с ними всего-то полчаса, неделю назад. Попросили.

— Зайду, — согласилась вдруг Канси. Спокойно стало. Акира, когда не вела себя как последняя свинья, умела возвращать хорошее настроение. Жаль только, такое с ней редко случалось.

Акира улыбалась ей, погладила по голове. А при людях, зараза, только и знает, как издеваться!

— Я бездарность, да? — спросила Канси, само как-то получилось. И слёзы тут же вернулись.

— Нет, — покачала головой Акира. — Просто ты не нашла себя. Пока ещё не нашла. Можно, я посижу с тобой?

— Посиди, — согласилась Канси.

-

Артём выпрямился, ощущая, как поток воспоминаний — не своих, её — наполняет и переполняет.

— Наверное, я ждала тебя, — Канси выпрямилась, глядя ему в глаза. — Марина ждёт тебя прямо сейчас. Я не знаю, что с ней, Артём. Не могу точно сказать. Что-то очень плохое. Она всё это время загоняла память вглубь, но места уже нет, понимаешь? Некуда загонять. Помоги ей вспомнить.

— А ты? — Артём погладил её по голове, и Канси рассмеялась.

— Я подожду. Я уже нашла тебя, теперь смогу ждать, сколько нужно. Оставайся с ней. Она очень боится одиночества, но никогда тебе не скажет.

-

Они вышли в коридор оба, и тут...

Кристина. В компании с Мирандой. Кристина что-то говорила, понизив голос, Замети выражение лица Миранды, оглянулась... и, видно было, хотела броситься наутёк. Но куда бежать?

— Сэр Ортем, прошу вас, оставьте нас, — Канси решительным шагом подошла к Кристине и взяла ту за руку. Кристина попыталась освободиться — неуправляемое движение, и вот она уже висит на плече у Канси, словно тряпичная кукла. Ого! Артём заметил, что ещё двое стали свидетелем сцены. Канси быстрым шагом вернулась к себе в комнату с «поклажей», и закрыла за собой двери. Артём ожидал услышать крик или визг из-за двери, но не услышал.

— Прошу, занимайтесь своими делами, — пришла в себя Миранда. Видно было, что ей охота расхохотаться, что улыбку на лицо не пускает изо всех сил. — Ничего страшного не случилось. Сэр Ортем, — она взяла его за руку. — Мне кажется, я знаю, что сейчас будет. Не пройдёте со мной?

Артём послушно пошёл следом. Миранда привела его в прачечную — наихудшее по престижности место работы. Встала у дверей, и жестом попросила Артёма не говорить. Через минуту примерно Миранда осторожно взяла его за руку.

— Она сейчас придёт. Я понимаю, что её трудно исправить. Но если можно, дайте ей ещё один шанс.

Артём кивнул, и Миранда удалилась. А ещё через минуту появилась Кристина. Видно было, как трудно ей поднять взгляд, и смотреть если не в глаза, то хотя бы в лицо.

— Сэр Ортем? — едва слышный шёпот. — Простите, пожалуйста. Я не понимаю, как это получилось. Я обещаю, что больше не буду... — запнулась на слове и опустила взгляд.

— Сплетничать? Доносить? — не удержался Артём. И понял отчего Миранде хотелось рассмеяться. Самому захотелось, хотя понимал — нельзя.

Кристина кивнула, и подняла взгляд. На этот раз смотрела уже не как побитая собака. Просто как человек, осознавший свою вину.

— Пока что будете работать здесь, — уже понятно, почему Миранда привела именно в прачечную. Здесь роются в чужом грязном белье в буквальном смысле слова. Условно конечно, здесь и запахов-то неприятных почти нет, и руки особо не пачкаешь — бытовая техника на высоте. — Как только закончится испытательный срок, Марина назначит вам другие обязанности. Инцидент исчерпан.

— Благодарю! — Кристину словно обещали казнить, но внезапно помиловали. Видно, что и хочет броситься, обнять — и боится. — Благодарю вас, сэр Ортем!

— Благодарите Канси. Она отвечает за вас своей репутацией.

Кристина кивнула, и тут же приступила к работе. Сумела взять себя в руки, удивился Артём. Похоже, Канси умеет воспитывать не только детей.

-

Марина от души рассмеялась, услышав рассказ Артёма про «воспитание» Кристины. Поскольку Артём дожидался, пока Миранда закончит докладывать и получать поручения, можно было предположить, что Марине уже рассказали. Но всё равно она посмеялась от души.

— У Канси талант воспитывать. Я уже заметила, что все сразу же занимаются чем-то полезным, как только она появляется рядом.

— Тебя что-то беспокоит? — предположил Артём, так и не придумавший, как предложить ей чаще быть рядом. И ему понятно: в любой момент могут вызвать на задание, а сколько там пробудешь — никто не знает. Может, пару часов. А может, пару недель. Всякое бывало. — Может, мне остаться с тобой?

— А можно? — тут же спросила Марина, и смутилась. — Прости. Да, останься, мне так гораздо спокойнее.

Всего пару раз, припомнил Артём, она обращалась к нему на «вы» этим утром. Если в комнате кто-то ещё — обязательно «сэр Ортем». Так же и Канси: «Артём» — только, когда наедине. «Ортем» — если есть кто-то из своих. И «сэр Ортем» — во всех остальных случаях.

Так и сидели, погружённые в дневные заботы — он в основном записывал, она в основном читала. Но Артём чувствовал её взгляды и понимал — ей и вправду легче.

-

Артём уже дважды выступил перед объединённым штабом; на первом таком выступлении сэр Джеймс официально огласил итоги экспертизы: сэр Ортем может условно считаться телесной оболочкой Артемиуса Фари; исследования личности не подтвердили,

что в теле присутствуют две или более личности; охол Артемиус Фари может считаться казнённым, так как фактически в этом теле не присутствует.

— Хорошо выглядите, — одобрил сэр Джеймс, появляясь из-за двери. Вот странно, подумал Артём, зачем я сюда приехал? Надо же, как крепко задумался. Вестового не было. Просто взял, собрался и поехал в штаб, Марине сказал — есть серьёзный разговор. Видно было, что она ничуть не беспокоится: легко его отпустила, крепко обняв на прощание. — Вы ко мне, сэр Ортем?

— Вероятно, сэр Джеймс. Помните, мы говорили насчёт железа и более тяжёлых металлов? Пока что в штабе этим вопросом не занимались. Мне представляется, что Анчири ждёт, когда я расскажу об этом руководству. Но я рассказывал.

— Верно, рассказывали, — сэр Джеймс жестом пригласил его в свой кабинет. Хотя и есть у него свой кабинет, а на заданиях, вне Рима, сэр Джеймс всё равно проводит времени гораздо больше. — Садитесь, садитесь. Я уже доложил руководству. Но случилось то, чего и следовало ожидать: высшие чины, посвящённые в историю Плутонии, решили перестраховаться. Ответьте мне честно: если люди Плутонии захотят завоевать Айур, как быстро это у них получится?

— Они не... — Артём запнулся. Ну да, военные предвидят — должны, как минимум — несколько разных сценариев, причём самых неприятных. — Не думаю, что мы сумели бы долго сопротивляться, сэр Джеймс. Я даже не понял, почему они сразу не внушили нам с сэром Арчибальдом всё, что им угодно...

И снова запнулся. А кто, собственно, сказал, что не внушили? Вот ведь как удобно — дикая, но прекрасная аборигенка, которая приходит, чтобы заставить пришлого колдуна просить пощады. После отчаянной схватки не на жизнь, а на смерть колдун её подчиняет, и аборигенка превращается в преданную, выражаясь терминами Рима, хозяйку. И далее — всё сплошь в оптимистических тонах. Почти ничего негативного. Ну так как, сэр Ортем, насколько свободна ваша воля?

— Так вот почему нас с сэром Арчибальдом так долго обследовали, — заключил Артём. — При первом же подозрении, что нами управляют...

Сэр Джеймс покивал.

— Всё верно. Сейчас наши гости из Плутонии все под наблюдением, а всей нашей роте нужно будет периодически проходить проверку. Мы уже не верим в благие намерения, сэр Ортем. Увы, на то были причины. Чаще всего нас предавали и создавали огромные неприятности именно те из нас, кому мы доверяли.

Артём опустил взгляд. Сэр Джеймс улыбнулся.

— Я стараюсь быть настолько лояльным к обеим сторонам, насколько могу. Я прочитал ваш отчёт об их технологиях. Согласен, во многом мы и близко к ним не подошли — а может, порядком всё забыли. И есть не приказ, но просьба. Если будут сомнения, любые сомнения в их намерениях, докладывайте. Я вначале всё изучу, прежде чем рапортовать командованию. Но если вы вовремя не доложите, это может сделать кто-то другой.

— Понимаю, — Артёму окончательно стало не по себе. Кому теперь верить?

— Утешать не стану, да и не смогу. Вам нелегко, на вас сошлись два мира. Держитесь. Просто помните, что вам есть, кому доверять. Отвечая на ваш вопрос — мне поручено вести переговоры с Анчири на тему разработки недр Айура его людьми, и по поводу обмена технологиями. Думаю, мы найдём решение. Я ответил на ваш вопрос?

— Так точно, сэр.

— Вольно, сэр Ортем. Через два дня у вас запланирована новая экспедиция в «локацию М». Подготовьтесь, и держите меня в курсе всех новостей. Не задерживаю.

Умеет прогнать так, что почти не обидно, подумал Артём, покидая территорию военного городка. Хотя что это я? Это ведь армия. Всякая дружба и всё такое, по большому счёту, заканчивается за этими воротами. Ну или начинается, смотря куда идёшь.

Но уйти не успел. Только пару шагов сделал за воротами, как его окликнул «Q».

-

— Как знал, что вы придёте, — пояснил оружейник. — Есть кое-что интересное. Скажите, того человека, голограмму, звали Джозеф Делисс?

— Точно так.

— Сможете составить его словесный портрет?

— Так точно, сэр, — Артём удивился, но после предыдущей просьбы — раздобыть образец патогена — уже трудно удивиться. С образцом оказалось как нельзя просто: напрямую спросил Канси, а та и спрашивать не стала, зачем да почему — открыла шкафчик и вручила Артёму их аналог красного шприца. Можно употреблять инфузионно — проще говоря, вводить в кровеносную систему или любую мягкую ткань. Можно в воздухе распылить, чтобы обработать множество людей сразу, а можно использовать как гранату. Просто взяла и вручила. Спросила лишь, хватит ли одного. Артём только один вопрос и задал: как открыть, чтобы добраться до содержимого, и случайно не распылить, не взорвать.

— Есть странности, — оружейник жестом пригласил присесть. — Мы настроили планетарный календарь по гипотетическому земному времени, которое сообщил нам Анчири. Начали уже сверять наши архивные записи. Вкратце. К тому моменту, как упомянутый Делисс организовал эту колонию, Плутонию, ему уже должно было быть более трёхсот земных лет.

— Ничего себе, — сказал Артём, когда, секунд через десять, вновь обрёл способность говорить. — Но откуда такие сведения? В наших архивах есть записи о нём?

Оружейник кивнул.

— Разрозненные. Как и сами архивы. Делисс отметился во многих отраслях науки, в том числе в генетике и физике, но почти все данные по нему засекречены. Моего допуска оказалось недостаточно. Мы даже не знаем, как он выглядел, как звучал его голос, сведений о научных работах также нет. Только имя и фрагменты биографии.

Артём почесал затылок. Час от часу не легче.

— Постойте, но ведь на следящей аппаратуре должен был записаться мой разговор с ним! И его внешний вид!

Оружейник развёл руками.

— Должен был. Но не записался. На записи только ваш голос, и нет изображения Делисса. Как это понимать, я пока не знаю. Видимо, трансляция шла непосредственно в ваш мозг. Но на записи видно, как создаётся стол, шахматные фигуры — видно, как их передвигают. Партия, кстати, очень интересная — мы сохранили её запись, на всякий случай. В общем, следует быть осторожным, не обсуждать Делисса с кем попало.

Артём соображал быстро.

— Чтобы люди не испугались наших новых знакомых с Плутонии?

— Верно. Анкари, по их словам, считают его создателем своих предков, что наводит на мысли. Анкари настроены дружелюбно — пока что они передают нам всё, что обещали, ничего взамен не требуют — но малейший повод, и может возникнуть очень напряжённая

обстановка.

— А тех из них, кто приехал в Рим, легко могут начать считать шпионами, — медленно сказал Артём. Мысль совершенно ему не понравилась. — Кому тогда можно доверять?

— Я никому не доверяю в полной мере, — пожал плечами оружейник. — Даже себе. Но вам доверяю достаточно, чтобы обсуждать всё это. Настроение в федеральном правительстве настороженное, единого мнения нет. Данные по Плутонии настолько необычные, что пока рано делать выводы. Скажу только, что ни один другой город не рискнул пока пригласить анкари к себе — все смотрят, как поведут себя наши гости.

— Благодарю за доверие, Q. Правильно ли я понимаю...

— Сэр Джеймс в курсе, — заверил его оружейник. — Он ведь сообщил вам, когда намечена новая экспедиция в «локацию М»? Упомяните об этом, как бы невзначай, в разговоре с вашей новой знакомой и её сёстрами. Посмотрим на реакцию. Естественно, подробно не рассказывать — ссылайтесь на секретность всей операции.

— У меня есть ощущение, что она может считывать мои мысли, — Артём не сразу сказал это, потребовалось секунд двадцать, чтобы решиться. — Не знаю, насколько подробно. Иногда она отвечает на мои вопросы за секунду до того, как я их задал.

— Это меня вовсе не удивляет, — оружейник кивнул. — Заодно и проверим, сэр Ортем. Главное — говорить только правду. Но не всю. Приятного отдыха! Здравствуйте!

-

Доктор Ливси выглядел озадаченным — после того, как провёл тщательный медосмотр Канси.

— Впервые вынужден признать, что я ничего не понимаю, — он предложил Канси присесть, вывел на экран регистратора итоги обследования. — Что случилось с вашими будущими детьми?

— Не беспокойтесь, доктор, — и сама Канси, и Карико, сидящая рядом — они вновь пришли вместе — не выглядели обеспокоенными или расстроенными. — Они просто спят, ждут правильного момента.

— Поясните, — доктор повернул экран так, чтобы Канси видела его содержимое. — Я не смог понять, что это за орган. На вид — соединительная ткань, но внутри я обнаружил, — доктор вчитался в показания, — сто восемь участков с ДНК клеток, отличной от вашей, и четыре — где ваша она только наполовину.

— Это то, о чём я говорю, — кивнула Канси. — Они ждут.

— Давайте подробности. Если, конечно, это не секретно.

— Там спят мои дети. Как только я разрешу им, они начнут развиваться — и этот процесс уже вспять не повернуть. Мы вынашиваем детей сто восемь дней, доктор. Если бы всё шло своим чередом, мои дети родились бы раньше, чем у Марины. А так нельзя. Она хозяйка, не я. Я знакома с обычаями Рима. Ортему пришлось бы объявить хозяйкой меня.

— Понимаю, — кивнул доктор. — Невероятно, но факт. То есть я обнаружил четырёх ваших с Ортемом детей. А остальные?

— Все женщины Плутонии носят сто восемь возможных зародышей. Всегда. Даже если останется всего одна из нас, она сможет воссоздать человеческий род.

Карико кивнула. Доктор потёр затылок.

— Вам не позавидуешь, если до такого дойдёт, — признал он.

— Мы умеем строить инкубаторы, доктор. Даже если меня одну, без снаряжения и припасов, оставить на планете, где есть, чем дышать, есть жидкая вода и органическая

жизнь, я сумею построить такой аппарат. Если вдруг не сумею — значит, все сто восемь родятся естественным путём. Мы с детства готовы к такой ситуации.

Доктор потёр виски, помотал головой.

— Вы полны сюрпризов. Чувствую, об этом пока не стоит докладывать федеральному правительству. Ещё один вопрос тогда. Что, если...

— Мужчина тоже сможет воссоздать наш вид. Нет, ему не придётся менять пол, — улыбнулась Канси. — Но придётся построить инкубатор, уже без вариантов. Остальное произойдёт в течение ста восьми дней, автоматически. Потом, конечно, нужно ухаживать за детьми и воспитывать их — будет много забот. Но в такой ситуации жаловаться не приходится, верно?

Доктор кивнул.

— Доктор, — Канси взяла его за руку. — Я вас испугала? Создатель специально выбрал такой дальний уголок для нашего дома. Он предполагал, что само существование Земли под угрозой. Мы могли бы стать её последней надеждой. Но теперь Плутония и Айур вместе, и надежда стала сильнее. Спрашивайте, если хотите. У вас теперь очень много вопросов.

— Спрошу, чуть позже. Мне бы это вначале правильно понять. К тому же, ваш перерыв заканчивается — вас ждут в доме Кратум. К слову, там всё хорошо? Больше не было инцидентов?

Канси помотала головой.

— Мы нашли общий язык. Хозяйка дома строга, но это её право — она устанавливает порядки. Благодарю, доктор! — она обняла его. — Вам не нужно бояться нас. Мы просто немного другие. Карико будете обследовать?

— Давайте завтра, если вам спокойнее приходить вдвоём. В это же время.

Проводив девушек, доктор Ливси вернулся к регистратору.

— Чёрт его знает что, — почесал он в затылке. — Как такое могло случиться? Ладно, — он набрал номер. — Сэр Ортем? Не отвлекаю от важных дел? У вас будет время зайти ко мне в клинику?

-

Доктор Ливси, не без удовлетворения, наблюдал за ошеломлённым выражением лица Артёма.

— Представить трудно, — признал Артём в конце концов. — То есть выбросить её на любую планету, где есть условия для органической жизни — и она сама, в одиночку, её колонизирует? Даже в голову не приходило. Я знаю, что для посвящения во взрослые их дети должны выжить в диком лесу.

— С этого места подробнее, — доктор Ливси посмотрел на экран регистратора. — В отчёте об этом было, но я считал, что это относительно формальный ритуал.

Артём рассказал про две попытки Канси. Теперь настала его очередь лицеизреть ошеломлённое выражение лица доктора.

— Я бы назвал это дикостью, — доктор побарабанил пальцами по крышке стола. — Но, с другой стороны, какое право у меня судить их обычаи? Значит, три четверти планеты занимает дикий лес, джунгли, и там преимущественно водятся доисторические животные, динозавры?

— Точно так, сэр. По словам Канси, их создатель без ума от этих животных, специально восстановил тех из них, для которых на Земле нашёлся достаточно полный генетический код.

— Да он просто волшебник. Ладно, о динозаврах потом. Джозеф Делисс, насколько я смог узнать, по большому секрету, в какой-то момент стал на Земле персоной *non grata*. Настроил против себя и власти, и учёное сообщество. И это всё, что известно — его работы изъяты из архивов Земли, данные о его дальнейшей биографии или изъяты, или засекречены. Если Канси права, а данные обследования трудно объяснить по-другому, мы имеем дело с евгеникой. Искусственным улучшением человеческой природы. Я проводил и другие испытания. Канси сумела поднять, без последствий для себя, и держать на протянутых руках вес в полторы тонны. На больший я не осмелился. Держала десять секунд и, по её словам, могла и дальше держать. На беговом тренажёре она развила скорость в четырёста двадцать стадий в час и удерживала её две минуты. Даже не запыхалась потом. При этом — в крови, в составе тканей только биологические, естественные, так сказать, образования. Никаких нанороботов и всего такого.

— Кому вы об этом доложите? — поинтересовался Артём. — Я ничего нового пока добавить не могу. То, что она намного сильнее, физически, меня, я с первой минуты понял. Что быстрее — тоже.

— Евгеника такого рода безусловно запрещена, — доктор встретился с Артёмом взглядом. — Я проведу завтра обследование младшей сестры Канси. После этого я хотел бы, с вами вместе, поговорить с лордом Стоуном. В новостях пока не было никаких эксцессов — наши гости не пытаются прилюдно демонстрировать свои сверхчеловеческие способности. Очень надеюсь, что и не будут какое-то время. Нам только паники среди населения не хватало. И ещё: вы заметили, что самое большее с третьей фразы они начинают говорить на родном для вас языке? Не заметили? Я сам не заметил, пока записи не изучил. Я пока не узнавал, как это получается. Не удивлюсь, если у них есть аналог наших раций — встроенный, так сказать.

— Всё, доктор, хватит, — Артём помахал руками перед собой — брэк! — Не то я сам испугаюсь. Я расспрошу её, осторожно, если получится. Канси сказала, что хочет предложить двух детей госпожи Хатори вам — в подарок клинике, и вам лично. Котят, то есть. Кота и кошку.

— С огромным удовольствием. Необычайно милые существа. Придётся, конечно, нанять кого-нибудь следить и ухаживать, я ведь не смогу уделять им достаточно времени.

— Это вам так кажется, доктор, — Артём не удержался от улыбки. — Буду ждать вашего звонка. Здравствуйте!

-

Вечером в студии у Миранды собрались почти все: Марина с Артёмом, Миранда, Лилия, Мари, Арлетт, Канси и обе её сестры.

Увлекательное получилось чаепитие. Все с большим удовольствием познакомились с работами Миранды, и просто поддерживали светскую беседу.

Артём узнал, среди прочего, что Арлетт за один из своих тортов получила приз на кулинарном соревновании. В магазине её теперь нет отбоя от покупателей — пришлось нанимать и начать обучать помощников. Видно, насколько довольна Арлетт. Артём, правда, отметил, что Арлетт избегает быть рядом с ним, прикасаться к нему. Но старается вести себя так, словно это само собой выходит.

Миранда не отстаёт: успела уже провести свою вторую выставку — и также с большим успехом. Мари, пожалуй, одна не стремилась ничем похвалиться — но по её довольному виду Артём понял, что есть, чем. Одна беда: вначале её достижения придётся, видимо,

рассекретить. Акира подарила салфетки своей работы и призналась, что уже подумывает оставить на несколько недель научную работу — в Риме большой интерес ко всем изделиям ручной работы. Канси рассказывала — по её словам, не забыла спросить разрешения на это у госпожи Кратум — о своих буднях гувернантки. Доставила всем немало удовольствия — она и рассказчица хоть куда.

— Ортем, — Акира, когда наступила очередная пауза — Марина и Арлетт ушли готовить новый чайник чая — подошла к нему. — А вы что молчите? Всё-всё, понимаю, секретно. Может, вы нам споёте? Я слышала записи — очень красиво. Та первая ваша песня, с совершенно непонятными словами — особенно понравилась. А ещё что-нибудь такое можете исполнить?

Ну, сами напросились. Артём дождался возвращения Марины и Арлетт, и исполнил «Три сестры» Гребенщикова. Не без удовольствия смотрел на выражение лиц аудитории.

«Три сестры, три сестры Чёрно-бело-рыжей масти. В том далёком краю, Где не ходят поезда...»

Видел, что Карико едва заметно шевелит губами — подпевает, если можно так выразиться, молча. Заметив взгляд Артёма, она улыбнулась и спрятала лицо в ладонях.

«Три сестры, три сестры Разорвут тебя на части — Сердце вверх, Ноги вниз, Остальное — что куда...»

Аплодисменты вполне можно было назвать овацией.

— Потрясающе, — Акира или хорошо притворяется, или и в самом деле очень довольна. — Ещё! Пожалуйста, ещё!

Её поддержали. Ладно. На добавку был «Фигус религиозный», и ещё несколько песен — пока, наконец, Арлетт не заявила, что нужна пауза — торт может высохнуть, а чай — остыть.

-

Вечеринка, определённо, удалась — разошлись все довольные, далеко за полночь. Артём проводил Канси в её комнату — она обняла его, едва закрыла дверь — и замерла, мурлыча и прижавшись к груди Артёма.

— Я не хотела пугать вас, — она посмотрела в его глаза. В сумраке её глаза ярко светились. — Мы пришли, чтобы помочь. Поэтому не стали рассказывать всё сразу. Анчири сказал, что я могу ответить на все вопросы. Может, кроме самого личного — то, что доктора не касается. Теперь тебе лучше?

— Да, — Артём не сразу нашёлся с ответом. — Теперь лучше.

— Она ждёт тебя, — Канси смотрела в его глаза. — Сейчас ты гораздо нужнее там, рядом с ней. Добрых снов!

Дни 79–85. Погружение [оглавление]

Будильник не помог: Артём проснулся в семь почти часов утра — чтобы увидеть, что Марина, бодрая и довольная, уже сидит за столом — работает.

— Не хотела тебя будить, — она присела на краешек кровати. — Очень уж хорошо ты спал. У вас сегодня экспедиция — лучше уж отоспаться.

Если нельзя, но очень хочется, то можно, подумал Артём, выбираясь из-под одеяла. Руки и ноги ноют так, словно всю ночь не спал после весёлой вечеринки, а тяжёлые мешки ворочал. Но утренняя гимнастика всё равно последовала — проспал или нет, а это делать нужно. Когда нужно делать что-то каждый день круглый год, припомнил Артём старую шутку, труднее всего заставлять себя последние триста шестьдесят четыре дня года.

Спустился по лестнице — никого не встретил, все заняты делами. Отчаянно захотелось заняться чем-нибудь полезным — хотя вроде и не бездельничал. Втянулся, подумал Артём. На Айуре вполне можно не работать — и минимум пропитания, и крыша над головой, и прочий минимум потребностей будут. Не будет одного, но самого существенного: уважения окружающих. И ведь непохоже, что заметное число людей предпочитает бездельничать — это позор. Репутация на Айуре значит очень и очень много...

Оружейник позвонил минуты через три после того, как Артём вышел из дома. Прибытие на экипировку и инструктаж к часу пополудни. Как раз есть время спросить у доктора Ливси о планетарной вычислительной сети.

— Странно, что вы ко мне обратились, — доктор Ливси озадачен — иначе на кой ему чесать затылок и поправлять несуществующий парик. — В такие подробности я не посвящён, да и не было повода интересоваться. Но то, что медицинская база данных доступна отовсюду — факт. Да вы сами возьмите походный диагност и попробуйте включить его за пределами города. Как именно это работает, я не вникал. А почему спрашиваете?

— В прежней жизни я работал в этой области, — пояснил Артём. — Мне показалось немного странным, что на Австре мы долгое время видели не то, что на самом деле на поверхности. Если была планетарная сеть — вероятно, её можно восстановить и вновь начать ей пользоваться. Из любой точки.

— Идею понял, — покивал доктор. — Но это не ко мне уже. Сэр Марцелл и его племянник — задайте им те же вопросы. И если с самочувствием у вас всё хорошо — разрешите откланяться.

Позитивная наука и современные технологии всё это время не стояли на месте. В лаборатории оружейника Артём встретил Виктора Маккензи — видно, что тому весьма по душе новые приключения, и необходимость остаться на Айуре на этот раз его не очень радует.

— И как вы только всюду успели, друг мой? — сухо приветствовал Виктор Артёма, хотя выражение глаз его выдавало. — Я считаю это дискриминацией. Нам всем положено равное количество приключений.

— Это я вам легко устрою, — заверил его «Q». — Сейчас на Австр ходит множество колонн. Приключений всем хватит. Но я хочу вам показать ещё кое-что. Да-да, Виктор, и вам тоже — чтобы потом не жаловались. Пройдёмте в астрофизическую.

Странное место — подземная обсерватория. Понятно, что аппаратура сама находится на орбите — спутники выводить туда не так уж и сложно, пусть даже дальше окрестностей планеты люди Айура особо не продвинулись. Но всё равно Артём не успел ещё привыкнуть к тому, что каждый человек Айура в самом буквальном смысле дитя подземелья: предки каждого провели много веков под землёй, научились маскировать своё присутствие под естественные природные явления, и это уже в крови.

— Вот наше небо, — оружейник жестом пригласил всем присесть. Вовремя: едва только все окрестные стены как бы исчезли, голова у Артёма с непривычки закружилась. Небесная сфера проецировалась сейчас на стены комнаты — какая красота!

— А это небо Плутонии, — оружейник прикоснулся пальцем к сенсору пульта, и картина изменилась. Скажем прямо, не такая яркая и насыщенная — при свете ночного неба

на Айуре вполне можно читать, оно ярче земной Луны. У Плутонии в этом смысле разнообразия меньше — на небе много всего, но не настолько всё красочное.

— Мы потратили, сообщая, некоторое время на сверку координат. У нас хорошие вычислительные мощности, у Плутонии много сохранившихся данных. Смотрите.

Теперь на передней стене, основном экране, появился вид на Млечный Путь сверху.

— Это наша Галактика, — пояснил оружейник. — Теперь мы кое-что выяснили. Синяя точка — положение Айура на карте, зелёная — положение Плутонии.

Виктор присвистнул. Расстояние между звёздными системами — сто девять тысяч световых лет. Практически по разные стороны Млечного Пути.

— А где Земля? — Виктор первым задал вопрос.

Оружейник развёл руками.

— Нет звёздных карт — нет данных, как выглядит звёздное небо Земли. Странно, но факт. Ни одного источника — ни у нас, ни на Плутонии. Если у нас будут данные, что и как там видно, мы сможем запустить алгоритм привязки к координатам. Но пока данных нет.

— Понятно, — кивнул Виктор. — Простите, господа — меня вызывают. Новое задание — экспедиция на Австр. Ортем, — он пожал руку Артёму, — удачи. Было бы интересно побывать там вместе с вами.

— Удачи, Виктор, — кивнул Артём. Оружейник явно не торопился уходить; несколько секунд спустя, как только за Виктором закрылась дверь, из другой двери вышел... Анчири.

— Не ожидал увидеть вас, — признался Артём, пожимая ему руку. — Важные новости?

— Полагаю, весьма. Скажите, Артём, — Артём вздрогнул — теперь и Анчири произносил его имя без искажений. — Вы помните, как выглядит звёздное небо Земли?

До Артёма стало доходить.

— Не всё, кое-что смогу припомнить, — кивнул он.

Анчири с оружейником переглянулись, и оружейник кивнул.

— Чем больше вы вспомните, тем лучше. Тем больше шансов отыскать, где может быть Земля. Я полагаю, не случайно, что мы не знаем её расположения. В первые же минуты атаки все данные о пункте отправления колонистов были уничтожены — чтобы нечисть не смогла отыскать Землю по нашим же логиям. Как видите, мы преуспели.

— Та же история, — вздохнул Анчири. — Мы очень тщательно всё удалили. Но если вы действительно помните звёздное небо Земли, сообщая мы сможем восстановить её координаты.

Артём почувствовал, что взмок.

— Сэр Злотникофф, — оружейник прогулялся к двери, из которой вышел Виктор. — Нас не зря здесь только трое. О подробностях этого поиска знаем только мы троём, на эту операцию есть санкция федерального правительства. Координаты Земли будут храниться, зашифрованные тремя нашими подписями, все подробности поиска, если он окажется удачным, будут стёрты из оперативных архивов. Только вы будете видеть восстановленное земное небо, и сможете судить, насколько точно оно воссоздано. Мы не хотим рисковать — война ещё не окончена. Нам от вас потребуется только один ответ: с какой из наших звёздных систем наименьшая дистанция до Земли. Всё остальное знаете только вы, точные данные, как я сказал, будут зашифрованы, и открыть их сможем только мы троём. Приступим?

Артём вытер лоб.

— Приступим, — не сразу удалось совладать с голосом.

-

Легко сказать — восстановить звёздное небо! Видел его неоднократно, хотя из города много ли увидишь, только самые яркие звёзды. Тем не менее, аппарат, которым пользовался Артём, оказался очень удобным в использовании. Ну разумеется, начал с Большой Медведицы и Кассиопеи, их проще всего припомнить. Дальше — больше, глаза боятся, а руки делают. Пригодились знания по астрофизике — что такое Проксима, чем примечательна звезда Каптейна, и так далее. Примерно через полтора часа аппарат отобразил звёздное небо, вид с Земли, и Артём, придирчиво присмотревшись к виду из обоих полушарий, дал команду — подтвердить координаты.

И присвистнул, уже сам. Солнечная система, Земля и остальные объекты её находятся примерно на одном и том же расстоянии, семьдесят восемь с хвостиком тысяч световых лет, от обеих обитаемых планет. Практически равнобедренный треугольник. Неплохое совпадение, если это совпадение.

Едва Артём вышел из капсулы — аппарат, моделирующий вид звёздного неба также изолирован от электромагнитного излучения — как обнаружил, что не помнит дистанцию до Земли. Помнит только, что примерно одинаково далеко.

— Это нормально, — пояснил оружейник. — Нормально, что вы не помните точные дистанции. Мера безопасности. Теперь у нас есть также предположение, где находится «локация М». Из окрестных сверхмассивных чёрных дыр, ближайшая подходящая по массе вот тут, — оружейник повернул карту звёздного неба Айура, и приблизил один из её фрагментов. — Узнаёте?

— Андромеда? — предположил Артём неуверенно. Всё, что помнил об этой галактике — что она и Млечный Путь, родная галактика людей, в отдалённом будущем столкнутся.

Анчири и оружейник кивнули.

— Есть и другие кандидаты, но дистанция до них существенно больше. Если когда-нибудь сумеем увидеть звёздное небо с поверхности «локации М», будем знать точнее. К слову о «точнее», — оружейник посмотрел на часы. — Через полтора часа мы планируем отправить вас туда с группой сопровождения. Подробности миссии — за десять минут до старта. Вопросы?

— Никак нет, сэр, — Артём покачал головой. Вопросов, естественно, очень много, но оружейник явно не хочет обсуждать их в присутствии Анчири.

— Я благодарен вам за помощь, — Анчири ещё раз пожал ему руку. — Нашим и вашим учёным теперь есть, над чем поработать вместе. Сейчас вынужден откланяться — дела. Удачи, Артём!

— Давно я не видел универсалов, — заметил оружейник, едва только дверь закрылась за Анчири. — Он специалист-теоретик в четырнадцати отраслях науки. Плюс — практикующий врач-хирург, экзобиолог, лингвист. Никогда такого не видел. Мы все совмещаем специальности, но чтобы настолько много... Вольно, сэр Ортем. Час на обед и отдых — территорию городка не покидать.

-

В небольшом подземном саду-цветнике — сохранился с тех времён, когда люди жили исключительно под землёй — Артём после обеда столкнулся с Мари. Нос к носу.

— И ты здесь! — обрадовалась она, обняла его, и долго не отпускала. — Ну у тебя и приключения были, люблю! И она сама, и её сёстры — это что-то! На Арене никто не может за ними угнаться. Все теперь мечтают научиться так же быстро двигаться, так что работа им

обеспечена. А я за тобой сегодня следить буду. Ну, когда это возможно, мониторинг вести.

— В остальном всё хорошо? — Артём и не знал, как поддержать разговор. По всему видно — говори о чём хочешь, всё равно поддержишь.

— Лучше не бывает, — заверила Мари, и отвела его в сторону, на одну из скамеек. — Ну, то есть бывает, наверное, но я и так довольна. Жаль только, — понизила она голос, — что ту башню сломали. Я понимаю, что безопасность и всё такое, но всё равно жалко. И всё равно она для меня осталась волшебным местом, что бы там в отчётах ни написали.

— Даже если знать, что её построила нечисть?

— Неважно, кто построил, — отмахнулась Мари. — Ну, пусть не очень доброе волшебство, не это важно. Всё, хватит, не отнимай у меня чуда! Не зли меня!

— Ладно, ладно, — Артём обнял её. — Ты права, чудо трогать нельзя. Всё, мне пора уже на инструктаж — и в дорогу.

— Возвращайся, — Мари не сразу отпустила его. — Это главное. Остальное всё можно исправить и переделать.

-

Артём удивился, не отнять, когда понял, что с собой его группа ведёт теперь транспорт — аналог дилижанса, но в военном исполнении — и миниатюрные версии танков. Выглядели это роботы забавно, весят немало, и представляют достаточно убедительную боевую силу, даром что ростом с крупную собаку, и выглядят комично. При этом — каждый может служить мощным резервным источником энергии.

— Нужно попытаться посетить остававшиеся в стороне локации, пояснил ‘Q’ перед отбытием. — В случае, если соответствующий портал ведёт себя не так, как описано в инструкции — пропустить, следовать дальше. Везде оставлять вот эти зонды, — оружейник добыл один такой из контейнера — на вид младший брат стандартного терминатора, которые уже не первый век используются в армии. — Не задерживаться, не вступать в конфликты. Не скрою, по нашим оценкам эта миссия может быть опаснее предыдущих. Временной сдвиг растёт, поэтому — пройти весь путь по возможности быстро. Вопросы?

— Никак нет, сэр, — в его команде вновь собрались все те, кто ходил с Артёмом в самое первое управляемое, если можно так сказать, путешествие по «локации М». И видно, что солдаты готовы ко всему. — Готов к отправлению.

На этот раз отправление в неизвестно где расположенную «локацию М» произошло совершенно буднично.словно в соседнюю комнату вышел, а не отправился за тысячи (а может, и миллионы) световых лет. Галактика Андромеды, подумал Артём, ступив на тускло светящийся круг внутри «храма». За долю секунды. Как такое возможно?

Внутри помещения оказалось пусто. И темнее обычного — только обе окружности под ногами светятся, отчётливо и ярко.

— Приступить к монтажу, — распорядился командир группы. — Сэр Ортем, у нас двадцать три минуты до следующего перемещения.

Монтаж — сборка того самого дилижанса — заняла десять минут. Получилась всё та же плывущая над поверхностью тележка-контейнер. Мы что-то будем отсюда перевозить? Видимо, да. Рядом с кругом обнаружился действующий ретранслятор — установили во время одной из предыдущих высадок. Батарея его практически не разрядилась. Ну да, время здесь течёт медленнее.

Почему на этот раз нет людей, или кто они на самом деле? И освещения за витражами также не видно, словно здешнее условное «солнце», наконец-то, зашло.

Когда портал включился, оказалось, что и тележку он тоже «прихватил» — переносится всё, чего касается человек, если масса предмета не более массы человека. Примерно так. А они многое успели тут изучить, подумал Артём, даже не успев как следует удивиться. У Виктора, или кто это был, жизнь скучной не назвать.

-

Канси вернулась домой — с места службы в доме Кратум — жизнерадостная. Правда, Акира, возникшая рядом, явно успела всё понять.

— Не спорь, — сухо заметила она, против обыкновения без обычных шуток и насмешек. — Другие не замечают, и хорошо. Идём, идём.

Закрыв дверь за собой, Акира усадила сестру в кресло, сама встала за спинкой, и приложила ладони к вискам Канси. Той сразу стало легче — давящее, изнуряющее ощущение пустоты начало проходить.

— Лучше? — спросила Акира, хотя и так знала ответ. — Ничего, сестра, справимся. Меня звать не забывай, когда совсем плохо будет.

— А ты не отступишься, верно? — спросила Канси, хотя тоже знала ответ. Акира обошла кресло и уселась прямо на пол. И улыбнулась, демонстрируя почти все зубы.

— Конечно. Он должен был быть моим. Но я же правильная, старшим надо уступать. Не тебе одной хочется счастья.

— Я тебя когда-нибудь убью, — Канси закрыла глаза. Становилось совсем хорошо — пустота внутри перестала поглощать всё вокруг, пусть это и временное облегчение. Артём сейчас в невообразимой дали, где-то за миллионы световых лет. Ей здесь может помочь Акира и все те, кто равнодушны к Артёму — в их присутствии будет не так трудно терпеть последствия разлуки. А вот Артёму там, вдалеке, помогать некому. Сам должен справиться.

— Не убьёшь, — возразила Акира. — От меня много пользы, и ты это знаешь. Всё хватит страдать, идём к людям.

— Ты нашла себе работу?

— Конечно, — Акира помогла сестре подняться из кресла. — Я откуда к тебе пришла? Из здешней академии наук.

— И как они, по-твоему? Только не кривляйся, пожалуйста.

— Слушаю и повинуюсь, госпожа! — Акира поклонилась. Нет, я её точно когда-нибудь пристукну, подумала Канси. — Очень даже на уровне. Я ожидала, они тут глубоко в прошлое скатятся. А увидела много интересного. В общем, будем чем поделиться — в обе стороны. Довольна?

У входа Канси остановилась, и взяла сестру за плечи, глядя в глаза.

— Довольна. Они семьсот лет прятались под землёй. И всё-таки забрали планету себе. Без наших умений, почти без технологий, без связи, без всего. Думаю, их уже за это можно уважать.

— Опять ты за своё, — вздохнула Акира. — Нормально я к ним отношусь. А если кому не нравится, как я говорю, так меня можно и не слушать. И где, спрашивается, твоё «спасибо»?

— Здесь говорят «благодарю», — Канси обняла сестру. — Благодарю, Акира. Ты умница.

— Доброе слово услышала — день прошёл не зря, — Акира явно довольна, хотя старается выглядеть обиженной. — Погулять не хочешь? Карико тоже освободилась, дел по дому вроде нет. Погуляем по Риму? Просто так.

Оружейник смотрел на спецификации спутника — зонда для разведки в ближнем космосе — и диву давался. Плутония передала, и продолжает передавать многое из того, что сама не в состоянии строить — по причине отсутствия нужных элементов. И ведь даже не намекали на передачу им синтезатора. Федеральные власти опасаются, что, как только Плутония получит доступ ко всем нужным ей элементам, их желание сотрудничать может внезапно пропасть, или же условия станут совсем другими.

Вроде бы и нет поводов для недоверия — но их сверхчеловеческие способности успели произвести впечатление. И это не самое приятное впечатление: Анчири утверждает, что большинство этих способностей доступны каждому человеку. Но методика, которой это достигается, наводит на мысли: а что при этом происходит с мозгом, с сознанием человека? Не превращается ли он в жителя Плутонии, не перейдёт ли впоследствии на их сторону, случись разногласие?

По мне, дал бы им и синтезаторы, и остальное, подумал оружейник. То, что у парней из делегации Плутонии сногсшибательный успех среди женского населения — тоже повод для недовольства у, так сказать, конкурентов. Вот так оно и проверяется: мы считали себя готовыми на дружелюбный контакт со всеми, кого можем назвать человеком, а стоило контакту произойти — возникают совершенно дикие предрассудки — всё то, что, вроде бы, давно уже изжито.

Ладно, это всё непродуктивно. Надо построить спутник и проверить его в действии. Смешно сказать, но дальше макета Луны космические аппараты Айура не летают: всё ещё есть опасение, что в звёздной системе могут присутствовать космические силы нечисти. Настолько быстро они смели первые рубежи обороны, что и сейчас нет сомнений: если «генералы», или «операторы», или кто там ещё у них бывает, смогут вернуться — баланс сил может измениться. Плутония предлагает свою помощь в быстрой очистке Айура от нечисти, а мы боимся, что впоследствии и люди Айура так же исчезнут, останется кругом сплошная Плутония. Некоторые влиятельные люди из федерального правительства высказали это практически открытым текстом.

На всякий случай Марцелл Катон записал, кто именно и что высказывал — прежде такой подозрительности не наблюдалось; то, что Плутония в сто раз быстрее сумела справиться с нечистью — уже говорит о том, что нужно с ними взаимодействовать. Иначе сколько придётся отбивать у противника оставшуюся часть планеты? Ещё семьсот лет?

Ладно. Пока что нет новостей от группы Злотникоффа, значит — можно продолжить изучать эти загадочные объекты, в высшей степени не желающие, чтобы их изучали — крохотные, парящие в воздухе, их с огромным трудом удалось собрать в воздухе над Австром. Потребовалась немалая толика изобретательности, чтобы начать изучать их — даже при слабом электромагнитном излучении, или при сближении с человеком на дистанцию ближе десяти метров объекты распадались на незатейливые органические соединения.

Что ж, пора понять, что вы такое, кто вас создал и зачем.

— Сэр Марцелл? — в комнату вошёл один из специалистов. — Есть данные. В момент воспроизведения излучения, необходимого для переноса сэра Злотникоффа мы зафиксировали аналогичное по спектру излучение. Из атмосферы, над лабораторией, и изнутри испытательной камеры пятнадцать. В обоих случаях параметры совпали.

Оружейник довольно потёр лоб. Что ж, догадка начинает подтверждаться. Возможно,

именно эти неуловимые объекты, не желающие, чтобы их изучали, создавали то самое поле, которое открывает портал под дросселем и его окружением. Логично предположить, что и это тоже — технологии нечисти. А мы-то считали, что ничего нового о ней не узнаем!

— Отлично, Марк, отлично, — оружейник похлопал коллегу по плечу. — Картина начинает складываться. Поясните, в тот день, когда Цицерон покинул свою клетку, в атмосфере над комплексом тоже происходило подобное излучение?

— Так точно, сэр. Тогда мы сочли это совпадением.

— Сколько у нас на складе терминаторов, помимо резерва?

— Один момент, сэр, — Марк подошёл к регистратору, и почти сразу же ответил. — Четыреста шестьдесят два.

— Выведите их на высоту, с которой зафиксировано излучение. Пассивное наблюдение. Имитировать случайное перемещение — пусть следуют за атмосферными потоками. Сводки передавать каждый час, при этом покидать вначале наземную границу населённого пункта. Если зафиксируете аналогичное по спектру излучение, докладывать немедленно.

— Вас понял, сэр. Рассредоточить над крупными городами?

— Всё верно. Вести мониторинг в реальном времени. Отчитываться лично мне.

Теперь мы знаем, что и где искать, подумал оружейник — уже хорошо. Эти объекты не опускаются ниже одной стадии над поверхностью земли — оттого мы раньше и не подозревали об их существовании.

-

Артём сбился со счёта времени; если бы не командир их группы, который следил и устраивал, когда возможно, привал — наверное, свалился бы где-то по дороге. Знакомое уже ощущение — ощущение, что Канси в беде, и ей необходима помощь — не оставляло. Артём пытался, по совету Анчири, мысленно обращаться к Канси — помогало на час-другой, не больше. Поскольку ему самому нужно быть в форме — выйти отсюда они могут только с его помощью — задачу это не облегчало, но часов через двенадцать начал привыкать — как можно привыкнуть к постоянной, неотступной физической боли.

Времени на осмотреться вокруг не торопясь не предоставили; главное — оставить в новом месте зонды. Судя по данным приборов, все места, куда перемещали порталы, находятся на расстоянии минимум стадия под поверхностью планеты, в среднем — на глубине тридцати-сорока стадий. Десяти километров, то есть. И только в том месте, где находится портал-выход в Айур, можно добраться до поверхности планеты. До той её странной оболочки, горячей и непроницаемой, с необычайно сильным притяжением.

И практически везде «солнце село». В городке «на диком Западе», в «храме», повсюду, где имитировалась поверхность планеты — темно. Темно и пустынно. И постоянное ощущение, что за тобой наблюдают. Прибывали, выстраивали оборонительную позицию, выпускали зонды и монтировали ретрансляторы, если их не было — и дальше, выбирали маршрут наиболее быстрый. Порталы не все срабатывают в один и тот же момент времени, хотя периодичность одна и та же практически у всех.

...Если последовательность перемещения, которую разработали люди из отдела Марцелла Катона, сработает — можно будет обойти всё, включая отдых, за двадцать семь часов Айура. На Айуре тем временем пройдёт почти неделя.

Ещё одна странность, подумал Артём во время очередного короткого отдыха. Если эта планета летит с релятивистской скоростью, то масса объектов должна возрастать. Если не путаю — в пять раз как минимум. Как это должно ощущаться? Как пятикратная перегрузка?

Но мы бы тогда и шагу не ступили бы, мыслимое ли дело! А мы и ходим, и бегаем, и всё прочее — и не сказать, что тело и прочее стали в пять раз тяжелее. Как такое возможно?

...Никого и ничего. Даже в тех локациях, где постоянно кто-то возникал, где Марк Флавий отметил: будьте особо осторожны. С одной стороны — хорошо, а с другой — любое изменение лучше трактовать как признак новой, непонятной пока опасности.

-

Канси и две её сестры остановились в «Пьяном драконе» — по словам Акиры, чай здесь не просто приятный, а очень даже вкусный. Угощались они за счёт Артёма, о чём Канси не переставала напоминать, но Акира, которая с детства сильна в математике, всякий раз отвечала, что никого они не разорят. Потом, люди уже успели оценить и воспитательские таланты Канси, и художественные — Акиры, да и Карико вон как сияет — тоже произвела впечатление. А это значит, что и сами уже зарабатывают, пусть и не так много, как дроссели.

— Хадуп мне в гугол! — ну как же можно войти в «Пьяного дракона» — и не наткнуться на сэра Тиберия Моската, главного специалиста по ремонту и настройке танков! К его чести нужно добавить, что работает он часов по четырнадцать в сутки — танков стали делать существенно больше, готовятся к масштабной зачистке планеты — и работы хватает. Поэтому сквозь пальцы смотрели и на не очень здоровое пристрастие сэра Моската к спиртному, и на довольно частые жалобы со стороны прекрасного пола — и всякий раз главный грубиян Рима умел не только извиниться, но и задобрить пострадавшую сторону.

— Осторожнее с пожеланиями, сэр Москат, — Акиру исправит только могила. — Они иногда сбываются.

Сэр Москат расхохотался.

— Чёрт возьми, мы с вами стоим друг друга, — он жестом предложил Акире присесть за свой столик, она с улыбкой отказалась. — Не лезем за словом в карман. Я слышал, вас почти невозможно уговорить стать хозяйкой. Это правда, госпожа Акира?

— Нет, конечно. Нужно всего-то показать, что вы сильнее меня.

— Так просто? — Сэр Москат схватил Акиру за руку. То, что его руки сравнивают с клещами — не просто слухи. Сэр Москат, помимо прочего, известен своими рекордами на Арене по части поднятия тяжестей.

Никто практически не успел понять, что произошло. Потом — по итогам произошедшего — примерно восстановили. Акира повернулась, выбила стул из-под сэра Моската, схватила с его стола нож для разрезания мяса — с зазубринами, но в целом тупой — и с размаху воткнула его в стол. По рукоятку. При этом пригвоздила к столу оба рукава сэра Моската, уже стоявшего на коленях.

Всё описанное не заняло и пары секунд.

— А в этой руке у меня был бы второй нож, — пояснила Акира, стоящая рядом с сэром Тиберием. Тот попытался подняться на ноги, не опрокидывая стола — не тут-то было. Сэр Москат рывком освободил руки — порвав рукава в клочья — и вскочил на ноги. Взгляд его налившихся кровью глаз не предвещал ничего хорошего, по всему было видно — сейчас позовут полицию.

— Чёрт побери! — Сэр Москат попытался привести в порядок одежду. — Да за такую хозяйку умереть не стыдно! — И заплодировал — по-римски, держа руки над головой. Его поддержало всё заведение. — Bravo! Вы дадите мне второй шанс, госпожа Акира?

— Сожалею, сэр Тиберий Москат, — поклонилась Акира. — Только одна попытка.

Извините, что испортила вам одежду.

— Приму извинения, только если согласитесь выпить со мной, — сэр Тиберий Москат вернул стул на место, и уселся. — Что вы пьёте?

— Минеральную воду, — улыбнулась ему Акира, усаживаясь напротив и, незаметно для собеседника, махнула сёстрам — займитесь своими делами, не стойте. — Можно со льдом.

Сэр Тиберий Москат расхохотался повторно.

— Всё, что скажете. Если уж я упустил свой шанс, то хотя бы поговорим!

Канси и Карико вышли из заведения — не без удовольствия понаблюдав, как к Акире подходят, чтобы поздороваться и выразить восхищение. Вышли и почти сразу же расхохотались. Обе.

— Она сделала бы из него человека, — вздохнула Канси. — Жаль, что упустил свой шанс. А ты? Я видела, как ты заходила в ювелирную лавку. К тому мужчине, что учил Артёма делать украшение для своей хозяйки. Признайся, он тебе понравился!

Карико покраснела, махнула вначале — да ну тебя! — а потом, сумев посмотреть сестре в глаза, кивнула.

— Я ведь сразу вижу. Я видела, как он работает. Красота! Такое делает, не поверишь... хотя ты ведь тоже видела. Всё-всё, молчу, извини!

-

Миранда закончила очередной портрет — групповой, если можно так сказать: Канси и обе её сестры. Здорово получилось — удалось передать характер каждой — насколько Миранда сумела понять их характер. В доме все поначалу относились настороженно — всё-таки люди с другой планеты, не шутка! — но очень быстро «три сестры», как их теперь звали вслед за песней, которую исполнил Ортем — стали такими же близкими и надёжными людьми.

В дверь постучали. Миранда не ждала увидеть там Канси — и тем более не ожидала увидеть её настолько уставшей. Ни «синяков» под глазами, ни воспалённых глаз — но видно, что Канси что-то беспокоит, и что вымотана до последней степени.

— Проходи, — обращаться на «ты» получилось легко и незаметно. — Что случилось? Трудный день?

Канси кивнула. Полегчало почти сразу, как только она оказалась рядом с Мирандой. Ни Карико, ни Акира пока не вернулись с прогулки — в Риме всегда есть, что посмотреть. Ей одной стало не по себе, а портить вечер Акире не хотелось.

— Этот трудный, и все следующие, — Канси села за стол — куда предложили — и кивком поблагодарила за стакан воды. Очень кстати, горло пересохло. — Пока он домой не вернётся.

Миранда пристально посмотрела на неё. Сейчас усмехнётся, подумала Канси. Но ошиблась.

— Без него всё из рук валится, — согласилась Миранда. — Я вот пишу картины. Помогает. Как другие спасаются, не знаю.

Канси покивала.

— У тебя был особенный день? Такой, что ты всегда хотела бы прожить ещё раз? День рядом с ним?

Миранда улыбнулась и кивнула.

— Я его часто вспоминаю, — призналась она. — Помогает. А у тебя?

— Есть такой. Я могу помочь тебе вспомнить тот день во всех подробностях, — Канси

посмотрела ей в глаза. — Хочешь?

— Прости? — Миранду явно застали врасплох — растерянной Канси её ещё не видела.

— Сядь ко мне на колени, — Канси не отводила взгляда. — Я покажу тебе тот день ещё раз.

Миранда смотрела на неё странным взглядом. Сейчас вежливо попросит выйти, и больше не приходить, подумала Канси. И снова ошиблась.

— Ничего неприличного, поверь, — Канси закрыла глаза. — Этому всех можно научить. Если хочешь, тебя научу.

— Ладно, — кивнула Миранда и, не без опаски, села на колени к Канси — лицом к лицу. Канси потянулась ладонью к голове Миранды и та отшатнулась — без рук!

— Ничего неприличного, — повторила Канси. — Верь мне. Возьми меня за руку, прижмись лбом к плечу и досчитай до десяти.

Канси ощутила, насколько ярким был тот день — чужих видений не видно, но переживания человека всё равно воспринимаются. Прошное приходит ярким сном — быстрым горячим потоком, вмещающим многие часы в несколько минут.

— Ух! — Миранда спрыгнула с её колен минуты через полторы. Видно, что ноги её плохо слушаются. Шея и лицо её горели, она тяжело дышала. — Ничего себе... Ого, всего две минуты! — Миранда посмотрела на часы. — А прошёл целый день... тот самый день. Как ты это делаешь?!

— Могу научить. Мне говорили, всех можно научить. Хочешь попробовать?

— Хочу. Ничего неприличного, да? — она встретилась взглядом с Канси, и они обе рассмеялись. — Прости, что спрашиваю. Ты видела то, что видела я?

Канси помотала головой.

— Я просто делаю твои воспоминания ярче. Я не подглядываю, не умею.

— А что, можно подглядывать? — удивилась Миранда. — Хотя мне не жалко. Если хочешь, смотри. Мне кажется, тебе можно доверять.

— Благодарю, — Канси закрыла глаза. Всего несколько минут Миранда сидела на её коленях, а неприятное, опустошающее чувство разлуки отпустило.

— Тебе стало лучше, — отметила Миранда. — Хочешь чая? Арлетт сегодня приготовила изумительный пирог.

— Не хочу её обижать, — Канси закрыла глаза. — Только чай, пожалуйста. Да, стало лучше. Я даже знаю, почему.

— Потому, что я сидела у тебя на коленях? — Миранда прижала руку к уху — звонит кому-то.

— Потому что ты его любишь. Если не любила бы, мне не стало бы лучше.

Миранда покачала головой, пододвинула свой стул поближе и взяла Канси за руку.

— Если помогает — оставайся у меня сегодня, — она встретила взгляд Канси, и добавила: — Ничего неприличного.

И снова они обе рассмеялись.

— Не в этот раз. Мне кажется, ты захочешь увидеть этот день во сне. Не хочу мешать, — Канси улыбнулась. — Но когда-нибудь попрошусь.

Чай принесла сама Арлетт — но отказалась, с улыбкой, присоединиться — извините, меня там ждут.

— Расскажешь о твоей родной земле? — Миранда налила Канси чая. — Я читала новости. Но хочется от тебя услышать. Я расскажу о нашей, если захочешь. Подумать только,

другая планета! Я всё бы отдала, чтобы самой увидеть, хоть одним глазком!

— Я могу это устроить. Сможешь посмотреть двумя, — Канси с удовольствием отхлебнула глоток. Чай они тоже готовить умеют. Так необычно — самые простые на вид люди, но с ними так спокойно и хорошо.

— Ловлю на слове! — Миранда добавила чая в обе чашки. — А теперь давай помолчим. Арлетт говорит, так правильно — хотя бы одну чашку выпить молча.

Дни 86–87. Mon capitaine [оглавление]

...Когда они покидали «локацию М», вместе с дилижансом, доверху гружёным разными трофеями, за ними вновь увязалась нечисть. Показалось вначале, что на дне каменного колодца её стало больше. Потом, уже на Айуре, снимки сравнили: количество другое, состав другой и стоят иначе. И куда делись те, предыдущие? Одно осталось неизменным — то, что считается космическими кораблями. Не изменилось ни их число, ни расположение.

Артём проснулся, словно из омута выплыл — из последних сил. Чувство удушья не сразу прошло, и вспоминалось одно и то же: наваливающаяся свинцовая усталость; ощущение, что их преследуют; и, немного, страх. Чего именно испугался — уже не вспоминалось.

Марина спала чутко. Села в постели почти сразу же, едва уселся сам Артём — взяла его за плечи и осторожно обняла.

— Плохой сон? — погладила его по голове. — Половина третьего ночи. Попробуешь снова заснуть?

— Попробую, — Артём попытался припомнить, в обратном порядке, события предыдущего вечера — замечательная тренировка памяти — и понял, что кое-что там отсутствует. Из «локации М» они вышли в лесу в окрестностях Рима — в одной из известных точек — оттуда добрались до базы Корино, Виктор Маккензи встретил их на траверсе Рима, и это было очень кстати: сил у Артёма оставалось немного. Вроде и груз небольшой, а поддерживать скольжение стоило больших усилий. Помнил только, что доктор Ливси, после краткого обследования, остался всем доволен и «прописал» два дня отдыха. И никакого скольжения — по возможности.

И всё. Подробности того, как Артём и его команда вернулись в Рим, в памяти не задержалось. Смутно помнил, что Канси и Марина помогают ему добраться до постели... и всё. А остальное где?

Не спится. Категорически не спится, и бодрость возвращается — когда проснулся, стяхивая липкие оковы кошмара, казалось — сил нет, стоит только прилечь, и отключишься. Но полежал, подумал, попробовал вспомнить — и всё изменилось.

— Уже не засну, — признал он. Марина обнимала его, улыбаясь, с закрытыми глазами. — Похоже, пора вставать.

— Нет, — Марина крепче прижала его к себе. — У меня на уме другое, — и тихонько рассмеялась.

-

Память о прибытии в Рим так и не вернулась в полной мере, но доктор Ливси, после утреннего уже осмотра, остался доволен. А когда Артём вернулся домой — выполнять предписания, и поразмыслить, чем теперь заняться — то обнаружил в комнате Миранды, помимо хозяйки комнаты и Марины, всех: Лилию, Мари, Арлетт, Глорию и Канси. Оживлённо обсуждающих что-то.

— Сэр Ортем! — первой подбежала Глория. Но обнять, по стихийно возникшей

очереди, пришлось всех.

— Не знаете, что сказать, — улыбнулась Миранда. — Тогда я скажу. У Глории замечательная идея. Она со своей программой завтра выступает в Москве. А вы ведь там ещё не были!

— Правда? — удивилась Канси. — Ты говоришь по-русски, и не был в Москве! Так неправильно!

Аргумент железный, не согласиться было бы странно. Заодно посмотреть своими глазами на чудеса тамошней архитектуры. Снимки уже видел, ясное дело, но посмотреть своими глазами...

— Лилия предложила остаться здесь, последить за хозяйством, — пояснила Миранда. — Потом посмотрит в записи. А мы, то есть все остальные, решили поехать на концерт в Москву! Соглашайтесь, сэр Ортем! Когда ещё будет такой случай?

Под восторг всех собравшихся, Артём согласился. Что удивительно, лорд Стоун также не стал возражать — с обязательной оговоркой, что на время пребывания в Москве придётся тамошним вооружённым силам, при необходимости — исполняет обязанности дросселя. Так точно, сэр.

-

— ...То есть сегодня я ваш, — не удержался Артём, когда, как бы невзначай, Лилия предложила составить ему компанию — а заодно и посмотреть, как идут ювелирные дела.

— Всё верно, — улыбнулась Лилия. — Разве вам неинтересно, как у нас идут дела? У вас очень много дел, ни минутки нет свободной. Посмотрите хотя бы раз, как я работаю.

— Я не всем успевал интересоваться, — согласился Артём. — Но лучше интересоваться, верно?

— Прямо как в тот, первый день, — улыбка Лилии поблекла. — Всё верно, Ортем. Если вы хотя бы раз поинтересовались, кто в вашем хозяйстве чем занимается — значит, вам не всё равно, что происходит у вас в доме.

— «Доверяй, но проверяй»?

— Откуда вы только берёте эти поговорки? Всё верно. Вы не обидите хозяйку, если проверите всё то, о чём она говорит сама. Это нормально: можете заметить что-то, что она упустила. Вы помогаете ей.

— Об этом я не думал, — Артём покачал головой. Уже вроде бы кажется, что весь обычный уклад римского быта стал понятен, и всё равно делаешь открытия. — Тогда показывайте.

Первым, кого Артём встретил в ювелирной лавке, оказался Альберт Кроули, тот самый помощник ювелира, под чьим руководством Артём сделал «ловца снов» для Марины. А напротив него стояла... Карико. Вот это сюрприз! Завидев Артёма и Лилию, Карико смутилась, жестом попрощалась с Альбертом, и покинула лавку.

— Очень стеснительная, — шепнула Лилия так, чтобы Альберт не услышал. — Говорят, уже сотне человек помогла понять, чем на самом деле им следует заниматься. Когда только успела!

— Сэр Ортем! — Альберт обрадовался его визиту, по всему видно. — Рад вас видеть. Чем могу помочь?

— Если не возражаете, я хотел бы увидеть, как вы работаете, — Артём пожал протянутую руку. — Вдруг мне захочется повторить предыдущий подвиг.

Альберт рассмеялся, кивнул — понимаю — и пригласил их обоих в двери служебного

входа. Туда, где всё, собственно, создаётся.

-

Посещение святая святых — пусть Артём и был уже здесь, в одной из мастерских — оказалось необычайно интересным. Впрочем, Лилия и Альберт вскорости начали говорить терминами, которые потребовалось бы переводить — поэтому Артём с умным видом всё понимающего принялся ходить там, где он никому не мешал, и просто смотреть. С ним радушно здоровались, видно было — хоть тут и не очень привыкли к такому любопытству, но люди гордятся своей работой. Вот где стало видно, как много современных технологий используют ювелиры — тут и моделирование, в виде объёмных изображений, и крайне точные и удобные инструменты для работы с самыми твёрдыми материалами, и микропечи, где можно было быстро сплавить любое количество материала при строго заданной температуре.

Материалы для ювелирного дела, припомнил Артём, никогда не берут из синтезаторов. Всё — только из естественных, так сказать, источников. Золота в коре Айура существенно меньше, чем на Земле, зато куда больше серебра и платины. И при этом серебро — самый популярный металл в ювелирном деле. А самое ценное вовсе не золото, а здешний янтарь. Теперь стало понятно, насколько драгоценным был дар Глории Марине.

В этих же мастерских, как шепнула Лилия, делают не столько украшения, сколько разнообразные устройства, по большей части — медицинские. То есть оздоравливающие браслеты, медальоны и всё прочее — это не мистификация, как на знакомой Артёму Земле — чтобы вынуть деньги из карманов поверивших — а самая обычная, повседневная реальность. Здешние медицинские «украшения» на самом деле лечат, предупреждают заболевания, предупреждают их владельцев о том, на что стоит обратить внимание...

— Это путеводные метки, — пояснил Альберт, когда Артём заинтересовался стоящей в мастерской огромной вазой, внутри которой лежали неправильной формы «капельки» — полудрагоценные камни в серебряной оправе. — Удобно, когда выходите в лес, или экспедицию. А особенно — когда по пещерам ходите. Маячки, их сигнал ловится с большого расстояния. Не тревожат животных, не привлекают нечисть. Возьмите, прошу вас!

Артём, не без колебаний, взял одну такую. Альберт щедро добавил горсть сверху, и отдельно — пару медальонов на цепочках.

— Это поможет обнаруживать метки, — пояснил он. — Не беспокойтесь, сэр Ортем. Вы много путешествуете. Лучше уж быть готовым к неожиданностям. Это подарок.

Пока Альберт говорил всё это, успел свернуть из обычного на вид листа картона шкатулку — туда как раз всё вошло. Поразительно, но крышка шкатулки закрывалась и держалась прочно, на шарнирах, а ведь только что свёрнута из картона! Я тут многого ещё не видел, подумал Артём.

— Вы не видели ещё умной бумаги? — удивился Альберт. — Я вам немного завидую. Я это увидел впервые в шесть лет, и всякий раз это казалось чудом. А сейчас, похоже, привык. Что желаете посмотреть? Хотите, покажем, что мы научились делать из изумрудов госпожи Лилии?

Ну ещё бы Артём не хотел!

-

— Вас что-то беспокоит? — спросила Лилия после того, как они пообедали с ней в «Пьяном драконе». Артём задавал много вопросов там, в ювелирной мастерской, даже сам попытался подержать в руках резец — попросил, на чём бы его проверить — и вырезал, для

новичка, очень даже хорошо выглядящий камень — например, подойдёт для перстня. А потом вышел за ворота и словно воды в рот набрал. На вопросы отвечал односложно, сам разговоров не начинал.

— Под впечатлением, — кивнул Артём. — Вы не только камни нашли, вы и сами интересные эскизы придумываете, верно?

Лилия кивнула.

— До Марины и Миранды мне далеко. Альберт хвалит меня — но я чувствую, что скорее из вежливости. Почти всё, что я сейчас ношу — Марина придумала.

Не то чтобы Лилия с головы до пят в украшениях, но их достаточно, чтобы создать впечатление. И малый «ловец снов», символика дома Злотникофф, всегда на виду — и почему-то взгляд цепляет в первую очередь. Как это получается?

— Вам всё идёт, — согласился Артём. Лилия улыбнулась и положила свою ладонь поверх его.

— А вот это не из вежливости, — она посмотрела ему в глаза. — Благодарю, сэр Ортем. Что-то вас всё-таки беспокоит. И это не ювелирное дело.

— Боюсь, что всё это засекречено, — Артём вздохнул. Если и сказал не вполне откровенно, то самую малость. По словам оружейника, в «локации М» фиксируются изменения гравитационного поля. Похоже, планета меняет орбиту — и это само по себе тревожный знак. Любые изменения на территории противника — повод для самого пристального внимания. Ну а «трофеев» они привезли столько, что изучать их ещё долго. Теперь, когда подтвердилось, что портал на территории Плутонии излучает в тех диапазонах и примерно те же последовательности сигналов, что и два известных «тайных места» на Айуре, куда дети тайком пробирались, чтобы стать дросселями — есть веские основания проявлять крайнюю осторожность в исследовании подобных сооружений.

Оружейник не сказал этого напрямую, но Артём понял и так: есть также основания с опаской относиться к людям Плутонии. Нет ни единого повода считать, что они непременно порождения нечисти, но теперь эту гипотезу нельзя сбрасывать со счетов.

— Это связано с вашей экспедицией, — Лилия не спрашивает — утверждает. — Не отвечайте, я думаю вслух. Вам точно нужно побывать в Москве, развеяться. Но это завтра. Можно попросить вас составить мне компанию? Это ненадолго. А потом — пойдём, куда скажете.

А ещё они немного ошибаются с местоположением Земли, подумал Артём. Он вспомнил, куда показывала ему Миранда — где, по мнению людей Айура, находится Земля. Так вот, это в другом направлении. Может, и это специально — чтобы Землю, по ложному азимуту, не смогли найти возможные враги? А так очень красиво — меж двух туманностей, синеватого и красноватого цветов, и вдаль, вдаль, вдаль.

— Очень хочется побывать на Земле, — сказала Лилия, обратив внимание, что Артём, сидя на скамейке в парке, смотрит на небо — хотя днём там немного можно увидеть. — Все об этом мечтают, увидеть её хотя бы раз. Ортем, что с вами? Вы чем дальше, тем мрачнее.

Артём помотал головой. Мы считали, что «локацией М» никто не управляет, точнее — что там действует автоматика, не более того. Что, если за всеми нашими вылазками тщательно следили, и, пока мы собирали данные о той необычной планете, тамошние жители собирали данные о нас? Есть странность в поведении нечисти, если предположить, что высокоразвитые формы её нас изучают. Вначале людей практически полностью

истребили, а затем, когда люди отыскивали оружие и собрались с силами — позволили выбить себя с поверхности планеты, расставили в разных местах порталы, скрыв их под башнями и в пещерах, и принялись изучать людей. Нелепость? С точки зрения человека — да, ведь именно дроссели и помогли оперативно выбить нечисть с поверхности. Однако в «локации М» воссоздано девятнадцать уголков Земли или похожей на Землю планеты, и повсюду — модели людей. И почти всегда они необычайно сильны, быстры, и — за исключением «дикого Запада» — не разговаривают.

Не вас одного это удивляет, сказал оружейник. Мы подкинули эту загадку Анчири, и он сообщил нам: те существа, которые когда-то чуть не захватили Плутонию, совпадают по описанию с обитателями области «Карибское море». Всем похожи на людей — но молчат. Единственные зафиксированные модели, на коже которых живёт «пожиратель» — просто живёт, не преобразуя сами модели в биомассу.

...Если они так подробно воссоздали исторические области Земли, то или сама нечисть там побывала — и неясно, чем это могло обернуться для Земли — или нечисть как минимум давно уже наблюдает за Землёй. Что из этого хуже — можно долго гадать.

— Всё ещё не могу забыть экспедиции, — сказал Артём, наконец, когда понял, что пауза затягивается. — Вы правы, нужно отвлечься. Что предложите?

-

Рим известен не только тем, что стал первым наземным форпостом людей после Вторжения, но и самой обширной безопасной зоной вокруг города. От двадцати до двадцати восьми стадий, и границы отмечены — даже ночью не получится «случайно» выйти за их пределы. Ставить палатки разрешено, только если люди прибыли вместе с транспортным средством — например, дилижансом. Иначе можно просто не успеть отступить в безопасный район, случись что.

...По периметру вокруг Рима построили множество небольших убежищ — не настолько основательных, как казематы, но годных, чтобы пересидеть непогоду, прохладную ночь или, если пофантазировать, нападение диких животных. Датчики нечисти не так основательно расставлены вокруг, но достаточно часто, чтобы вовремя подать сигнал тревоги. И всегда поблизости от таких убежищ летает или полицейский зонд, «охотник на охолов», или терминатор. А то и оба.

Наземная часть таких убежищ скорее похожа на небольшой парк, среди леса — сюда приходят, чтобы отдохнуть во время прогулок. Люди стали чаще покидать периметр своих городов, пусть даже отходят недалеко и ненадолго. Мы двести лет прятались, сказала Лилия, и это уже въелось, не вытравить — люди привыкли вести себя тихо, не выходить за охраняемую территорию без очень веских оснований. Но при этом не бегут сломя голову прочь от угрозы, а в первую очередь берутся за оружие — чтобы отступить, остаться в живых смогло как можно больше других людей.

...Лилия рассказывала о том, какие невероятные истории придумывают дети обо всём том, что за пределами города. Прямо как на Земле, подумал Артём. Вроде бы столько лет прошло, а дети придумывают похожие страшилки, про невероятных чудищ, про сказочные места, где исполняются желания, про чудеса, открывающиеся только смелым. Они всё так же ждут чуда — наверное, и это заложено в человеческой природе, не вытравить.

— А ещё говорят, что есть поселения, которые нечисть не трогала. Просто не трогала, и всё, — сказала Лилия. — Наверное, это красивая выдумка. Сохранилось несколько записей того, что случилось в первые часы. Они пожирали всё подряд, прошли по всей планете как

цунами. С чего бы им кого-то шадить?

Интересная байка, подумал Артём. Действительно, с чего бы им шадить? Людей они воспринимают как строительный материал или источник пищи. Ни о каком контакте, переговорах и речи не шло. Хотя какие могут быть переговоры у человека с ветчиной, или у кошки — с мышью?

— Извините, — Лилия заметила, что собеседник помрачнел. — В любом разговоре рано или поздно кто-нибудь что-нибудь скажет о нечисти. Наверное, это тоже не вытравить. Я вас огорчила?

— Задумался, — кивнул Артём и озвучил свои мысли о переговорах человека и ветчины. Лилия весело рассмеялась.

— Понимаю, — кивнула она. — Мы стали такой ветчиной — ядовитой и опасной. Знаете, наверное каждый ребёнок мечтал хотя бы раз изобрести абсолютное оружие против нечисти. Или волшебству научиться. Знаете, как в сказках: хлопнуть в ладоши, и чтобы все они стали чем-нибудь безобидным, а то и полезным. Ну или хотя бы просто исчезли.

Новость об огромном шаре из дерева давно уже стала всеобщей. Выяснилось, что Лилия следит за новостями.

— Верно, — кивнула она. — Можно и в дерево превратить. Во что угодно безвредное. Вам тоже хочется так уметь, да?

— Не думал об этом, — сказал Артём. — Да, скорее всего. После всего того, что успел увидеть. Вечереет — не пора возвращаться?

— Я хотела предложить остаться сегодня здесь, — Лилия взяла его за руку. — Здесь достаточно безопасно. Транспорт тоже есть, — добавила она. — Вон, видите, на крыше стоит? Многие сейчас так остаются.

— Ради острых ощущений?

— И это тоже. Иногда очень нужно. Когда первые танки и их водители выбрались на поверхность, нечисть со всей планеты пошла на них волной. Вся пошла — всё, что могло двигаться. Думали даже, что вновь придётся уйти под землю, что не удастся выстоять. Но сумели — почти двое суток держались, но не отступили. И с этого момента нечисть начала прятаться. Нападала, только если удавалось застать человека врасплох.

Солнце уходило за горизонт — а небо загоралось загоралось новыми красками. Действительно, при его свете можно читать. И выглядит роскошной, завораживающей картиной.

— Останемся? — шепнула Лилия, крепче сжав ладонь Артёма. — Только не молчите. Скажите вслух — будет, как скажете.

— Останемся, — сказал Артём. Рим виден отсюда — стоит оглянуться, всё увидишь. До формальной границы города всего три стадии, по сути — так в городе и остались. Но стоит повернуться к нему спиной, и кажется — их двое на планете.

-

Комната Акиры теперь стала островком Плутонии: там вечерами собирались все три сестры, и порой к ним присоединялись и другие участники их «делегации». Миранда, Мари и Марина тоже заходили, пусть даже ненадолго — в комнате стало как-то особенно уютно. Стоило зайти, и становилось легче на душе, спокойнее. Хотя вроде занимались каждый чем хотел, да и разговоров особо не разговаривали.

Акира пропадала целыми днями в научном городке — и всякий раз возвращалась очень довольная. Видно было — очень уж ей нравится, когда её хвалят. А хвалили часто.

Карико, молча — так же, как общалась некогда с Артёмом в его доме там, на Австре — рассказала сёстрам о своих успехах. Практически все, с кем она общалась, остались довольны её консультациями. Как она умудряется консультировать, не проронив ни слова, понимали не все — но Карико отказывалась объяснять, только смущённо улыбалась.

Ну и, конечно, Канси всегда было что рассказать о своих воспитательских буднях. Рассказы неизменно приводили всех в восторг — вроде и не случилось ничего совсем уж необычного, но рассказывать Канси умеет, не отнять.

— Что-то тревожит его, — заметила как бы невзначай Акира, когда все, кроме сестёр, распрощались, пожелав доброй ночи и приятных снов. — Сам не скажет, и не пробуй. Нужно осторожно узнать. Он беспокоится, и беспокоится в первую очередь за нас. За тебя, то есть.

Карико помотала головой. Не согласна.

— Поясни, — Акира посмотрела ей в глаза, и протянула младшей сестре руку. Канси повторила её жест. Карико взялась за руки, и закрыла глаза.

«Он беспокоится за всех нас. За нас троих в первую очередь. Он считает, нам что-то угрожает».

— Угрожает? — Акира явно хотела ухмыльнуться, но сдержалась. — Всё, молчу. Поясни.

«Я не подслушиваю его мыслей. Он не уверен, иначе сказал бы».

— Акира, ты знаешь больше, чем говоришь, — Канси прикрыла глаза. — Может, скажешь уже?

— А что, сами не знаете? Нас побаиваются. Я их прекрасно понимаю — почти два месяца скрывались, сами на контакт не пошли. Мы быстрее, сильнее и нам за три года удалось то, что они не сумели за семьсот лет. Я не уверена, я тоже не подслушиваю мысли, но Артём видел что-то, очень похожее на нас. Я уверена. Похожее, но враждебное. Это всё. Правда всё! — Акира посмотрела в глаза Карико — та открыла свои и, помедлив, кивнула. Согласна.

— Я думаю, он скажет, — Канси встретила взглядом с каждой из сестёр. — Мы же не даём повода нас бояться? Да? Карико, ты завтра едешь с нами в Москву?

«Уже не завтра, сегодня. Да».

— Вот зануда! — возмутилась Акира, и Карико весело рассмеялась. — Ну хоть смеяться умеешь, и на том спасибо! Ну да, уже сегодня. Возьми с собой своего ювелира. Ему тоже будет интересно.

Карико тут же смутилась, и отвела взгляд.

— Ого, да у вас всё серьёзно! — Акира выглядела ироничной, но говорила без издевки. — Везёт же... Всё, молчу, молчу, не злись! Ладно, уже спать пора, завтра много дел, если я правильно понимаю.

— Каких ещё дел? — поинтересовалась Канси.

— Научных. Это вы едете развлекаться, а меня приглашали тамошние учёные. Мелочь, а приятно. Ладно, не огорчайтесь, — Акира погладила остальных по голове. — Я и за вас словечко замолвлю. Не чужие ведь друг другу.

Канси и Карико рассмеялись, и Карико посерьёзнела — показала на часы.

— Да, конечно, — согласилась Канси. — Пора. Карико, добрых снов! — и проводила младшую сестру.

— Ты хотела, чтобы я задержалась, — Канси закрыла за Карико дверь, и оглянулась. —

Что случилось?

— Просто останься. Ты плачешь по ночам, если его нет рядом. Я знаю. Можешь сколько угодно притворяться, что это не так. Со мной будет легче.

Канси усмехнулась.

— Как ты обычно говоришь — ничего неприличного, — добавила Акира, и обе они рассмеялись. — Завтра трудный день.

-

Артём и Лилия вернулись домой рано утром — и утро, в общем и целом, началось с обычных, привычных уже дел. С утренней пробежки, то есть. На этот раз там оказалась и Глория. Видно, что ей непривычно так проводить утро, и Акира, в своей обычной манере, пообещала — ну совершенно бесплатно — быстро привести Глорию в норму. Чтобы поутру хотелось не потягиваться подолгу в постели, а заниматься спортом. Удивительно, но Глория согласилась.

Карико взяла с собой корзинку, в которой благосклонно устроилась госпожа Хитоми — дочь госпожи Хатори, совсем молодая кошка, по сути — подросток. Необычайно красивые глаза — янтарные, а в отражённом свете — тёмно-зелёные. Всего их делегация взяла с собой восемнадцать кошек, то есть кари, припомнил Артём. Анчири, по его словам, привёз затем ещё дюжину — кошки теперь знамениты на весь Айур, не проходит ни одного выпуска новостей, где ими бы не восхищались. Акира вскользь упомянула, что они могут подарить каждой семье по кошке, единственное — не получится сделать это быстро.

При том, что вместе с кошкой обязательно предоставляют и необходимое животному питание и всё прочее, что нужно кошке для счастливой жизни. Одно такое устройство Артём уже видел своими глазами — как и его аналоги для людей, все отходы организма оно перерабатывало, не оставляя от отходов никаких следов. В том числе запаха. Выглядело как привычный (по воспоминаниям самого Артёма) лоток с наполнителем. Госпожа Хатори могла подолгу копаться в нём в своё удовольствие.

А затем был относительно краткий, но запомнившийся поход по маршруту Рим—Лиссабон — Париж — Берлин — Москва. И на каждом этапе что-то из колонны уводили, что-то добавляли. Соединять приятное с полезным, подумал Артём.

-

Реплика Москвы тридцать четвёртого столетия нового летоисчисления действительно выглядит внушительно. По словам Глории, взявшей на себя роль гида, центр города и на Земле, и здесь стал огромным музеем многих прошедших эпох — был там и знакомый Артёму Кремль, и Красная Площадь, и многие другие постройки — в большинстве своём незнакомые.

Но времени на прогулки по городу выдалось немного: Артёма почти сразу же пригласили к градоначальнику — точнее, его и Марину. Остальными вновь прибывшими занялась Глория.

— Всё ждали, когда же вы посетите Москву, — пожал Артёму руку градоначальник, Михаил Теплов. Русский язык тридцать четвёртого столетия, на котором говорит Москва, Артёму без автоматического перевода показался очень странным и жутко смешным. Вероятно, любому носителю славянского языка все родственные языки кажутся смешными. — Госпожа Злотникова, — по современным правилам хорошего тона различий между мужчинами и женщинами здесь не делают — Марине тоже пожали руку. — Рады видеть вас! Ваши украшения пользуются в Москве большим спросом. Прошу, проходите.

Вначале всё внимание уделялось Марине. Минут через десять разговора, после того, как к нему подключились здешние ювелиры, градоначальник как бы невзначай отвёл Артёма в сторону.

— Власти Москвы ознакомились с отчётами Рима, — понизил голос градоначальник. — То, что вы рассказываете, поразительно. Мы сопоставили то, что нам самим известно о начале двадцать первого века — помимо мелких различий, которым может быть тысяча объяснений, вы очень точно описывали образ жизни и тогдашние технологии. Нам очень нужен ваш подробный рассказ о том времени, господин Злотников.

— Насколько подробный? — не удержался Артём. Господин Теплов улыбнулся.

— Настолько, насколько возможно. И то, как вы говорите. Так воссоздать русский язык того времени... если вы — прошу прощения — имитируете человека той эпохи, то вы настолько хорошо её знаете, что и разницы особой нет. Наши лингвисты ждут не дождутся вашего визита — для нас любые сведения о прошлом Земли бесценны. Надолго к нам?

— Как получится, господин Теплов.

— Всё понимаю. Тогда — не станем терять времени. Госпожа Злотникова?

Марина оглянулась и подошла к ним.

— Вы не станете возражать, если мы похитим вашего хозяина на несколько часов?

— Стану, но у вас найдётся множество объяснений, — Марина обняла Артёма. — Не беспокойтесь, — шепнула ему за ухо. — Они и в самом деле интересуются всем, что мы делаем. Я найду себе занятие. Только не опоздайте на концерт!

-

Публика не сразу отпустила Артёма — тут не то чтобы на бис, раз шесть ещё выступил после того, как объявленная его часть программы завершилась. Мари провела его затейливо поворачивающим коридором вглубь театра — и привела в комнатку.

— Супер! — пояснила Мари на словах. — Точно, надо выучить русский. Ничего так и не поняла, но в зале все от тебя без ума. Надо же понять, почему!

— Концерт тебя уже утомил?

— Нет, с тобой хочу побыть. Чем дальше, тем труднее тебя заполучить, — она налила ему и себе по чашке чая. — И почему я так редко бывала в Москве? Хотя кто меня спрашивал, куда я хочу.

— Работать в полиции интересно?

— Мне — да. Я читала, это раньше полиция в основном преступников ловила. Мы в основном гражданским помогаем — ну во всём. С детьми, конечно, не нянчимся, но всего остального полно. А вот как ты появился, преступников как магнитом стало притягивать. Только не подумай, я не в обиде. Я уже поняла, кто из нас их на самом деле притягивает.

— Лилия? — не такой уж бином Ньютона, подумал Артём.

— Всё понимаешь, люблю! — Мари хлопнула его по плечу. — В точку. Я уже поняла, что она успела изрядно запачкаться, в прошлом. Так, что уже толком не отмывшись. И сама уже поняла, да только от той грязи ничто не помогает. Наши две девицы за ней присматривают, конечно.

— Валери и Марселина?

— Любишь ты риторические вопросы. Прямо как я, — Мари улыбнулась во весь рот. — Всё хотела спросить. Не захочешь отвечать, не обижусь. После того, как я к тебе в дом напросилась, ты словно перестал остальных женщин замечать. Ну, кроме Канси, конечно. Это из-за меня?

— Не задумывался. Вначале всё как бы само собой случилось. А потом я вспомнил, что именно пообещал. Там, в прошлой жизни.

— Марине? Ну, ты понял, о ком я. Да?

Артём кивнул.

— Понимаю, — Мари пересела на соседний с Артёмом стул и прижалась щекой к его плечу. — Тебя скоро позовут, — сообщила она. — Хотя пять минут так посидеть. Что парни обещают обычно, я и так знаю. Но вот чтобы старались выполнять обещанное, до тебя не видела. Всё, молчу, молчу. И ты помолчи, хорошо? Мне сейчас так хорошо... — Мари закрыла глаза и крепче прижалась к Артёму.

В двери комнаты вежливо постучались минуты через три.

— «Mon capitaine, ambre c'est moi, forget your sorrow dans mes bras», — прошептала Мари. — Странная песня, смешение языков. Но всё равно из головы не идёт. Иди. Мы тут обо всём позаботимся.

-

Вечером в управе — так на современном русском языке именовалось главное и единственное здание администрации — всё выглядело иначе. И охрана — пусть скорее формальная — и светильники на стенах, и всё остальное — выглядело теперь загадочно. Артёма ждали Канси и две её сестры, Карико держала в руке корзинку с госпожой Хитоми. Артём видел их всех там, среди зрителей — но концерт ещё идёт. Видимо, господин Теплов и сам не прочь побеседовать с людьми Плутонии.

— Как тут красиво! — восхитилась Канси, после того, как отпустила Артёма. И Акира, и Карико согласились — молча кивнув. Кошка, по словам Канси, уже утомлена — столько людей желало увидеть её и удостоиться хотя бы взгляда — и теперь самое время дать животному отдохнуть. Тем более, можно совместить приятное с полезным.

К удивлению Артёма, в приёмном зале, помимо Теплова и секретаря, стоял также нынешний — новый — префект Парижа. В прошлом — непосредственный начальник Мари. Прежний префект, приёмный отец Марины, теперь руководит работой военной полиции. Ушёл на повышение, значит.

— Полагаю, вы с господином Морисом Бланшем уже знакомы, — господин Теплов жестом предложил вновь прибывшим сесть. Морис Бланш оказался коренастым, смуглым — и явно не привыкшим к церемониям. Теплов отослал охрану. Теперь он и Бланш сидели по одну сторону огромного стола, а Артём и Канси с сёстрами — по другую.

— Господин Бланш у нас проездом, — пояснил градоначальник. — Мы очень рады встретить людей родом с другой планеты — хотелось бы о многом поговорить. При условии, конечно, что этот день вас не слишком утомил.

Канси и сёстры переглянулись.

— Ничуть, — ответила за всех Канси. — Разве что моя младшая сестра сегодня очень много ходила. — Карико кивнула. — Можно, она не будет вставать?

— Разумеется! — Бланш говорит без акцента, отметил Артём. Занятно. Мари сказала как-то раз, что её начальник изучил множество языков и старается обходиться без автоматического перевода.

-

Подробности дальнейших событий удалось восстановить очень точно — оперативная съёмка в управе ведётся по умолчанию, норма для всех публичных мест. Минут десять шли вполне мирные и увлекательные беседы — Артёма с Тепловым по одну сторону стола,

Бланша с Канси и Акирой — по другую.

— Ходит множество слухов о новых животных, которых вы привезли, — сказал Бланш. — Я видел их в записи, конечно — а можно ли увидеть своими глазами?

— Разумеется, — согласилась Канси. Карико кивнула ей, поднялась, и поставила корзинку с госпожой Хитоми на стол. Изнутри донеслось ворчание. Канси и Акира переглянулись.

— Возможно, её утомило человеческое внимание? — Бланш посмотрел на корзинку. — Если так, то...

— О нет, она просто не стала бы выходить, — заверила его Канси. — Госпожа Хитоми! Не окажете ли вы...

Едва корзинку открыли, как кошка, госпожа Хитоми, встала во весь рост и, глядя на Бланша, зашипела. Сгорбила спину, распушила хвост и, глядя в лицо Бланша, зашипела вновь, подняв правую лапу — жест, понятный любому.

— Похоже, она не в духе, — Бланш не отшатнулся. — Прошу извинить — я не хотел испугать вашу любимицу.

— Господин Бланш, — Канси бросила взгляд в лицо Артёма и того словно ледяной водой окатили. — Вы ведь не откажетесь от профилактики? — В руке Канси держала знакомый каждому жителю Айура красный шприц. В правой руке Акиры, за её спиной, Артём успел заметить, появился ещё один такой же шприц.

А потом в зале словно бомба взорвалась, настолько стремительно всё случилось.

Бланш бросился на корзинку — замахнулся на кошку. Карико успела убрать корзинку, прижав её к себе так, чтобы кошка не выпала — и увернулась от удара сама. Треск и скрежет — там, куда по столу попала рука Бланша, на поверхности пластика остались глубокие царапины, а пальцы руки Бланша оканчивались теперь длинными когтями. Артём успел заметить, что Бланш замахивается на Теплова, что секретарь того падает на пол — и успел схватить Теплова за руку — скольжение пришло почти мгновенно, очередной удар пришёлся по тому месту, где Теплов только что находился.

Теплов не задавал вопросов, не пытался освободить руку — Артём, сделав два шага, взял за руку Карико — едва та вошла в скольжение, как сразу же вручила ему корзинку — кошка прижалась к её дну, держась за стенку когтями — и решительно освободила руку — бросилась помогать сёстрам.

К тому моменту, когда Артём отвёл Теплова в сторону от места битвы, в зал уже начала вбегать охрана — и здешняя, и охрана Бланша.

— Изолировать управу! — Теплов не растерялся. — Задержать его охрану! Внимание, штаб — прорыв нечисти в управе, есть жертвы.

Артём не сразу пришёл в себя — к этому моменту охрану Бланша уже обезоружили и скрутили. А от стола, где всё случилось, доносился жуткий вой и скрежет. Артёма оттеснили — охранники встали между ним и тем, что осталось от Бланша — замерли, держа оружие наготове.

Бланш всё ещё походил на человека, за исключением когтистых рук — и что-то ещё шевелилось, двигалось под его одеждой. Только лицо осталось человеческим — неподвижное, на нём замерло удивление. Артём успел увидеть, как лужицы «ртути» начали выползать из рукавов, из штанин Бланша — и сразу же сгорали: в руках охраны были портативные аналоги тех самых «прожекторов», которыми танки выжигают органику. Канси и обе её сестры, совершенно спокойные, стояли поодаль — часть охранников заслоняла их

собой, другие уже проводили экспресс-проверку на нечисть.

Тело секретаря уже накрыли, уже выносили. Потом Артём узнал, что Бланш, или что это уже было к тому моменту, убил секретаря одним взмахом руки — не будь между Тепловым и Бланшем секретаря, жертвой стал бы сам Теплов.

— Сэр Ортем, мы изучаем подробности инцидента, — голос оружейника из рации. — Выполняйте распоряжения службы безопасности Москвы, мы остаёмся на связи.

-

— Можем ли мы рассчитывать на госпожу Хитоми? — Теплов не растерялся ни на момент — немедленно провели обеззараживание, уже специальные команды направлены в Париж, в дом Бланша — всего через две минуты после того, как окончился бой. — Мы обязаны проверить все людные места, где господин Бланш появлялся сегодня.

— Она устала и напугана, — сухо заметила Канси. — Её сегодня весь день показывали людям. Но в Москве есть ещё две кари. Мы можем помочь. — Акира, стоявшая рядом, взяла сестру за руку и кивнула. — Мы сумеем уговорить их помочь нам. Госпоже Хитоми нужно хотя бы два часа покоя, потом она тоже сможет помочь.

— Вас понял, — кивнул Теплов. — Тогда действуйте, держите связь со мной лично. Господин Злотников, вы поможете доставить кари к указанным местам, и провести проверку гражданских лиц и личного состава нашей охраны.

Артём, вместе с Канси и её сёстрами, направился к выходу.

— Мы сделали ему два укола, — пояснила Канси на ходу. — У вас хорошее средство, обезвредило его секунд за пять. С нами всё хорошо, не беспокойся. Карико, тебе лучше держаться с Мариной — пусть госпожа Хитоми придёт в себя. Свяжешься с нами, как только она отдохнёт. И не расстраивай их подробностями, хорошо?

Карико кивнула. Хорошо держатся, подумал Артём. Сам я, что уж греха таить, вначале растерялся. Никогда такого не было, чтобы человек превратился в нечисть так быстро, и ведь датчики повсюду! И не было ни единого сигнала! Канси и её сёстры, напротив, не растерялись — благодаря им погиб только один человек, не считая самого Бланша.

-

Три почти часа пролетели, как один миг. Больше нечисти не нашлось — ни среди населения Москвы, ни в охране Бланша. И самое главное: все считали, что это просто очередные учения, здесь ими никого не удивить.

— Концерт окончился нормально, — сообщила Акира, закрыв за собой дверь. — Никто ничего и не узнал. Наши тоже считают, что были учения. Артём, поздравляю, ваше выступление всем очень понравилось.

— Это всё потом, — Канси взяла Артёма за руку. — Тебе нужно выспаться. Я слышала приказ, через два часа ты поведёшь колонну. Ложись, мы разбудим тебя, когда нужно.

Когда Артём заснул, Канси оставила его на попечение Акиры, а сама отошла в ванную комнату, там включила «глаз». Всё-таки по части простых бытовых удобств на Айуре продвинулись очень и очень далеко.

Анчири и сэр Марцелл Катон вышли на связь почти немедленно.

— Тесты отрицательные, — сухо сообщила Канси. — Хочу, чтобы вы знали — мне очень неприятно было его обманывать.

— Я лично принесу ему извинения, — оружейник кивнул. — И понимаю, что вам это неприятно. Надеюсь, вы понимаете, что поставлено на карту. Он сможет вести колонну через два часа?

— Сделаю всё, чтобы смог, — Канси немного оттаяла — голос потеплел. — Насколько всё серьёзно?

— Очень серьёзно, — Анчири сделал шаг вперёд. — И опасно для жизни. Всё, более не отвлекаем — приятного отдыха и доброго пути!

День 88. Ночь длинных когтей [оглавление]

Артём проснулся — словно выплыл из пучины. Такое было недавно, успел осознать он, садясь и стараясь преодолеть накатившее из ниоткуда удушье. Справился. Собрался взять за руку Канси, лежащую рядом, и в последний миг понял, что рядом не Канси, а Акира. Одетая.

— Не ругайтесь, — шепнула она. — Ничего между нами не было. Зато два часа я была счастлива — вам ведь не жалко?

— Не жалко, — Артём понял, что не одет прежде, чем вылез из-под одеяла.

— Одевайтесь, — Акира положила стопку одежды на одеяло. — Я пока вам чай приготавливаю. Скоро отправляемся.

Несколько быстрых шагов, отворилась дверь — и нет Акиры. Артём, всё ещё под впечатлением сна, посмотрел на часы: прошло всего полтора часа с момента, как он лёг на кровать. Одетый — некогда было раздеваться, и всё такое. И ведь удалось отдохнуть, невзирая на кошмар! Едва припомнил всё пережитое, и начал вновь и вновь повторяться тот фрагмент воспоминаний про переродившегося Мориса Бланша — лицо ещё человеческое, но руки уже когтистые, и что-то ещё пыталось выбраться на свободу из-под одежды. Нечисть, выросшая из человека, первым делом старается сорвать, разорвать на себе одежду. И не случайно придумали «умную ткань» — при попытке разорвать её обрабатывает окружающие ткани патогеном, впрыскивает его внутрь. Применяется до сих пор. Интересно, а кто отключил датчики присутствия нечисти? Они не отключаются сами — не должны никогда. Но в том самом зале, в тот самый час то ли сами датчики, то ли охранные системы, то ли все они вместе перестали работать.

На этом месте из дверного проёма выглянула Акира. Артём понял, что уже одет, и помотал головой, отгоняя воспоминания.

— Мы с вами, — пояснила Акира. — Канси и Карико ждут у выхода. Мы в убежище, — предварила она один из вопросов. — Сюда отступают в случае кризиса. Это вы неплохо придумали — хорошо всё продумано, мне нравится. Всё, поешьте, пожалуйста, сегодня ночью придётся поработать.

Вот тут она оказалась совершенно права.

-

Гражданское население ничего не заметило. Во всяком случае, хочется так думать. Учения — дело обычное. Большинство живущих сейчас людей видели нечисть только в учебных роликах и на тренажёрах, но на учениях всё настолько приближено к реальности, что всем с малых ногтей вбиваются одни и те же рефлексy — те, что помогли выжить после Вторжения. Оттого никто не удивится, если ночью люди в костюмах спасателей внезапно появятся в доме, и прикажут пройти обследование. Это случалось где угодно — на улицах, в учреждениях, в магазинах. Учения принято проводить без предупреждения.

Заодно и бдительность тренируется: забывчивость спасателя, не предъявившего сразу же удостоверение личности, может стоить ему пару суток пребывания в полиции. Охолов никто не любит. Но всё равно, в целом люди Айура куда дружелюбнее, нежели те, которых Артём помнит на известной ему Земле.

Первое путешествие — рейд — произошёл там же, в Москве. И не куда-нибудь

отправлялись, а прошли по самым верхам — власти, полиции, вооружённых сил. Чисто; нечисти не обнаружили. Однако сам факт, что сигнализация была отключена, стал веским поводом для тревоги высшей степени по всему Айуру. И ответственных за отключение удалось отыскать. Всегда так, подумал Артём, помогая задерживать предполагаемых виновников — техника не справится одна, если подведут люди. Хотя и полагаться только лишь на людей уже не получается.

За Москвой последовали Венеция и Париж. Вот тут начались неприятные сюрпризы: кошки выявили нечисть не где-нибудь, а на руководящих постах. И всякий раз одно и то же: по всем признакам человек, никакими датчиками Айура не показавший себя нечистью, через несколько секунд после того, как кошка «сообщала», что ей он не нравится, преображался и нападал на окружающих. Странно: в Париже нечистью оказались два заместителя покойного Мориса Бланша. И второй из них, которого выявили и обезвредили сразу после его сослуживца, спокойно наблюдал, как обезвреживают первого. Нечисть не очень-то помогает самой себе — почему? Надеялся, что кошки его не обнаружат? Ведь принято считать, что нечисть не настолько умна, чтобы имитировать человека настолько тщательно.

...в Париже нашли шесть единиц нечисти — двух в полиции, трёх в администрации города, ещё одну единицу в штабе. Среди родных и близких Мориса Бланша нечисти не оказалось. К моменту, как проверили ближайшие контакты заражённых в Париже, и кошки успели устать, и сам Артём едва держался на ногах.

Смутно он осознавал, что Канси и Акира постоянно рядом, и выглядят возмутительно бодрыми. А из Артёма словно выкачивали всякий раз силы — после очередного короткого боя — против солдат у нечисти шансов не было — у Артёма подкашивались ноги. Пил очередную порцию тоника, той самой сладкой приторной смеси — пил через силу, и силы на время возвращались.

После того, как оперативный штаб принял решение провести немедленную проверку всех исправительных учреждений Парижа (того, что обычно именуют каменоломнями), Артёму дали полчаса перерыва. А тем временем Канси и Кариго «договаривались» со вновь прибывшими кошками — животные нервничали — сказывалась общая напряжённая обстановка. Население ничего не успело понять, с точки зрения большинства людей просто идут учения. Как и положено, внезапные.

-

...Когда Артём в очередной раз проснулся, рядом оказался не кто-нибудь, а сэр Марцелл Катон, главный оружейник Рима.

— У нас ещё пять минут, — пояснил он после того, как Артём потянулся за одеждой. — Буду краток. Удалось получить несколько оперативных записей хорошего качества. Перед тем, как человек начинал трансформироваться в нечисть, на нём сходилась сфокусированное электромагнитное излучение. Ничего не напоминает?

— Чёрт, — Артёму стало не по себе. — Это когда меня с командой переносило в «локацию М»?

Оружейник покивал.

— Что интереснее, во время последних трёх инцидентов излучение чётко фокусировалось на двух организмах: на заражённом человеке, и на вас. Перепроверили, всё именно так. Но вы просто очень сильно уставали, и всё.

Артём как стоял, так и сел.

— Откуда излучение? — сумел проговорить он. Мысли понеслись в разные стороны. — Это, случайно, не те самые неуловимые объекты, которые не получается толком изучить?

— В точку, — оружейник помог ему встать и протянул куртку. — Нет, наденьте эту. Только что из лаборатории, должна частично поглощать то самое излучение.

— Человек проходил все тесты, контроллеров в его теле не было, но за несколько секунд он всё-таки превращался. И никого не заражал до этого, — Артём посмотрел в глаза оружейника, тот одобрительно кивнул.

— Когда устанете от полевой работы, сэр Ортем, милости прошу в оперативный центр. Мне нравится, как быстро вы всё схватываете.

— А других дросселей? Их тоже облучало?

— Снова в точку. Во время каждого инцидента удавалось зафиксировать совпадающие по времени вспышки излучения. И всякий раз поблизости от фокуса был известный нам дроссель. Были и другие места, где никого из дросселей не должно быть. В одно такое место мы сейчас отправляемся. Готовы? Ваши прекрасные дамы уже снаружи, кари тоже хорошо отдохнули, готовы поработать. Приступим?

-

...В первое такое место, на котором сходилась сфокусированное электромагнитное излучение, они прибыли небольшой, но грозной армией. Кошки не потребовались: датчики нечисти ожили уже на подходе; сразу же стало ясно, отчего тревогу не подняли вовремя: внутри самого исправительного учреждения все системы оповещения отключены.

— Считается, что это невозможно, — пояснил оружейник. Сам он, конечно, в операции непосредственно не участвует. Только в роли «голоса из рации». — Будем разбираться. Мы пока что не знаем закономерности, почему облучаются именно эти люди, и почему именно сейчас.

В двух случаях инъекцию из красного шприца удалось сделать до того, как человек прошёл стадию необратимой трансформации. И вновь та же картина: ни единой клетки-контроллера, ничего, что могло бы объяснить происходящее. Двух пострадавших оперативно увезли прочь, исследовать — шансов, что они смогут снова стать полноценными людьми, мало — но и в нечисть им окончательно превратиться не удалось.

— Три недели, — пояснила Канси, после того, как вернулась с новой корзинкой, с новой кошкой внутри. Артёму уже сообщили, что объявлен уровень тревоги, непосредственно перед чрезвычайной ситуацией планетарного масштаба. Люди Айура, впрочем, всегда готовы к подобному. — Нам нужно три недели, чтобы проверить, при помощи кари, всех людей Айура. Мы привезём их столько, сколько потребуется. Ты умница! — она села рядом, прижалась щекой к плечу Артёма. — Чувствую, что ты очень устал, но всё равно держишься. Мари просила передать, что её привезли на базу Корино. На всякий случай.

На случай, если вдруг превратится, подумал Артём невесело. Минутку... Стоп! Нет закономерности?!

— Сэр Марцелл, — Артём вызвал его неожиданно для Канси — она чуть не подпрыгнула, когда он заговорил. — Есть идея. Вы говорите, что облучались и находящиеся рядом дроссели. Может, это и есть закономерность?

— Не очень понимаю, сэр Ортем. В чём закономерность?

— Толком сам не пойму, сэр. Как становятся дросселями? Нужно побывать в особых местах, верно? Ну, во всех этих пещерах и башнях?

— Верно. Если быть точным, побывать рядом с конструкциями, подобным порталам в «локации М».

— Может, все эти люди там и побывали?

Молчание. Артём физически ощущал, как догадка формулируется в голове оружейника, где бы тот ни был.

— Чёрт побери! — такое Артём услышал от оружейника впервые. — Благодарю за идею, сэр Ортем. Сейчас же начнём проверять. Возвращайтесь на базу Корино, Виктор скоро прибудет сменить вас. Заодно и поговорим.

-

Едва они прибыли на базу Корино, как Канси и её сёстры окончательно выбились из сил. И понятно: по словам Канси, огромные усилия уходят на то, чтобы помочь кари. Такое количество нежити, да ещё так много впечатлений — тут и люди-то не справятся. И всё-таки, каким образом кошки почуяли нечисть там, где все приборы Айура не смогли? На что обращают внимание эти живые «датчики»?

Задал бы этот вопрос Канси, но она уже спит. Перед тем, как пойти на совещание, Артём не забыл позвонить Марине. Чувствовал, как та нервничает — на огромном расстоянии чувствовал.

— У нас всё хорошо, — заверила Марина. — Я понимаю, учения — но всё равно кажется, что это всё по-настоящему. Береги себя!

Постаралась закончить разговор побыстрее, подумал Артём. Это понятно — если она чувствует, что это вовсе не учения, немудрено. Когда провожают на войну, на настоящую, подолгу не прощаются. Собрался, проверил снаряжение, ушёл.

Когда Артём вошёл в оперативный центр, там вовсю кипела работа. Обсуждали, следили, координировали. Всего с начала событий в Москве этой ночью выявлено семнадцать экземпляров нечисти на поверхности, и четыреста двадцать — в исправительных учреждениях, то есть под землёй. И в каждом случае сигналов тревоги не подавалось. Иными словами, сигнализация намеренно выводилась из строя. Кем? Кто, в своём уме, захочет такой смерти другим людям?

По счастью, в армии не опираются на предположения, и в каждой новой единице техники, в каждом снаряжении, в каждом предмете одежды человека свои датчики, своя система обработки их сигналов. Незаметно вывести из строя их все вряд ли получится. Так и выходило: едва в подземные «логова» прибывали терминаторы, тут же поднимали тревогу. Сейчас все до единого подземные комплексы проходят новую проверку. Где наблюдается хотя бы малейшее подозрение в работе систем охраны (то есть повсюду), заменяется всё, от датчиков до вычислительных комплексов, вся одежда и оборудование. Это они правильно, подумал Артём. Может, не все опасности успевают предвидеть, но действуют чётко, не оставляют ничто неизученным. Буквально каждый предмет подлежит обследованию, а в случае подозрений — уничтожению.

Операция ещё не завершена, но главное сделано: проверены самые верхние эшелоны власти. С них начали, исключений нет ни для кого. И там, увы, нашлось двое заражённых. Удивительно, что у них дома всё оказалось чисто — ни скрытых мест обитания нечисти, ни других заражённых. Как такое вообще возможно — пока неясно. Нечисть никогда не проникала изолированно, все крупные организмы первым делом заражали несколько людей поблизости — резерв, так сказать.

— Пока что ваше предположение подтверждается, — оружейник пожал Артёму руку. —

Все до единого заражённые люди на поверхности в детстве пытались найти «волшебные места». Вероятно, были такие и в колониях нечисти, мы обезвредили целиком три исправительных учреждения, и частично — ещё двадцать два.

Так много, подумал Артём. Похоже, так всегда будет — пока существуют люди, будут и тюрьмы. Вроде бы всё настолько развито, люди научились посещать дальние части космоса, научились преобразовывать элементы, победили болезни, решили проблему голода — и всё равно есть преступники и необходимость что-то с ними делать.

— ...их происхождение. — Артём осознал, что с ним говорят, а он пропускает всё мимо ушей. — Простите? — спросил он, встретившись взглядом с оружейником.

— Упомянутые квазиживые образования — те, что живут в атмосфере — всякий раз создавали сфокусированный пучок электромагнитного излучения. Пока что наша гипотеза — что они и ответственны за трансформацию. Никаких больше данных, изучать их затруднительно, мы пока не придумали надёжной методики. Мы переоборудуем наши зонды, что выяснить, откуда они берутся. Есть уже предположение, как их уничтожать — но мощности зондов пока не хватает, чтоб охватить всю планету.

— И пока что обрабатываем города, крупные населённые области, — заключил Артём. — Но почему именно сейчас они начали действовать?

Оружейник пожал плечами.

— Насколько я знаю, это был первый случай, когда кари продемонстрировали, как именно они обнаруживают заражённых. Все предыдущие контакты были с нормальными, обычными людьми. Догадок строить не буду, фактов пока маловато. Нужен ещё один опыт, сэр Ортем. Вы пока единственный среди дросселей умеете вызывать состояние, когда под вами образуется портал в «локацию М». Понимаю, что вы устали, и опыт небезопасен, однако нам нужно больше данных. Мы обязаны понять, откуда берутся «светлячки» — рабочее название этих объектов — что они такое, и как функционируют. Вашу команду уже оповестили.

Формально, я должен согласиться, подумал Артём. Мне могут приказать, и я выполню приказ, но сейчас он хочет, чтобы я принял решение сам. Мне и самому интересно понять, что это за странные такие существа или предметы, откуда взялись, что им от нас нужно.

— Да, я готов, — поднялся на ноги Артём. — Где проводим эксперимент?

— На отдалённом полигоне базы Корино. Поберегите силы, вас туда доставят обычным, так сказать, образом.

-

Лилия проснулась. Мало того, что не помнила, что случилось — почему вдруг проснулась, каким образом оказалась шагах в десяти от кровати — так ещё и пустой красный шприц в правой руке и след от инъекции — на левом локте.

Лилия сняла со стены походный сканер — датчики нечисти и в полу, и повсюду, но чтобы уж наверняка. Проверилась. Ничего не нашла, хвала небесам, но зачем, зачем сделала себе инъекцию? Что могло такого случиться, чтобы это пригодилось?

Плохо, когда провалы в памяти. Лилия посмотрела на часы — половина второго ночи. Все спят, недавние события всех измотали — а заснуть не получается. И доктор в клинике. Может, туда и прогуляться?

Она шла, и шла, и шла — чудесная ночь, Рим совершенно не догадывается, сколько драм успело уже разыграться сегодня, люди всегда готовы к битве, но пока можно, наслаждаются жизнью. Лилия шла, смутно припоминая, как именно она оделась, прошла мимо охраны у

себя дома и отправилась пешком дальше. Хотелось именно пешком, не дилижансом. Хотя мимо проезжали не раз и не два — только рукой махнуть.

Странно, но в голове сумбур всё ещё продолжался. Трудно оказалось сосредоточиться на чём-то одном, мысли скакали с места на место, словно птицы по земле в поисках червей. И почему черви пришли на ум? Неаппетитные на вид существа, но очень полезные — и тоже подарок от далёкой Плутонии: живое оружие против нечисти, помимо их основного предназначения — перерабатывать органические остатки в земле, делая её плодородной и питательной для растений.

— Скучаете? — вот уж кого не ждала и не мечтала встретить, так это сэра Тиберия Моската. Он-то что здесь делает? — Я вот тоже, госпожа Корту. Вы не торопитесь, если я могу спросить?

— Да, в клинику нужно подойти, обещала, — и зачем солгала, пусть и в малости?

— Позвольте составить вам компанию?

— Сделайте одолжение, — и опять не то сказала. Нужно было просто вежливо и твёрдо ответить «нет».

— А я ведь не поверил тогда, госпожа Корту, — произнёс сэр Тиберий, когда до входа в клинику оставалось минуты две. — Когда вы намекнули, что были дросселем. Ну, на второй день возвращения в Рим. Помните?

— Во всех подробностях, — сухо отозвалась Лилия. Именно благодаря намёкам сэра Тиберия и начались все неприятности, окончание которых могло случиться в ангарах.

— Ну, примите мои извинения. Я что хотел сказать? Нашлось то место, о котором вы рассказывали. Площадка в лабиринте. В точности как в ваших с Августом рассказах.

Лилия резко остановилась.

— Проверяете мою лояльность? — лицо её обрело хорошо известное Риму каменное выражение. Царевна Несмеяна, как однажды сказал Ортем. — Не беспокойтесь. Доложу в штаб, как только выйдут из клиники. Что-нибудь ещё?

— Видно, я вас тогда крепко обидел, — сэр Тиберий оглянулся. — Даже и не знаю, чем исправить. Что, если я просто приведу вас туда? Я присматриваю за тем местом — небезопасное, но почему-то никто им не занимается. Хотите побывать там ещё раз, пока его не уничтожили?

— Только в составе официальной экспедиции, — Лилия не смогла сдержаться и во второй раз. — Чтобы всё по правилам.

— У меня всё по правилам, — заверил её сэр Тиберий. — Может, тогда вы смените гнев на милость.

— Хотите предложить мне стать хозяйкой? — не сдержалась Лилия. — А всех предыдущих куда денете?

— Не думал, что вы верите слухам. Скрывать не стану, очень хотел бы видеть вас хозяйкой. Хотя знаю, что это невозможно.

— Зачем вам всё это? — улыбка Лилии вновь потускнела. — Если можно, правду.

— Хочу увидеть. Увидеть, как человек снова становится дросселем. И вам ведь тоже польза, верно? Согласны отправиться? Если да, всё будет официально.

И в третий раз Лилия не смогла удержаться.

-

Команда собралась в положенные полчаса. И вновь им придали четыре малых танка — ростом хоть и с собаку, а огневая мощь не меньше, чем у терминатора. Когда «собаки»

следовали рядом с людьми, так и хотелось потрепать кого-нибудь из них за холку — они и впрямь напоминают собак.

Эксперимент проводили в наиболее отдалённом от населённых пунктов полигоне — сейчас, пусть и на почтительном расстоянии, вокруг собралось множество терминаторов, выставлены танковые оцепления — по словам оружейника, это штатные меры предосторожности. Просто раньше Артёму не доводилось видеть всё это своими глазами. Они и впрямь готовы к тому, что возможно массовое проникновение нечисти из точки контакта с «локацией М».

О точном времени специальных операций заранее знают немногие. Вот и сейчас: прибыли, проверили снаряжение, включая «собак», заняли боевое построение — и всё. Ждать приказа. Минуты текли медленно. На далёком Австре из Плутонии сейчас спешно доставляют на Айур кошек — много, очень много, теперь в их пользе и способностях сомнений нет. И дождевых червей, и прочие мелкие формы жизни, которые жители Плутонии сумели превратить в оружие против нечисти.

К чести жителей Айура, их рыбы и планктон, которыми удалось очистить океан от чужеродной жизни, произвели на Анчири и других учёных Плутонии большое впечатление. Пусть даже мы семьсот лет прятались под землёй, подумал Артём, и поймал себя на мысли: совершенно естественно подумалось «мы», а не «они». Впервые подумал о себе как о жителе Айура, и вышло совершенно естественно.

Интересно, где сейчас Марина, где Канси, где остальные? Мари здесь, неподалёку — будет вести мониторинг его путешествия в «локацию М». Остальные неизвестно где, и не хочется им звонить — и так все перенервничали. Шутка ли, найти нечисть не где-нибудь, а в штабе! И ведь датчики оказались рабочими, и все положенные проверки люди проходили... Расслабляться некогда. Оружейник и его люди сейчас в срочном порядке испытывают новые датчики, по слухам — куда более чуткие и точные.

— Сэр Ортем, готовность пять минут, — голос оружейника из рации. — Инструкции вскрыть по прибытии. Начинайте мысленно воспроизводить ту мелодию — песню, которую вы исполняли в Колизее.

— Есть, сэр, — команда сопровождения уже стояла рядом. На этот раз они одеты для боевой операции — как тогда, во время вскрытия заброшенного, погибшего убежища. И мелодия песни «Regrets», и слова её пришли на ум сами. Не успел Артём закончить и первый куплет, как окружающий мир подёрнулся дымкой — весь, кроме его команды, включая готовых к бою «собак».

-

Первое, что Артём ощутил — незримую силу, сковавшую движения; органы чувств повели себя необычно — отказало всё, кроме зрения. И время потекло быстрее.

Зрение работало непривычно, выдавая один «кадр», по ощущениям, каждые несколько секунд. Артём видел, что бойцы его сопровождения, с оружием наготове, открывают по кому-то огонь, что «собаки» также начали боевые действия, но сам не успел понять, против кого. Тело двигалось медленно, как не своё, и только отдельные «кадры» приходили, в полной тишине и пустоте отключившихся органов чувств.

Окончилось это странное состояние так же внезапно, как и началось. Сколько прошло времени, сказать было трудно, смотреть на часы — некогда. Артём осознал, что трое «операторов» — таких же четвероруких и безликих — стоят метрах в десяти, мимо них к его группе несётся непрерывный поток нечисти — сплошь «зомби», «пауки» и «титаны» — а

занявшие клиновидное построение малые танки выжигают, разрушают этот поток. Но долго так продолжаться не может — от уничтоженных форм нечисти остаётся слизистая масса — вскоре придётся отступать, чтобы не увязнуть в ней. Артём бросил взгляд под ноги — нет ставших привычными очертаний портала — и осознал, что его непрерывно вызывают.

— Вас слышу, — собственный голос прозвучал хрипло, показался чужим. — Вас понял, этого места нет на карте.

«Стоять!», мысленно крикнул он, и бегущая к его группе нечисть замерла. А голову словно окатили кипятком — Артём стиснул зубы, чтобы не закричать. Назад, думал он, глядя на замерших, увязших по колено в слизи «титанов», отойдите назад. Дайте пройти. Позади его группы тупик — и действительно, этого места нет на картах «локации М». Вот так попали!

Нечисть послушно расступилась — голову продолжало обжигать — и Артём увидел, что трое «операторов» опустили протянутые к нему руки. Убейте их, разорвите на части! Ближайшие к операторам «титаны» сделали пару шагов, занося для удара кулаки... и замерли. По счастью, танки открыли огонь — вспышка, и останки трёх безликих человекообразных фигур оседают, разваливаются такой же слизистой массой, что и все прочее. «Титаны» словно очнулись — принялись растаптывать, добивать всё, что осталось.

То, что бой окончен, Артём понял не сразу. Нечисть — десятка два единиц — стояла у стен, и сейчас стало понятно, что впереди — просторное, сводчатое помещение с ярко светящимися стенами и потолком. Причудливые выросты повсюду — более всего походят на деревца, но вместо листьев — каплевидные прозрачные образования. Именно возле деревьев и стояли уничтоженные «операторы».

Пульт управления, пришла в голову мысль. Или что-то похожее. Танки принялись выжигать проход в растекшейся вокруг мёртвой биомассе, готовые немедленно вступить в бой. Артём успел обрадоваться, что костюм не пропускает внутрь запахи.

— Отправляю зонд, — сообщил командир группы сопровождения. — Сохранять боевой порядок. Сэр Ортем, ваше состояние?

Артём произнёс кодовую фразу. Датчики постоянно передают сведения о наличии клеток нечисти внутри костюма, и случись что — Артёма уже бы обезвредили (как минимум, лишили возможности и ввели содержимое красных шприцев).

— Зонд показывает проход. Внимание, там нечисть, зонды показывают сто двадцать крупных форм. Сэр Ортем, вы можете обезвредить их?

Песенка про дерево зазвучала в голове сама собой. Возможно, Артём стал напевать её, сам не обращая внимания — все бойцы его группы переглянулись с таким видом, что не верят собственным ушам. И Артём понял, что, раз он видит их лица, то органы чувств восстановили работу. И...

Потом уже сказали, что это зафиксировали приборы — костюмы сумели поглотить волну жара, нахлынувшую со всех сторон. Слизистый вал впереди словно вскипел — Артём подумал, это работа танков — и застыл, затвердел. Замерла нечисть, все до одной единицы. Танки теперь светили не бело-синим, уничтожающим органику, сиянием, а ярко-жёлтым — сдерживающее, силовое поле.

Вновь накатила волна жара. И вновь переглянулись бойцы.

— Мы берём пробы, — доложил командир группы. Пробы берут зондом — там, за углом, куда они улетели — а здесь этим занялись танки. — Похоже на древесину, сэр Ортем. Анализы покажут точнее. Это вы их так? — спросил он уже обычным, так сказать,

неуставным голосом.

— Не уверен, сэр, — ответил Артём, и только что челюсть свою не придерживал, чтобы не отвисла. Они и впрямь превратились в нечто, напоминающее древесину! И при этом разогрелись — танки зафиксировали, что ставшие скульптурами «титаны» и прочие, а также затвердевшая лужа слизи достигли температуры до ста пятидесяти по Цельсию.

А «деревья» с каплевидными образованиями на концах «ветвей» перестали казаться сверкающими игрушками — никакого свечения, никакого излучения, доступного датчикам людей и танков. Их тоже повредило? И всего-то нужно было вспомнить песню «Ты — дерево»?

Пол пошатнулся под ногами.

— Похоже на землетрясение, сэр, — командир группы и все прочие сумели удержаться на ногах. — Зонд нашёл очертания портала, судя по излучению — он действует. Ваши приказания?

— Оставляем зонды и один из танков, и идём, — решил Артём. Не совсем самостоятельно решил — это в инструкции. И командир группы сам её знает, видимо — решил убедиться, что Артём ведёт себя адекватно, умеет принимать решения.

Пол вновь дёрнулся — словно люди стоят на коже огромного животного, и досаждают ему, словно блохи — собаке. Лишь бы не почесалось, пришла глупая мысль, и Артём сдержался, чтобы не расхохотаться. Да. Вперёд, прочь отсюда! Брать с собой образцы «капель» с поникших «ветвей» вокруг не стали, но взяли пробы и итоги поверхностного анализа.

Пол ещё несколько раз содрогнулся под ногами, но группа Артёма уже становилась на портал, снаряжение включено, к неожиданностям, насколько это возможно, готовы.

Перенос. И ещё один. И всякий раз в новое место — не успевали начать исследовать его, как их бросало дальше. И на одиннадцатом «прыжке» они оказались в «библиотеке» — известном месте, раз их встретил их собственный зонд. Забрали зонд, оставили другой, и — в путь.

...Когда они вернулись на Айур, уже светало. Ночь «длинных когтей», как успели её окрестить в ведомстве оружейника, завершилась. А они готовы к подобному — успели посетить все известные поселения, проверить, при помощи кошек, все тактически и стратегически важные пункты, всё без исключения командования, и теперь осталось только проверить население. С этим, как ни странно, куда проще.

-

Мари встретила его, когда Артёма и остальных отпустили после осмотра. Долго осматривали; одного из бойцов оставили в карантине, остальных отпустили — отдыхать сутки, быть готовыми к немедленному сбору.

— Лучше не бывает, — Мари ответила на незаданный вопрос и взяла его под локоть. — Мы все очень соскучились. Только сейчас мне рассказали, и разрешили кое-что рассказать другим. Ну у вас и ночь была!

Она остановилась у скамейки — Артём подумал, что ей нужно присесть — и, почти незаметно для идущих вокруг людей, оглянулась.

— Лилия пропала, — шепнула Мари. — Оставила странную записку. Дескать, не беспокойтесь, скоро буду, всё...

Она осеклась — Лилия шла им навстречу, была от них шагах в десяти. Откуда взялась?! Вроде неоткуда, здесь не спрятаться. Ничего не понимаю, подумал Артём.

— Секретничаете? — Лилия обняла его, а затем — притихшую Мари. — Я всё объясню. В штаб я уже доложила. Сегодня со мной поговорят их специалисты, а там посмотрим.

— Ты — дроссель, — заключила Мари, опередив Артёма. — Снова, да? Как это случилось?

Лилия улыбнулась во весь рот.

— Побывала в том же месте, где когда-то была с Августом. Оно ещё цело, всё ещё действует. Наверное, меня накажут, но и пусть. Ортем? Вы домой? Можно с вами?

Мари посмотрела в глаза Артёма. Тот кивнул.

— Рассказывай прямо сейчас, — потребовала Мари. — Остальным потом повторишь. Давай, давай, не скромничай! Так и знала, что твоя история куда интереснее, чем ты притворялась!

Дни 89–91. Роза и кинжал [оглавление]

Артём прочитал сводку — оружейник прислал, как только обработали первые данные. Всего по Айуру необратимо переродилось сто восемьдесят человек. В срочном порядке начата замена датчиков нечисти во всех крупных городах, вокруг всех «диких» поселений выставлены кордоны; в те из поселений, что общаются с крупными городами, уже прибыли специалисты — проверить, объяснить ситуацию, оборудовать периметр новыми датчиками.

Под руководством специалистов из Плутонии на Айур доставили четыреста двадцать пять кари — кошек, обоих полов. Разумеется, всё необходимое для счастливой жизни кари доставляют тоже. И — ещё одна новость: по словам оружейника, Плутония начала получать все необходимые ей элементы. Сами синтезатор им пока не передали, но всё, что Плутония запрашивает, синтезируют и пересылают. В качестве ответной любезности, учёные Плутонии (и Акира — не в последнюю очередь) передали множество ценных знаний — в том числе медицинских.

Как только передадим им синтезаторы, сразу станет ясно — доверяем друг другу полностью, подумал Артём. Главное, что сдвинулись с мёртвой точки взаимного недоверия. Раз передаём им железо — значит, не боимся, что Плутония хочет захватить Айур.

Артём закончил читать отчёт и ощутил — сам не понимая, как — что Канси стоит за спиной. Стоит и улыбается.

— Если у тебя найдётся время, — сказала она, после того, как отпустила, — я хотела бы начать заниматься. Знаю, знаю. Никто не может обучить другого умениям дросселя. Вы все так говорите. Но я всё равно хочу научиться.

Артём не забыл запросить штаб — получил «добро» на «тренировки», но с одним условием: только на базе Корино, и только при условии, что будет вестись мониторинг состояния их обоих.

Но вначале Артём не забыл повидаться со всеми домочадцами, начиная с Марины.

-

— Почти совсем не переживала, — обняла его Марина. Ни следа того тщательно скрывавшегося страха, нет ощущения натянутой струны. Как она изменилась, подумал Артём, ведь сейчас в точности Инга!

— Странно, что я всё время это чувствую, — Марина посмотрела ему в глаза. — Когда ты вспоминаешь её — ту, за которой пришёл на Айур. Другую меня, — она улыбнулась. — И меня это больше не злит. Но я и в самом деле не могу ничего вспомнить из той, прошлой жизни.

— Не могу ничего поделаться, — вздохнул Артём. — Иногда вспоминаю её — тебя — в

прежней жизни. Это не получается стереть из памяти.

— Не нужно ничего стирать, — Марина перестала улыбаться и погладила его по голове. И опять — тем же самым жестом, так же, как Инга когда-то. Мне нравится, сказала она. Некоторые вещи мне просто нравится делать. Привыкай, я такая. И я стараюсь привыкать, если что-то в тебе кажется странным. Быть самим собой — самое естественное, разве нет? — Я ещё не вспомнила. Не совсем вспомнила, когда впервые здесь проснулась, по-настоящему. Но я вспомню.

-

— Она права, мы и не испугались по-настоящему, — согласилась Миранда. — Очень вас не хватает. Теперь гораздо больше забот, и я, если честно, немного завидую Канси. Но только немного, — она улыбнулась и жестом пригласила присесть. — У вас ведь найдётся пять минут?

Она убежала в студию и вернулась с альбомом; что-то новое — его Артём ещё не видел. Открыл — удивительно, что Миранда столько времени продержала это в тайне. Такое вряд ли пишется за пару минут. Пейзажи, преимущественно — ночные, где-то в городе. И звёздное небо — то самое, земное. Узнаваемые рисунки звёзд, узнаваемые, хоть и смутно, пейзажи. Откуда??

Миранда смотрела на то, как меняется выражение лица Артёма.

— У Марины было такое же лицо, — добавила она. — Неужели настолько точно угадала?

— Но как??

Миранда пожала плечами, пододвинула стул и уселась рядом.

— Сама не знаю. Мне что-то начало мерещиться в ту ночь, на плоту с Мариной. Потом уже в приюте — когда Марина болела. Что, удивлены? Дети чаще болеют. Считается, что не очень правильно сразу ставить всю эту нашу защиту от инфекций детям — организм должен хотя бы минимально настроиться со всем управляться сам. Вмешиваются, только если болезнь протекает тяжело, или возможны осложнения. Марина раза три лежала с высокой температурой, а мне в такие ночи всякий раз мерещилось звёздное небо во сне, и вот такие странные пейзажи. Не знаю, что и сказать. Что это?

— Здесь я работал, — Артём указал на узнаваемый силуэт высотного здания. — А этой дорогой шёл с работы домой, когда не было настроения ехать.

— Ужас, — содрогнулась Миранда. — И всякий раз в сумерках?

— Иногда допоздна засиживался, — согласился Артём. Действительно, подумалось, теперь это кажется странным — на подобной работе сидеть допоздна. А тогда, наоборот, казалось вполне нормальным. — Мне нравилось идти домой ночью, смотреть на звёзды.

— А она? Всё это время ждала дома?

— Мы работали в одном и том же месте, — Артём и сам уже не был уверен, так ли это. — Но я бывал дома реже, чем ей хотелось бы.

Миранда покивала.

— Извините, если настроение испортила, — она взяла его за руку. — У вас несколько секунд был такой взгляд... Сейчас уже лучше?

— Лучше. Миранда, можно личный вопрос? Почему всё время на «вы»?

Она рассмеялась.

— Привычка. «Ты» — это привилегия, Ортем, её нужно заслужить. Иногда за всю жизнь так и не получается заслужить. Я почувствую, когда это наступит, не сомневайтесь.

-
Лилию он застал на бегу. Не он бежал, Лилия — собиралась уходить.

— Много новых забот? — спросил он, после того, как сияющая Лилия обняла его. — Вы счастливы?

— Ещё как! — она улыбалась. Вновь исчезла царица Несмеяна. — Вам спасибо. Да, я снова нашла то самое место, снова побывала там. Побывала, пока его не разрушили. Так и сказала в штабе. Там сказали, пока не станут его ломать, понаблюдают. У вас что-то срочное? Мне на тренировку нужно успеть.

— Не срочное, — заверил Артём. Замечательно. Но что-то Лилия не договаривает — Инга умела мастерски опознавать, когда Артём говорит неправду, или что-то недоговаривает. Ей не нужно для этого было видеть его, или слышать голос — она и по шёпоту могла. Я не говорю, что ты должен всю душу открывать, но врать тоже не нужно. Хочешь, чтобы что-то осталось в покое — так и скажи. Я не буду спрашивать, даже если мне не нравится такая тайна...

— Если хотите что-то сохранить в секрете, лучше так и скажите, — Артём сам не понимал, отчего сказал. Лилия, уже шагнувшая к нему, чтобы обнять — перед тем, как уйти по делам — замерла. И лицо её на краткий миг стало мёртвой маской Несмеяны. — Вы что-то недоговариваете, Лилия. Если это что-то личное — не буду расспрашивать.

Она стояла и смотрела, и взгляд, пусть и не сразу, но оттаял. Лилия улыбнулась и обняла его, как собиралась.

— Знаете, почему людям нравится обнимать? — шепнула она на ухо. — Твой взгляд не видят. Вы правы, я не всё рассказала. Но там ничего такого нет. Если хотите, я расскажу, — она отпустила Артёма и взяла его за руки. — Если попросите, расскажу.

— Решайте сами, — Артём выдержал её взгляд, она отвела его первой. — Если что-то важное, расскажите. Необязательно мне.

Она кивнула, и — всё, её нет. Прощаться подолгу в Риме не принято.

Потом уже вспоминал и понимал: надо было попросить. Или приказать, неважно. Она рассказала бы. Возможно, что тот самый важный момент был упущен. Но как говорил их учитель по физкультуре в школе — не сожалеете о содеянном.

-

Арлетт Беклин оказалась у себя в комнате и, впервые на памяти Артёма, не стала под каким-нибудь предлогом уходить. Сходила заперла дверь за ним, потом обняла Артёма и долго не отпускала.

— У меня всё хорошо. Не так, как мечтала, — она улыбнулась, глядя ему в глаза. — Может, просто я не о том мечтала? Может, мечта была чужой?

Артём улыбнулся в ответ. Арлетт не отводила взгляда, и не переводила разговора на повседневное — что кому испекла, как дела в её магазине.

— Такое бывает? Чтобы мечта оказалась чужой?

Она развела руками.

— Наверное, бывает. Никак не могу привыкнуть к Риму. У нас там каждый день нужно что-то доказывать, оказаться хоть немного, но впереди остальных. Здесь не так. Здесь просто нужно быть полезной, этого достаточно. Но иногда хочется вернуться в Париж, на день или два.

— Возвращайтесь. Возьмите кого-нибудь, чтобы не скучать там.

Она посмотрела ему в глаза, молча кивнула.

— Обязательно. Не знаю, когда. Когда пойму, что нужно. Ортем, вы правда меня простили? Я ведь всё для себя делала, не для вас. А вы даже не задумались, нужно ли мне помогать — спасли, потому что могли.

— Если было что прощать — простил.

Арлетт обняла его снова.

— Пока не могу, — шепнула она ему на ухо. — И хочу попросить вас остаться, и сразу же вспоминаю тот первый день. Говорят, некоторые люди умеют забывать то, что им не нравится. Я пока не научилась. Но вы ведь ещё зайдёте, да?

-

Акира оказалась одна, без Карико.

— У неё свидание с ювелиром, — охотно пояснила она. — Что вы так смотрите? Весь город знает. Не удивлюсь, если он ей уже предложил руку и сердце — здесь ведь так выражаются?

— Думаете, у него есть шанс?

— Приручить? По нашим обычаям? — она улыбнулась, не отводя взгляда. — Конечно, нет. Мы быстрее, сильнее и выносливее. О, вы уже научились слушать правду в лицо! Но знаете, я всё-таки верю в чудеса. Вы ведь настоящее чудо, хотя и не любите такое слышать про себя. Нет-нет, не напрашивайтесь. Я бы с вами весь день провела, — она взяла Артёма за руку, не отводя взгляд, — и ночь тоже. Как в тот раз. Но у меня дела, простите.

— Прощаю. У меня дела, как раз собирался придумать отговорку и уйти.

Акира рассмеялась, и наросшие было в её взгляде льдинки тут же растаяли.

— Точно, у меня научились. Сможете зайти ко мне вечером? Хотела рассказать вам кое-что интересное.

— Только в присутствии Канси, — Артём и сам не знал, отчего вдруг сказал так. Акира улыбнулась.

— Ну конечно. Ей тоже будет интересно.

-

Глорию Артём менее всего ожидал застать у себя дома. Но застал. То, что ей выделили отдельную комнату, он уже знал — комната теперь всегда за ней, никому больше её не сдадут. Хочешь, чтобы человек возвращался чаще — пусть его комната всегда остаётся за ним.

— Вы ко мне? — она открыла дверь, когда Артём, в полной уверенности, что комната пуста и заперта, опустил кулак, которым только что хотел постучать. — Ужасно рада вас видеть!

Артём и сам не знал, что сказать. Странное ощущение: не то чтобы прощаешься со всеми — тут прощаются, коротко, всякий раз, когда покидают дом. Вроде бы ещё один эксперимент, вроде бы ничего страшного не предполагается, а ощущение именно такое.

— Проходите, — Глория поманила его внутрь. — У вас много мыслей, но не знаете, с чего начать? Много у вас времени?

— Точно не скажу. Минут пять есть.

— Тогда я скажу. Я уговорила родственников, половину времени буду проводить здесь, половину — в Лондоне.

— Это замечательно!

— Я тоже так думаю, — улыбнулась Глория. — Очень плотное расписание, много выступлений. Мне нравится в Риме. Моим родным здесь не очень уютно, а мне нравится.

Всё, идите!

— Простите? — Артём, в некой оторопи, встал из кресла.

— Вы будете чувствовать себя неловко. У вас ведь нет пяти минут. Лучше потом, без спешки.

-

— Я тоже со всеми попрощалась, — шепнула Канси, когда их обоих препроводили на тренировочную полосу — здесь дросселей учат тщательнее управлять своим талантом, скоростью перемещения. В том числе учат ходить — скользить — по воде.

— Так всё серьёзно? — Артём посмотрел в её лицо. Канси не сразу, но кивнула.

— Поняла вдруг, что нужно. Всё, можно начинать?

— Начинаем, — Артём протянул ей руку. — Первые сто шагов идём, потом я перехожу в скольжение. Остановка у первой контрольной точки, пять километров отсюда. Готова?

Странно, но «втаскивать» Канси в скольжение на сей раз оказалось необычайно трудным. Артём даже подумал, что с его собственным умением скользить что-то случилось. Однако регистратор ничего необычного не зафиксировал, как потом сказал оружейник.

Дошли до контрольной точки быстро, но там Артём почувствовал себя совершенно вымотанным. Что за новости?! К ним обоим подошёл врач, сделал все положенные замеры — подтвердил, что потрачено много сил, но и только.

— Твоя работа? — минут через пять разрешили встать и открыть глаза: дали питательного сиропа, и велели лежать молча. Артём обращался к Канси — она от сиропа отказалась, но в остальном послушалась.

Она кивнула.

— Может, пояснишь? Или тайна?

— Я стараюсь перенять твоё состояние. Трудно объяснить. Давай, я дома объясню, ладно? Я правда тебя так утомила? Я постараюсь делать это аккуратнее. Продолжим?

Продолжили. Спустя шесть коротких «походов» от первой до второй контрольной точки врач велел прекратить и отдыхать по-настоящему.

— Вы очень много скользили, — пояснил он. — Надо дать себе отдых. Не беспокойтесь, обычная усталость. По всем прочим признакам вы в форме. Я вызову вам транспорт — постарайтесь выспаться как следует.

-

— Я должна была объяснить это с самого начала, — Канси потупилась. В комнате, кроме неё, были ещё Марина и Миранда. Обе сестры Канси позвонили и сказали, что будут поздно — за них не волновались. — Но меня попросили не делать этого, пока не будет правильный момент. Похоже, это и есть момент. Миранда, можно попросить тебя сесть рядом со мной.

— Конечно, — Миранда улыбнулась. — Будешь опыт ставить?

— Да. Ничего страшного не будет, только не пугайтесь.

Пообещать это оказалось проще, нежели выполнить. Особенно в тот момент, когда начало меняться лицо Канси — несколько неприятных секунд оно выглядело страшновато, примерно так выглядит лицо человека, которого пожиратель завершает превращать в хищную протоплазму, биомассу.

Миранда поднялась на ноги, не отводя взгляда от Канси. Та повернулась лицом к Марине и Миранде, и Артём видел только величайшее изумление на их лицах.

— Это я?! — Миранда первой сумела что-то сказать. — Мне это не мерещится?

— Это ты, — подтвердила Канси и Артём едва не уселся прямо на пол. Голос Миранды! Канси повернулась лицом в его сторону.

Лицо Миранды. Не абсолютно точное, но отличить на расстоянии будет трудно. И голос её!

— Вы умеете маскироваться под других людей?! — поразилась Марина, шагнув к Миранде и Канси. Остановилась, переводя взгляд между ними. — С ума сойти. Но зачем?

— Вначале приходилось маскироваться не под людей, — Канси уже обрела своё собственное лицо. И снова несколько неприятных секунд, когда словно окатывали холодной водой — черты лица смазались, исказились. Голос Канси вновь стал голосом её самой. — Если интересно, это очень больно, и отнимает много сил. Нечисть, издали, определяет именно по внешнему виду. Когда мы это поняли, то придумали мимирию.

— С ума сойти! — Миранда осторожно протянула руку и прикоснулась к щеке Канси. — Как будто в зеркало глядела. А такому можно научить? Или нужно родиться на Плутонии?

— Можно обучить кого угодно. Но потребуются специальные препараты, и аппаратура, и это всё очень неприятно.

— Меняется только голос и внешний вид? — Миранда, похоже, окончательно взяла себя в руки.

— Да. Рост, вес останутся моими. Всё остальное можно изменить так, что снаружи никто не отличит.

— Кто на Айуре знает, кроме нас троих? — поинтересовался Артём. Теперь мы, те, кто в комнате, слишком много знаем, пришла в голову нелепая мысль.

— Анчири сразу сообщил вашему руководству, и передал методику, как распознать мимирию, — Канси села на стул. — Мы ведь союзники, да?

— Конечно. Не знаю про других, а меня ты сумела напугать. Пусть даже на минутку, — Миранда улыбнулась. — С ума сойти!

— Тогда, когда всё только началось, это могло бы здорово помочь, — добавила Марина. — Она права, я тоже немного испугалась. Нет-нет, не извиняйся. Это потрясающе!

И завязалась обычная, приятная вечерняя беседа ни о чём. Обо всём, то есть.

— А где Акира и Карико? — поинтересовалась Марина, когда успели выпить чая — внизу, со всеми домочадцами. — Что-то их долго нет сегодня.

-

Альберт Кроули стоял посреди крупнейшего цеха — машины могут работать и ночью, но все до единого изделия ювелирной фабрики изготавливаются при живом участии человека. Такова традиция.

И сейчас в цехе темно и пустынно. Ну, не совсем темно и так уж пустынно: где-то здесь Карико. Которой Альберт сегодня сделал предложение. Сам никогда не верил в любовь с первого взгляда... но ведь случилось!

И согласился пройти их ритуал, принятый на Плутонии. Не очень понимая, если честно, как его пройти. Ведь они действительно сильнее, быстрее и, при прочих равных условиях, превосходят в боевом отношении людей Айура — людей Земли.

Карико может быть где угодно. Альберт отчасти хитрил, хотя и непреднамеренно: в его повседневной одежде есть в том числе и тепловые датчики. И датчики присутствия — их можно настроить на конкретного человека, и его персональный след, неповторимое сочетание летучих веществ и тепловой след, можно определить издали. Шагов с пятидесяти

в помещении, шагов с десяти на открытом воздухе (если атмосфера относительно спокойная) — люди давно уже могут выслеживать не хуже давно вымерших собак.

Но Альберт не стал им пользоваться. Сам не знал, почему. Какой уж тут честный поединок — потом уже понял, что шансов практически нет. Но согласился. И сейчас Карико, с ножом в руке, может быть где угодно...

Альберт сжал крепче левый кулак — там, внутри, его подарок для Карико. Если удастся дожить до момента, когда можно будет предложить.

Прислушался к собственным чувствам. У него время до рассвета, чтобы найти Карико и победить в бою — как минимум, обезоружить. И ни единой идеи, как это сделать. Хотя ни тщедушным, ни слабым его не назвать: все, кому хоть немного дорога жизнь, с детства занимаются на Арене. На Айуре слабым места нет.

Рядом. Она где-то рядом. Альберт осознал это своими собственными чувствами, без помощи аппаратуры. Карико не станет нападать со спины — а её сестра, Акира, стала бы: сказала ему, что во время приручения всё позволено. Нет ничего нечестного. Одно только правило: никто посторонний не должен пострадать. Но сейчас они здесь одни — не пострадает.

И всё равно Карико не станет нападать со спины. Альберт в этом абсолютно уверен, хотя не смог бы объяснить, отчего.

— Я вряд ли смогу найти вас, догнать или увернуться, — сказал он тишине — чувствовал, что тишина внимательно вслушивается, и что у неё человеческое сердце. — И работать с украшениями мне всегда было интереснее, чем держать оружие. Но ради вас я возьму в руки оружие, если потребуется, и откажусь от всего остального.

Альберт чувствовал, как сгущается, уплотняется сумрак, тишина внимала его словам. И оглянулся, когда ощущение стало непереносимым.

Карико стояла за его спиной — шагах в трёх. Как сумела подойти так неслышно, не понять. Альберт, чего уж скрывать, намеренно разбросал по полу упаковочный материал, «хрустящие шарики» — в полной тишине невозможно не услышать, как на них наступает нога. Но ведь не услышал!

Карико смотрела в его глаза, и улыбка согнала с её лица непроницаемое, бесстрастное выражение. Она шагнула к Альберту и молча протянула ему нож — рукоятью вперёд.

-

— Хочешь сказать, она не поддавалась?! — Акира пыталась казаться возмущённой. Хотя «расстроенная» точнее описывало её настроение, пусть даже старалась выглядеть, как всегда — едкой, насмешливой и циничной. — Это невозможно. У него не было шансов. Я перестану понимать людей.

— Ты прекрасно её знаешь, — Канси, после того, как они, утром следующего дня, пришли поздравить её сестру и Альберта Кроули, сияла — видно, что очень рада за младшую. — И я её знаю. Она никогда бы не сдалась. Никто из нас не поддаётся. Всё, хватит тут грустить, сейчас на всех тоску наведёшь! Ортем, до занятий есть время — я обещала Марине помочь по дому. Сумеете развеселить мою сестру?

— В рамках приличий, — заверил Артём. Канси и Акира переглянулись... и рассмеялись. Льдинки вновь растаяли во взгляде Акиры, пусть и временно. Канси обняла сестру и убежала, помахав им рукой на прощание.

— Меня трудно развеселить, — предупредила Акира. — Знаю, знаю. Сама виновата. Самой нужно было пойти к вам, не трудитесь читать нотации.

— По пятницам я их не читаю, — не удержался Артём. Акира вновь рассмеялась, и уныние окончательно покинуло её лицо.

— Почти как я. Признайтесь, у вас тоже есть сестра или брат, которых всю жизнь приходилось ободрять?

— В этой жизни — нет, — Артём старался, чтобы звучало как можно спокойнее.

— С этого места подробнее, — Акира взяла его за руку. — Я слышала, как и все. Что вы просто взяли и появились на Айуре, а сами считаете, что родом с Земли. Рассказывайте. Ей же вы рассказывали? И Марине. Я не болтливая, сами знаете.

И Артём рассказал.

-

На этот раз Артём уставал ещё быстрее. Хоть Канси и заверила его, что не делает ничего такого. Датчики оружейника подтвердили — никакого воздействия со стороны Канси. При условии, что такое можно уловить, подумал Артём.

Полдня прошло в тренировках, в перемещениях по всё той же, осточертевшей изрядно полосе — и ноги всякий раз отнимались всё быстрее. И никакой индикации на датчиках! Сам Артём чувствовал, словно раз десять уже провёл «караван» с несколькими тысячами людей, как минимум от Рима до Парижа и обратно. А на самом деле одну только Канси! Специально проверили — прошёл пару раз без неё, и — никакой усталости, как и следовало ожидать. Как это ей удаётся?

Когда Артёму приказали сделать перерыв для восстановления сил, появился лично оружейник и задал именно этот вопрос Канси.

— Не знаю, как вам ответить. — Если Канси возможно смутить, то оба её собеседника увидели её смущённой. — Я правда не знаю, как это объяснить! Я сказала себе, что хочу научиться тому, что умеет Ортем. И всё.

— Хорошо, продолжим, как только сэр Ортем придёт в себя, — разрешил оружейник. — Но не более шести новых попыток. На сегодня хватит.

...приходить в себя получалось медленно — тоже отличие от штатной работы, когда силы восстанавливались быстрее. И опять: стоило Канси просто отойти на сотню шагов, как скорость восстановления сил увеличилась до штатной скорости, примерно в три раза. И как прикажете это объяснять? Колдовством? Ведь ничто не фиксируется, нет объективных причин такого замедления!

Шести попыток не потребовалось. Уже на четвёртой случилось то, что едва не повлекло (как потом оказалось) серьёзные сложности в общении Плутонии и Айура: аппаратура оружейника зафиксировала появление у Канси типичных для дросселя тканей. И удалось зафиксировать, когда Канси предложили войти в скольжение, примерно три секунды скольжения. Вроде бы и мелочь, но ведь до сих пор не было ни единого случая, чтобы умение дросселя передавалось таким способом!

Артём и Канси устроили подлинную овацию там, в военном городке Рима. Артём обратил внимание, когда оказалось возможным поговорить с кем-нибудь, куда подевалась Лилия. Невозмутимый оружейник предложил следовать за ним. Привёл, как ни странно, в свою собственную лабораторию — туда, где проводил диагностику и отлаживал соответствующую аппаратуру.

Там сидела Лилия, и лица на ней не было.

-

— Лилия?! — встревожилась Канси и подбежала к ней, присела перед её стулом и

попробовала взять Лилию за ладони. Та молча освободила ладони, отвела взгляд в сторону. — Что случилось?

Лилия молчала. Артём переглянулся с Канси и в глазах той мелькнуло понимание.

— У него ко мне разговор, — произнёс Артём чуть более громко, чем хотел. — Оставлю вас на минутку, если не возражаете.

Разговор и вправду состоялся, хотя и краткий.

— Мы не можем понять причин, — коротко пояснил оружейник, жестом предложив пройти в зал заседаний, где сейчас никого, кроме охраны у входа. — Она нормально прошла разминку, провела четыре с половиной похода. На середине пятого у неё внезапно случился упадок сил. После того, как она отдохнула...

— ...больше не смогла войти в скольжение, — завершил Артём. Понятно, отчего у Лилии такой вид.

— Она сейчас после успокоительных, — добавил оружейник. — Сэр Арчибальд настоял. Он предлагал госпитализацию, но Лилия отказалась — сказала, что справится. Нs ей нужен постоянный присмотр. Такой мощной депрессии мы давно уже не наблюдали. Хотите проводить её домой? Найдётся, кому побыть с ней ближайшие сутки? Вопрос серьёзный.

— Найдётся, сэр.

— А вас с Канси прошу зайти ко мне завтра, — оружейник явно доволен. — Ситуация необычная. Всё это время считалось, что передать способности дросселя невозможно. И вот — первый пример обратного. Те несколько секунд, когда Канси была в самостоятельном скольжении, она излучала спектр дросселя, очень похожий на ваш. Конечно, мы поставим ещё много опытов, с вашего с ней согласия, естественно, но сам факт! Да, я думаю, что вам не стоит обсуждать это с Лилией. Помните, при малейшем подозрении на неадекватность поведения немедленно отправляйте её в клинику!

-

Удивительно, но Канси, всю дорогу рассказывавшая о своём родном мире, в конце концов сумела убрать маску Несмеяны с лица Лилии. Та вполне откровенно и весело смеялась — Артём слушал вполуха, не до того было. А рядом с домом их встретили Альберт и Карико. Тоже сияющие. Альберт подошёл к Лилии и коротко поклонился. Прямо как Карико, подумал Артём невольно.

— Госпожа Лилия Корту! Прошу принять — это от нас с Карико!

«Это» оказалось брошью. Серебряная, изображающая сплетение ветвей дерева, а поверх — три красивых красных розы. Да сделано как тщательно: и бутоны, и листики, и стебли. Даже шипы видны.

— Благодарю, — Лилия тронута, это видно. Это она, вспомнил Артём одно из оброненных в разговорах замечаний. Это Лилия в тот день предложила Карико ознакомиться с их ювелирными мастерскими. Карико согласилась, причём не сразу, но именно там впервые увидела Альберта. — Какая красота! Вы сделали, Альберт?

— Карико, — возразил, улыбаясь, молодой ювелир. — Я только руководил, иногда подсказывал.

— Карико, это чудо! — Лилия обняла её, чем немало смутила Карико — на секунду. — Я сегодня сильно устала, извините. Я потом расспрошу, ладно?

-

— Я посижу с ней, — заявила Канси после того, как они поздоровались с домочадцами

и смогли отойти в сторонку. — Можно? Ей нельзя оставаться одной. Конечно, я ни слова не скажу про нас с тобой, не беспокойся.

— Можно, — Артём заметил, к своему удивлению, что Канси обрадовалась. То есть это не формальный вопрос — «я решила, но положено и тебя спросить». Она и в самом деле спрашивала разрешения.

...Он рассказал, к большому восторгу остальных — Марины, Мари и Глории — про то, чего Канси сумела добиться. Про Лилию им то ли не известно, то ли предпочитают избегать пока этой темы. Сказал только, что Лилия очень устала, и пока побудет одна.

Дни 92–94. Дальний космос [оглавление]

И вновь Артём умудрился проспять утреннюю пробежку в парке. Спустился в столовую — и понял, что не один такой. Канси уже спускалась туда, в сопровождении неизменно ехидной средней сестры.

— Смотрите, чтобы не вошло в привычку, сэр Ортем, — посоветовала Акира. Сама она выглядел неизменно бодрой, что бы ни случилось накануне. Даже если весь день проводила в совещаниях и вела переговоры, всё равно к утру как огурчик! А вот Канси устала после вчерашних «скользящих» упражнений.

— Есть новости? — спросил Артём, не очень понимая, откуда в голову пришёл именно этот вопрос.

Акира и Канси переглянулись.

— Ты его научила? — поинтересовалась Акира, как показалось Артёму — с некоторым разочарованием.

— Нет, — помотала головой Канси. — Но ты прав, Ортем. Есть новости. Анчири хочет сообщить их там, в штабе. Но сказал, чтобы мы вначале отдохнули, если нужно.

— День только начался, — пожал плечами Артём. — Мне отдых пока не нужен.

— Все они такие, — вздохнула Акира. — Всё-всё, исчезаю, занимайся им сама.

— Ты ещё не отдохнул. — Канси взяла его за руку и повела вверх по лестнице. — Я чувствую. Это из-за меня, наверное. Сейчас я всё исправлю!

-

Показалось, что прошло минут десять — а на самом деле два часа. Артём уже не побаивался прикосновений её пальцев — ещё помнил, с какой — пусть даже кажущейся — лёгкостью — Канси держала тогда сотни килограмм веса там, в лаборатории оружейника.

— Нас подождут, — сказала Канси, присев рядом на уголок кровати. — Не беспокойся. Военным ты нужен в форме.

— Может, всё-таки скажешь? У тебя получилось?

— Получилось, — улыбнулась Канси. — Хотя все говорили, что ничего не выйдет. Это только начало, Ортем. Я скользила всего несколько секунд, и было очень страшно. Если бы я знала, как мне будет страшно — может быть, и пробовать бы не стала! Тебе самому страшно? Ну, когда скользишь?

Артём задумался. В самый первый раз там, на дороге рядом с сэром Джеймсом особос страшно не было. Необычно, странно — да. А вот когда убегали из заражённого нечистью убежища, а потом — когда учился скользить по воде... Вот тогда было по-настоящему страшно.

— Понятно, — кивнула Канси. — Я поговорила с другими дросселями. Мари, Виктор. Им тоже страшно, почти всегда — но они научились справляться. Теперь мне бы самой научиться. Всё, вот теперь чувствую, что ты готов к приключениям. Пойдём?

— Мы научились выходить в ближний космос, — подтвердил Анчири. — Однако нам очень не хватает тяжёлых металлов, без них практически невозможно построить корабль для дальних перелётов. После разговора с Создателем там, на полярной базе, мы получили доступ к документации по созданию пространственно-временных коридоров. Мы практически открыли их повторно сами, но не было возможности проверить на практике. Теперь есть. Опуская подробности: мы начинаем совместное исследование звёздной системы Айура, объединёнными технологиями. Думаю, зонды будут готовы уже через два дня. С их помощью мы изучим обе наших звёздных системы, начиная с Айура.

Артём кивнул. Вокруг Айура висит достаточно плотная сеть спутников — с их помощью осуществляется мобильная связь и ведётся наблюдение за планетой. Пусть даже спутники, как выяснилось, видели не всё таким, каким оно было — они помогли и помогают здешнему человечеству выжить. Оружейник вскользь упомянул как-то раз, что ни один объект крупнее метра в поперечнике не имеет шанса опуститься на поверхность Айура из космоса незамеченным. Помимо обнаружения и обезвреживания метеоритов и прочих «космических снарядов», спутники оповестили бы людей о новом вторжении, начнись оно по известному сценарию.

Дальше макета Луны космические аппараты Айура не отдалялись. На поверхности планеты люди уже в состоянии дать отпор нечисти, даже если она атакует все поселения сразу. Но вот угрозу из космоса отразить сложнее. Как и люди Плутонии, Айур располагает пока что только ионными двигателями — недостаточно быстрыми, чтобы тягаться с флотом нечисти. Уже можно считать подтверждённым, что нечисть владеет технологией пространственно-временных коридоров. Если ненароком привлечь внимание к Айуру — кто знает, чем всё кончится.

И вот теперь, похоже, люди вновь обретают способность путешествовать, формально, быстрее света. Способом, которым на Айур когда-то прибыли колонисты. Анчири не сказал явно, но в его словах послышался намёк, и Артём спросил:

— Вы собираетесь отправить экспедицию на Землю, верно?

— Верно, — согласился Анчири, а оружейник одобрительно кивнул. — Как только придём к выводу, что мы достаточно укрепили оборону обеих звёздных систем. Наша объединённая команда уже строит машины для производства зондов, через сутки мы начнём первые испытания. нет-нет, никаких чудес — прототип такого зонда мы обнаружили в послании Создателя.

— Чем я могу помочь, сэр?

— Мы приступили к постройке орбитальной станции. Среди первых наших исследований — выяснить, как работают таланты дресселя за пределами планеты. Скажите, Артём, вы ведь мечтали стать астронавтом?

Однако мечты мечтами, а поначалу задания оказались куда как проще: доставлять — не одному, конечно, всегда есть дрессель-помощник — разнообразную технику, приводить людей. Новости о том, что человечеству вскоре вновь может стать доступным дальний космос, уже на второй день оказались у всех на устах.

По словам оружейника, это чрезвычайно воодушевило обе планеты. Столько лет обучаться привычкам маскировки и мгновенной реакции на угрозу, и тут почувствовать себя способными не прятаться, а наоборот, выходить и исследовать — это многое меняет.

Канси куда-то делась. Сразу же, едва прибыли в штаб Рима, её отправили на отдельный полигон — и связь прервалась. Артём же получил список пунктов назначения и, не без удовольствия, принялся работать по основной специальности самым рутинным образом. Орбитальная станция, пусть и по готовым чертежам, пусть и при наличии синтезаторов, собирается всё-таки не за пять минут.

Артёму сразу же показалось, что повторяются те, первые дни его работы дросселем. Все города включились в новую космическую программу, серьёзных разногласий не было — и поток комплектуемых для вновь создаваемых орбитальных комплексов уже через сутки после начала операции превзошёл обычный для Айура транспортный поток. Четверть дросселей планеты теперь осталась на дежурстве, готовые немедленно вмешаться, остальные работали настолько плотно, насколько разрешали врачи — и неслись, неслись караваны дилижансов в Рим и на базу Плутонии. Оказалось, что переправлять технику на Плутоник не так-то просто: коридор пропускал объекты не более чем пять на семь метров в поперечнике.

«Ходы кривые роет подземный умный крот...»

В случае базы на Айуре таких ограничений не возникало — всё упиралось исключительно в возможности дросселя. Самый крупный транспорт, который Артём сопровождал лично сам, вёз укрытые от постороннего взгляда предметы, каждый метров в двадцать длиной. Вначале построим стартовую площадку для новых зондов, пояснил оружейник, потом уже будем добавлять жилой комплекс. Вначале выясним, нет ли в звёздных системах возможных сил вторжения, ведь они вполне могли укрыться в любом её месте и прекратить передачи — «заснуть». По словам Анчири, у них собрана огромная база радиообмена сил нечисти — и зонды будут передавать всё, что только ни «услышат», и искать совпадения в базе. Нечисть отлично умеет маскироваться, но всегда отвечает на определённые сигналы — однако прежде чем их подать, стоит убедиться, что сумеешь справиться с тем, что явится на зов.

С этим сложнее всего, сказал оружейник. Мы собрали данные лишь о нескольких типах кораблей нечисти. Можно считать подтверждённым, что «локация М» создана и управляется нечистью, то есть — где-то всё-таки есть подлинно разумные представители её. Не «операторы», управляющие остальными формами, а все те, кто создал нечисть и вложил в неё все известные программы поведения. Сумеет ли мы взять штурмом «локацию М»? Нет уверенности. Та загадочная «крыша», которую обнаружил отряд Артёма, успешно противостоит воздействию всех имеющихся технических средств Айура. Единственное, что не пытались пока применять, по понятным причинам — антивещество и термоядерные заряды.

...Объединённый штаб Айура исходит из того, что прямой конфронтации следует избегать — при такой разнице в уровне технологий у Айура может не оказаться сил предотвратить уничтожение планеты, если нечисть, гипотетически, решит прибегнуть к крайним мерам. Скрывать своё присутствие, научиться обнаруживать противника на дальних подступах и следить за его действиями, быть готовыми немедленно переселиться — вот основные задачи. Чтобы избежать поражения, необязательно превосходить противника по силе. До тех пор, пока на сцену не вышли подлинные руководители сил нечисти, у людей неплохие шансы.

«А мы с пути кривого ни разу не свернём...»

Вот уж точно: меньше знаешь — крепче спишь. Вот не знали ничего ни о какой

«локации М» — и всё казалось если не преодолимым, то, во всяком случае, небезнадёжным. А теперь? Если кто-то в состоянии создать всё то, что нашли на «локации М», в состоянии удерживать целую планету на орбите вокруг чёрной дыры и предотвратить при этом её разрушение — как с такими бороться? Айур, по сохранившимся архивам, был стерилен на момент появления колонистов с Земли. То есть абсолютно: зонды изучали всё, и ни в одной пробе не нашлось даже следов, указывающих на существование белковой жизни. Нечисть появилась, стёрла с лица планеты существовавшую цивилизацию гуманоидов — и оставила планету абсолютно чистой. Готовились заселять её в будущем? Но почему не сразу, почему не оставили никаких кораблей? Уничтожили всё живое — и улетели.

-

— Вы и репликаторами занимаетесь! — удивился Артём. Сам не очень понимая, почему, вечером пошёл прогуляться по Риму — в качестве активного отдыха. Так вот и зашёл в «салон связи» — место, где изготавливали и заменяли рации, переводчики и все прочие «умные вещи». Вначале не обращал внимания, а потом, когда понаблюдал за работой электрика — заметил, как много такой аппаратуры в доме. Голосом и жестами управляется очень много техники, но всегда есть ручное управление, резервное питание, и продуманные меры безопасности — видимо, всё, что могли, предусмотрели. Во всяком случае, так можно подумать, если прочитать инструкции по эксплуатации. А Артём прочитал, не поленился.

— Ими тоже, — согласился Марк Катон. — К слову. Мы действительно нашли логический дефект в переводчиках. Автоматические тесты проверяют все алгоритмы, но в конечном счёте всё проектируют люди, и не всё было предусмотрено. С вашей помощью мы расширили программу тестирования, выявили ещё несколько ошибок. Думаю, могу поблагодарить вас от имени всего Айура, сэр Ортем. Вероятно, вы спасли многих от того, что случилось с госпожой Скайлис.

— А те, кто уже попал в лечебницы...

— Мы провели очень подробный анализ, — кивнул связист. — Подняли все истории болезней, где хоть как-то могли быть причастны переводчики. По вашей с госпожой Красс методике всё проверили. Сто пятнадцать спасённых жизней. Думаю, эти люди и их семьи будут вечно вам благодарны.

Артём и не думал, что смутится. Однако получилось вполне искренне.

— Вы заслужили похвалу, — связист похлопал его по плечу. — Но я о другом хочу спросить. Полагаю, вы в курсе, что репликаторы умеют не всё. До Нашествия мы умели получать с их помощью практически всё. Сейчас — меньше пяти процентов того, что умели. Даже это позволяет нам жить со всеми удобствами, но многие технологии так и остаются потерянными, пока мы не расшифруем все матрицы синтеза. Вы говорили, что в прошлой жизни занимались поиском логических ошибок в программах. Не хотите ли вновь поработать по этой специальности?

— Хочу, — почти не задумываясь, ответил Артём. — Если в штабе не против.

— О, это я спрошу первым делом. Тогда жду вас завтра утром, в любое удобное для вас время. Документацию я сейчас отправлю — если захотите ознакомиться.

— Рад буду помочь. — Артём пожал ему руку и в совсем уже отличном настроении направился домой. На Землю, подумал он. Я могу вновь попасть на Землю. Пусть даже много веков спустя. Хочу увидеть, какой она стала.

-

— Я тоже хочу увидеть Землю, — согласилась Марина. Переживания и заботы

последних дней почти не отразились на ней — теперь, когда и Глория поселилась в этом же доме, дела пошли особенно гладко. Интересно, подумалось вдруг, успею ли побывать на Земле до того, как дом станет детским садом?

— Споёшь мне что-нибудь? — спросила Марина, появившись в его кабинете. Нечасто в последние дни были моменты, когда можно было бы что-нибудь исполнить — только для своих. — Пожалуйста. А потом я позову Миранду и других — можно?

В этот вечер на ум приходили песни не то чтобы совсем печальные, но не очень весёлые или откровенно странные — «Шипучее вино», «Канатоходец», «Квадратный человек». Но слушали, без иронических взглядов или насмешек. И только потом уже, когда время подобралось почти к полуночи, сами собой начали вспоминаться и добрые песни тоже.

— Что-то тебя тревожит, — заключила Марина, когда восторженные слушатели разошлись. — Не расскажешь? Что не так?

— Ощущение, что вскоре что-то случится, — Артём не сразу сумел сформулировать. — Что-то словно готовится.

Обо всём не расскажешь. Говорить про Клавдию Росс домохозяином нельзя — только Мари в курсе всех подробностей. Собственно, она и рассказала: этим утром Клавдия Росс подозвала охранника — сказала ему «Он пришёл. Спасайтесь» — и умерла. Словно короткое замыкание случилось — тут же вызвали бригаду медиков, те обнаружили массивные кровоизлияния во всех органах, плюс практически полностью уничтоженное сердце — словно его кто-то разорвал в клочья. На Айуре умеют собирать людей буквально из кусочков, если цел головной мозг — но в этом случае ничто не помогло. Организм словно отказался включаться.

Примерно в это же время в отделении Бедлама, в котором содержат дросселей (и действующих, и уже неспособных скользить) — что-то подобное случилось с дочерью Росс. Но её удалось спасти. Ничего не понимаю, сказал оружейник. Клавдия сидела в полностью изолированной от всех возможных видов излучения камере. Аппаратура не зафиксировала никакого излучения — ни изнутри камеры, ни проникшего извне. Ткани просто распались — безо всяких видимых причин.

Три слова, произнесённых Росс, не давали теперь покоя не только Артёму.

— Мы всегда готовы к наихудшему, — Марина взяла его за руку. — Не думаем о нём, конечно. Невозможно жить, если постоянно думаешь обо всём ужасном, что может случиться. Но готовы в любой момент. Может, тебе стоит отвлечься? Если эти слова не выходят из головы — может, именно для этого их и сказали?

Отвлечься удалось на удивление просто. И на следующее утро Артём уже не проспал утреннюю пробежку.

-

А на следующий день Артёму предложили присутствовать при историческом событии: первое испытание вновь доступной людям технологии нуль-полёта. Однако знать принципы и уметь их воплощать — разное. И вот тут учёные и технологи Плутонии показали, на что способны. Всего через четверо суток после того, как архивы их Создателя оказались открыты, а Айур предоставил ранее недоступные элементы — прототип оказался готов.

Прототип построили на основе атмосферного зонда. Эти спутники обеспечивали, помимо прочего, сводки погоды и замечали искусственно созданные объекты — по большому ряду признаков. Сами зонды при этом соблюдали уже ставшие стандартом привычки: не излучать так, чтобы выделяться на фоне естественных шумов; двигаться по

возможности так, чтобы не производить впечатления искусственного объекта; не излучать вообще в диапазонах, доступных восприятию известных форм жизни. Включая нечисть.

По словам оружейника, зондами покрыт весь ближний космос, вплоть до орбиты макета Луны. Удивительно, но на сам макет нечисть не обращала внимания — не исследовала, не уничтожала, не размещала своих баз на нём или поблизости.

— Стандартный зонд тратит до двух часов, чтобы достигнуть макета, — пояснил оружейник. — Внимание, общая готовность! Сэр Анчири, не желаете сами произвести запуск?

— Сэр Артём, может быть, вы? — в свою очередь, предложил Анчири. Артём на несколько секунд оробел. Запуск нуль-двигателя производился нажатием самой обычной, механической кнопки. Ни сенсора, ни контура, которым переводчики опознают и превращают в речь мысли... Просто кнопка.

Уняв, за несколько секунд, дрожь в руках, Артём кивнул и подошёл к стенду.

— Отсчёт на панели, — оружейник явно что-то нажал сам — на экране возникло число «30» и начался обратный отсчёт. Тихо, во всеобщей тишине — в зале заседаний собрался не только весь штаб Рима, но и представители академий наук других городов. Три... два... один... Артём нажал на кнопку. Едва слышный щелчок — и всё.

Картинка на экранах зала — прямая трансляция с зонда — потемнела... и вновь проявилась. Макет Луны, занимающий теперь пол-неба, оказался справа на экране.

Овация долго не утихала.

— Двигатель работает штатно, — оружейник прочёл бегущие перед ним строки телеметрии. — Дистанция расчётная, точность переноса пятнадцать метров, по данным радаров. — Поздравляю, господа! Благодарю вас, сэр Ортем!

— Что теперь? — поинтересовался Артём, после того, как принял множество поздравлений и рукопожатий. Спрашивал он у Анчири, на лице которого теперь не было невозмутимости — явная, яркая радость. — Если это не секрет.

— Вовсе нет, — Анчири жестом предложил проследовать за ним, наружу. — Ещё двое суток уйдут на испытания, создание новых моделей, и мы приступим к покрытию звёздной системы Айура сетью оповещения. Потом то же самое — в нашей звёздной системе. Затем мы начнём выполнять план «Эстафета», изучим несколько направлений на дистанции до одного светового года. Сейчас технология позволяет пробивать коридоры на расстояние до пяти световых суток.

— Семьдесят три зонда? — прикинул Артём. — Если я правильно понимаю слово «эстафета».

— Мне нравится, как вы рассуждаете, — одобрительно кивнул Анчири. — Вы взяли земной год, верно? Взяли, не задумываясь. На самом деле, вчетверо больше. Минимум два зонда для исследования окрестностей, плюс минимум два в каждой опорной точке. Там же мы проведём сеанс дальней связи, трансляция в реальном времени с дистанции в один световой год. Далее — по итогам.

— С ума сойти! — не выдержал Артём. — Так быстро!

— Когда есть практически готовые чертежи и материалы — требуется только решительность и энтузиазм. Мы все хотим увидеть дальний космос, мы все хотим вновь отыскать Землю. И помочь ей, если потребуется. Теперь прошу извинить — меня ждут на совещании. Здравствуйте, сэр Артём!

Попрощался по-римски, подумал Артём, принимая рукопожатие. И направился туда,

куда обещал прийти накануне. В сервисный центр. Туда, где всем желающим делают рации и переводчики.

-

День пролетел стремительно. Вроде бы только час назад сел за диагностический терминал, разбираться с премудростями работы синтезатора — а уже вечер. И да, поначалу всё показалось превосходно прикрытым всевозможными тестами. Но, как и в случае с переводчиком, в конце концов удалось найти интересные возможности. Примерно в восемь двадцать вечера, введя сто пятьдесят пятый «абсурдный» код для объекта, Артём получил на выходе... алмазный куб.

Просто куб. Сторона один сантиметр. Состав: углерод-12 в аллотропной модификации алмаза, чистота приближающаяся к 100 %. Артём не сразу вызвал связиста — смотрел на вновь созданный объект и испытывал совершенно детское, яркое чувство восторга. И едва не порезался: грани куба оказались идеальными. А раз это — самый твёрдый материал...

— Невероятно, — заключил связист, когда окончил первичный анализ. — Ну-ка, проверим аналогию...

И создал аналогичного размера куб из титана на соседнем синтезаторе. Также идеальный и совершенный во всех отношениях. А затем — кубик золота.

— Принцип понятен, — вид у связиста оставался ошалевшим. — Вижу, как работает, но не могу объяснить, почему. Это ведь не последние тестовые последовательности? У вас есть какая-то схема?

— Зависит от того, что я знаю о программе. В руководстве сказано, что вот этот список управляющих директив не используется. Но некоторые из использующихся директив чем-то похожи. Структурой, если можно так выразиться... Но постойте, а разве вы не пробовали просто перебирать все возможные команды?

— Пробовали, — вздохнул связист. — Так мы потеряли две лаборатории и пятерых специалистов. Теперь три комбинации в списке заблокированных — они синтезируют крайне опасные вещества или предметы. Вот эта, например, — связист отыскал и вывел на экран комбинацию, — создаёт блок питания для наших бытовых реакторов. Одна тонкость: если его подключить, он взорвётся — хотя пройдёт все тесты, не сообщит ни о каких неполадках. Лаборатория всегда изолируется на время экспериментов, но людей внутри не всегда удаётся защитить от последствий. Да, само собой, синтезаторы приводились в действие автоматом. Видите барьер? Красная линия на полу. Пока вы экспериментируете с синтезатором, он изолируется от окружающей среды, и в случае любой известной нештатной ситуации будет перемещён на полигон для уничтожения. Простите, разговорился. Значит, последовательности чем-то похожи. Объясняйте.

...Домой Артём возвращался, сам не очень осознавая, как много всего успело произойти за одни сутки. К этому моменту Айур уже знал, что проведена успешная трансляция с дистанции в семь световых часов — с границы астросферы звёздной системы Айура — там, где солнечный ветер центральной звезды уравнивается звёздным ветром окружающего космоса.

Так быстро, подумал Артём, аплодируя вслед за домочадцами. Как быстро они всё делают! Вот теперь я готов поверить, что обе планеты тесно сотрудничают и обмениваются технологиями. Поодиночке такое было не сделать.

Что ж, теперь можно считать, что дальний космос снова открыт для людей. Вопрос только, как этим пользоваться — никто не говорил пока о пилотируемых полётах. Даже в

качестве отдалённых планов. Упоминались зонды, автоматические станции, исследовательские беспилотные корабли.

— А где Лилия? — поинтересовался Артём, когда стало ясно, что все остальные уже вернулись.

— Сказала, что её не будет дома пару дней, — пояснила Миранда. — Обследуется в госпитале. Рация у неё с собой, я говорила с ней полчаса назад. Позвонить?

— Если с ней всё в порядке, то не нужно, — помотал головой Артём. — Благодарю.

— Мы поверить не можем! — понизила голос Миранда, взяв его за руку. — Сегодня мы все у меня собираемся. Споёте нам, Ортем? И не думали никогда, что снова будет дальний космос. А всё случилось так просто и незаметно, до сих пор не осознали.

— Да, зайду только за инструментом, — Артём остановился у дверей их с Мариной апартаментов. — Я быстро.

У себя в кабинете Артём, сам не зная почему, поднял ладонь к уху — уже привычка, когда вызывает кого-нибудь по мобильной связи. Привычка делать так, чтобы окружающие видели — будет звонок. Чуть было не набрал номер Лилии.

И про это побуждение думал потом: надо было позвонить. Хотя что толку сожалеть.

Дни 95–97. Голос пустоты [оглавление]

Лилия появилась вечером следующего дня и — о чудо — вновь могла «скользить». Собственно, в штабе её и встретили. Канси долго смотрела Лилии вслед — ещё бы, из обиженной на весь мир Несмеяны та вновь стала жизнерадостной и довольной своей полезностью Лилией Карту, сестрой героя-дросселя.

— Что-то здесь не так, — заключила Канси. — С ней что-то не так. Да, я знаю, что обследования ничего странного не выявили. У женщин-дросселей их умение часто отключается — у кого на время, у кого совсем. Толком никто не знает, почему. Но всё равно, что-то случилось.

— С кем случилось, госпожа Канси? — сэр Тиберий Москат появился словно из-под земли. — Ба, сэр Ортем! Хадуп мне в гугол! А мы с госпожой Лилией недавно нашли ещё одно странное место. Сейчас ведём туда экспедицию... Не век же мне танкам копыта настраивать, — и сэр Тиберий добродушно рассмеялся. — А, вижу, вы ещё не читали сводки. Случайно, можно сказать, нашли — простому человеку и не заметить, а вот дроссель сумел. Всё-всё, не отвлекаю — у меня тоже теперь полно дел!

Удивительно, но практически ни единой грубости. Вот уж точно, сэра Тиберия тоже словно подменили.

— То есть они с ней вместе работают, — Канси проводила Тиберия Моската взглядом. — Что-то не то, Артём. Не могу сказать, что не так — предчувствия. Вот что. Если Лилия вновь утратит свои способности — обязательно скажи мне, если я первая не узнаю. Хорошо? Это ведь не секретная информация. Всё, удачного дня! — Канси обняла Артёма и шепнула на ухо: — Будь осторожнее.

-

— Лилия Карту? — доктор Ливси сиял и выглядел довольнее обычного. — Да, случай интересный. После посещения странных мест — наподобие той башни — её способности вновь активируются. Притом, что никаких излучений на месте не фиксируется — все эти места вначале осматриваются специалистами по безопасности. Но факт остаётся фактом, ей уже трижды довелось просто постоять минут пять в таком месте — у нас все записи телеметрии — и талант дросселя к ней возвращается. Необычно, но кто из дросселей

обычный? Всё, осмотр завершён, — доктор помог Артёму слезть со стола диагностики. — Всё в норме. Готовы к работе. Немного завидую, сэр Ортем — вы сегодня отправляетесь в космос.

Но, если честно, доставка в космос выглядела весьма буднично, не сказать — скучно. По сути, это оказался тот же дилижанс. С другими двигателями и герметичный, но сути это не меняло. Их вошло туда трое — Артём и ассистенты оружейника, затем десять минут условных, вполне терпимых перегрузок — на четверть выше нормальной силы тяжести — и вот она, станция.

— Сила тяжести искусственная, — пояснил оружейник по рации. — Жилые комплексы пока не готовы, сэр Ортем. У вас в программе два теста: пройти по основной галерее, длина две стадии, попытаться войти в состояние скольжения. На вас всегда будет скафандр; если вас вынесет в открытый космос — мы найдём вас по маяку, ваша задача — не паниковать и ждать спасателей. К станции пристыкован комплекс, где нет установок искусственной силы тяжести, а есть традиционное вращающееся кольцо для её имитации. Второй тест — попробовать развить скольжение, перемещаясь по кольцевому маршруту. При необходимости отдыха или медосмотра возвращаетесь в первую шлюзовую — там создана пригодная для человека среда. Вопросы?

— Никак нет, сэр. Готов приступить.

...Однако перед тем, как вернуться на поверхность Айура, Артём попросил разрешения понаблюдать за видами из космоса — на последнем сегменте галереи, к которой пристыковывали новые секции — пока что это в основном ангары и прочие технические помещения. Отсюда в дальний космос в скором времени двинется рой зондов и других автоматов.

Вид был потрясающим. Уже ради возможности наблюдать такие картины стоило выйти в космос.

-

Как только Артёма отпустил доктор Ливси — ничего не нашёл, кроме обычного небольшого утомления после скольжения — оружейник и его специалисты продемонстрировали Артёму записи телеметрии.

— Смотрите, — указал оружейник. — Установка искусственной силы тяжести действует по тому же принципу, что и генератор порталов для нуль-полёта — хотя и не так масштабно: создаёт искривление пространства-времени, которое воспринимается, если можно так выразиться, как сила притяжения. На записи видно, что при скольжении перед вами и после вас движутся области нарушения этой кривизны. Здесь, на поверхности планеты, вести такие наблюдения крайне сложно: искажения достаточно слабые, нет возможности пустить следящую аппаратуру, скажем, под вашими ногами. Теперь можно считать, что вы подтверждаете теорию о том, что каждый дроссель носит в себе аналог такой же установки. Источник энергии для неё — те самые группы клеток. Среди прочего, мы не можем понять, почему при выработке такого объёма энергии не разрушаются ткани, не можем понять, куда отводится тепло. Но это всё впереди. По вашим ощущениям, трудно было удерживаться именно на поверхности галереи?

— Никак нет, сэр. И с открытыми глазами, и с закрытыми. В открытый космос меня не выбросило.

— Замечательно. Тогда завтра мы продолжим тесты. Если самочувствие у вас в норме, есть работа — мы по-прежнему должны доставить много материалов и комплектующих для

монтажа станции. Ваши коллеги уже работают на Плутонии, помогают монтировать аналогичную станцию.

-

Артём проснулся, сам не очень понимая, от чего. Снов не было; в том смысле, что не запомнил. Но что-то вытолкнуло из сна. Зажёгся ночник — Марина уселась в постели, взяла его за руку.

— Что случилось? — она прикоснулась ладонью к его лбу. — Что-то приснилось?

— Я не... — Артём не договорил. Позади, явственно, послышался шёпот. Тихий голос: ничего внятного или особо жуткого, но Артём всё равно вздрогнул и оглянулся. И посмотрел на часы — привычка уже.

— Что такое? Ты что-то услышал? — Марина встала с постели и прогулялась к панели управления — к данным всех датчиков. Чисто, спокойно, волноваться не о чем.

Артём потёр виски, помотал головой. Замер, вслушиваясь в жилую тишину дома — она никогда не бывает абсолютной. Секунд через двадцать вновь послышался шёпот. Неопределённой принадлежности голос произнёс ту же самую фразу, набор звуков, которые трудно было обозначить словами. Прошло ещё какое-то время — и вновь тот же шёпот, та же «фраза». На этот раз Артём завёл таймер. Прошло ещё четыре повтора, каждый примерно через сто двадцать восемь секунд после предыдущего — тот же шёпот, та же фраза.

Артём оделся, оставив таймер включенным и вызвал доктора Ливси. Удивительно, но его на связи не оказалось: автоответчик сообщил, что доктор не в состоянии подойти и предложил телефоны его заместителей. Отозвался первый же.

— Я слышала про такое, — Марина помогла ему собраться, сама оставалась удивительно спокойной. — Дроссели иногда слышат что-то или видят. Иногда это повторяется, как у тебя — иногда случается всего несколько раз за жизнь.

Ещё минут через десять (и пять повторов «шёпота») Артём уже находился в клинике. Доктора не было на месте, но был дежурный специалист, Клайв Морган. Видеть его Артём видел не раз — как и доктор Ливси, Клайв носит головной убор в виде парика.

— «Голос пустоты», — сообщил Клайв Морган, проведя экспресс-обследование. — Есть отчёты; за последние сутки ещё двенадцать дросселей сообщили о подобном. Голосовые или зрительные иллюзии, примерно с той же периодичностью. Если это не особенно вам мешает, я бы пока не стал подавлять симптомы: вас хотят видеть в штабе. Если иллюзия начнёт мешать, или потребуются её подавить по любой другой причине, вот лекарство, — Клайв Морган протянул шприц. — Возьмите с собой. Инъекцию сделаете вот сюда, или попросите любого врача.

— ...Сэр Ортем, — Артёма встретил оружейник. Он вообще спит когда-нибудь? — Я уже в курсе. Мы сейчас ловим «голос пустоты» нашими зондами. Есть кое-что интересное. У вас таймер взведён? Отлично. Возьмите пульт, — оружейник протянул ему прямоугольный предмет. — Всякий раз, когда «голос» снова начнётся, нажимайте вот этот сенсор. Сумеете продержаться ещё хотя бы пять-шесть повторов?

— Без проблем, сэр. Это не слишком мешает.

— Замечательно. Тогда посидите в этой комнате, пока я вас не вызову.

-

Артём сидел в полутёмной комнате — хотя шёпот не менял своё «сообщение», само его ожидание оказалось не очень приятным. Всё же получалось сидеть и размышлять, не вздрагивая от каждого шороха, и не напрягаясь в ожидании очередного повторения голоса.

...На знакомой ему Земле, если верить публикациям XX–XXI веков, о «голосе пустоты» в разных его вариациях, написано и рассказано много. Тут и голос, который якобы слышался на определённом кладбище в полночь (уже не проверить; кладбище было затоплено, когда создавали водохранилище). Здесь же таинственные звуки во всяких шахтах, могильниках, на дне морей и так далее. Плюс отчего-то всплыли «номерные станции» — занятное явление, когда зашифрованное, а то и полностью бессмысленное сообщение транслировалось передатчиком, «читавшим» текст искажёнными или искусственно созданными голосами. Артём смутно припоминал, что видел фильм с участием таких станций — может, оттого и вспомнилось.

За Артёмом зашли через двадцать минут.

-

— Номерная станция? — приподнял брови оружейник. Артём рассказал — и его собеседники, среди которых были сотрудники лаборатории Марцелла Катона, а также фантом Анчири (который в этот момент физически находился на Плутонии) переглянулись и вид у оружейника был такой, словно он только что понял подлинную суть чего-то крайне важного.

— Отличная идея, сэр Ортем! — оружейник похлопал Артёма по плечу. — Вы очень точно сформулировали то, что мы сейчас ищем. Видите ли, мы сразу зафиксировали несколько периодических сигналов, повторяющихся в течение схожего периода. Но теперь, когда есть ноль-полёт, мы провели эксперимент. Мы отправили группы зондов в разные направления небесной сферы. Опуская подробности: мы обнаружили направление передачи, — оружейник вывел карту звёздного неба. — Узнаёте то, что находится за точкой, откуда идёт передача?

— Туманность Андромеды?

— Верно. Передатчик находится поблизости. Конкретно, сигналы передаются с дистанции порядка трёх световых суток.

— И... что там?!

— Исследуем. Оттого и хотелось бы, чтобы вы не принимали пока репрессор — средство, которое заглушит восприятие. Можете примерно описать, что именно вы слышите?

Артём попытался передать эти звуки речью. Получилась, естественно, абракадабра. Оружейник и его коллеги переглянулись.

— Любопытно. — Оружейник посмотрел Артёму в глаза. — Такое уже происходило. Правда, никогда ещё не повторялось так долго. Одиночные сигналы мы фиксировали многократно, на протяжении всей истории после выхода людей на поверхность. То, что вы попытались воспроизвести, по звучанию походит вот на эту запись. Помните древесную массу в «Глубоком Замке»? Возле одного из останков, кроме надписи «свобода, равенство...» были неразборчивые слова. По звучанию, если читать по правилам чтения, они походят на то, что вы только что произнесли. Так, внимание. Зонды обнаружили источник сигнала.

Изображение выдали на экран. Трое световых суток, подумал Артём. Это находится сейчас за семьдесят семь с чем-то миллиардов километров отсюда, а передача идёт в прямом эфире, без задержек. И меня это почему-то не очень уже удивляет.

Зонды держали в поле зрения объект правильной формы — эллипсоид вращения, внешние размеры сто пять на сто пять на сорок метров. Совершенно чёрный в видимом

диапазоне, он излучал в нескольких радиодиапазонах — так что картинка не вполне соответствует тому, что увидел (не увидел) бы человек.

— Зафиксирован аналогичный сигнал, источник — Айур, — доложил один из присутствующих. — Сигнал одиночный. Ждём, координаты пока известны только примерно. Это северное полушарие, окрестности Берлина, на глубине не менее четырёхсот метров.

— Значит, у нас трое земных суток, — произнёс Артём. Догадка пришла в голову внезапно. — Потом они получают сигнал с Айура... и что тогда?

— Трое или меньше, — поправил оружейник. — Они, как и мы, могут пользоваться технологией нуль-полёта для быстрой радиосвязи. Что ж, теперь надежда на зонды. Мы изготавливаем по две с половиной тысячи в час. Надеюсь, мы успеем прикрыть ими подступы к звёздным системам. Можете использовать репрессор, сэр Ортем, если сигнал вам мешает.

— Если это не приказ — пока не буду. Он не очень мешает.

— Как скажете, — кивнул оружейник. — Но мониторы не отключайте. Оставайтесь в Риме, меня вызывают на срочное совещание штаба. Здравствуйте!

-

На улице его ожидала Мари.

— Я знаю про сигнал, — сразу сказала она. — Сама его слышала. Отвратительные звуки — спасибо, что лекарство помогло. Ты как, тоже подлечился?

Артём помотал головой.

— Однако! — Мари уважительно покачала головой. — Мне сказали, оставаться в Риме, прибыть в военный городок по первому требованию. Что такое?

— Сигнал прекратился, — Артём поднёс руку к уху. — Сейчас должен был прийти очередной, но не пришёл. Минутку.

— Мы в курсе, сэр Ортем, — отозвался оружейник. — Очередной сигнал не поступил. Найденный объект, условное название «ретранслятор», с момента обнаружения не отправил ни одного сигнала. Прошу извинить, я на совещании.

Мари вопросительно посмотрела в глаза Артёма, тот помотал головой — ничего срочного. Мари присела на скамейку.

— Только придумали способ летать, и сразу же — сигнал. Я читала, давно уже не было такого, чтобы повторялось почти четыре часа. Стой! — Мари стукнула себя по лбу. — Точно! Они обожают число сто восемь. Было сто восемь сигналов, точно говорю!

— Интервал сто двадцать восемь и пятнадцать тысячных секунды, — добавил Артём.

— Ну и правильно — на их планете, поди, другие секунды. Вот интересно, что этот сигнал означает? Я записала то, что мне в уши лезло — но это ерунда, ни одного понятного слова.

Артём проговорил то, что слышалось именно ему. И тут позвонили Мари. Звонок оказался короткий — видимо, сказали пару-другую слов. Она тоже покачала головой — ничего срочного.

— Напоминает, — добавила Мари на словах. — Примерно так и звучало. У меня ещё полтора часа, потом сэр Катон ждёт меня в лаборатории. Расскажи, кстати, как ты скользил там, в космосе.

-

— Определённо, мы тут первые, — сэр Тиберий Москат и Лилия осматривались, каждый видел на лице другого восторг. — Ещё одно особое место! Всё сходится — вон круг,

и знаки вокруг похожие. И индикация тоже. А там что?

Он посветил фонарём — радар и датчики нечисти молчат, поблизости ничего опасного — и увидел проход — просторный, прорубленный в толще камня коридор. Если его сделала нечисть, то соотношение высоты и ширины — это «золотое сечение». Ещё одна особенность нечисти, которой не предложено объяснения.

— Золотое сечение, — подтвердила Лилия, замерив высоту и ширину. — Надо доложить в штаб и вызвать специалистов.

— Уже доложил, — отмахнулся сэр Тиберий Москат. — Давай заглянем. На датчиках ничего — бояться некого. Видеозапись включена, если ты об этом.

Лилия кивнула. Да, удачно, невероятное везение. Об этом месте не упоминал никто, и следов присутствия людей здесь нет — получается, они здесь первые. Странно: во все другие особые места всегда есть путь снаружи. Иногда долгий, иногда опасный, но всегда такой путь есть. А здесь — каменный мешок. При этом, годная для дыхания атмосфера. Как такое может быть?

Коридор вывел их в другой зал. И тоже — не естественная пещера, но вырезанный в толще камня зал. Полусферической формы, радиусом пятьдесят метров. То, что он является практически идеальной полусферой, показало первое же сканирование. И — ничего. Просто каменный пол. Единственная достопримечательность — три концентрические окружности, диаметром семьдесят пять, девяносто и сто двадцать сантиметров — плюс-минус несколько миллиметров. Пол в центре внутренней окружности на два градуса теплее, чем в целом по комнате.

— Такого ещё никто не находил, — покачал головой сэр Тиберий Москат. — Точно говорю, мы станем знаменитыми. Ты как, скользить можешь? Или отдохнуть нужно?

— Нужно. — Лилия указала рукой за спину — в коридор, за которым находится возвышение. В этом практически все особые места одинаковы — везде есть возвышение. — Похоже, мне пора там немного постоять.

Сэр Тиберий Москат покачал головой. Лилия, когда выпадал такой случай, проводила минимум пять минут на таком вот возвышении. Сам сэр Тиберий Москат попробовал только раз. Хотя ощущения были необычными, всё же страху он натерпелся изрядного. А ведь малодушным его не назвать — из стольки стычек с нечистью вышел победителем, что не каждому и захочется. Лилия явно боялась всякий раз — но на лице её в такие моменты отражался только восторг. Вот уж точно, непостижимые люди, эти дроссели.

— Как скажешь. — Сэр Тиберий не без сожаления оглянулся. — Тогда я вызываю нашего главного по науке, пусть пришлёт людей. Представляю, как он обрадуется.

-

Сказать, что оружейник, Анчири, Артём и все остальные, присутствующие при докладе Лилии, были поражены — не сказать ничего.

— Мы провели медосмотр госпожи Корту и сэра Тиберия Моската, — доложил доктор Ливси. — Известных нам угроз не обнаружено. Госпоже Корту я бы рекомендовал минимум двое суток отдыха и ежедневный медосмотр. Специфические для дросселей ткани в её организме находятся в пороговом состоянии. Иными словами, всё время, после возвращения из локации, о которой доложили госпожа Корту и сэр Тиберий Москат, госпожа Корту постоянно готова скользить.

— Слушаюсь, сэр Арчибальд, — кивнула Лилия, как показалось Артёму — без особой радости. — Хочу добавить, что я готова продолжать поисковые работы.

— Не сомневаюсь, — кивнул доктор Ливси. — Но ваше здоровье может быть под угрозой. Я сообщу в штаб, как только вы сможете продолжать выполнять обязанности дросселя.

— Мы отправили в найденное вами особое место исследовательскую команду, — оружейник кивнул доктору Ливси. — Сэр Тиберий Москат, выражаю вам благодарность за помощь госпоже Корту. Это открытие может пролить свет не некоторые неразрешённые загадки.

— Ещё вопрос. — Доктор Ливси посмотрел в глаза Лилии, а затем — сэра Тиберия Моската. — Вы не сдали использованные красные шприцы. Это необходимо для диагностики.

— Прощу прощения, сэр Арчибальд. — Лилия встретила взглядом с сэром Тиберием Москатом, и тот кивнул, разведя руками. — Я не сохранила их. Больше не повторится.

Доктор Ливси кивнул и посмотрел в глаза оружейнику — у меня всё, читалось во взгляде.

— Что ж, тогда решено. Госпожа Корту, следующие двое суток вы отдыхаете, ежедневно являться на медосмотр. Рим приказываю не покидать. От имени командования выражаю вам благодарность.

— Это странно, — сказала Канси, молчавшая всё время, пока Артём рассказывал. — Странно, что она не сохранила шприцы. Это ведь рефлекс, верно? Сделал укол — вернул шприц в гнездо. Так всех учат ещё со школы. Шприц регистрирует состав крови и других тканей, для последующей диагностики. Верно?

— Верно. Могло не остаться гнезда, — пожал плечами Артём. — Тебя что-то тревожит?

— Она солгала. — Канси прогулялась к двери и обратно, убедившись, что дверь заперта. — Есть у неё такая привычка, держать пальцы вот так, — показала Канси, — когда говорит неправду.

— Что именно было неправдой?

— Не знаю. Не могу сказать точно. Она что-то недоговаривает о том, что случилось там, в том новом особом месте. Я поговорю с ней, хочешь?

— А это без членовредительства?

Канси весело рассмеялась.

— Как скажешь. Я не допрашивать её буду, я просто хочу понять, что её испугало.

Артём посмотрел в глаза Канси. Вот уж испуганной Лилия точно не выглядела.

— Она чего-то очень сильно испугалась, — взяла его за руку Канси. — И ей уже приходилось говорить неправду самым близким людям. Ты разрешаешь поговорить с ней?

— Поговори, — кивнул Артём. Вот уж чего не ждал от Канси — с чего бы ей просить разрешения?

— Вы с ней близки, — пояснила Канси. — Были и есть. Я не только про физическую близость. И я всегда спрашиваю разрешения в таких случаях.

— Понял. — Артём потёр лоб. Очень надеюсь, что действительно понял, подумал он.

Дни 98–99. Паутина во мгле [оглавление]

Утром первым делом Артёма вызвали в штаб. Лилия уже была дома; Артём зашёл к ней поздравить и провести — увидел, что Лилия довольна, как никогда. Пара осторожных вопросов — стало ясно, что Канси пока что с ней не говорила. Ладно. Пусть ведёт своё расследование сама; если что серьёзное — скажет. Да и Лилия... трудно поверить, чтобы

она замышляла что-либо недоброе против Артёма, остальных домочадцев — вообще против кого-нибудь. Наверняка ей просто стыдно, что не следовала инструкции: за этим здесь следят чётко, и дроссель, не следующий инструкциям, в конечном счёте будет отстранён.

А поскольку Лилия и так уже с безупречной репутацией, ей стоит быть аккуратнее. Впрочем, Артём почти сразу же забыл обо всём, едва явился в штаб.

-

Похоже, что не спал не только оружейник; как потом выяснилось, все специалисты по космическим технологиям прибыли в Рим, и здесь сейчас работали лучшие умы всего Айура.

— Прошу вас, сэр Ортем, — оружейник пригласил его в комнату совещаний. Там вновь присутствовал Анчири, в виде голографической проекции, Мари, Виктор и несколько других людей, ранее Артёму не знакомых — дроссели, как позже выяснилось. — Вы немного пропустили. Вкратце: мы нашли следующие звенья той же цепи. Смотрите.

В пространстве появилась сложная диаграмма — множество точек, соединённых линиями; издалека, если обойти её, диаграмма больше всего походила на паутину.

— Каждая точка — ещё один такой же объект. То, что мы условно называем ретрансляторами. Каждый объект отстоит от ближайшего соседнего примерно на трое световых суток, по земным единицам измерения. Если наши предположения верны, объекты являются частью вот такой структуры.

Картинка изменилась — на экране возникла двойная спираль, очень напоминающая схему двойной спирали ДНК, из школьных учебников. Что Артём и отметил вслух.

— Совершенно верно, — кивнул оружейник. — Айур находится вот здесь, — он указал на одну из внешних точек двойной спирали. — Заметьте: здесь есть ещё три ретранслятора, образующих тетраэдр, с той же типичной длиной ребра, около трёх световых суток. Зонды используют технологии Айура: не излучают ни в одном из диапазонов, в которых ведёт передачи нечисть, в том числе в видимом диапазоне. Их движение замаскировано под перемещение естественных объектов. Каждый зонд помещается в шар диаметром один метр.

— Вы сумели сделать их такими маленькими! — поразился Артём.

— Мы использовали уже готовые наработки. От себя добавили только средства маскировки и программу поведения, — заметил Анчири. — Если только объект не движется в сторону их кораблей, нечисть игнорирует предметы поперечником меньше метра — при условии, что они не излучают в известных ей диапазонах. Во всяком случае, мы не зафиксировали повторных сеансов «голоса пустоты» от ретрансляторов — они сохраняют общую структуру и каждые три целых восемь десятых часа обмениваются известным нам типом сигналов. Мы считаем, что так они сообщают о своём местоположении и состоянии.

— Сигнал от Айура должен был уже дойти? — поинтересовался Артём.

— В течение двадцати земных часов. Но есть одна идея. Мы хотим экранировать ближайший к нам ретранслятор — создать между ним и Айуром подпространственный туннель на время прохождения сигнала. Если получится, мы выиграем ещё трое суток времени.

— Если нет?

— Будем действовать по обстоятельствам. Смотрите: вот в этой части двойной спирали тоже есть конструкция в виде тетраэдра, одна из вершин которого выступает за пределы спирали. Догадываетесь, что находится поблизости от неё?

— Звёздная система, на расстоянии трёх световых суток. И в этой системе есть пригодные для колонизации планеты.

— В точку. Чуть дальше, чем трое суток, но это несущественно. Нечисть в этом смысле удивительно предсказуема: там действительно есть пригодные для колонизации планеты. Центральная звезда — красный карлик. Расстояние от системы Айура — семь с половиной световых лет.

— Вы успели сделать столько зондов?! — поразился Артём.

— Мы успели. Айур и Плутония, объединёнными усилиями. Сейчас мы изготавливаем двенадцать тысяч зондов в час. Пространство вокруг Плутонии теперь под наблюдением на расстоянии в шесть световых лет.

Артём присвистнул.

— И... что вы там нашли?

— Ничего, — развёл руками Анчири. — Плутон — беглая звезда, на самой окраине Млечного Пути. Он покинет, в конце концов, нашу Галактику. К нам не прилетали из космоса, нечисть к нам попала из пространственно-временных коридоров. Сейчас главная задача — безопасность Айура. События последних дней позволяют предположить, что нечисть действует на Айуре — и мы пока не знаем, как.

— Но ведь всё спокойно? Тревоги не было, прорывов не было.

— Всё спокойно, — подтвердил оружейник. — Но это не повод расслабляться. Ваше новое задание, сэр Ортем. Мы установили, что на расстоянии в шестьсот километров от поверхности Айура вы можете скользить так же, как и на поверхности планеты. Сегодня мы доставим вас на стационарную орбиту, и проведём опыты там. Далее — в зависимости от итогов эксперимента. Сейчас — просьба пройти медосмотр и подготовиться к полёту. Вопросы?

-

— Ты теперь тоже дроссель? — Лилия спросила, не отводя взгляда от окна — не поворачиваясь к вновь вошедшей. Доктор Ливси настоял, чтобы Лилия задержалась в клинике — и Лилия, пусть без особой радости, повиновалась. Странно её видеть в больничной одежде.

— Да, — согласилась Канси. Странное ощущение. Но ни аппаратура, ни кари с их сверхчутким восприятием не обнаружили ничего подозрительного — кроме того, что Лилия «постоянно на взводе». И всё же что-то здесь не так. Интуиция не подводит, но кроме намёка «что-то не так» ничего не подсказывает. — Сегодня я прошла четыреста километров. Три раза. Два из них — с колонной.

— Ты быстро учишься. — Лилия повернулась к ней лицом. — О чём ты хотела поговорить?

— О вашем с сэром Москатом отчёте. Я видела запись. Ты сказала неправду.

Лилия улыбнулась, уселась сама на стул, и жестом предложила присесть гостье.

— О чём ты, Канси?

— Тот момент, когда вас спросили, где пустые красные шприцы. Ты сказала, что не сохранила их. Что случилось на самом деле?

Лилия отвела взгляд. Почти сразу же взяла себя в руки, и вновь посмотрела в глаза Канси.

— Сэр Москат сказал, что пустые шприцы здешние умники могут засунуть себе в задницу — а он таскать с собой всякий мусор не будет.

Канси улыбнулась. Улыбнулась и Лилия.

— Это неправда, — сказала Канси, не прекращая улыбаться. — Поверь, что я очень

хорошо это чувствую. Скажи правду.

Улыбка Лилии угасла; уже через пару секунд на лице её красовалась всё та же маска Несмеяны.

— Уйди, — потребовала Лилия сухо, поднимаясь на ноги. — Я не преступница, а ты не из полиции. Доктор не возражал, сэр Катон не возражал. Почему я должна перед тобой оправдываться?

— Ты не должна, — возразила Канси, также поднимаясь на ноги. — Но я чувствую неправду, нравится это тебе или нет. Я могу доложить в штаб, если хочешь. Там очень чуткий детектор лжи. Но зачем тебе это?

Лилия прикрыла глаза, помотала головой.

— Я не помню, — сказала она сухо. — Я правда не помню. Помню, что делала укол, так положено по инструкции. Потом... как будто часть времени выпала. Сэр Тиберий сказал, что я как будто заснула на пару секунд. И всё, я не помню, куда делись шприцы. Когда я сказала ему, что нас спросят про них, он сказал... ну, я уже говорила, что он сказал. Это правда.

— Верю, — кивнула Канси. — Теперь верю. Почему ты не сказала доктору, что у тебя был провал в памяти? Боишься, что отстранят от работы?

Лилия кивнула. В уголках глаз её появились слёзы — она помотала головой и смахнула их ладонью.

— Мониторы, которые вы должны носить — ты их выключала?

— Нет, — помотала головой Лилия. — За это точно отстранят, и сразу же будет расследование. Я не выключала. Если бы там была пауза, меня бы уже вызвали в штаб.

— Всё понятно. — Канси кивнула. — Извини, не хотела тебя расстраивать. Мой совет — говори правду. Или я, или кто-нибудь ещё из моих... из людей с Плутонии всегда будет в штабе. Если будешь и дальше говорить неправду, кто-нибудь доложит руководству. Не я, так другие. Понимаешь?

Лилия кивнула.

— Спасибо, — едва слышно прошептала она.

-

Миранда за последние трое суток написала четыре картины. Сама себе поражалась — такого прилива сил, вдохновения, давно уже не было. И — дома стало куда спокойнее. С тех пор, как Лилия вновь обрела свою утраченную способность, стало спокойнее. Не передать, как это приятно!

По вечерам теперь к ним заходили Канси и обе её сестры. На Плутонии нет понятия «муж» или «жена», там есть семья. Людям не нужно обозначать, что они «приручены» друг другом: это так же очевидно для человека Плутонии, как для римлянина очевидно по одежде понять статус гражданина Рима. Жители Плутонии все немного телепаты — так намекала Канси. Поэтому там нет судебных разбирательств, в понимании Айура. Крайне трудно сказать неправду, крайне трудно пойти против всех. Как необычно должна быть устроена планета, на которой каждый житель абсолютно правдив! Представить такое — почти невозможно!

— Ты снова думаешь о нас, — заметила Акира. Она часто приходила, вместе со своим вязанием, в студию Миранды — надо признать, что Акира, пока молчит, очень помогает. Одним своим присутствием. Очень странно и необычно.

— Вы такие необычные, для нас, — кивнула Миранда, не прекращая работать. — Всё

ещё надеешься, что Ортем примет тебя в семью?

— Ему придётся. Я могу быть ужасно послушной, и очень полезной. У него не будет выбора. — Акира рассмеялась первой, следом за ней рассмеялась и Миранда.

— Нет, правда, — посмотрела ей в глаза Миранда. — Ты хитростью заставила сестру пойти к нему. Потом случилось, что случилось. А когда вы обе рядом, мне трудно работать. Вы так много думаете о нём, что мне трудно сосредоточиться. Сама ни о чём другом думать не могу.

— Да, я сама себя перехитрила, — согласилась Акира. — Сейчас я скажу чистую правду. Я не думала, что любовь вообще существует. Я ведь биохимик. Все эти чувства и прочее — просто реакция организма, не более. Все учёные это знают. Но когда встретила его... сама не понимаю, что случилось. Так и живём теперь.

Миранда покивала.

— Тогда запасайся терпением. Он может быть очень упрямым. Ты ведь останешься? Я тоже умею слушать и делать выводы. Вы прибыли сюда, чтобы изучать нас. Здешних людей. Верно? Значит, рано или поздно вы уедете — может быть, кто-нибудь ещё с Плутонии будет вместо вас. Но ты хочешь остаться, да?

Акира отложила салфетку в сторону и встретила с Мирандой взглядом.

— Всё верно, — согласилась она. — Я останусь. Сразу скажу, убить меня трудно, прогнать не получится. Придётся терпеть и привыкать.

На этот раз первой рассмеялась Миранда.

-

Артёма не отпустили домой — оставили в клинике при штабе. Изучать и наблюдать. Скольжение вдали от планеты, вдали от массивного тела вело себя по-другому. Настолько, что все пребывали в состоянии оторопи. Скорость перемещения возросла: достаточно длинной площадки не нашлось, но судя по замерам на существующей, Артём развивал скорость вплоть до одной десятой скорости света в вакууме. Вот это действительно «скольжение»! Если это не случайность, то фраза «пройтись между планетами» становится не такой и фантастичной.

— Почему этого не проверяли раньше? — спросил Артём у оружейника. Действительно, почему? Ну, пусть боязно отдаляться от Айура за границы макета Луны. Пусть есть ощущение, что в Айуре могут быть базы нечисти, или её зонды. Почему не провести эксперименты хотя бы на низкой орбите?

— Понятия не имею, сэр Ортем. — Видно, что оружейник озадачен: ему и самому это явно не приходило в голову. — Не было такой идеи. Возможно, потому, что почти всё шло на выживание. Теперь стало слегка легче, вот и появились идеи для проверки.

— Мне ещё вот что непонятно. — Артём почесал в затылке. — «Операторы» умеют скользить. Но почему тогда они не отыскивали все подземные базы людей? Зачем были эти «кроты», «титаны»? Достаточно было просто взять одного «оператора» и пройтись по планете.

— Вы умеете задавать неприятные вопросы, — вздохнул оружейник. — С момента Вторжения записей уцелело не очень много. Однако ни на одной из них не зафиксировано, чтобы нечисть скользила. Там, в «Глубоком Замке», тоже был «оператор». Однако он не скользил, даже когда его запечатали. Пока что у нас есть единственная запись, где достоверно зафиксировано, что как минимум один тип нечисти может скользить. Хотите ещё одну загадку? Смотрите.

Признаться, полоса диаграмм мало что сказала Артёму.

— Хорошо, объясню простыми словами, — кивнул оружейник. — У нас сохранилось примерно сорок секунд записи сканирования «оператора», с которым вы бились в Колизее. Он скользил очень короткими интервалами, и на записи видно, что ткани его быстро разрушались. Там также видно, как он восстанавливает ткани, прежде чем вновь уходит в скольжение.

— То есть... это что значит — они не умеют им пользоваться?! Скольжение опасно для них?

— Вряд ли опасно скользить вместе с дросселем. И вы, и многие до вас уже приводили в колонне нечисть. Но когда скользил «оператор», это быстро разрушало его.

— Ничего не понимаю, — помотал головой Артём. — Получается, это первый случай, когда нечисть скользит сама, без помощи дросселей?

— Возможно. И это тревожный признак. Всё, вам лучше отоспаться, завтра мы продолжим эксперименты. Да, и Марк просил вас зайти к нему а лабораторию. Вы нарасхват, сэр Ортем. Я даже пообещал ему, что постараюсь не слишком утомлять вас.

— Простите, сэр — «Марк»?

— Марк Катон. Наш связист, и мой племянник. Зайдёте?

— Так точно, сэр, — смутился Артём. — Обязательно.

-

Мари попросила Артёма зайти к ней в комнату. Люди Айура явно повеселели: пусть пока что нуль-полёт не годится для пилотируемых кораблей — что-то там не так со стабильностью органических молекул, формы жизни получают фатальные повреждения при переходе через портал — но это уже вопрос техники. Как намекнул Анчири, это вопрос нескольких месяцев настройки и доработки: как-никак, на Айур люди прибыли именно через порталы, а значит — есть технологии безопасного перемещения в том числе форм жизни.

— Виктор сегодня побывал в «Локации М», — пояснила она. — Всё в порядке, мне разрешено рассказать тебе. Короче: она уже не вращается вокруг чёрной дыры. Скорость у неё всё такая же высокая, но локация сошла с орбиты, летит куда-то. И там почти не осталось безопасных областей — Виктор и его команда едва ноги унесли. Хорошо ещё, следом никто не пришёл. Понимаешь, что это значит?

— Нет, — признался Артём.

— Вот и мы не понимаем. Но как говорит сэр Марцелл, нет новостей — хорошие новости. А новости есть, и всё, по времени, совпадает с нашими действиями. Мы начали ходить туда, как к себе домой, изучать, собирать образцы. Марк Флавий Цицерон сидел там тихо-тихо, ни с кем не дрался, почти ничего не собирал. Может, потому ничего и не случилось. А мы уже и ракеты по ним запустить успели, и напакостить везде, где могли. Так выходит.

— Думаешь, они сюда летят?

Мари пожала плечами.

— Они умеют летать в дальний космос. Если сэр Марцелл прав, они могут создать коридор для целой планеты. Я даже думать боюсь, если честно. Мы видели только один их ангар, и там было три сотни кораблей. А сколько их всего? Сколько они успеют ещё построить? Что будет, если вся их планета сюда прилетит?

— Мы можем уйти в Плутонию, — сказал Артём. Вслух такое говорить — почти никто

не говорил, но намекали: случись что, и Плутония будет рада стать новым домом для людей Айура. Но это значит признать, что люди так и не сумели дать отпор нечисти. Пусть даже бегство может оказаться единственным способом выжить.

Мари покивала.

— Можем. Но я останусь — чтобы ты знал. Что бы ни случилось, я не уйду к ним. У них там классно, я знаю. Мечтаю там побывать, на всё поглядеть. Пожить там, посмотреть на то, как там живут. Но мой дом здесь. Вот когда ты сказал только что, что мы можем уйти, и поняла.

Артём кивнул. Трудно было придумать, что можно сказать ей в ответ.

— Не говори ничего, — Мари прижала палец к его губам. — Ты пришёл за Мариной. Неважно, как её звали в другой жизни. Она тоже останется, я знаю. Значит, и ты останешься, если я тебя хоть немного знаю. И я ужасно рада.

-

Артём смотрел на блок питания, только что «испечённый» синтезатором. Стандартный блок питания, источник практически неограниченной энергии — поскольку синтезаторы умеют их делать из какой угодно другой материи, из любого вещества. Только сейчас Артём осознал, что технология, которую используют в реакторах, точнее всего определяется словами «холодный синтез». Блок питания, он же топливный элемент — использует ту же технологию, которую используют генераторы искусственного тяготения. Каждый блок позволяет проводить управляемую реакцию термоядерного синтеза практически при комнатной температуре — и преобразует получаемую энергию в электрическую с очень хорошим КПД, порядка восьмидесяти процентов. Есть два вида блоков питания: в одни заливают тяжёлую воду — устаревшая модель; и есть такие, что используют обычную воду. Пол-литра воды — и блок питания вырабатывает мегаватт энергии непрерывно, в течение земного года. Без перегрева и прочих неприятностей. При этом нет способов случайно, или намеренно, вызвать катастрофу — если всю эту энергию выдать одним импульсом, это будет равносильно ядерному взрыву в шестьдесят килотонн. А ведь в блок можно залить куда как больше воды — так что и бомба получилась бы произвольно мощной.

От этой мысли Артём содрогнулся. Если на знакомой ему Земле откроют нечто подобное, всего лишь вопрос времени, когда такое устройство попадёт в руки террористов. Попробуйте представить себе термоядерный взрыв, в котором сгорает, например, весь мировой океан — и оценить, много ли останется от Земли. Нет, на знакомой Артёму Земле такое изобретение означало бы конец всему.

А здесь — нет. Даже охолы, вечно недовольные всеми властями, не используют оружие массового поражения. Невероятно, но факт — могут использовать, но не используют.

Так. Проверим. Артём поменял настройки — теперь, если запросить в каталоге блок питания, синтезатор породит дефектный: как только снимаемая с него мощность превысит десять киловатт, блок взорвётся. Не ядерный взрыв, но не менее неприятный. Как вам понравится взрыв, равнозначный взрыву десятка тонн тротила? Реакторы оснащены защитой, и даже выплеск всей энергии одного блока питания не приведёт к катастрофе: реактор подавит реакцию синтеза. Блок взорвётся, но без масштабных разрушений.

Так. А теперь зададим синтезатору команду на самовоспроизводство. Двадцать секунд — и готова копия синтезатора. А теперь проверим настройки по умолчанию... Всё верно, и это тоже программная, крайне неприятная ошибка: если сейчас запросить блок питания, то... всё верно, копия выдала дефектный, взрывоопасный блок. Похоже, это не последняя

программная ошибка, подумал Артём. И тут в дверь постучали.

Марина и... Карико. Младшая сестра Канси держала в руках корзинку с кари — кошкой. Карико смущённо улыбнулась Артёму и отвела взгляд.

— Уже почти полночь, — улыбнулась Марина. — Мы мимо проходили, нам сказали, ты здесь. Не отвлекаем? Останешься?

Ого! Артём посмотрел на часы. И верно, почти семь часов уже тут. А на завтра ведь тоже намечены эксперименты.

— Сейчас пойдём, — согласился он. — Минутку, нужно кое-что доделать. Это быстро.

Это действительно быстро. Рядом с ним на стенде три синтезатора, все три надо распылить — уничтожить, они небезопасны. Почти всё, что они создают, так или иначе дефектное. Сэру Марку Катону и его коллегам нашлась работа — тут много чего нужно исправить.

-

Канси и Акира ждали неподалёку, у дуба Цезаря.

— Пошли бы все вместе, — заметила Акира. — Хотя ты и сама готова работать ночь напролёт, ты бы его не отвлекла. Что-то они долго там.

Вспышка. Яркая белая вспышка из окон того корпуса, где работает Артём. И почти сразу же — звон битого стекла, дрожь земли. Канси и Акира бросились в сторону здания, на бегу вызывая штаб.

Дверь открылась сразу — как только датчики сообщили, что среда внутри пригодная для людей.

Битое стекло мелкой крошкой устилало пол лаборатории. Оно неопасно — осколки такого стекла округлые, ими не порезаться. Но каким должен был быть взрыв, чтобы такое вызвать!

Марина и Карико лежали на полу — на расстоянии пары шагов друг от друга. Кошка, госпожа Рамори, сидела под столом, вздыбившись, и грозно шипела.

Канси бросилась к Марине, Акира — к младшей сестре.

— Жива, — Канси поднялась на ноги. — Без серьёзных повреждений.

— Жива, — кивнула Акира. — «Скорая» уже подъехала. Что ты делаешь?

— Здесь скользили, — Канси закрыла глаза и сосредоточилась — Акира увидела, как на долю секунды старшая сестра стала полупрозрачной. — Здесь только что скользили. И это была нечисть. Госпожа Рамори! Прошу вас, успокойтесь!

— Канси, Марцелл Катон на связи, — ожила рация. — Мы не принимаем маяк сэра Ортема. Из клиники сообщили, что Лилия исчезла из палаты. Её маяк тоже ничего не показывает. Пострадавших доставят в нашу клинику, она ближе остальных. Сопровождайте их.

— Слушаюсь, сэр, — Канси почувствовала, что её начала бить дрожь. И ей снова стало очень страшно, хотя она и не скользит.

— Мы найдём их, — Акира обняла её. — Обязательно найдём. Всех найдём.

День 100. Вынужденная посадка [оглавление]

— Что с ней? Что с ними? — уточнила Мари. Сама старалась казаться спокойной, хотя какое уж тут спокойствие.

— Я объясню. — Доктор Ливси потерял, вопреки привычке, неизменно жизнерадостное выражение лица. Одно это могло бы напугать человека с воображением. — Госпожа Красс, можно попросить вас?

— Да, конечно, — отозвалась Миранда — тоже нервничает, хотя и старается быть спокойной. — Она позвала меня?

— Вы сами всё поймёте, — ответил доктор, и жестом пригласил Миранду пройти. Оставшиеся — Мари, Канси и Акира — переглянулись, и изо всех сил попытались сделать вид, что не переживают. Глория утром уехала в Лондон — на концерт. Так даже лучше, подумала Мари. И без того уже все на ушах стоят. Почему молчит его маяк? Куда делась Лилия?

— Я думаю, ей можно сказать, — произнесла Акира. — Здесь не все могут общаться, не открывая рта. Так что давай вслух.

— Вы о чём? — поинтересовалась Мари.

— У Карико отсутствует высшая нервная деятельность. Специфическая часть. — Акира посмотрела на старшую сестру и добавила: — Словно её забрали. Тело есть, сознания нет.

По спине Мари пробежали мурашки.

— Как? Почему? И...

— Она жива, — перебила её Акира. — И может дожить так до глубокой старости. Остались только самые примитивные рефлексy и навыки двухлетнего ребёнка. Если ей положить пищу в рот, она будет есть. Если взять за руку и потянуть — пойдёт следом. Если что-то не понравится или почувствует боль — будет плакать и кричать.

— Перестань. — Канси взяла Мари за руку. — Ты её пугаешь.

— Это... с этим можно что-то сделать? — Мари начало трясти. Канси обняла её — сразу полегчало. — Говорите прямо. Я в полиции разного насмотрелась.

— Такое случалось крайне редко. Я даже не могу представить, что могло быть причиной, — Акира потёрла лоб. — Не знаю, Мари. Не могу ответить. Но мы будем заботиться о ней, пока не станет ясно, что делать. И...

Дверь открылась, и наружу вышла... Марина. Что-то с ней не то, подумала Мари, ещё не вполне пришедшая в себя от известий о Карико. Она встала было, чтобы обнять Марину... и заметила, что та отшатнулась, а на лице её отразился страх.

— Это Мари, — Миранда держала Марину за руку. — Она живёт вместе с нами. Не бойся её. А это Канси и Акира, они тоже друзья. Всё хорошо? Не будешь их бояться?

— Не буду, — пообещала Марина, и улыбнулась. — Извините! Я так долго спала. Ужасно долго! Вы правда наши друзья?

— Правда, — подтвердила Канси. Акира и Мари повторили то же самое.

— Тебе нужно отдохнуть, Марина, — Миранда мягко потянула её за руку. — Ты многое пропустила. Как только проснёшься, я расскажу тебе.

— Ты будешь рядом? — Марина посмотрела в лицо Миранды. — Останешься со мной?

— Я обязательно останусь, — кивнула Миранда. — Я поговорю с ними, хорошо? Поговорю, а потом вернусь к тебе. Слушайся доктора, он хороший.

Марина кивнула, и, в сопровождении доктора Ливси, вернулась за дверь.

Миранда плотно закрыла дверь, уселась на ближайший свободный стул и закрыла глаза.

— Кажется, я догадываюсь, — голос Акиры звучал сухо. Ни следа язвительности, ни насмешки, ничего.

— Это Марина, с которой мы вместе спасались на плоту, — Миранда открыла глаза. — Она считает, что ещё вчера мы с ней были на плоту. Она и меня не сразу узнала.

— «Тело есть, сознания нет», — глухо проговорила Мари. — О небеса! Помнишь, ты рассказывала, что в ту ночь она тоже перестала тебя узнавать, заговорила на другом языке?

Миранда кивнула.

— Я понимаю, о чём ты. Но от этого не легче. Если она не вспомнит... если та Марина которую мы все знаем, не вернётся — мне придётся объяснять ей, что происходило все эти годы. И подготовить к тому, что через шесть с половиной месяцев она станет мамой. Этой Марине всё ещё шесть лет.

— Что же там случилось? И куда пропал Ортем? — Мари почувствовала, что её знобит. — Почему вы все молчите?! Надо что-то делать!

— Надо. — Канси встала на ноги. — И я займусь этим сейчас же. Мари, тебе нужно домой. Не спорь. Ну или здесь останься, но обязательно ложись спать. Акира...

— Я остаюсь. Им нужна помощь, а я лучше остальных смогу помочь Карику.

— Спасибо! — Канси обняла сестру. — Мари, с кем из дросселей ты лучше всего знакома? Мне может пригодиться помощь. Неофициальная.

— Я позвоню им, — кивнула Мари. — Что ты собираешься делать?

— Искать. Если Артём не дал о себе знать — значит, его держат взаперти. В той комнате есть следы скольжения. Может, удастся понять, кто это был и куда делся. Миранда? Ты справишься?

— Да. Не беспокойтесь за меня. Я постараюсь всё ей объяснить. Ты ведь найдёшь его? Найдёшь их?

— Найду. — Канси посмотрела ей в глаза. — Как будут новости, я позвоню. А пока — не переживайте.

-

Оружейник встретил Канси более чем сухо.

— Мы действуем, — пояснил он коротко. — Если у вас есть идеи — готов выслушать. Пока что у нас пусто. Нет сигналов от Ортема, нет сигналов от Лилии, не отвечает сэр Тиберий Москат.

— А в том месте, которое они нашли последним? То, которое под Берлином?

— Там работают наши специалисты. Связь с ними есть, но никто из пропавших там не появлялся. Наши зонды и спасательные корабли прочёсывают планету, всем дросселям предписано прекратить движение — мы следим за возможными следами. Что вы предлагаете?

— Посетить все места, о которых доложили Лилия и сэр Москат. И — посмотреть на карты их маршрутов. Может, возникнут какие-нибудь идеи.

Оружейник поднял руку к уху — звоню, не отвлекайте — и кивнул.

— Хорошо. Только что звонил Виктор Маккензи — предлагает вам содействие. Он чаще остальных скользил вместе с Ортемом, ему может быть проще отыскать его. Если вы собираетесь работать с ним, то обязаны подчиняться моим приказаниям.

— Я поняла вас, сэр, — кивнула Канси.

— Замечательно. Города и все наши базы по территории планеты приведены в боевую готовность. Ваша задача — отыскать след кого угодно из пропавших людей, и вызвать группу поддержки. Если столкнётесь с нечистью — в бой не вступать, отступать до ближайшей базы. Сейчас пройдёте с моим сотрудником, вам выдадут снаряжение. Вопросы?

— Только один, сэр — где я должна встретиться с Виктором?

— Здесь, — дверь открылась, и внутрь вошёл Виктор Маккензи. — Мы уже встречались, госпожа Канси. Рад вас видеть.

— Пять минут на сборы, — кивнул оружейник. — Мониторы держать включенными, на

позывные отвечать в течение пяти секунд.

-

Вести за собой другого дросселя оказалось сложнее, чем колонну техники и обычных, скажем так, людей. Точнее, сложнее оказалось войти в согласованное скольжение. Но Канси справилась — и через двенадцать минут они уже материализовались в первом из особых мест, обнаруженных Лилией и сэром Москатом.

Чисто, тихо, никаких сигналов. Возвышение — с такими же концентрическими окружностями — под охраной. Если будет попытка войти на него, автоматика превратит возвышение и камень на расстоянии нескольких метров вокруг в пыль — человек, тем не менее, не погибнет. Умная техника, подумала Канси. Мы полагаемся на людей, здесь больше доверяют технике. Даже и не скажу, кто надёжнее.

— Здесь никого не было, — сообщил Виктор. — Да, я могу ощущать следы недавнего скольжения. Я бы сказал, трое суток здесь никого не было. Движемся дальше?

...И они направились к следующему месту. Там было интереснее: следы скольжения, но... это штатное, запланированное скольжение: сюда доставляли технику. И тоже — возвышение под охраной, и вокруг, как и в предыдущем случае, кольцом стоят мобильные танки. Те, которые «в холке» человеку до колена. Больше всего похожи на земных собак, хотя на Айуре никто из живущих не видел живой собаки.

— Танки тоже не сообщают ничего интересного, — доложил Виктор — в здешней технике он пока что разбирается куда лучше Канси. — Дальше? Или отдохнёте? Могу я повести, если устали.

— Пять минут, — кивнула Канси, выслушав по рации рекомендации доктора. Пять минут отдыха, и обязательно что-нибудь съешьте из выданного вам комплекта для дросселей. Даже если вам кажется, что не голодны, на самом деле это не так.

Виктор кивнул, установил — развернул — небольшую скамейку из походного набора и, стараясь не приближаться к возвышению ближе, чем на пару метров, обошёл вокруг него.

— На Плутонии нет таких сооружений? — поинтересовался он. Канси отрицательно помотала головой.

— Нет. Нам тоже интересно, почему. Многое другое есть, формы нечисти точно такие же, но нет дросселей, и нет таких вот сооружений.

Виктор покачал головой.

— Вы его любите, — заключил он. — Это сразу видно. Дайте угадаю: если встретимся с нечистью, вы предпочтёте нарушить приказ и вступить в бой.

— Я постараюсь сдержаться, — кивнула Канси. — Но вы правы. Терпеть её не могу.

— Постарайтесь сдержаться. Если вас отстранят, можем потерять много времени. Всё? Готовы? Осталось две локации, потом сядем думать дальше.

-

Мари заглянула в комнату Марины и тихонько увела с собой Миранду — той ровно так же нельзя переутомляться, и много волноваться. Ну и ночка! Сколько всего странного уже успело случиться! Одно радует — Виктор и Канси сейчас ищут пропавших. В Викторе Мари полностью уверена — из-под земли достанет, но найдёт. Канси она знала намного меньше, но... даже если только часть того, что краем уха слышала, правда — ей тоже можно доверять.

— Я не могу уснуть, — призналась Миранда, как только Мари отвела её в соседнюю комнату — там можно прилечь, поесть, привести себя в порядок. — В голове не

укладывается. Даже не представляю, как сумею ей всё объяснить.

— Она — другой человек, верно? Та Марина, которую мы все знали. А это — та, которая жила в её теле до той ночи? Так получается?

Миранда покивала.

— Но никто в это не верит, — добавила она. — Ортем тоже не в своём теле. И с ним, наверное, случилось то же, что и с Мариной. Так никто и не знает, почему. Все эти учёные люди просто не верят в это. А я верю.

— Ты говоришь, он очень хотел её отыскать. И отыскал. Да? Та Марина, которую ты знала до той ночи на плоту — какая она?

Миранда вытерла слёзы, и посмотрела в глаза Мари.

— Мы же совсем детьми были. Умная, честная, очень стеснительная. Обожала фантазировать. Я думаю, они подружились бы с нашей Мариной. По-настоящему подружились. Но она ничего не помнит, только... — Миранда осеклась.

— То есть что-то помнит?

Миранда кивнула.

— Очень немного. Говорит, что припоминает, как выглядит её комната здесь, в Риме — очень точно описала некоторые детали. И... у неё такая же память. Один раз посмотрит — и всё до мелочей потом вспоминает.

Мари вздохнула.

— Миранда, ты сейчас хозяйка дома. Пока Ортем не вернулся, или Марина... ну, ты понимаешь. Держись. Пожалуйста, поспи хотя бы немного. Когда Марина проснётся, я позову тебя.

-

— Нет, сэр, здесь никто не появлялся, — доложил охранник — ту локацию, которая под Берлином, всё ещё изучают, устанавливают оборудование, готовят к консервации или разрушению — какой будет приказ. Виктор кивнул, и охранник вернулся на пост.

— Мы посмотрим? — Канси указала в сторону коридора, ведущего в полусферический зал. Охранник кивнул и пропустил их. Там кипела работа. Непонятно, что можно найти интересного в пустом зале, но людей там человек десять, не считая охраны, и все чем-то заняты. И полно аппаратуры. Интересно, подумала Канси, а спят они где? Палаток не видно. Или у них есть свой дроссель? Ведь наружу отсюда не выйти.

— Ничего не понимаю, — признал Виктор, после того, как минут десять понаблюдал, вместе с Канси, как идут дела. — Здесь их тоже никто не видел. Во всех уже известных нам местах их нет — не было сигналов от датчиков. Датчики там везде, если перестают передавать или ведут себя нештатно — туда сразу же пришлют специалистов и солдат. Куда они могли деться?

— Стой, — шепнула Канси, взяв Виктора за руку. — Продолжай говорить, и смотри только мне за спину. Приготовься.

— Получается, нам лучше всего вернуться в штаб, — продолжил Виктор, едва заметно кивнув — понял, мол. — Если здесь их заметят, нам сразу же скажут.

— За мной! — шепнула Канси, схватила его за руку и секунд через пять вошла в скольжение. И немедленно ожила рация.

— Канси, говорит Рим, наблюдаем тройной сигнал. Доложите о маршруте.

— Мы преследуем дросселя, — отозвалась Канси. — Дроссель ушёл из особой локации под Берлином, охрана его не заметила, просьба выслать туда подкрепление.

— Вас поняли, держите связь, — и диспетчер дал отбой.

— Это Лилия! — удивился Виктор, когда человеческий силуэт, за которым они так стремительно ушли в скольжение, начал приближаться. — Почему я её сразу не заметил?!

— Она в камуфляже, — ответила Канси сквозь зубы. — Такой только в вашей армии добыть можно. У меня есть тепловое зрение — иначе бы и я не заметила. В сторону! Виктор, пригнись!

-

Виктор никогда ещё не выпадал из скольжения так стремительно — будь он менее осторожен, вписался бы в дерево на приличной скорости. И тут же вновь вошёл в скольжение — запомнил, каким курсом шла Канси.

Канси была на поляне, примерно в стадии от того места, на котором выбросило Виктора и странно двигалась — словно уворачиваясь от невидимого противника.

— Берегись! — крикнула Канси и сильно толкнула его в грудь. Между ними что-то пролетело — что-то жаркое, зелёного цвета — и Виктор успел заметить, что Канси словно подбрасывает что-то, лежащее на земле — что-то невидимое. В воздух взлетел странный предмет — на вид оружие, хотя Виктор не припоминал, чтобы видел такое хоть раз. Канси, оскалившись, метнулась в другой конец поляны, став по дороге полупрозрачной — и рядом с ней на траву упала Лилия. Точно, в камуфляже — похоже, только что отключился. Неудобная штука, говорят — пусть и защищает от большинства видов оружия, но тяжёлый и неудобный.

— Не прикасайся, — предупредила Канси, заметив, что Виктор склонился над непонятным предметом — вблизи оно уже не казалось оружием, скорее походит на мощный фонарь с причудливой рукояткой. Лилия попыталась вскочить на ноги, и Канси сильно толкнула её, вынудив вновь упасть. Лилия немедленно попыталась подняться — явно намереваясь броситься наутёк — Канси с размаху ударила её по щеке, и Лилия кубарем покатилась по земле.

— Канси, стой! Она нужна живой! — Виктор бросился к Канси, а та повернулась к нему лицом, приоткрыла рот... и зашипела. Так зашипела, что Виктор сам не заметил, как отпрыгнул метра на два в сторону.

Вновь и вновь Лилия пыталась подняться на ноги — но Канси всякий раз роняла её вновь, и явно била не понарошку. Наконец, Лилия сдалась — уселась, тяжело дыша, упираясь ладонями за спину. Канси так и продолжала ходить вокруг неё — зубы оскалены, глаза прищурены — один вид отбивает всякое желание связываться.

— Я вызываю подкрепление, — сказал Виктор. Канси кивнула, не отводя взгляда от Лилии. Стремительное, едва уловимое для глаз движение — и вот Лилия катится по траве, а Канси держит в руках снятую с Лилии камуфляжную куртку. Бросила её к ногам Виктора и встала перед Лилией — та с трудом уселась вновь, и подняла голову.

— Если хочешь убить, давай убивай, — сказала Лилия и усмехнулась. Кровь потекла из уголка её рта. Канси, оскалившись, медленно пошла по траве вокруг Лилии. Виктор попытался было что-то сказать — но натолкнулся на взгляд Канси, и передумал.

— Ты нужна живой, — сказала Канси неожиданно спокойно, остановившись перед Лилией. — Но это ненадолго. Мне не нужна кари, чтобы почуять — ты заражена. Закрой глаза, и попробуй коснуться кончика носа кончиком указательного пальца.

Лилия молча смотрела в глаза Канси, не шевелясь.

— Я тебя очень прошу. — Канси нехорошо улыбнулась. — Сделай то, что я сказала.

Лилия попыталась. Не получилось ни разу, ни одной рукой.

— Видишь? Тело уже плохо слушается. Ещё час или два — и твоё сознание уже не будет управлять этим телом. Появится другое. Может, ты ещё будешь что-то видеть и чувствовать — а может, просто исчезнешь.

— Откуда тебе знать? — Лилия выдерживала её взгляд.

— У нас много записей. Многие наши учёные, которых заразила нечисть, успевали оставить отчёты. Мне всё равно, если честно. Тебя посадят в клетку и будут изучать. Но можешь попросить меня, и я попробую тебя вылечить. Тогда у тебя будет шанс исправить хоть что-нибудь. Виктор, когда прибудет подкрепление?

— Минут через пять. Они уже в пути.

— У тебя две минуты, чтобы принять решение. — Канси наклонилась, и взяла Лилию за подбородок. — Красные шприцы не помогли, верно? И не пытайся убежать, от меня не уйдёшь.

— Помоги мне, — отвела взгляд Лилия. Канси дождалась, когда Лилия вновь посмотрит ей в глаза. — Пожалуйста, — добавила Лилия шёпотом.

— Открой левое плечо, — приказала Канси. — И не шевелись. Будет очень больно. Если не сможешь терпеть, кричи — это не стыдно.

...Колонна материализовалась перед ними через пять минут и сорок две секунды. Лилия лежала на боку, закрыв глаза, тяжело дыша.

— Не прикасайтесь к этому голыми руками, — предупредила Канси, указывая на «фонарь». — Лилию можно допрашивать. Если она не станет нечистой в течение часа, то уже и не станет никогда.

-

— Что это? — спросил оружейник, указывая на заключённый в изолирующий контейнер «фонарь».

— Не знаю. — Лилия равнодушно смотрела на остальных из-за прутьев решётки. — Он использовал его там, в лаборатории, на всех, кого застал. Когда кари зашипела на него, он схватил Ортема и ушёл.

— «Он» — сэр Тиберий Москат? Он тоже умеет скользить?

— Теперь да.

— Где он? Куда он перенёс Ортема?

— Я не знаю. Возможно, это где-то рядом с последним особым местом. Под Берлином. Знаю только, что он готовит корабль к запуску.

— Корабль? — оружейник и остальные переглянулись. — Какое задание он вам дал?

— Я должна была использовать это устройство на всех, кто исследовал особое место. Я не знаю, что оно в точности делает.

— Она не лжёт, — заметила Канси.

— Вы останетесь здесь, — оружейник махнул остальным — и они покинули тюремную камеру для дросселей. — Канси, следуйте за мной. Нужна ваша помощь.

— Вы позволите, сэр, поговорить с ней ещё немного? Если можно, без записи.

Марцелл Катон долго смотрел в глаза Канси, после чего кивнул.

— Под вашу ответственность, Канси. Даю вам пять минут — затем поднимайтесь в зал совещаний.

-

— Почему ты просто не попросила о помощи? — поинтересовалась Канси, глядя Лилии

в глаза. — Просто позвонить. Просто сказать два слова. Почему?

— Не знаю. Я уже не могла... не могла терпеть. Если я не становилась на возвышение хотя бы раз в сутки, в голове всё путалось, всё начинало болеть. Он тоже стоял там.

— Откуда взялся корабль? Что за корабль?

— Он появился на том месте, где круги на камне. Зародыш. Не знаю, откуда. Сэр Тиберий просто прикоснулся к нему, и зародыш начал развиваться. Он сказал, нужно около суток, чтобы корабль полностью созрел.

— Но там ничего не было! Никакого корабля!

— Он перенёс его. Куда-то недалеко. Он не мог перенести его на поверхность, там его сразу обнаружат.

— Тебе всё ещё плохо? Всё болит? Хочешь вернуться на возвышение?

Лилия покачала головой.

— Ничего не болит. Не хочу.

— Тогда пойдёшь со мной. Тебя он помнит, должен подпустить к себе. Остальное — моя забота.

— Я никуда не пойду, — возразила Лилия, отвела взгляд. — Я не смогу смотреть им в глаза. Я снова подвела их.

— Меня это не остановит. Я могу пойти вместо тебя.

— Ну да, мы же так похожи, — улыбнулась Лилия. Улыбка вышла жалкой. — Родная мать не отличит.

На её глазах Канси, меньше чем за полминуты, стала Лилией — во всяком случае, голова выглядела теперь точно так же. Ещё двадцать секунд — и Канси восстановила свой облик.

— Можешь пойти, можешь остаться. Я справлюсь и без тебя, — и Канси пошла к выходу.

— Я согласна, — услышала она едва заметный шёпот за спиной.

-

— Ваша задача — найти корабль. Им займётся наше спецподразделение. В бой без приказа не вступать, на борт не подниматься. Канси, вы понимаете меня? Лилии запрещается подниматься на борт, как и вам. Её помощь — только в поиске корабля. Вопросы?

— Нет, сэр, — ответила Канси. — Всё понятно.

Оружейник кивнул.

— Если получится, мы постараемся найти и освободить сэра Ортема. Но не это главная задача. Главная — не позволить кораблю покинуть планету. Пройдите в арсенал, получите снаряжение и ожидайте сбора команды в секции двенадцать.

— Ты собираешься нарушить приказ, — едва слышно шепнула Лилия, пока они с Канси спускались в арсенал.

— Если придётся. Для меня обе задачи главные.

-

— Рим, говорит «Копьё», в локации пусто, повторяю, исследовательской команды нет. И действительно — оборудование, некоторое ещё включено, некоторое просто брошено. А людей нет.

— Что показывают регистраторы? — послышался голос оружейника.

— Регистраторы отсутствуют, сэр.

Лилия вздрогнула и прижала ладони к вискам.

— Что случилось? — Канси взяла её за локоть. — Ты что-то слышишь?

— Да. Он приказывает мне встать на возвышение, чтобы открыть проход на борт корабля.

— Рим группе «Копьё»... — и всё, связь как отрезало. Пустота в эфире — шорох помех, атмосферные разряды, и всё.

— Рим, говорит «Копьё», приём, связь прервалась, — командир группы жестом приказал всем молчать. — Рим, как слышите нас?

Тишина.

— Он повторно приказывает, — сказала Лилия. — Если после третьего раза я не выполню команду...

— То что? — Канси продолжала держать её за локоть.

— Не знаю. Что угодно.

-

— Сэр, датчики нечисти активны, — доложил оружейнику один из его ассистентов.

— Где именно будет прорыв?

Ассистент не сразу ответил.

— Везде, сэр. Во всех городах, в окрестности всех баз. Все мониторы активны.

— Сэр, — доложил другой ассистент, — база Плутонии докладывает — портал в Плутонию отключен, датчики нечисти активны.

— Общая тревога, — оружейник прижал ладонь к уху. — Объединённый штаб, вызывает Марцелл Катон, Рим, это срочно. Угроза тотального прорыва.

-

Артём проснулся — пришёл в себя, как после того, первого дня. Существенное различие: он не лежит на траве в лесу, а стоит в достаточно тесном помещении — практически в шкафу, два на два шага. Передняя стенка прозрачная — и напротив, отчётливо видно, такие же «шкафы», и там стоят люди. На большинстве — форма римских военнослужащих. Что бы это значило?

Кто-то прошёл по коридору. Артём не сразу осознал, что это «зомби». Ничего себе! Что это за место?

На самом Артёме, вместо привычной одежды, такая же, как на тех, напротив — стандартная армейская. В карманах пусто. О, рация на месте, как мило! Артём мысленно «набрал номер» диспетчера Рима... и ничего. Нет связи.

Получится ли «выскользнуть» за пределы этой ячейки? Для того, чтобы войти в скольжение, нужно уметь сделать хотя бы один шаг, хотя бы небольшой. Даже с этим сложно — но всё-таки удалось.

Артём остановился в коридоре. Коридор со «шкафами» с людьми тянется в обе стороны. Из-за угла вышел «зомби» и направился в сторону Артёма. Тот уже начал оценивать, куда нужно скользнуть, чтобы увернуться... но «зомби» не удостоил человека вниманием. В руках он нёс... блок питания! Вот так номер!

Артём подкрался к повороту коридора, по пути не забыв проверить, можно ли как-нибудь открыть прозрачные «двери» ячеек. Нет, не поддаются.

Почти сразу же за углом оказалась ниша, а в ней стоял синтезатор. Сейчас только Артём заметил, что пол помещения слегка прогибается, а стены на вид сделаны из медленно текущей жидкости — при этом прочные и тёплые на ощупь.

Ещё один «зомби» вышел из-за следующего пересечения проходов, подошёл к синтезатору... короткая пауза — ещё один блок питания. «Зомби» взял его и направился в ту же сторону, что и предыдущий. Артём взмок. Нелепо это всё, и немного страшно. Откуда у нечисти синтезатор??

Ему померещился шум — не то крики, не то стрельба, не то всё разом. Артём оглянулся — никого вокруг. Он подошёл к синтезатору и заказал комплект красных шприцев — этот код давно уже заучил, и — ракетницу с обоймой сигнальных ракет. Остальное не вспоминалось, хоть ты лопни! Ладно, хотя бы это. Вопрос: а как его вывести из строя, необратимо разрушить? Неизвестно. И сломать нечем. Бить его руками и ногами бесполезно.

Отошёл от синтезатора. Вовремя: ещё один «зомби», новый блок питания. Что происходит? Как это понимать?

Шум. На этот раз точно — крики и стрельба. Артём вооружился ракетницей и пошёл в направлении шума. А потом побежал. Проходящие мимо «зомби» не обращали внимания.

-

— Он приказывает в третий раз. — Лилия посмотрела в глаза командиру группы. — Если я не выполню, мы можем не узнать, где корабль. Пока он не улетит.

Командир кивнул и указал в сторону возвышения. Лилия взошла на него... и перед ней в воздухе возник тёмный овал. По ту его сторону виднелось слабо освещённое помещение.

— За мной! — скомандовал командир группы и вбежал внутрь, вместе со своими бойцами.

— Проход закроется через несколько секунд, — пояснила Лилия. Канси схватила её за руку и они обе вбежали внутрь.

Реакция спасла Канси — успела заметить, как мимо лица скользнуло что-то заострённое. Отпрыгнула в сторону и увернулась ещё от одного удара. Сэр Тиберий Москат. Правда, теперь кисти обеих его рук заканчивались длинными, кинжаловидными когтями. Канси отметила ещё, что вошедшие перед ними бойцы спецподразделения лежат вповалку неподалёку, и как минимум один ещё жив.

Лилия замерла рядом с лежащими телами, а нечисть, ранее бывшая сэром Тиберием Москатом, бросилась к ней.

Не успею, поняла Канси. Не успею спасти. Но случилось странное — противник неожиданно замедлился, проходя мимо Лилии, и долю секунды смотрел ей в глаза. В предположении, что он всё ещё пользуется человеческими глазами. Лилия медленно повернулась и... во мгновение ока скользнула к дальней стене помещения. Там оказалось возвышение, а перед ним — нечто, похожее на стул, выросший прямо из пола. И панель перед ним — хотя на вид ровная, гладкая, ни сенсоров, ни экранов, ничего.

Лилия уселась на сидение и положила ладони на панель. Свет в помещении вспыхнул ярче. Противник повернулся лицом к Канси... и, неожиданно, ярко светящаяся красная ракета ударила его в грудь. И ещё одна, и ещё. С каждым попаданием противника отбрасывало на шаг назад. Канси успела увидеть, как противник становится полупрозрачным...

Он умеет скользить!

Она успела увидеть, как Артём, тоже полупрозрачный, проходит насквозь противника — тот развернулся, становясь непрозрачным, и ударил обеими руками. К счастью, удар не достиг цели: Артём «уплотнился» уже после удара, на безопасном расстоянии.

Пол под ногами вздрогнул.

— Артём! Нужно убрать её от пульта! — успела крикнуть Канси, прежде чем противник бросился на неё — и у неё получилось выйти в скольжение, стать на какое-то время проницаемой. Краем глаза она заметила, как по коридору сюда, на мостик (название пришло в голову сразу и показалось очевидным) бегут «зомби».

-

— Мы держим оборону, — доложил один из ассистентов. — Есть сигнал, источник в районе подземной локации у Берлина. Передают на волне сто одиннадцать и пять, этой частотой пользовался «оператор». Связи с командой «Копьё» нет.

— Дать координаты для «Последнего довода», — приказал оружейник. — Штаб подтверждает. Огонь по готовности. Продолжайте вызывать группу «Копьё», если будет связь — отзывайте.

-

Канси не видела, что делает Артём, но вбегавшие на мостик «зомби» нападали на противника. Тот успел отрастить вторую пару рук, и от оператора отличался только человеческим лицом — лицом сэра Тиберия Моската. На нём застыло спокойное, равнодушное выражение.

Канси метнулась — «скользнула» — к Лилии, так и сидевшей у пульта, но... рука прошла насквозь. Как такое возможно? Канси убедилась, что не скользит — Лилия на вид вполне материальная, не в скольжении — но схватить её невозможно.

Пол вибрировал всё сильнее, откуда-то издали послышался нарастающий, ровный гул.

Канси не зря старалась держать «оператора» в поле зрения: ему потребовалось секунд десять, чтобы покончить с «зомби». Неясно, что «оператор» с ними делал — нечисть просто падала на пол, и более не поднималась.

Канси успела поймать несколько красных шприцев — Артём бросил — и ушла в скольжение прежде, чем две когтистые лапы рассекли воздух там, где она только что стояла. Артём просто исчез, так казалось — он тоже в скольжении, но в другой фазе. Жаль, его не видно. Сейчас, сейчас... Канси зашла противнику за спину и, «уплотнившись», с силой ударила его кулаками в спину.

«Оператор» не долетел до стены: ушёл по дороге в скольжение, развернулся и бросился на Канси. Та успела заметить, что Артём, в каждой руке по шприцу, следует за противником.

Он быстрее меня, успела подумать Канси, поймав противника за руку и с силой выкрутив её. Удалось уронить «оператора» на пол, и Артём, следовавший вплотную, успел использовать оба шприца. «Оператор» с лёгкостью сбросил Канси на пол и отмахнулся от Артёма. Канси успела сделать противнику ещё один «укол», и в глазах потемнело, а лёгкие затопило жидким огнём.

Ударь он точнее — и мог попросту перерезать её пополам. Хороший был защитный костюм. Жаль, что не рассчитан на подобного противника.

-

Артём ударился головой о пол — к счастью, не потерял сознания. Успел схватить «оператора» за ногу, и в голове, словно кнопку нажали, заиграла давешняя песня — «Ты дерево, твоё место — в саду...»

«Оператор» отбросил Артёма пинком, и попытался вскочить на ноги. Замедлился в процессе движения — его словно что-то сковывало, сильнее и сильнее.

— Старт через тридцать семь секунд, — сказала вдруг Лилия, спокойно и ровно. — Я не могу его отменить.

Канси помогла Артёму подняться на ноги. «Оператор» замер, не закончив движения — и, на вид, был теперь деревянным.

— Сбрасываю груз, — добавила Лилия, не шевелясь. — Покиньте корабль.

— Вставай! — крикнул Артём, попытался взять её за руку — и его рука так же прошла насквозь. — Уходи отсюда!

— Не могу. — Лилия говорила бесстрастно. — Приготовьтесь к переносу.

Перед глазами Канси и Артёма вспыхнул яркий свет... и они обнаружили себя сидящими на полу в том полусферическом зале. Только теперь там лежали, там и сям, люди: бойцы спецподразделения — может, кто-то и выжил — и люди, которых Артём видел в «стенных шкафах» на корабле. А может, и ещё кто-нибудь.

-

— Есть сигнал, — доложил ассистент. — Маяк Ортема включен, координаты совпадают с координатами наведения ракет.

— Ортем, покиньте зону поражения, — приказал оружейник. — У вас семнадцать секунд до удара ракет.

Канси и Артём с трудом поднимались на ноги — руки и ноги слушались с трудом. Не успеем, подумал Артём, взял Канси за руку — и понял, что она подумала о том же. Войти в скольжение не удавалось, невозможно сосредоточиться, перед глазами всё плывёт.

Вспышка.

-

— Детонация на высоте тридцати метров над поверхностью, — доложил ассистент. — Есть сигнал камер слежения ракет.

— Не успели, — спокойно сказал оружейник. Ракеты попали в нечто дискообразное, метров сто в поперечнике — откуда оно успело появиться? — Что докладывают спутники?

— Наземные разрушения минимальные, сэр. Есть сигналы маяков команды «Копьё». Они в той же локации. Повторить атаку ракетами?

— Отставить. Что стало с целью?

— Исчезла, сэр. Она просто исчезла.

— Сэр, обратите внимание на третий монитор, — сказал другой ассистент. — Я получаю донесения из всех городов. Там происходит то же самое.

На мониторе была картинка — множество самых разных форм нечисти: «титаны», «пауки», «демоны» и прочие — замершие в движении. И цвет какой-то странный, смесь бледно-розового и жёлтого.

— Они замерли и сменили окраску, сэр. Это происходит по всей планете. Предварительный анализ материала будет через минуту.

— Я и так знаю, — оружейник устало опустил в кресло. — Это дерево.

-

— Почему мы снова здесь? — Канси помогла Артёму подняться. — Лилия, куда мы летим?

— К точке встречи. — Лилия не поворачивала головы. — Корабль вернул вас на борт. В экипаже должно быть минимум три оператора.

— Что за точка встречи? — поинтересовалась Канси. — С кем встреча?

— Не знаю.

Артём выглянул в ближайшие проходы. Странно — синтезатора нет. Куда дели? И...

Тут он припомнил, как выглядел синтезатор. Точно! Это один из тех дефектных, что он

не успел распылить. Тогда получается, что блоки питания, которые несли «зомби»...

— Лилия, сколько блоков питания успели реплицировать?

— Сто восемь блоков номинальной мощности два мегаватта, — ответила Лилия. — Это вспомогательные источники энергии. Корабль вычисляет новый курс. Как только прибудет эскорт, мы стартуем.

— У корабля есть функция самоуничтожения? — поинтересовалась Канси.

— Есть утилизация. Но у меня нет полномочий на такую команду.

— А перенести корабль, не знаю, в центр звезды или в чёрную дыру возможно?

— Нет, автоматика не позволит проложить такой курс.

Канси и Артём переглянулись.

— Я не смогу этого сделать, — Канси прикрыла глаза. — Даже если получится уничтожить нас с тобой, останется она. Она помнит, где Айур, знает все важные новости.

— Эскорт прибыл, — сообщила Лилия. — Канси, корабль успел сделать наши реплики. Мне очень жаль. Старт через тридцать семь секунд.

— Выход всегда есть, — возразила Канси. — Мы что-нибудь придумаем.

— Лилия, какую мощность потребляют двигатели? — рискнул спросить Артём. Вроде бы не рассказывал никому из присутствующих о дефектных репликаторах. Заподозрит что-нибудь или нет?

— Зависит от дальности прыжка. Сейчас корабль задействует восемьдесят девять целых и две десятых процента всей доступной мощности.

Артём постарался, чтобы на лице его ничего не отразилось.

— Что такое? — Канси немедленно сжала его ладонь. — В чём дело?

— Мы можем попробовать выскользнуть наружу. Пусть даже у них есть реплики.

— Не получится, — возразила Лилия. — Оператор не может покинуть корабль, уничтожить себя или другого оператора. Корабль вас не выпустит.

— Закрой глаза, — шепнул Артём, чувствуя, как взмокли ладони. — Всё равно надо попробовать.

-

— Сэр, есть запись с зондов. Корабль находился в ста километрах от ближайшего ретранслятора.

Оружейник, а вместе с ним всё руководство объединённого штаба, смотрели на передачу. Корабль — тоже эллипсоид вращения — в окружении множества других кораблей, меньшего размера, ярко светился. Затем свечение угасло на долю секунды, и... мощная белая вспышка (зонд пригасил яркость, но присутствующие всё равно зажмурились на долю секунды). И — всё. Только расширяющееся облако плазмы.

— Мы оценили тип и примерную мощность взрыва, сэр. Неуправляемая реакция синтеза, термоядерный взрыв, примерно одиннадцать мегатонн. Два ближайших к центру взрыва зонда выведены из строя.

— Что же там случилось? — удивился оружейник. — Все корабли уничтожены?

— Так точно. Зонды провели анализ области взрыва, собраны образцы вещества. Есть одна странность, сэр... — Ассистент вывел на экран несколько диаграмм. — Примерно за сто пятьдесят миллисекунд до пика мощности термоядерного взрыва зафиксирован энергетический выброс, в районе центрального корабля. Гравитационные волны, сэр.

— Что там случилось? Испортился генератор искусственной гравитации?

— Выброс эквивалентен примерно ста килотоннам, сэр. Предполагаю, слишком много

для поломки генератора на корабле такого размера.

— Наши потери? — Лорд Стоун оставался бесстрастным.

— Восемнадцать из двадцати четырёх бойцов команды «Копьё» погибли. Все специалисты исследовательской группы живы, но ничего не помнят с момента объявления общей тревоги прорыва. Лилия Карту, Ортем Злотникофф, Канси Тассо и Тиберий Москат пропали без вести. Мы исследовали все фрагменты тел. Их ДНК нигде не обнаружена. Оперативная запись с уцелевших мониторов команды «Копьё» в процессе изучения, предварительные результаты будут в течение трёх часов.

— Ситуация с прорывом нечисти?

— Минимальный уровень тревоги, сэр. Все обнаруженные пока что формы нечисти превратились в материал, аналогичный найденному в «Глубоком Замке». С нашей стороны потерь нет. Терминаторы всё ещё ведут поиски, танки на боевом дежурстве, пока не окончится сканирование.

— Дополнение, — поднял руку ещё один ассистент. — В локации под Берлином найдены ещё шесть человек, без средств связи и пропусков, без одежды. Все без сознания, перемещены в центр исследований базы Корино. Четверо мужчин, две женщины. Признаков заражения нечистью нет.

— База Плутонии сообщает, что стационарный портал на Плутонию неактивен, попытки ввести его в строй оказались неудачными. До восстановления связи сотрудники базы будут выполнять наши распоряжения.

В зале совещаний воцарилось молчание.

— Вызовите Миранду Красс, — сказал лорд Стоун, наконец. — Я должен сказать ей.

-

Марина открыла глаза, и уселась в постели. Миранда, дремавшая рядом на стуле, тут же проснулась и взяла Марину за руку.

— Марина? Всё хорошо? Я здесь, не беспокойся.

— Я видела их, — сказала Марина, опуская ноги на пол. — Ортема, Канси, и какое-то жуткое чудовище с лицом сэра Тиберия Моската. И, похоже, Лилию тоже видела. В каком-то очень странном месте. Где мы, Миранда? Почему здесь мои детские игрушки?

Миранда прижала ладонь ко рту. Изменилось то, как Марина смотрит, держится и говорит — уже не было испуганного, ничего не понимающего ребёнка. Это та, прежняя Марина.

— Это ты, Марина?! — Миранда посмотрела ей в глаза. — Прости, я потом всё объясню. Мне нужно убедиться, что это в самом деле ты. Можно, я задам несколько вопросов?

Марина широко раскрыла глаза, но почти сразу же взяла себя в руки, и кивнула. И тут Миранду вызвали по рации.

— Да, лорд Стоун, — ответила Миранда, не отпуская ладонь Марины. Некоторое время молчала. — Я почувствовала что-то такое. У нас тоже есть новости для вас. И нам с Мариной лучше всё рассказать самим, не по рации. И ещё. Пожалуйста, проверьте, как чувствует себя Карико Тассо.

День 108/День 1. Тридесатое царство [оглавление]

Мари осталась в зале совещаний, когда руководители штабов разошлись. Остались только оружейник, доктор Ливси и сама Мари.

— У вас вопросы, Мари? — оружейник очень доволен. Ещё бы ему не быть довольным

— сверхчуткие датчики Плутонии и методики поиска нечисти, улучшенные специалистами обеих планет, не нашли на Айуре ни единого «гнезда». Там, где они были — теперь только древесная масса. Загадочные летучие обитатели атмосферы также исчезли — ни один тест не может найти их, и их ничто более не порождает. Пока что, во всяком случае. Все найденные особые места, где люди — дети — становились дросселями, либо разрушены, либо под очень, очень надёжной охраной. Разумеется, никто и не думает считать Айур безопасной и беспечной планетой, но станет существенно проще жить. Вопрос только в том, не прилетят ли новые корабли нечисти. К этой угрозе относятся очень серьёзно — строится флот, разрабатываются планы операций, военным всегда найдётся дело.

Но пока что волноваться нечего. Правда, не получается вернуть портал в Плутонию, не открывает своих дверей и «локация М». Однако пространство на десять парсек вокруг Айура теперь «под присмотром», включая ту, недавно обнаруженную систему красного карлика, на обитаемых планетах которого не обнаружено никакой жизни.

— Разрешите, сэр? — в зал постучалась Акира. У неё важные новости, подумала Мари — чего бы она, иначе, так улыбалась? — Простите, не успела к заседанию штаба, готовила сводку. Смотрите сами.

— За последние шесть суток... — пробормотал оружейник, читая части сводки вслух. — Ага, вижу. Примерно поровну мальчиков и девочек, перекоса пока не наблюдается. Отличные новости, госпожа Акира. Есть гипотезы, отчего пока не видим перекоса?

— Одна точно есть, сэр. Я склонна считать, это те самые объекты, которые фокусировали излучение, следили за перемещением дросселей. Не стало их, не наблюдается перекоса. Но это пока только гипотеза.

— Значит, новых дросселей не будет, — заключила Мари. — Те особые места — это были машины для превращения людей в нечисть, верно? В командные формы. Но почему-то работали не всегда так, как ожидалось.

Остальные кивнули.

— Дроссели будут, — возразила Акира. — Моя старшая сестра сумела перенять это состояние, она оставила подробное описание методики. Мы уже смогли обучить талантам дросселя трёх добровольцев из Плутонии, а они, той же методикой, трёх добровольцев Айура. Дроссели будут, Мари. Вот сказочных мест, таинственных пещер — этого пока что не будет. Но мы что-нибудь придумаем. Нельзя так просто разрушать такие красивые легенды.

Мари тоже посмеялась, вслед за остальными.

— Тебя всё-таки что-то тревожит. — Акира взяла её за руку — из зала они уходили последними. — Что именно? Марина?

— И Марина тоже. Меня многое беспокоит. Говорят, на записи видно, что Лилия стала пилотом их корабля, и что Ортем и Канси сумели победить сэра... сумели победить «оператора». Но никто не знает, почему взорвался корабль. Мне почему-то кажется, они все живы. Пусть не совсем уже люди, но живы.

— Когда разрушился портал в Плутонию, — Акира повернула Мари так, чтобы та смотрела в её глаза, — мы наблюдали гравитационные волны. Не буду утомлять подробностями. Здешние специалисты считают, что есть много общего между этими волнами, и теми, которые удалось уловить прямо перед взрывом корабля.

— Там тоже закрылся портал? Это должно меня утешить?

— Или открылся. Это может утешить?

— Это может, — согласилась Мари. — Но ты хотела что-то ещё спросить?

— Да. Хотела и хочу. Сделай меня дросселем. Я ничем не хуже сестры.

— Доктор запрещает мне скользить. Попроси кого-нибудь ещё.

— Я подожду. Подожду, когда не будет запрещать. Научишь?

Мари расхохоталась, хлопнула Акиру по плечу.

— По рукам. А ты научишь меня быть такой же сильной. Физически. И мне плевать, если ты не знаешь, как.

— Я знаю, как, — заверила Акира. — Идём, дома ждут только нас. Все остальные уже собрались.

-

Марина сидела за столом, заполняла отчёт. Пока некому показывать его, но привычки остались. Вся работа по дому фиксируется, всё под присмотром — или как минимум указано, к кому обращаться, если что-то пойдёт не так.

— Марина? — окликнула её Миранда, затворив за собой дверь. — Всё, теперь вижу.

...Когда Марина, вернувшаяся после взрыва корабля пришельцев, заснула ближайшим вечером — то утром вновь проснулась Марина-ребёнок. Поначалу это многих испугало. Но потом стало понятно, что, как только Марина засыпает, просыпается всегда другая. «Младшая» или «Старшая». Они даже стали переписываться, оставлять друг другу записки в дневнике. Каждую из них исследовали врачи, не нашли признаков повреждения мозга или иных изменений в организме — но не смогли и объяснить, отчего всё так происходит. Две личности в одном теле — и переключаются друг между другом. И каждая, едва наступит её черёд проснуться, прекрасно помнит то, что делала «в свою смену» другая. Что делала и что говорила.

— Оставила ей записки, — улыбнулась Марина-старшая. — Она больше не обижается на меня, не считает, что я захватила её тело. Знаешь, это очень приятно. Странно всё вышло, и не знаю уже, чем кончится.

— Я вас обеих люблю, — обняла её Миранда. — И другие тоже. Придётся так пожить. Может, сумеем что-нибудь придумать. Так, чтобы никого не обидеть. Так ты покажешь картины? Те, которые вы вместе с ней написали? Мы все уже собрались. А потом прогуляемся, хорошо? Ночь сегодня тёплая.

— ...Смотри, вон там Земля, — указала Миранда на небо несколько часов спустя, когда их компания шла по ночному Риму. — Я вот что подумала. Семьдесят тысяч световых лет. А может, и больше. Сейчас к нам приходит свет оттуда, когда люди ещё были в каменном веке. Если в то время вообще были люди в нашем понимании. Всё ещё можно перехватить все события, которые были до момента, когда люди отправили экспедицию сюда. Сколько ни думаю, всё не могу привыкнуть. К тому, что смотрю на ужасно давнее прошлое.

— Я тоже думала об этом, — кивнула Марина. — Что можно ещё разок заглянуть в любой момент истории. И я знаю несколько таких моментов, в которые хотела бы заглянуть.

— Ты веришь, что они все живы, да? — Миранда взяла её за руку. — И что вернуться. Вернутся, пока мы сами ещё живы.

Марина кивнула.

— Я ещё кое-что видела. Не знаю — сон это, или нет. Я расскажу тебе, но пока что, пожалуйста, не говори больше никому. Иначе меня точно сочтут сумасшедшей. Сначала это было место, которое очень походило на тот чужой корабль...

-

Зрение вернулось первым, слух — последним. Они — Артём, Канси и Лилия — стояли

в другом помещении. Цилиндрическое на вид, и половина стены, полукруг — словно окно в космос. Звёзды, туманности, и что-то ещё. Незнакомый вид.

И это — единственный источник освещения. Что-то ещё в комнате; не ощущается никого живого; воздух сухой, затхлый, но пригодный для дыхания. И практически никакого снаряжения. Ну разве что у Канси что-то уцелело.

Лилия медленно повернулась к ним лицом. Посмотрела пустым взглядом на Канси, на Артёма, оскалилась...

— Держи её! — крикнула Канси, и ловким движением сбила с ног Лилию — та прыгнула на Артёма, заноса руки над головой. Артём не без труда удерживал её, пока Канси не сумела укунить Лилию за плечо. Теперь нас все услышат, подумал Артём мрачно — Лилия и кричала, и выла, и голос, поначалу, не очень-то походил на человеческий.

— Будь осторожен, — предупредила Канси. — Не отходи далеко. Здесь нет никого живого, но что за дверями, я не знаю. Не чувствую.

Лилия довольно долго лежала на боку, вздрагивая и стискивая зубы. Затем расслабилась и замерла. Канси и Артём терпеливо ждали. Ещё минут через пять Лилия пошевелилась, и уселась, хотя и не без труда. Посмотрела на свои руки, вздрогнула, прикоснулась ладонями к лицу.

— Я чудовище, — произнесла она отчётливо, и... расплакалась. Канси бросилась к ней, уселась рядом на пол и обняла. Лилия не сразу успокоилась. Потом Канси встала сама, и помогла подняться и Лилии. Достала из кармана фонарик.

— Что с... — Артём увидел ладони Лилии, и слова застряли в горле. Пальцы стали заметно длиннее, тоньше, и заканчивались теперь толстыми, чёрными когтями.

— Снимай одежду, — приказала Канси. — Снимай, я осмотрю тебя. Нужно понять, насколько сильно ты изменилась. Некогда стесняться.

У Канси нашёлся и персональный диагност — может не так уж много, но кое-что умеет.

— Внутренние органы все на месте, серьёзных изменений нет. Если здесь есть люди, надо провести полное обследование. Прости за интимный вопрос, тебе не хочется ли в туалет?

— Хочется, — смутилась Лилия. — Пока ещё могу терпеть.

— Тогда точно всё в порядке, — заверила Канси. — Так... давайте-ка осмотримся. С оружием у нас всё плохо — сколько у нас красных шприцев?

— Семь, — пересчитал Артём. — Видимо, несколько я выронил.

— И у меня один. У тебя, Лилия?

— Ничего. На мне был защитный костюм, армейский. Не знаю, куда делся.

— Осмотримся, — Канси включила фонарь ярче, обвела лучом комнату. — В креслах кто-то есть, — заметила она. — Осторожно!

Семь стульев — или как ещё назвать те выросты грушевидной формы. Поверхность наподобие той панели управления, в которую Лилия опустила ладони. Панель управления? И в каждом таком выросте перед панелью...

«Операторы». Или как их ещё назвать. Безликие головы, каплевидной формы. Четыре руки, и ноги.

— Мертвы, и довольно давно, — Канси приблизила диагност. Нет клеток-контроллеров. Нет вообще клеточной активности. И они словно окаменели.

Лилия подошла к одному из кресел... и, с неожиданной злостью, пнула его. Сидящие внутри кресла останки осыпались тонкой пылью.

— Назад! Не надо вдыхать, — предупредила Канси. — Я всё понимаю, Лилия, но...

— Ты ничего не понимаешь, — возразила та. — Я сидела за пультом, не ты. У меня странное ощущение. Если я прикоснусь к панели... Может быть, что-нибудь пойму. Не смотри на меня так. Я не по своей воле с вами говорила там, за пультом. Мне вообще кажется, что не я всё это делала.

— Лучше пока не прикасаться, — ответила Канси. — Так. У меня с собой есть «сухая вода», немного обычной, походные рационы. На одного человека на неделю. На нас, получается, на три-четыре дня, если экономно использовать.

— А это что? — указал Артём на восемь площадок, по обе стороны от дверей — или как назвать эту пару сомкнутых створок за их спиной.

— Больше всего похоже на порталы, — заметила Лилия. — Те, из локации «М». Я бы не стала вставать на них без...

— Двери открываются! — указала Канси. — Слышите?! Артём, встань слева от Лилии. Приготовься скользить!

— Мы даже не знаем... — Артём не успел договорить.

Дверь открылась, и внутрь вбежал человек. Дверь почти сразу же захлопнулась, из-за неё послышался скрежет. Или так показалось.

— Что за... — начала было Лилия, и тут их всех... окатили водой.

Точнее, словно из лейки облили. И действительно — за спиной у человека, или кто это был, оказалось нечто вроде ранца, а в руке — длинный шест с распылителем на конце. И шланг от него к ранцу. Точно, распылитель.

Канси молниеносно выхватила шест из рук человека, и быстрым движением сбила с ног.

— Похоже, просто вода, — Канси провела диагностом по своей одежде. — Что за шутки? Что вы делаете?

И перестала прижимать человека к полу. Человек медленно уселся, снял капюшон. Действительно, человек. Женщина. Лет двадцати пяти. Ошеломлённо глядящая на них троих.

— Вы кто?! — спросила она, и остальные переглянулись. — Откуда вы здесь?

— Говорит на латыни, — заметила Лилия. — Очень интересно.

— Лилия, отвернись и надень перчатки, — распорядилась Канси. Лилия хотела было что-то возразить... но осеклась, и кивнула. Артём передал ей от Канси пару перчаток. Если только её пальцы туда влезут, подумал он. Влезли. И даже не слишком заметно, что они слишком длинные.

— Вы меня понимаете? — спросил Артём по-латынски. Женщина кивнула. — Что это за место?

— Преисподняя, — мрачно ответила женщина. Точно, идеальная латынь — прямо как по учебникам Айура говорит. — Они сейчас войдут. Верните мне живую воду.

— Это, что ли, «живая вода»? — удивилась Канси, возвращая женщине её имущество. — И против кого она?

— Некогда объяснять. Хотите жить — идите за мной, — указала вновь прибывшая, и подошла к третьему справа portalу, если считать против часовой стрелки. — Дверь скоро откроется, и они смогут войти. У меня не так много живой воды. Идёте?

Принять решение оказалось непросто. Но стоило вновь послышаться скрежету и скрипу из-за дверей, и сомнения пропали.

Короткое ощущение дезориентации — и вот все четверо стоят на дороге, и такой же

портал за спиной, и брусчатая дорога под ногами — и вперёд, и назад, сколько хватает взгляда. И огромная, полная Луна в зените.

— Бегите за мной, — указала женщина направление. — Не останавливайтесь!

И они побежали — по каменной дороге, под мертвенным светом Луны — вперёд, туда, где сквозь ночную дымку постепенно проступал и приближался силуэт огромного строения. Замок или дворец, подумал Артём. Позади слышалось постепенно приближающееся шипение и топот множества ног — но оглядываться решительно не хотелось.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net